

Миссионерское обозрение
1899 год. Июль–Декабрь. № 2

[Июль-Август]

«Якоже посла Мя Отец, и Аз посылаю вы». Ин.20:21.

«Идите паче ко овцам погибшим дому Израилева».
Мф.10:6.

«Скорбь ми есть велия по братия моей». Рим.9:1–3.

Колпиков Н., протоиер. Священник-миссионер, как священнодействователь и совершитель треб. // Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 1–15

Разнообразны, сложны и трудны задачи современной внутренней миссии. Враг человеческого рода и спасения сеет пагубные плевелы в умы и сердца образованных, полуобразованных и совсем невежественных людей; секты плодятся и плодятся. Со всеми этими врагами Церкви необходима борьба и пастыри должны явиться не только усердными помощниками и сотрудниками миссионеров, но и стать во главе этого св. дела.

Пастыри церкви должны быть бдительны и на страже; должны «принять всеоружие Божие, препоясать чресла истиной и облечься в броню праведности, взять щит веры и меч духовный, который есть Слово Божие, дабы могли противостать» (Еф.6:13–17). Да, в наше время шатания умов, стремления во всяческой, в том числе и религиозной, свободе, пастыри должны быть во всеоружии, стараться всеми мерами, всеми средствами, имеющимися в их распоряжении, укреплять и возвращать православие и, в то же время, возвращать сектантов в лоно Святой Православной Церкви.

К чести многих современных пастырей должно сказать, что они сознают важность переживаемого момента и усиленно заботятся о религиозном и нравственном просвещении пасомых: проповедуют, устраивают собеседования, чтения, открывают воскресные школы, библиотеки, чайные, учреждают общества трезвости и т. д. Многие священники выписывают книги противо-сектантского содержания, читают, изучают и сеют Слово Божие, предохраняют верных и вразумляют заблудших.

Но есть и такие пастыри, которые чувствуют себя якобы неподготовленными или неспособными основательно изучить миссионерскую литературу и потому совсем не читают книг, из которых могли бы почерпнуть нужные знания и руководственные указания для борьбы с сектантами и совершенно устраняют себя от миссионерской деятельности.

Но, как те, так и другие, в большинстве случаев, думают, что миссионерство – не их дело, а дело специалистов; думают потому, что узко понимают миссионерскую деятельность, считая за неё только специальные беседы и полемические споры с сектантами и забывая, что миссионерство обширно по задачам и разнообразно по способам и обнаружениям.

Один из таковых и притом из весьма важных и существенных для успеха миссионерства способов – есть священнодействие. Благоговейное, внимательное и сосредоточенное священнодействие пастыря есть глубоко-поучительная проповедь, возбуждающая молитвенный дух, приковывающая сердце христианина к священным обрядам Православной Церкви, вливающая в душу вместе с молитвой радость, успокоение и полную религиозную удовлетворённость. В священнодействиях Православной Церкви есть «дух животворящий», дающий им силу и значение.

Наши предки были воспитаны на «истой» службе и были тверды в своём благочестии. Наша Церковь, в противоположность протестантству, духом которого заражены и наши сектанты, придаёт большое значение священным службам, через которые обильно изливается на молящихся божественная благодать, возрождающая и укрепляющая души православных. В благоговейной службе мы, пастыри, должны раскрыть перед верующими всю глубину и силу священных служб, чтобы они насладились ими, отдохнули душой, успокоили горькое мятущееся сердце, нашли в них и назидание для ума, и отраду для сердца.

Религиозное утешение и успокоение сердца во Христе, полученные от церковных молитв, песнопений и священнодействий, явятся такой твёрдой скалой и защитой православия, что верных не так легко будет разубедить, оторвать от Православной Церкви; их религиозное сознание и преданность Церкви будет покоиться на священно-таинственном опыте, а внутренний и внешний опыт – лучшая основа всякого знания и веры.

Вот где широкая миссия для каждого из нас пастырей! Она доступна не только пастырю-специалисту в деле

миссионерском, но и пастырю малоучёному, но благоговейному. Неспешное, проникнутое глубоким сознанием, священнодействие пастыря – великая созидаящая сила, – миссионерство, верно действующее и скоро приводящее к доброй цели.

Благоговейное священно-действие, проникновение внутренним духом совершаемого богослужения вызывает в молящихся мысль о том, что священник *совершает нечто важное, священное*, перед чем он и сам благоговееет. Миряне, видя пастыря, правящего службу Божию со страхом и трепетом, невольно начинают думать: значит, пастырь правит истинную службу истинному Богу, значит, за внешними движениями и словами его сокрыто, действительно, нечто высокое и таинственное, перед чем преклоняется и благоговееет служитель Божий, пастырь Церкви. Неудивительно, что у ревностного пастыря и пасомые набожны, проникнуты молитвенным настроением, благоговейно чтут и внешнюю сторону богослужения, и внутреннюю силу совершаемых служб. И не только простец, душа которого детски – доверчиво раскрыта для восприятия веры и благочестия, но и интеллигентный человек, разъединенный рефлексом, смотрящий на таинство, как на обряды, уверует в силу таинств при виде должного совершения их. Многим пастырям, вероятно, приходилось быть свидетелями смены поверхностного и безверного отношения к таинствам Христовым восторженными отзывами и благоговейными чувствами к ним. И это ничто иное, как религиозное настроение, пережитое во время совершения таинства, результат и плод совершения священнодействий так, как их устав Церкви повелевает совершать.

Но благоговейное совершение служб пастырем не только религиозные силы верных укрепляет и тем предохраняет от заблуждений и отпадений, но и неверных и отпавших привлекает в лоно Православной Церкви.

Вспомним тот исторический факт, что предки наши пленились внешней стороной христианства, инстинктивно почувствовав, что за этой внешней красотой и величием скрывается неисчерпаемое море духовной

красоты и божественного величия, что в этих торжественных и в то же время дышащих простотой обрядах, воплотилась божественная сила и мудрость, которая – проста, поскольку должна быть усвоена всяким умом, и в тоже время – высока, поскольку вытекает из Высочайшего Божественного Ума.

Не забудем и того, что многие отпадшие возвращались в лоно Матери-Церкви не потому, что они, по существу, осмыслили истину и заблуждение, а потому, что сердце влекло их к православным службам, что в сектантских богослужениях они не находили ничего, что питало бы ум и сердце и доставляло покой душе их.

Иноверцы восхищаются службами Православной Церкви; многие из них ходят в наши храмы, а за тем и присоединяются, привязавшись, главным образом, к церковным службам.

Но такое влияние на души – плод службы благоговейной, внимательной, сосредоточенной; такая служба православных удерживает в православии, заблудших чад возвращает в лоно Святой Соборной и Апостольской Церкви и даже иноверцев вводит во двор Христов.

Следовательно, благоговейный священно-действователь есть миссионер и миссионерство его, неисчислимо в добрых плодах и результатах, служит ко спасению многих.

Наоборот – небрежное и спешное священнодействие – разорение православия; оно соблазняет православных и даёт сильное оружие в руки сектантам! Особенно опасно и пагубно по своим последствиям небрежение к таинствам, в виду того, что сектанты отрицают их. А между тем, кому не приходилось ли видеть такого способа совершения таинства крещения (а я его видел). – Ребёнка крестят не в церкви, а в караулке или – ещё хуже – в кухне священника; священник не облачается в ризу, а служит в епитрахили; вода не освящается священником; это совершается псаломщиком, который, на ходу, плеснёт святой воды из бутылки в купель и священнодействие считается оконченным. Священник начинает читать молитвы оглашения, а псаломщик записывает звание родителей и восприемников; на возгласение – «Господу помолимся» записывающий псаломщик, иногда из другой комнаты, отвечает: «Госпмлуй».

Для ускорения совершения требы допускается одновременное обхождение священника и восприемников вокруг купели с пением «Елицы во Христа крестистесь» и чтение псаломщиком Апостола. Чтение это совершается так, как школьник наскоро пробегает уроки, ожидая входа учителя. При крещении священники допускают, иной раз, разговоры, замечания относительно держания ребёнка, шутки и т. д... Крещение окончено. Могут ли, не только сектанты, но и православные, видя такое священнодействие, сказать, что совершалось великое таинство крещения, открывалась дверь в Церковь Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, совершалось то, без чего и спасение не возможно? – «Аще кто не родится водою и Духом, не может внити во царствие Божие» (Ин.3:5)! И если бы священник случайно присутствующему здесь иноверцу сказал, что он совершил одно из величайших таинств своей религии, то в лучшем смысле подверг бы большому сомнению пастырское своё достоинство, а в худшем – достоинство исповедуемой им религии и святость таинства. Присутствующих же при совершении таинств небрежный священнослужитель приучает смотреть на священнодействия, как на нечто не важное, не требующее глубины веры и почитания, – видеть в акте крещения – одни лишь внешние или церковно-юридические обряды. И Господь ведаёт, кто и что причиной тому, что наши интеллигенты и сектанты утратили веру во внутреннюю силу и значение таинств Христовых?!?

Велико таинство брака, – велико и по внутреннему смыслу, и тому житейскому значению, которое оно имеет для вступающих в брак. Это таинство настолько свято, что союз мужа и жены уподобляется совершеннейшему и святейшему союзу Христа с Церковью.

Но как оно, по местам, совершается и чем сопровождается?! Доселе ещё живучи во многих приходах позорные обычаи: к священнику приходят перед свадьбой «с бутылкой водки». Недоброе начало! А вот и назначенный день, брачный поезд неистово мчится к храму Божию. Все участники навеселе и в каждой подводе водка; пили дома, пили и в пути: «колёса горят!» С колокольчиками, во весь карьер, подгулявшая

компания «подкатывает» к церковной ограде и это – для совершения святого таинства!

Сколько здесь поводов даётся сектантам к укоризнам и злохулениям на православие и православных!

Во время совершения таинства, стоящие разговаривают, перешёптываются, пересмеиваются, пересуживают жениха и невесту и т. под. Естественно, священнослужители вынуждены поспешать с совершением святого таинства при такой грешной обстановке. И явственно слышатся одни только – «помяни их, Господи», «сохрани их, Господи». При окончании брака, с шумом выходят зрители и участники брачного поезда и опять с бешеной скачкой, выпивая за новобрачных, возвращаются домой. Так делается во многих местах. Мне известен случай, когда «дружка» вошёл в церковь, имея за поясом бутылку водки и был настолько пьян, что упустил её на пол и священный пол при звоне стекла был залит водкой.

Нельзя терпеть священникам этих отживших обычаев, пора поднять голос против вопиющего безобразия и кощунства! Послушайте, что говорят об этом сектанты? Они клеймят эти пьяные обычаи, осуждают допускающих их православных пастырей, смеются над самим таинством, которое совершается при обстановке, унижающей святыню! Уничтожьте всё это, совершайте таинство брака благоговейно и выразительно, допустите только трезвых, удалите разговоры, дайте вслушаться в великие слова Евангелия, Апостола и молитв, тогда все поймут, что совершается священнодействие «важное», «таинственное», благодатное, тогда таинство произведёт сильное впечатление на присутствующих. Сами брачующиеся будут сознавать, что над ними совершено священное таинство. Наоборот, какое-то горькое воспоминание останется у брачующихся о поспешном венчании в чад у всеобщего опьянения. Не удивительно, поэтому, что, в особенности, на таинство брака смотрят, как на обряд, и брачные узы слабеют, незаконные сожителства умножаются.

Как известно, сектанты не верят в святых, не почитают чудотворных икон и икон вообще. Даже в православном народе ослабеваает вера в чудотворные иконы. Поэтому, чтобы укрепить

православных и заградить злохулящие уста сектантов, пастырь – священно-действователь должен быть внимателен и благоговееен ко всему, что воспитает и охраняет веру и благочестие народа в отношении Святых Угодников Божиих и святых икон. Иереям Божиим надо памятовать, что небрежное, спешное моление перед иконой; пение, в котором не только нельзя уловить мысли, но трудно разобрать, хотя одно слово, – охлаждает пламень народной веры и любви к святыне и, справедливо, зароняет сомнение относительно значения и действительности такой молитвы; приучает и пасомых быть небрежными в молитвенных обращениях к святым и, мало по малу, вытравляет дух благочестия и благоговейный страх перед святыней. При таких условиях нужен только решительный толчок и отступление готово. Такое решительное действие и оказывают сектанты, которые на подготовленную небрежностью пастыря почву сеют семена сомнения и отрицания.

Во многих городах есть местно-чтимые чудотворные иконы. Везде от местных жителей и причта вы услышите относительно иконы одно и то же: сначала было великое стечение народа к иконе, моления перед ней не прекращались; икону читали и благоговели перед ней, брали в дома для служения молебнов, а потом постепенно охладевали, пока не дошли почти до полного равнодушие к святыне.

Что же за причина такой перемены? Конечно, главной причиной здесь является упадок веры, но отчасти кроется она – в способе совершения молений и священнодействий перед иконой. Будем откровенны, не скрывая своих недостатков (сознание греха – шаг к исправлению), укажем, как совершаются молебные пения в домах, когда ходят с чудотворной иконой из дома в дом. Мне доподлинно известно, напр., следующее. В один епархиальный город на время приносится чудотворная икона, всегда пребывающая в ближайшем селении; по очереди даётся в градские приходские церкви, причём для церкви с трёхштатным причтом на пребывание иконы назначается семь дней. Каждый священник, следовательно, имеет в своем распоряжении несколько более двух дней; в эти дни икона должна быть принесена ко всем

желающим; но в такой короткий срок времени нет физической возможности удовлетворить религиозным потребностям и желаниям всех. И вот тут-то начинается поспешность. Не успеют войти в дом и наскоро пропеть тропарь, как уже спешат окончить чтение Евангелия; затем следует одновременно: произношение сугубой ектеньи и пение «Господи, помилуй»; причём совершенно затруднительно сказать, кто кого обгоняет: диакон псаломщика, или наоборот... Что можно разобрать в этой сумятице звуков? Какое возможно моление при небрежности чтения и пения, при заметном для всех стремлении скорее уйти в другой дом для того, чтобы поспешить в третий? Какое впечатление останется от посещения дома причтом с иконой? Подобная картина наблюдается и при пасхальном обхождении домов прихожан с иконами. Неудовлетворённость и горькое чувство по уходе святыни, осуждение причта – вот плоды небрежности при богослужении и священнодействии! Эти горькие осадки в душе ежегодны и, потому, не удивительно, что усердная вера постепенно заменяется равнодушием и безразличием к святыне¹. Теперь понятно, почему небрежное служение пастыря отталкивает не только от священника, но и от исповедуемой им веры и от её святынь.

Небрежное священнодействие не может вдохнуть в сердца мирян любви к церковным службам; порывистые движения, отрывочное чтение и пение не могут вызвать молитвенного настроения, дать возможность помолиться и в молитве успокоить своё сердце; такая служба угашает и малую искру благочестия, убивает религиозное чувство. И может ли быть иначе, когда человек испытывает неудовлетворенность существеннейшей стороны своей природы, чувствует, что в его сердце тушат святой огонь, без которого жизнь тяжела и даже невозможна.

Небрежный, неблагоговейный, бесчинный священнодействователь обнаруживает своё маловерие, пренебрежение к святыне; самым делом он убеждает других, что за обрядами и действиями, совершаемыми им, он ничего не видит священно-таинственного и благодатного, перед чем следовало бы благоговеть. Что небрежное и недостойное совершение

церковных служб есть пренебрежение к святыне и даже самому Господу, это видно из следующих мест послания св. Апостола Павла к Коринфянам. «Вы собираетесь так, что *это не значит вкушать вечерю Господню*; ибо всякий поспешает прежде других есть свою пищу, так что иной бывает голоден, а иной упивается. Разве у вас нет домов на то, чтобы есть и пить? Или *пренебрегаете Церковь Божию* и унижаете неимущих? Что сказать вам? похваляю ли вас за это? Не похваляю. Ибо я от самого Господа привял то, что и вам передал, что Господь Иисус в ту ночь, в которую предан был, взял хлеб и возблагодарив, преломил и сказал: примите, ядите, сие есть Тело Мое, за вас ломимое; сие творите в Моё воспоминание. Ибо всякий раз, когда вы едите хлеб сей и пьёте чашу сию, смерть Господню возвещаете, доколе Он придет. Посему, кто будет есть хлеб сей или пить чашу Господню недостойно, *виновен будет против Тела и Крови Господней*» (1Кор.11:20–27). *Всё должно быть благопристойно и чинно* (1Кор.14:40). Смысл наставлений св. Апостола Павла в приложении к современной жизни таков. Неблагодичие, поспешность при богослужебной молитве есть искажение и унижение святого дела. «Так вкушать это не значит вкушать вечерю Господню», т. е., так молиться не значит молиться, так священнодействовать не значит священнодействовать, а значит «пренебрегать Церковью Божией», уничтожать веру, молитву и все её добрые плоды, обнаруживать пренебрежение к Тому, Кто установил и повелел совершать таинства и церковные службы, к Сладчайшему Спасителю нашему, Господу Иисусу Христу. Небрежные пастыри повинны против Тела и Крови Христовых; против Духа Божия, дары Которого подаются в таинствах; против Пречистой Девы, Матери Господа; против св. Ангелов и сонма святых чело­веков, «друзей Божиих», которые должны отвращать духовные взоры от неверного и неблагоговейного пастыря; против верующих, которых соблазняют своим небрежением; против заблудших, которых своим недостойным служением ещё дальше удаляют от Церкви и ставят преграды ко вступлению в лоно Православной Церкви, которая есть столп и утверждение истины, вне которой спасение невозможно.

С куском чёрствого хлеба и с кружкой воды подвижники проживали десятки лет здоровыми и невредимыми, но со скудной и испорченной духовной пищей в наше слабое время православный человек жить не может. А как собой питает духовно прихожан спешная, неблагоговейная служба их пастыря, представляющая из себя жалкое искажение священнейшей, трогательной христианской православной службы?

В конце концов получается, что набожному христианину, имеющему небрежного, неучительного пастыря, надо искать духовной пищи помимо церкви. И вот стоит в приход такого пастыря зайти лжеучителю или лже-учительнице, кликнуть к себе томимых духовным голодом, и они с радостью пойдут. Новые проповедники, с виду благоговейные, сладко запоят, расхваляя своё приправленное мишурой учение и богослужение и понося всё православное, на основании частных недостатков и наших немощей. «Приходи, скажут они, к нам, у нас службушка небесная; с нами Ангелы поют, мы питаемся самим Духом Святым». И пойдёт духовно-голодный обсматривать новую веру. А там ему покажут всё в прикрашенном виде и укажут: «что де ваши службы? «поп» спешит, у дьячка ничего не разберёшь, а всё это они делают, чтобы только деньги с вас брать; посмотри-ка, как у нас молятся», и начнут молиться усердно, всю ночь со слезами, хотя бы и притворными; найдутся такие, что дойдут до религиозного экстаза и исступления, и... пропала на веки душа православного, зашедшего на штундовые или хлыстовские моления.

После этого ему станет ненавистен «поп», якобы обманывавший его; ненавистна служба, в которой он напрасно искал радости и успокоения сердца и, что страшно сказать! ненавистна Церковь, в которой душа не обрела Бога.

Велика ответственность небрежного пастыря-священнодействителя! Неисчислимы горькие плоды и печальные последствия, в смысле отрицательного влияния на массу верующих небрежной службы, поспешного неистового священнодействия, исполнения христианского долга прибытка ради, а не по совести и убеждению, Всё это не только

отвращает пасомых от пастыря, но и колеблет в народе саму религию, раздирает церковь на секты и разрушает её в основе. Истина эта ясна и неоспорима, она подтверждается ещё разительными доказательствами из языческой и христианской истории религий. Так, например, профессор Страшкевич говорит, что Дельфийское прорицалище было весьма важно в политическом и нравственном отношении, не только для всех греческих государств, но также для всего древнего мира. Ещё в героические времена ни одно важное предприятие не совершалось без совета Дельфийского Аполлона. Само переселение Дорян в Пелопоннес произошло под влиянием Пифии; колонии в Малой Азии, Италии, Сицилии заведены были по совету Дельфийского прорицалища и т. д. Но высокое, всеобщее благоговение и доверие к Пифии пало. Причина кроется в общем упадке веры. Но и в самом прорицалище заключались причины его упадка: при всеобщей вражде различных племён, прорицалище *не всегда было беспристрастно и часто действовало под влиянием тех, которые тайно успели приобрести его милость посредством подарков и подкупов...* Или вот, например, взгляните на историю католицизма и лютеранства.

Лютер ехал в Рим, чтобы засвидетельствовать преданность папе и поклониться святыням Рима, а возвратился из Рима с отвращением ко всему, что католическая церковь считала святым, с совершившимся уже внутренним переворотом, можно сказать, уже отпавшим от католической церкви.

Какая же к тому была причина? Что дало сильный толчок этой несомненно сильной натуре реформатора к отпадению от своей церкви? Небрежное и даже кощунственное богослужение и священнодействие католических епископов и священников. Лютер жаждал выслушать мессу, с пламенным усердием стремился помолиться в знаменитом храме св. апостола Петра, по католическому воззрению, князя Апостолов.

Но как он был разочарован, как был поражён и оскорблён в самых святых чувствах, когда увидел возмутительное неверие и небрежение, с какими епископы совершали богослужение; совершенно же возмутился духом при пресуществлении св.

Даров, когда, вместо обычной формулы, услышал – даже страшно писать эти слова! – следующее: «ты – хлеб, и останешься хлебом», «ты – вино, и останешься вином». Можно себе представить ужас, отчаяние, душевную тревогу и томление, охватившие Лютера при виде и слышании этого страшного богохуления!

На западе, не так давно, появился культ «*поклонения дьяволу*». Дьявол воспевается и прославляется в стихах и прозе; в честь его пишутся целые книги гимнов и молитв; в честь его устроены (в Париже) алтари, где ему совершается дьяволослужение (чёрная обедня). Вместе с дьяволом воспевается и прославляется грех, порок, преступление и всякое зло. Какое поразительное извращение религиозного чувства, какое ужасное падение христианского общества конца нашего века! Много история знает сект, но такой, кажется, ещё не было на всём протяжении христианской эры. Но, с другой стороны, не лучше ли открыто поклоняться дьяволу, чем служить ему под личиной христианина и не верить, и глумиться над всеми святынями нашей св. веры и церкви. Лучше отпадение, чем страшное кощунство!

Из церкви Лютер вышел поколебленным, с тайным протестом против католической церкви².

В нашей православной родной церкви, слава Богу, ничего подобного нет и быть не должно, но мы должны помнить общий факт и общее, явление, что пастырская небрежность в священнослужении вредит делу миссии св. церкви и содействует росту сект более, чем сотни лжеучителей.

От мрачных, подавляющих явлений перейдём к светлым. Богослужение и священнодействия пастыря, в которых отображаются вера, благоговение и страх Божий, производят на человека сильное впечатление; оно является проводником в душу вседействующей и всемогущей божественной благодати; оно творит добрые плоды, которых исчислить и даже предвидеть невозможно. Как например, укажем на митрополита Иосифа Семашко. Сын бедного дворянина-униата, Иосиф Семашко с детства любил ходить в православную церковь и так привязался к православному богослужению, что молитва в

храме стала его потребностью; нравилось ему пение, чтение и священнодействия, полюбил он и православного священника. Бывая в церкви, Иосиф Семашко читал и пел на клиросе. Впечатления детства неизгладимы. Любовь к православным службам с возрастом и образованием перешла в осмысленную любовь и привязанность к православию. Иосиф Семашко не находил ничего отвечающего уму и сердцу ни в католичестве, ни в католическом костёле, поэтому он оставил униатство и принял православие. Кому, далее, не известны заслуги Митрополита Литовского Иосифа Семашко, благодаря трудам и усилиям которого, при мощном покровительстве Императора Николая Павловича, более двух миллионов униатов вошли в лоно Святой Православной Церкви, в сей святой ковчег спасения. И блаженна душа пастыря, вдохнувшего любовь к православным службам и православию в душу юного Иосифа, которого Промысл Божий незримо приготавливал к обращению многих!

И в настоящее время благоговейные службы производят благотворное влияние на душу молящихся. Кто присутствовал на служении о. Иоанна Кронштадтского, видел его благоговение, разгорающееся от жара молитвенного вдохновения лицо, исторгающиеся из глаз слёзы священного восторга, тот поймёт то величайшее обаяние, какое производит этот пастырь на сердца набожной Руси. А вот, что пишет профессор А. Царевский о службе покойного митрополита Палладия. «Богослужение Митрополита Палладия носило печать умилительного благоговения и высокого, священного благолепия; совершаемое по чину, благообразно, сопровождаемое прекрасным пением всегда любимого им хора, Палладиевское богослужение являло во всей полноте дивную красоту и невыразимую прелесть нашего православного богослужения. Тут соблюдена бывала и земная эстетика, потому что всё, начиная с сослужащих и кончая ризницей, сосудами, всё за богослужением Палладия было изящно, безукоризненно, всё было отобранное, подобранное, образцовое. Но тут ещё больше была и религиозная осмысленность, высокое христианское одушевление. Благоговейная настроенность

самого архипастыря выражалась в каждом слове его, светилась в лице его, сияла во взоре, обнаруживалась в каждом молитвенном его движении. Вдохновляясь священнодействием сам, он поднимал высокое одушевление и во всех окружающих. Кто бывал за Палладиевским богослужением, тот воспринимал целый запас святых впечатлений, выносил из храма на долго сладостное чувство молитвы, тот научался молиться и не замечал времени, не чувствовал усталости, как бы долго ни тянулась служба»³.

Я не сподобился видеть службы почившего Митрополита Палладия, но все, сказанное о службе Митрополита Палладия, могу сказать и о службе Высокопреосвященнейшего Киевского Митрополита Иоанникия, служение которого видел в Киево-Печорской лавре, присоединив ещё и то, что вид Владыки Митрополита на молитве, – вид вдохновенного пророка со взором, устремлённым в мир горний, полным веры, любви и благоговения. Этот образ вдохновенной молитвы глубоко западает в душу и не изглаживается с годами. Глубина молитвенного настроения Владыки Митрополита Иоанникия передаётся и молящимся с ним; это – одно влияние благотворное, высокое, оживляющее дух, питающее веру. Многие пастыри говорили мне, что, в минуты ослабления молитвенного настроения и усердия за церковной службой, всегда вспоминался им образ молящегося Владыки и вдохновлял к пламенной и сердечной молитве.

Вот что значит усердное, благоговейное моление и священно-действие. Вот как могуче его влияние!

Следовательно, Пастырь Церкви, не изучивший обширной противосектантской литературы, не выступающий в качестве полемиста-миссионера, может и должен скромно творить миссионерское дело: 1) утверждать православных в вере и добром житии, воспитывать в них любовь и преданность церкви, научать проникаться благоговейными чувствами к таинствам, святым, святым иконам; 2) ограждать православных от пагубного влияния ереси-учителей, делать их непроницаемыми для заблуждений сектантства; 3) привлекать отпадших в лоно Святой Соборной и Апостольской Церкви. Всего этого пастырь

может достигнуть не одним только словом пастырской проповеди, которое может оказаться кимвалом звяцающим, но и благоговейным, благочинным, усердным и внимательным священно-служением и священно-действованием; своей религиозной настроенностью и осмысленностью, христианским воодушевлением при совершении церковных служб и треб для мирян.

А потому, отцы и братия, «вся благообразно и по чину у нас да бывают» (1Кор.14:40).

Владикавказский Кафедральный
Протоиерей *Никандр Колпиков*

Арф-в Ф. Об отношении учения беспоповцев об иерархии и таинствах к учению о том же рационалистов-сектантов. // Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 15–32

Корни раскола беспоповства лежат глубоко в духе русского народа и исторических обстоятельствах его жизни. Русский народ на протяжении всей истории древней Руси отличается строгим консерватизмом в делах веры и церкви. Все его стремления были направлены к тому, чтобы не отступить от догматов веры, соблюсти чистоту церковного учения. До каких пределов простиралось опасение еретичества, можно видеть из таких фактов, как споры об аллилуйе, о хождении посолонь и протесты книжному исправлению при патриархе Никоне. Этот консерватизм и составляет основу раскола. Первые раскольники смотрели на себя, как на охранителей церковной чистоты, как на борцов за неповреждённость церковных уставов и обрядов. «То ли наша вина, пишет Аввакум, еже держим отец наших предание неизменно во всем»?⁴ «Мы во св. Церковь ничего не вносим, не износим, говорит поп Лазарь, что прияли, то и держим, книги и законы отеческие не изменяем».⁵ «Мы о себе не хотим ничтоже предавати и уставляти, писал диакон Феодор, и неподобно толковати паче Богом преданных нам святых и непорочных догмат древних отеческих. Несть мы новии учителя и новых догмат уставщики, но православныя веры защитники и по законех отец наших поборницы».⁶ На основании этого стояния раскольников за букву старых книг, можно предполагать, что старообрядчество не должно отступить от учения св. Писания и священного Предания. И, действительно, раскольники всеми силами старались и стараются сохранить древлеправославное учение. Но что же тогда значит то, что очень немалая часть из них – беспоповцы – создала себе своеобразное, чисто рационалистическое учение о Церкви и таинствах? Откуда это учение проистекло у них и не сближает ли оно их с нашими сектантами? К такому учению беспоповцы пришли не потому, чтобы в построении своей системы они

выходили из какого-либо рационалистического принципа, из которого бы, как логическое следствие, вытекало отрицание иерархии; но единственно в силу обстоятельств, которые с роковой неизбежностью привели раскольников к безиерархическому состоянию.

Легко представить, к чему приведёт обитание в такой местности, где на 1310 квадратных вёрст – 8 церквей, стоявших притом часто без священников, – местности – с невозможными путями сообщения, так что «ни зимой, ни летом дороги и проезду никогда не бывает» (слова игумена Макария). Прибавим к этому то обстоятельство, что во главе раскольников этой местности стояли простые монахи Соловецкого монастыря и в образовавшемся в конце XVII столетия выговском общезжитии заправилами были также простые монахи. Всё это, естественно, приучало обитателей к той мысли, что можно обходиться без иерархических лиц, тем более, что монахи и даже простецы смело удовлетворяли религиозные нужды раскольников: они совершали богослужение (кроме литургии) в часовнях, преподавали некоторые таинства и проч. Можно даже, заранее сказать, что и оправдывать своё безсвященнословное состояние раскольники будут не каким-нибудь принципом, они скорее сложат всю вину на житейскую необходимость и неблагоприятные обстоятельства.

Как известно, беспоповцам не пришлось оставаться с одной необъяснённой практикой, они вынуждены были оправдать её и, таким образом, создать доктрину. Эту последнюю представляют так называемые «Поморские ответы», данные в 1720 г. выговцами на вопросы миссионера иеромонаха Неофита. В них выговцы, – как последователи тех самых учителей, которые говорили о себе, что они «несть новых догмат уставщики», заявляют вслед за своими вождями: «мы древлеправославная церкви остальцы, от православных праотец и отец родившиеся, православных древних архиереев и прочих священных отец и святых российских чудотворцев, святое и благпросвещенное благочестие по священным старопечатным книгам соблюдаем. Вся евангельская и апостольская заповедания всеверно приемлем, святоотеческая наказания благоговейно почитаем,

святых соборов предания и поучения всепокорно лобызаем, вся таинства церковныя... всеверно исповедуем и все благоговейно приемлем и почитаем»⁷. Установив такой охранительный взгляд по отношению к древне-церковному учению, Выговцы, естественно, не могли отвергнуть значения церковной иерархии, признав в принципе её необходимость. «Аще и опасаемся архиереов, говорится в ответе на 102 вопрос, аще и удаляемся рукотворенных церквей; обаче не гордости ради и кичения: ниже за преобидение каковое, но ради нововнесенных преданий, ради новин от Никона положенных, ради новых учений. Убо и опасение наше не безсловесно, но благословно и бяше и есть: понеже не архиереов, но новин опасаемся, и не церквей рукотворенных, но нововнесенных в ня новых преданий и уставов бегаем, еже тремя перстами благословляти, еже трижды аллилуиа с четвероприглашением слава Тебе Боже пети»⁸. Ещё более ясно эта мысль выражена в произведении одного беспоповца-поморца, который говорит: «ни храмов великолепно устроенных гнушаемся, *ниже архипастырей ненавидим, ниже тайн церковных отвращаемся*. Украшенные св. храмы нам любезны; *право правящие слово истины духовные чины нам желательны, действуемые в них православно св. тайны исповедуем быти спасительны*»⁹. Отсюда видно, что беспоповцы не отрицают необходимости иерархии, напротив, – «духовные чины, им желательны» – и если они их не имеют, то не потому, что считают их не нужными, или даже противозаконными, а потому, что истинных, не еретических пастырей нет, ибо все уклонились и приняли еретические новшества. Это опасение еретических иерархов у них не «бессловесно, но благословно», потому что и в древности нередко бывали такие случаи, когда миряне и священники уклонялись от своих епископов ради новин, между тем, многие из этих уклоняющихся прославлены Церковью, как святые. Равным образом и «в прилучающихся гонениях многия места и гради без священников обретахуся... Егда толико оскудение священников бе, яко святому Галактиону, крестившему св. Епистимию, глаголати: погибе священничество от рода христианскаго», тем не менее эти «народы, не имущие

священников, не токмо католические церкви сынове бяху, но и от воинствующей церкви к ликующей на небо свято представишася». И «по гонительных случаях во время мира церковного преподобнии отцы, в пустынях поселившеся, не имущий священников, неимущий архиереев... веру православную в себе имеша и церкви соборные чада быша и глаголашася» (отв. 102). Отсюда поморцы сделали тот вывод, что «Церковь святая во времена случайная может и кроме священников пребывать и спасати». – Уже такой способ оправдания своего безсвященнословного состояния говорить за то, что беспоповцы далеки от рационалистического отрицания иерархии: хотя они «по нужде» и не имеют её, однако не отрицают её необходимости. «Аще чесо за нужными случаями, говорят они, не можем получить, обаче всеверно веруем и желаем и исповедуем и в тех случаях тако пребываем, якоже древлесвятии во времена нужная пребываху».

Но, может быть, беспоповцы, не отрицая необходимости иерархии, смотрят на лицо иерархическое, как на лицо только уполномоченное обществом учить людей и совершать богослужение, а не как на лицо священное, облагодатствованное, через которое действует Дух Божий? Ведь и протестанты имеют своего рода иерархию, но их пастор и суперинтендент – суть простые миряне, которым поручается обществом исполнение некоторых обязанностей. Но не таково воззрение на иерархических лиц у беспоповцев. Хотя они их и не имеют, но понятие о священном лице у них тождественно с православным. По их взгляду, священное лицо есть не только блюститель порядка и учитель, но лицо высшее, уполномоченное не обществом, но самим Богом на дело спасения людей. Как таковой, он получает в таинстве хиротонии особую благодать Божию, поставляющую его не только учителем и управителем, но и совершителем таинств, посредником между Богом и людьми в деле сообщения благодати Божией. Это видно как из самого характера их оправдания своей практики, так и из многих выражений их писателей, которые показывают, что авторы этих выражений в священных лицах видели, главным образом, совершителей

таинств. Наконец, об этом можно заключать из того, что беспоповцы не отрицают в принципе и таинства хиротонии.

И это основное учение беспоповцев, именно, что иерархия должна существовать в полноте чинов, что иерархическое лицо есть лицо исключительное, имеющее особую благодать, – проходит через все беспоповщинские секты. Нам нет надобности рассматривать учение каждой отдельно. Достаточно вспомнить, что причиной дробления беспоповцев были отнюдь не вопросы об иерархии; их разделили вопросы: о браке (поморство и Федосеевство) и об отношении к гражданскому обществу (филиповство, бегунство, аароновщина). Основная же доктрина беспоповства осталась неприкосновенной во всех сектах и учение об иерархии не подверглось ломке ни в одной из них. Даже в сектах «нетовского» направления, представляющих из себя особенную отрасль среди беспоповцев с несколько своеобразной догматикой, – и в тех не замечается принципиального изменения коренного беспоповщинского учения об иерархии. Даже можно сказать более этого. Спасовцы, напр., не только не отрицают необходимости иерархии, но (если не признают законными, то, по крайней мере), предпочитают православного священника простому мужику. «Хотя и еретик крестит да поп, хотя и сатана да в ризах; дорого три погружения»¹⁰, говорят они. Рябиновцы же очень близко подходят к поморству в своём учении, отличаясь разве тем, что с большим уважением относятся к православной церкви¹¹. То же можно сказать и о Новоспасовцах, признающих, вопреки общему учению беспоповцев, православное крещение законным.

Не опровергает наших доводов и с течением времени придуманное раскольниками оправдание безсвященнословного их состояния учением о повсюдном истреблении Антихристом священства и жертвы, оправдание, приближающее основное учение беспоповцев на шаг к рационалистическому. Ещё позже, именно во второй половине XVII столетия, сделан ещё шаг к рационализму: появилось учение о *духовном священстве*, по которому всякий христианин есть священник. Но как ни упорно держатся эти две мысли беспоповцами, они, однако, не

выражают существенного характера их учения об иерархии. Эти оправдания вынуждены безвыходностью положения перед аргументами православных полемистов. Когда беспоповцам, оправдывающим себя исключительными случаями отсутствия у частных церквей иерархических лиц показали, что неимение частными церквами священных лиц не может служить доказательством всеобщего бессвященнословного состояния, они измыслили догмат об истреблении Антихристом священства, но, будучи обличены здесь в противоречии обетованиям Спасителя о вечности священства, они очутились в критическом положении: им оставалось признать свою неправоту. И вот, чтобы не быть безгласными перед возражениями православных полемистов, они решились на отчаянное средство. Жертвуя заветами своих первых вождей, они ухватились за рационалистическую мысль о духовном священстве. Как мысль вынужденная, она не имеет прочного основания в сердце беспоповца; она чужда ему. беспоповец, говоря: «я – церковь, я – священник, приношу и жертву духовную», на самом деле не верить этому и часто бывает достаточно, не опровергая этого положения, указать только на его рационалистический, протестантский характер, чтобы беспоповец тотчас отказался от него. «От настоящего протестантства, говорит проф. Ивановский, беспоповцы слишком далеки и ничего не было бы для них ужаснее, как если бы их стали действительно сравнивать с протестантами, которых и принимать в церковь следует, по их понятиям, не иначе, как через перекрещивание»¹². Что раскольника беспоповца не удовлетворяет учение о всеобщем истреблении Антихристом священства и о духовном священстве, видно из того, что и теперь нередко старообрядцы в беседах высказывают уверенность, что «где-нибудь в сокровенных местах существует соборная церковь в полноте чинов с благочестивым священством»¹³. Очевидно, таким образом, что выражением существенного характера учения беспоповцев об иерархии скорее могут служить «Поморские ответы», чем сочинения Алексея Самойлова (Меч Духовный), Якова Васильева Холина (О сокрытии Христовой хиротонии в церквах

всего мира) и Тимофея Андреева (Стоглав), выдвигающих в оправдание бессвященнословного состояния учение об истреблении Антихристом священства и о духовном священстве.

После всего этого становится очевидной несостоятельность взгляда Щапова, считающего учение беспоповцев об иерархии отчасти продуктом влияния протестантства. Сказав об общении русских с протестантами (стр. 174–175), Щапов добавляет: «при таком общении весьма могло быть, что такие начала русского раскола, каковы отрицание иерархии, священства, мысль, что всякий непосвящённый в священники христианин может совершать таинства, развились отчасти и под влиянием протестантских идей»¹⁴. Но если Щапов и приводит примеры того, что «между первыми расколо-учителями беспоповщинской секты были некоторые протестанты», как, напр., помощник монаха Капитона, некто Вавила, «родом иноземец, веры лютерския», братья Денисовы, венгерский чернец Авраамий, Яков Лепихин и др. – «суть проклятии лютере», – то это отнюдь не доказывает того, что учение беспоповцев об иерархии создано под влиянием протестантства. Только что указанный нами существенный характер их учения противоречит этому положению г. Щапова. Если бы такое влияние было, то оно создало бы иное учение об иерархии, а именно, что облагодатствованных, особо посвящённых иерархических лиц не должно быть; должны существовать только блюстители порядка и учителя. Тогда не имели бы смысла оправдания беспоповцев «нуждой» и истреблением священства Антихристом; достаточно было бы одной той мысли, что священство принадлежит всем христианам с того момента, как они вступили в Церковь Христову посредством крещения. Кроме того, бывший протестант Андрей Денисов, о влиянии которого на доктрину беспоповщины говорит Щапов, писал «Нравственное и одобряющее послание о пользе хиротонии» и «О ревностном старании в отыскании православного священства». Выходит, что наши раскольники влияли на вступивших в их общину протестантов, а не наоборот.

По тем же основаниям нельзя не признать поверхностным взглядом Пальмера¹⁵, отождествившего учение беспоповцев об иерархии с учением кальвинистов. Увлёкшись идеей поставить в параллель русский раскол с западным реформационным движением, он увидел в нашей поповщине своего рода лютеранство, а в беспоповщине – русское кальвинство. Но сходства между беспоповством и кальвинством никакого не существует, разве только внешнее, да и это увидит лишь тот, кто смотрит с предвзятой мыслью. В то время, как кальвинисты вообще не признают священных лиц, имеющих на себе особую *благодать* Божию для прохождения своего служения, – беспоповцы необходимость таких облагодатствованных лиц не отвергают. Если они не имеют иерархии, то не потому, что её не должно быть, а потому, что они не могут найти православных епископов, которые бы восстановили им древлеблагочестивое священство.

Такое утверждение о влиянии протестантских идей на наш раскол, приписывание ему рационалистических тенденций происходит большей частью оттого, что исследователи нашего сектантства соединяют в одно целое, как секты старообрядческие, так и рационалистические, и мистические. Если между сектами рационалистическими и мистическими есть много точек соприкосновения, то между ними с – одной стороны – и старообрядческими – с другой – почти нет ничего общего. Это справедливо, как по отношению к общему характеру догматической системы тех и других, так и по отношению к отдельным пунктам их вероучения. Если раскол, известный под именем старообрядчества, возник на почве консерватизма и, представляя слепое следование русской старине, есть выражение народного духа, то рационалистические секты, наоборот, есть продукт чуждого нам влияния, получившего особенно широкое распространение в то время, когда Русь столкнулась лицом к лицу с западной культурой, когда в царствование Петра Великого, немцы, можно сказать, заполонили обе столицы. Они-то и явились первыми пропагандистами своих рационалистических и сектантских взглядов. Имея одну общую почву – влияние Запада, все

рационалистические секты имеют и один общий основной характер, который и выражается в их названии. Различие между отдельными сектами касается не основной идеи их, а детальной разработки этой идеи и применения её к практической жизни. По занимающему нас вопросу – об иерархии все секты сходятся между собою; все они относятся к иерархии отрицательно, в духе протестантства. «Священство не есть таинство», говорит Уклеин – основатель молоканства, и священники, какие находятся в церквях видимых, не нужны и не законны, «ибо мы Единого имама Первосвященника, иже седе одесную престола величества на небесех» (Евр.8:1)¹⁶. «Все мы братья, все и священники, говорят сектанты, в церкви нет ни больших, ни малых, все равны по благодати. Есть только опытные в вере, ощущающие внутри самих себя действие Слова; сие действие святит их и даёт им ум преестественный. Должность таких опытных в вере состоит в том, чтобы другим проповедовать слово»¹⁷. Таково же учение и старо-штундистов. «Все верующие через крещение в зрелом возрасте, принятые в церковь, становятся вполне равными между собой. Поэтому в церкви не должно быть никаких видимых глав. Единственный и верховный глава Церкви – Иисус Христос» (Чл. X вер. кос. штунд.). Хотя для благочиния церковного община старо-штундистов избирает старцев (пресвитеров), учителей и служителей и усвоит этим лицам название степеней православной иерархии¹⁸, но в действительности это только «старшие братья», а не особые Богом уполномоченные руководители верующих на пути ко спасению, каковой является православная иерархия. Младо-штундисты же, как более последовательные рационалисты, даже и такого значения за выборными лицами не признают. Даже молокане Донского толка, которые уклонились от чисто рационалистических воззрений, – и те, хотя и рукополагают общиной священников, яко бы по примеру апостольскому, однако, в теории сохранили ещё отрицательное отношение к иерархии. «Мы имеем, говорят они, подобно всем другим сектантам, первосвященником Иисуса Христа, который есть священник всегда»¹⁹.

Таким образом, сравнивая учение об иерархии беспоповцев с учением рационалистических сектантов, мы видим, что первое существенно отличается от второго. Общее между беспоповцами и сектантами только то, что и те, и другие не имеют иерархических лиц и одинаково отрицательно относятся к священникам Православной Церкви. Но, тогда как первые в принципе не отвергают иерархии, признавая ее желательной и полезной в деле спасения людей, вторые, напротив, считают её противозаконной и совершенно не нужной.

С вопросом об иерархии тесно связан вопрос о таинствах, ибо строителями их могут быть только лица священные. «Никто же, говорится в Большом Катехизисе, разве святителей хиротонисанных, им же дана власть от Господа Бога рукоположением наследников апостольских, может строить Св. Тайны» (л. 209). Таких мест в старинных книгах, к которым беспоповцы относятся с уважением, много. Между тем, у беспоповцев священных лиц нет. Им, по-видимому, оставался один выход: отвергнув все таинства, утвердить положение, что спасение возможно и без них. Но православно-христианский взгляд был слишком силен в беспоповстве, чтобы прийти ему к такому рационалистическому выводу. Они нашли иной выход из затруднительного положения, какой немислим ни в одной секте с рационалистическим характером. Они хитро совместили несовместимое: удержали и идею о церкви бессвященнословной, и не отвергли таинств. – В самом понятии о таинствах они не отступили нисколько от учения православной церкви. Они также признают божественное установление таинств, также различают в них две стороны: внешнюю, которую составляет видимый или чувствам подлежащий образ, и внутреннюю, которой является невидимое действие благодати Божией. Таким образом, они не стали ни на точку зрения наших рационалистических сектантов, большею частью понимающих таинства духовно и, вследствие этого, отвергающих видимую сторону, ни на точку зрения протестантов (и штундистов), которые видят в таинствах только внешние знаки, или символы нашего союза со Христом, нашей

принадлежности к Церкви Христовой, и потому отвергают внутреннюю сторону.

К отрицанию же четырёх таинств – брака, священства, миропомазания и елеосвящения – беспоповцы пришли не вследствие сознания их совершенной ненужности (может не быть не тоже, что не должно быть), не вследствие противоречия понятия о них какому-нибудь основному принципу доктрины, но единственно в силу отсутствия иерархических лиц, которые бы могли совершать их, беспоповцы признают, что эти таинства установлены Богом для того, «дабы (мы) имели есмы спасение наше дерзновение, известно и твёрдо». Но они не могли найти ни каких-либо выражений в священных книгах, ни примеров древности, на основании которых можно было бы утверждать, что совершение этих таинств возможно и для мирянина. В отношении же двух – крещения и покаяния они были счастливее. Было найдено большое количество примеров, когда «простолюдины, не имущии хиротонии, крещаху, их же крещение, яко же и священников, церковью приято». Не мало беспоповцы нашли и свидетельств «Святых отец и нынешних учителей», которыми полагается во время нужды «простому иноку, диакону и мирянину крестити». Кроме того, они перетолковали одно из правил Номоканона, в котором говорится, что «Господь наш Иисус Христос многим апостолам, неимущим священства, повеле крестити» – и отсюда вывели заключение, что и вообще можно совершать крещение лицу неосвященному. Тот же характер имеют и доказательства возможности мирянину совершить таинство покаяния. И здесь является указание на древние времена, когда «преподобнии мужи и богоноснии отцы, не рукоположени суще, души человеческие покаянием очищаху». И здесь, не довольствуясь примерами древности, беспоповцы указывают свидетельства св. книг и канонических правил. Так указывают на 16-й ст. 5-й гл. послания Иакова, где апостол говорит: «исповедуйте друг другу согрешения ваша» (Иак.5:16), – и на два правила Номоканона. Что же касается таинства причащения, то беспоповцы не могли, да и не могут найти ни примеров, ни свидетельств в пользу того, что это таинство можно совершать лицу неосвящённому.

Приходилось отвергнуть это таинство. Но это значит идти в противоречие со словами Спасителя: «Аще не снете плоти Сына Человеческого и не пиете крови Его, живота не имате в себе». Тогда беспоповцы придумали новый приём. Ничего не говоря о совершении таинства евхаристии, они думали оградить себя указанием на возможность причащения древними запасными дарами. «Аще кто от древле православного священника приим животворящие тайны, у себе содержит, яко от самого онаго собою причащается». Но чувствуя, что они мало себя защищают, так как запасные дары возможны только при существовании иерархии, а дары древлеправославных священников не могут не иссякнуть на продолжении десятков и даже сотен лет, то составители «Поморских ответов» поспешили оградить себя другим доводом о, так называемом, духовном причащении. «Аще кто сих (запасных даров) не имеет, говорят они, веру всеусердну, желание огнепально и житие добродетельно распростирает, со слезами Господу Богу моляся тоя святыни не лишится: чрез сия средства изрядная, таяжде благодати, таяжде сладости духовныя получает без всякаго сомнения». Таково учение беспоповцев о таинствах. Из изложения его мы видим, что основой своей оно имеет православное учение. Беспоповцы признают, что таинства установлены Богом, что они не знаки, или символы, а именно «тайны», в которых подаётся невидимая благодать, что они необходимы для нашего спасения, как благодатные средства, что совершать их должны лица *иерархические* – и только по нужде могут совершать две тайны миряне.

Ничего общего с учением беспоповцев о таинствах не имеет учение рационалистических сект. Как иерархия в принципе была отвергнута ими, так и таинства, в смысле благодатных средств, не были признаны ими. «К достижению нравственного совершенства, говорит Уклеин – основатель молоканства, и получению вечного спасения духовным христианам подаются благодатные дары Св. Духа, подаются не через видимые какие-нибудь знаки, а духовно. Поэтому, таинства, возрождающие и освящающие христианина, должны быть понимаемы духовно»²⁰. Отрицание таинств и требование понимания их в духовном

смысле проходит все рационалистические секты. «Таин с пришествием Иисуса Христа не может быть, говорят штундисты; все они раскрыты со времени воскресения Его из мёртвых»²¹. Полнее об этом говорит молоканин в «Современных Известиях». «Таинств мы вообще никаких не признаём, ибо всякая тайна открыта, с пришествием Иисуса Христа, Его последователям. Вам дано знать тайны царствия небесного, сказал Он; также точно учит и св. ап. Павел: вы можете, говорит он, читая усмотреть моё разумение тайны Христовой, которая в другие времена не была показана сынам человеческим, а ныне открыта Св. Его Апостолам и пророкам Духом Святым. Следовательно, Христос открыл ученикам и апостолам тайну и открыл Он её для того, чтобы благовествовали её. Мне, говорит ап. Павел, наименьшему из всех дана благодать сия»²². Если таинств нет, то как понимать те места св. Писания, в которых говорится о них? Мы видели, что Уклеин завещал своим последователям «понимать таинства духовно». То же заповедуют и другие учителя сектантов. Поэтому, таинство крещения, напр., понимается, как просвещение Словом Божиим. «Крещаюсь, говорится в одном псалме духовборческой «Животной книги», словом Божиим во имя Отца и Сына, и Св. Духа»²³. Также понимается крещение у молокан. «Крещение во Христа, говорит Уклеин, не должно быть водным; крестился водой Иоанн, но его крещение отлично от христианского. Духовное крещение состоит в научении от слова Божия в покаяние и отпущение грехов»²⁴. «Мы не пойдём к берегам Иорданским, прибавляют младо-штундисты, и многим водам Силомским. Мы крестимся в Господа Нашего Иисуса Христа. А креститься в смерть Христову значить умереть для греха и мира и покаянием воскреснуть во славу Отца»²⁵. Таков же точно характер учения рационалистических сект. «Миропомазание, по учению духовборцев, должно состоять в просвещении Духом. Исповедь есть сокрушение сердца перед Богом, и разрешение грехов может быть только от Бога, а не от людей. Причащение есть внутреннее оправдание верой и любовью. Бракосочетание никакого обряда не требует, а требует взаимной любви сочетающихся»²⁶. Молоканское учение Уклеина, бывшего

духоборца, мало чем отличается от только что приведённого. Характер его тот же, что и у духоборцев. «Помазание миром, по Уклеину, есть символ духовного помазания, которое невидимо преподаётся божественным учением. Покаяние есть только сокрушение сердца пред Богом и исповедание грехов пред Ним Единым. Как может человек разрешить грехи, когда он сам грешит, быть может, ещё более. Истинное причащение состоит в принятии учения Христова, в вере в истинность этого учения и в исполнении заповедей Христовых. А если Сын Божий заповедал нам плоть Свою ясти, то под плотью нужно разумеать слово, или учение Спасителя²⁷. Брак также не таинство и слова апостола: «тайна сия велика есть» (Еф.5:32) относятся не к браку людскому, а к таинственному браку Христа с Церковью. Брак должен быть совершён так, как показывает пример Товита, т. е., по благословию родительскому, а не как совершается он в церквях видимых: в Св. Писании нет никакого повеления соединять брачующихся²⁸. Под таинством елеосвящения нужно разумеать молитвы, приносимые Богу за болящих»²⁹. Таков же точно характер учения о таинствах и штундистов. При этом особенно резко выступает рационалистический принцип в учении младо-штундистов, совершенно отвергающих всякую внешность. Признавая, что спасение возможно только при непосредственном отношении ко Христу и благодати, младо-штундисты ставят на первом месте покаяние, понимаемое ими в смысле сердечного сокрушения о грехах, потому что покаяние, по мнению младо-штундистов, более всего служит выражением непосредственного отношения человека к Богу. «Мы веруем, говорится в Чаплинском вероисповедании, что купель покаяния возрождает в нового человека – Иисуса Христа, что через покаяние подаётся спасительная перемена, сообщается сила Св. Духа и воскресения». Но превращение грешника в праведника возможно только при условии соединения с покаянием твёрдой уверенности в то, что грехи наши снимаются ради праведности Искупителя: «верой в Его правду снимается с нас грех и усвояется нам благодать, так что мы умираем (для греха) и воскресаем (для праведности) перед судом Божиим»³⁰. Это соединение покаяния с верой в Иисуса

Христа и преимущественно в Его искупительную смерть и воскресение и есть крещение – «огненное», как называл его Коваль. Таинство причащения понимается также духовно. «Мы веруем, говорится в том же исповедании, что Иисус Христос есть хлеб жизни. Мы надеемся, что наш Спаситель есть виноградная лоза, вино от которой мы должны пить». Словом, «плоть и кровь есть Сам Спаситель, Который являет Себя верующим и принимающим Его живые слова, как сказано: В начале бе Слово... и Бог бе Слово... и Слово Плоть бысть... Мы принимаем Его живые слова и приобщаемся Его плоти и крови, как говорит Спаситель: Слушающий слова Мои и верующий в посланного Меня имеет жизнь вечную» (Ин.5:24). Таким образом, на основании того, что Ев. Иоанн называет Христа и Словом, и Плотью, младо-штундисты вывели заключение, что причащение есть принятие слова, учения Спасителя (смешение понятий Слово и слово).

Таково в общих чертах учение о таинствах рационалистических сект. В основе его, как мы видим, лежит чисто протестантская мысль о непосредственном общении христианина с Богом. Поэтому, таинства, как внешние средства, через которые действует благодать Божия, здесь признаются ненужными. Всё спасение сектант-рационалист полагает в руководстве одним св. Писанием, объясняемом по личному смыслу, без подчинения какому бы то ни было авторитету. Вследствие этого, если рационалистические секты и говорят о таинствах, то понимают под ними совсем не то, что понимает православная Церковь и даже беспоповщина. В этом отношении наши сектанты пошли даже дальше протестантов, так как отвергли всякую видимость, всякое подобие таинств. Только старо-штундисты в своём учении о таинствах почти не отступают от протестантов. Они признают также Крещение и Вечерю, которые называют таинствами и благодатными средствами ко спасению и совершают – первое через погружение в воду, второе через преломление хлеба. Но на самом деле штундисты придают им только символическое значение. «Крещение есть только символ очищения от грехов, символ гробоположения и воскресения Иисуса Христа (IV прав.

новооб. рус. бр.). «Вечеря есть священный обряд, совершаемый в воспоминание о Сыне Божиим, обряд преломления хлеба и вина, под каковыми видами Христос даёт верующим вкушать духовным образом Свое Тело и Свою Кровь» (Христос соприсутствует *cum pane, sub pane, in pane*) – [X гл. вер. кос. штунд. 4 пр. нов. рус. братства].

Если мы сравним с учением рационалистических сект учение беспоповцев, то по существу не найдём между ними ничего общего. В основе учения беспоповцев лежит консервативный, по отношению к православной Церкви, взгляд. Наоборот, в основе учения рационалистических сект лежит взгляд либеральный, отвергающий в корне учение православия.

Только одно положение в учении беспоповцев о таинствах имеет рационалистический характер, это – признание возможности причащаться духовно через «веру всеусердну, желание огнепально и житие добродетельно». «Чрез сия средства изрядная, говорят они, тояжде благодати, тояжде сладости духовные (какой удостаиваются причащающиеся Телом и Кровью Господа, под видом хлеба и вина) получает без всякого сомнения» (Пом. Отв.). В данном случае беспоповцы сходятся, по-видимому, с сектантами-рационалистами. Но если мы вникнем в суть дела, то увидим, что даже и здесь беспоповцы верны себе. Тогда как рационалисты мысль о духовном причащении смело выводят из принципа, что никакой внешности не должно быть, ибо «плоть не пользует ни мало», – беспоповец признаёт, что слова Спасителя: «ядый Мою плоть и пий Мойю кровь во Мне пребывает и Аз в Нем (Ин.6:54), елико всякого доверствия и благоговейного почитания достойна суть, толико и прилежного во тщании исполнения требовательна: во еже всякому всегда причастнику быти животворящие плоти и крови Господни»³¹. Ясно, что свободомыслие беспоповца совершенно иной пробы, чем сектанта. Оно вызвано нуждой защитить своеобразную доктрину, созданную под гнётом исторических обстоятельств. – Есть основания думать, что в глубине своего существа беспоповец скептически относится к мысли о духовном причащении. В продолжении всего XVIII ст. беспоповцы

причащались запасными дарами. Выходец Соловецкого монастыря, старец Авраамий принёс с собой в Поморье запасные дары. Очень может быть, что приносили и другие выходцы. Из этих запасных даров поморцы делали «новую евхаристию, разведя в новой квашне тесто и всыпав в оное оставшиеся крошки своего агнца». Так приготовленное причастие многие беспоповцы употребляли вплоть до 1791 года, когда оно вызвало горячие споры, окончившиеся, так сказать, постановлением беспоповщинского собора, запрещающего, с одной стороны – хулить это причастие, а с другой, – утверждать его действительность. Это же собрание окончательно утвердило учение о том, что «за лишением божественных сея в виде хлеба и вина совершаемая тайны можно получить все дары сообщаемая Св. евхаристиею чрез одно огнепальное тоя желание». Но и после этого беспоповцам трудно было примириться с мыслью о духовном причащении, как, наоборот – рационалистам трудно было признать необходимость чувственного причащения, которое было введено молоканами Крыловым и Масловым. Недаром их противники, которые составляли преобладающее большинство, говорили: «Поползло вкривь и вкось всё наше молоканство; стали творить всё негодное на соблазн и нечестие, чего нам Семёнушка (Уклеин) никогда не благословил». Как защитники Пчелинцева признавали, что учение о чувственном причащении с таинственным знаменованием противоречит основному принципу молоканства, так и беспоповцы чувствовали, что учение о духовном причащении есть измена коренным началам старообрядчества. Следовательно, и с г. Юзовым, ставящим мысль о духовном причащении во главу угла учения беспоповцев,³² нельзя согласиться. Мысль эта, как мы видели, чужда духу их, она вынуждена обстоятельствами и, потому, не может служить выражением основного характера их учения. До чего сильно сознание необходимости видимого причащения, видно из следующего. Один бегунский писатель видимое причащение поставляет в том, что он «каждый день трапезу поставляет и в показанное время обедает». И это отнюдь не ирония, как думает Юзов. Другой бегун – некто Михаил

Кондратьев – видит причащение Телом и Кровью Христовой в крестном знамении двуперстного сложения. Как ни кощунственны эти новоизмышлённые учения о видимом причащении, но они характерны в высшей степени. Они дают возможность видеть, как далеки беспоповцы от чистого рационализма. Как ни велику они допустили новизну, утвердив догмат о бессвященнословной церкви и признав положение, что спасение возможно при двух тайнах (крещении и покаянии), совершаемых мирянином, а прочих таинств может и не быть, – однако, в существе, они остаются охранителями старины, слепыми приверженцами старого обряда и буквы, готовыми из-за них идти на верную смерть.

Ф. Арф-в

***Amicus.* Открытые письма к другу-интеллигенту,
увлекающемуся учением Л.Н. Толстого. //**
Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 32–39

Созижду Церковь Мою, и врата ада не одолеют ей. (Мф.16:18)

Отвечаю теперь, друг мой, на предложенные тобой недоуменные вопросы, о которых ты спрашиваешь в своём письме. Вопросы эти показывают, что ты имеешь довольно смутное и неправильное понятие о Церкви, которую вслед за Толстым ты склонен отрицать.

Ты спрашиваешь: «как Церковь может быть непогрешимой, если она состоит из грешных людей? Все люди живут на земле и все, следовательно, земные и грешные. Почему же Церковь именует себя непогрешимой и требует веры в себя, т. е. в людей, да при том не только живых, но даже и в мёртвых?»

В ответ на это я прежде всего напому тебе, друг мой, что Церковь, по учению православному, есть тело Христово, верующие суть члены этого тела, а глава его Сам Христос. Читай Рим.12:4–6; 1Кор.12:18–27; Еф.1:22–23,2:19–23,4:11–16; Кол.1:18 и др. Припомни также обетование Спасителя пребывать вечно в Церкви (Мф.28:20) и послать апостолам Св. Духа Утешителя, Который пребудет с ними во век и наставит их на всякую истину (Ин.14:16–17,16:13). Из всех указанных мест ясно видно, что Церковь, как тело Христово, есть живой организм, который, имея своей главой Христа, оживляется благодатью Св. Духа. Если это понятие о Церкви ты хорошо усвоишь, то для тебя станет понятно, во 1-х, что, хотя Церковь состоит из грешных людей, она непогрешима потому, что с ней вечно пребывает глава её – непогрешимый Христос и ее всегда оживляет и на всякую истину наставляет Св. Утешитель – Дух; во 2-х, что веровать в Церковь не значит – веровать в «людей, да ещё и мёртвых», как это утверждают отступники, злонамеренно приписывающие подобное учение церкви, чтобы тем легче отторгнуть от неё неутверждённых в вере. По православному учению, в церкви нужно различать две стороны – видимую и невидимую. Церковь – видима, потому что она состоит из видимых людей, которые составляют видимое

общество, имеющее известное видимое устройство, иерархию и таинства. Но, с другой стороны, церковь невидима, потому что она невидимо управляется самим Христом, невидимо оживляется благодатью Св. Духа, и в составе своём, кроме видимых, живущих на земле членов, имеет и всех в вере скончавшихся отцов и братьев наших. Вот эта-то невидимая сторона церкви и составляет предмет нашей веры, потому что нельзя же веровать в то, что мы видим: вера, по Апостолу, есть «уповаемых извещение, вещей обличение невидимых», т. е., осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом. (Евр.2:1.),

Мы веруем, что церковь не «люди» и не дело рук человеческих, а веруем, по слову Св. Писания, что Церковь есть «дом Бога живого,» Им Самим устроенный и представляющий собой «столп и утверждение истины» (1Тим.3:15), – это величественное здание, которое имея Самого Иисуса Христа краеугольным камнем, утверждается на основании апостолов и, слагаясь стройно из верующих, как живых камней (1Пет.2:5.), возрастает в святой храм в Господе и устрояется в жилище Божие Духом. (Еф.2:20–22). Мы веруем, что не всякое общество людей, именующих себя истинно верующими, составляет церковь, ибо все сектантские общины именуют себя таковыми, а только то общество, которое основано Самим Христом, которое неизменно сохраняет данное Им устройство и учение и которое, при видимом правлении поставленных Им пастырей, невидимо управляется Самим Христом и оживляется благодатью Всесвятого Духа. Мы веруем не в «мёртвых», а в то, что мёртвые телом, но живые духом, пребывают в составе тела Христова – Его Церкви, что и они входят в состав той великой семьи, которую в такой широкой, величественной перспективе представляет апостол в послании к Евр.12:22–24. Посмотри, что за обширная семья, членами которой делаются верующие во Христа: вот на горе Сионской град Бога живого, Небесный Иерусалим, здесь на престоле – Судия всех Бог, перед Ним тьмы ангелов, здесь торжествующий собор и Церковь первенцев, написанных на небесах, здесь и духи праведников, достигших совершенства, здесь и Ходатай нового завета Иисус,

кровью Своей окропляющий и питающий всех, которых неверие ожесточённого сердца не отсекло от тела Его – Церкви. В этой великой семье все объединяются и одушевляются общим духом любви Христовой; между живыми членами тела Христова существует самая тесная связь и зависимость, в силу которой «страдает ли один член, страдают с ним все члены, славится ли один член, с ним радуются все члены» (1Кор.12:26). Поэтому-то мы веруем, что «духи праведников, достигших совершенства,» там, на небе, слышат молитвенные вопли и вздохи, возносимые здесь на земле нами грешными, и по чувству любви побуждаются ходатайствовать за нас, и действительно, помогают нам не своей силой, но в силу искупительных заслуг Единого Ходатая, предавшего Себя для искупления всех (1Тим.2:5–6.); веруем также, что и наши грешные молитвы вкупе с молитвами общей нашей Матери – Церкви, в силу возносимой ею бескровной жертвы, помогают умершим нашим братьям.

Вот, друг мой, истинное православное учение о церкви. Уясни его себе хорошо и тогда многие недоуменные вопросы, имеющие свой источник в злонамеренно, или же по неведению и недомыслию, приписываемом самой церкви, ложном учении о ней Толстого и других отступников, легко разрешатся и исчезнут, как дым.

Ты спрашиваешь далее: «как примирить слова Спасителя: «а вы не называйтесь учителями, ибо один у вас Учитель – Христос, все же вы братья,» и далее Мф.23:8–10, с существующим в Церкви разделением на епископов, священников, мирян и т. д.?» Отвечаю: если указанное место понимать не в узком, грубо буквальном смысле, какой придают ему сектанты, а в правильном, истинном его смысле, какой оно имеет в связи речи, то и примирять будет нечего, так как противоречия не окажется никакого. Сектанты, уставясь в букву, говорят – написано: «не называйтесь,» значит – и нельзя, безусловно и ни в каком случае. Но если бы, не упорствуя и не останавливаясь на букве, они захотели бы выяснить истинный смысл данного места из связи речи, то увидели бы, что выше в ст. Мф.23:6–7, Спаситель, обличает книжников и фарисеев за то, что они «любят предвозлежания на пиршествах,

председания в синагогах и приветствия в народных собраниях, чтобы люди звали их: учитель, учитель; поэтому далее, в ст. 8–10, Он говорить: «а вы не называйтесь учителями, наставниками и отцами,» т. е., не называйтесь в том именно вышеуказанном хвастливом смысле, в каком любили называться, гордившиеся этими названиями, чванные фарисеи. Следовательно, приведёнными словами Спасителя воспрещается не всякое вообще и безусловно употребление людьми названий «отец, наставник и учитель,» а воспрещается употребление их в том горделивом значении, какое соединяли с ними честолюбивые фарисеи, воспрещается *страстное* желание этих названий. А что правильное употребление их вполне естественно и законно, это видно из многих мест Св. Писания, где наименования эти усвоятся некоторым членам Церкви, и где ясно говорится, что пастыри и учителя, в Церкви-поставляются Самим Богом; читай 1Кор.12:28,29; Еф.4:11; Евр.13:7,17; 1Тим.5:17; 1Кор.4:15; Гал.4:19 и др. Все эти места, при сектантском понимании вышеуказанных слов Спасителя, будут стоять к ним в странном и необъяснимом противоречии (недаром штундисты, когда им указывают на подобного рода противоречия, кощунственно изворачиваются: «це, це, мабуть, Слово Боже плутає»), при православном же правильном понимании противоречия не окажется никакого.

Ты говоришь ещё: «по словам Спасителя, Богу нужно поклоняться «в духе и истине», а Церковь выражение «в истине» перетолковала «внешним образом»». Мой друг, не Церковь перетолковала учение Христово, а враги Церкви, не уразумев, перетолковали учение Церкви. Церковь учит, что вся жизнь человека должна быть посвящена на служение Богу. Но так как человек состоит из тела и души, то в служении Богу должны принимать участие тело и душа; иначе и быть не может, ибо душа живёт в теле и деятельность её проявляется при посредстве тела. Поэтому и Апостол говорит: «прославите Бога и в телах ваших, и в душах ваших, которые суть Божии» (1Кор.6:20). Отсюда видно, что служение Богу телом, под которым разумеется все внешнее Богопочтение, вся внешняя сторона религии, совокупность всех обрядовых форм и

действий, в которых проявляется служение Богу духом, не есть выдумка человеческая, а имеет своё глубочайшее основание в двусоставности человеческой природы. Само собой понятно, что служение Богу духом имеет главное и существенное значение, служение же телом, или вся внешняя сторона религии, имеет значение второстепенное, служебное, именно поскольку она необходима для выражения служения духовного. Само по себе Богопочтение внешнее, не проникаемое и не одушевляемое искренностью чувства, не имеет такого значения, оно не угодна Богу. 13). Пудовые свечи и стократные поклоны, которые ханжа купец отвешивает с такой же лёгкостью, с какой он обмеривает и обвешивает своих покупателей, конечно, мерзость перед Богом, но

«жарка свеча
поселянина
пред иконою
Божьей Матери».

Таким образом, истинное служение Богу по учению православной Церкви, состоит в правильном, гармоническом сочетании служения духом и телом; оно выражается в полноте Богопочтения внутреннего и внешнего, причём первому усваивается значение главное и существенное, а второму – значение служебное, подчинённое. Такое учение церкви вполне согласно с учением Спасителя о поклонении Богу в духе и истине. Выражение – «в истине» Церковь не перетолковывает произвольно «внешним образом», а поясняет, что поклонение «в истине» есть поклонение «в духе и теле», потому что истинный человек состоит из духа и тела, а также согласно вышеприведённым словам Апостола в 1Кор.6:20. Если же под поклонением «в истине», согласно с сектантами, именующими себя истинно-духовными, а на самом деле мнимо-духовными, ибо и они не могут обойтись без внешнего культа, – понимать одно духовное поклонение, то в таком случае слова Спасителя о поклонении Богу в духе и истине будут представлять странное тождество.

Ты говоришь, наконец, что «Христос не установил ни богослужения, ни иконопочитания, ни крестного знамения; Он

дал высший внутренний закон вечный, а Церковь заботится не об исполнении его, а о внешности». Но если бы ты, друг мой, не повторял вслед за клеветниками их ложных наветов на Церковь, будто она заботится только о внешности, а постарался бы получше усвоить правильный взгляд и учение церковное о внешности, то узнал бы, что Христос положил начало внешнему христианскому культу только в его главных существенных основах, определять же церковный ритуал во всех подробностях Он и не мог, потому что это стеснило бы свободное развитие духа и жизни церкви. Внешняя сторона религии не может быть раз навсегда заключена в определённые рамки, оставаясь неизменной, общей и одинаковой для всех в своих главных основах, – она в частности разнообразится и изменяется, смотря по месту и времени. Выражая в своей неизменной сущности сущность учения христианской религии, как религии примирения человека с Богом великой искупительной жертвой Голгофской, внешняя сторона этой религии в полном её обнаружении и воплощении является произведением живого духа церкви, с развитием которого она развивается и видоизменяется. Поэтому-то Церковь православная, верная хранительница и носительница свободного духа учения Христова, вопреки все поглощающей и все нивелирующей тирании папизма, учит, что при единстве вселенской Церкви могут существовать национальные церкви с некоторыми особенностями в обрядах; поэтому-то и существующие ныне на востоке православные церкви разнятся между собой в некоторых обрядовых действиях. Само собой понятно, что, во избежание произвола и беспорядка, право определять внешний строй и порядок жизни церкви принадлежит иерархии, как выразительнице церковного самосознания по преимуществу, все же члены церкви должны заботиться о том, чтобы всё было «благообразно и по чину» (1Кор.14:40).

Если, друг мой, ты хорошо уяснишь себе взгляд православной Церкви на внешнюю сторону религии, то вопросы о почитании икон и креста, которые обыкновенно представляются для сектантов камнем претыкания и соблазна,

для тебя легко разрешатся. Всячески издеваясь над иконами и крестом, с пеной у рта приступают штундисты к православному миссионеру и требуют показать им в Евангелии, где и когда учил Христос об иконах и кресте? Узкие фанатики, они и не замечают, в какое противоречие сами впадают, когда, отрицая внешность, требуют доказательства внешности из Евангелия, и хотят видеть Самого Христа приниженным до их грубого буквоедства. Замкнутые в узкой сфере этого буквоедства, они забывают, или же вовсе не знают, что Христос не имел нужды устанавливать того, что уже имело для себя основание в самой природе человека, в основном законе его психофизики, в том натуральном законе, по которому портреты дорогих нам лиц мы ставим у себя в комнате для постоянного напоминания о них, по которому на письменном столе у Толстого находятся статуэтки Будды и Шопенгауэра, по которому неуважение, оказанное нашим изображениям, мы относим лично к себе и т. д. Христос знал, что кто истинно и искренно любит Его, тот без всякой заповеди с Его стороны поставит у себя в комнате Его Божественный лик для постоянного памятования о своём Спасителе и Искупителе; такой человек не пожалеет денег и сделает дорогую ризу, чтобы украсить образ Того, Кто дороже отца и матери для него; он затеплит лампадку перед ним, когда, припав на колена, будет возносить горячую пламенную молитву к Нему; он будет с благоговением лбызать честный образ Его, а не попирает и топтает в бешеной злобе ногами, (как это делают сектанты, именующие себя истинно духовными и далеко не похожие на тех христиан первых веков, с которыми они так любят себя сравнивать). Христос знал, что кто всегда носит Распятого в сердце своём, тот и на груди своей будет иметь крест, нося Его «поругание и прославление»; кто с главами, полными слёз, преклоняет колена у подножия Распятого, тот не постыдится исповедать Распятого и всякое доброе дело будет начинать и оканчивать, оградив себя знаменiem и призвав силу честного и животворящего Его креста. O crux, ave spes unica!

Но правда, друг мой, что в жизни многих христиан в настоящее время внешность господствует, преобладает. Это, конечно, печальное явление, происходящее от неправильного

понимания и усвоения истинно церковного учения. Но справедливо ли, логично ли неправильное понимание истинно церковного учения многими, даже хотя бы и большинством её членов, считать и выдавать за учение самой церкви? «Если, ища оправдания во Христе, мы и сами оказались грешниками, то неужели Христос есть слуга греха? Никак». (Гал.2:17). А между тем, в том и состоит главная ошибка Толстого и других отступников от Церкви, что они, нарушая основной закон логики, от *части* делают заключение к *целому*, недостатки, присущие многим членам церкви, они распространяют на всю церковь и обвиняют всю церковь в том, в чём повинны только некоторые её члены. Чтобы избежать их ошибки, постарайся, друг мой, вникнуть в смысл притч о плевелах, о неводе, о званых на вечерю, почаще приводи на память слова Спасителя о неосуждении ближних, а – главное – почаще молись. Молись, пока ты не утратил ещё детской веры и способности молиться от чистого сердца Тому, Кто так любил невинных детей; молись, чтобы Он согрел сердце твоё любовью к Нему и направил бы ум твой на путь истины и волю на путь добра. Молись, друг мой! Он простит тебе грехи неведения, когда ты, словно объятый каким-то злым духом, позволял себе повторять «гнилые слова» клеветников на Церковь. Помни, что небольшие ранки, наносимые твоей ещё неопытной, детской рукой телу Христову – Его Церкви, для Главы её, увенчанной венком, гораздо больнее и мучительнее, чем самые сильные удары заматеревших уже и поседевших в продолжительной, но в бесплодной борьбе с Его Церковью, вратами адовыми неодоленной (Мф.16:19).

Amicus

(Окончание следует).

Шалкинский П. Раскольничий съезд беспоповцев в г. Самаре. // Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 39–53

21-го сентября истекшего 1898 года в Самаре состоялся съезд беспоповщинских наставников и других столпов беспоповщины.

Один из участников Самарского беспоповского съезда, или «собора» на языке раскольников, доставил мне тетрадь, печатанную на гектографе и содержащую в себе суждения и постановления означенного «собора». В состав членов сего «собора» входили «беспоповские духовные отцы», прибывшие сюда из разных мест России, а – главным образом – попечители беспоповских молелен и, так называемые, начетчики, апологеты и борцы против православия и православных миссионеров.

Беспоповцы это во второй уже раз собирались в г. Самаре; первый собор у них был в (7405) 1897 году, так что настоящий «собор» был продолжением первого.

Беспоповцы, как видно из гектографированной копии «деяний их собора», сильно были заинтересованы вопросом о беспоповцах самокрещенцах и не раз прежде собирали соборы в г. Саратове и в Нижнем Новгороде, на которых также рассуждалось по преимуществу о самокрещенцах, именно: как их принимать в беспоповское общество – через крещение или без крещения? Саратовские соборы (три) постановили самокрещенцев перекрещивать. Но беспоповцы других мест не согласились с этим постановлением и требовали принимать самокрещенцев без крещения. На последнем же Самарском соборе в (7406) 1898 году окончательно решено *перекрещивать*. Притом *соборяне* постановили, что, если кто решится не последовать этому собору, такового считать *не христианином*. С этого времени между беспоповцами, принимающими и не принимающими самокрещенцев без крещения, произошло окончательное разделение и образовались из них две враждебные друг другу партии.

Прежде, чем излагать «деяния Самарского беспоповщинского собора», будет не бесполезно сказать несколько слов о самокрещенцах. Когда у старообрядцев, по отделении их от церкви, не осталось никакой надежды на продолжение существования священной Иерархии, тогда многие из них решили предоставить право простецам перекрещивать приходящих к ним от нашей православной церкви, но некоторые не согласились с этим, зная, что простец не может перекрещивать еретика – он может крестить только младенца и то при смертном случае. Притом, говорили они, в настоящее время простецам нельзя быть крестителями потому, что на всех лежит рука еретика и очистить её некому. Таким образом, образовались две партии; из них одна известна под именем «глухой нетовщины», в которой даже младенцы остаются без перекрещивания. Из неё некто Матфей Андреев, живший близ города Самары, надумал крестить сам себя, по примеру св. муч. Дросиды и других. Так и сделал: сначала крестил самого себя, а потом и своих последователей. Таким образом, образовалась секта самокрещенцев.

С самого появления секты самокрещенцев, у других беспоповцев шли непримиримые споры и пререкания относительно чина принятия их: перекрещивать или не перекрещивать? Одни перекрещивали, а другие нет; совершенного же разделения между ними, какое произвёл Самарский собор 1898 года, ранее не было.

Обращаясь теперь к постановлениям Самарского «второго собора» беспоповцев, нужно сказать, что они заслуживают внимания ещё и в том отношении, что, кроме вопроса о самокрещенцах, в них разрешаются ещё и другие предметы к даны руководственные наставления «духовным отцам» беспоповщины. Поэтому, в интересах истории современного раскола и миссии, мы считаем нужным привести (с гектографированного беспоповского экземпляра) соборное их деяние слово в слово, не исправляя даже и грамматических ошибок, неточностей и знаков препинания. Печатный экземпляр озаглавлен так:

«Предъяобъяснение о причине настоящего собрания». *Дальше следует:* «Понеже никто же в человецех совершенство когда получил есть: вси бо забвению и неведению подлежим, ови убо-меньше, ови же больше; вси же друг друга требуем совета и помощи» (Грам. преп. Максима Грека л. 21).

«Да не во внешнем образе полагаем быти христианство ниже да возмним, яко сия токмо довлеют нам, но да делами утверждающе непрестанно правду и истину» (злат. на раз. случ. слов. 25, лист 294 и обор.)³⁴.

«Ибо мы (на то) составляем общежительства и учреждаем обще-народные собрания, что бы связаны будучи любви союзом исправляли друг друга в грехопадениях». (Той же к Антиох. нар. бесед, 16 знак. 6).

«В естестве бо христианина лежит вещь та, не досаждай Богу: Аще речеши яко христианин не может пользовати, досадила еси Богу и ложно его рекл еси». (Нрав. учен. 20 на деян. св. ап.).

«Идеже два или трие суть собрани, рече, во имя мое, ту есть по средине их. Аще два велие могут, много паче множайшии» (Также нрав. учен. 34)³⁵.

«Довольно (и) одного человека усердием возженного ко исправлению всего народа: но когда не токмо один, ниже два, или трие, но толикое есть множество, которые могут принять на себя труд о исправлении нерадящих о своем спасении... прииди восстанови (рече) словами делом кротостию и прещением» (Злат. к Антиох. народ. бесед. 1 знак. 12).

«Также и цевница духовная сосуд избрания священный Павел написал и глаголя: зане Аз убо аще не у вас сыи телом, ту же живый духом, уже судих яко тамо сый... Основания бо иного никтоже может положить паче лежащего, яже есть И Исус Христос» (зан. 132–128).

«Ныне же мнози от человек, заповедям убо Спасовым яве не радят, преданию же человеческого повинуются паче» (пролог Августа 14 день)³⁶.

«И колико тень от тела и сновидение от самые вещи различествует, толико от истинныя Божия премудрости, различествует мнимая премудрость мира... Премудрость убо

нам есть пророческий язык, и апостольское учение: и Евангелие царствия есть верх духовного преимущества и власти» (злат. бесед. нараз. случ. в слов. 12 лис. 177).

«Согласно этого, нибезъ-полезно будет братие, для всякого христианина рассмотреть в точности: на каком именно основании утверждается догмат св. крещен. по мимо Христова Евангелия».

«Аз бо есмь путь глаголет Господь; совращающийся убо с пути сего заблуждает; тако и различным учением предавыи и не ходяи по Евангельскому учению, ничем не различествует от корабля волнами носимаго... ибо первый законоположник был Моисей, а второй законоположник Спаситель, ни единого народа но всея земли» (Тамже нар. случ. слов. 18).

«Сего видеве Иоанн и вопияше к нему: что творити Владыко... Еже ли креститися хочещи крести сам себя... но Господь к нему глаголет: остави ныне: тако бо подобает нам исполнити всяку правду. Остави ныне: знаешь ли еже глаголешь. Я знаю еже делаю... Яко же обрежася, да закон исполню, тако и крещаюся, да благодать утвержду. Еже ли часть исполню, и часть оставлю не достаточным сотворю смотрение. Надлежает (бо) мне вся исполнити, да после напишет Павел кончина закона Христос в правду всякому верующему. Остави Иоанна, – остави свыше Отца вопити... сей есть сын мой возлюбленный онемже благоволих: того послушайте» (в той же беседе в сл. на Богоявление Господ.).

«В послушание сего жалость дома Господня убедила и нас собраться второе в Богохранимый град Самару, и рассмотреть общим советом те более причины от которых много лет волнуется все–общее христианское состояние, и теряет между собою любезный мир оставленный самим пострадавшим ради церкви Спасителем» (Иоанна зач. 48).

«Таковое прискорбие вместе с провидением Божиим побудило нас недостойных, не восхищением славы, но с великим сокрушением сердца, исполнить долг христианской обязанности³⁷ подражая в том вышепоказанным святым заветам³⁸, и принимая к сведению заповедь Господа Иисуса Христа глаголющего: добро соль: Аще же соль не слана

будет чим осолится: имейте соль в себе и мир между собою» (Мар. зач. 42).

«Такое все христиане вся делают на него взирая и повинуюся ему глаголющему; да просветится свет Ваш пред человеки, яко давидят ваша добрая дела и прославят Отца Вашего иже на небесах» (Злат. нар. случ. 24 лист. 292).

«Совокупляя таким образом все воедино составим талант нетленных сокровищ, и приобретем за то неотъемлемое благо в наследие царства небесного» (к Антиох. нар. бесед. 16 знак. 6)»

«Возследствующие правде почести получим от Христа: ему же слава во веки веком Аминь» (Нараз. случ. слов. 25).

«Во имя единосущные и не делимые Св. Троицы Отца и Сына и святого духа, трисоставного божества во едином существе поклоняемого».

(Дальше следуют: сами постановления).

«Мы удобопоследнии блюстители древняго Благочестия христиане, Поморского законобращнаго согласия, собравшиися в Богохранимом граде Самаре, в лето от сотворения мира 7406 месяца Сентября в двадесять первый день, и по принесении молитвы Всевышнему Богу приступивше к рассмотрению нижеследующих предметов, по довольном разглагольствии священного писания, пришли общим советом к настоящему сему заключению».

1. «О церковном пении в различном виде т. е. Старознаменном на «он» и на «ер» ныне существующем: собрание нашло, что на «онное» пение существует с князя Ярослава³⁹ то по сему и не должно его хулить всякому православному христианину, но как некоторые, христиане нашли в неудобопонятное, почему и переменили его по печатному Иосифскому тексту, то собрание постановило о сем иметь терпение и не крамолиться и не приличными словами не укорять, как постановлено было в 14 пункте Саратовского собрания 1878 года».

* * *

2. «Находящегося иногда близ г. Самары самокреста Матвея Андреева: не признавать произведённое им над собой самокрещение за правильное и свято-очистительное».

«А также не признавать сущими христианами всё его духовное потомство и не сообщаться с ними, но яко чуждых удаляться в молитве, ядении и в питии»⁴⁰.

«И если, кто из ристиан к не приобщенным сам приобщаться будет и сам отлучен будет все-общего соединения в купе с христианами» (по 9 пр. Корф. соб.)⁴¹.

«Ибо нам по ближайшему вопросу-изледованию и по собственной его Матвея Андреева рукописи ясно извстилось, что его поступок в самокрещении совсем не содержит того смысла по которому производились в первые века самокрещения».

«Во-первых он не в соединении Духа с Христовой церковью, и не с точною верою во святое Евангелие произвел над собой крещение».

«А во-вторых, ни время обстоятельства ни смертная нужда (как несправедливо о нем всегда передавали) но самоумышленное мудрование уверило его произвести самокрещение по примеру случайных событий⁴²: первые самокресты не по зазрению церкви Христовой крестили себя, а Матвей Андреев, довольно имея в виду сущих христиан, и не изволи принять ни от единого св. крещение, словом зазирая во всеобщем погрешении всю Церковь Христову о чем доказывает самая рукопись М. А. которая и до ныне сохраняется в г. Самаре».

«Такое само убеждение вполне уясняет веру его, вопреки самого Христа рекшаго: Церковь Мою врата адова не одолеют» (Мат. зач. 67)⁴³.

«А Матвей Андреев доказал верою и делом, якобы Церковь Христова всюду утратила преподательную благодать во св. крещении⁴⁴, и ничем более возможно восстановить оную как только самокрещением».

«И всё это не правоверие, как видится подтвердилось им на самом деле во время его жизни, а далее запечатовал он и смертью своё к церкви Христовой не примирение».

«В таком смысле объяснения само собою доказывает, что Мат. Авдр. событие никак невозможно сопричислить в общий ряд с прежними самокрестами»⁴⁵.

«А коль скоро не подходит он к числу прежних самокрестов, то и нет более никакого основания признавать его самокрещение благодатным: почему он не мог преподавать и другим того чего сам не имея (Никон Черн. горы в слов. 63), ибо ясно предсказано о таковых самим законодателем Господом: не может древо зло, плоды добры творить» (Мат. зач. 22).

«Сие принимая к сведению и первое Христианское Собрание в Самаре 7405 года сопричисляя это самокрещение к сомнительному, самое же право окончательного о нём решения предоставило следующему соборному рассмотрению».

«Настоящее же собрание с правом прежнего, всё мнение о выше сказанных самокрестах покончило: на основании евангельского закона и согласно трёх Саратовских соборов постановило: всех произшедших от Матвея Андреева (и прочих подобных таковым) не иначе принимать в соединение церкви, как только воспринимать им св. крещение».

«Понеже не сходит благодать св. духа на крещение зловерующих, почему правильно и подлежат они суду Христова изречения: Аще кто не родится водою и духом, не может внити в царствие небесное» (Иоанн зач. 8).

«Согласно этого предъусмотрения не последуем мы и законными не признаем Нижегородские Собрания, которые не испытавши сущности приняли к частному соединению крещённых означенным самокрестом, руководясь в том не преданными фактами для руководства церковного, и на основании оных, не пример законного приятия. нынешним самокрестам показали но велию укоризну прежним исходатайствовали яко бы и они так же, как и последние, зазирая церковь в погрешении: и за лучшее признавая самим над собою производить крещении».

«При всём точном рассмотрении полагаем мы общий совет всякому православному христианину, благонадежнее утверждать в закон церкви един образ Христова крещения, и не примешивать к нему (кроме смертной нужды) разноподобный виды частных крещений, принимая на то к сведению апостольское благовестие: «Основания бо иного никтоже может положить паче лежащего еже есть Иисус Христос» (зач. 128).

* * *

3. «О развратном бракоборном учении Собрание пришло к такому заключению: в виду без-образных нелепых и не Богоспасаемых их учений считать таковых чуждыми Христовой церкви⁴⁶, за что собрание единогласно постановило: егда обратятся они в лоно Христовой церкви, принимать их не иначе, как можно со строжайшим залогорасследованием евангельского и апостольского и свято отеческого соборов учения и требовать от них залог веры вашего исповедания с лобзанием Христова Евангелия и Животворящего Креста, чтобы с уверением усвоить им крепость в правом исповедании, и да постятся сорок дней с тысячным правилом⁴⁷ и просят от Господа Бога общения святого Духа (но это все полагаем соблюсти кроме необходимой нужды»).

* * *

4. «Приход пророков Илии, и Еноха, и Иоанна Богослова, также и чувственного антихриста; Собрание по долгом между собою разглагольствию пришло к общему сему заключению и на основании Божественного Писания признало, что приход их не в чувственном виде, но в инокосказательном духовном смысле ожидающих же чувственного антихриста, мы признаём по правому писанию святых отец, как не согласующихся с истинным понятием церкви и учением Апостола Павла (зач. 275) таковые должны быть отлучены».

* * *

5. «Собрание определило решить вопрос о многоженстве на ниже следующем основании».

1. «Бог сочета человек да не разлучает» (Мат. зач. 78).

2. «Аще ли разлучится да пребывает безбрачна» (Апост. зач. 136. Карф. соб. прав. 102).

3. «Жена привязана есть законом в елико время живет мужа» (Апост. зач. 138 и 94).

4. «Да не речеши бо мне сие яко отрину ибо и отринутая пребывает отринувшаго ю, жена сущи» (Еванг. бесед. на Мат. 16 м Никон Чер. гор. в слове 13).

5. «Аще не поял бы ю, возвратилася бы и покорилася своему мужу» (Благов. на Мат. зач. 13).

6. «Воистину есть прелюбодеяние, понимать жён, ещё сущим живым первым мужем» (Злат. нараз. случ. бесед. 3)⁴⁸.

* * *

«А также Собрание рассмотрело и о нижеследующих предметах, а именно:

1. «Соблюдать благочиние в церкви и предохранять церковь Христову от всякого порока и соблазна».

2. «Святая церковь постановила – быть ежегодным Собраниям⁴⁹ согласно этого и христианам не бесполезно иметь на всегда общий совет для блага и единомыслия церковного».

3. «Духовные отцы также, как и прежде по желанию общества христиан должны быть назначаемы, и по крайней необходимости благословляемы не зазренным лицом духовного настоятеля»⁵⁰.

4. «Не возможно нарушать участвующим лицам постановление сего собрания, а тем более подписавшимся к нему своеручно».

5. «Сие христианское постановление должно быть прочитаемо каждым настоятелем в своём обществе».

6. «Уклонившийся из христиан по причине брака во внешнюю церковь и по возвращении не может быть настоятелем. А также не могут быть и второбрачные, и похитившие что-либо из церковного пожертвования, а тем более после раскаяния не должен похищенное удерживать у себя, но возвращать его по принадлежности».

7. «Отцы духовные не могут переходить из своего места в другое ради своих интересов».

8. «Сочинения разного рода хотя бы оные и христианами составлены были, но не по смыслу святозаконного писания, таковые в обдержность не принимать и не давать им никакого значения».

9. «Каждому христианину необходимо признавать и исповедовать семь церковных таинств»⁵¹.

10. «Не должно христианам производить табачную, винную и пивную торговлю, и не содержать разного рода увеселений в своих домах»⁵².

11. «Творение Божие признавать всё добрым, как-то картофель, чай, кофе и прочая, но употреблять из них только, что не запрещено»⁵³.

12. «Старчию исповедь иметь в необходимом значении для всякого христианина».

13. «Настоятели несовершеннолетних в супружество совокуплять не могут».

14. «Не могут духовные настоятели давать совет на сочетание брака, с лицом не своего христианского общества».

15. «Христианин аще не соблюдет общее сие постановление и поемлет себе жену от внешнего общества, то таковой брак признать тогда законным, когда не верная часть присовокупится к правоисповеданию Христовой Церкви».

16. «Относительно самовольного брадобрития духовным настоятелям запрещать строго прихожанам, а так же и главы постригать, не иначе как только по обычаю христианскому».

17. «Аще сосватаются к браку, а жених или невеста общают со внешними в ядении и питии, то принимать таковых для совершения брака церковным порядком, не менее как с епитимиею трёх, а по крайней нужде двух недельного поста, и молитвы по усмотрению отца духовного».

18. «Аще усмотрено будет который настоятель за преступление уволен собранием от духовной должности и остался доволен постановленным о нем определением и подписавши оное своею рукою, но после сего начнет паки исполнять духовную должность, то с таковым не совокупляться христианам в общественной молитве» (по 28 прав. св. ап. и по 9 прав. Корф. Соб.)⁵⁴.

19. «Настоятелям не дозволяется *церковным порядком* брачить с иным лицом, от живого супружества, т. е. жену от живого мужа или мужа от живой жены, и Аще из таковых что будет *лишается настоятельства*»⁵⁵.

20. «Поющие, или пляшущие христиане на свадьбах, таковые должны быть отлучены от общения церковного донележе исполнят епитимию отца духовного».

21. «Отцам духовным не обходимо предупреждать прихожанам в необычной одежде ходить на молитву».

22. «А так же запрещать всем находившимся в общении церковном (кроме необходимых нужд, для лакомства) ходить в своими сосуды кольми паче без своих: во все места увеселительных домов, а за ослушание облагать таковых эпитимиею».

23. «Христианам не должно покупать внешнего писания иконы, Аще и добре изваяны»⁵⁶.

24. «Отцам духовным всячески удаляться чаепития, а так же воспрещать и прихожанам кольми паче в постные дни с сахаром».

25. «Аще кто из христиан яве обличен будет в табачном курении и не оставит таковое за прослушание церкви осужден будет словом Христовым яко язычник и мытарь» (Мат. зач. 75)⁵⁷.

26. «Отцы духовные во всех важных предметах т. е. приятиях и отлучениях, необходимо должны иметь совет с церковью⁵⁸, а тем более о тех причинах которые нарушают церковное спокойствие, и делают вражду между братии».

«При заключении всего рассмотренного нами славу и хвалу воссылаем Всемогущему Богу давшему нам, благую ревность к начинанию и богатую милость к совершенному исполнению, о всех обще-полезных предметах для душевного спасения ибо Сам Владыка законодавец сии презирая на общие советы во имя его бывающие и деже бо (рече) еста два или трие собрани во имя Мое ту есть по среде их» (Мат. зач. 76).

«Тому слава и держава ныне и присно и во веки веком Аминь».

Затем идут следующие подписи:

«Настоятель старообрядцев г. Самары Пётр Иванов Белов; настоятель Никифор Александров Удалов; за настоятеля Саратовских старообрядцев Карл Варнаков; настоятель Корнилий Иванов Ерофеев; настоятель Фёдор Григорьев Сороков; настоятель Пётр Яковлев Галкин, настоятель Григорий Прокофьев Шилин; настоятель Алексей Степанов Скрыпин; за настоятеля Царицынских старообрядцев Кондратий Скворцов; за настоятеля с. Черно-булака Никита Бурмистов; настоятель Афонасий Перфильев; настоятель Павел Бочкарев; настоятель Михаил Никитин Комаров; настоятель Иван Нестеров;

настоятель Тимофей Алексеев Балашов; настоятель Димитрий Иванов Пронин; попечители Самарского молитвенного дома Алексей Ушанов. – Иван Иванов Еделев, – Василий Селиверстов Крашенинников; попечитель Саратовского молитвенного дома – Алексей Кудасов; попечители Самодуровского молитвенного дома: Евтропий Ермолаев Лякин и Спиридон Петров Дунченкин, Иван Михайлов Ивакин, Иван Алексеев Лукичев, Фёдор Козьмин, Иван Иванов Поликарпов, Иван Ларионов Чушкин, Григорий Иванов Сычев, Михаил Дмитриев Суворов, Семён Сергеев, Иван Евплов Лепендин, Филимон Николаев Вятких, Степан Максимов Юдин, Димитрий Спиридонов, Бакшаев, Корнилий Никифоров Лицевов, Василий Багров, Илья Никитин Долгов, Димитрий Чурбанов, Андрей Спиридонов Матонцев, Димитрий Романов Рувавов, Павел Яшин, Яков Васильев Лаврентиев, Софон Леонтиев Галкин, Иван Клементиев Кузнецов (головщ. Самар. Молнтв. дома), Андрей Константинов Ушанов, Михаил Дмитриев Иконников, Степан Иванов Карпов, Зиновий Иванов Годунов, Иван Осипов Ушатов, Василий Иванов Белов, уполномоченный от Саратовских христиан Терентий Акимов Худошин, Артемий Петров Чирчинцев и Иван Алексеев Ушанов». Тем соборное деяние, в гектографированном экземпляре, и кончается.

Таковы «деяния» «Самарского собора беспоповцев». В заключение позволительно сказать несколько слов для вразумления заблудших братий. Любезные беспоповцы! Потрудитесь, прошу вас, теперь прочесть со тщанием ваше соборное постановление и мои краткие подстрочные возражения на него; вникните беспристрастно и, с Божией помощью, не уразумеваете ли, что ведь простецы не имеют права устанавливать обдержные законы для руководства церкви, ибо они, без Епископов, не составляют и Самой Церкви. Церковь составляется не из одного какого-либо члена, но из различных: *«Яко же бо во едином телеси мнози уды имамы, уди же вси не тожде имут делание»* (Рим.12:4), говорит св. Апостол. В другом месте он же говорит: *«Яко же бо тело едина есть и уды имать мнози, вси же уди единаго тела, мнози суще, едино суть тело: тако и Христос»*. *«Ибо тело несть един уд, но*

мнози» (1Кор.12:12,14). Какие же уды должны быть в теле церковном? Св. апостол Павел объясняет: *«И овых убо положи Бог в Церкви первые апостолов, второе пророков, третье учителей»...* *«Еда вси апостоли, еда вси пророцы, еда вси учителя»* (1Кор.12:28–29). *«И той дал есть овы убо апостолы, овы же пророки, овы же благовестники, овы же пастыри и учителя, к совершению святых, в дело служения, в созидание тела Христова, дбндеже достигнем вси в соединение веры и познание сына Божия, в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова»* (Еф.4:11–13). Таковую церковь создал Христос; возвращая во Христе таковую церковь, св. апостол Павел называет таковых истинствующими и составляющими церковь приличне: *«Истинствующе же в любви да возрастим в него всяческая, иже есть глава Христос»*. *«Из него же все тело, составляемо и счиневаемо приличне всяцем осязанием подаяния, по действию в мере единыя коеяждо части, возвращение тела творит»* (Ефес.4:15,16). Из сего видно, что каждая часть или уд тела церковного, т. е., епископы, священники, диаконы и миряне, – каждый в своей части, или в своём месте, должны возвращение творить, а не так, чтобы одна часть росла, а другая уничтожалась, – это было бы неприлично не только телу церковному, но и телу одного бренного человека; такого человека, не имеющего какого-либо члена, не называют приличным, а справедливо называют уродом; тело же церковное уродом быть не может никогда.

Безпоповцы часто называют своё общество Церковью Божией, но это неправильно: Христос Спаситель создал свою Церковь из различных членов, а не из одних мирян; о ней и сказал: *«Созижду... и врата адова не одолеют Ей»* (Мф.16:18). Вот об этой-то церкви и должны вы, безпоповцы, позаботиться – отыскать Её и присоединиться к Ней, а не самочинные и бесчинные соборы составлять и неправедные законы писать; ибо: *«Глагол же Господень пребывает во веки»*. (1Пет.1:25).

Саратовский Епарх. миссион. свящ. П. Шалкинский

Из миссионерских запросов

Кальнев М., Чельцов М. Два мнения по вопросу о том, допускать ли во второклассные церковно-приходские школы детей раскольников и сектантов // Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 54–69

Audiatur et altera pars.

В ноябрьской книжке «Мис. Обозр.» за 1898 год преподавателем Калужской духовной семинарии, а ныне столичным миссионером, М. П. Чельцовым, затронут один из интересных в миссионерском отношении вопросов, а именно: *могут ли быть принимаемы во второклассные школы дети раскольников?*

Вопрос этот, по словам г. Чельцова, обращает на себя внимание вследствие отсутствия определённых по нему указаний в официальных, изданных Св. Синодом, «разъяснениях по вопросу об устройстве второклассных церковно-приходских школ» и встречающихся поэтому в училищной практике недоразумений побудивших автора взяться за обсуждение данного вопроса и дать относительно его «посильное разрешение, в надежде, что выскажутся о том и другие заинтересованные лица».

Считая себя, как миссионер, заинтересованным в данном вопросе, позволю себе высказать своё суждение, тем более, что определённо высказанного решения по данному вопросу в своей статье г. Чельцов, собственно говоря, не даёт, хотя общий тон его суждений говорит за допущение раскольников в школы второклассные, даже за предоставление окончившим в них курс раскольникам права быть учителями в церковно-православных школах грамоты. При всём глубоком уважении к гуманно-просвещённым взглядам почтенного деятеля миссии, высказанным им в решении вопроса о просвещении тёмной раскольнической среды светом школьного образования, с вышеуказанным мнением автора по затронутому им вопросу мне представляется невозможным согласиться, и вот почему.

В начале своей статьи г. Чельцов приводит то мнение, что раз второклассные школы имеют своей целью готовить учителей для школ православного исповедания, то, следовательно, эти учителя могут быть только лица православные, почему и ученики в школах грамоты могут быть только дети православных родителей.

С таким совершенно справедливым мнением г. Чельцов не согласен, думая, «что эти формально основательные доводы вытекли из узкоспециального, не оправдываемого общими соображениями о церковной школе и церковном просвещении, взгляда на второклассную школу». Сказав далее о миссионерском значении вообще второклассной школы, г. Чельцов говорит следующее: «рассматриваемая, как церковная школа, какова она на самом деле и есть, второклассная школа волей-неволей, намеренно или непреднамеренно, сознательно или нет, но необходимо должна, если не по «разъяснениям» и теории, то на практике, в самой жизни явиться, стать миссионерской школой. В нежелании призвать её за таковую, равносильном (нежелании) умалению главнейшего значения церковной школы в раскольнической местности и во взгляде на неё, как на специально призванную давать только учителей, и кроется, полагает г. Чельцов, боязнь пустить в неё учеников-раскольников. Правда, такой взгляд, по-видимому, всецело зиждется на «Разъяснениях» Училищного Совета, видящих во второклассной школе как будто бы только специально подготовляющую учителей школу. Но не на букве ли, спрашивает г. Чельцов, зиждется этот взгляд?»

Никто, думаю, не может отрицать той истины, что второклассная церковная школа должна иметь миссионерское значение. Но неужели она потеряет это значение оттого только, что в ней не будут учиться дети раскольников? Разве, подготовляя будущих учителей народа, вносящих в его тёмную среду свет просвещения в духе православия, – учителей, могущих не только стать защитниками Церкви православной от нападений и злоухищрений раскола и сектантства, но и деятельными помощниками пастырям в их борьбе с религиозным заблуждением, наша второклассная школа не выполнит своего миссионерского назначения, не окажет великую помощь делу православной внутренней миссии?

Миссионерское значение второклассной школы должно состоять не в том непременно, чтобы давать в ней более широкое воспитание раскольникам, хотя бы они, получив его, и не принимали православия, как думает г. Чельцов; – для этого

существуют другие общие для простого народа школы церковные, земские, министерские, а в том, – чтобы подготовить таких людей, которые и словом, и делом, путём воспитания детей, убеждения взрослых и примером своей жизни могли бы облегчить борьбу церкви и государства с вековым расколом и сектантством, приняв в этой борьбе непосредственное, личное, живое участие. Не в нежелании признать за второклассной школой миссионерского значения и не на букве «Разъяснений», как думает г. Чельцов, зиждется опасение пустить в неё учеников-раскольников; недопущение во второклассные школы учеников-раскольников необходимо вытекает из самого назначения её – давать учителей для школ грамоты. Мне думается, вся ошибочность взгляда г. Чельцова по рассматриваемому вопросу и проистекает более всего от нежелания видеть во второклассной школе вышеуказанное специальное её назначение и от стремления, вопреки этому прямому её назначению, навязать ей то дело, какое она никогда не может и выполнить.

В статье г. Чельцова сквозит чувство неудовлетворённости тем образованием, какое получают дети-раскольники в наших начальных школах; ему хотелось бы допустить их и во второклассные школы, как имеющие более широкую программу образования и потому могущие сильнее воздействовать на них в смысле сознания правоты греко-российской Церкви. Желание в принципе справедливое: больше света – ближе к истине; но в силу необходимости оно должно остаться пока только желанием.

Прежде всего необходимо обратить внимание на тот факт, что в силу одного только ограниченного количества возникших недавно второклассных школ, последние никоим образом не могут быть *общедоступными* образовательными заведениями для народа. Ведь не нужно забывать, что раскольники по епархиям числятся тысячами, десятками и даже сотнями тысяч, второклассные же школы единицами. А сколько сектантов? В иных епархиях их тоже считают тысячами и десятками тысяч. В рассматриваемом вопросе о второклассной школе г. Чельцов почему-то о последних не говорит ни слова, но я думаю, он

согласится, что религиозно-просветительное влияние этой школы непременно должно простираться и на сектантских детей, пожалуй, ещё более, чем на детей раскольников, ибо сектантство и вреднее, и беспокойнее, в смысле пропаганды, чем раскол. (1Кор.12:22–24).

Допущение детей-раскольников во второклассные школы г. Чельцов обосновывает на возможности, под благотворным её влиянием, принятия последними православия, хотя сознаёт, что это может и не случиться. Но допустим первое. Невольно подымается и такой вопрос: насколько искренни будут эти присоединения к Церкви, не будут ли ученики-раскольники, в чаянии лучшего для себя в будущем материального и общественного положения, принимать православие по расчёту, лицемерно.

В самом деле, раскольнику-ученику, взятому из тёмной невежественной среды, вкусившему некоторую долю просвещения, не очень желательно снова возвратиться в ту же среду, не извлечь практической выгоды из приобретённых специальных познаний; несколько всё-таки отвыкшему от постоянного крестьянского труда, быть может, тяготящемуся им и в перспективе видящему более чистый интеллигентный труд учителя, соединённый с более видным общественным положением и авторитетом среди народа, при надеждах в будущем, хотя бы и в отдалённом, добиться трудом ещё чего-либо лучшего, допустим – диаконства, – слишком большим соблазном должно казаться звание учителя, и для лиц индифферентных в деле веры, ничего не стоит лицемерно принять православие, как ничего не стоило бы вследствие иных выгодных обстоятельств, оставить его, перейти снова в раскол и тем произвести большую смуту в умах бывших своих учеников, в умах народа и поднять дух самих раскольников⁵⁹. Вред, причинённый Церкви одним лицемерно присоединившимся учителем из раскольников, может оказаться неизмеримо больше той пользы, какую принесли бы ей 40 учителей, присоединившихся к ней искренне миссионерам хорошо известно, какие приносят иногда печальные последствия рецидивы обращающихся к православию раскольников и

сектантов. Но с этими обстоятельствами г. Чельцов не хочет считаться, а старается далее убедить читателя, что для детей раскольников возможно не только получать образование во второклассных школах, но и быть, по окончании курса в них, сельскими учителями в школах грамоты, даже в том случае, если бы эти учителя не пожелали перейти в Православие, а оставались в расколе, т. е. продолжали быть упорными противниками Церкви. Дальше пойти г. Чельцов, кажется, уже не мог. Но посмотрим, насколько основательны его доводы в пользу допущения учителями в православные церковные школы лиц, не признающих Церкви Православной.

«Допустим, говорит он, что раскольники-ученики и ко времени выпускного экзамена во второклассной школе не сознают неправоты раскола и не пожелают перейти в Православную Церковь; как же быть тогда? Не дозволять открывать школы таковому, не назначать учителями. Но хочется спросить в то же время, не может ли быть учителем школы грамоты благонадёжный и способный раскольник? Как учитель школы грамоты, он будет находиться под руководством и постоянным надзором (?) местного священника, в постоянном (?) общении с ним. Этого обстоятельства нельзя забывать при рассуждении о раскольнике, как школьном учителе: оно весьма важно».

Что учитель-раскольник может быть человек «способный», я это понимаю, но как этот учитель православной церковной школы, как раскольник, может быть в религиозном отношении «благонадёжный» я решительно не могу понять. Полагаю, что под благонадёжностью раскольника-учителя церковной школы грамоты г. Чельцов понимает не одни лишь нравственные его качества, а и такое его общее поведение, которое никогда не давало бы никакого повода ученикам да и народу к религиозным соблазнам или сомнениям; это же должно сказать и об учителе-сектанте такой же школы по рецепту г. Чельцова⁶⁰.

Можно опасаться, что *в силу необходимости, вследствие религиозных своих убеждений, раскольники и сектанты-учителя школ грамоты окажутся или пропагаторами или лицемерами, развращающими в религиозном отношении детей-*

школьников, но таких учителей для наших школ, не правда ли, не пожелает никто, и сам г. Чельцов?

Далее, автор рассматриваемой нами статьи, доказывая возможность допущения раскольников учителями в школы грамоты, как это уже мы видели, придаёт «весьма важное значение» влиянию на таких учителей местных священников.

Как учитель школы грамоты, говорит г. Чельцов об учителе-раскольнике, он будет находиться под руководством и постоянным (?) надзором местного священника, в постоянном (?) общении с ним». Совершенно справедливо, что руководство священника может простираться на педагогическую деятельность учителя-раскольника, но всегда ли и неотразимо оно может воздействовать на его религиозное заблуждение и, что особенно важно, – нашего религиозно-воспитательное влияние на детей?

Конечно, нет. Ведь, из второклассной школы, скажем словами г. Чельцова, «будут выходить уже не дети, а люди, перед которыми будет предстоять уже самостоятельная жизнь». Если второклассная школа, как могущественнейшее религиозно-воспитательное средство, не могла изменить убеждений её воспитанников, оставшихся и по выходе из неё упорными раскольниками или сектантами, то повлиять на них в благоприятном смысле священнику не так легко, как это представляется г. Чельцову, скорее совсем уже невозможно.

Относительно благотворного воздействия и даже возможности постоянного надзора священника над раскольником-учителем странно было бы и говорить. Прежде всего спрашивается, что это за учитель, находящийся под «постоянным надзором» священника? Да и возможен ли подобный надзор над учителем? «Конечно, нет. Разве г. Чельцову не известно, что школы грамоты, как самые начальные и недорогие школы, открываются, в большинстве случаев, не по сёлам, где живут священники, а по деревням, по отдалённым глухим хуторам, куда священник может лишь изредка заглянуть, в особенности в глухую осень или зимнюю пору, почему часто и само преподавание Закона Божия поручается учителям школы? Вследствие указанных и многих

других обстоятельств, к числу которых должны быть отнесены многообразные обязанности священника по приходу, нечего и думать о «постоянном надзоре» над далеко живущим от священника учителем-раскольником, как нечего думать и о «постоянном общении с ним» пастыря. Да, наконец, при упорстве в религиозном заблуждении учителя или его безразличии к вере, это общение может носить только официальный характер, и при всём искреннем желании пастыря законоучителя сблизиться с раскольником-учителем, чтобы повлиять на его религиозное заблуждение, в смысле обращения его в Православие, все старания священника до основания разобьются об упорство раскольника⁶¹. А между тем, как много значит религиозно-воспитательное влияние учителя на детей, в особенности в заброшенных, глухих хуторах, где он часто является единственным светочем, озаряющим непроглядную, густую тьму народного невежества, где он учит и словом, и примером своей жизни не одних детей, но и их родителей!

При решении рассматриваемого нами вопроса невольно обращает на себя внимание и следующее обстоятельство. Почему до сих пор Министерство народного просвещения не допускает к должности учителей в народных министерских и земских школах раскольников и сектантов. Почему мы не видим их в учительских семинариях, в учительских институтах? Очевидно, потому именно, что и само светское правительство находит совершенно невозможным допустить раскольников и сектантов быть учителями нашего православного русского народа⁶², и это допущение, без сомнения, основано на мудрой заботливости правительства об ограждении православного народа от тлетворного влияния раскола в сектантства, часто соединяющихся с своим вероучением как проявление всевозможного рода изуверств, так и привнесение в простой наш народ самого иногда крайнего направления социальных доктрин. Тем менее, следовательно, возможно допустить быть учителями раскольникам и сектантам в школах церковных, поставляющих себе главной целью воспитание русского люда в духе чистого православия и истинной русской народности.

Без сомнения, и Св. Синод, недавно разослав для руководства составленные чрезвычайным собранием училищного совета правила для попечителей и попечительниц церковных школ, имел в виду именно охранение учащихся, да, пожалуй и самих учащихся, от возможности вредного религиозного влияния иноверцев, когда постановил, что попечителями и попечительницами церковно-приходских школ или школ грамоты утверждаются епархиальным преосвященным лица православного исповедания, изъявившие готовность оказывать материальное и нравственное содействие этим школам, и что только «в особых случаях» епархиальным преосвященным предоставляется право, по местным условиям, утверждать в звании попечителей и попечительниц церковных школ и лиц инославных христианских исповеданий, заявивших себя особой попечительностью о народном просвещении и материальными на нужды церковных школ пожертвованиями.

Но в то время, когда Св. Синод находит нужным с большим разбором и, только в особых случаях, допускать в школы попечителей и попечительниц иноверцев, г. Чельцов, по-видимому, считает безопасным и потому возможным допустить в них учителей-раскольников, имеющих возможность несравненно большего религиозного влияния на детей школьников, чем попечители и попечительницы-иноверцы! Желая доказать необходимость допущения раскольников учителями народных школ, г. Чельцов приводит ещё и следующий, как нам кажется, мало убедительный довод. Он обращает внимание на факт существования по сёлам учителей раскольников нелегальных школ. «Не лучше ли спрашивает он, сделать *«это их учение»* (наш курсив) открытым, с подчинением его надзору священников и с поручением его раскольникам – бывшим ученикам церковной школы?! Не представит ли это благоприятного исхода в безвыходном положении с тайными раскольничьими школами? Таким образом, автор для искоренения тайных раскольничьих школ считает лучшим средством сделать их открытыми с учителем раскольником и с подчинением его надзору священника. Об атом «надзоре» и уже говорил, а теперь хотел бы только

спросить: неужели пропаганда учителей нелегальных тайных раскольничьих школ непременно должна прекратиться, как только этих пропагаторов облекут званием и правом законных учителей, не поведёт ли это совершенно к противоположным, не желательным явлениям? Для иллюстрации этой мысли, я приведу следующий факт, сравнительно недавно случившийся в Х-ской епархии. В одном глухом хуторе открыли школу грамоты, пригласив туда учителем какого-то выходца из Киевской губ. Прошло несколько времени после начала в ней занятий, как посетил эту школу уездный наблюдатель. Входит в класс, застаёт одних учеников: учитель ушёл куда-то.

– Чем же, вы дети, занимаетесь, – спрашивает наблюдатель учеников?

– Учитель задал нам урок.

– Какой же урок?

– А вот сказал нам выучить наизусть 113 псалом, мы его и учим.

– Вы же, дети, понимаете, о чём говорится в этом псалме?

– Учитель объяснил нам, что здесь говорится об иконах, что им не нужно кланяться, ибо «есть у них уста, но не говорят, есть у них глаза, но не видят».

Потом оказалось, что этого педагога давно уже разыскивает сама полиция, а ведь он облечён был званием учителя, был под «надзором» священника и в общении с ним, как учитель «легальной» школы. Комментарии, кажется, излишни о том, какой надзор иногда бывает за школами грамоты со стороны приходских священников...

Наконец, последний довод г. Чельцова в пользу допущения раскольников во второклассные школы таков: «не допуская раскольников во второклассные школы, мы тем самым не даём ли им оружия против нас?! Весьма часто слышится, говорит он, от раскольников (и не от них одних), что де дай-ка им более или менее сносное образование, не справиться тогда с ними никакой учёной миссии. И вот, как бы веря этому и боясь этого, мы и не допускаем их во второклассную школу, где получается возможно широкое и полное для крестьян образование. Весьма естественно так рассуждать раскольникам, видящим во всяком

ограничении их проявление боязни их, признание за ними силы и т. п. А стоит ли давать им даже повод к такому сомнению? В нём лежит, утверждает г. Чельцов, в значительной степени причина наблюдаемого упорства их в их вражде с церковью».

В последних словах автора слышится излишнее преувеличение: ведь раскольникам предоставлена полная возможность получать образование, в тех школах, в коих учится вообще наш русский простой народ, не закрыты для них двери средних и высших учебных заведений, кроме, понятно, духовных; однако раскольники, даже богачи-толстосумы, далеко не охотно и не все дают своим детям это доступное для них воспитание по простой и понятной причине, имя которой – фанатизм. Дайте им школу вполне раскольничью, – вот чего им хочется, дайте им такие же обособленные раскольничьи гимназии, такой же раскольнический университет, и они отдадут туда детей охотно, а отдавать их в школы «никонианские», где притом учатся и иноверцы, – это тяжкий грех, несмываемое осквернение. Что касается сектантов, то это враги образования, кичащиеся своим невежеством и даже оправдывающие его ложным толкованием слова Божия (Гал.3:18–20 и др.), смотрящие на себя как на тех именно «немудрых мира», которые избраны, «чтобы посрамить мудрых» (1Кор.1:27). О, если бы причиной упорства раскола и сектантства была их жажда к просвещению: скоро исчезли бы и их невежество, и грубое упорство в нежелании видеть истину!

Нельзя, конечно, не высказать живой благодарности г. Чельцову за поднятый им вопрос, без сомнения, очень важный для дела миссии. Но, при всём глубоком уважении к его заботам и высказанным гуманным взглядам в вопросе об образовании детей раскольников, с его доводами едва ли можно согласиться. Г. Чельцов, без сомнения, знаком с историей и учением раскола, знает он, конечно раскольников, среду близкую ему, и дело миссии, однако, он в решении затронутого им вопроса, основывается, главным образом, на теоретических доводах и соображениях, совершенно упуская из виду практические её стороны, почему и даёт, по нашему мнению, одностороннее его решение. Оканчивая этим свою

статью, я считаю не лишним объяснить. Как миссионер, я самым искренним, сердечным образом желаю, чтобы свет школьного просвещения сразу и как можно скорее, разлился целым морем своих живоносных лучей в непроглядную тьму религиозного невежества раскола и сектантства, – это наше желание довольно ясно высказано и на страницах «Мис. Обзор.» (Дек. 1898 г.) в специально посвящённой этому вопросу статье: «значение и участие школы вообще и церковно-приходской в особенности в деле православной внутренней миссии».

Да, всеми силами и средствами необходимо привлекать заблудших во все наши школы, но только не в специально учительские, к числу которых, по самой идее своей должна принадлежать и наша второклассная церковная школа. Не раскольникам и сектантам учить и воспитывать наш православный русский народ, а нам, православным, должно позаботиться об их воспитании и образовании, почему и школа второклассная, как школа учительская, для раскольников и сектантов должна быть закрыта, как должна быть закрыта для врагов церкви и много-ответственная должность учителя народной церковной школы.

Херсонский епарх. миссионер *М. Кальнев*

В ответ

на вышеприведённое возражение почтенного херсонского миссионера, согласно желанию редакции, считаем не лишним, в видах выяснения вопроса, сказать несколько слов.

Во 1-х, мы с благодарностью к автору и с удовольствием для себя прочли мнение г. Кальнева по настоящему вопросу. Благодарны мы ему за то, что он отозвался на призыв осветить один из важных вопросов миссии. Удовольствие чувствовалось потому, что не встретилось в возражениях автора тех задорных вопросов и смешных ироний, которыми полны обычно бывают светские полемические статьи и от которых, к сожалению, не успели ещё освободиться и наши духовные журналы. С таким критиком, как наш, можно толковать и толковать в надежде дойти до благоприятных результатов... Наши с г. Кальневым воззрения диаметрально противоположны; поэтому нам приходится не столько разбирать положения другого, сколько стараться обосновать свои. Этим ограничу на сей раз и я цель моей настоящей заметки.

Прежде, чем перейти к частностям, сделаю два самых общих замечания. 1) Если читатель потрудится просмотреть мою статью о том, «могут ли быть принимаемы во второклассные школы дети раскольников?», то увидит, что все соображения мои сводятся к обоснованию веры в благоприятное воздействие второклассной церковно-приходской школы на раскольников детей в смысле приведения их к сознанию правоты православной церкви. О возможности же допущения раскольников, бывших учеников этих школ, в качестве учителей школ грамоты, говорю лишь немного, между прочим. Г. Кальнев, оставив в сущности без внимания первое (он только скептически отнёсся к искренности возможных обращений учеников в Православной Церкви), возражает преимущественно против второго. А в этом громадная разница. 2) Я стою за допущение в школы лишь учеников-раскольников. Г. Кальнев, как видно из самого заглавия его статьи, говорит и о раскольниках, и о сектантах вместе. Из этого смешения и

вытекает его отрицательный ответ на поставленный мной вопрос. Смешивать детей раскольников с детьми-сектантами совершенно нельзя: они разнятся и по своим воззрениям, и по характеру своего религиозного направления, и по воздействию на них слова истины и вообще просвещения. Поэтому-то я, вполне соглашаясь, «что религиозно-просветительное влияние церковной школы непременно должно простирается и на сектантских детей», тем не менее не вижу данных, чтобы можно было судить о влиянии школы на последних в таком же благоприятном смысле, как то можно судить о детях раскольников. Отсюда – естественна моя речь только о последних, с молчанием о первых. – Скажут: известны раскольники-гимназисты и студенты; что же на них не повлияла школа? Но спрошу: правда ли, что не повлияла? Мне и самому приходилось иметь знакомца из таковых и говорить с другими, вращающимися среди них; вывод один: это в большинстве – люди, не верующие в истину раскола, хотя не знающие и православия; в первом же остаются они или из экономических, или просто-таки из амбициозных видов – чтобы властвовать в расколе. К тому же – всякий знает, как обстоит дело с религиозно-нравственным воспитанием в наших средних⁶³, тем более высших, светских учебных заведениях, и, думается, никто не будет по нему судить о влиянии второклассных школ в этом направлении.

Перехожу теперь к частностям.

1) Г. Кальнев боится, как бы второклассные школы, коих по епархиям очень немного, не переполнились детьми-раскольниками или (по его статье) и сектантами в ущерб приёму в них православных. Но если так дело будет обстоит, то зачем, конечно, принимать раскольников, тем более в большом количестве? Но только видятся ли основания думать так? Не знаю, как дело обстоит в южных епархиях, а в центральных (двух мне известных) во второклассные школы, собственно в учительский класс, ищут учеников днём с огнём и всё-таки таковых находят очень немного.

2) Г. Кальнев вопрошает: «неужели (второклассная школа) потеряет это (миссионерское) значение оттого только, что в ней

не будут учиться дети раскольников?» Никто, конечно, этого и не думает. Я же думаю даже как раз наоборот: потому-то и вижу пользу допускать во второклассные школы детей раскольников, что смотрю на них, как на миссионерские не в зависимости от состава учащихся, а от других условий. Миссионерский характер школ не результат, а основная причина допущения в неё раскольников.

3) «Всю ошибочность взгляда моего по рассматриваемому вопросу» г. Кальнев объясняет «нежеланием моим видеть во второклассной школе... специальное её назначение – давать учителей для школ грамоты...» Мне думается, что нашему с г. Кальневым разногласию немало способствует разное понимание того, что мыслится под выражением «специальное назначение» такой-то школы. По логике г. Кальнева рассуждая, мы вынесем тот приговор, что наши духовные семинарии и академии или не имеют «специального назначения», что, конечно, совершенная неправда, или что они не выполняют своего назначения, что будет клеветой на них. А между тем вывод этот необходимо следует, потому что не немногие из семинаристов и академистов не только не служат священниками, но и не состоят на службе по духовному ведомству вообще; а есть и такие, профессии которых очень далеки от того призвания, к которому они назначались по их обучению. Бывают и такие ученики, весьма благочестивые и нравственные, которые ещё на скамье твёрдо намечают другие поприща, чем к каким их призывает школа; и это бывает ведомо всем, и никто тем не менее не упрекает за них семинарию или академию. Из приведённой параллели, думается, вывод получается тот, что «специальное назначение» второклассной церковно-приходской школы состоит не в том, что из неё *непременно должны выходить учителя школ грамоты, а тот, что вышедшие из неё учителя могут быть достойными этого звания и способными к нему.* Другими словами – специальное назначение второклассной школы заключается в сообщении ученикам тех навыков и познаний, в развитии у них тех сторон и способностей, которые делали бы их хорошими учителями, а не в обязательном требовании от них учительской

деятельности по выходе из школы. Поэтому не тогда второклассная школа не достигнет своего назначения, когда её ученики не захотят учительствовать, а когда, взявшись за это дело, окажутся негодными к нему. В этом смысле понимаемое специальное назначение второклассной школы я признаю вполне за ней. Но это продолжает меня уверять по-прежнему в её миссионерском значении, – и вот почему.

Имеют своим «специальным назначением» давать учителей для народных школ и другие учебные заведения министерства народного просвещения. Однако, не смотря на них открываются второклассные школы. Конечно, различие этих от первых не в одной дешевизне последних, но, что важнее, в основном их характере. Ведь всякий согласен в существовании различия в типе школы земской и церковно-приходской по лежащей в основе их идее и мысли. Эта разница заключается в том, что земская школа, главным образом, имеет задачей своей учить детей, а церковно-приходская – *и воспитывать* и при том в духе церковности. Соответственно этому, если министерские учительские семинарии имеют целью выпускать учителей, то церковно-приходские второклассные – проникнутых духом Православной Церкви, воспитателей крестьянских детей. А чтобы этого достигнуть, последние должны быть миссионерскими в широком, разумеется, смысле этого слова, а не в тесном, специальном, как кажется, понял это выражение в моей статье г. Кальнев. Так на них и смотрят некоторые епархиальные училищные советы. А есть две-три второклассных школы даже и с специально миссионерским значением и направлением своего курса в смысле расширения сообщения сведений по обличению раскола. Мне известна женская второклассная школа в г. Боровске, Калужской епархии, основанная с специально миссионерскими целями: давать обучение и воспитание девочкам-раскольницам дабы привести их к познанию истины Церкви Православной (см. мою статью в «Калуж. Еп. Вед.» за 1896 г. № 18, стр.560). Далее – прежде чем появилась моя статья в ноябрьской книжке «Миссион. Обозр.» за 1898 г., вопрос о допущении раскольничьих детей во второклассные школы в одной епархии

был уже разрешён в положительном смысле. – Из всего сказанного, надеюсь, следует, что я нисколько не «навязываю (второклассной школе) того дела, какое она никогда не может выполнить» (слова г. Кальнева), когда стою за её миссионерское значение и за допущение в неё детей раскольников. Миссионерское её значение, выражающееся в обращении преимущественного внимания, сравнительно с министерскими школами, на сердце учеников и на воспитание из них религиозных и преданных Церкви и её уставам учителей народных школ, заключается в самом названии её школой «церковной», и оно благотворно скажется на неустановившемся ещё содержании религиозных верований ученика-раскольника.

4) Г. Кальнев сильно сомневается в возможности влияния второклассной школы в смысле приведения ученика-раскольника к признанию правоты Православной Церкви. Мне известны две двухклассных школы – одна министерская, а другая – церковно-приходская – обе в Калужской епархии. И та, и другая почти ежегодно дают из учеников-раскольников – православных чад Церкви. Неужели же не лучше будет дело обстоять во второклассной школе?! Близко стоящие к школе тоже благотворное влияние её распространяют и на детей сектантов. Вот что пишет один законоучитель. «Уповаем, что после четырёхлетнего периода школьного времени, в течение которого дети постоянно будут слушать голос православного пастыря, голос сектантских лже-пастырей в последующей их жизни будет уже чужой для них. Таким образом, в сердце дитяти вовремя зародится сомнение в справедливости взводимых на православие сектантами порицаний, вовремя предупреждено будет слепое, фанатично-враждебное отношение к Православной Церкви. Примеры доверчивого отношения детей сектантов к православному законоучителю у нас на – лицо»... И далее приводит эти примеры («Тавр. Еп. Вед.» 1899 г., № 2, стр. 97).

5) Допуская обращения к Церкви учеников-раскольников,, г. Кальнев боится верить искренности их. Перспектива быть учителем народным так будто бы привлекательна должна быть для крестьянина, что он решится и веру за неё продать... Здесь

уж, кажется, мой почтенный оппонент слишком увлёкся собственным красноречием! а) Пусть он припомнит свои годы юности – лета 15–18-ья: были ли тогда те корыстные и дальновидные расчёты, которые он приписывает раскольнику-юноше и которые, конечно, тяготят часто нас теперь?! б) Так ли заманчива должность учителя даже земских школ, чтобы увлекаться ею?.. Не знаю, как на юге, а у нас – в центре мужички далеко не обманываются насчёт её. Зажиточный из них скорее пустит сына по торговой части, чем в учителя, в) Не понимаю, как может «отвыкнуть от постоянного крестьянского труда...», не очень желать возвратиться в ту же (т. е. крестьянскую) среду... и видеть в перспективе более чистый интеллигентный труд учителя, соединённый с более видным общественным положением»... кандидат на должность учителя школы грамоты, а потом и сам учитель, когда, по самой идее своей, второклассные школы должны не отрывать ученика от земли, от крестьянства и крестьянской работы, когда учителя, выходящие из них, – большую часть года – те же работники-крестьяне и только в зимние месяцы, когда прекращаются сельские работы, они берутся за учительство, как крестьянин-ремесленник за ремесло?!, г) Наконец, так скептически смотря на дело, нельзя будет верить в искренность ни одного обращения, как нельзя, конечно, отрицать и возможности неискренности во всяком деле, при всей тщательности проверки предварительных условий и обстоятельств.

б) Напрасно г. Кальнев весь центр своей критики против моего мнения направил на доказательства невозможности пустить раскольников и сектантов, бывших учеников школы, в деревенские учителя. О сектантах я ни слова не говорю, да и за раскольников не особенно ратую. Сам же он привёл из моей статьи слова мои, что не познавшего неправоты раскола во второклассной школе можно и не допускать учительствовать. С таким же мнением остаюсь я и теперь.

Из «практических доводов» своих против меня автор приводит лишь один: – факт с каким-то выходцем из Киевской губ., попавшим в учителя, конечно, под видом православного. Этот пример не говорит ли за то, что лучше иметь учителем

школы раскольника из учеников второклассной школы, чем *православного* по образцу данного выходца?.. А когда я говорил о возможности учителя из раскольников, бывших учеников церковной школы, то, конечно, предполагал самое тщательное обращение внимания на него самого, – на место, куда его можно назначить, – на священника, под надзор которого он попадает, – на нужду в учителях и т. под. многие другие условия, а не действовать, как придётся, как вздумается...

Я говорю о возможности допущения из питомцев учительских церковных школ невоссоединённых с Церковью раскольников, в необходимых только случаях и при особых условиях, а вовсе не ввожу в принцип того мнения, чтобы растворить двери второклассных школ наших с целью привлечения раскольников к просвещению православного народа.

М. Чельцов

Из миссионерской полемики с сектантами и раскольниками

Шалкинский С. Миссионерская беседа с раскольничьим апологетом А. Перетрухиным о существенных признаках Церкви Христовой. // Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 70–94

I.

Настоящая беседа происходила в с. Городище, Славяно-Сербского уезда, Екатеринославской губернии, 19 января текущего года.

Село Городище служит центром раскола австрийщины для всего южного края России. Основанное во второй половине XVII в. выходцами из Северной России, убоявшимися «никоновских новшеств» и бежавшими от помещиков крепостными крестьянами, оно до самых последних лет вело замкнутую, обособленную от всего остального мира жизнь, строго придерживаясь всех унаследованных от предков обрядов и обычаев. Сначала все жители с. Городища принадлежали к беглопоповству, а с переходом в раскол Амвросия приняли поставленных от него епископов и священников, и только небольшая часть населения, более развитая и начитанная в Писании, лет двенадцать тому назад, решилась порвать связь с расколом, присоединившись к св. православной Церкви на правах единоверия. Но так как эта часть слишком ничтожна в сравнении с остальным раскольничьим населением (более 6,000 чел.), то присоединение это и не произвело заметного изменения в религиозных воззрениях городищан, так что процент присоединений в течении всех двенадцати лет был самый ничтожный; даже были не редки случаи перехода присоединившихся обратно в раскол.

С внешней стороны раскол здесь выглядит господствующей религией. Все власти, как волостной старшина, полицейские и проч. – раскольники. Два больших деревянных двуглавых, недавно заново отремонтированных и снаружи окрашенных храма, обнесённых каменными оградами, горделиво смотрят на бедный единоверческий молитвенный дом, смиренно приютившийся в ряду с крестьянскими домами, ничем по внешности не отличаясь от последних. Лже-священники, мало того, что носят не присвоенную им одежду и длинные волосы, до сих пор безнаказанно ходят по улицам в облачениях и даже совершают в волостном правлении

торжественные молебствия. Православные терпят всевозможные притеснения и обиды, и всё это проходит безнаказанно, так как никто не выйдет свидетелем за «полувера», как называют здесь раскольники православных.

Городище – своего рода семинария для раскольников этого края: из него только в одной Донской епархии насчитывают более десяти лже-священников, не говоря о других епархиях. Лет двадцать тому назад, в 8 верстах от Городища, построен раскольниками «Преображенский монастырь», конечно, самовольно, без ведома гражданского и духовного начальства. Этот монастырь привлекает к себе богомольцев и жертвы со всех концов обширной матушки России, а в особенности с Кавказа, служа, таким образом, твёрдым оплотом и гордостью раскола. Владея лучшей землёй в количестве до семи-десяти десятин, лесом, водяной мельницей, принадлежащими обществу, в числе которого до двухсот православных и единоверцев, монастырь, естественно, лишает крестьян части надела. Кроме этой земли раскольники отвели участок и для своего «духовенства», тогда как православный причт не пользуется и одной десятиной общественной земли. Да что причт? 16 января настоящего года земский начальник барон М. А. Унгерн-Штернбург предложил обществу отвести место для постройки в Городище православного храма... и общество отказало дать место для этой постройки. И это в центре России!

Несмотря на вековую сплочённость раскола, в его внутреннем мире начинается разъединение. Года три тому назад из-за неприязни к одному из своих «батюшек», предающихся изрядной выпивке и другим «непотребствам», они разделились сначала на две партии, а затем на два толка: недовольная «батюшкой» партия выписала себе противоокружнического лже-попа, некоего Петра Потемкина, который энергично взялся отбивать прихожан у окружнических лже-попов и имеет успех, так как окружнические лже-попы не имеют большего влияния на своих прихожан. Поэтому известный ныне Иустин Картушин, переименованный собором раскольничьих лже-архиереев сначала во Иоанна, епископа Донского и Екатеринославского, а затем во «архиепископа

Московского и всея России», прежде всего поспешил в Городище, где оставался более недели, совершая торжественные богослужения и поучая народ оставаться верным своим предкам, на беседы с православным миссионером не ходить, с Потемкиным не разговаривать и проч., и проч. Прошло месяца четыре после того, как Иоанн оставил Городище, и вдруг, совершенно неожиданно, сюда приезжает 17 января известный защитник раскола Климент Анфиногентович Перетрухин, в качестве «всероссийского старообрядческого миссионера» – для примирения окружников с противоокружниками. В этот же день в квартиру Перетрухина собрались все видные представители местного раскола, начиная со старшины, старосты и лже-попов. Перетрухин объявил им о цели своего приезда и «распорядился вытребовать на 18 января для публичной беседы Потемкина. Чтобы придать своей особе больше популярности, Перетрухин забавлял своих гостей рассказами о том, как он беседовал с одним профессором и «загонял» его, за что студенты академии качали его, Перетрухина, на руках и спрашивали: «в какой академии он кончил курс наук»?

На другой день по приезде Перетрухина, местный священник – миссионер Сергей Шалкинский, – случайно узнавший о приезде знаменитого автора «Меча духовного», попросил полицейского урядника пригласить его на публичную беседу. Прошло около трех часов, а ответа нет. Священник вынужден был лично пойти к Перетрухину, остановившемуся на квартире у одного лже-попа. На улице и на дворе толпилось несколько человек раскольников, вероятно, желавших хоть одним глазком взглянуть на Перетрухина; в прихожей почтительно стояли полицейские, ожидавшие приказаний. В комнате, где восседал Перетрухин, собрались два лже-диакона, три уставщика и проч., а из двери, ведущей в другую комнату, выглядывала косматая голова Иоанна Блинова, именуемого игуменом Преображенского раскольнического монастыря. Как видно, Перетрухин поучал их уму-разуму, так как на столе около него лежало несколько книг «гражданской печати», в дорогих переплётах.

На предложение священника явиться на публичную беседу, Перетрухин ответил, что если общество пригласит его, то он не прочь, но что приехал он сюда собственно для примирения «потемкинцев» с «окруженцами». «Наш новый владыка, сказал он, задался целью соединить всех старообрядцев воедино – и для достижения этой цели назначил меня всероссийским миссионером».

– Как же вы предполагаете выполнить желание своего владыки?

– Как? А вот буду ездить по всей России, беседовать с этими отщепенцами, а если это не поможет, то и сочиненьице «сооружу». Мне уже поручено составить маленькое... Ведь и люди же! – продолжал Перетрухин. – Ну, хотя бы эти вот потемкинцы, учат, что вы веруете во иного Бога, т. е. антихриста, или там идола что ли какого, а сами от этого антихриста иерархию получили».

– Но ведь до издания «Окружного послания» все вы думали о нашей церкви так же, как теперь думают и учат о ней неокружники.

В это время доложили, что Потемкин не желает беседовать.

– Как не желает? – воскликнул Перетрухин. – Он не имеет права отказываться. Сходи ещё раз и скажи, что тогда только он мог бы отказаться от беседы, если бы никому не навязывал своего учения, а то там народ мутит, а сюда идти боится. Скажи, что я не уеду отсюда до тех пор, пока не поговорю с ним.

Полицейский удаляется.

Условившись относительно беседы, которую назначили на 19 января, священник ушёл. В этот же день состоялась публичная беседа между Перетрухиным и Потемкиным в раскольническом Покровском храме. Так как на беседу никого из православных не пускали, то подробности её и неизвестны. Одни говорят, что победа осталась на стороне Перетрухина, другие уверяют, что победил Потемкин. Одно хорошо известно, что мира между ними не последовало. Да едва ли когда-нибудь он в расколе и будет: разъединение и вражда – жизнь раскола; утрать раскол эти два качества и от него останется только одно печальное воспоминание.

19 января, с 12 часов дня, в здании земской школы, при многочисленном собрании народа, в присутствии священников села Чернухи: о. Андрея Терлецкого и о. Петра, началась публичная беседа священника-миссионера Сергия Шалкинского с Перетрухиным. Перед началом беседы, Перетрухин стал требовать от о. миссионера, чтобы были составлены и подписаны условия беседы. Но о. миссионер сказал, что для честных людей достаточно и устных условий, а условия эти следующие: «говорить только на основании священного и святоотеческого писания и книг, уважаемых и старообрядцами, и православными; не разобрав одного вопроса, к другому не уклоняться; грубых и кощунственных выражений о св. церкви и оскорблений собеседнику не допускать». После некоторых пререканий, Перетрухин согласился на эти условия, но стал настаивать, чтобы начать беседу вопросом о клятвах соборов 1666–67 годов. Но о. миссионер объяснил народу, что, прежде чем говорить о соборных клятвах, нужно выяснить вопрос более важный – вопрос о богосозданной Церкви, «кроме которой нигде же нет спасения», а затем уже можно побеседовать и о том, может ли св. Церковь на своих слушников и хулителей налагать клятвы?

– Я надеюсь, что вы проведёте со мной не одну, а несколько бесед, – сказал миссионер.

– Я, – отвечал Перетрухин, – согласен вести их хоть месяц, да смотрите – не убежите от них.

– Согласны, так и отлично. Значит, успеем ещё поговорить и о клятвах, а теперь будем рассматривать вопрос о св. Церкви.

Итак, прошу собравшихся слушателей хранить спокойствие и молчание, в разговор наш не вмешиваться, крику и шуму не допускать, а серьёзное вникать в наши доказательства и беспристрастно обсуждать их. А Господь, желающий всем спастись, поможет вам уразуметь св. истину.

После этого о. миссионер прочитал молитву Св. Духу: «Царю небесный». Помолился и Перетрухин с своими собратиями» Водворилось молчание. Беседа началась следующей вступительной речью о. миссионера: *О существенных признаках Церкви Христовой.*

II.

Миссионер. Каждый из вас, почтенные слушатели, верует, что вечное спасение могут наследовать только те христиане, которые состоят живыми членами той святой церкви, которую создал из своих последователей Единородный Сын Божий, Господь наш Иисус Христос. Эта истина настолько общеизвестна, что я не нахожу нужным подтверждать её писанием. Но мне известно, что не каждый из вас имеет отчётливое, ясное понятие о созданной Господом Церкви; поэтому я предлагаю вам со вниманием выслушать краткое о ней объяснение, данное уважаемой всеми – и нами, и вами книгой Великий Катехизис. Сказав, что словом церковь называются многие *вещи*, как то: ветхозаветная скиния, святилище, храм молитвенный, дом христианина, Катехизис далее разъясняет нам, что все эти *вещи* не суть та св. церковь, которую создал Господь для приведения людей к вечному спасению и к которой каждый христианин непременно должен принадлежать. Созданная Христом Спасителем «церковь Божия, говорит Катехизис, есть собрание всех верных Божиих», которые (иже) – во-первых, «непоколебимую держат едину православную веру, и в любви пребывают, облобызают же учение евангельское непоколебимое», – во-вторых, «иже суть достойни приимати святыя божественные совершенные тайны», – и в-третьих, – «иже суть под единою главою Господем нашим Иисусом Христом, а под управлением совершенных святых, от него поставленных» (л. 120–121). Вникните с смысл только что прочитанных слов уважаемой старопечатной книги. Церковь Христова, в которую мы должны веровать и к которой обязаны принадлежать, говорит она, не есть какой-либо отдельный христианин и не одни простецы, а собрание всех верующих, рассеянных по всему земному пространству, таких верующих, которые принимают всё евангельское учение, освящаются посредством установленных Господом таинств и которые находятся под управлением Богопоставленных пастырей. Сколько в истинной церкви Христовой должно быть таинств, на

это отвечает нам тот же Катехизис, излагающий учение о таинствах на основании Слова Божия. Слушайте же, что скажет он. В истинной церкви Христовой тайн, поучает он, «*седьмь*. Кия? – Крещение, миропомазание, рукоположение, божественное причащение, законный брак и последнее елеосвященное помазание» (Катех. л. 355 об.), «без них (же), яко без известных средств (никто), оного крайнего блаженства сподобитися не может (там же л. 395 об.), так как только «ими вси освящаемся», и оправдываемся, и всыновление божественное приемлем, и спасение содержим; не ведый же и небрегий о них, сей погибает» (лл. 353 об. 356). Но, быть может, кто-нибудь из вас подумает (и даже, как мне известно, действительно, думает), что церковь Христова может быть и не с седмью, а меньшим числом таинств. Такое мнение, друзья мои, не правильно. «Веждь убо без всякого сумнения», говорит она, т. е. твёрдо будь убеждён и не допускай сомнения, «яко в *Церкви Божией* не две точию тайны, но все совершенно седмь» (л. 360 об.). Такое общество христиан, в котором, хотя на некоторое время, прерывалось совершение некоторых из сих таинств, не может уже считать себя святой соборной и апостольской церковью, потому что «*святая соборная и апостольская восточная церковь*» – эти седмь таинств «*всегда употребляет*» (л. 356). Обратите внимание на слова: «*всегда употребляет*». *Всегда* – это значить, что истинная церковь Христова *постоянно*, бесперерывно «употребляет» или совершает эти таинства, что она ни на один день, даже на одну секунду не может лишиться возможности совершать их. Подумайте же беспристрастно, таково ли ваше общество? О, далеко нет. Ваше общество не только один день, но целых сто восемьдесят лет было без полного числа этих богоустановленных таинств, а отсюда ясное для каждого заключение, что это общество не есть церковь Божия, созданная на земле Христом Спасителем. Кроме этого, есть и ещё основание к тому, что ваше общество не есть церковь Христова. В церкви Христовой, как мы видим из Слова Божия, Господь поставил пастырей, с которыми и обещался быть *во вся дни*, до скончания века. Какие это пастыри, объясняет бл. Феофилакт. Толкуя притчу Господа о

рабах, он говорит: «Раби же, им же церкви поручи, диаконы, пресвитери и архиереи», которых в истинной церкви Христовой *во вся дни* должно быть никак не *мнее* (т. е. не менее) (Благ. Еванг. Лук. зач. 95, л. 206). Без этих трёх чинов иерархии, по учению св. Игнатия Богоносца, «церковь несть избрана, ниже собрание святое, ниже сонм преподобных» (св. Игн. 1 посл. к Тралл.). В обществе же глаголемых старообрядцев целых 180 лет не было трёхчинной иерархии, так как оно было лишено всех епископов, следовательно, оно и в данном отношении не могло и не имело права именоваться, а тем более быть, св. Богосозданной Церковью Христовой.

Чтобы не обременять памяти слушателей другими доказательствами, я кратко повторю всё сказанное и закончу свою речь. И так, запомните, – церковь Христовой может именоваться и действительно быть только такое христианское общество, которое верует всему Евангельскому учению, *всегда* совершает все семь таинств и находится под управлением трёхчинной священной иерархии. Это главные три признака истинной Церкви Христовой. Если какое-либо христианское общество лишится хотя одного из этих признаков, оно перестаёт быть в единении с истинной Христовой Церковью и утрачивает возможность наследовать блаженную жизнь на небесах. Таково и общество гл. старообрядцев. Оно, по отделении своём от нашей св. Христовой Церкви, не имело ни полной веры во св. Евангелие, ибо проповедовало вопреки слов Господа: *создам церковь мою, и врата ада не одолеют её* (Мф.16:18), одолённость церкви Христовой; во-вторых, не имело седмиричного числа таинств и, в-третьих, не имело трёхчинной иерархии. Пусть же ваш защитник докажет, что, хотя общество гл. старообрядцев и не имело 180 л. седмиричного числа таинств и трёхчинной иерархии, тем не менее было св. соборной и апостольской церковью. Ещё раз повторяю: без полной веры во всё Евангельское учение, без трёхчинной иерархии и без семи таинств, созданная Господом Церковь быть никогда не может: какой она создана Господом, такой и должна и будет пребывать всегда неизменно, ибо «*аще и тварь (небо и земля) изменится, верных же церкви, и словеса ея, и*

Евангелие *никогда же*» (Благов. Лук. зач. 107 л. 224). И так, г. Перетрухин, потрудитесь отвечать.

III.

Перетрухин встал, обвёл глазами народ и начал говорить: добрые слушатели! Мы в начале беседы условились говорить о св. соборной и апостольской церкви, а наш почтенный собеседник о. Сергей, нешто об этом говорил? Начал-то он как будто и об этом, да потом-то стал читать вам из Большого Катехизиса *то да сё...* А ведь этой книге-то он не верит... Я вам это вот сейчас и докажу. Их пастырь, Феофилакт тверской, написал книгу: «Обличение; неправды раскольнические», а в этой книге мы и читаем: «Сочинитель сея книги (т. е. Великого Катехизиса) не из великия, ниже из малые России мудрец, корецкий протопоп Лаврентий Зизаний, из Литвы, яко же сам о себе сказал, хотя город Корец и не в Литовских странах обретается. Той с книгой сей пришед в Москву, просил Филарета патриарха, чтоб напечатал и именовал бы ю оглашение. Он же Филарет именовал ю, беседословие, понеже де оглашение есть книга Кирилла Иерусалимского, и единым именем многим книгам быти не лепо, обаче тоя книги данное от него имя и до ныне пребывает, Катехизис: оглашение. А о примеченных в той книге Зизаниевой «ззорных мудрованиях», велел Филарет Богоявленскому Игумену, что на Москве за ветошным рядом Илии: да книжному справщику Григорию Онисимову, иметь разглагольствие с ним Зизанием, еже и бысть на Государеве казённом дворе в книжной палате, перед боярином князем Иоанном Борисовичем Черкасским, да перед думным дьяком Феодором Лихачевым, в котором разглагольствии, «о многих церкви христианстей противностях» обличен бысть Зизаний, и в неких винился, иные возложил на переводчика, и в иных безответен остался» (л. 147). Видите, какая это, по их учению, книга: она имеет «ззорные мудрования» и «многия церкви христианстей противности»! А о. Сергей этой противной-то да ззорной книгой хотел обвинить нас! По его словам, так и выходит, что где нет епископа да седми тайн, там нет и церкви Христовой. А вот погодите, он скоро откажется от своих слов. Ведь епископы и таинства-то есть и у еретиков, – ну, хоть,

например, у католиков; – так что же? – у них и церковь Христова? у них и спасение? Видите, куда он залез с своим учением! Но мы, слава Богу, так не учим. Только не подумайте, старички, что я не верю Катехизису: нет, я-то верю, да о. Сергей не верит ему. Вот слушайте, как оправдывает нас эта книга. «Вопрос. Чесо ради людие в последняя лета от веры отступят и абие к ереси приступати имут; Ответ. Трех ради вин. Первая убо сия есть, еже пророк Даниил рече, мерзость запустения станет на месте святе, сиречь, еже обладает нечестивая, ересь церкви святыя. Сия убо мерзость толкуется по писанию Иоанна Златоустого, воинство антихристово, разоряющее церковь Божию. Тогда людие неимуща где скрытися от таковых скорбей и великих мучений, их ради гонения, приступати имут к ересем» (л. 24). Значит, в последнее время, когда воцарится антихрист, когда истинных христиан начнут гнать, тогда вместо святости будет мерзость, вместо истинных епископов – еретики! Вот, если бы во св. Евангелии нам прочитали, что иерархия не может впадать в ересь, ну, тогда, конечно, другой и разговор был бы, а так как там этого не писано, – то мы и веруем, что все епископы могут впасть в заблуждение, или ересь, а верующие тогда могут спастись и без них. Хотя Христос и установил в Своей Церкви семь таинств и трёхчинную иерархию, но нигде не сказал, что эта иерархия никогда не уклонится в ересь! Вот это-то нас и оправдывает. О. Сергей несколько раз говорил, что мы, старообрядцы, не можем называться св. соборной и апостольской церковью. Посмотрим, верно ли это. Слушайте: «вы есте тело Христово, и уди от части», – говорит апостол Павел. А книга «о вере» на 22 листу объясняет эти слова так: «яко Церковь есть тело Христово, яже от собрания верных нас глаголю человеков всякого возраста, сана, святых Божиих и праведных мучеников, и преподобных и всех благочестивых от веков составися, и церковию наречесе». Видите, здесь не сказано, что церковь заключается в одних только епископах, а именуется она «от собрания верных человеков всякого возраста, сана», а о. Сергей в епископах и всю силу церкви полагает. А мы ему вот что ещё докажем, что не только епископы, а вся церковь может заблудиться. Преподобный

Викентий Лиринский пишет: «Как поступать христианину кафолику, когда какая-нибудь частица церкви отсечётся от общения со всеобщей верою? Как иначе; если предпочесть заражённому и повреждённому члену здоровье всего тела? А если вновь явившаяся какая-нибудь зараза покусится пятнать не частичку уже церкви, но всю вместе церковь? И тогда он должен позаботиться пристать к древности, которая не может уже быть обольщена никаким коварством новизны» («Памятн. записк.» гл. 3). Видите, вся церковь может быть заражена язвой ереси. В чём же тогда останется церковь? Слушайте. В Евангелии от Матфея мы читаем: «Пришедши во страны Кесарии Филипповой, Иисус спрашивал учеников Своих: за кого люди почитают Меня, Сына Человеческого? Они сказали: одни за Иоанна Крестителя, другие за Илию, и иные за Иеремию, или одного из пророков. Он говорит им: а вы за кого почитаете Меня? Симон же Пётр, отвечая, сказал: Ты Христос, Сын Бога живого. Тогда Иисус сказал ему в ответ: блажен ты, Симон, сын Ионин, потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, сущий на небесах. И я говорю тебе: ты Пётр, и на сём камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют её» (Мф.16:13–18). На чём же Господь обещается создать Свою Церковь? На правом исповедании, и это то «правое и спасённое исповедание веры, – говорит пр. Максим Исповедник, – Господь «и нарече кафолическою церковию быти» (Чет. Минея 21 генв.). Тут ясно всем, что Церковь Христова может быть только из одного исповедания. А о епископах я вот что вам прочитаю. «Аз зажегох свет сердца вашего, говорит бл. Феофилакт от лица Господа, и на высоте поставить (вы) светити всем: а еже не угаснути благодати сущей в вас, на вашем подвиге будет се» (Благ. Матф, зач. 11, л. 38 об.). На что нам искать яснейшего свидетельства? Прямо и ясно говорится, что, хотя Господь и дал епископам благодать, а светить или не светить этой благодатью, зависит уже от них самих. А мы и видим, что при патриархе Никоне они перестали светить, впали в заблуждение... Так неужели о. Сергей скажет, что и нам нужно последовать за ними? Пусть он так скажет, но мы не слушаем его, а лучше последуем учению св. апостола Павла, который

говорит нам: «внемлите себе от лживых пророк», т. е. удаляйтесь от них, избегайте их общения... Раз они впали в ересь, то Церковь Христова может быть и без них, как и наша церковь некоторое время была без епископов, но оправдывалась верой...

Итак, я ответил о. миссионеру на его вопрос и думаю, что слушатели скажут то же самое. Поэтому будем считать этот вопрос совершенно решённым и поговорим лучше о клятвах соборов 1666–67 годов. Как вы, добрые слушатели, скажете: ведь я доказал о. Сергию?

– Доказано, доказано! Спаси Христос! – раздалась сотня голосов.

IV.

С трудом восстановив возможную тишину, миссионер напомнил Перетрухину, что он нарушает условие, допуская в беседу вмешательство народа, а этому последнему выяснил, что сюда собрались не на сходку, чтобы большинством голосов решить какое-нибудь общественное дело, а для решения вопросов веры, которые решаются Словом Господа и св. учителей церкви Христовой; поэтому допущенный вами «крик неистовый», нельзя одобрить, потому что большинство из вас даже и не поняло, что говорил и читал Перетрухин. Когда восстановилась совершенная тишина, о. миссионер прочитал из Благовестного Евангелия следующие слова: «многим бо гонителем и многим еретиком одоле церковь (Матф. л. 138 об.).

– Как, Климент Анфиногентович, вы понимаете эти слова?

– Многих гонителей и многих еретиков одолела церковь, – ответил Перетрухин, – но что вы хотите этим сказать? – добавил он.

– А вот что. Вот рядом с вами сидит здешний начетчик, Малахий Иванович Рындин, который, месяца два назад, здесь же на беседе целых два часа уверял всех, что эти слова означают: «многие гонители и еретики одолели церковь». Народ точно так же, как и теперь кричал, что Малахий Иванович толкует верно.

Старообрядец Димитрий Захарович: Мы просим вас, о. Сергей, ошибку Рындина не ставить всем нам в вину: чего с него взыскивать – человек малограмотный...

– Но ведь кричали же, что он доказал?.. Могу уверить вас, друзья мои, что и Климент Анфиногентович сейчас так же доказал, как тогда Малахий Иванович... Если я ошибаюсь, то пусть кто-нибудь из кричавших подойдёт сюда и скажет мне, что я спрашивал у Перетрухина, и что он мне ответил?.. Что же вы молчите? Значит, вы не поняли ни моего вопроса, ни ответа Перетрухина, а кричите!.. Слушайте же со вниманием. В начале беседы я выяснил вам, что церковью, созданной здесь на земле Господом для спасения людей, называется такое общество

Христовых последователей, которое верует всему Евангелию, в котором всегда совершаются все семь таинств, которое находится под управлением трёхчинной иерархии; что эта церковь *никогда*, по учению бл. Феофилакта, *не изменится*, т. е. останется навсегда с теми же признаками, с какими её создал Господь. Но так как в вашем обществе 180 лет не было ни одного епископа, и потому не было и совершения всех семи таинств, то оно и не могло быть церковью Христовой; значит, и митрополит Амвросий пришёл не к церкви Христовой, значит, вы до сих пор вне её. Вот насколько важен для вас этот вопрос, а вы кричите, что он решён... Но чем решён, и сами не знаете. Правда, г. Перетрухин много потратил старания и времени, чтобы доказать, что церковь Христова может измениться, остаться без епископов и семи таинств, но ничего этого не доказал. Прежде всего он сказал, что я читал из Большого Катехизиса *то да сё*... По, как вы сами слышали, я читал не *то да сё*, а слова старопечатной книги. Затем, он стал говорить, что я не верю этой книге и называю её, вместе с Феофилактом тверским, содержащей «зазорные мудрования и многия церкви христианстей противности»... Неправда, друзья, мои! Ни я, ни преосвященный Феофилакт – книгу Большой Катехизис в том её виде, в каком она напечатана при патриархе Филарете и какой мы читаем её теперь, так не называем. Сам же Перетрухин читал, что автор (или творец) Большого Катехизиса, Лаврентий Зизаний, «в неких зазорных мудрованиях винуясь, иная возложил на переводчика, а в иных безответен остался», и только, после исправления этих «мудрований» и «противностей», она, по благословению патриарха Филарета, и была напечатана. Вот сам-то Перетрухин этой книге вполне не верит. Она говорит, что Церковью Божией называется *собрание* верующих пастырей и пасомых, освящающихся посредством семи церковных таинств, а Перетрухин учит, что церковь Божия может быть не только без пастырей, но даже и без людей. Но об этом речь будет впереди. Обвинив меня несправедливо в неверии книге Большой Катехизис, Перетрухин вычитывает из неё толкование на слова пророка Даниила: *мерзость запустения станет на месте святе* и к этому толкованию

книги делает ещё своё толкование, а вы все хорошо знаете, кому уподобляются те лица, которые учат «не от писания». Книга говорит, что «сия мерзость воинство антихристово, разоряющее церковь Божию», а Перетрухин учит: «вместо святости будет мерзость, вместо истинных пастырей – еретики». Этого в книге нет. Далее. В книге сказано, что людие, устрасясь гонений, «приступати имут к ересем», но не сказано, что все «людие» приступят к этим ересям, о епископах же даже ни одного слова не сказано, а Перетрухин уверяет, что все епископы будут еретики, вся святость будет мерзость!.. Верьте же после этого его толкованиям... Но, кроме этого, меня ещё одно обстоятельство удивляет. Вчера, как мне передавали, Перетрухин доказывал Потемкину, что антихрист ещё не пришел, что наша святая православная церковь антихристу не верует, а сегодня уже становится на сторону Потемкина ни даже на сторону беспоповцев, которые именно и учат, что со времён патриарха Никона истинных пастырей не стало, что все они уклонились «в антихристову скверну». Но ведь, по учению св. Ипполита, для последовавших за антихристом «нестя покаяния», а беглопופовцы как-то умудрялись принимать священников, приходивших от антихриста, да приняли оттуда же и Амвросия. Такова последовательность Перетрухина! После этого Перетрухин заявляет: «Вот, если бы в Евангелии прочитали нам, что иерархия не может впадать в ересь»! А почему же это только исключительно в Евангелии? А святым отцам разве он не доверяет? Но и в Евангелии есть ясные указания на то, что пастыри церкви Христовой, пастыри истинные, будут здесь на земле совершать врученное им от Господа дело до самого второго Христова пришествия. Сам Господь, посылая учеников Своих на проповедь, сказал им: «идите, научите все народы, крестя их во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, уча их соблюдать всё, что Я повелел вам; и се, Я с вами во все дни до скончания века. Аминь» (Мф.28:19,20). Установив таинство причащения, Господь повелел апостолам, а в лице их и их преемникам, совершать сие таинство в Его воспоминание «доколе Он придет» (Лк.22:19. 1Кор.11:26). Что сие таинство будет совершаться всегда, до самого второго

Христовая на землю пришествия, а следовательно, и истинные пастыри будут в церкви Христовой всегда, до второго Христова пришествия, поучает блаженный Августин, говоря: «Церковь (Христовая) от времён самих апостолов через известнейшие преемства епископов, продолжающиеся даже до наших дней, и имеющие продолжаться на все последующие времена, сохраняет и приносить Богу жертву хвалы в таинстве тела Христова» (Против противн. Зак. и Прор. гл. 1, числ. 39). Из прочитанных слов видно, что сам Господь обещался быть здесь на земле с поставленными им для совершения таинств пастырями во все дни, даже до кончины этого мира, а Господь верен во всех словах Своих, ибо «небо и земля (скорее) прейдут, а словеса Мои не прейдут» (Марк. зач. 61), сказал Он. И блаженный Августин учит, что истинные епископы через преемство от самих апостолов будут «на все последующие времена».

Далее Перетрухин заявляет: «мы веруем, что все епископы могут впасть в ересь», но своей веры ничем не подтвердил. Да и какая это вера? Истинные христиане веруют во св. соборную и апостольскую церковь, непобедимую от врат адовых, т. е. от всех гонителей и еретиков, а старообрядцы веруют «в уклонение епископов в ересь». «Верующие тогда могут спастись и без них», т. е. без епископов, но опять ничем этого не подтвердил, тогда как святые отцы поучают, что без епископов не может быть не только спасения, но даже и самого христианства.

После этого Перетрухин читал слова апостола Павла: *вы есте тело Христово и уди от части* и толкование на эти слова из книги «О вере». Но это толкование опять не говорит за Перетрухина: в них говорится, что церковью называется «собрание верных человеков *всякого сана*», что вполне согласно и с учением книги Великого Катехизиса о церкви, состоящей из пастырей: епископов, пресвитеров и диаконов, и мирян, а у старообрядцев 180 лет *всякого-то сана* и не было, именно – не было у них самого главного священного сана – епископов. Следовательно, слова книги «О вере» Перетрухин привёл не в оправдание, а в осуждение себе. Дальше

Перетрухин впадает в явное нечестие и даже дерзает клеветать на преподобного Викентия, который будто бы учит, что вся церковь может впасть в ересь... Это, друзья мои, нечестивые слова, слова богохульные! Разве Перетрухин не знает, что Глава Церкви – Христос? Как же он решается на такую дерзость, чтобы во всеуслышание проповедовать, что Христос может впасть в ересь. Он говорит, что так учит преподобный Викентий, но это клевета на преподобного отца. Преподобный Викентий предположительно говорит, что «а если... какая-нибудь зараза *покусится* пятнать... всю церковь»... – *Покусится пятнать!* А Перетрухин учит, что «впадает в ересь», а это большая разница... Покушался Ирод умертвить Младенца Христа, но это не значит, что он умертвил Его; покушается и диавол победить св. церковь, но мы знаем, что одолеть, победить её никогда не может, ибо о ней Сам Основатель и Глава её сказал, что врата ада не одолеют её. Да и самые, приведённые Перетрухиным слова, преподобного Викентия обличают его, ибо показывают, что «древность (т. е. истинная церковь Христова) *не может быть обольщена никаким коварством* новизны (т. е. ереси). Да и нелепо допускать мысль о всеобщем падении Христовой Церкви. Если вся церковь, вместе с своей Главой – Господом, впадёт в ересь, то кто же её очистит от этой ереси? Так вот что доказал ваш Перетрухин, что не верит словам Господа, считает диавола сильнее Его... Не лучше этого и следующее доказательство Перетрухина, в котором он изощряется вытолковать какую-то такую церковь, которую Господь не создал. Вы все веруете, что Господь создал Свою церковь из своих учеников, т. е. из людей, и я так верую. А Перетрухин проповедует вам, что созданная Господом церковь есть ничто иное, как слова: *Ты еси Христос, Сын Бога живаго*. Значит, по учению Перетрухина, Господь создал или основал здесь на земле не общество христиан, а одни только слова. Но с этим не согласитесь и вы. Слова преподобного Максима Исповедника: «Господь нарече правое и спасенное исповедание церквию быти» – нужно понимать так, что «церковью Господь называет общество христиан, содержащих «правое и спасённое исповедание», так как само

«исповедание», без содержащих сие исповедание лиц, быть не может. Блаженный Феофилакт говорит, что «исповедание, еже исповеда Петр, основание *хочет* быти верующим» (Благов. Матф. л. 128 об.). Если исповедание есть церковь, то как же понять слова Господа, которые Он изрёк, выслушав сие исповедание: Я создам церковь Мою. Значит, Господь не считал это исповедание церковью: оно уже было, а церковь Свою Он только ещё обещался создать. Следовательно, Перетрухин, научая вас считать церковью одно исповедание веры без лиц верующих, проповедует не согласно учению Господа.

Последнее свидетельство Перетрухина о том, что все епископы могут уклониться в ересь, состоит из слов бл. Феофилакта: «Аз зажегох свет сердца вашего... а еже не угаснути благодати, сущей в вас, на вашем подвиге будет се». Но и эти слова не говорят того, что все епископы уклонятся в ересь. Бл. Феофилакт толковал слова Господа: *Ни ожигают светильника, и поставляют его под спудом, но на свещнице, и светит всем, иже в храме*. Стоило бы Перетрухину из этого толкования прочесть несколько строчек дальше, чтобы вам ясно было, что здесь говорится о добродетельной жизни пастырей Христовой Церкви, а не о той благодати, которую они получают в таинстве рукоположения, «Аз зажегох свет сердца вашего и на высоте поставил светити всем: а еже не угаснути благодати, сущей в вас, на вашем подвиге будет се; себо *есть* не положить под спудом, но и другим *да светит свет жития вашего*». И св. И. Златоуст на эти Господни слова говорит: «Я, говорит Господь, возжёт свет, а вы своим старанием должны поддерживать этот свет... Покажите *жизнь* вполне достойную благодати, так, чтобы благовествование ваше везде оправдывалось доброй жизнью» (Бес. на Мф. стр. 288). Что же касается до заявления Перетрухина, что старообрядцы оправдывались верой, думаю, достаточно сказать только, что *одна вера без дел мертва есть*, ибо *и бесы веруют и даже трепещут*, но тем не менее этим не оправдаются, а получают достойное возмездие за свою гордость и противление... *Внемлите себе от лживых пророк!* наконец, читает Перетрухин. Да, друзья мои, внемлите, не верьте им: они проповедуют не то,

что проповедовал Христос Спаситель, чему учили св. Апостолы и св. отцы. Они учат, что Христос не в силах защитить и спасти Свою церковь, хотя и обещал это; они проповедуют, что церковь святая и непорочная, питаемая самим Господом (Еф.5:27,29), может быть вся заражена мерзостью, может, вместе с своей Главой, впасть в ересь...

Внемлите, внемлите, друзья мои, себе от таких лживых пророков! Боже вас сохрани следовать за такими лжеучителями!

Перетрухин заявляет, что при патр. Никоне все епископы уклонились в ересь, но эта неправда будет обличена на следующей беседе, а теперь пусть он лучше докажет, что Слово Божие или хотя святые отцы учили, что все епископы могут впасть в ересь и что истинная Церковь Христова может быть и без епископов, и без седмичного числа таинств. Вот на что пока он должен отвечать, так как ответа на этот вопрос пока от него не было, а потому я, считая этот вопрос не выясненным, к другому пока не перейду.

Миссионер сел. Народ устремил взоры на своего защитника, который всё время подыскивал по книгам доказательства.

V.

Перетрухин. Я предлагал вам, добрые слушатели, закончить беседу по этому вопросу, потому что считаю его совершенно оконченным: я доказал, что епископы могут уклониться в ересь, что за еретиками-епископами последовать не должно, а напротив – нужно убегать или удаляться от них; так как же о. Сергей говорит вам, что я ему не ответил! Нешто это правда? Сами же отняли у нас епископов, да и требуют: «покажи нам своих епископов, где у тебя епископы?» А о своих-то епископах что-то не хочет говорить: должно быть боится, что обличу их, покажу, что они не остались во благочестии. Ну, пусть у нас не было епископов, а у вас они остались, но православными ли они остались? – вот что надо разобрать. А то: епископы, епископы! Как будто мы учим, что нам без надобности епископы, что Бог не поставлял их в своей Церкви, как будто бы мы какие беспоповцы. Нет у нас епископов 180 лет, но что же делать, нас ли обвинять? Посмотрим в Писание. Дайте-ка мне Большой Катехизис! Ну, вот слушайте; а то: епископы, епископы! не было у вас епископов! Только одно и повторяет, а не хочет понять, что церковь-то Божия получила своё начало ещё в раю, что и в те времена благочестие-то было в гонении. Были тогда Каин да Авель. Кто же кого гнал, кто кого убил?

Каин нечестивый убил Авеля благочестивого. Убить-то убил Каин Авеля-то, да ведь через это сам-то не стал лучше-то.

Так, добрые слушатели, надо обвинять и здесь не Авеля – не нас, а Каина – их. Но слушайте же, что скажет книга: «Тогда будет велие гонение, и лютое мучение всем в вере живущим, православным Христианом, иже воли его (антихриста) не повинуются, и печати на чело и на десную руку свою не примут. Уже бо и многих ныне видим, иже не приемлют на себе Христова крестного знамения, сиречь десницею своею узаконенного воображения не возносят на чело главы своея, и на живот, та же на правое плече и на левое, аще убо реченного сего Христова знамения крестного не приемлют, то уже яве есть

еже имать прияти, на чело свое и на десную руку антихристову печать, по реченному, иде же бывает света лишение, ту бывает тме пришествие» (л. 102). Вот вам и их епископы! А ведь о. Сергей опять будет говорить вам, что я ничего не доказал. Он очень односторонне смотрит на дело. Он читает вам, что Господь создал Свою Церковь с трёхчинной иерархией и седмию таинствами, а не говорит, что на эту церковь будут гонения. Вот в чём его ошибка. Он читал вам, что Господь обещался быть с пастырями во вся дни, а как толкуют эти слова святые отцы, этого не сказал. Послушайте же, что скажет на эти слова св. И. Златоуст: «Господь завеща, глаголя учеником: Се аз с вами есмь во вся дни даже до скончания века. Но сие бывает, егда мы хощем, небо всячески будет с нами, егда себе далече творим» (Бес. на 14 посл. стр. 2358). Ну, что же против этих святоотеческих слов будет говорить вам о. миссионер? Я уже говорил, что о. Сергей очень односторонне смотрит на дело и ещё раз скажу. А св. отцы поступали иначе. Вот слушайте, как учит о церкви их же епископ Ириней Псковский: «Господь различными образы управляет церковь Свою в мире сём, иногда аки во гробе затворяя оную, иногда аки от смерти восставляя, иногда аки древо до корене посекая (что касается до внешнего вида), иногда паки возустрояя, убо блюстися подобает, да не судить о том по чувствам нашим и по плотскому мудрованию, еже Господь провещевает о управлении церкви Своея. Ибо спасение её часто бывает сокрыто от умов и от очес человеческих. Господь не привязывает Себя к человеческим средствам, ниже к обыкновенному порядку природы: но хочет силою своею превышать все то, что не воображают человеческие умы» (Толк. на 1 гл. пр. Осии). А вот вам другое доказательство. Пётр Хрисолог поучает нас о церкви так: «Малый кораблец Христов (т. е. церковь) иногда возносится к небу, иногда опускается в бездну, иногда Христовою управляется силою, иногда колеблется страхом, иногда покрывается волнами страстей, иногда выплывает на вёслах исповедания» (ч. 1 сл. 19). Св. Иоанн Златоуст говорит: «Диавол, коварный изобретатель козней, надеялся, что погубив (истинных) пастырей, он легко расхитит стадо, но запиная

премудрым в коварстве их, желая показать ему, что нелюди управляют церковью, но Сам Он пасёт везде верующих в него, попустил быть этому, дабы диавол видя, что и по истреблении пастырей благочестие не уменьшается и проповеданное учение не истребляется, но ещё более возрастает, узнал из самых дел, и он и все служители его, что наше учение не человеческое, но снизошло к нам с высоты небес, что Бог везде управляет церквами, и что вступающий в борьбу с Богом никогда не может остаться победителем» (беседа на разн. случаи, ч. 1, стр. 339). Итак, ясно, что диавол надеялся погубить пастырей и действительно погубил их, потому что Бог попустил быть этому, а мой собеседник, о. Сергей, не хочет допустить этого. Теперь мной доказано, что Бог попускает на Церковь Свою гонения, что епископов диавол истребил, т. е. преклонил к ереси, а за еретическими епископами следовать нам воспрещают и св. отцы.

Вот как об этом поучал нас св. Афанасий Александрийский: «Шествующе же непрелестный и живоносный путь, око убо да извержем не чувственное, ни умное. Сиречь, аще епископ или пресвитер, суще очи церковнии, не добре живут и соблажняют люди, подобает извреши их, уне бо есть и без них собиратися в храм молитвенный, нежели с ними ввержену быти, яко же с Анною и Каиафою в геену огненную».

Мне кажется, что для старообрядцев вполне довольно и этих доказательств; поэтому ещё раз заявляю, что этот вопрос можно считать окончательно решённым. Лучше поговорим о юной, питающейся молочком, единоверческой церкви, которая и основана-то только девяносто восемь лет назад и до сих пор не имеет ни одного епископа. Вот нас упрекают, а сами у себя этого недостатка не видят.

В толпе раздался смех и шум.

IV.

Миссионер. Меня удивляет, почтенные слушатели, и ваше поведение, и поведение вашего защитника. Вместо того, чтобы вам серьезнее слушать душеспасительную беседу, вы позволяете себе здесь и неприличный шум, и непристойный смех; а ваш защитник стремится не к тому, чтобы уяснить истину, а чтобы возбудить вас к смеху. Но Господь вам всем судия, ибо вы не знаете, что делаете. Об одном вас прошу: выслушайте меня со вниманием.

В начале своего последнего ответа г. Перетрухин опять заявил, что он «доказал», хотя его доказательства, как вы слышали из моего объяснения, ни слова не говорят в защиту вашу. Далее, ему думается, что я не хочу вести беседу о нашей св. церкви или, как он говорит, о наших епископах. Но я уже заявлял вам и ещё раз заявляю, что согласен вести беседу и о других вопросах хотя несколько дней, но только хочу в настоящий раз окончить начатую беседу о св. церкви. Значит, напрасно Перетрухин и говорит эти слова. Видно, что он сознаёт свою безответность и поэтому порывается к другому вопросу, говорит о многих недоуменных вопросах, дабы потом сказать вам, что я на все его вопросы не отвечал, а говорил только «о епископах». Ещё раз заявляю, что я согласен говорить и о клятвах, и о единовении, но только после этой беседы. А теперь на все неуместные, не относящиеся к предмету беседы, слова Перетрухина я возражений делать не буду.

Перетрухин упрекает меня в том, что я будто бы односторонне смотрю на дело. т. е. не допускаю мысли, что на церковь Христову будут гонения. Неправда. Я говорил и сейчас говорю, что Господь создал Свою св. Церковь с трёхчинной иерархией и седмию таинствами, и сказал, что такой Церковь и останется навсегда, потому что врата адова никогда не одолеют её. А ваш защитник учит не так: он говорит, что, правда, Господь создал Свою Церковь с трёхчинной иерархией и седмию таинствами, но врата адова одолели её, лишили и трёхчинной иерархии и седмичного числа таинств. По понятию

Перетрухина, мы – еретики, (а еретики – тоже врата адова) отняли у вас епископов. Но ведь для того, чтобы отнять что-нибудь у человека, нужно сначала одолеть или победить его. Значит, ваша церковь, одолённая вратами адовыми, а потому и не Христова: Христос о Своей Церкви сказал, что врата адова её никогда не одолеют. Вот как об этом говорит великий святитель, – св. И. Златоуст: «Врата адова, рече Господь, будут нападати на ню, но не премогут ей. Что же борима будет, но *одоления не примет*; бурю приемлет церковь, но не потопляется. Смотри: мучители, цари, мечи остры, зверей зубы, смерти, печи, сковрады, руце железнии, млатаы, и всякия уготованные муки, и тул свой диавол испраздни, а *церкви не повреди*. Колико много воеваша мучителей, и ни един одолей сами погибоша, а *церковь в целости оста*». (Кн. о вере л. 25). Согласно словам сего Святого Отца, и я говорю и твёрдо верую, что верен и истинен Господь во всех словах Своих: сказал Он, что Церковь Его врата адова не одолеют, так это непременно и должно исполниться: церковь была и будет в гонении, но *одоления не примет, мучители погибнут, а она останется целой*, т. е. и с трёхчинной иерархией, и с седмию таинствами. Такое-то вот понятие о Св. Церкви Перетрухин и называет односторонним. Конечно, ваше дело верить словам Господа и Святым Его угодникам или же отвергнуть их, назвать односторонними и поверить Перетрухину; но только, посудите сами, какие же мы будем христиане, если будем верить Перетрухину больше, чем Христу. Нет, друзья мои, страшно допустить и мысль о том, что Церковь Христова, подобно Авелю, будет умерщвлена или уничтожена Каином, т. е., по толкованию Перетрухина, еретиками и гонителями. Убить церковь – это значит – победить Господа, Который есть Глава и Спаситель Церкви. Видите, какими «доказательствами» оправдывает вас Перетрухин. Но вам, как людям не особенно начитанным, быть может, действительно, кажется, что Перетрухин *что-то* доказывает, потому что читает же ведь он из книг. Чтобы вам понятнее была его безответность, я ещё раз повторю, что я его спрашивал: «может ли Св. Церковь Христова лишиться всех епископов и полноты седмичного числа

таинств?» В ответ на это Перетрухин стал читать из книги Б. Катехизис учение о том, что надобно «истово» изображать на себе крестное знамение. Где же тут ответ на мой вопрос? Прочитав слова Катехизиса, Перетрухин воскликнул: «Вот вам и их епископы!» Что значит это восклицание Перетрухина, понять не трудно. Но только вот в чём вопрос: «если наши епископы, по понятию Перетрухина, все приняли печать антихриста, то кто же может смыть её? Как мог Амвросий быть очищенным от этого антихристового знака?» Я уже замечал Перетрухину и обращал ваше внимание на то, что он то принимает сторону противников, то даже беспоповцев. То же самое повторяет и теперь: хочет внушить вам такую мысль, что так как наши православные епископы будто бы «неистово» изображают на себе крестное знамение, (а это клевета на наших епископов), то они и приняли печать антихристову; а если приняли печать антихриста, то, ясное дело, и веруют в него. А ведь вчера говорил перед Потемкиным совершенно наоборот: что антихрист ещё не пришёл, что наша Св. Церковь верует не в антихриста, а в того же истинного Бога, в Которого веруют и старообрядцы. Что же заставляет Перетрухина быть таким непостоянным в своих суждениях? То, что он защищает не истину и притом не по убеждению: иначе объяснить его противоречия нечем.

Разберём дальнейшие доводы Перетрухина. Всех таких доказательств, которые будто бы говорят, что все епископы могут уклониться в ересь, Перетрухиным было приведено пять.

Первое доказательство состоит из слов Св. И. Златоуста: «Господь завета, глаголя учеником: Се аз с вами есмь во вся дни до скончания века. Но сие бывает, егда мы хотим; небо всячески будет с нами, егда себе далече творим». Этими словами Перетрухин думает уверить вас, что все епископы могут уклониться в ересь, не захотят оставаться со Христом. Но такой мысли у Св. Златоуста, как в этих словах, так и во всех его творениях, нет. Наоборот, он ясно и решительно заявляет, что «Церковь без епископа быти не может» (Марг. л. 144 об.). «Знай, говорит он в другом месте, что вся совокупность прочих дарований сосредоточивается в апостольстве (епископстве), как

в главе... так что, если бы оно прекратилось, то всё расстроилось бы и прекратилось» (Бес. на разн. места Св. Пис. т. 2, стр. 318). Как же решается Перетрухин клеветать на Св. Иоанна Златоуста, который будто бы учит, что все епископы могут впасть в ересь?

Вторым свидетелем за себя Перетрухин выставляет преосвящ. Иринея, епископа Псковского, который тоже не оправдывает слов Перетрухина: он не учит, что Господь попустит быть разорённой Своей Церкви, а, наоборот, свидетельствует, что *Господь различными образы управляет ею*, а управлять Церковью не значит – лишить её трёхчинной иерархии и полноты таинств. Перетрухин делает особенное ударение на словах: «аки во гробе затворяя оную, аки до корене посекая». По самое слово «аки» (то есть «как бы») показывает, что «ни сокрытия во гробе, ни посещения до корене» с церковью не было. Вот настоящий смысл этих слов. Всем гонителям Св. Церкви кажется, что она как бы сокрыта, посечена, уничтожена, но на самом деле этого нет и никогда не будет: так судят гонители Св. Церкви, говорит преосвящ. Иринея, «по плотскому мудрованию своему, но Бог превышает всё то, что воображают человеческие умы». Как видите, и в этих словах нет такой мысли, что вся Церковь Христова может лишиться всех епископов и полноты церковных таинств.

Третье свидетельство, которое будто бы говорит, что Церковь Христова может остаться без епископов, Перетрухин видит в словах Петра Хрисолога: «малый кораблец Христов (Св. Церковь) иногда возносится к небу, иногда опускается в бездну, иногда Христовой управляется силой, иногда колеблется страхом, иногда покрывается волнами страстей, иногда выплывает на вёслах исповедания». Свидетельство это ясно обличает учение Перетрухина и доказывает, что, хотя Св. Церковь и претерпевает всевозможные бедствия, но остаётся такой же, какой создана Господом, т. е. с полнотой иерархических чинов и таинств, потому что она «Христовой управляется силой», а силу Христову никто победить не может. Слова Петра Хрисолога вполне согласны с учением Св. Иоанна Златоуста, который говорит: «бурю приемлет церковь, но не

потопляется» (кн. о вере л. 25); а ведь Перетрухину нужно было привести такое свидетельство, в котором бы говорилось, что этот «малый кораблец» – Св. Церковь разрушится, потонет, останется без полноты трёхчинной иерархии и семи таинств, как это случилось с их обществом. Но таких свидетельств нет; поэтому Перетрухин и не может привести их.

Четвёртое свидетельство Перетрухин видит в словах Св. Златоуста: «диавол коварный *надеялся*, что, погубив пастырей, он легко расхитит стадо». Но эти слова показывают только то, что только *диавол* надеялся погубить пастырей, а не Св. И. Златоуст, который не соглашается с мнением и надеждами диавола, ибо в другом месте говорит: «не может Церковь без епископа быть» (Маргар. л. 144 об.). Кому же теперь мы будем верить: диаволу ли, или Св. И. Златоусту? Кроме этого, друзья мои, нужно иметь ещё в виду – о каких пастырях говорит Св. Златоуст: о всех ли пастырях церкви вселенской или только о пастырях какой-либо частной, поместной церкви? Если Перетрухин скажет, что обо всех, то как же нужно понимать дальнейшие слова, что «Бог допустил быть этому», т. е., по понятию Перетрухина, диавол погубил всех истинных пастырей? Если Златоуст говорит: «Бог допустил» быть истреблению пастырей, то, значит, это истребление совершилось до Златоуста, а поэтому и Златоуст был уже не истинный пастырь, и мы – русские – приняли веру не от истинных пастырей, и все наши святители и чудотворцы: Пётр, Алексей, Иона, Филипп и пр. – не истинные пастыри...

Перетрухин, перебивая миссионера: «Святой Златоуст сказал это пророчески»...

Миссионер: Как же мало однако вы, Климент Анфиногентович, дорожите истиной! Не могу допустить даже мысли, чтобы вы не знали, по поводу чего были сказаны Св. Златоустом приведённые ваши слова. Поэтому не для вас, а для народа сделаю краткое объяснение. Слова эти Св. И. Златоустом были сказаны в похвалу Св. Игнатию Богоносцу, следовательно, говорят о событии, уже совершившемся. Смысл их таков. Диавол предполагал, что если Св. Игнатия Богоносца язычники лишат жизни, то ему – диаволу легко будет расхитить

стадо; но вышло вопреки ожиданиям дьявола. Хотя Св. Игнатия взяли и отвели в Рим на мучение, но антиохийская церковь не осталась без пастыря: вместо Св. Игнатия там остался Св. Поликарп, а затем Ирон (Св. Игнат. Бог. посл. к Ирону). Итак, приведённые Перетрухиным слова Св. Златоуста не говорят, что *вся* св. соборная и апостольская церковь может лишиться *всех* епископов. Следовательно, напрасно Перетрухин и приводил их в оправдание своего общества, остававшегося целых 180 лет без епископов.

Последнее свидетельство Перетрухина состоит из слов Св. Афанасия: «око убо да извержем», т. е. епископа лишим сана, если он живёт «неподобно.» Но что же означают эти слова? Они говорят только, что епископа (а не всех епископов), «не добре живущего и соблазняющего людей», нужно извергать из сана. Но извергнуть из сана епископа могут только двенадцать епископов (12 прав. Карфаг. соб.). Следовательно, из этих слов Св. Афанасия вытекает такое учение, что в церкви Христовой всегда будут истинные и «добре живущие» епископы, которые и будут лишать сана «не добре живущих» епископов, заменяя их достойными.

Вот и все доказательства г. Перетрухина. Теперь, положив руку на сердце, скажите: доказал ли он, хотя одним свято-отеческим свидетельством, что все епископы могут впасть в ересь и Церковь Христова останется без трёхчинной иерархии и полноты св. седми церковных таинств? Нет, друзья мои, не доказал, и я твёрдо уверен, что ни он, ни другой кто этого никогда доказать не может.

Что же касается вопроса о единовении, то ещё раз повторяю, – об этом мы поговорим, если хотите завтра, а теперь надо окончательно решить этот вопрос. О единовении пока только и скажу, что оно не составляет особой церкви от православной: это та же православная церковь, только пользующаяся правом употреблять некоторые так называемые старые обряды. Без епископа единовение никогда не было. Это неуместная шутка Перетрухина, который, конечно, знает, что единоверческие священники рукополагаются и находятся в

подчинении от православных епископов, которые, следовательно, и есть епископы единоверцев.

Итак, ещё и ещё раз прошу г. Перетрухина ясным свидетельством, хотя одного святого, отца доказать, что вся св. соборная и апостольская церковь может лишиться всех епископов.

Перетрухин (растерянно). Вы кончили?..

Миссионер. Да, кончил и прошу отвечать.

VI.

Перетрухин встал, но молчал. В это время один из Слушателей, «вдающийся и скитающийся всяким ветром учения», (бывший раскольник, затем единовец, а потом опять раскольник) начал кричать, оскорблять присутствующих неприличными словами. Это послужило как бы сигналом для толпы. Поднялся такой шум, что восстановить порядок не представлялось никакой возможности. Курьезнее всего то, что толпа, по-видимому, неудовлетворённая ответами *Перетрухина*, настойчиво предлагала решить спорный вопрос большинством голосов. А миссионеру пришлось напомнить народу, что решение толпы, хотя бы и большинством голосов, не может быть признано за истину: ведь и Спасителя осудили на крестные страдания также большинством голосов, а однако, думаю, что и сами старообрядцы не согласятся, что Спаситель, действительно, «повинен смерти», как кричала толпа. «Что же, мы жида – что ли?» – заговорили было некоторые, но тем не менее порядок восстановился, и *Перетрухин* снова встал, чтобы продолжать собеседование.

Священник – миссионер *Сергей Шалкимкий*
(Продолжение следует).

Н. Старообрядческие софизмы. // Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 95–99

У старообрядцев начетчики – большие изобретатели новых софизмов, которые они потом уже повторяют при всяком удобном случае. В конце ноября прошлого года, нам при полемической беседе привелось услышать два таких софизма. Речь шла о причинах отпадения раскола – старообрядства от Православной Церкви. Как известно, глаголемые старообрядцы отпали от Православной Церкви под тем предлогом, что Церковь изменила перстосложение для крестного знамения и другие церковные обряды и потому она, по мнению старообрядцев, впала в ересь. В виду этого мнения, началась беседа и поставлен был такой вопрос: впадает в ересь тот, кто изменяет догмат, а не обряд; перстосложение для крестного знамения – догмат или обряд? Начетчик (Худошин) отвечал софизмом, сущность которого мы постараемся передать в кратких словах. Начетчик соглашался, что догмат есть учение веры о божественных истинах, необходимых для нашего спасения, наприм., о Св. Троице, о воплощении Сына Божия; но потом продолжал: в нашем перстосложении два перста (второй и третий) изображают воплощение Сына Божия в двух естествах, а три перста (первый и два последних) – Св. Троицу. Перстами так же, как и словами, говорил он, как бы подходя к заключению, мы исповедуем веру во Св. Троицу и в воплощение Сына Божия, и выражаемое как тем, так и другим, способом учение об этих божественных истинах несомненно есть догмат веры. Оставалось вывести отсюда последнее заключение в ответ на поставленный вопрос: следовательно, перстосложение для крестного знамения есть догмат, который не может быть изменяем, и кто изменяет его, тот явно впадает в ересь. Но начетчик удержался высказать этот последний вывод. Православный собеседник не мог добиться, чтобы начетчик прямо ответил на вопрос: перстосложение – догмат или обряд? На повторенный вопрос начетчик повторял со всей подробностью тот же софизм, но опять без последнего вывода.

Он не хотел сказать: да, перстосложение есть догмат, который не может быть изменяем; и не сказал, конечно, потому, что этим раскрылась бы ложь софизма. Всякому понятно, что как сочетание слов для выражения догмата Св. Троицы, так и сложение перстов для той же цели может быть изменяемо без малейшего изменения самого догмата. Всем, слушавшим это прение, была слишком очевидна фальшь софизма; всем пришло на мысль: да и православное перстосложение изображает тремя перстами Св. Троицу и двумя – два естества Богочеловека; оба перстосложения – и наше православное, и раскольническое, – изображают верно тремя перстами один и тот же догмат о Св. Троице и двумя перстами один и тот же догмат о двух естествах Богочеловека. Отсюда вытекает прямое заключение, что перстосложение, положим, изменилось, но догмат от этого не потерпел никакого изменения. Если же перстосложение может изменяться и в своём изменённом виде выражать один и тот же не изменяемый догмат, то не очевидно ли, что перстосложение не есть догмат неизменяемый, а только внешнее выражение догмата, подлежащее изменению. Наше троеперстие и раскольническое двоеперстие не то же ли, что перестановка слов в словесном выражении догмата или замена одного слова другим (наприм., Троица, Триединый Бог, три Лица, три Ипостаси, Сын – Слово, и т. д.)?

Желая доказать, что перстосложение (двоеперстие) для крестного знамения есть догмат, начетчик прочитал известное 91 правило Василия Великого: «Из соблюденных в Церкви догматов и проповеданий, некоторые мы имеем от письменного наставления, а некоторые прияли от Апостольского предания, по преемству в тайне. Те и другие имеют одну и ту же силу для благочестия, и сему не станет противоречить никто, хотя мало сведущий в установлениях церковных. Ибо ежели отважимся отвергать неписанные обычаи, как будто не великую важность имеющие: то не приметно повредим Евангелию в самом главном, или паче, от проповеди Апостольской оставим одно пустое имя. Например, упомянем прежде всего о первом и самом общем, чтобы уповающие на имя Господа нашего Иисуса Христа знаменались образом Креста, кто учил писанием? К

востоку обращаться в молитве какое писание нас научило? Слова призывания в преложении хлеба Евхаристии и Чаши благословения, кто из святых оставил нам письменно? Ибо мы не довольствуемся теми словами, которые Апостол или Евангелие упоминает, но и прежде их, и после произносим и другие, как имеющие великую силу для таинства, приняв оные от неписанного учения» и проч.

Начетчик старался доказать, что св. Василий Великий повелевает признавать важность священных обрядов; наравне с догматами веры. Начетчик я здесь употребил софистический приём. Несколько раз прочитавши приведённые слова св. Отца, он каждый раз делал ударение на словах: «те и другие имеют одну и ту же силу для благочестия», поясняя, что и догматы веры, и знаменание себя образом креста, и другие обычаи имеют одинаковую важность, хотя для всякого очевидно, что св. Отец сравнивает и признаёт одинаково важным не догмат и обряд, а догмат, основанный на свящ. писании, и догмат, основанный на свящ. предании, а также – обряд, основанный на свящ. писании (наприм., произнесение в таинстве Евхаристии Евангельских слов: приимите, ядите, и проч.), сравнивает с обрядом, основанным на свящ. предании (наприм., слова молитвы о преложении хлеба Евхаристии), и признаёт как тот, так и другой догмат равно важным, и обряд, основанный на предании, признаёт не менее важным, как и тот обряд, который основывается на писании. Начетчик, как видно, хорошо знакомый с приёмами софистики, представляет дело так, как будто у св. Отца речь идёт об одинаковой важности догмата и обряда, а не о том, что священное писание и свящ. предание имеют равно великую важность, как откровение божественное. Он это делает, читая слова св. Отца с расстановкой и внушительными ударениями на тех словах, которые, по его мнению, должны говорить в его пользу, вставляя мимоходом между словами своими краткие пояснения. Но хитрый начетчик ни одним словом не обмолвился для прямого ответа на поставленный ему вопрос: перстосложение – догмат или обряд? Собеседник говорит ему: «я не понимаю, какую связь имеют прочитанные вами слова Василия Великого с требуемым

ответом на данный вопрос. Вы скажите коротко и прямо: перстосложение для крестного знамения – догмат неизменяемый или обряд, который может быть изменяем? « – «Извольте, отвечает начетчик. Я буду говорить коротко,» – и начинает снова читать те же слова Василия Великого, не пропуская случая снова вставить мимоходом те же свои пояснения.⁶⁴ И это он делает ещё и в третий раз, как бы отвечая на вопрос собеседника, предложенный ему также в третий раз. Воспользовавшись крайней деликатностью и снисходительностью своего собеседника, не позволяющего себе перерывать его или останавливать, начетчик торжествующим тоном, обратясь к публике, читает и поясняет и без того ясные слова св. Отца и, как видно, хочет показать слушающим, что собеседник поставлен в затруднение и потому отказывается понимать столь ясные слова св. Отца. Это была единственная ошибка со стороны собеседника, – что он не остановил начетчика, по крайней мере, тогда, когда тот начинал во второй раз читать слова Василия Великого. В беседе с раскольническим начетником необходимо зорко следить, чтобы он не увёртывался от прямого ответа на поставленный вопрос. Мне привелось однажды слышать беседу известного миссионера о. К. Крюкова. Беседовал он с незаурядным раскольническим начетником Фоминым. Фомин пытался уклоняться в сторону, и каждый раз о. Крюков чуть не на первом слове останавливал его: «знаю, что ты хочешь говорить, только это будет не на вопрос; а ты прямо отвечай мне – о чём тебя спрашиваю, говори: да или нет». О. Крюков не дал бы нашему начетчику и один раз прочитать слова св. Василия Великого прежде, чем начетчик не ответит прямо на поставленный вопрос. «Нет, ты прежде ответь мне на вопрос: перстосложение – догмат неизменяемый, или обряд?» – сказал бы о. Крюков. А если уже допущено было чтение довольно большой тирады из творений св. Василия Великого, то не следовало говорить: «я не понимаю», и проч.; а следовало разъяснить, что приведённые слова не заключают в себе того смысла, какой даёт им начетчик, и вовсе не относятся к решению поставленного вопроса, что не трудно было бы

разъяснить и доказать. Впрочем, эта небольшая ошибка, допущенная собеседником в начале, скоро потом была им исправлена, и прение было им окончено победоносно неопровержимыми фактами истории перстосложения и других подвергавшихся изменению обрядов.

N.

Из миссионерских летописей, дневников и записок

**Андреев Д. Штунда в пределах Рязанской губернии.
// Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 100–105**

Штунда в нашей местности⁶⁵ имеет искусных вожаков, довольно начитанных, бойких на словопрение. Особенным фанатизмом и пропагандаторской деятельностью отличаются крестьяне дер. Кунаковой – Пётр Ст. 3-в, деревни Луховиц – Иван А. В-н, села Городец – Михаил Л-н и друг.

Пётр С. 3-в происходит от православной семьи. Будучи 26-ти лет от роду, он совратился в молоканство и оставался молоканином до 45 летнего возраста, до 1884 года. Привлечённый к суду, за совращение православных в свою секту, он на суде раскаялся в своей вине, объявил себя православным и, таким образом, избежал наказания. 3-в человек искренний и страстный: конечно, не страха ради отрёкся он от молоканства; по его словам, он «на муки готов идти за свою веру», раз он убеждён в истине её. Переход его в православие был искренним душевным порывом, которому надобно было указать исход и направление, поддержать, утешить. Но некому было разделить с ним его думы! И вот, в то самое время, когда он стоял на распутье, не зная, куда идти: в православие или возвратиться к старой вере, – он встретился с штундистами, которые впервые стали навещать нашу местность. Штундовые собрания и беседы решили участь 3-ва. Перейдя в штунду, 3-в, с свойственной ему страстностью, весь отдался пропаганде нового учения. Он отказался от всяких хозяйственных работ; но, как нужный штундистам человек, он пользуется в широких размерах их материальной помощью. 3-в в настоящее время только тем и занят, как бы кого привести в общество «святых». Он то в разъездах, то сам встречает у себя своих единоверцев, то ходит по домам в своей деревне, или по окрестным селениям. Он знает, когда и как действовать на людей: если он прослышит, что кто-нибудь из сельчан в нужде, несчастье, в болезни он не преминет появиться в этом доме с своим участием и соболезнованием и, смотря по обстоятельствам, или сразу поведёт речь о покаянии и о вере,

или начнёт разбивать воззрения православных, нападая на церковь и её служителей. Если же и это не удаётся, то он попросит позволения, в утешение страждущего, пропеть какой-нибудь подходящий к случаю, духовный кант, напр.:

«О, если б вид Его мучений
На сердце врезался мое!
о, если б цель всех помышлений
Была – любить и жить лишь с Ним!
Я всем Тебе, Господь, обязан,
Тобой на век я исцелен;
Я болен был и адом связан,
Ты смертью рушил ада плен».
и проч. (Стих «Смерть Христа»).

З-в всегда смело выступает с своей проповедью, не разбирая ни места, ни времени. В 1897 году, в четверг на Пасху, в дер. Кунаковой, на площади, служился общественный молебен при громадном стечении молящихся. В толпе царило глубокое молитвенное настроение, какое бывает у простого народа в великие дни на богослужении. Присутствовал здесь и З-в с евангелием в руках. Благоговейное настроение толпы пробудило в нём всю ненависть к православию. Лишь только кончился молебен, как З-в, выйдя на середину, где стоял священник, обратился с речью: «друзья мои! я хочу дать вам назидание из слова Божия, потому- что вы безчестите Господа нашего Иисуса Христа. Вот теперь прошёл с иконами ваш священник, значит – тем разрешил всё гульбище, песни, все сатанинские дела» – и стал читать 17 главу кн. Деян. Апост. Священник заметил ему о неумеренности его речи, но это дало только иное направление его мысли: он разразился обличениями против пастыря церкви: «как сам идёт, так и всю паству ведёт к гибели. Что вы делаете против Бога и царствия Божия: хотите купить его за деньги. Несчастные, и стадо ваше несчастное!..» Усмирён он был лишь полицейскою властью. З-в достаточно искушён в юридических тонкостях и, благодаря этому, до сих пор удачно выходил из всех затруднений. В октябре прошлого года, напр., З-в был на штундистском собрании в г. Зарайске. Явилась полиция и составила об этом

протокол. З-в нашёлся и в этом своём затруднительном положении: себя и своих единоверцев он назвал баптистами, а баптистам, говорил он предоставлена полная свобода собраний и богослужений, и делал соответствующие ссылки на закон. С миссионерами З-в охотно вступает в беседы, причём беседует исключительно «о душеспасении» (об оправдании одной верой, без добрых дел). Если речь переходит на другие предметы веры, отрицаемые сектантами, напр.: об иконопочитании, о почитании святых, о церкви, о таинствах и проч., З-в заявляет, что это рассуждение по человечески, (т. е. на основании Свящ. Предания).

Другим не менее деятельным распространителем штунды в описываемой местности является луховицкий крестьянин Иван В-н, содержатель мельницы, человек очень зажиточный. В-н особенно усердно распространяет сектантские брошюры и листки. По своему промыслу мельника он имеет обширный круг лиц, всегда готовых его слушать. О находчивости его и агитаторской склонности свидетельствует хотя бы следующий факт. Мельница В-на находится на самом краю дер. Луховиц, Как раз мимо неё протекает шоссе на Москву. Весной и летом, в свободное от работ время, по этой дороге тянутся вереницей пешеходы – богомольцы к Преподобному Сергию. В-н и воспользовался этим. Около дороги он вырыл колодец и расставил несколько рядов скамеек. Усталые путники – богомольцы, утолив жажду, садятся отдохнуть. В-н на это и рассчитывал: завидя из окна своей мельницы расположившихся у колодца богомольцев, он подходит к ним, вступает с ними в беседу и незаметно переводит речь на то, о чём думают его собеседники: о святых мощах, о чудотворных иконах,, о монашеской жизни и т. п. Тем, кто оказывает интерес к его штундовой проповеди, В-н предоставляет радушный приют в своём доме, обделит деньгами и всем необходимым. В-н известен щедрой благотворительностью. Посещая неимущих, он утешит их словами: «уверуй, и Господь подаст тебе пропитание,» – а на утро у дверей своего дома бедный находит мешок с мукой или картофелем и т. д. В настоящее время В-н, вместе с другим вожаком Л-ным (о котором я скажу несколько

слов ниже), стараются увлечь в штунду содержателя чайной лавки соседнего села В. Ф. К-ва. Если это им удастся, тогда у них явится новый удобный для пропаганды пункт. Характерная черта местных главарей – штундистов: прежде всего стараются обратить в свою секту разных содержателей постоянных дворов и трактиров, торговцев, кузнецов, т. е., таких людей, которые по своему положению пользуются известным влиянием на население и которым удобно, не возбуждая особых подозрений, сеять свое учение. На содержателя трактира в дер. Кунаковой, зарайского мещанина Л-на, указывают и как на первого последователя штунды в нашей местности. Л. действует чрезвычайно осторожно.

В селе Городцах одним из видных вожаков штунды является Михаил Л-н. Л. крайне увлеченный пропагандист, пылкого темперамента, речистый, опытный в беседах с православными полемистами. От миссионеров требуется много находчивости и основательного звания Свящ. Писания, чтобы одержать победу над ним в прениях. В роли наставника Л. выступил недавно. Над ним в настоящее время тяготеет обвинение в совращении одной православной семьи; однако это несколько не охлаждает его рвения вербовать в свою секту новых членов. Влияние Л. таково, что кого бы он ни вздумал из молокан обратить в штунду, он этого достигнет, и лишь как на замечательный случай из его практики, указывают на одну неудачную попытку совратить раскольника – беспоповца Петра Т-ва, по ремеслу кузнеца, след., нужного штундистам человека. Оба сектанта, с противоположными воззрениями, сколько ни беседовали, не могли прийти к соглашению: беспоповец оказался начитанным в Творениях Святых Отцов.

Штундовая община в описываемой местности пока сравнительно не велика⁶⁶, поэтому, естественно, сектанты живут, как члены одной семьи и в этом отношении служат примером братских отношений между собой, помогают друг другу советами и материальной помощью, в обращениях между собой ласковы, приветливы. Приезжие штундисты всегда могут рассчитывать на самое радушное гостеприимство у местных сектантов.

Не последнюю роль играет в развитии штунды материальная зависимость бедноты от богатых сектантов. В дер. Плешках, напр., проживает богатый молоканин А-в занимающийся железнодорожными подрядами по постройке мостов. Среди местного населения он представляет собой громадную силу: в продолжении года у него перебивает не одна сотня рабочих. Своему единоверцу он всегда охотно даст заработок, в нужде окажет помощь. Сын А-ва, Яков – штундист, отличается большей приверженностью к своей секте, нежели отец и обнаруживает наклонность занять видное положение среди своих единоверцев. Як. Мих. любит рассуждать о вере, частенько ездит в Луховицы на беседы с православными миссионерами. Говорят, что он прошёл курс средней школы, начитан, отлично знает православную догматику и, предупреждая нападение и. возражения миссионеров, иногда производит этим некоторое впечатление на простецов. У А-вых в Москве, в одной из гостиниц близ Рязанского вокзала, имеется постоянное пристанище, где всегда могут найти себе приют вожаки – единоверцы⁶⁷.

Луховицкие штундисты в своей пропагандаторской деятельности точно стараются превзойти друг друга, – своё учение они готовы навязать всем и каждому. Даже в окнах, в назидание прохожих, наклеивают печатные листики с текстами, на которые они обыкновенно ссылаются в доказательство своего учения, напр.: «взирай на начальника и совершителя веры Иисуса Христа», «единого имеем законоположителя веры Иисуса Христа», «не бойся, ибо Я искупил тебя, назвал тебя по имени твоему: ты Мой» (Ис.43:1), «будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни» (Откр.2:10), «се грядущи скоро, и возмездие Мое со Мною (Откр.22:12), «Аз начало и конец», «Аз любовь» и т. п. В некоторых домах, вероятно страха ради, придумана хитрость: листы с крупными буквами наклеены на дверцах шкафов около окон, причём дверцы как бы случайно отворены и, таким образом, с улицы, проходя мимо дома, легко прочитать «штундистские объявления». В домах, по стенам развешиваются в рамках за стёклами излюбленные ими изречения из Свящ. Писания, часто оттиснутые золотыми

буквами по чёрному фону, или писанные; –иногда стихи в роде, напр., следующих:

«О, люди, люди!

В грехах коснеющие день от дня,
Когда затрепещут ваши каменные груди
От искры Божьего огня?»

Или:

«Кто озарён небесным светом,
Кто не объят греховной тьмой,
Тот, – как цветок, цветущий летом,
Упитанный душистой красотой».

– И проч.

Д. Андреев

(Продолжение следует).

Дмитровский П., свящ. Религиозно-нравственное положение православных рабочих в немецких селениях Таврической губернии. // Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 105–111

⁶⁸ Немцы колонисты, населяющие Таврическую губернию, в количестве многих десятков тысяч и захватившие в свои руки самые лучшие земли, составляют в крае экономическую силу, поработавшую русский народ, которому они в то же время приносят величайшее духовное зло, растлеывая религиозно-нравственные вековые воззрения православного люда. В административном отношении немецкие селения Бердянского уезда Таврической губернии, по крайней мере, находящиеся в районе моего прихода, с. Астраханки, представляют совершенно самостоятельные общинные единицы, тесно замкнутые в свои собственные интересы, в свою бытовую жизнь, обособленную от всего русского, непроницаемую даже для наблюдения со стороны предстоящих властей. Колонисты имеют свои сельские управления, своё волостное правление, состоящее исключительно из немецких селений и даже своего земского начальника, в участке которого имеются одни только немецкие селения. Будучи внешне людьми порядочными по своей жизни и прекрасно обеспеченными в материальном отношении и потому всегда исправными в исполнении государственных повинностей, наши немцы, естественно, пользуются особенным благосклонным вниманием местных властей, как лучшие-де элементы местного населения; благодаря чему немцам не редко возможно и позволительно то, что едва ли и законно; так напр., наши немцы в сущности без всякого резонного, казалось бы основания и права владеют обширными участками казённой земли, известной здесь под именем «овчарных и фабричных участков». В одной Гальбштадтской волости, Бердянского уезда, такой земли имеется более 10 тысяч десятин. Известно, что правительство во время оно дало эту землю колонистам-немцам для разведения образцового овцеводства и развития фабричного

производства, имея в виду поощрение этого выгодного для государства и полезного для русского населения промысла. Между тем, немцы сочли излишним заниматься овцеводством, которого искони и не было у колонистов, как промысла, фабричное же производство если и развивается у них, то во всяком случае независимо от земли; что же касается данной им правительством «овчарной земли», то немцы с покойной совестью *сдают её в аренду русским крестьянам*, обделённым землёй, которые и несут немцам свои последние гроши за право посева на казённой земле. На деньги, вырученные таким путём, немцы скупают землю в разных местах нашего отечества для своей меньшей братии, составляют общинные капиталы, которые обеспечивают немецкое благосостояние на случай неурожая и других стихийных бедствий и служат фондом для экономических предприятий немецких общин для скупа земель и проч. Таким образом, казённая земля, которая, потеряв свое определённое назначение, должна бы удовлетворять нуждам всего местного населения, является предметом немецкого захвата и эксплуатации и ставит русского крестьянина в безусловную экономическую зависимость от немца⁶⁹.

Нужно удивляться, как ловко здешние немцы успевают обдирать свои дела, от которых и тяжело, и грустно, и стыдно становится русскому православному человеку. Так, например, колонисты, вместе с молоканами, не так давно сумели выселить из Бердянского уезда два болгарских православных селения – Варваровку и Еленовку и завладеть их землёй. На месте селения Варваровки ныне находятся немецкие хутора и среди них возвышается убогий, ветхий, осиротелый православный храм, безмолвно свидетельствующий о немецкой силе в пределах Таврии, завоёванной кровью русского православного воинства. Правильно устроившись в экономическом и свободно в общественных отношениях, немцы ведут свою изолированную, замкнутую жизнь, решительно пренебрегая всем русским и на русского человека смотрят только, как на своего батрака, человека тёмного, непросвещённого-де светом евангельской истины. Русский рабочий, поступивши к немцу, должен совершенно забыть об исполнении своих религиозных

обязанностей, так как немец и слушать не желает ни заявлений, ни просьб своего православного рабочего о том, что он должен в назначенное Церковью время поститься, посещать храм Божий и иметь у себя дома икону, исполнить долг исповеди и св. причастия и проч. Не желаешь есть молока да мяса, оставайся голодным, говорит ревнующему о православии работнику немец – хозяин, а в Церковь ходить за 10–15 верст некогда; русский – свинья, лентяй, гулять любит, а попы ваши и повыдумали праздники, – Бог этого не любит... Такой ответ слышит русский от немца на свои законные требования об исполнении религиозных обязанностей по своей вере. Хотя и существует известное распоряжение, изданное в царствование в Бозе почившего императора Александра III о том, чтобы православные рабочие не были стесняемы в отправлении своих религиозных обязанностей, но у нас его не знают ни хозяева, ни рабочие, не интересуются этим вопросом и те, кому сие ведать надлежит. Православные рабочие так настроены, что сами не желают иметь у себя икон, из уважения к святыни, ибо иначе иконы пришлось бы помещать в сараях, где рабочие живут вместе с лошадьми. Если одна часть немецкого населения (менониты), так преступно и неуважительно поступает с религиозностью православных рабочих, без особых претензий навязывая последним свои религиозные убеждения, но имея в виду лишь свои экономические расчёты и следуя своему принципу высокомерного отношения ко всему русскому, – то другая часть – баптисты или, так называемое, «соединённое менонитское братство», более фанатичная в религиозном отношении и прозелитивная, стремится всеми путями навязывать свои сектантские взгляды массе православного рабочего люда. Можно в каждом приходе найти печальные случаи ежегодного совращения русских рабочих в баптизм. Так Лаврик (крестьянин), находящийся в настоящее время на обучении в гамбургской штундо-баптистической семинарии, является воспитанником баптистов с. Риккенау. Там же совращён ещё один русский крестьянин, проживающий в с. Риккенау и в настоящее время.

Нельзя не обратить ещё внимания и на то обстоятельство, что то средостение, которое отделяло доселе русского рабочего от немца и было в некотором отношении спасительным для православия, – именно – непонимание русским рабочим немецкого языка, – ныне постепенно падает. Нам очень часто приходится встречать в немецких селениях полтавцев, которые, проживши 2–3 года у немцев, постепенно забывают свою родную речь и свободно изъясняются на немецком языке. Вообще нужно сказать, положение русских рабочих в немецких селениях в религиозном отношении является слишком неутешительным. Для удовлетворения религиозных потребностей рабочих приходским пастырям предписано совершать в нарочитые времена, особенно же постом великим, Богослужение в немецких селениях и для сей надобности выданы св. антимины.

Но посмотрите, где же приходится совершать Божественную службу в немецких сёлах. Немец-староста отводит священнику для совершения св. тайн и богослужения ветхую мастерскую или какой-либо заброшенный немецкий дом, служивший до того загоном для скота или для склада всякого мусора и дряни.

Совесть молящихся православных рабочих до глубины души оскорбляются таким местом Богослужения и многие совершенно отказываются присутствовать на службах, совершаемых в столь неприличных местах, а некоторые по этой причине и совершенно уклоняются от исполнения исповеди и св. Причащения. Да и мы – пастыри не без сокрушения приступаем к совершению Божественной литургии в немецких мастерских! Когда приходится указывать немцам на это обстоятельство, то они насмешливо утешают нас тем доводом, что Богу можно молиться на всяком месте и никогда ничего не сделают для отвода лучшего помещения. Идея о служении на подвижных престолах литургии в местах скопления православного рабочего люда прекрасная и безусловно полезная, но для выполнения её необходимо немецкие общины заставить в административно-законодательном порядке отвести подобающие помещения для православного богослужения, а

ещё лучше устроить особые православные молитвенные дома в центральных пунктах немецких селений. Такими пунктами в районе нашего прихода являются следующие сёла: Тиге, Александркрон, Нейхирх и Риккенау. Но здесь возникает вопрос: на какие же средства можно устроить подобные молитвенные дома в немецких селениях. Мне думается, что если немцы так широко пользуются трудом русского крестьянина, то не в праве оно отказать последнему в удовлетворении этой насущной потребности; и если немцам будет сделано в этом смысле предложение со стороны людей власть имущих, то они едва ли откажутся от этой повинности. Ведь заставляют же фабрики, и заводы, железные дороги, принадлежащие компаниям иноверцев и раскольников строить школы, церкви для православных рабочих, почему бы не обязать к тому же и немцев – колонистов, у которых в иную пору года находится по несколько тысяч рабочих. Заведывание такими молитвенными домами полезно бы поручить особым священникам, возложив на них обязанность окружных миссионеров. В немецких колониях находится корень зла южнорусского сектантства, а потому и борьбу нужно вести с корня, когда будет последний подсечён тогда и ветви сами собой будут засыхать.

Свящ. с. Астраханки *Павел Дмитриевский*
(Продолжение следует).

**Смолин И., диакон. Из чистосердечного признания
раскаившегося хлыста. // Миссионерское обозрение.
1899. № 2. С. 111–113**

Хлыстовство принадлежит к числу особо вредных сект не только по гнусности своего лжеучения и культа, но и по лёгкости совращения в неё и по трудности возвращения из неё. Редко кто способен бывает совершенно выпутаться из сетей хлыстовства, и большинство же присоединений оказывается неискренними признаниями, – фарисейскими. Если же кто и искренно и навсегда порывает связи с этой сектой, то, обыкновенно, будучи связан в совести своей смертной клятвой и боясь угроз бывших единоверцев своих, – никому не открывает всех сокровенных тайн секты и уносит их с собой в могилу. Вот почему всякое признание раскаившихся хлыстов сколько интересно, столько же и ценно для сектоведения и миссионерства. А потому мы считаем не бесполезным сообщить читателям «Мис. Обозр.» чистосердечное признание одного раскаившегося хлыста Самарской губернии, Б-й волости...

Исповедь эту передаём словами и даже слогом раскаившегося. Она помечена 24-м мая 1898 года и начинается так:

«Раньше я был православным христианином и не знал ни про какие секты и не мог себе представить, что есть на свете такие пагубные и гнусные ереси, как хлыстовщина и ей подобные, которые, под видом благочестия, содержат страшное заблуждение. Назад тому семь лет, как я подружился с крестьянином одного со мной села; он сначала научал меня жить благочестиво, а не так, как мирские живут. Мир весь погибает, говорил мне М. П., со всеми властями, гражданскими и духовными. Когда же я спросил, в чём же заблуждение состоит властей, то получил такой ответ: высокий их разум не может смириться, не может и небесной мудрости научиться, там на небе заперты от них царские двери и ключи царства хранятся у старцев. На мой вопрос: кто и где эти старцы? М. П. сказал, что если я пожелаю, то он покажет пока хотя одного из них; и

при этом добавил, что всякий старец имеет полную власть прощать грехи. Вот напр., если хочешь, то познакомлю тебя со старцем Артемием Ивановичем, а в селе есть мамаша Надежда Платоновна, которая содержит странноприимный дом, она тоже великая подвижница. Потом договорился до того, что он и сам-то никто иной, как живой пророк. После этого М. П. видя, что слушаю его с большим вниманием, начал порочить православных батюшек. Разве попы могут кому простить грехи, когда они сами связаны ими, а потому не могут и другого связанного развязать. Вскоре он пригласил меня на собрание, где заставил меня перед старцем исповедаться, и с тех пор я мало-по-малу привязывался к хлыстовской ереси, а свою родную православную церковь, хотя и посещал, но пренебрегал ею и при случае хулил священников и даже считал их за самых сильных врагов нашего спасения за то, что они уговаривают нас бросить избранный нами путь. А мы не только не слушали никаких их уговоров, но всякий раз смеялись над ними и даже над самими архиереями. Чем дальше шли наши рассуждения о православном духовенстве, тем страшнее они становились, так что я и выразить всё говоренное и перечувствованное теперь стесняюсь и страшусь. По тогдашнему понятию хлыстов, все власти представлялись нам не иначе, как язычниками, но мало того: ныне царствующего Государя считали антихристом. И я все эти учения и соображения хлыстов принимал за истину, в этой истине только и надеялся получить спасение.

Главное воздействие хлыстовских наставников заключалось больше всего в том, что нашего брата они стращали скорым приближением конца мира. Бывало только и ждёшь, что вот-вот провалится весь мир, как провалились Садом и Гомора. Я страшно был пугливый и всеми силами старался исполнять всё то, что проповедовали хлыстовские заправилы, т. е. творил всякие гнусные дела и пакости, о которых и сказать здесь не могу. Не раз праздниками мне приходилось бывать на собраниях их в селе.

Много раз приезжали к нам на беседы из Оренбургской губернии, беседовали с нами и выясняли нам, что у них точно

такие же чинились заблуждения, как и у нас. После бесед у них также, как и у нас, тоже расходятся попарно.

А те люди, которые слывут за Христа или за пророков, имеют при себе всегда по три, по четыре любовницы. Эти-то самые лжеучители на собраниях приказывают нам женатым людям, чтобы не было у нас детей плотских, а, чтобы мы старались приобретать детей духовных, под которыми нужно разуместь тех людей, которых нам удаётся совратить в хлыстовскую ересь, только такие люди и могут иметь право называться нашими сыновьями и дочерьми, плотских же детей, в особенности взрослых и не последовавших хлыстовским путям, внушают считать врагами, а не детьми.

И вот, теперь я во всех перечисленных грехах считаю себя виновным и чистосердечно раскаиваюсь и испрашиваю мне окаяннейшему прощения.

Всё, что мной написано, есть сущая правда. Теперь я свой прежний путь заблуждения и пагубы проклиная трижды.

Старцев, которых я почитал за живых богов и пророков, теперь считаю за блудников, еретиков и за антихристовых предтеч, а также за живых жрецов и идолов...

Диакон Иоанн Смолин

**Плотников К. Современное состояние Выговского
общежития и поморского толка в Олонецкой
епархии. // Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С.
113–117**

В 1694 году основанное в 70 верстах от г. Повенца раскольникы Выговское общежитие, скоро, благодаря трудам и энергии братьев Денисовых, достигло цветущего положения: материальные и духовные средства все были собраны сюда, а с ними явились сила и могущество общества...

Выговские расколоучители пользовались в народе большим почётом и уважением и слыли за «святых отцов», а православные священники соседних Выгу селений не имели никакого авторитета и безнаказанно подвергались побоям. – Но вот обстоятельства переменились: Выговское общежитие в 1854 г. было закрыто, большинство обитателей и обительниц его были отправлены в те селения, в которых живут их семейные, а в 1856 г., на месте Выговского общежития был образован православный приход. Однако обаяние Выгореции не прекратилось, особенно в ближайших к ней приходах, и до настоящего времени: в народе Данилов всё ещё слывет за монастырь, и многие окрестные жители очень любят поговорит о нём: с нескрываемым удовольствием рассказывают о прежнем величии, и с чувством горечи – о падении. Самому мне также интересно было взглянуть на него, но всё как-то не удавалось. Наконец, собрался побывать в Данилове. Дорога прескверная, по сторонам то лес, то болота. За версту до Данилова, у моста стоит под крышей, наверху которой глава с крестом, так называемый «нижний крест». Это большой восьмиконечный крест под шатром, с главой на верху. Оставаясь без ремонта, он приходит в упадок; стойки покривились, глава – тоже, крыша валится, пол сгнил; однако платки и кусочки ситцу всё ещё развеваются у него, свидетельствуя о том уважении, которое питают к нему почитатели Данилы Викулича. От креста дорога поднимается в гору; по правую сторону её идут запустошенные поля, с явными следами бывшей пахоты, а по левую – поле,

засеянное хлебом. На горке раньше был верхний крест, но теперь и следов его нет; равным образом были тут обширные поляны, на которых во всё время существования Выговского общежития сеяли хлеб, а теперь и трава не растёт. При самом въезде в Данилов, на левой руке, церковь, а затем – дома жителей его, построенные отчасти за «монастырской» стеной, а отчасти внутри её. Едем по селу; смотрю: обычные крестьянские дома и ничего похожего на раскольническое общежитие; но вот ворота, рядом с ними, налево, дом в стене, бывший дом привратника, где теперь живёт о. дьякон; почти прямо перед воротами, на середине площади, высокая колокольня, долгое время стоявшая без шатра, с часами «бойчими»⁷⁰ и постоянно грозившая падением; налево от колокольни небольшая церковь, построенная на месте прежней часовни, сплошь уставленная иконами хорошего даниловского письма⁷¹. Ещё дальше – большой крест под шатром, с главой наверху, колодезь с прекрасной водой, сарайчик и небольшой двухэтажный дом большака. Зашли в дом. Смотрю, в правой комнате ничего особенного, в другой несколько старинных икон, а в третьей, очень тёмной, две стены увешаны иконами, перед которыми уставлены лампадки, а в третьем углу большая церковная свеча; тут же два аналоя, на одном из которых лежал псалтырь, а на другом, не помню, какая-то богослужебная книга. На остальных стенах, а также в других комнатах, портреты некоторых выгорецких киновиархов, а в последней комнате рядом с иконой – изображение Даниила Викулича, прикрытое чётками. Почти прямо против дома находится кладбище, обнесённое тыном и запечатанное, но печать давно сломалась и зайти туда вполне можно под воротами. На кладбище – часовенка без икон и множество могил с крестами, в которые вделаны небольшие восьмиконечные крестики с обычными надписями. Многие из этих крестиков валяются на земле. Просматривая надписи, невольно подивисься обширности влияния Выговского общежития: откуда, откуда только не было насельников здесь! На северо-запад от церкви, не далеко от р. Выть, стоит бывшая гостиница, в которой теперь живёт священник, и ещё ближе к реке, дом какого-то крестьянина, на

половину старый, с маленькими окошечками, а на половину новый. На восток от церкви сохранились «кузнецкие» ворота, а за ними покривившийся крест под шатром. Вблизи его, налево врат, находится хорошо сохранившийся пруд, из которого идут водосточные трубы, сделанные из брёвен, вложенных одно в другое. Против дома большака направо, стоит старый дом, в котором теперь не живут, рядом с последним амбар и развалины «большей», где виновных наказывали розгами. Вот и всё, что сохранилось на мужской половине Выговского общежития. На женской же половине – два дома, из коих один трёх-этажей, а другой двух-этажный с очень маленькими окошечками (в первом из них до прошлого года жил волостной писарь, а во втором и теперь живут несколько старух), погреб, полуразрушенная челядня, крест, колодезь и поварня. За женской половиной находится другое кладбище, на котором хоронили лиц малоизвестных. Так как дома, в которых жили обитатели и обительницы Выговского общежития, стояли большей частью рядом, в стене, и каждый «старичок и старушка» имели свой погреб, то на месте общежития множество ям.

Таков внешний вид бывшего Выговского общежития, да, не лучше и внутреннее его состояние. Роль большака играет крестьянин Даниловского прихода Николай Лубаков. Ссылаясь на какое-то завещание, он после большухи Агафьи Богдановой или Гавриловой завладел всем её имуществом и поселился с женой и 3 внучатами в доме большаков. Сам по себе он не имеет никакого влияния, потому что любит выпить и слывёт за простоватого человека, но, как посредник между «благодетелями» и раскольниками, он не безопасен. Чтобы получать больше денег, он начинает «посби́рывать» братию, которая живёт отчасти в его доме, а отчасти на бывшей женской половине, однако денег получает мало и невольно проговорился: «если ещё так будет, то пусть куда хошь». У Лубакова есть круг богослужебных книг и Златоустник, но богослужение отправляет не он, а крестьяне того же прихода Ив. Богданов Простокиша и Василий Никифоров, (последний – человек грамотный, толковый и пользуется большим влиянием у

раскольников). Во всём Даниловском приходе числится в расколе только 17 человек. Правда, старые люди больше сочувствуют расколу и дух раскола ещё не скоро выйдет, однако сравнительно с тем, что было в Данилове- раньше, невольно скажешь вместе с местным священником: «теперь-то у нас слава Богу»!

С падением Выговского общежития стал падать и даниловский толк, так что в настоящее время он является толком слабым, отжившим. Потеряв свой центр и лишившись важности отправлять богослужение по Выгорецкому уставу, потому что в основу его положены были такие правила, которые можно было соблюдать только в общинах, подобных Выговской, последователи даниловского толка волей-неволей должны были нарушить некоторые правила. Мало того, прежние руководители даниловцев перемёрли, а новых, которые бы могли заменить их, не являлось, поэтому, нынешние даниловцы всегда тяготеют к более строгому, существующему вблизи них, толку, подчиняются влиянию руководителей его и большей частью сливаются с ним, хотя оставляют за собой имя даниловцев, ссылаясь на то, что родители их были «по монастырскому согласию», да им велели оставаться такими же». Сравнительно с последователями других толков, они более симпатичны; в общественной жизни скромны, к православной церкви и её иерархии относятся менее враждебно, чем другие беспоповцы, и для совершения необходимых треб, приглашают православного священника. В настоящее время даниловцы существуют ещё во всех уездах епархии, но по численности уже уступают филипповцам, которые занимают господствующее положение в епархии, а по своей внутренней мощи и силе, и другим толкам, существующим здесь (странническому, Федосеевскому и аристовскому). В виду этого невольно вспомнишь приснопамятного архиепископа Аркадия, этого ревностного, неутомимого борца с расколом нашей епархии, настойчиво добивавшегося закрытия Выговского, Лексинского и других общежитий и скитов, с падением которых, как он хорошо понимал, должен был пасть и раскол в епархии, и от души

пожелаешь, чтобы Господь сказал ему: «добрый раб и верный! в малом ты был верен, над многим тебя поставлю; войди в радость господина твоего».

К. Плотников

**Пр-ский В., свящ. К вопросу о высоте
раскольничьей нравственности. // Миссионерское
обозрение. 1899. № 2. С. 117–119**

(Страничка из жизни раскола).

Селение К-о моего прихода – очаг местного раскола: здесь большинство населения (более 60 дворов) раскольники, имеются 3 моленные – 2 окружнические и одна противоокружническая. До последнего времени раскольники жили здесь более или менее спокойно.

Прошлый же год и начало нынешнего ознаменовались некоторыми событиями, которые начинают влиять и на отношения раскольников к православию. В виду того, что у нас раскольники своего лже-попа не имеют, то требы совершаются православным священником, а службы – молиницами или, по выражению православных, «однокосками».

В первой по времени появления моленной, глава её («поп-Наталья»), начала в свободное от служб время заниматься другим не менее выгодным ремеслом... проституцией на стороне. Как только обнаружилось это, сейчас же моленная её перестала посещаться, и сама виновница смуты волей-неволей перешла к противоокружникам. С кончиной этой моленной другая окружническая стала было достигать цветущего состояния. Но злосчастье не перестало преследовать раскольников-окружников и теперь. И в этой моленной с одной из «матушек» случилось «обычное жёнам» и, за её намерение подбросить «плод любви несчастной», полиция попросила её убраться из наших весей. После такого инцидента и эта моленная и её матушки потеряли авторитет святости, и все прежние прихожане в большинстве перешли к противоокружникам. Остаётся теперь одна противоокружническая моленная, куда каждый Великий пост для «справы» на 2-й нед. Великого поста из Калуги приезжает лже-поп Пармен или, на жаргоне деревни, «Палмер». Этот нахально дерзкий лже-иерей (бывший синельщик) приезжая к нам «стричь» своих духовных овец, не стесняется никого и

ничего, и, надеясь на безнаказанность, переправляет ежегодно как младенцев мной крещённых, так и молодых женщин, повенчанных в православной церкви. Что поделать против этого зла – не придумаешь, так как слово вразумления здесь бессильно, а данных официальных к преследованию его нет. Текущий год приезд этого иерея «Палмера» ознаменовался курьёзом. Надо сказать, что он из Калуги всегда приезжает «яко тать» ночью и, за ночь «справивши» и обстригши, «елико возможно, своих духовных овец, к утру отправляется обратно. С каждого говельщика он берёт мзды около рубля; одна «запись» стоит 20–30 копеек; «хотя дорого против православного, да зато причастия даёт по 3 ложки»! – говорят раскольники.⁷²

По воззрению наших раскольников, чем больше кто примет причастия, тем больше получит тот спасенья. Исходят из такого воззрения, каждый из них старается попасть в число последних причастников, так как эти последние доедают остатки, коих бывает много. Конечно, всегда при этом происходят споры. Так было и нынешний год. Во время такого-то спора о местничестве, одна старуха заупрямилась идти вперёд к «свекольнику» (так православные метко прозвали раскольников лже-причастие). Слово за слово, – возгорелась ссора, перешедшая затем в рукопашную. Скандал произошёл форменный! Пришлось разнимать расходившихся причастниц «Палмеру» с дьячком (сыном) и с матушками! У места здесь сказать, что у этого лже-пастыря после причастия запивают тёплой водой, а заедают вместо антидора привезёнными им конфетами (грошовые или копеечные); – это факт!

Вот картинка с натуры из жизни столь многими «невелегласами» защищаемого и прославляемого тёмного раскола – этого русского фарисейства!

Свящ. Виктор Пр-ский

Миссионерство, секты и раскол

(Хроника).

Э. О. Тип современного миссионера // **Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 119–135**

Средства миссии: беседы, миссионерские школы, курсы, миссионерские кружки, развитие духовного учительства, библиотеки, упорядочение богослужения и некоторые частные средства. Труженики – миссионеры.

В настоящее время, с возбуждением у современного общества – светского и духовного – интереса и внимания к расколо-сектантству, к его положению в государстве, внутреннему состоянию и росту, естественны раздающиеся со всех сторон вопросы о деятельности миссии и миссионеров. На самом деле, встречаетесь ли вы с совершенно незнакомым вам интеллигентом, беседуете ли с близкими вам лицами, – от тех и других вы, как миссионер или даже как только более или менее причастное к миссии лицо, прямо-таки осаждаетесь целым потоком вопросов о том, в каком положении находится у нас дело миссии, кто и как работает, где корень и причина слабого умаления сектантства и т. дал., и т. дал. в этом направлении. Не мало в этих разговорах вы услышите укоров миссионерам, что они дело духовное, становятся на «полицейскую» почву и в вопросах совести ждут себе подмоги от гражданской власти. Ответом на эти вопросы и послужит настоящая хроника.

Почтенный рязанский миссионер, заключая свой годичный отчёт епархиальному архиерею, заканчивает его следующими словами: «Служение Слову я полагаю главной задачей миссионера. На помощь слову необходимо присоединять молитву. Всяких же других средств в деле миссии я старался избегать. Такой тип миссионера пользуется всеобщим уважением и сочувствием... Такой тип миссионера я стараюсь выработать и из своих сотрудников»... «Единственное средство, которым я могу располагать в борьбе с моим противником, это – слово Божие или точнее – личные беседы с заблуждающимися» (Мис. Об. 1899 г. № 3). Под этой исповедью одного миссионера подпишется каждый из них. Беседы и молитва – вот и всё, с чем он идет по своему миссионерскому пути; слово живое, изуственное

и книги божественные – вот всё, что он несёт с собой. Все миссионеры в этом сходятся, все руководящие в епархиях делом миссии в этом единодушны. Разнятся они только в преимущественном обращении каждым из них внимания на то или другое пользование этим словом, в выборе, так сказать, рода или формы воплощения этого слова, в которой оно скорее бы и надежнее дошло до отступников от правой веры и вернее бы воздействовало на их сердце. В одном месте существенной пользы для миссии ждут от бесед с заблуждающимися, в другом – от школы, в третьем – от истового, уставного богослужения и т. под. Но нигде не игнорируется ни одно из них.

Беседы – публичные и частные – служат одним из главных средств раскрытия не только перед заблуждающимися, но и перед православными, пагубности для души отступления от церкви. Теперь, кажется, сравнительно очень немногие из общества отрицают пользу от них. Очевидность её доказывается тем уже фактом, что слушатели на эти беседы ходят очень охотно и относятся к ходу собеседований весьма внимательно. Поэтому в настоящее время, за учреждением должности миссионера почти во всех епархиях, беседы ведутся повсеместно⁷³. Понимают важное значение публичных бесед и разные раскольнические руководители: лже-архиереи, попы и др. много заботятся о том, чтобы раскольники, как можно меньше, посещали эти беседы, почему запрещают такие посещения, налагают на них епитимии (Черн. Еп. Вед. № 9).

Помощниками для миссионеров в приходской миссии, кроме местных священников, для которых собственно сами миссионеры должны быть помощниками, начинают являться с каждым годом всё более и более простецы-миряне, так или иначе ознакомившиеся с расколо-сектантством и изучившие в достаточной степени обличение его. Черниговское Братство в своём годовичном за 1898 г. отчёте даже сочло нужным выделить нескольких таких лиц из мирян, как особенно потрудившихся на миссионерском поприще. Так один купец почти ежедневно и не без успеха ведёт беседы с раскольниками и снабжает желающих книгами из своей библиотеки; другой учитель сумел войти в особенное доверие к старообрядцам, и потому

последние с охотой посылают к нему в школу детей своих. Особенно иного пользы делу черниговской миссии принёс купец одного посада, Д.В. Карамин. Он лично беседовал с раскольниками, покупал, а потом бесплатно распространял среди населения полезные книги, не щадил для этого и братских средств. Особенно благотворны были труды его как посадского старосты (Черн. Еп. Вед. 9) Но если могут, как видим, оказывать помощь миссии, и не малую, простые миряне, не изучившие сектантства подробно, то тем большую пользу должны принести и приносят те из них, которым удалось ознакомиться с подробным обличением сектантства где-нибудь в школах или на курсах. Вот как засвидетельствовали об этой пользе вятские старообрядцы в своём отречении от раскола, поданном местному епархиальному архиерею. «Неволью вырывается у нас слово благодарности к о. Стефану Кашменскому, протоиерею Вятского кафедрального собора, уже умершему. С нами познакомились такие же простецы, как и мы, ученики учреждённой им в Вятке миссионерской школы, которой ведаёт ныне Братство Святителя и Чудотворца Николая, и некоторых из нас завлекли они в эту школу, где мы с боязнью вступили в разговор о вере со священниками, состоящими учителями в ней. Не вдруг, не сразу мы переменили убеждения и мысли. Многие годы мы беседовали с ними по дониконовским старым книгам и в здании самой школы, и в наших домах. Сначала мы все испытывали и искушали их, а потом нажили жажду беседовать о вере». («Вят. Еп. Вед» № 11). Польза этой школы выражается не только в подготовке будущих миссионеров – простецов, но и в воздействии её обучения на сознание учениками – раскольниками неправоты раскола. Очень характерно это выражено в интимном письме к матери – старообрядке одного бывшего федосеевца, а теперь православного ученика этой школы. «Поехал я в Вятку, пишет он, учиться в школу, из которой выпускают учителей, и, конечно, в уме не держал, чтобы я когда-либо изменил своей «древлеправославной» вере. Но Бог вёл меня к определённой цели. Наряду с другими предметами в этой школе стали преподавать мне и Слово Божие, почерпаемое из книг,

напечатанных до патриарха Никона, след., вполне авторитетных в вопросах религии. Читая эти книги, я к немалому своему ужасу увидел, что общество наше старообрядческое не только не исполняет все заповеди Христовы, но даже не признаёт оные, как необходимые средства к достижению вечного блаженства». Зародившееся сомнение скоро привело его к признанию истины православной церкви. В конце письма, утешая, мать не скорбеть по поводу оставления им раскола и возможных укоров ей за него от главарей беспоповщины, он ободрял её: «так вы отвечайте: а вот приедет, мол, летом, так говорите ему сами. Я тогда и поговорю с ними. Посмотрю я, как они будут защищать свою старообрядческую веру! И поверь, мама, тебе не придётся краснеть за меня: я сумею защитить свою веру и не перед такими лицами. Ибо я перехожу в православие *не из-за выгод каких-либо земных*, а по личному убеждению. Все они не могут ответить, что такое вера. Разве тот христианин, кто не знает, во что верует, а привязался только к букве, да «Господа Иисусе» читает и думает, что спасётся»? (Там же № 8).

С целями, подобными Вятской миссионерской школе, учреждена школа между прочим ещё и в Донской епархии. Миссионерская школа этой епархии – ещё молода; она в мае текущего года дала только первый выпуск своих учеников – в количестве 12 человек. На трудных выпускных экзаменах, на которых им приходилось отвечать, по всему курсу наук, пройденному в течении трёх лет их обучения в школе, они отвечали удовлетворительно на все предлагаемые им вопросы. По катехизису и церковному уставу испытывал их сам Новочеркасский Владыка, который заставлял их также петь в одиночку и по двое различные церковные песнопения («Дон. Еп. Вед.» № 17).

В других епархиях, вместо миссионерских школ – за трудностью их, устроятся миссионерские курсы. С 1-го сентября 1899 года имеют быть открыты между прочим противораскольнические курсы в г. Тюмени, Тобольской епархии, для изучения раскола в Тобольской епархии и способов борьбы с ним. На курсах этих могут присутствовать все лица,

интересующиеся делом борьбы с расколом («Тоб. Еп. Вед.» № 12–13). Подробностей об этих, имеющихся открыться, курсах не сообщается. Но, кажется, они предполагаются быть устроенными несколько в другом направлении, чем каковы были курсы в Оренбургской и Калужской епархиях. В последних курсы были устроены только для некоторых избранных лиц, а здесь – для всех интересующихся делами борьбы с расколом; там они продолжались недолгое время – 1½ – 2 месяца, а здесь, судя по времени их открытия, они имеют продолжаться, по крайней мере, до января, а быть может, и далее; там имелось в виду – подготовить из избранных мирян помощников для священников в деле миссии, а здесь, кажется, имеется целью вообще ознакомление с расколом и миссией местными. Если таковы цели и задачи предполагаемых курсов, то нельзя не видеть, что на них дело становится шире и всестороннее, и, след., пользы от них нужно ожидать немалой. Дай, Бог! Чем более будет слушателей на курсах и чем больше сведений им будет сообщено, тем более будет миссионеров из мирян. А наши сектанты ещё доселе большую охоту имеют беседовать по вопросам веры не с священником, а с своими же братьями, да первому часто и некогда бывает беседовать с ними за множеством другого приходского дела. Одно только следует иметь в виду при устройстве курсов с такой широкой их постановкой, какая, видимо, предполагается на тобольских курсах, чтобы в погоне за многим не потерять и малое; рассчитана ли возможность сообщить с достаточной основательностью необходимое такому кругу лиц, на которое рассчитывают курсы, и в такой полноте, на которую они претендуют.

Достаточное количество лиц, знакомых с расколо-сектантством и ревнующих об искоренении его, даст священнику, поставить дело приходской миссии на возможно широких началах: вдохнуть в открываемые повсюду приходские братства дух жизни и деятельности, вызвать их из инертности к работе. От таких братств и теперь уже для дела миссии ожидается многое; а там, где во главе их стоит деятельный священник, работа идёт и теперь. Тем большая закипит тогда.

Об одном из таких братств, Таврической епархии, учреждённом с миссионерскою целью, сообщается: «Приходское братство успешно продолжает развивать свою деятельность: оказывает материальную помощь нуждающимся, что служит между прочим противовесом широко организованному у сектантов делу взаимопомощи и субсидирования совращающимся из православия; организовало иконный и книжный склад, из которого распространяет через продажу и даровую раздачу иконы хорошего письма, брошюры и листы как общего религиозно-нравственного содержания, так и противосектантского; заботится об улучшении церковного пения; братчики следят за сектантами, предупреждая возможность распространения ими своего лжеучения». («Тавр. Еп. Вед.», № 22, за 1898 г.). Эта последняя сторона дела имеет весьма существенное значение и положительно необходима в тех приходах, которые состоят из деревень, часто удалённых от церкви и священника на большое количество вёрст, где поэтому ему нет возможности, уследить за тем, что там делается. – С подобными этому братству целями и задачами учреждён в с. Рожнове, Черниговской епархии, особый комитет приходской миссии. Поводом, к его учреждению было скрытое, неопределённое движение сектантства в этом селе («Черн. Еп. Вед.», № 10.).

Религиозно-нравственное просвещение народа служит также одним из главных миссионерских средств. Везде и повсюду по епархиям заботятся о том, чтобы эту свою просветительную деятельность духовенство распространяло как можно шире через церковное проповедничество, через внебогослужебные собеседования, через чтения и тому под. Забота об этом епархиального начальства не нова; ново то, что она стала сознаваться и самим духовенством. Так на очередном собрании Орловского Епархиального съезда духовенства, в 1898 г., по порядку программы занятий приступлено было к суждению об усилении проповеднической деятельности духовенства и его воздействия на народ. По обсуждению на съезде было постановлено: 1) завести при каждой церкви «настольные библиотеки», для пособия к проповедничеству,

расходуя ежегодно на них до 20 руб. из церковных сумм; 2) в видах привлечения на религиозно-нравственные чтения в церковноприходских школах или в других удобных для того помещениях возможно большего числа слушателей – иметь волшебные фонари с соответствующими чтениям картинами. («Орл. Еп. Вед.» № 19). На помощь в этом деле духовенству пришёл и Совет Орловского Братства, на своём общем собрании постановивший «всячески заботиться об организации, поддержании, распространении и улучшении народных религиозно-нравственных чтений, читален и библиотек, как вообще во всех приходах Орловской епархии, так в особенности в наиболее захолустных уголках её, для просвещения в духе православной церкви не только раскольников и сектантов, блуждающих вне спасительной ограды св. церкви, но и таких лиц, кои, хотя и пребывают в неразрывном единении с церковью, однако, остаются ещё младенцами в делах христианской веры и нравственности». Для этого рекомендовано было Советом Братства не стесняться в денежных средствах (там же № 24). – Совет Братства свв. Митрофана и Тихона в Воронежской епархии не ограничился одним лишь изъявлением своей готовности заботиться о библиотечном деле при приходских церквях. Сознавая всю существенную пользу от рационально поставленного дела устройства приходских библиотек, он образовал из своих членов особую комиссии «для руководства по устройству этих библиотек и надзора за состоянием их». На наш взгляд, комиссия эта вполне верно поняла свои задачи и совершенно умело отнеслась к ним. Поэтому, мы считаем необходимым сказать о её деятельности поподробнее.

Желая доставить в каждую церковную библиотеку только нужные по потребностям приходской жизни книги, дабы не обременить церковного бюджета высылкой лишнего, и с другой стороны, – не зная наличного состава уже имеющих в каждой церкви книг и духовных нужд прихода, комиссия сочла необходимым: 1) затребовать немедленно через оо. благочинных от всех приходов епархии, зараженных расколом или сектантством, списки имеющих уже в церковных

библиотеках книг и брошюр противораскольнического и противосектантского содержания и 2) на будущее время установить такой порядок, чтобы каждый причт к апрелю месяцу доставлял в комиссию сведения о той сумме, которую церковь может ассигновать на выпуск миссионерских книг. При этом духовенство приглашается само указывать желательные для приобретения в свою библиотеку книги и брошюры. «В виду же того, что потребность в тех или других миссионерских изданиях может явиться иногда непредвиденной заранее (напр., в случае появления той или другой секты в селе и т. п.), а равно в виду желания немедленной выписки каким-либо причтом того или другого вновь появившегося миссионерского издания, комиссия принимает на себя рекомендацию и подбор полезных для миссии изданий, и посредничество по выписке». А открывая свои действия, комиссия потребовала от причтов церквей, чтобы они к упомянутым спискам наличного состава церковных библиотек приложили краткое заявление о существующих в селе сектах или толках раскола («Ворон. Еп. Вед.» № 2).

Забываясь о просвещении, естественно было епархиальному начальству обратить внимание и на главное училище христианского научения – на храмы. Кажется, теперь более или менее установленный факт, что раскол и сектантство наши распространяются и гнездятся по преимуществу по деревням, по хуторам и другим, удалённым от центров духовно-церковной жизни, захолустьям. Поэтому, чем больше будет на Руси святой храмов Божиих, тем чаще и православные их будут посещать, тем менее будет им побуждений пойти на проповедь к какому-нибудь заезжему непризанному учителю и тем естественнее обратиться с недоумениями к священнику, а этому – тем легче узнать о движениях религиозного характера в его приходе и принять для этого соответствующие меры. О малочисленности храмов и удалённости от них жителей, как о значительной первопричине распространения среди последних сектантства, слышим отовсюду. В Донских, напр., Епарх. Ведомостях описывается один из таких уголков, где «благодаря (?) отсутствию в этой местности храма и школы, религиозно-нравственные устои этого края представлялись до последнего

времени более шаткими, чем в каких-либо других уголках Донской области... Эта заброшенность (разумеется – удалённость от храмов) края в религиозно-нравственном отношении облегчала доступ и успех в этих местах штундистской пропаганде» (№ 3). В силу этого всего отовсюду идут известия о заботах Епархиальных начальств сделать более лёгкой для православных возможность посещать храмы через увеличение числа последних. В виду же недостаточности средств, на построении храмов и для обеспечения при них причтов, волей-неволей приходится на первых порах ограничиваться устройством храмов или учреждением одних лишь причтов только пока в самых необходимых местах. Таковыми в северной и средней полосе России являются фабрики и заводы, а на юге-немецкие колонии – эти первые рассадники южного сектантства. Вполне справедливо сознавая, как существенно необходимы храмы и причты среди последних, Совет Херсонского Братства входил в Херсонскую Духовную Консисторию с представлением о полезности учреждения если не храмов, то особых причтов в немецких колониях для удобнейшего удовлетворения религиозно-нравственных нужд и потребностей православных рабочих, проживающих в этих колониях («Херс. Еп. Вед.» № 12).

Но храмы в надлежащей степени только тогда удовлетворяют своему назначению, когда в них всё совершается «благообразно и по чину» Недаром часто слышится, хотя в большинстве случаев несправедливых и преувеличенных, указаний на неблаголепие наших церковных требоисправлений и богослужений, как на причину отклонения от них многих бывших чад и воздержания от присутствия в них раскольников! Чтобы избежать всего этого нежелательного, со стороны Епархиальной власти делаются постоянные повторения и внушения духовенству отправлять богослужение возможно истовее, без ненужных пропусков в чтении и пении, – по уставу. Таковые внушения сделаны через оо. благочинных по Петербургской епархии Высокопреосвященнейшим митрополитом Антонием. А в Орловской Епархии уже само духовенство на своём Епархиальном съезде рассуждало о том,

чтобы богослужение совершалось как можно истовее, чтобы церковное чтение было громкое, отчётливое, осмысленное и распевочное – псалмодическое («Орл. Еп. Вед.» № 19). Особенной заботы и попечения заслуживают чтение и пение псаломщиков и, вообще, их поведение в церквах. Ещё доселе, нужно сознаться, у нас мало вполне подготовленных и умелых псаломщиков, ещё и доселе они в богослужение и его порядок вносят кое-что нежелательное. Не знаем, каковы псаломщики, вышедшие из специальных, имеющихся кое-где по епархиям, псаломщицких школ; но этих последних у нас пока очень мало. Поэтому среди псаломщиков приходится встречать всяких недоучек, не сознающих важности и полезности своего служения; поэтому, на них-то и приходится Епархиальной власти более и более обращать внимания. Интересны «требования» от псаломщиков, помещённые в Херсонских Епарх. Ведомостях. Вот некоторые из них:

«Помни § 10 отд. постановлений киевского собора, и все церковные службы и требы совершай без извращения церковного чина, благоговейно и благообразно; читай и пой внятно, не спешно, соблюдая древний церковный образ чтения и пения. Главное, – не торопись, читая святыя молитвы! Кто тебя гонит? Куда ты спешишь?»..

«Читай так, чтобы прежде всего ты сам понимал, что читаешь, и чтобы читаемые молитвы и псалмы так проникали в твоё сердце, чтобы ты сам молился не устами и языком только»...

«Если ты плохо читаешь, то не ленись дома чаще упражняться в чтении Божественных книг»...

«Когда читает другой и ошибается, то не поправляй ему громко и во время службы, чем отвлекаешь внимание людей в сторону от молитвы».

«Во время службы не кашлять громко на всю церковь, не разговаривать, а тем более смеха не творить»...

«Если во время богослужения придется пройти за чем-либо по церкви, то не торопись, не толкай народ, а главное – не стучи каблуками на всю церковь, а ходи тихо, смирно и с

благоговением, чтобы от тебя и люди научились, как ходить по церкви во время богослужения и как стоять в ней»...

«Читай и пой с одинаковым благоговением и усердием всегда: и когда много народа во храме и когда мало, и когда никого не будет кроме священника; потому что работаешь ты не людям, а Богу»... (№ 8).

Много и ещё приводится требований от псаломщиков, которые должны хорошо запомнить не они одни, а и все члены причта, зная, что как хорошо отправляемое богослужение побуждает идти в храм, так дурно – отталкивает. Часто весьма трудно бывает и уловить, что именно привлекает тебя в том и другом совершении богослужения и что не нравится. Поэтому всё оно должно быть одинаково благопристойно отправляемо. Вот пример привлечения к Православной церкви через богослужение в храме. Рассказывается про одного обратившегося из раскола. «Однажды в праздничный день он ради любопытства, как сам говорит, пошёл в местную церковь, и православное богослужение произвело на него сильное впечатление... После первого посещения приходского храма, он стал аккуратно и неопустительно посещать все службы церковные во все праздничные и воскресные дни» и скоро присоединился к Православной церкви («Под. Еп. Вед.» № 22). Надо думать, что не небрежно отправляемое богослужение произвело на бывшего раскольника такое сильное впечатление. А что если бы богослужение в храме, в который он зашёл, по своему не уставному и не благолепному совершению оттолкнуло бы его, – сколько греха легло бы на душу его совершителей?!

Все эти вышеперечисленные средства борьбы миссии с расколо-сектантством суть самого общего характера; они практикуются и должны практиковаться повсюду по епархиям. Но издавались кое-где, отдельно по епархиям, распоряжения в целях миссионерских, более частные, относящиеся только до известной местности и касающиеся только известных лиц. Таковых распоряжений, впрочем, за первую половину текущего года издано очень немного. Особенно заслуживают из них внимания следующие два.

Херсонское братство возбуждало дело об исключении из членов Головчинского общества трезвости (существующего в с. Головчине, Гройворонского у., Курской губ.) шалопутов Херсонского у. и о воспрещении им на будущее время записываться в оное. Дело это вызвано было тем обстоятельством, что шалопуты-члены общества трезвости, пользуясь правом открытой проповеди против пьянства и невоздержания, открыто же пропагандировали и своё лжеучение. Высшая правительственная власть обратила внимание на это ходатайство и по её распоряжению все шалопуты Херсонского у., записавшиеся в члены Головчинского общества, исключены из оного. (Херс. Еп. Вед. № 12). Кто знаком с характером пропаганды хлыстами их лжеучения и средствами их к тому, тот понимает, сколь плодотворно для дела миссии достигнутое Херсонским братством!..

Другое частное распоряжение принадлежит Рязанскому епархиальному начальству. Известный миссионер, Рязанской паствы владыка, Мелетий обратился к местному губернатору с предложением прийти зависящими от г. губернатора предписаниями на помощь местной миссии. Этот последний весьма внимательно отнёсся к предложению владыки и предписал уездным исправникам: 1) «возложить на обязанность участковых становых приставов в местностях, где находятся фабрики и заводы, вести поимённые списки работающих на них раскольников и сектантов, на основании предъявленных рабочими паспортов, и списки эти ежегодно сообщать местным приходским священникам; 2) иметь тщательное наблюдение; чтобы уездные полицейские управления и становые пристава, по отношению надзора за распространителями расколо-сектантства, в точности исполняли требования закона ст. ст. 725 и 783 т. II Св. Зак. и 3) чтобы чины полиции в точности исполняли требования Высочайше утверждённой 18 сентября 1874 года инструкции по предмету ведения метрических книг для записи браков, рождения и смерти раскольников... Наконец, старшему фабричному инспектору Рязанской губ. предложено установить, по соглашению с владельцами фабрик и заводов, порядок беспрепятственного допущения для миссионерских

целей миссионеров в принадлежащие владельцам наведения и употребить старания расположить последних к устройству на их заводах и фабриках церковно-приходских школ для детей и устранить препятствия, где таковые существуют, к исполнению рабочими долга Исповеди и Св. Причастия». (Мис. Сборн. № 3).

Все эти предписания Рязанского губернатора будут встречены приходским духовенством и миссией только с благодарностью; они в значительной степени облегчат дело их приходской миссии. Так первый и третий пункты дадут возможность священнику с точностью знать, кто из раскольников и сектантов живёт у него в приходе из пришлого на фабрику или завод народа, в каком количестве и т. под. Зная это, священник так будет располагать свою церковную и внецерковную проповедь, будет следить за возможной пропагандой их среди его прихожан, чтобы вовремя, выступить с её обличением. А то часто случается, что вдруг ни с того, ни с сего в приходе появляются сектанты; все недоумевают, откуда они. Дело же объясняется просто: кто-либо из работавших по близости сектантов, о которых приходским священникам не было известно, во дни отдыха позаботился научить своему лже-верию работающих с ним вместе или же даже не поленился побывать по несколько раз в соседних сёлах, рассеивая семена своей секты. Нам прямо-таки известны факты именно такового появления сектантства в сёлах. Именно – в Боровском у., Калужской епархии, среди работавших по проведению линии Московско-Брянской жел. дор. рабочих были и пггундисты. И что же? Они постарались некоторых крестьян из ближайших к линии селений заразить своим учением. И местных священников обвинить в появлении сектантства в их селениях никто не дерзнёт: откуда и как они могли знать о находящихся по близости к ним сектантах? Эти – очень хитрые и ловкие пропагандисты и о плодах их соображений обычно узнаётся тогда, когда, как говорится, в данной местности и след их простынет. – Все такие-то и им подобные факты и имеются в виду предписаниями Рязанской власти. 4-ый же пункт их, даёт священнику возможность прийти с словом научения и, след.,

предотвращения от сектантства рабочих на фабриках и заводах, чего он лишён был прежде.

Хотя предписания эти, как изданные в одной епархии, имеют местный характер, но по своему содержанию они касаются всех губерний и епархий. И где-нибудь в Тульской, или Орловской, или в др. губ. не менее фабрик и заводов; и в них не лучше обстоит дело миссионерствования в этих центрах скопления люда всяких верований. А поэтому, кажется, взаимные мероприятия Рязанской епархиальной и светской властей должны быть перенесены и в другие губ. Факт их появления в одной епархии должен послужить ободряющим примером к подражанию и для других епархий.

Вот каковы и сколь разнообразны мероприятия епархиальных властей к возвышению религиозно-нравственного уровня православных пасомых и к возвращению в лоно Православной Церкви отпадших от неё (оговоримся: мы только такие мероприятия перечислили, о которых было подтверждено или вновь предписано в первую половину текущего года. Все они, как видим, характера чисто-духовного, церковного. Обращений к полиции мы нигде не встретили. Обращения Рязанской епархиальной власти к губернатору, имеют в виду не гражданские воздействия на сектантов, а хлопочут только о предоставлении возможности священникам миссионерствовать при более лёгких для них условиях и там, куда они прежде проникнуть не могли. Но если и бывают иногда обращения к гражданской власти, то что же? Следует ли обвинять миссию в желании свести всё дело воздействия на совесть сектантов к гражданским или тем более полицейским требованиям от них? Прежде всего – эти обращения к гражданской власти бывают очень редки; обращаются к ней только тогда, когда все меры духовного воздействия уже испробованы, или, когда невозможно их почему-либо применить, или в других каких-либо исключительных случаях. Значит, помощь от гражданской власти требуется только в крайних случаях, а не как общее правило. Далее – скажем словами одного испытанного и многосведущего миссионера – «если бы наше расколо-сектантство являлось заблуждением в области только

теоретической, в области только «идей, верований и чувствований», было бы ошибкой религиозного сознания, не влияющей на жизнь, то и борьба с ним, конечно, должна бы быть только на почве духовного воздействия... Но оно является на Руси не как учение только, но и как ненормальное явление практической жизни, как бытовой факт, порождённый и поддерживаемый заблуждением известной части народа»... Указавши далее на факты физического уродования у скопцов, на убийства у «красносмертов-душителей», детоубийство у федосеевцев и хлыстов и на известных Тираспольских мучеников, он спрашивает: «Неужели же со всеми этими проступками и преступлениями, совершаемыми во имя каких бы то ни было высоких идей, со всеми этими видами убийств и самоубийств, истязаний ни в чём неповинных младенцев, – должна быть ведена борьба исключительно «в области духа»?! Неужели во имя любви христианской и гуманности к сектантам не могут быть и не должны быть применяемы физические силы и средства и полицейские мероприятия для пресечения и предупреждения преступлений, для ограждения несчастных, заблуждающихся людей от вольных и невольных истязаний во имя неправильно понимаемой религиозной идеи»?! (Т. С. Рождественский. Как пишутся современные апологии расколо-сектантства. Стр. 20–21).

Закончим нашу хронику указанием тех трудностей, какие приходится испытывать миссионерам, и указанием, какие всё-таки бывают образцовые из них труженики. Под трудностями в данном случае разумею не те «невыразимо мучительные минуты, когда высшее напряжение всех душевных сил, лучшие сердечные порывы, ясные доказательства разума... всё это бесплодно разбивается о косность и упорство одних, дикий фанатизм других, когда руки в бессилии опускаются у миссионера, и многочасовая беседа с каким-либо фанатиком своеобразной религиозной идеи приводит к тяжёлому мучительному сознанию невозможности поколебать вековые устои несчастного заблуждения»... (Рождественский. Цит. соч. стр. 22), – а другие – трудности и опасности пути и дороги. Вот

как приходилось путешествовать одному астраханскому миссионеру:

«Первоначально ему пришлось отправиться на частном пароходе, но отъехав около 40 вёрст, последний стал на мель: так что пришлось ехать на рыбнице. Проехав несколько вёрст, пришлось ехать на лодке до промысла; но тут уже не плыли, а просто двое рабочих тащили лодку руками. На промысле также пришлось ждать долго, пока прибудет вода. Наконец, подул ветер, явились три человека в лодке на промысел и вот их-то миссионер упросил взять его с собой до села. Выехали в море и тут только открылось, что возницы никто иные, как нищие. Тут пришлось призадуматься.

С одной стороны, море и неизвестные возницы, с другой – в добавление ко всему накрывала тёмная ночь и воды становилось всё меньше и меньше. Наконец, нищие втроём вышли из лодки и потащили её и к 12 часам ночи кое-как дотащили лодку до промысла. Теперь нужно было отыскать квартиру для ночлега. Если бы о. миссионер был один, тогда не было бы и заботы, но с ним было много багажу, а именно: два большие мешка, наполненные старопечатными книгами, и чемодан, наполненный книгами новой печати и брошюрами для раздачи. Мешки пришлось оставить на промысле, а самому с багажом идти искать квартиру в деревню, а пройти нужно было целых три версты. Но куда идти ночью одному по неизвестной дороге? Здесь на выручку явился промысловый приказчик, командировавший одного рабочего, с которым о. миссионер отправился в деревню, имея при себе большой чемодан с книгами. Шли – шли, дошли до ерика с водой, хотя и не глубокого, но порядочной широты. Что нужно было делать? Обходить вокруг невозможно, так как ерик в длину простирается на 8 вёрст. Нужно было переходить в брод. Тогда провожатый о. миссионера перенёс ему багаж, потом посадил его к себе на спину и благополучно перенёс на берег. И вот, после долгих таких мытарств, о. миссионер, наконец, добрался до посёлка Телячьего, где вёл несколько домашних бесед». (Астр. Еп. Вед. № 2).

А вот и образец пастыря-миссионера. Это священник Таврической епархии, о. Александр Ильевич, миссионерские труды которого в посмертном его некрологе так описаны. Определённый в приход, наполненный молоканами, «он 23 года жил и работал во славу св. православной Церкви Христовой; вёл беседы в своей квартире, просиживая целые ночи с молоканами; ходил на молоканские собрания и там вёл продолжительные беседы; со многими имел переписку по предметам веры... Сердечно скорбел о. Александр о закоренелости молокан и всю свою религиозную печаль изливал в молитве пред Богом... Убедившись на опыте, что молокан трудно склонить к православию вследствие их закоренелости в своём заблуждении, о. Александр наибольшее внимание обращал на то, чтобы удержать православных в их православии, а для этого учил и проповедовал чаще прежнего, умножил свои христианские подвиги, лишал себя ночного покоя, в продолжении многих (23) лет до самой смерти не ел мясного и не пил ни водки, ни вина... Пример его разительно действовал на молокан. Однажды покойный куда-то ехал с псаломщиком. В это время на встречу им шли баптисты, – они несли покойника с покрытыми головами (в шапках). Завидя это, о. Александр, ничего не говоря, останавливает лошадей, сходит с брички, снимает шляпу (тоже делают псаломщик и возница) и стоит так, пока не пронесли покойника. Этого было достаточно для вразумления сектантов: после этого баптисты уже всегда провожали, своих покойников с открытыми головами. Один из молоканских пресвитеров настолько проникся учением о. Александра о Кресте Господнем, что открыто беседовал о том в своём собрании и предлагал поставить в молельне Распятие». (Тавр. Еп. Вед. № 2). – Примеры таких пастырей-миссионеров не редки; в печать проникают известия только о самых немногих из них. А сколько их на самом деле трудится в глухих деревеньках, в забытых захолустьях, – трудится без всяких корыстных и честолюбивых видов и расчётов, – трудится, даже не сознавая важности, значительности и полезности труда своего!..

Итак, если есть у нас достаточно целесообразных средства, к вразумлению заблудших, если энергия тружеников часто влечёт их к самопожертвованиям ради пользы дела, и если нет недостатка в призванных рабочих, то почему же заблудившиеся, отпавшие от единства с Церковью, так упорно остаются в их лжеучении и не хотят познать слова истины? Об этом поговорим как-нибудь в следующий раз.

Э. О.

В-в А. Московский раскол // Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 135–147

Собор раскольников архиереев в Москве. – Внезапный их отъезд в Нижний-Новгород. – Новые раскольников епархии. – Раскольников «Миссионерские братства». – Недовольство купцов. – Возвращение Картушина и мировая с купцами. – Освящение часовни на Рогожском кладбище. – Благодушие Картушина на даче. – Награды попам.

Предположение наше, что вскоре после описанного нами в прошлой книжке «Миссионерского Обозрения» собора раскольников архиереев в Москве – нужно ожидать и другого – не замедлило оправдаться. В первых числах мая в Москве состоялся ряд заседаний нового поместного «весеннего» собора старообрядческих лже-епископов.

Очевидно, донской казак Иустин Картушин всё более и более входит в роль первенствующего лица в старообрядческом духовенстве, чему доказательством служат заседания этого последнего собора, носившие более определённый характер и отличавшиеся большим порядком, чем все предыдущие соборы раскольников архиереев в Москве, которыми так обильно было последнее время. Упорядочение «соборов» прежде всего сказалось в том, что на этот раз в соборные заседания не были допущены не только миряне, но и попы и дьякона старообрядческие, так что заседания в полном смысле слова были собором раскольников архиереев; только дьякон Богатенков, в виде исключения, был допущен на заседания, как секретарь Картушина и делопроизводитель на соборе.

Соборные заседания происходили под председательством Картушина, как раскольников «архиепископа Московского и всея России», но заметное влияние на ход дел, а подчас даже и прямое руководство в решении того или другого вопроса оказывал известный раскольников апологет Онисим Васильевич Швецов, именующийся Арсением, старообрядческим епископом Уральским. Кроме него на московских заседаниях собора

присутствовали ещё два раскольничьих архиерея: престарелый Паисий – Саратовский и недавно поставленный Иона – Смоленский. В таком составе происходили три соборных заседания в Москве, после чего все раскольничьи лже-епископы отправились в Нижний Новгород, где к ним присоединились ещё несколько.

Но будем идти по порядку и остановимся сперва на московских заседаниях собора. Первое из них состоялось на Картушинском подворье на Апухтинке (он ещё не успел переехать в свою новую резиденцию) – в первый же день приезда раскольничьих архиереев в Москву. Заседание это носило, так сказать, подготовительный характер. Картушин обратился к собравшимся лже-архиереям с речью, в которой, в общих чертах указал, какие дела подлежат рассмотрению соборному, причём наименее важные текущие дела было решено рассмотреть в Москве, а наиболее крупные и серьёзные оставить до Нижнего Новгорода, чтобы в их решении могло принять большее количество раскольничьих самочинных архиереев.

Следующее заседание состоялось в доме известного старообрядческого деятеля в Москве – Ивана Ивановича Шибаева, на Золоторожской улице, а третье и последнее – в доме Ныrkовых в Шелапутинском переулке, в Рогожской, сделавшимся за последнее время излюбленным местопребыванием раскольничьего лже-архиепископа Иоанна Картушина.

Рассмотренные на этих соборных заседаниях дела не отличались ни интересом, ни важностью. Присутствовавшие старообрядческие лже-епископы докладывали отчёты о состоянии своих епархий за время от последнего поместного собора в Москве, причём был констатирован факт многочисленных запрещений, которым были подвергнуты лже-архиереями за свои проступки раскольничьи попы. Было решено несколько новых определений на поповские места и переводов с одного места на другое. Паисий Саратовский предъявил грамоту на увольнение раскольничьего дьякона из города Вольска, Антипа Кузьмина Назарова (родом гусяка из

деревни Горшкова), а Картушин подписал определение этого дьякона в так называемую, Шибаетовскую моленную, на Немецком рынке, где ранее дьяконом был картушинский секретарь Алексей Богатенков. В настоящее время Антип Назаров уже приехал в Москву и уже служил на месте своего нового назначения, причём произвел очень хорошее впечатление на прихожан Шибаетовской моленной своим зычным голосом и манерой служить по «протодьяконски».

Недавно поставленный для Смоленской старообрядческой епархии лже--архиерей Иона, соскучившись по Москве, просил у собора разрешения проживать постоянно в Москве, а для управления своей епархией наезжать время от времени. – «Ведь живут же другие архиереи вне своих епархий, почему же мне не жить?» В доказательство своих слов Иона ссылался на пример Иосафа, раскольничьего архиерея Казанского, который постоянно проживает в селе Безводном, вне своей епархии и на Паисия Саратовского, имеющего в Москве собственный дом, в котором он и живёт подолгу.

Ионе было внушено, что он ещё молод, чтобы руководствоваться этими примерами и должен жить там, куда его поставили.

Таков был характер дел, решавшихся на заседаниях весеннего поместного собора раскольничьих лже--архиереев в Москве. После третьего заседания, 12 мая, собор в полном своём составе покинул Москву Белокаменную и выехал в Нижний Новгород, где и продолжал свои заседания в доме раскольницы Сироткиной, на Нижнем Базаре, в том самом доме, где в прошлом году происходили соборные заседания старообрядческих лже-епископов, имевшие своим результатом избрание Иоанна Картушина на кафедру старообрядческого «архиепископа Московского и всея России».

Здесь число членов поместного собора увеличилось ещё тремя раскольничьими лже-архиереями, а именно сюда прибыли: из своей постоянной резиденции села Елесина – Кирилл, лже-архиерей Нижегородский; из села Безводного – Иосаф, лже-архиерей Казанский и Иринарх Ярославский. Иринарх этот, подобно Ионе, ещё очень недавно получил место

раскольничьего архиерея. В миру поп Иван – он был назначен кандидатом на самочинную раскольничью кафедру в город Ярославль на прошлогоднем соборе старообрядческих лже-архиереев, а хиротонию получил в Нижнем-Новгороде от Кирилла Нижегородского.

Вопросы, обсуждавшиеся в Нижнем-Новгороде были, как мы уже сказали выше, гораздо существеннее обсуждавшихся тем же собором в Москве. По докладу отчётов о состоянии церковно-иерархических дел в епархиях раскольничьих лже-архиереев, не присутствовавших на московских заседаниях собора – было немедленно приступлено к обсуждению необходимости, по мнению руководителей собора – Арсения Швецова и Иоанна Картушина, увеличить вообще в России число раскольничьих лже-архиерейских кафедр. Подобный вопрос уже неоднократно обсуждался на старообрядческих соборах и давным-давно уже решённый в утвердительном смысле – он мало по малу проводился и в жизнь. В результате такого решения были сфабрикованы присутствовавшие теперь на соборе лже-архиереи Иона и Иринарх, а в недалёком будущем, не говоря уже о преемнике скончавшемуся раскольничьему лже-архиерею Самарскому Алексею, решено было учредить ещё несколько новых епархий, назначив раскольничьих архиереев в город Калач (близ Царицына), в Семипалатинск и в Екатеринбург. Последний лже-архиерей будет именоваться Екатеринбургским и Пермским. На эти новые кафедры на соборе намечены были и кандидаты, назначение которых не обошлось без прений и пререканий между членами собора.

Особенно долго толковали о том, кого назначить на место умершего Алексея Самарского. Первое слово по этому вопросу принадлежало Арсению Швецову, как человеку, если и не попавшему, благодаря своему еретическому образу мыслей на главенствующее место среди раскольничьей иерархии – старообрядческого лже-архиепископа Московского, то всё же удерживающего и доселе авторитет разумника и наиболее ловкого, и усиленного из всех раскольничьих лже-архиереев.

Арсений Швецов указал, как на достойного, по его мнению, преемника Алексею Самарскому, на некоего старообрядческого» священно-инока Феодорита, проживающего в селе Безводном, а потому очень хорошо известного Арсению, который и сам, долго здесь проживал, углублённый в занятия своими апологетическими сочинениями, направленными к защите раскола.

Иосаф Казанский энергично воспротивился кандидатуре инока Феодорита, считая его отнюдь недостойным сана архиерея, хотя ничего не мог привести, что бы оправдывало его нерасположение к кандидату. Это обстоятельство вынудило Арсения сказать несколько колких фраз по адресу Иосафа, сущность которых заключалась в том, что Иосаф вообще не может давать какие бы то ни было места никому, кроме своих родственников...

Этот незначительный инцидент не помешал, однако, раскольничьим лже-архиереям, заседавшим в Нижнем Новгороде, проявить удивительное единодушие в решении всех, остальных вопросов, предложенных им на обсуждение.

Самым существенным из постановлений собора, с которым придётся считаться и Церкви Православной, было конечно, решение учредить *в каждой раскольничьей епархии раскольничьи братства, имеющие своей задачей единение раскольников между собой, пропаганду раскола и противодействие православию.*

Инициатива этой идеи, конечно, принадлежит пресловутому Арсению (Онисиму Васильевичу) Швецову, давно уже стоящему в самых близких отношениях с прототипом всех затеваемых им братств – раскольничьим братством св. Креста, существующим уже много лет в Москве. Братство это раскольники сочли нужным учредить в противовес возникшему в Москве, слишком 25 лет тому назад, православному миссионерскому братству св. Петра митрополита, поставившего своей задачей борьбу с расколом.

Увлекающийся своей проповедью раскола, Онисим Васильевич, встретил деятельных себе помощников и распространителей своих злокозненных идей в лице членов

новоучреждённого раскольничьего или, если так можно выразиться... «Противо-православного» братства св. Креста, деятельность которых и сосредоточилась, главным образом, на печатании подпольным путём и распространении еретических сочинений. Онисима Васильевича. Для более успешного распространения подпольных сочинений, имеющих целью пропаганду раскола, при братстве св. Креста был организован особый издательский комитет и до сих пор подпольно функционирующий под председательством московской богатой раскольницы, владелицы кирпичного завода, Пелагеи Ивановны Миловановой. Зловредная и незаконная деятельность этого органа стоит того, чтобы остановиться на ней более подробно, но, чтобы не отвлекать внимания читателей от текущих событий, мы постараемся сделать это в одном из следующих очерков, а теперь вернёмся к вашему рассказу.

Распространение подпольных сочинений Онисима Васильевича – дело очень выгодное для сочинителя, являющегося в настоящее время в расколе почти монопольным, а потому нет ничего удивительного, что Швецов воспользовался своим влиянием на Иоанна Картушина, чтобы внушить ему всю якобы целесообразность учреждения подобных братств повсеместно в России. И вот самочинный раскольничий московский лже-архиепископ, вдохновлённый своим учителем и наставником Швецовым, обращается к Нижегородскому собору таких же самочинных лже-архиереев, как и он сам, с пространной речью, в которой доказывает необходимость – якобы для блага и успешного процветания раскола – сплотиться дружнее всем его руководителям и всеми мерами противостоять православию... Как это сделать? Наилучшее и наиболее рациональное средство для борьбы с православием, всё более и более проникающим в тёмные дебри раскола – Картушин видит в учреждении подпольных братств, которые бы служили к упрочению среди колеблющихся старообрядцев идей о мнимой правоте раскола путём распространения хитросплетений расколо-учителя Онисима Васильевича Швецова, признанного «еретичеством» даже самими старообрядцами. Признание Швецова еретиком

помешало ему занять место раскольничьего лже-архиепископа в Москве, но оно не мешает раскольничьему братству св. креста, с секретарём его И. И. Бриллиантовым во главе, во множестве распространять среди тёмной массы старообрядцев сочинения этого еретичествующего апологета раскола, благо это выгодно с материальной стороны и самому сочинителю, и распространителям его сочинений...

Не помешало оно и Картушину видеть в распространения этих хотя и еретических сочинений всё же средство к укреплению раскола, так как еретические идеи, красной нитью проходящие по всем сочинениям раскольничьего апологета, ускользают от внимания преклоняющихся перед мудростью Швецова раскольников и в том числе, очевидно, и самого Картуши на который по своим познаниям и развитию, оказывается, недалеко ушёл от тёмной массы своих пасомых. Только его невежеством и можно объяснить то обстоятельство, что за внешней, по-видимому, достигающей цели организацией старообрядческих братств – Картушин не хочет видеть настоящей подкладки дела – корыстных целей Арсения Швецова.

Как бы там ни было, но предложение об учреждении раскольничьих братств повсеместно в России – было одобрено всем составом Нижегородского собора, который единогласно постановил выработать к следующему поместному раскольничьему собору, предполагаемому осенью – план организации братств и наметить деятелей для этих братств в лице раскольничьих попов, и ревнителей «древнего благочестия из мирян».

Пока в Нижнем Новгороде происходили заседания раскольничьего собора, главари московского раскола – купцы – собрались, вместе с попами и устроили нечто в роде заседания старообрядческого духовного совета на Золоторожской улице, в доме, уже знакомого читателям Ивана Ивановича Шибаева. Поводом к этому собранию послужил внезапный отъезд Картушина из Москвы, о котором, вопреки обычаю, он не счёл нужным оповещать купцов. Как мы сказали выше, на заседания собора, происходившие в Москве, никто из попов и купцов

допущен не был, а потому им и не было ничего известно, что творилось на этих заседаниях. Тайна, которой обставлены были соборные заседания, чрезвычайно интриговала купцов-раскольников, а неожиданный и негаданный отъезд лже-владыки Иоанна их даже обидел. Не привыкли они, любящие почёт и уважение даже от своего архиерея, к такому обращению и весьма разобиделись как на Картушина, так и на приехавших к нему других лже-архиереев, а в особенности на Арсения Уральского, которого они давно уже считают первым советником Картушина и весьма недовольны тем, что этот последний подчиняется уж через чур влиянию лже-епископа-еретика, которого если б они хотели слушаться, то могли бы избрать на место раскольниковьего лже-архиепископа, а если отклонили его кандидатуру, то вовсе не для того, чтобы косвенным образом он в сущности явился управителем московской раскольниковьей кафедры – как оказалось теперь на деле. Ненависть их к Швецову, а за ним и ко всем другим лже-архиереям, которые тайной соборных заседаний показали, что и знать не хотят купцов-мирян – дошла до того, что на описываемом заседании духовного совета высказывалось даже мнение о необходимости доносить полицейским властям о прибывающих в Москву раскольниковьих архиереях, проживать которым здесь безусловно воспрещается. Посудив и порядив по поводу нанесенной купцам обиды от их лже-архиереев, заседание перешло к обсуждению вопроса о том, следует ли упразднить апухтинскую моленную, когда Картушин переедет на новую резиденцию (в Рогожский туник), или не следует? В обсуждении этого вопроса особенный шум и гвалт подняли присутствовавшие на заседании попы. Суть дела заключалась в следующем.

В большинстве московских раскольниковьих моленных служба совершается только по праздничным дням, но так как в таком большом городе, как Москва и притом столь обильном раскольниками, ежедневно найдётся либо именинник, или именинница, либо день смерти кого-нибудь из родственников падёт на это число – то где-нибудь помолиться такому человеку всегда нужно. Заказывать самостоятельно литургию не всякому по карману – вот для этой надобности и совершалась

повседневная служба в Апухтинской моленной. Когда Картушин переберётся к себе на новую резиденцию, купцы предполагали прекратить ежедневную службу в этой моленной, а совершать таковую или в Каринкинской, или в Шibaевской моленных, для чего в эти моленные предполагалось назначить по второму попу, а чтобы местный настоятель не жаловался на уменьшение доходов положить им субсидию в 500 руб. из общественных сумм Рогожского кладбища. Попы этих моленных энергично воспротивились такому предположению, принимать к себе в приход другого попа и потом делиться с ним своими доходами, не смотря на субсидию – им не было никакого расчёта. Протест их одержал победу и было решено оставить ежедневную службу на Апухтинке, но особого причта здесь не содержать, а возложить обязанность совершать здесь службу по очереди на всех московских попов. Впрочем, и таким решением остались многие недовольны, так как совершать службу даром, да ещё проезжать свои личные деньги на извозчиках никому из раскольников попов не понравилось и они помирились с подобным постановлением лишь в надежде свалить обязанность

служить на Апухтинке на приезжих в Москву раскольников попов, которых всегда в Москве временно проживает очень много.

Такое постановление купцов и попов-раскольников для своего проведения в жизнь, конечно, ещё нуждалось в санкции их самочинного лже-архиепископа, который находился в безвестном для них отсутствии.

Но скоро таинственно исчезнувший из Москвы раскольников архиерей дал о себе знать.

Собор лже-епископов в Нижнем Новгороде заседал целую неделю, а затем перебрался в полном своём составе в поволжское село Безводное, где и происходили его заключительные заседания, после чего Картушин возвратился в Москву, а вслед за ним приехали сюда Паисий, лже-архиерей Саратовский, и Иринарх – Ярославский. Что в Москву приехал Паисий это никого не удивило, так как он частенько здесь проживает, но приезд Иринарха послужил к целому ряду толков

и догадок. Злые языки утверждали даже, что он с непривычки к управлению епархией «утомился» до того за несколько месяцев пребывания в Ярославле, что подобно также недавно поставленному Ионе Смоленскому пожелал отдохнуть в Москве Белокаменной.

Немедленно по прибытии в Москву, Картушин устроил собрание у И.И. Шибаетова (на Золоторожской улице) купцов и попов и обстоятельно ознакомил их с деяниями только что закончившегося весеннего собора, чем несколько и сгладил невыгодное впечатление у купцов от своей внезапной поездки без их ведома.

Особенно понравилось купцам соборное постановление об учреждении раскольничьих братств и очень многие из них, а в том числе, как слышно, И.А. Пуговкин, Ф. С. Рахманов и другие богачи выразили согласие и на материальные жертвы для этой цели, чем и явили себя «волками в овечьей шкуре», ибо при других обстоятельствах лица эти везде и всюду заявляют, что против «православия» в принципе ничего не имеют, а теперь берутся поддерживать учреждения, имеющие единственную целью борьбу с православием и пропаганду раскола!

24 мая на Рогожском кладбище состоялось торжественное освящение всемирно известной летней каменной часовни, богато обновлённой усердием московских раскольников. В сущности, это даже и не часовня, а целый храм, так как имеет и алтари, запечатанные ещё по Высочайшему повелению при Императоре Николае I. В 1881 году старообрядцы исходатайствовали разрешение совершить здесь в походном алтаре заупокойную литургию по в Бозе почившем Императоре Александре II, а затем, вместо того, чтобы убрать эти походные алтари, самовольно продолжали в них богослужение в течении нескольких лет до тех пор, пока известным борцом с расколом бывшим профессором Московской духовной академии Н.И. Субботиным, не было обращено на это внимание правительства. Временные алтари на Рогожском кладбище были убраны и до сих пор находятся в двух частных молельных в Москве.

С тех пор в часовнях-храмах на Рогожском кладбище совершаются все службы, за исключением литургии. Внутри моленные, очень богато отделаны, стены расписаны под старинный манер, иконы в дорогих окладах. Ремонт летней часовни продолжался около двух лет и обошёлся в несколько десятков тысяч; для распоряжения этой крупной суммой денег и наблюдения за ремонтом была избрана особая комиссия из купцов – раскольников богачей.

Для освящения часовни Картушин приехал на Рогожское кладбище, где всё уже было заблаговременно приготовлено вечером. У ворот кладбища его встретили кладбищенские попечители, у дверей храма-часовни – местные попы. Облачившись в полное архиерейское облачение, Картушин совершил освящение часовни и окропил иконы освящённой тут же водой. В сослужении с лже-архиепископом принимало участие всё кладбищенское духовенство; пел хор дьячков, *наряженных в кафтаны с золочёными пуговицами* – одеяние, пожертвованное им богатым купцом раскольников Морозовым. С такой же торжественностью Картушин совершал в этой часовне на другой день царские часы и молебствие.

Летние месяцы не отмечены какими-либо выдающимися событиями в жизни Московских раскольников; да оно и понятно, глава всего раскольников духовенства Иоанн Картушин, – съездив по своим дедам на Кавказ, поселился на даче, любезно предоставленной ему одной из ревнительниц «древнего благочестья» – П.И. Миловановой в своём имении, в деревне Федурнове, – близь станции «Обираловка» Московско-Нижегородской железной дороги. Ревнительница эта – та самая кирпичная заводчица, председательница подпольного комитета по изданию раскольников сочинений, о которой мы только упоминали. Когда-то Пелагея Ивановна состояла в кадрах самых ярых почитательниц покойного раскольников лже-архиерея Савватия и с честью поддерживала звание его «малиницы».⁷⁴

Со смертью Савватия она теперь примирилась и перенесла все заботы своего любвеобильного сердца, на нового раскольников лже-архиерея Картушина, для которого

отстроила у себя в имении новую прекрасную дачу, а для служения нового лже-владыки предоставила чрезвычайно богато-отделанную её иждивеньем молельную, освящённую во имя преподобного Сергея и отстоящую от деревни Федурново всего в 4-х верстах, где у П.И. Миловановой имеется обширный кирпичный завод, служащий главным источником богатства.

Примеру раскольников архиепископа – последовали и его подчиненные попы – тем более, что и для них добрая хозяйка Федурновского поместья не отказала в подходящих помещениях, которыми и не замедлили воспользоваться такие «знаменитости» в Московском расколе, как Пётр Драгунов, Иван Кошкин и другие.

Благодушествуют раскольники дачники, да не менее легко и хорошо себя чувствуют и оставшиеся в Москве попы без контроля своего лже-архипастыря и без боязни его внезапных наездов и ревизии.

Вообще московское раскольников духовенство, перепуганное на первых порах строгостями своего нового владыки, теперь снова принялось за свои прежние безобразия и так «умственно» ведёт свои делишки, что даже одобрения от лже-архиепископа Картушина ухитряется получать.

Начать бы с того, что Картушин в видах поощрения, по его мнению, наиболее деятельных, а на самом деле наиболее ловких и «умеющих мягко отлить» попов ввёл небывалое и всегда осуждавшееся истыми раскольниками новшество – награждение скуфьями, камилавками и протоиерейским саном некоторых попов. Правда все эти три степени наград, невежественными раскольниками перемешаны в одно: попа, награждённого скуфьёй, они называют уже протоиереем, и камилавки не отличают от скуфьи, но как бы то ни было – раздача наград произвела большие разговоры и пересуды среди московских раскольников тем более, что собственно из Москвичей Картушин никого не нашёл достойным своего поощрения, а милости свои начал расточать с иногородних, наградив скуфьями лже-попа Феодора, священствующего в Орехове-Зуеве, и петербургского попа на Громовском кладбище по имени Василия Степанова. Особенно награждение

последнего всех удивило. Василий Степанов, родом из местных фабрик; сумевши какими-то путями при покойном Савватии попасть в диакон в известную в Москве Шibaевскую молельную – он здесь сразу зарекомендовал себя грубым отношением к местному попу, с которым у него начались постоянные распри из-за того, что назначение дьякона в эту молельную уменьшило поповские доходы, так как ранее здесь был только поп да диакон. Легко и свободно вздохнул Шibaевский поп, когда Василия Степанова перевели в Петербург. Вот теперь Картушин за какие-то доблести отметил «награждением» этого человека, по мнению хорошо знавших его москвичей совсем уже «не по заслугам».

По-видимому, сидя на даче, Картушин занят только одними вымышлениями кого бы наградить, а от управления текущими делами, совсем отрешился, хотя ему время от времени и возят в Федурново бумаги для подписи.

Так на днях от прихожан «Колычевской» подали Картушину коллективную жалобу на своего попа Феодора из братчиков, привезённого сюда пресловутым Арсением Швецовым в то время, как этот управлял старообрядческой епархией в Москве, из села Мячкова, Коломенского уезда. Главным поводом к жалобе на попа послужило следующее обстоятельство. Давно уже он надоел своим прихожанам, «проливая горькие жалобы на житье-бытьё поповское», которое по скудости содержания, по его мнению, «вдвое хуже чем холопское»... И вот не смотря на то, что ему в год придёт в Колычевской молельной до 2,500 рублей, он всё не упускает удобного случая нет, нет, да и утаить что-нибудь из общей кружки всецело в свою пользу, не делясь ни с дьяконом, ни с дьячками. Причт давно уже намеревался «изловить» своего попа и вот на днях удобный случай представился. Подошло полугодовое поминовение со дня смерти известного московского богача-раскольника Овсянникова и родственниками его были заказаны заупокойные обедни во всех московских молельных и в том числе в Колычевской, где однако поп Фёдор обедни в назначенный день не служил, хотя получил денежки наравне со всеми прочими настоятелями раскольничьих молельных в Москве. Всё это

обстоятельно было прописано в жалобе Картушину, а последний, к великому огорчению причта и прихожанам Колычевской моленной, оставил жалобу без последствий, очевидно, не желая утруждать себя на «лоне природы» разбирательством всякого рода дрызг и сплетен житейских...

Такая безнаказанность к довольно-таки крупным проступкам раскольничьих попов, конечно, не замедлит повлечь за собой ещё большую их разнузданность и многих заставляет вспомнить покойного Савватия, который, не смотря на всю свою слабохарактерность, всё же не оставлял безнаказанными деяния своих подвластных попов, подобные только что описанному.

Алексей В-в

Библиография

Чельцов М. [Рец. на:] Милюков П. Очерки по истории русской культуры, часть 2-я, 3-е изд. СПб. 1899 и. Ц. 1 р. 50 к. без пересылки. // Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 147–15)

«Очерки» г. Милюкова, ещё со времени их печатания в начале 90-х годов в журнале «Мир Божий», пользуются почётной известностью. Вышедшие отдельной книжкой, они скоро же потребовали вторичного издания. Интересные уже с этой стороны, они для нас важны в том отношении, что, как очерки русской культуры, они естественно, не могли не коснуться духовной жизни русского народа, а – в частности – жизни его церковной, его веры и нравственности. И, действительно, вся вторая часть их посвящена рассмотрению того, «как сложилась духовная жизнь русского народа» (1 стр.). Отсюда «Церковь и школа – (эти) два фактора русской, как и всякой другой, духовной культуры» останавливают на себе всё внимание автора на протяжении 7–373 страниц его книги.

Долго и утомительно было бы рассматривать и разбирать взгляд г. Милюкова на церковную жизнь наших предков по XV век. Заметим только, что взгляд этот слишком уже односторонен, отмечающий в старинной жизни наших предков одно лишь тёмное и мрачное и не желающий разглядеть там ничего светлого, отрадного. По нему и «книжное почитание» в до-монгольский период, по крайней мере, было занятием лишь одного бесноватого монаха Киево-Печерской Лавры. Богатые библиотеки князей и княгинь им совершенно опущены из внимания. – Значительная часть второй части «Очерков» посвящена вопросу о происхождении и развитии расколо-сектантства на Руси.

У светских писателей мы привыкли встречать взгляд на раскол, как на какую-нибудь государственную или социальную оппозицию правительству. Г. Милюков почти совершенно чужд этого мнения. По нему «низкий уровень религиозности в древней Руси был причиной того, что признание этой религиозности неизменной и непогрешимой привело к расколу»

(стр. 34). В этом он так убеждён, что всех не могущих себе представить, как мог произойти раскол в XVII веке из-за обрядовых пустяков, он приглашает обратиться и присмотреться к обрядовым спорам беспоповцев XIX столетия (85–86 стр.), приведшим этих последних к большим разделениям. Этот взгляд г. Милюкова должен быть признан отрадным явлением в области наших исторических познаний. Он подтверждает, что нашими церковными историками, во взгляде их на раскол, руководили не партийные и клерикальные побуждения, наоборот, светские писатели выходили по данному вопросу из ненаучных и односторонне понятых положений и обоснований.

Причину появления раскола старообрядства г. Милюков видит в национализации русскими своей веры и церкви. Взгляд этот не нов. Его уже отчасти можно встретить в статьях Е. Е. Голубинского и сочинениях г. Каптерева. Прямо и решительно его высказал молодой доцент Московской Академии И. М. Громогласов, давший ему и формулировку в своей брошюре «Вселенское православие и русский раскол старообрядства». Значит, г. Милюков в данном случае идет вместе с нашими, историками-богословами. Но раскрывает он его отчасти несколько своеобразно.

Русские, по нему, ещё с конца XV в., а особенно в XVI и XVII столетиях стали почитать за истинно православное только содержащую ими веру и, след., за истинно Христову – только их Церковь. Заподозривши сначала греков во введении новшеств латинских, они стали скоро стараться совершенно уклоняться от них, как от настоящих еретиков. А, между тем, новшества эти вводились, на самом деле, у них – у Русских, сумма которых достаточно великая по количеству, к XVII столетию была ими признана, как отличительный признак православия их сравнительно с греческим неправославием. Причину введения в русской церковной практике новшеств г. Милюков полагает в естественном ходе развития христианского учения и практики богослужебной через усвоение его русскими. Исторические обстоятельства – падение Константинополя и желание возвысить царство через возвышение своей церкви и отделение её от зависимости патриархов – и лица – Иосиф Волоцкий и

митрополиты Даниил и Макарий – только способствовали этому развитию, влияя больше на ускоримость этого хода, чем на его характер. Т. об. выходит, что «старообрядство» наше есть результат развития церковного учения у русских в смысле всё большей и большей национализации их веры и церкви, причём естественное *новое*, своё они почли за древле-отеческое, вселенское. Выдающиеся же церковные деятели и цари, главных образом – XVI столетия, были главными пособниками развития старообрядчества. *Раскол* же произошёл оттого, что п. Никон и некоторые другие, наученные и греками, а главным образом Киевскими учёными заметили эти национальные новшества, это «старообрядчество» по мнению русских того времени, и пожелали воспрепятствовать их как дальнейшему ходу, так и содержанию в сознании православных русских. Как всякое противодействие естественному ходу развития, так тем более противодействие в религиозной области, дело п. Никона вызвало сильный отпор, приведший к расколу. Не будь этого вмешательства, то, по мыслям, не прямо, а окольно высказанным г. Милюковым, раскола, быть может, и не было бы: возможно, что это развитие привело бы само по себе к тому, чем является православие в настоящее время, а возможно, что создалось бы что-либо и иное лучшее и совершенное. (Стр. 16–41. Ср. 366–370).

Разбирать подробности этого взгляда г. Милюкова мы не намерены: для незнакомых с историей происхождения раскола это потребовало бы много времени и труда, а знакомым – очевидна искусственность и односторонность его от желания всё свести к тому, что как необходимо предоставить всему его собственное, только не аномальное, течение. – История поповщины и беспоповщины излагается Милюковым по старым, давно известным, данным.

Взгляд г. Милюкова на происхождение сектантства – рационалистического и мистического – оригинален. Впрочем, в нашей литературе как духовной, так и светской, нет ещё ничего по вопросу о происхождении у нас сектантства вообще. Пока говорят о причинах появления той или другой в отдельности секты. Милюков, верный своему историческому принципу, в

истории появления наших сект находит прямую непрерывную и естественную причинную цепь. По нему – как естественно из духоборчества 18-го столетия выродилось молоканство, так и из хлыстовства первой половины 18-го столетия естественно появилось духоборчество. Одна секта из другой порождаясь и одна другой обуславливаясь, все вместе они суть продукт желания человеческого разума и чувства жить и Богу служить по своему, – духовно, а не внешне (стр. 92–134). Взгляд этот обоснован у г. Милюкова мимоходом, указаны лишь одни, и то не всегда основные, пункты. Но, по нашему мнению, он верен во многом. Доказательства этому у нас имеются и когда-нибудь, быть может, мы их изложим в особом сочинении.

Дальнейшие рассуждения Милюкова о творчестве и школе не представляют особого интереса для наших читателей, да они и нового ничего не дают. Поэтому мы их оставляем.

В общем 2-ая часть «очерков» Милюкова, хотя и достаточно содержит парадоксов и ещё не признанных мнений по вопросу о происхождении расколо-сектантства, но познакомиться с ней весьма и весьма не мешает, а преподавателям в семинариях исторических наук – прямо-таки необходимо. Написана она довольно правильным и гладким слогом; читается очень легко и с большим интересом. Цена её – не велика. Выписывать ее, думается, можно из всех книжных магазинов Москвы и Петербурга

И. Чельцов

**Чельцов М. [Рец. на:] Рождественский Т. С. Как
пишутся современные апологии; расколо-
сектантства. Рязань. 1899 г. Ц. 50 к, 27 стр. //
Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 150–151**

Кто прочитывает хотя бы немного из ежедневной и еженедельной светской прессы, тот знает, как усердно светские интеллигентные лица следят за жизнью наших русских сектантов, как внимательно они прислушиваются ко всему, касающемуся последних, и как они критически строго относятся к каждому шагу миссионеров и пастырей церкви. Всё это было бы очень хорошо, если бы светская печать относилась к этому делу вполне серьёзно, совершенно беспристрастно, с знанием дела и описываемого ею предмета. Чаше же бывает, как неоднократно приходилось нам говорить в хрониках нашего журнала, о сектантстве и расколе почему-то считают возможным писать по одним лишь слухам, на основании лишь одних видимых, внешних сторон явления и т. под. Поэтому не удивительно, что миссионерам часто приходится отвлекаться от их непосредственных обязанностей и разъяснять светским писателям, что ими в их сведениях о расколо-сектантстве не так понято, неправильно перетолковано и т. под. С этой целью написана и вышеприведённая брошюра г. Рождественского.

С содержанием её отчасти знакомы читатели «Миссионерского обозрения» (см. 1898 г. Декабрь стр. 1674 и далее). Она имеет дело с идеализацией известным светским писателем Евг. Марковым хлыстов Воронежской Епархии и с несправедливыми наветами его на духовенство и миссию епархии (См. «СПб. Ведом.» за 1898 г. № 271 «Брожение духа в народе»). Ответы г. Маркову в ней даются весьма ясные и основательные. Марков, напр., говорит со слов одного разоткровенничавшегося перед ним хлыста (для г. Маркова – весьма православного человека), что его одноверцы были сосланы за одно подозрение в сектантстве; а г. Рождественский на основании документов следственного дела доказывает, что они сосланы были за действительную принадлежность к секте, за распространение её и совращение в

неё других. Ещё: г. Марков пишет, что «попы потребовали общественный приговор против хлыстов», а г. Рождественский доказывает, что приговор о высылке хлыстов был составлен их односельчанами вполне добровольно и был покрыт единогласно более, чем 150 подписями представителей крестьян, которые обещали собрать более 1,000 руб. между собой, на дорогу сектантам, чтобы только их выселили... В этом же направлении ведётся уличение в наветах, перетолкованиях и несправедливости г. Маркова и далее в брошюре. Постарался автор её по возможности удержаться в ней от полемического жара и острот.

Важна эта брошюра и по содержащимся в ней сведениям о Воронежских хлыстах, о которых известно в печати очень немного. Хлысты эти оказываются большими хулителями Православной церкви и духовенства, её обрядов и таинств, – не малыми распространителями вредных для общества слухов об Императорском Величестве, общественном быте...

Написана она весьма ясно и толково. Интересующиеся хлыстовщиной, найдут в ней кое-что и новое. Выписывать её можно от автора – Воронежского Епарх. миссионера.

М. Ч.

**Калужский М. [Рец. на:] Синайский А. свящ.
Отношение древнерусской церкви и общества к
латинскому западу (Католичеству) X–XV в. СПб. 1899
г. Ц. 1 руб. с пересылкой. // Миссионерское
обозрение. 1899. № 2. С. 151–153**

В названном сочинении о. Синайский трактует по вопросу, весьма интересному и важному для всякого, изучающего происхождение раскола. Как известно, в последнее время уже установился тот факт, что отношение ваших предков к латинянам имеет немаловажное значения для того, чтобы заподозрить греков XV–XVII столетия в ереси и, под предлогом желания избежать латинских ересей у себя, национализировать свою церковь.

Об этих отношениях можно читать, хотя и краткие, сведения в учебниках по истории русского раскола позднейших изданий и в отдельных брошюрках. Не мало внимания и труда уделили этому вопросу и ученые историки наши, издавшие даже памятники сношений русских с западом. Что же после этого даёт нам новая книжка о. Синайского?

Автор, кажется, и не претендовал на это; его целью было «привести разнообразный материал по рассматриваемому им вопросу к единству мысли» (стр. 2). Этой своей цели автор сравнительно удачно достигает. Действительно, его книжка, не привнося ничего нового, систематизировала всё, что накопилось в нашей русской литературе по интересному вопросу об отношениях наших предков к латинянам.

В книге пять глав. В первой выясняются факторы, действовавшие на образование взглядов и отношений древнерусской церкви к латинству. Факторов этих, т. е. причин, — три: влияние греков на древних русских, национальные свойства русского народа и отношение самих латинян к русским. Первая причина — вполне естественная: грекам, передавшим веру русским, естественно нужно было всячески заботиться оттолкнуть этих от латинян; но у автора она раскрыта спутанно и сбивчиво, без соблюдения хронология. —

Вторую причину, кажется, и сам автор представляет себе весьма смутно. Высказав сначала несколько самых общих фраз о том, что русская церковь уживается со всяким мирским порядком (откуда следовал вывод, что она могла ужиться и с порядком западных государств, т. е. обратный тому, какой нужен автору); что наше духовенство, хотя в начале и иноземное (след., *нашего* то и не было) не составляло касты; что христианская вера, принятая русскими добровольно (?), стала верой национальной (потому что была принята нацией, народом?), автор вдруг изрекает такую вопиющую несправедливость, что будто бы русская церковь «сознавала, что она *учреждение* (?), явившееся по желанию князя и народа» ..и что она срослась с государством, как его *учреждение* (стр. 11–12). Помимо исторической неправды, такое представление нашей церкви не даёт никакого объяснения, почему же у русских получилось неприязненное отношение к латинам. – Третьей причине – отношению самих латинян к древней Руси – автор придаёт важное значение. Это и правда: «эгоистический прозелитизм» пап, «бесцеремонность в способе достижения цели» латинами поселили недоверчивость и ненависть к ним у русских.

Во второй главе автор исчисляет факты внешних церковно-политических сношений русским с католическим западом; причём оказывается, что сношения эти по инициативе принадлежали Риму, а по характеру были более политические. – Третья глава наполнена интересными сведениями, хотя и всем общеизвестными, о древнерусских литературных взглядах на латинство, стоявших в полной зависимости от таковых же греческой литературы.

В качестве выводов четвёртая и пятая глава говорят об отношениях церкви и общества к латинянам. Церковные пастыри поучали «вере латинской, как проклятой и окаянной не прилучатися, ни обычая их держати, и общения их бегати....: своих дочерей не даяти за ня, ни поимати за себя у них, ни поклонитися, ни целовати». В силу этого приём западного человека в родство с кем-либо из русских или на государеву службу необходимо должен был сопровождаться переходом его

в православие. Сношения с западом были только вынужденные торговые и у князей брачные. Брачных союзов княжеских семей с иноземными автор насчитывает 29. Из них только 8 падает на браки русских князей с иноземками, а 21 – на браки русских княжон с иностранцами. Уже и этой неравномерности можно заключить, что к бракам с иноземцами прибегали только уже в крайних случаях, когда, например, русскую княжну не за кого было выдать у себя дома.

Таковые старые и общеизвестные сведения, только у автора сведённые в одно целое и систематизированные, изложены в книге довольно-таки неопределённо и неясно; много растянутости, есть и путаница.

Книга продаётся в известных книжных магазинах Петербурга.

М. Калужский

**С. М. П. [Рец. на:] В подарок матери и дочери.
Сборник нравственно-назидательных статей.
Издание И. В. Преображенского. СПб. 1899 г. 180
стр., цена 50 коп. // Миссионерское обозрение. 1899.
№ 2. С. 153–154**

Отмечая на страницах нашего журнала произведения нравственно-назидательной литературы, которые могли бы удовлетворять всё больше и больше возрастающему спросу на неё семьи и школы, мы не раз останавливались на изданиях И.В. Преображенского. Новое издание его – однородно с предыдущими: оно представляет собой ряд назидательных статей и стихотворений. Предметом их на сей раз служит вопрос о значении и назначении женщины, причём решается этот вопрос не на основании различных социальных теорий, которые уже давно на разные лады трактуют о положении женщины, а на основании евангелия, истории и живой действительности. Ещё одна характерная черта статей, входящих в сборник г. Преображенского, – их церковность, т. е., соответствие изображаемого ими идеала женщины тому идеалу, который различными средствами старается изобразить и воспитать в своих членах наша святая православная Церковь. В этом – лучшая рекомендация характера рассматриваемого труда.

Из многих статей, входящих в издание г. Преображенского, следует отметить, кроме статьи самого издателя: «Жизнь Пресвятой Богородицы», представляющей высочайший образец совершеннейшей христианской жизни для женщины, ещё следующие статьи: Прот. Гурьева – «Жёны Мироносицы» – образец неизмеримой преданности Господу, Епископа Мелетия – «Безмолвная проповедь жены христианки» – прекрасное рассуждение на слова св. Апостола: жёны, повинуйтесь своим мужьям, чтобы те из них, которые не покоряются слову, житием жён своих без слова приобретаемы были (1Пет.3:1), неизвестного автора – Фабиола или древние христиане – рассказ из жизни древних христиан-мучеников и др.

Мы выражаем искреннее наше желание, чтобы предназначенное автором его издание «в подарок матери и дочери» нашло себе место среди тех – немногочисленных книг, которые начинают появляться на нашем книжном рынке и которые своим прекрасным содержанием гораздо больше отвечают хорошей цели всякого подарка, чем все дорогие, но пустые издания.

Внешние стороны издания книжки, мало сказать, прекрасны; – они просто художественны.

С. М. П.

Известия и заметки

Н. Таврический миссионерский съезд. //
Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 154

24 прошлого мая м г Симферополе был открыт Таврический миссионерский съезд. Открыт он был, после молебствия, речью преосвященного Таврического Николая, за которой последовала речь редактора нашего журнала, В. М. Скворцова. С подробным содержанием её читатели будут своевременно ознакомлены. С следующего дня начались заседания съезда.

Смолин И., диакон. В вагоне железной дороги. // Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 155–156

Утром, в Страстную Субботу, 17-го апреля, пассажирский поезд подходил к городу Киеву. Киево-Печерская Лавра со своими золотыми главами, во всем её величии, представлялась взору. Чтобы лучше видеть всю красоту лавры и гор, на которых она расположена, я вышел на площадку вагона, где уже ранее меня образовался кружок любовавшихся красотой открывавшейся картины гор и храмов. В одной стороне стояли, двое мужчин и дама, – люди, по-видимому, интеллигентные. Дама говорила им о своём посещении Печерских пещер; речь, приблизительно, была следующая:

«Представьте, я чуть не задохнулась в этих пещерах. Как только вошла, тотчас же почувствовала головокружение и недостаток воздуха, – меня сопровождал монах и было ещё немного людей. Я стала упрашивать монаха вывести меня вон, он всё ведёт дальше, показывая мощи и заставляя к ним прикладываться. У меня уже и глаза стали закатываться и терялось всякое сознание; наконец-то сжалился надо мной монах и вывел, прежде чем я приложилась ко всем мощам. Выйдя на вольный воздух, я вздохнула свободно и дала себе слово больше не бывать в пещерах, а об монахе и теперь вспоминаю с содроганием сердца: он мне представляется не иначе, как в виде разбойника немилосердного, не смирившегося на первое моё заявление».

Не мог я, невольно слышавший это признание, оставить его без своего замечания: очень уж взволновали меня эти слова барыньки. «Господа, – начал я, – как легко различить неверующего ни во что от верующего!.. Известно, что в престольный праздники Успения Богоматери, в лавру стекается великое множество людей и все они стараются непременно приложиться в Св. Мощам. В прошлом году и мне Бог привёл ходить по пещерам в этот день перед поздней обедней. В пещерах была неопишуемая теснота; от давки груди чуть не трещали; свечи, за недостатком воздуха, гасли. Народ здесь

был всякого возраста: и старые, и малые, но вот диво-то?.. что никто не только не задыхался, но и не жаловался на такое стеснение и всякий, видимо, с горячей любовью и верой прикладывался к Св. Мощам. Это значит, люди были все верующие и ходили по пещерам с верой, а другое дело человек без веры: он и на просторе задыхается и глаза его, имеющие свинцовую оболочку, закатываются под лоб и закрываются ресницами. Да! тяжело жить без веры». Мужчины и дама сильно смутились от этих моих слов, и первые, сквозь зубы процедили, как бы поддакивая мне: «Да, без веры везде плохо». Дама же сильно вспыхнула и в проливе гнева сказала: «Я всегда с удовольствием хожу в храм и люблю там молиться, мощам же поклоняться и целовать такую мерзость и гадость я себе никогда не позволю». Сильно потрясло мои нервы такое жестокое и кощунственное слово, произнесённое устами молодой, красивой и образованной дамы. Я не мог утерпеть от того, чтобы не указать на сию кощунственность слов интеллигентки. Начал я так: «Скажите пожалуйста, заставляют ли кого насильно прикладываться к Св. Мощам и чем они заслужили перед вами такой гнусный и недостойный ваш отзыв, которым вы не только православную святыню поносите, но страшно оскорбляете религиозное чувство простых людей? Ужели вас для того образовывали, чтобы быть убийцей религиозного чувства простых людей? Так знайте! от имени моих простецов заявляю вам, что никогда и никакой мерзости, и гадости не может быть от останков святых людей, свято хранящихся в течении многих сот лет и ничего другого не источающих от себя, как только исцеление недужным, успокоение страждущим и скорбящим, и душевный мир всем с верой притекающим. Мерзость же и пакость хранится в людях живых-гордых, своевольных, неверующих и как бы эти люди не складны, как бы не красивы были, мерзость берёт своё и через белые зубы из тонких губ выступает эта мерзость в форме кощунственных слов». Моя барыня пришла в сильный гнев и закричала, чтобы я замолчал и не позволял себе оскорблять её, иначе грозила на станции заявить, кому следует, о нанесении ей оскорбления. Я ей ответил, что с полным удовольствием,

согласен вместе с ней на станции идти к жандармскому офицеру и объяснить, что сия дама страшно мол оскорбила религиозное чувство нескольких людей на площадке вагона, а я защищал православную святыню. После этого я удалился в вагон, – дама же хотя всю дорогу ехала в одном со мной вагоне, но после описанной сцены, сюда не вернулась; один из мужчин перевёл её в другой вагон, а сам, по прибытии на станцию, забрал её вещи.

Диакон Иоанн Смолин

Успехи сектантства в Венгрии. // Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 156–158

В Венгрии появилась в прошлом году секта адвентистов. В настоящее время секта эта уже насчитывает здесь значительное число последователей и широко распространилась в гор. Германштадте. Полный титул нового сектантского общества – «Немецкий союз адвентистов седьмого дня». Секта адвентистов возникла в Америке; в Гамбурге находится её «главная агентура» для Европы. Миссионером, с успехом, положившим начало образованию сектантской общины в Трансильвании, называют И. Ф. Гюнергардта, молодого человека не старше 30 лет, дюжего, но с приятными манерами. В последнее время он поселился в Фагараше и сумел очень скоро привлечь к своему учению последователей секты назарян, также лишь недавно появившейся там. Целью своей проповеди Гюнергардт выставляет желание привести слушателей в более глубокому уразумению пророчеств Ветхого и Нового Завета. На самом же деле религиозное учение и культ адвентистов во многом напоминают иудейство. Пение псалмов на собраниях в молитвенном доме, соблюдение ритуала в приготовлении пищи, а также строго соблюдаемое празднование субботы достаточно показывают, какое значение имеет В. Завет в жизни адвентистов. Среди последних имеется уже и в настоящее время не мало немецких семейств, которые вместо воскресенья празднуют субботу и притом так строго, что, по чисто еврейскому обычаю, уже с вечера пятницы прекращают в домах всякую работу, торговлю и даже обращение с деньгами. Проповедник доказывает в своих проповедях, что Иисус Христос праздновал собственно не воскресный, а субботний день, который по Библии, означен был днём покоя, и потому праздновать субботу правильнее, чем следовать позднему «произвольному установлению апостолов», которые только для того, чтобы более заметным образом отличить себя от иудеев перенесли день покоя на первый день недели, как день Воскресения Христова. – Последователи этого учения имеются

в Германии, Голландии, Австро-Венгрии, Румынии, Болгарии и Сербии. (Kölnische Zeitung).

* * *

Об обстоятельствах появления в южной Венгрии секты баптистов находим некоторые сведения в газете «Times». Город Temesvar, главный город округа Temes, имеет около 40,000 жителей, преимущественно немцев и венгров, по вероисповеданию католиков. Из других национальностей в городе имеется несколько тысяч румын, сербов и евреев, а из других религий и исповеданий – представители греко-восточного и евангелического исповеданий и иудейской религии. С недавнего времени местные власти начали получать почти ежедневно от большего или меньшего числа жителей формальные заявления об их желании оставить прежнюю веру. Здесь были последователи всех исповеданий, не было только евреев. Отказавшись от прежних исповеданий, эти лица присоединяются к баптистам, нынешний пастор которых распространяет своё учение с большим успехом. – Секта назарян, по сообщению той же газеты, также делает постоянные успехи в названном городе, хотя число назарян здесь ещё меньше пока числа баптистов.

– Кардинал Рамполла уведомил представителя России при Ватикане, что папа выдаст placet на сооружение русской церкви, которая будет построена на суммы, пожертвованные русским правительством, русской колонией в Риме и несколькими русскими богачами, из которых один предложил около миллиона рублей. В состав русской особой комиссии по сооружению церкви, как сообщает «Свет», входят член Петербургской Академии Художеств, один инженер-полковник, два гражданские инженера и настоятель церкви русского посольства при Квиринале отец Климент.

– В Петербург приедут из Англии священнослужители для изучения русского церковного дела; часть их отправится в Москву и пробудет несколько месяцев в Троицко-Сергиевской лавре.

– Св. Синодом признано, что воспроизведение посредством фонографа на публичных представлениях колокольного звона,

духовных песнопений и духовных чтений не должно быть допускомо.

[Сентябрь]

**В. С. По поводу прекращения издания журнала
«Братское Слово». // Миссионерское обозрение.
1899. № 2. С. 159–165**

С выпуском, майской книжки, прекратилось издание известного противо-раскольничьего журнала «Братское Слово». «Погас светоч, умолк руководитель в тяжёлой борьбе с расколом. Раскол торжествует, суд и администрация на его стороне». В таких словах выразили свою скорбь почитатели «Братского Слова» в письмах к редактору, по поводу заявления последнего о прекращении этого издания. Душевно разделяем эти скорбные чувства и – с своей стороны – считаем прекращение этого, в своём роде единственного, литературного органа весьма значительной для науки и миссионерства утратой, которая должна не только ратоборцев против раскола, но и всех ревнителей православия печалить, а раскол радовать.

Целых 18 лет «Братское Слово» зорко и мужественно стояло на страже интересов православия в упорной борьбе отечественной миссии с вековым врагом нашей святой церкви, – сильным своей хитросплетённой ложью, численностью и материальными средствами. Раскол, по меткому выражению мудрого митрополита Филарета, вырос на деньгах и обмане.

«Братское Слово» было созданием, дорогим детищем двух мощных сил: учёного профессора-расколоведа и блестящего писателя Н.И. Субботина и его неизменного друга-сотрудника, самородного гения, великого и знатока раскола и редкого миссионера-практика – приснопамятного о. Павла Прусского. Вот почему «Братское Слово» одинаково многоценно обогащало и науку о расколе, и миссионерскую практику по обличению суемудрия многочисленных его толков.

Едва ли не вся история, так называемого, Белокриницкого священства, от его зарождения до последних дней, обязана своим появлением «Братскому Слову». Здесь сообщена была «Переписка» раскольничьих деятелей; здесь раскрыты были в «Воспоминаниях» и «Записках» все тайные пружины, движущие австрийщину в её мечтах о соединении всех старообрядцев;

здесь в «Летописях» раскола обнаруживались все тайные и наглые деяния раскольников всех толков и сект; здесь, далее, в рассказах об обращениях бывших раскольников сообщено было, чем волнуется, движется, крепнет и растёт или слабеет внутренняя жизнь раскола. Не удивительно поэтому, что воспроизводящий настоящую жизнь раскола, неизбежно должен был обращаться к «Братскому Слову», как единственному источнику необходимых для него сведений, как к своего рода «Летописи временных лет»... В свою очередь, и полемист против раскольниковых суемудрий, *по необходимости*, притекал к тому же источнику воды для него живой. Здесь, сначала в беседах самого приснопамятного о. архим. Павла, а затем его учеников и почитателей, изобличён в целых трактатах и отдельных статьях, в целой его системе и по отдельным вопросам раскол во всех его разветвлениях. Узнав из того же «Братского Слова» о появившейся, подпольно изданной, раскольниковей книжке, пастырь-миссионер спешил к тому же «Бр. Слову», чтобы найти в нём и изобличения на неё. И никогда в своих упованиях он не был посрамлён: всегда и в избытке обретал нужное ему и смело шел на борьбу, твёрдо веря в твёрдость и прочность приобретённого здесь им оружия. Вооружая пастырей-миссионеров, снабжая историко-научными данными всякого интересующегося расколом, «Братское Слово» подкрепляло неуверенного в первых шагах миссионерской деятельности, разгоняло тьму сомнений, у колеблющегося в истинах православия и забрасывало, а потом и возвращало в плод мног зерно разочарования относительно раскола во многих лучших последователях его. Сколько таковых насчитывается теперь по лицу Руси святой, кои всем своим обращением из мрака к свету обязаны «Бр. Слову!» Сколько и ещё оно могло бы привести во двор церкви, особенно, при современном развитии миссионерства и грамотности!.. Но смелый голос «Братского Слова» смолк на «Прощальном Слове» почтенного его редактора, проникнутом похоронной элегией, навевающей тяжёлые чувства и думы и на издателей духовной и тем более – специальной журналистики.

Так, в «Прощальном Слове» читаем, что «Бр. Слово» всегда имело крайне ограниченное число подписчиков (от 700–900 и только в один 1885 г., за все 18 лет, число подписчиков превысило 1000); что предмет, которому посвящено было издание, т. е. раскол, к удивлению и сожалению, доселе не пользуется подобающим вниманием ни интеллигентного общества, ни гг. учёных, *не исключая и большинства нашего учёного и особенно столичного духовенства*; ни одно из учёных и учебных светских средних и высших наших заведений и общественных библиотек не выписывало «Бр. Слова». Светские интеллигентные подписчики, а равно раскольники, также считались единицами. Подписчиками «Бр. Слова» были исключительно те смиренные пастыри, которые дело борьбы с расколом признают своим долгом, и всецело преданные православной церкви смиренномудрые простолюдины, которые хорошо знакомы с расколом и понимают всё зло его, скорбят, видя усиление этого зла, и радуются всему, что способствует его ослаблению.

Выражая затем своим читателям и ценителям признательность за постоянное, ободрявшее его, внимание и сочувствие, досточтимый редактор замолкшего ныне громкого и смелого органа против-раскольничьей миссии «от всего сердца желает этим труженикам на поприще борьбы с врагами церкви православной сохранить неизменной одушевляющую их преданность православию и неустанно и ревностно трудиться для него в борьбе с расколом»,

Ревнующие об успехах борьбы с расколом вопрошают с недоумением и тревогой (в своих письмах, опубликованных и в „Брат. Слове», и в поступающих в нашу редакцию): кто же будет преемником умолкшего против-раскольничьего «Братского Слова» и сошедших с своего боевого литературно-полемиического поста достославных борцов, – разумея почившего о. Павла и здравствующего маститого профессора расколоведа Н.И. Субботина? В видах пользы дела миссии, нужно от всей души желать, чтобы Господь воздвиг на смену свято свершившим свой подвиг – новых делателей, которые бы снова призвали „Брат. Слово» или ему подобный орган к той же

плодотворной жизнедеятельности на пользу миссии нашей Церкви. Область расколоведения и расколообличения так обширна и важна, что нельзя, без ущерба для дела, обойтись миссии без особого литературного органа. Но, к сожалению, скорбное заявление в прощальном слове редактора „Брат. Слова» о тех крайне тяжёлых материальных условиях, в которых находилось все 18 лет издание этого журнала, и печальная участь других начинаний с изданием противораскольничьих журналов (напр. «Истина»), едва ли не при самом появлении своём в свет погибавших в пучине того же безучастного отношения к противораскольничьему делу миссии со стороны пастырей Церкви и общества, – слабо окрыляют нас надеждой на то, чтобы при таких условиях теперь возгремело мощное слово печатного противораскольничьего органа. А между тем, ныне-то более, чем когда-либо, «время благопотребное» для усиленной работы всеми мерами, а прежде всего печатным оружием – над обличением раскола, всё сильнее и сильнее становящегося в положение „дерзающего“. По словам письма одного из иерархов – почитателей Н.И. Субботина: „настала година тьмы, раскол торжествует“. И действительно: разве тот новый курс, которым в последние два–три года повели свой утлый церковный корабль австрийские лже-иерархи – Швецов и Картушин – не есть вызывающее торжество раскола? А это учреждение новых лже-архиерейских кафедр, не исключая и столицы, умножение попов, открытые съезды в самом сердце Руси и свободные разъезды, торжественные служения лже-архиереев, открытая пропаганда со стороны известных распространителей раскола – учреждение раскольничьих братств, особых миссионеров, наконец, эта небывалая роскошь обстановки „великого господина“ Картушина! Прежде лже-иерархия раскольничья таилась, ползла по земле, а ныне она лезет вверх, как пышный пустоцвет в благоприятное лето, рассчитывая, при помощи денег раскольничьих богатеев, своим мишурным блеском отуманить глаза не только слепотствующей своей массе, но и близоруким из властей, печати и общества. А этот, наконец, тягостный, обидный для всех ревнителей православия

судебный процесс какого-то исправника с старцем профессором из-за пламенного обличения всем известных давних неправд! Ободрённая в своём издевательстве над одним редактором православного миссионерского органа, раскольничья разнузданность хочет также «проучить», и заставить молчать и других своих обличителей. Миссионерствующий в пределах Оренбургской паствы Швецова г. Мельников печатно возвестил в газете «Урал», что де он привлёк к суду и нас, как редактора „Миссионерского Обозрения“, за напечатанные у нас (буквально) три строки, показавшиеся неприятными пресловутому апологету раскола и бывшему редактору заграничного журнала, пасквильного „Слова Правды“⁷⁵. Так дерзновенен стал ныне торжествующий раскол. Можно ли при таких обстоятельствах молчать духовной печати и оставлять деятелей миссии без опеки и руководства со стороны специального органа, который должен объединять разрозненные наши миссионерские силы и ободрять изнемогающих в этой тяжёлой и все-усложняющейся борьбе! Иначе не возопиют ли камни!

«Миссионерское Обозрение» утверждено Св. Синодом, как *орган внутренней миссии*. Последняя, как известно, объемлет собой не одно только дело противосектантской борьбы, но и противораскольничьей. Так Редакция и понимала свою задачу с самого начала Издания нашего журнала, который, будучи главным образом, органом миссии противосектантской, в то же время отзывался и на все живые запросы дела современной борьбы с расколом.

В каждой книге журнала читателям давалось несколько статей по вопросам современного состояния раскола и по миссионерской полемике. Внимая голосу своих читателей, выражающих нам настойчивое желание, чтобы, в интересах самообразования духовенства и руководства его в борьбе не только с сектами, но и с лжеучением раскольников, (обитающих, в качестве, если не осёдлых жителей, то пришельцев – огородников, садовников и пр., едва ли не во всяком любом приходе православной Руси), «Миссион. Обозрение» не уклонялось от служения противораскольничьей миссии и

объединяло собой всю нашу *внутреннюю миссию*, – в последние два года издания Редакция наша стала уделять более значительное место для статей раскола, завела особый отдел хроники *Московского раскола*, как главного распорядительного центра в раскольничьем мире.

К сведению миссионеров и других ревнителей борьбы с расколом, считаем здесь не лишним заявить, что теперь, когда не стало специального противо-раскольничьего органа, «Миссионерское Обозрение» долгом считает стоять на страже интересов противо-раскольничьей миссии не менее зорко, чем как оно, с Божией помощью, в течении почти четырёх лет своего издания, служит противо-сектантской миссии. Конечно, Редакция берётся за восполнение недостающего ныне в деле борьбы с расколом без дерзновения заменить собой умолкшее «Братское Слово», но и не без упований на полезное и честное выполнение принимаемых на себя трудных обязанностей, в отношении раскольничьей миссии, так как Редакция располагает постоянным сотрудничеством и живым попечением об этом отделе журнала со стороны таких почтенных представителей науки расколоведения и миссии, как профессор Н. И. Ивановский, противо-раскольничьи миссионеры: М. П. Чельцов, священники: о. В. Прозоров, о. И. Полянский, о. К. Попов, о. Александров и др.

Да благословить же Бог наше сие благое намерение и да вспомоществуют нам своими молитвами и трудами пастыри и миряне, ревнующие об успехах борьбы с вековым врагами Св. нашей церкви!

В. С.

Скворцов В. и Дородницын А. Результаты последнего исследования штунды и ново-молоканских толков в Таврическом сектантстве. // Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 166–193

С начала 80-х годов нашего истекающего века, пропаганда штундизма широко захватила собой не только православное население Южной России, но и старое рационалистическое сектантство, как, напр., молоканство. Во всех известных центрах последнего, особенно же на Кавказе и в Таврической губернии, проповедь лжеучения штунды произвела сильное брожение духа в молоканской массе: везде произошли более или менее численные уклонения молокан в штундизм, который, в течение одного десятилетия, успел образовать в недрах старого молоканства свои самостоятельные религиозные общины; последние, увеличиваясь из года в год в своём числе и влиянии, ныне настолько давят и поглощают старое молоканство, что оно оказывается бессильным в борьбе со штундой, одряхлевшим и как бы отживающим своё существование.

Такое положение дел особенно рельефно обнаруживается в молоканских селениях. Бердянского уезда, Таврической губернии, где проживает до десяти тысяч молокан, поселившихся здесь ещё в начале нынешнего столетия. Таврическое молоканство издавна разделялось только на два толка: староуклеинцы или «сухопутные» молокане (т. е. отрицающие водное крещение), и «донцы» (последователи донского толка), признающие пять таинств, в том числе и водное крещение, и выработавшие особый богослужебный культ, многие чинопоследования которого заимствованы из православного требника. Несмотря на это разделение, жизнь Таврического молоканства всегда протекала мирно, так как оба старые толка не отличались и не занимались прозелитизмом. Но вот врывается сюда штунда в самой опасной своей фракции – *баптизма* и в недрах Таврического молоканства началась ожесточённая междоусобная борьба, которая в последние годы

чрезвычайно обострилась, так что представители молокан старых толков оказались вынужденными обратиться к посредству иерархии православной церкви, прося нового таврического архипастыря, доблестного миссионера Америки, преосвященного Николая, разобрать, в качестве третейского судьи, их взаимные распри и защитить старое молоканство от назойливого вторжения в их семьи проповедников штундизма, противостоять которым они более не в состоянии.

И, действительно, штундо-баптистическая миссия, благодаря данной ей немецкими инструкторами образцовой организации, выдвинула в таврические молоканские центры все свои лучшие силы: здесь с удивительным усердием и ловкостью трудились над сеянием штундового лжеучения люди всех сословий и всяких национальностей до еврейского включительно⁷⁶.

И нужно правду сказать: штундовая миссия имела здесь завидный и поучительный для православной миссии успех: во всех молоканских селениях совершено в баптистический толк за истекшие 20 лет со времени проникновения сюда штунды, в общем, душ до 3 т. и организованы прочные общины, которые давно приобрели значение распорядительных центров штундо-баптизма для всей русской штунды; здесь имеются комитет и касса миссионерские, устраиваются ежегодно конференции, отсюда вышли известные распространители штунды Иванов, Ф. Балихин, считающийся ныне у сектантов южных губерний чем-то в роде штундового епископа. Распространился здесь штундизм на счёт обоих старых толков молоканства и отчасти православия. Особенный же разгром штунда произвела в недрах старого донского толка: многие из него перешли прямо в баптизм, подавляющее же большинство последователей старого донского толка подпало столь сильному влиянию штунды в догме и культе, что, если не слилось совсем с штундой, *то и перестало быть старомолоканством*, а образовало из себя нечто новое, ещё мало исследованное нашей миссионерской наукой и практикой.

Последователей чистого стародонского толка осталось ныне не более сотни, между тем как ранее их были тысячи.

Одно время увлечение новым учением было так сильно среди представителей донского толка, что они, в параллель последователям баптизма, стали чуть ли не с гордостью именовать себя, и даже в официальных сношениях, «штундой»; так, напр., последователи ново-молоканства, реформированного в духе штунды, записывались в течение нескольких лет в волостных книгах.

Именем «штунда» называли ново-молокан и старые уклеинцы, и донцы, и сама *истая штунда* – баптисты.

Так обстояло дело до 1894 г., когда хвалёная штунда объявлена была Высочайше утверждённым мнением Комитета Министров особо-вредной сектой, с ограничением её в некоторых правах по отправлению общественного богослужения.

После издания этого закона, старое молоканство теперь стало зазирать ново-молокан и нападать на них, обличая их в принадлежности к опасной политической секте. Обвинение это усердно поддерживали и штундо-баптисты, желая отклонить от себя, в глазах массы и местной администрации, ограничительный закон 3 сентября 1894 года, а в заграничном своём органе «Беседа» русские штундо-баптисты выражали сожаление, как де неосновательно правительство такую безупречную секту, как *дето-крещенцы*, считает зловредной штундой.

Местная епархиальная миссия, организованная и начавшая действовать в Тавриде на десять лет позже штундовой, – только в 1897 году встретилась с ново-молоканским толком, который теперь уже именовал своих последователей «евангельскими христианами, последователями 2 донского молоканского толка».

На основании преобладания штундизма в учении, особенно же в культе нового 2 донского толка, епархиальная миссия признала ново-молоканство «штундой», что было утверждено и епархиальным начальством. Мнение последнего было представлено на усмотрение Казанского Миссионерского Съезда, который, на основании представленных ему результатов исследования епархиальной миссии, – в принципе

согласился с заключением таврического миссионерского комитета⁷⁷.

Необходимо заметить, что решение таврического миссионерского комитета и начальства имело в виду лишь теоретические задачи сектоведения: епархиальное начальство и миссия никогда не были инициаторами в деле распространения на штундистские общины из молокан ограничительного закона 1894 года, тем более, что и практически не осуществимо применение этого закона в многотысячных сектантских селениях, где притом сельские власти все из штундистских толков. Применение здесь закона 1894 г. могло бы оказаться лишь декретированием его и тормозом для православной миссии.

Но вот, осведомившись о признании штундой ново-молоканских толков сс. Астраханки и Ново-Васильевки, один из местных чинов полиции, по собственному усмотрению, решил применить закон 3 сентября 1894 года о штунде к Ново-Васильевской общине и запечатал моленный дом, который был построен на общественный счёт стародонским толком до его разделения и уже много лет не функционировал, вследствие образования ново-молоканства и происшедших раздоров между собственниками моленной – старыми донцами и ново-молоканами. Вместе с тем, от Ново-Васильевских последователей 2 донского толка была отобрана полицией подписка, как от штундистов, не устраивать собраний; между тем, соседние Астраханские ново-молокане невозбрано устраивали и устраивают такие же собрания в так называемом Захаровском молитвенном доме, куда с удобством ходят на богомоления и Ново-Васильевцы. Таким образом, административное ограничение последних по закону 3 сентября 1894 г. не достигало цели, а только раздражало своей односторонностью. Но нет худа без добра: все эти обстоятельства дали сильный толчок руководителям ново-молоканских толков и самой массе разобратся в своих новых увлечениях штундизмом и проверить свои новые воззрения и отношения, как к старому молоканству, так и к штунде, а равно и к евангельской истине. Полемика устная и письменная местных миссионеров с ново-

молоканскими представителями много осветила последним их заблуждения. Началась внутренняя работа мысли – самоосуждение и самоопределение – составлено было письменное символическое вероизложение.

Наблюдавшие ново-молокан три–четыре года назад и теперь говорят, что у них произошло заметное прозрение и очищение от крайностей штунды. Именоваться в письменных актах реформированное ново-молоканство настойчиво стало в эти последние годы не штундой, а «евангельскими христианами, последователями 2-го донского молоканского толка»

Процесс этот идёт в течении нескольких последних лет и продолжается доселе.

Между прочим, ново-молоканские представители подали возражения в разные административные и духовные учреждения, доказывая, что они неправильно признаны штундистами, тогда как другие толки в своих заявлениях – наоборот – настаивают, что-они-то и есть штунда настоящая и должны так именоваться в паспортах.

С этими-то своими претензиями, как замечено выше, ново-молокане и предстали перед новым Таврическим Преосвященным, который их выслушал с терпением и благостью, истребовал от всех толков их письменные вероизложения и в конце истекшего мая созвал миссионерский съезд, на который пригласил и представителей молокан для личного изложения съезду своих домогательств. Для руководственного участия в заседаниях Таврического съезда был командирован Обер-прокурором Св. Синода его чиновник особых поручений редактор нашего журнала, В. М. Скворцов.

Явившиеся на съезд представители старого (уклеинцы) молоканства и реформированного в духе штунды – в двух заседаниях излагали съезду особенности своего учения и культа сначала порознь по толкам, а затем совместно, взаимно обличая друг друга в заблуждениях... Однако, съезд признал сообщённые представителями молокан сведения недостаточными для окончательного решения вопроса о том, есть ли основание не признавать называющих себя последователями 2 донского толка «штундой», и постановил

выделить из себя миссионерскую комиссию, которая бы на месте ещё раз исследовала особенности тех и других толков и уже после того поставила бы своё решение по данному вопросу об отношении ново-молоканских толков к штунде и старому молоканству.

Комиссия эта,⁷⁸ по окончании заседаний съезда, прибыла в Бердянский уезд накануне Троицына дня и, в течении трёх дней, посетила в с. Астраханке и Ново-Васильевке молитвенные общественные собрания молокан всех толков, не исключая и штундо-баптистического.

По выслушивании молоканского богослужения, В.М. Скворцов, при участии своих спутников – А.Я. Дородницына, А.Л. Высотского и о. П. Тихвинского, обращался к молоканам с речами и беседами, которые выслушивались с живым интересом, вниманием и доверием к представителям православия и производили, видимо, глубокое впечатление на молоканскую массу и её представителей: члены комиссии везде оказались дорогими гостями молокан; все толки соревновали друг с другом в доказательстве своего усердия и чисто славянского радушие (за исключением, впрочем, штундо-баптизма). Старомолоканская моленная с. Астраханки во время речей огласилась плачем до глубины души растроганных стариков и женщин. Перед выездом членов комиссии, к В.М. Скворцову являлись вёрст за 40–50 депутации от молокан других селений, с приветствием и просьбой посетить и их моленные и не лишить их тех тёплых, слов назидания, о которых они слышали от своих единоверцев. Члены комиссии, уступая видимо искренней просьбе молокан, посещали частные дома их представителей, где велись непринуждённые беседы о предметах веры за чашкой чая или при угощении местными фруктами и яствами. Около дома местного священника, где квартировала комиссия, все три дня густая толпа молокан всех толков стояла с раннего утра и до глубокого вечера, обращаясь с разными заявлениями о своих духовных нуждах. Такое доверчивое общение молокан с представителями православия полагало прочное начало к

дальнейшему единению и уготовало путь к успешному деланию на сей ниве православной миссии.

В заключение своих действий, комиссия пригласила для дачи дополнительных показаний трёх главных представителей ново-молоканского толка (2 донского): попечителя моленной – известного богача-овцевода и землевладельца (гласного губернской гумы) З.Д. Захарова, пресвитеров М. Ячменева и Васильева, которые в течение нескольких часов подробно давали ответ о своём и своих единомышленников уповании на предлагавшиеся вопросы.

В начале августа месяца, миссионерская комиссия, вновь собралась, по благословению преосвященного Николая, для постановления окончательного решения. При этом, между прочим, было заслушано внесённое В. М. Скворцовым нижеследующее, заслуживающее особого внимания науки сектоведения, как имеющее принципиальное значение (и особенно по вопросу о штунде), мнение А. Я. Дородницына.

«За три дня нашего пребывания в сс. Астраханке и Ново-Васильевке – в этом крупном центре русского рационалистического сектантства, перед нами прошли картины высокого поднятия религиозного духа сектантов, по случаю священных дней праздника Сошествия Св. Духа на Апостолов. Момент этот для исследования русского сектантства был неизмеримо драгоценен: здесь сектантство показало, так сказать, свой духовный капитал. Всё, что было лучшего в сектантстве, в смысле знания сектантского богословия и церковного ораторства, явило себя здесь во всей полноте своих сил. Здесь мы могли слышать религиозные речи ораторов четырёх сектантских толков: уныло монотонные речи на славянском языке пресвитеров тамбовского и 1-го донского толков, искусственно вдохновенную речь пресвитера 2-го донского толка и, наконец, сухую безжизненную, произносимую по давно заученному шаблону, речь пресвитера штундистов (баптистов).

Наблюдая это кипение религиозного духа сектантов со стороны, – в качестве постороннего зрителя, не посвященного в тайны сектантских заблуждений, невольно задаёшь себе

вопрос: зачем им эти разделения на толки, когда, по-видимому, богослужение у всех у них так сходно. Посетите их молельни и вы встретите одну и ту же богослужебную обстановку, – тот же у стены против дверей стол, за которым восседают главари секты, те же по обеим сторонам скамьи, то же отделение мужчин на-право, а женщин на-лево, наконец, те же неизменно жёлтые платки на всех решительно женщинах... Но прислушайтесь к пению и чтению, вникните в содержание богослужения – и иллюзия тот-час исчезнет: на место того религиозного единства, о котором вы сейчас думали и в которое вы уже готовы были поверить, как в великую нравственную силу сектантства, выступает дух разобщения, разделения, затаённого антагонизма, глухой борьбы.., и чувство разочарования холодит ваше сердце.

В богослужении всех названных толков наблюдается три главных момента: чтение Евангелия с объяснением прочитанного, пение духовных стихов и молитва. У молокан тамбовского и 1-го донского толков в богослужении преобладает *стихия церковно-славянская*. Псалмы поются на славянском языке, произносимая пресвитером молитва есть умело объединённое единством мысли соединение отрывков разных священных псалмов Давида, также на славянском языке поются церковные песнопения: «Слава в вышних Богу» и др. Богослужение последователей 2-го донского толка более приближается к штундистскому. Как и у штундистов, богослужение их начинается пением духовного стихотворения: «Здесь мы, братия, собрались Богу нынче честь воздать» (Сборник духовных стихотворений № 277), за которым следует чтение и объяснение Нового Завета пресвитером и, наконец, сердечная молитва, произносимая пресвитером. Богослужение заканчивается молитвой за царя. Но при этом сходстве, даже в деталях, молитвенных собраний последователей 2-го донского толка с штундистским выступают две особенности, резко отличающие их друг от друга, – это отсутствие молитвенных импровизаций (со стороны молящихся) на молитвенных собраниях последователей 2-го донского толка и употребление ими молитвословий православной церкви. На молитвенных

собраниях штундистов, которые приходилось нам неоднократно видеть в Херсонской и Екатеринославской епархиях, приходится наблюдать, что, по окончании пения духовных стихотворений, кто-либо из присутствующих падает на колена и начинает вслух произносить молитвенную импровизацию, сопровождающуюся сначала вздохами, а под конец общим рыданием. Эти молитвенные импровизации у штундистов считаются непременно моментом богослужения, как доказательство пребывания в их среде дара пророчества (1Кор.13:2). Подобных молитвенных импровизаций на собраниях последователей 2-го донского толка мы не заметили.

Вторая упомянутая нами особенность, отличающая молитвенные собрания названных сектантов от штундистских, состоит в употреблении ими молитвословий православной церкви. Так, пресвитер 2-го донского толка, во время обряда «преломления хлеба», перед тем, как предложить его желающим причаститься, прочитал молитву православной церкви: «Верую, Господи, и исповедую». Когда в разговоре с главными руководителями 2-го донского толка, З. Захаровым и М. Ячменевым, было им указано на это обстоятельство, то они выразили упрек православной миссии, почему им не дали в своё время чего-либо из своих песнопений, и выразили желание иметь сборник песнопений православной церкви, который они с готовностью-де примут, вместо штундовых членов, в употребление при своих богослужениях. Одно уже это обстоятельство полагает некоторую грань между последователями 2-го донского толка и штундистами. Последние, как это известно каждому, кто имел случай беседовать с ними, гнушаются всем, что напоминает православную церковь, которую они сравнивают с вавилонской блудницей, храмы которой называют горами камней и проч. Возможно ли, чтобы штундисты, при таких своих воззрениях на православную церковь, позволили себе удержать что-либо из её церковных молитвословий? И, действительно, ни в богослужении, ни в обрядах, ни в религиозных воззрениях штундистов мы не видим заимствований из православной церкви: штунда порвала все связи с православием. Нельзя

пройти молчанием и того, по существу дела незначительного обстоятельства, которое однако свидетельствует, если не о тяготении последователей 2-го донского толка к православию, то по крайней мере, о присутствии в религиозно-обрядовой жизни их некоторой церковно-православной струи, свидетельствующей не о полной ещё утрате духа православной церковности. Мы разумеем сохранившийся у последователей 2-го донского толка обычай в Троицны дни украшать свои жилища и молитвенный дом зелёными ветвями, цветами и травой, – обычай, удержанный из церковно-обрядовой жизни православного народа.

Суммируя сказанное о богослужении последователей 2-го донского толка, мы приходим к следующему выводу: внешняя обстановка молитвенных собраний сих сектантов и порядок богослужения сходны, как с молоканскими, так и со штундистскими; в содержании же богослужения, которое весьма сходно с богослужением штундистов, есть элементы, удержанные из тамбовского толка, а также есть прямые заимствования от православной церкви. Всё это не даёт права признать, со стороны внешнего богослужения, последователей 2-го донского толка *сектой, вполне тождественной со штундистами.*

Обратимся к вероучению последователей 2-го донского толка. О нем мы достаточно познакомились из представленного комиссии сектантами письменного изложения их вероучения под заглавием: «Краткие правила веры христиан евангельского вероисповедания называемых молокан 2-го донского толка»⁷⁹, а также из неоднократных бесед с главарями сей секты об их вероучении. Вероучение последователей 2-го донского толка, как оно изложено в «кратких правилах», также во многом сходно с вероучением штундистов (баптистов). Это сходство простирается как на систематизацию самих истин вероучения, так и на внутреннее содержание их. В «кратких правилах» последователей 2-го донского толка мы находим то же расположение материала: те же заглавия, число их отделов, с теми же цитатами, что и в изложении вероучения косяковских штундистов (См. А. Ушинского «Вероучение малорусских

штундистов»), напр. «о Слове Божиим», «о грехе» и пр. Но при этом в «кратких правилах» мы находим и такие отделы, каких не встречали ни в одной редакции вероучения штундистов, напр. «О крещении младенцев», «Об омовении ног» и «О помазании больных елеем», что кладёт весьма заметную грань между вероучением последователей 2-го донского толка и таким же штундистов и не дает права исследователю признать вероучения сих сектантов тождественными.

Яснее эта разность в вероучении последователей 2-го донского толка и штундистов выступает при сравнении их со стороны содержания некоторых догматов того и другого вероучения. Не говоря уже о том, что учение о необходимости крещения младенцев является принципиальным противоречием вероучению штундистов, основной догмат которых заключается в оправдании *личной верой в искупительные заслуги Христа*, глубокое различие в вероучениях названных сектантов существует по двум весьма важным вопросам – вопросу о таинстве причащения и об оправдании. По учению штундистов, причащение имеет символическое значение: оно есть прямое воспоминание тайной вечери, причём хлеб остаётся хлебом и вино – вином (см. А. Ушинского «Вероучение малорусских штундистов», стр. 77–78). По учению о сём предмете последователей 2-го донского толка, как оно изложено в «кратких правилах» и как было изложено лично главными представителями сего толка – З. Захаровым и М. Ячменевым, причащение есть таинство, через которое *достойно верующие становятся общниками Тела и Крови Христа, пролитой на кресте*, т. е. причащаются действительного Тела и действительной Крови Христа, а не духовно только становятся участниками крестной смерти Христа, как учат штундисты. Очевидно, что здесь различие не в словах только, а в самом существе религиозных воззрений названных сектантов. Не менее глубокое различие между вероучением последователей 2-го донского толка и штундистами существует *по вопросу об оправдании*. По учению штундистов, человек оправдывается (получает прощение грехов, избавляется от ада и смерти, становится причастником вечной жизни) с того момента, как он

уверует в искупительные заслуги Иисуса Христа (см. А. Ушинского *ibid.*, стр. 46). О благодати, как средстве оправдания, у них нет ни слова. Учение последователей 2-го донского толка, на сколько мы узнаём его из письменного изложения его и как оно выяснено нам в продолжительной беседе с названными представителями сего толка, ничем не отличается от учения православной Церкви. Оправдание человека, по их учению, совершается «благодатью через веру» (см. «краткие правила» об оправдании). Из беседы с З. Захаровым и М. Ячменевым выяснилось, что, по их пониманию, оправдание человека наступает тогда, когда он, уверовав во Христа, в таинстве крещения получает благодать Св. Духа, очищающую его от грехов и возраждающую в новую св. жизнь. При этом М. Ячменев пояснил свою мысль следующим примером: он сравнил человечество с должником, которому, по ходатайству доброго человека, прощён долг; но для того, чтобы получить действительное прощение грехов (получить от заимодавца свой вексель), необходимо прийти к нему в чертоги. Дверь, вводящая в чертоги нашего Небесного Заимодавца, есть Св. Крещение; чрез неё каждый, кто желает прийти к Богу, должен пройти этой дверью.

Итак, и в догматике последователей 2-го донского толка мы находим то же соединение штундистских взглядов с учением старого донского толка и с истинами православной Церкви, с каким мы встречаемся при обозрении богослужения сих сектантов. Чем объяснить это смешение? Очевидно, что мысль составителей «Кратких правил» работала под влиянием двух противоположных религиозных стихий. Оторвавшись от старого молоканства (тамбовский толк), которое не удовлетворяло их ни своей догмой, ни своим нравственным учением, другими словами – не давало пищи ни уму, ни сердцу, «захаровцы», естественно, остановили своё внимание на штунде (баптизм), которая к этому времени успела уже произвести сильное брожение в среде молокан. С ней у них было много общих точек соприкосновения: отсутствие обрядности, отрицание почитания икон, креста, таинств и проч. Естественно было мысли главных руководителей движения пойти по давно знакомому пути, и она

этим путём, действительно, и пошла. Но, оставаясь на почве строгого религиозного рационализма, новое движение не могло не встретиться с теми противоречиями, какие представляло учение штундистов. Понятно также и то, почему именно в вопросе о крещении младенцев и таинстве причащения новое движение разошлось с штундой: в этих именно вопросах штунда изменила самой себе. Признавая единственным источником вероучения Библию, она отвергла ясную заповедь Иисуса Христа: «Если не будете есть плоти Сына Человеческого и пить Крови Его...» (Ин.6:53). Новому движению оставалось одно из двух: или изменить ясным заповедям Бога и слиться с штундистами, или же остаться верным избранному пути и образовать самостоятельную религиозную общину. Случилось последнее. Этим, по нашему мнению, объясняется и двойственность в вероучении и богослужении последователей 2-го донского толка. Здесь мы подошли к главному нашему вопросу: есть ли основание признать последователей 2-го донского толка штундистами, каковыми считают их представители местных сектантских толков (молокане и баптисты) и епархиальной миссии. На основании вышесказанного мы склоняемся к отрицательному ответу на этот вопрос. Существенное препятствие к признанию последователей 2-го донского толка штундистами мы встречаем в том различии, которое существует в догматических воззрениях этих двух сект?

Что такое штунда, рассматриваемая со стороны своего вероучения? Это учение, в основании которого лежит догмат об оправдании личной верой в искупительные заслуги Иисуса Христа, проведённый с строгой последовательностью через всю систему религиозных воззрений штундистов. Из этого главного догмата штундистов, как из центра, исходят все частные религиозные воззрения: их отрицание крещения младенцев, почитания и молитвенного призывания святых угодников и их мощей, молитв за умерших, св. таинств, как благодатных средств и проч. Штунда может дойти, как это мы видим на примере духовной штунды, до полного отрицания всех догматов и всего внешнего богопочитания, но основной догмат

об оправдании личной верой в искупительные заслуги Христа у неё останется неизменным. Обратного движения, т. е. перехода к признанию таинств, как благодатных средств, почитания святых и проч. в штунде не может быть, *и если бы это случилось, то она перестала бы быть штундой и примкнула бы к одной из старых протестантских сект.* Нам могут указать на протестантизм, как на противоречие нашим соображениям относительно штундизма, – протестантизм, где догмат об оправдании верой, в продолжении четырёх столетий, мирно уживается с признанием таинств, как благодатных средств, крещением младенцев и проч., – и на основании этого возразить, что догмат об оправдании верой не соединяется неизбежно с отрицанием таинств, почитания святых и вообще всего того, что отрицает штундизм. Возражение это однако нисколько не опровергает нашей точки зрения на штунду: протестантизм остался непоследовательным своему основному догмату, на что уже указывали ближайшие ученики Лютера – Шторк, Мюнстер, Карл-Штат и друг., перешедшие от оправдания верой к отрицанию крещения младенцев. Учение о таинствах, о необходимости крещения младенцев и проч. в протестантизме осталось не как прямое логическое последствие основного догмата об оправдании верой, а скорее, как насилие его, – насилие, к которому Лютер был вынужден прямым указанием евангельского текста. Штундисты пошли далее своих учителей: догмат об оправдании верой у них проведён во всей его строгости, и на этом пути уничтожено всё, что находилось в каком-либо противоречии с этим догматом. В этой *строгой последовательности, в этой, так сказать, исключительной преданности догмату об оправдании верой состоит отличительная особенность штунды, как религиозного учения.* Сущность вероучения штундистов может быть передана в следующих кратких словах: *Смертью Иисуса Христа на Голгофе искуплены грехи всех людей: кто верует в это, тот не имеет греха в себе: в нём действует Св. Дух. Он действует непосредственно, следовательно, церковь со своими таинствами – излишняя. Прещение запечатлевает вступление в общество святых (т. е. штундистов).*

Евхаристия полезна только, как воспоминание смерти Иисуса Христа и как благодарственная жертва за полученное спасение.

Посему полное определение штунды может быть дано такое: *штунда есть протестантская секта, в основе вероучения которой лежит догмат об оправдании личной верой, проведённый с большей последовательностью, чем в других протестантских сектах, через всю систему их религиозных воззрений.* Отсюда, как необходимое последствие, вытекает отрицание крещения младенцев, таинств, как благодатных средств, почитания и молитвенного призывания Божией Матери, Св. Угодников и Св. Икон, Креста, молитв за умерших и всех обрядов православной Церкви.

Сравнивая с этим определением то, что нам известно о вероучении последователей 2-го донского толка, мы встречаемся с существенным отличием его от штунды в признании необходимости крещения младенцев, в учении о таинстве причащения, как благодатного средства, помазании елеем больных и омовении ног. Если к этому присоединить вышеупомянутые особенности в богослужении последователей сего толка, отличающие его от богослужения штундистов, то отличие сих сектантов от штундистов выступает со всей ясностью и убедительностью.

К какой же сектантской группе должно отнести наших сектантов? По своему вероучению они ближе стоят к молоканам 1-го донского толка, чем к штундистам и к молоканам тамбовского толка: богослужение же их, как это мы видели, более приближается к штундистскому, которое имело на него весьма заметное влияние. В виду этого, мы склонны отнести наших сектантов к *группе молокан* и, так как они близко примыкают к молоканам 1-го донского толка, отличаются от последних в богослужении, справедливым представляется сохранить за ними прежнее название молокан 2-го донского толка. Но, если по чему-либо это название должно быть снято с них, то более соответствующим истинному положению дела будет название их: «*Ново-молокане*» «реформированное молоканство», как представителей позднейшего религиозного

движения в среде молокан. Название их *штундо-баптистами*, по нашему мнению, было бы несправедливостью, так как приближало бы их к штундистам, от которых разделяют их вероучение и богослужение в существенных своих частях, отличающиеся от вероучения и богослужения штундистов.

Практические соображения в пользу того или иного начинания теряют своё значение там, где истина ясно говорит сама за себя. Но если они содействуют более полному торжеству истины, то их не должно игнорировать. В рассматриваемом нами вопросе, практические соображения тяготеют к тому, что последователи 2-го донского толка *не должны быть признаны штундистами*. Признать наших сектантов штундистами – это значит, внести в сектантскую науку и в общественно-правительственный взгляд на штунду элемент, способный затемнить и то не совсем ясное представление об этой секте, какое существует у нашего общества и правительства. Понятие о штунде, вместо того, чтобы путём удаления из него признаков, свойственных другим сектантам, более и более специализироваться, признанием последователей 2-го донского толка штундистами будет так расширено, что в нём легко поместятся едва ли не все протестантские секты. В самом деле, если штундисты крестят детей; веруют в причащение действительных тела и крови Господа, совершают помазание больных, как это делают последователи 2-го донского толка, то что препятствует признать штундистами всех евангелико-лютеран? И не значит ли это прикрывать нашего врага, каким является штунда по отношению к православной Церкви и русской народности, лесом сбивчивых понятий, неопределённых представлений и этим давать ему возможность безнаказанно вредить нам?

Не скрывать его должно, а вынаруживать путём указания специфических его признаков? Наконец, не должно оставлять без внимания и того, как отнесутся к признанию их штундистами сами последователи 2-го донского толка – на самом деле они сольются с истинными штундистами (баптистами) – и это может случиться тем легче, что практические выгоды на стороне этого слияния: штундисты, на которых, в силу какого то рокового

недоразумения, распространён закон 1879 года о немецких баптистах, пользуются в настоящее время свободой вероисповедания: судьи отказываются преследовать их молитвенные собрания, на беседы миссионеров их не принуждают являться, так что закон 1894 года оказался стражем, которому нечего охранять. Естественно, что последователи 2-го донского толка, подпав под тяжесть сего закона, будут искать выхода из него, который они легко найдут в переходе в баптисты, т. е. совершится нечто совершенно противное интересам церкви и задачам миссии – *усиление нами самими нашего злейшего врага – штунды*.

И так, и теоретические, и практические соображения вынуждают нас с решительностью заявить, что последователи 2-го донского толка – *не штундисты*, и признавать их таковыми несправедливо и опасно в церковно-общественном отношении.

С точки зрения интересов внутренней миссии, сс. Астраханка, Ново-Васильевка и Шавкай должны составить предмет не епархиальной только, но и общероссийской миссии, и служить поприщем для деятельности лучших миссионерских сил. Названные сёла составляют центр рационалистического русского сектантства. Здесь сходятся сектантские нити со всей России; здесь происходят конференции главных сектантских деятелей, здесь вырабатываются планы и действия сектантских миссионеров, здесь устанавливается общесектантское мнение по поводу того или другого правительственного распоряжения и вообще явлений в сектантстве.

В виду этого, названные сёла должны быть предметом особенных забот со стороны духовной и светской властей. Первая, должна употреблять все зависящие от неё меры, чтобы направить по православному руслу волны возбуждённого религиозного духа сектантов.

Момент, переживаемый в настоящее время сектантством, важный, м. б., единственный в истории нашего сектантства. Оно хочет выйти из мрака своих заблуждений к свету. Нужно дать им сей свет, а для сего необходимо направить⁸⁰ туда лучшие наличные миссионерские силы, какими располагает наша внутренняя миссия».

Доказав правильность определения основного признака штунды и заявив о своём согласии с другими, приведёнными в записке г. Дородницына положениями, руководитель совещания миссионерской комиссии В. М. Скворцов, со своей стороны, представил следующие соображения в пользу того мнения, что ново-молоканство не составляет собой секты вполне тождественной со штундизмом.

1) У ново-молокан пресвитерианский институт имеет значение более устойчивое, чем у штундистов. Пресвитеры у ново-молокан – не сменяемые только уполномоченные на церковное служение обществу люди, как это у штунды, а в своём роде священные лица, которые исповедуют кающихся, напутствуют больных, чего, как известно, нет у штундистов.

2) Штундо-баптисты принимают ново-молокан через перекрещивание, следовательно, сами не считают последователей 2-го донского толка в церковном общении с собой и правочленными членами церкви.

3) На штундо-баптистических конференциях вопрос о допущении «детокрещенцев» к общению в чаше (к приобщению) дважды поднимался и решён был отрицательно; при этом нигде не видим представителей ново-молоканства в качестве полноправных членов известных штундистских конференций, и только раз на Ново-Васильевской конференции З. Захаров с несколькими единоверцами допущен был в заседания в качестве гостя.

На Владикавказской конференции 1885 г., на предложение штундо-баптистского проповедника Стоялова о том, как поступать с тем, кто самовольно, без ведома и согласия общины, принимает св. вечерю в общине, признающей крещение детей, (т. е. у ново-молокан), – решено было исключать таких членов из штундо-баптистского общества.

4) На предложение того же Стоялова, чтобы иметь общую конференцию с евангельскими общинами (т. е. детокрещенцами-ново-молоканами) та же конференция единогласно постановила: «что по причине *разности в учении* не может быть речи о совместной деятельности в деле миссии».

Отсюда ясно, что штундисты считают ново-молочан заблуждающимися и «свою церковь» отнюдь не отождествляют с ново-молочанскими общинами.

5) Важное значение для решения вопроса должно иметь отсутствие или, по крайней мере, недоказанность существования в учении и жизни ново-молочан тех социально-политических воззрений и поступков, какими характеризуется особая вредность штунды в известном циркуляре Министра Внутрен. Дел, от 3 сентября 1894 г. «Правила веры» ново-молочан также в этом отделе разнятся от учения штунды о государственных обязанностях, отличаясь полной, по-видимому, благонадёжностью.

6) Хотя ново-молочанство – секта более прозелитивная, чем старые молочанские толки, но в числе распространителей лжеучений среди православного населения губерний южных и центральных не встречается в истории ни одного известного разъездного проповедника из ново-молочан детокрещенцев, тогда как все известные насадители штунды и в прошлое время, и ныне принадлежат к штундо-баптизму.

7) «Краткие правила веры» последователей 2-го донского толка, по-видимому, есть произведение каких-либо нескольких главарей ново-молочанства, находившихся при составлении вероизложения под рабским влиянием катехизиса штунды, а потому правила эти едва ли можно считать вполне выражающими верования молочанской массы и её пресвитеров; личные наблюдения доказывают, что масса и лучшие её представители и учат, и веруют более консервативно и близко к стародонскому молочанскому учению, чем как гласят о верованиях ново-молочан правила. Нынешнее религиозное состояние этого толка представляет собой поворот от слепого увлечения штундизмом к более чистой истине, причём лучшие представители молочанства выказали знакомство с православным богословием и с противо-штундовыми полемическими статьями последних лет, которые не могли не оказать своего просветительного влияния на нынешние воззрения ново-молочанских вождей, в роде З. Захарова, М. Ячменева и др.

Преподаватель семинарии А. Л. Высотский, на основании тщательного разбора всех имевшихся в распоряжении комиссии данных для суждения о характере учения и культа последователей 2-го донского толка, представил обстоятельный свод признаков, характеризующих ново-молочанство, как штунду.

Комиссия, после всестороннего обсуждения в двух заседаниях всех обстоятельств дела, изложила свое заключение в следующем акте.

АКТ.

1899 года, августа 4 дня. Нижеподписавшиеся члены комиссии, во исполнение постановления таврического миссионерского епархиального съезда духовенства, от 4 июня, и последовавшей на протокол заседания оного Архипастырской резолюции его преосвященства, преосвященнейшего Николая, епископа таврического, от 6 июня, собравшись в заседание, под руководством В. М. Скворцова, под председательством ректора семинарии, протоиерея Василия Знаменского, занялись обсуждением вопросов: 1) об определении характера вероучения толков: второго донского в с. Ново-Васильевке и первого и второго донских (захаровского и сизовского) в с. Астраханке; 2) о возможности открытия молитвенного дома второго донского толка в с. Ново-Васильевке; 3) о возможности дозволить молоканам публичное пение на улицах при погребении покойников.

1) Приняв во внимание: а) «краткие правила веры, письменное изложение вероучения второго донского толка, представленное его преосвященству, преосвященнейшему епископу Николаю крестьянином с. Астраханки З. Захаровым; б) показания о вероучении означенных толков, данные сектантами на епархиальном миссионерском съезде, занесённые в протоколы заседаний оного (№ 1, 2, 7, 10); в) словесные заявления В. М. Скворцова, епархиального миссионера – священника Павла Тихвинского и преподавателя семинарии Алексея Высотского, а также письменно представленное на имя В. И. Скворцова мнение екатеринославского епархиального миссионера А. Дородницына, посетивших в июне месяце с. г. селения Ново-Васильевку и Астраханку, – по первому вопросу пришли к следующему заключению. Прежде, до 1880 года, вышепоименованные толки были молоканскими. Но с этого времени, под влиянием пропаганды пашковских и штундистских лжеучителей, начинается привнесение элементов штундистского вероучения и богослужебного культа, совершается процесс перерождения молоканства в штунду.

Этот процесс перерождения в штундизм и до настоящего времени нельзя считать совершенно законченным. Однако же, главнейшее, что характеризует в настоящее время как вероучение, так и особенно богослужебный культ этих толков, должно быть признано характера штундистского. Именно: основной принцип, характеризующий штундизм, есть учение об оправдании личной верой во Христа-Искупителя ради Его крестных страданий; проведённый с логической последовательностью в системе штундистского вероучения, этот принцип приводит к отрицанию таинств, как средств для получения благодати, к взгляду на добрые дела, лишь как на свидетельство веры и неперенный плод живого присоединения ко Христу, – к самообольщению вслед затем своей мнимой праведностью, в котором они почитают себя праведными, нравственно совершенными, постоянно выставляя напоказ эту свою праведность; к практике церковного отлучения явно согрешающих, к отрицанию молитв за умерших вследствие уверенности, что всякий уверовавший во Христа-Искупителя непременно будет спасён и принят Богом в число избранных, – к характерной особенности в богослужебном культе, выражающейся, в так назыв., самими сектантами сердечной молитве, т. е. молитвенных импровизациях. Все эти характерные особенности, отличающие штундизм, оказываются принадлежащими вероучению и служебному культу сектантов вышеозначенных толков, особенно если иметь в виду *представленное 3. Захаровым письменное изложение вероучения и показание о вероучении*, занесенные в протоколы. Но, с другой стороны, некоторые положения в их вероучении, особенно учение о крещении и преломлении хлеба, должны быть признаны не выражающими характера штундистского учения о тех же предметах, а, наоборот, более приближающимися к молоканскому учению. Имея в виду это и признавая посему, что процесс перерождения означенных толков из молоканства в штундизм ещё продолжается, толки эти для большей точности должно именовать *молокано-штундизмом*.

Что касается баптистских толков, существующих в с. Ново-Васильевке, Астраханке и Ново-Спасском, образовавшихся также через совращение в эти толки молокан, то их должно признавать *безусловно-штундистскими* (штундо-баптизм).

2) Молитвенный дом второго донского толка в с. Ново-Васильевке закрыт в 1896 году бердянским уездным исправником *по его личной инициативе, без предварительного сношения с епархиальным начальством*. Но впоследствии о сём было доведено до сведения епархиального начальства, а затем и до сведения г. Обер-Прокурора Св. Синода и г. Министра внутренних дел. На запрос г. обер-прокурора Св. Синода по сему делу, епархиальное начальство дало отзыв, что молитвенный дом второго донского толка в с. Ново-Васильевке был закрыт гражданской властью на основании закона 4 июля 1894 года, воспретившего штундистам общественные молитвенные собрания, что, и по заключению епархиального начальства, толк этот должен быть признан штундистским. Признавая легально правильным и возможным применение сего закона к молитвенным домам штундистских толков в с. Ново-Васильевке, Астраханке и Ново-Спасском, епархиальное начальство, однако ж, не настаивало на необходимости применения сего закона в этой местности, в виду многочисленности сектантов и их изолированного положения среди православного населения. Означенный молитвенный дом построен на общественный счёт сектантов, принадлежавших к молоканскому донскому толку прежде разделения его на нынешние 1-й (оставшийся чистым молоканским) и 2-й (ставший молокано-штундистским) толки. Посему претензию на владение домом и ходатайство об открытии его возбуждают и сектанты 1-го донского толка во главе с пресвитером о. Лысыковым. Приняв во внимание вышеизложенное, комиссия полагала бы возможным открытие означенного молитвенного дома, в виду наиболее того соображения, что молитвенные дома других толков, не только молокано-штундистских, каковы, т. наз., сахаровский и сизовский молитвенные дома в с. Астраханке, но и чисто штундистских, каковы молитвенные дома баптистских толков в с. Ново-Васильевке, Астраханке и Ново-Спасском,

остаются незакрытыми; но вчинание сего дела и решение вопроса, для какого именно толка – 1-го донского (молоканского) или 2-го донского (молокано-штундистского), по праву собственности, или для обоих вместе, как построенный на общественный счёт – должен быть открыт сей дом, может принадлежать лишь гражданской власти, которой принадлежала и инициатива закрытия сего дома.

3) В виду закона 3 сентября 1883 года, воспрещающего раскольникам и сектантам публичное пение на улицах и площадях, как публичное оказательство расколо-сектантства, просьба молокан тамбовского и Владимирского толков о разрешении им такового пения при погребении покойников легально не может быть удовлетворена, хотя вообще, в видах ослабления совершающегося перерождения молоканских толков в штундизм, было бы целесообразным, если бы старо-молоканским толкам были предоставлены некоторые преимущества перед штундистскими в отношении религиозных прав. При обсуждении сего вопроса, В. М. Скворцовым было заявлено следующее мнение: «хотя означенная просьба молокан не может быть удовлетворена в легальном порядке, но, принимая во внимание, что погребение покойников с пением на улице практиковалось у таврических молокан всегда до последних годов невозбранно, что молоканские селения и кладбища находятся вдали от жительства православных и потому от такого пения не может произойти соблазна и оказательства раскола, которое имеет в виду закон, возбраняющий пение при совершении погребальных своих процессий, а также имея в виду в интересах миссии оказать поддержку старым молоканским толкам в их борьбе с вреднейшими фракциями сектантства, поглощающими ныне старое молоканство, – представлялось бы соответственным допустить временно, в виде особого исключения, снисхождение старым молоканам, *разъяснив это приходским священникам и предложив им, чтобы они, в случаях возможного нарушения со стороны молокан закона, воспрещающего публичное пение на улицах при погребении покойников, с своей стороны, не настаивали перед гражданской властью на составлении*

протоколов для вчинания дел о привлечении к ответственности виновных». К этому мнению В. М. Сковрцова присоединился и преподаватель семинарии Алексей Высотский. Означенное мнение постановлено представить на благоусмотрение его преосвященства. Акт сей постановили представить его преосвященству, преосвященнейшему Николаю, епископу таврическому и симферопольскому.

Председатель комиссии протоиерей Василий Знаменский, кафедральный протоиерей А. Назаревский, статский советник В. Сковрцов, епархиальный миссионер священ. П. Тихвинский, преподаватель семинарии А. Высотский.

* * *

На этом акте, 12 августа 1899 года за № 4817. преосвященный Николай, епископ Таврический, положил такую революцию:

1) «Акт сей напечатать в виде приложения к протоколам и журналам Миссионерского Съезда. Мне кажется, что молокан с *тенденциями штундистскими*, хотя и не всецело *штундистов*, – следовало бы, в отличие от чистых молокан, наименовать «ново-молоканами», а все прочие толки «старо-молоканами»: тогда не будет никакой путаницы в представлении разных мелких отличий в разных толках. Для такого или иного суждения об этом деле всех интересующихся делом сектантов⁸¹ следовало бы напечатать «изложение веры» Захарова, представленное мне от имени его общины и переданное мной в консисторию, кажется, для рассмотрения;

2) Что касается вопроса об открытии молитвенных домов, закрытых гражданской властью, то это дело предоставить гражданской власти, сообщив ей к сведению соображения комиссии по сему вопросу;

3) Разрешить же публичное исполнение обрядов сектантам старо-молоканской секты, в виду положительного закона – я своей властью не могу, хотя лично и не сочувствую всякому стеснению в деле веры: закон может отменять только законодатель. Посему, в сём случае надобно возбудить ходатайство через г. Обер-Прокурора Св. Синода – перед кем следует, если не о всецелом отмене сего закона, то, по крайней

мере, – об ослаблении силы его и приложении к сему частному случаю. В сих целях предложить чиновнику особых поручений г. Скворцову, как представителю Обер-Прокурорской власти на нашем съезде, – войти с ходатайством к г. Обер-Прокурору по предмету о его постановления.

В. Скворцов и А. Дородницын

Кальнев М. Православный миссионер на радении у хлыстов // Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 193–204

«Не участвуйте в бесплодных делах тьмы, ибо о том, что они делают тайно, стыдно и говорить» (Еф.5:11–12).

I.

Православный миссионер на сектантов должен смотреть, как на людей больных, страдающих духовным недугом религиозного заблуждения; оказать посильную помощь этим немощным братьям о Господе, спасти их от духовной смерти – должно составлять для него святой долг, истинную радость и великое утешение. По ведь врач может оказать существенную помощь больному только в том случае, если первому известна как болезнь пациента, так и причины её. Как, напр., лечить больного заразительной болезнью, которую он всеми средствами скрывает от врача, и от всех окружающих его близких? А потому, как будешь врачевать духовную болезнь заблудшего сектанта, когда он старается всеми ухищрениями ума скрыть её, всеми способами обмана уверяет всех и каждого в отсутствии у него этой болезни? Необходимо каким бы то ни было образом уличить и убедить больного в обмане, обнаружив его болезнь перед ним самим и перед всеми его окружающими. В особенности это необходимо в том случае, если больной отрицает свою болезнь по незнанию её или потому, что ошибочно не придаёт ей большего значения, не ведая о страшных губительных её последствиях; это необходимо как для спасения больного, так и для предупреждения опасного заражения здоровых. *В этом и состояла главная цель моего посещения радения хлыстов.*

Восьмой год я тружусь на миссионерском поприще; за это время пришлось иметь дело с сектантством самых разнообразных видов. Много приходилось мне встречать препятствий со стороны сектантов в достижении миссионерских среди них целей, но не было для меня нигде большего затруднения в деле миссии, как при ведении бесед с последователями хлыстовщины, всегда и везде, вопреки самым очевидным фактам, нагло отрицающими свою несомненную принадлежность к этой гнусной секте. Миссионер с широким опытом может изучить в совершенстве, подобно другим сектам, и секту хлыстов. Для опытного миссионера довольно одного

взгляда на наружность хлыста, довольно иногда услышать одну, быть может, вскользь брошенную им фразу, чтобы узнать его среди многочисленной толпы: но вызвать сектанта на откровенность, завязать с ним правильную борьбу по вопросам его вероучения, заставить его «дать ответ об уповании его звания», вам никогда не удастся не только во время публичной беседы, но и частной, которую вы ведёте с ним наедине, как говорится, с глазу-на-глаз. Да это не удивительно, если взять во внимание, что лицемерие, скрытность и ложь возведены в догмат хлыстовской веры ещё основателем её Даниилом Филипповым, давшим своим последователям 12 заповедей, из которых 10-я гласит следующее: «сии заповеди содержите в тайне, ни отцу, ни матери не объявляйте, кнутом будут бить и огнём жечь – терпите. Кто вытерпит, тот будет верный, получит царство небесное, а на земле духовную радость». Эту заповедь Даниила Филиппова хлысты стараются выполнить всеми зависящими от них средствами, не зная или отвергая слова Христа Спасителя, сказавшего: «нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, что не было бы узно» (Мф.10:26).

Поступающий в секту хлыстов, после долгих мытарств и испытаний, как известно, даёт торжественную клятву хранить глубокую тайну их учения и культа. Вот, напр., обещания, какие даются хлыстами Херсонской губернии при их принятии в корабль. Нижеприводимая формула обещаний сообщена бывшим лжепророком местных хлыстов Аф. Недобоем, недавно возвратившимся от губельного хлыстовского заблуждения к спасительной истине веры православной.

I. «Заручаюсь, Господи, и обещаюсь пред Спасителем, святым крестом и пред святою Его евангелиею *сию тайну нести до конца*.

II. 1) «Заручаюсь, Господи, и обещаюсь пред евангелистом Матфеем.

2) Заручаюсь, Господи, и обещаюсь пред евангелистом Марком.

3) Заручаюсь, Господи, и обещаюсь пред евангелистом Лукой.

4) Заручаюсь, Господи, и обещаюсь пред евангелистом Иоанном.

5) Заручаюсь, Господи, и обещаюсь пред Николаем Чудотворцем.

6) Заручаюсь, Господи, и обещаюсь пред святым Кузьмою и Демьяном.

7) Заручаюсь, Господи, и обещаюсь пред святым истилителем Пантелеймоном.

8) Заручаюсь, Господи, и обещаюсь пред усеми святыми и угодниками Божиими.

9) Заручаюсь, Господи, и обещаюсь пред братьями и сестрами *сию жизнь донести до конца*.

III. Заручаюсь, Господи, и обещаюсь пред горами и холмами, перед рыбами и морями *сию тайну не заповедывать ни попу, ни дьяку, ни самому царю, ни отцу, ни матери, никому изближающих*.

IV. Заручаюсь, Господи, и обещаюсь, чтобы мне по свадьбам, по крестинам, по родинам не ходить, вина и сикеры не пить.

V. Заручаюсь, Господи, и обещаюсь, чтобы мне перенести скорби и голод и тяготу, – все нужды».

В силу этой клятвы, хлысты, как во время пребывания в секте, так, и в большинстве случаев, и по оставлении её, ни одним словом не проговорятся о том, что творится на их тайных собраниях, так называемых, «радениях» – и ни за что не укажут на лиц, принадлежащих к их секте.

Обличаемые целым приходом в принадлежности к хлыстовщине, её последователи на миссионерских беседах с ними твердят одно, – что православные лгут на них за то якобы, что сектанты с ними не пьют, не курят, не безобразничают на улице и т. п. В виду всего этого, миссионеры и священники, во время бесед с хлыстами, ставятся последними в самое странное положение, – в положение строгих обличителей без каких бы то ни было явных улик. Если, напр., миссионер обличает хлыстов за их безумные пляски, бессмысленные пророчества и т. д., сектанты сразу обезоруживают его простым, но сильным возражением: «да вы, г. миссионер, или кто-либо из

вашей поповской братии, сами-то видели когда-нибудь хлыстовские пляски, слышали когда-либо пророчества хлыстов или вы говорите это понаслышке, со слов других»? Миссионер в подобном случае ссылается на голос народа, но тогда обвинителями сектантов почти всегда являются люди, сами не бывшие на радениях хлыстовских, а знающие о них только по глухой молве и по частным рассказам тех простых людей, которые сами, быть может, и были в секте, но, в силу данной клятвы и по житейским соображениям, ни за что не решатся открыто выдать её последователей, а если бы и хотели открыть тайны хлыстовства, не могут ни воспроизвести фактов и явлений из этой тёмной области верований и культа хлыстовства, ни осветить должным образом. Да и в самой нашей литературе почти нет показаний и свидетельств о тайнах хлыстовских радений от таких очевидцев и наблюдателей, которые бы сами непосредственно наблюдали радения в качестве стороннего исследователя. Таким образом, авторитет миссионера и желательное влияние его беседы на сектантов и православных во многом теряют своё значение и силу убедительности.

По крайней мере, я лично всегда испытывал самое неприятное положение во время подобных возражений хлыстов, почему давным-давно, ещё во время службы на Кавказе, решил сделать непосредственное самоличное исследование радений хлыстовских, тем более, что мне, как человеку светскому, не представлялось непреодолимых в этом случае препятствий. Ещё в 1893 г. мне представлялся случай осуществить своё желание: проводить меня в собрание хлыстов обещал читателям «Мис. Обозр.» Алёша Щетинин, но все, знавшие его, советовали мне не доверять этому человеку, способному на всё, и я решил отказаться от довольно рискованного предприятия. Но вот, в 1897 г., уже в Херсонской губ., мне посчастливилось осуществить своё желание и видеть лично культ хлыстовских радений. Считаю необходимым ещё раз заметить, что главная цель посещения радения хлыстов – была проверка существующих в литературе данных о хлыстовстве и желание наглядно доказать нашим хлыстам, моим пациентам,

что никакого озарения св. Духом у сектантов во время их радений не бывает и быть не может, и что хлыстовские вожаки – не пророки, а лже-пророки и обманщики, коль скоро не видят, что в их собрании находится православный миссионер, не прозревают и цели его посещения. Я наметил для своего исследования корабль николаевских хлыстов, так как г. Николаев служит центром и рассадником хлыстовщины не только для всей Херсонской губернии, но и для ближайших южнорусских очагов этой гнусной секты.

II.

В 15 верстах от г. Вознесенска, Херсонской губ., есть давно уже заражённое хлыстами село Арнаутовка. В 1896 г., я впервые посетил это село и открыл ряд бесед с местными сектантами. При посредстве священника и земского учителя, я познакомился со всей закулисной стороной жизни и пропагаторской деятельности здешних хлыстов, среди которых, как оказалось, пошли было какие-то разногласия из-за первенства вожаков. Мои беседы встречены были сектантами в высшей степени недружелюбно; сильно обижались они, что я напрасно-де называю их хлыстами, веря в этом случае одним лишь отзываю о них со стороны православных. «Не пьём, не курим, не крадём, твердили сектанты, вот мы и хлысты. Не мы хлысты, а те, что водку хлещут, их убеждайте, а не нас; мы все православные христиане; что вы нас обижаете, называя какими-то хлыстами!» Но беседы всё-таки оказали своё благотворное действие на людей, бывших в секте, но колебавшихся оставить её открыто из опасения обычной в подобных случаях мести со стороны своих единоверцев. Спустя некоторое время, несколько душ более благоразумных хлыстов оставили секту, публично заявив об этом священнику; в числе их были Аф. Недобой⁸² и Мф. Черноусан, исполнявшие некоторое время обязанности старших братьев и пророков в корабле местных хлыстов.

Когда, в ноябре 1897 г., я посетил вторично Арнаутовку и выразил желание посетить моления сектантов с научно-миссионерскою целью, Черноусан и Недобой предложили свои услуги проводить меня в собрание хлыстов г. Николаева, где я ни разу ещё не вёл бесед и где поэтому меня хлысты вовсе не знали, и где не могло быть ещё известным их воссоединение с православной церковью. Я решил воспользоваться столь удобным случаем и назначил для посещения богослужения хлыстов 7 декабря, причём, за неделю до этого, Недобой должен был побывать в корабле Степана Баканова, также не знавшего о присоединении к православию Недобоя, и испросить

его соизволения привести в означенный день к ним на радение нового брата. Конечно, кормщик «радостно соизволил»...

6 декабря, утром, чуть-свет, с Недобоем и Черноусаном мы выехали из Арнаутовки в Николаев, куда прибыли только к вечеру и остановились в каком-то «заезжем дворе». Нужно заметить, что, занявшись всесторонним изучением литературы о хлыстовстве, я всю осень истекшего года самым тщательным образом исследовал все обычаи хлыстов, не без труда заучил наизусть довольно много напевов и слов их бессмысленных песен, познакомился с формулами хлыстовских приветствий и т. п. Чтобы проверить теоретические сведения через опыты и наблюдения, я, перед поездкой в г. Николаев, попросил возвратившихся в православие показать на практике в школе, в присутствии избранной публики, все виды хлыстовских кружений. Таким образом, и с обрядовой стороной хлыстовщины я знаком был достаточно и мог поэтому явиться на радение хлыстов смело и до некоторой степени сведущим относительно их порядков, что имело для меня значение немаловажное.

Переночевав вместе со спутниками моими в каком-то «меблированном номере», я решил отправиться в моленную Баканова в 7 часов утра, так как радение у него должно было начаться часов в 8 утра. Обыкновенно хлысты устраивают радения ночью, но здесь, в Николаеве, вследствие усиления надзора над хлыстами, последние решили собираться на радения днём, преимущественно в то время, когда в храмах совершается богослужение, когда, след., меньше возможности следить за хлыстами полиции, духовенству и народу.

Когда настало время отправляться в собрание хлыстов, мои спутники трусили: Черноусан совсем отказался идти, а Недобой стал выражать опасение, как бы хлысты, узнав, кто я, не причинили мне каких-либо неприятностей или насилия. Но я, помолившись Господу Богу, с верой в Его святую помощь и защиту мне в деде, которое предпринимаю для пользы вразумления несчастных заблудивших братий, настоял на своём, и мы вдвоём с Недобоем отправились сперва по конке, а потом пешими в предместье города, на так называемые,

«Водопойные хутора», – главное место жительства николаевских хлыстов и вожаков их кораблей.

Довольно долго шли мы среди глухих улиц, пока не приблизились к дому Баканова. Нельзя было не заметить, как небольшие группы мужчин и женщин, озираясь по сторонам и неся под мышками какие-то узелки⁸³, спешили все к одним воротам и быстро через заветную калитку скрывались во двор. Скоро и мы, осенив себя крестным знаменем, вошли туда же. Во дворе два флигеля; в одном из них, стоящем подальше от улицы, несколько входов: в этом-то флигеле и совершаются радения бакановского корабля. Минувя первые наружные двери дома, Недобой завернул за угол его и вошёл в сени чёрным ходом; я не отставал от Недобоя. Здесь в сенях мы сбросили свои тулупы и вошли во вторые, совершенно тёмные сени; в них было двое дверей: одни – направо, вели в «собор», другие – налево, – в сборную, куда мы и вошли. Это небольшая, продолговатая комната; стол и скамьи – всё её убранство. На большой вешалке я заметил несколько штук белых длинных рубах и несколько пар носков, – это запас для тех посетителей, которые почему-либо являются без «белых риз» или в портянках, а, равным образом, и для гостей, случайно прибывших на радение без указанных необходимых вещей.

Войдя в комнату, мы застали в ней всего 4 души – двух хлыстов и двух хлыстовок,

– Мир дому сему и живущему в нём со Отцем и Сыном, и Св. Духом, приветствовал сектантов Недобой.

– С миром принимаем, ответили ему.

– Простите, Христа ради, родимые братья и сестры, продолжал Недобой, делая каждому земной поклон.

– Бог простит, отвечали сектанты.

Я просто раскланялся, и мы уселись на скамьях в ожидании прибытия остальных «братьев». Действительно, очень скоро один за другим стали входить сектанты, преимущественно мужчины. К своим приветствиям большинство из них присоединяли земной поклон и целование; мужчины целовались с мужчинами, женщины – с женщинами.

Уже собралось хлыстов душ 10, но все сидели чинно, соблюдая полнейшую тишину; по временам они рассматривали меня, как нового для них человека, я же, положив на подоконник свой узел с «белой ризой», подаренной мне Черноусаном, стал самым внимательным образом, хотя и не без некоторого смущения, наблюдать, что дальше будет.

Довольно продолжительное молчание собравшихся хлыстов нарушено было вопросом хлыстовки Аксюши: «правда ли, родимые, что Федосей с ума сошёл? Говорят, что недавно он надел на себя юбку и платок; да так и явился в церковь, но оттуда его вывели, по приказанию попа, и отправили в Херсон в больницу!

– Теперь мирские (православные), кого угодно, сделают сумасшедшим, лишь бы поп приказал, пояснил кто-то.

– А ихние попы разве не надевают на себя тряпки в церкви, что ризами зовут, вмешался в разговор молодой хлыст, о котором речь будет впереди? Самим можно, а другим нельзя!

– Им всё можно, а чуть что не по-ихнему, сейчас гонят.

– Слыхали, обратился к Недобой первый хлыст, будто и у вас в Арнаутовке пошли гонения?

– Гонят, родимые, гонят, незаметно улыбаясь мне, ответил Недобой. Поп срамит постоянно в церкви, стали миссионеры наезжать и не давать покоя. Гонят и у нас!

– Гонят теперь везде, закончил первый хлыст. После этого снова воцарилось молчание: ждали «родимого».

После довольно значительного промежутка времени, прервал молчание старший пророк Баканова – Василий Блаженный. Это худой, измождённый, хотя ещё далеко не старый человек; его истомлённое лицо, с каким-то страдальческим выражением, невольно вызывает чувство сожаления к нему.

– Что так медленно собираются?

– Вчера (6-го декабря) поработали много, приморились, видно, ответил кто-то.

– Уж и много, возразил Василий! Если бы на какое иное дело, не приморились бы, а для божьего уже и сил нету...

Опять в комнате воцарилась тишина.

– Что же сидеть без дела, заметил Василий, пропойём пока что-нибудь.

– Начинайте же вы, братец!

Василий начал известную хлыстовскую песню:

«Уж как по морю,
Морю синему,
Морю синему,
По житейскому
Все подхватили дальше:
Там плывет, братцы,
Пребольшой корабль
О двенадцати
Только (тонких?) парусах.
То ж не паруса,
То святой свет дух» и т. д.

Эту песню хлысты пели как-то вяло, сдержанно; вторая пошла у них оживлённее, веселей. Думали начав третью, но кто-то сказал: «довольно, идёт»! – и всё мигом стихло. Через минуту отворилась дверь и на пороге показался вожак корабля Степан Егорович Баканов.

Это – старик глубоких лет, низкого роста, но коренастый, ещё крепкий, с окладистой бородой, симпатичным русским лицом. Он одет был в длинную, цветную, русскую рубаху, перехваченную узким пояском. Движения его несколько нервны и резки, обличавшие в нём главаря собравшихся сектантов, которые, видно, привыкли не только слушать его, но и повиноваться.

– Мир беседашке вашей, родимые детушки, обратился Баканов к собранию. Что, попели немножко Господу?

– Да, родимый, поджидая вас, немного пели, ответил за всех Василий.

– Доброе дело.

В дверях показалась за Бакановым целая группа хлыстов. Все стали подходить к старику и кланяться в землю со словами: «мир дому сему и живущему в нём со Отцом и Сыном, и Св. Духом. Простите, Христа ради, родимый»! Баканов каждому отвечал таким же поклоном и словами: «Бог простит», после

чего с каждым целовался. Увидя меня, он прямо подошёл ко мне и поцеловался.

– Что, на беседушку пришли к нам – спросил меня Баканов?

– Да. Степан Егорович, меня к вам привёл Афанасий Недобой.

– А, здравствуй, здравствуй, милый! – обратился Баканов к Недобой; что, как там у вас братья? Слышно многие поотпали?

– Да. Мы только что об этом говорили, родимый! Что же, гонят нас.

– Сами виноваты, что кладёте себе ярмо на шею; теперь особенно нужно всем быть осторожными. Вот и я с вами сегодня поработать не могу, будете без меня трудиться.

– А что же такое случилось? – встревожились хлысты.

– Ничего особенного, а только нужно идти на беседу к Зубову⁸⁴. Беседа, кажется, будет со штундистами, но околадочный велел, чтобы непременно был и я, даже повестку оставил.

– Да вы, родимый, не ходите, заговорило сразу несколько голосов.

– Разве сказать, что поздно повестку получил?

– Конечно, можно сказать. Не ходите!

– Нет, лучше идите, заговорили другие, а то придут опять вас звать, да и нас застанут.

– Чего там идти, мало чего Зубов не захочет, настаивали первые.

– Не нужно. Хочет беседовать, пусть сюда придёт, я ему покажу беседу! вот здесь я ему всё вычитаю, пусть только придёт!.. горячился хлыст Кирилл, ударяя по имевшемуся в его руках, кажется, требнику или служебнику, хорошо не заметил; я ему покажу покаяние!..

– Да что толку, что вы ему покажете, только работе помешает; а сегодня братии будет много.

Действительно, в это время, то в одни, то в другие двери, словно мыши из нор, стали показываться хлысты и хлыстовки.

– Ох-хо-хо, времена, слышалось!

– Нет, уж лучше я пойду – решил Баканов. Беседовать всё равно не буду. А если станет называть меня молоканином⁸⁵, я ему скажу то, что и полиции говорю, что – я старовер беспоповец; староверов пока у нас не трогают, – он и отвяжется.

– Да ведь беседа, родимый, ещё не скоро, чего же вам спешить?

– Ну, так и быть, я вам начну, а вы уж без меня потрудитесь Господу, вместо же меня станет Василий.

М. Кальнев

(Продолжение следует).

**Зубарев Е., свящ. Можно ли признать
старообрядческую австрийскую Иерархию
законной? // Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С.
204–212**

«У меня есть знакомый из интеллигентных, – писал один священник настоятелю Никольского единоверческого монастыря – о. архимандриту Павлу, от 11-го февраля 1893 года, – кончивший курс в университете, очень религиозный и убеждённый православный христианин – некто С. П. К-ъ. Он общается (?) с раскольниками и выступает в качестве защитника австрийской иерархии и окружников – с точки зрения Православной церкви, устанавливая свой взгляд по истории церкви и о церковном законодательстве⁸⁶. «Истинность Швецова», по его мнению, не опровергнута канонически. История Белокриницкой иерархии проф. Субботина, по его мнению, не доказала, что Белокриницкое священство – безблагодатное священство. Брошюра о. игумена Парфения лишь только самая слабая попытка обличить австрийскую иерархию в самозванстве. В ваших сочинениях, по его мнению, вопрос решается односторонне. Толкуем с ним давно. Остановились на разногласии между собой. Я с ним не могу согласиться, а он со мной, указывая мне, что я не представляю ему данных. Зная вашу ревность о церкви Божией, с которой написаны ваши сочинения, я осмеливаюсь просить у вас помощи.»

«Вынужденное по материальным побуждениям бегство митрополита Амвросия из Константинополя и вынужденное отречение его от Греко-российской церкви в Белой Кринице я ставлю в совершившийся факт полного отречения от церкви и посему в факт полного пресечения благодатных даров хиротонии, подтверждая своё мнение нарушением со стороны митрополита Амвросия апостольских правил и правил вселенских соборов, касающихся зависимости епископа от собора епископов. Даже указываю, что нет и надобности применять к предательскому поступку Амвросия какие бы то ни

было каноны церковные, чтобы судить его, потому что каноны церковные в данном случае могут быть применимы только на почве Евангельской нравственности о пастырстве, т. е. если бы Амвросий с покаянием возвратился к послушанию церкви. Амвросий митрополит вошёл не дверьми во двор овчий, а как прослушавший церковь. Он должен быть, по слову Господа: яко язычник и мытарь, т. е. свободный от суда церкви.»

«А собеседник мой С. П. К-ъ, соглашаясь со мной лишь отчасти, выставляет мне на вид следующие обстоятельства. 1. Отречение митрополита Амвросия от православия следует объяснять недостатком мужества пастырского, а не убеждением веры, (т. е. в истине старообрядчества) что, при облегчающих вину обстоятельствах, в каких находился митрополит Амвросий, должно быть принято во внимание и, по примеру бывавших в истории церкви случаев, он может быть оправдан, тем более, что митрополит Амвросий до конца дней своих находился в общении с церковью, исповедуясь у иеромонаха греческой церкви. 2. Епископ может быть извергнут из сана только собором епископов. Митрополит Амвросий ни собором епископов, ни патриархом⁸⁷ извержен, не был. Игумен Парфений в своей брошюре приводит письмо патриарха к Амвросию, в котором патриарх лишь только предупреждает Амвросия, что он будет извержен, если не возвратится. Амвросий не возвратился к патриарху и *не был* извержен. 3. После – патриарх Константинопольский, на вопрос: какого взгляда он держится относительно Амвросия митрополита, ответил, что Амвросий сам себя обнажил епископства. Взгляд, лично⁸⁸ принадлежащий патриарху и потому не имеющий канонического значения. 4. В «истории Белокриницкой иерархии» проф. Субботина, как и в ваших сочинениях по этому вопросу, указываются только каноны, которые нарушил митрополит Амвросий, но нет указаний на суд церкви, на основании этих канонов.»

«В виду этого, вопрос о законности, в смысле благодатности австрийской иерархии, по мнению С. П. К-а, остается открытым»⁸⁹...

Итак, вопрос о законности или незаконности австрийской иерархии, в смысле благодатности её, занимает в последнее время не одних только пристрастных защитников раскола, в роде гг. Дурново и Шарапова, но и убеждённых православных христиан, с высшим образованием и интеллигентных» А потому решение этого вопроса – насущная потребность. Не нужно ли новое решение его? – вот вопрос. Разрешается он сравнительно просто, если мы будем рассматривать его с начала и по существу, а не с конца и поверхностно. А между тем, автор вышеприведённого письма, поступая наоборот, хотя и приводит сильные доказательства о безблагодатности австрийской иерархии, но не убеждает г. К-а, который, в свою очередь, тоже смотря на дело согласно с ним, делает ему не менее сильные возражения. В чём же дело?

В противоположность мнению раскольников о всей греко-российской Церкви, будто бы она перестала уже быть Церковью православной, великий Московский Собор 1667 года постановил: «покаяться святой восточной церкви. Аще ли же кто, гласит далее постановление, не послушает повелеваемых от нас и не покорится святой восточной церкви и сему освященному собору, или начнет прекословити и противлятися нам: и мы такового противника, данною нам властью от Всесвятаго и Животворящаго Духа, аще ли будет от священнаго чина, *извергаем* и обнажаем его всякаго священнодействия, и проклятию предаем» и т. д. Это Соборное постановление отцов не России только, но и православного Востока относится «ко всем чином православным», кто не покорится святой Церкви; оно назначено «в вечное утверждение и присное воспоминание», что Церковь Христова за исправление обрядности не перестаёт и не может перестать быть Церковью православной (гл. 1-я). И оно не изменяемо не потому, что самые обряды, установленные на Соборе, не изменяемы, – нет, они изменяемы, для пользы Церкви, согласно «увещанию» самого Собора (гл. 10-я), они изменяемы даже после установления их на Вселенских Соборах (см. мою брошюру «О Московском Соборе 1667 года и Единоверии»), – а потому, что оно основано на глубокой правде вселенской – правде Христовой вечной, что Церковь Его

непогрешима. А если так, если вселенская правда Церкви неизменна, то угроза Собора о извержении из сана необходимо должна исполниться на м. Амвросии; а поэтому нужно ли ещё новое извержение из священного сана раскольнической лже-иерархии? Соборное извержение было бы недействительно только в том случае, если бы иерархи Собора сами обнажены были судом Церковным благодати Святого Духа, преемственно полученной ими от апостолов в хиротонии. Но ни этого, ни того, чтобы иерархи Собора в момент постановления о раскольниках сами себя лишили благодати Св. Духа, не могут сказать и сами раскольники австрийцы: в первом случае они сказали бы неправду, а во втором – нелепость. И если раскольникам австрийцам не признать власти Св. Духа за собором 1667 года и признать иерархию греко-российской Церкви безблагодатной, со времени постановления Соборного о них, то что же будет их иерархия, взятая от церкви, лишившейся ключей царства небесного⁹⁰? Ведь кроме преемства от апостолов в хиротонии, другим новым, в слове Божиим неизвестным, способом Амвросий не мог получить ключей царства небесного при переходе к ним? Иначе они окажутся благовествующими новое благовествование – учреждающими своё новое апостольство, предвиденное св. апостолом Павлом и предупреждённое анафемой (2Кор.11:13; Гал.1:8). Вот тут-то и есть для раскольников камень преткновения: признать преемственную апостольскую власть иерархии в греко-российской Церкви от Духа Святого – значить – признать себя отлучёнными Собором 1667 года, нераскаянными грешниками, требующими прощения от Церкви греха своего раскольнического и хуления её, а родоначальника своей иерархии Амвросия – извергнутым из священного сана.

А не признать – невозможно: иначе священство Амвросия должно почесть за недействительное. – Но посмотрим на законность раскольнической лже-иерархии с церковной канонической точки зрения.

Отречение М. Амвросия от католической церкви объясняет собеседник автора письма недостатком мужества пастырского, а не убеждением веры, так как м. Амвросий до конца дней

своих находился в общении с церковью, исповедуясь у иеромонаха греческой церкви. Но так как он уклонился в русский церковный раскол, сделавши притом немало зла Церкви, и вместе с раскольниками *подпал* под Соборное извержение из священного сана и проклятие, то всё же для него требуется восстановление его в священном сане, в случае раскаяния его в грехе раскола и служении ему. А раз он подпал под Соборное извержение из священного сана и проклятие, то и происшедшая от него иерархия, естественно, такая же, хотя до момента отпадения от церкви он и имел благодать рукоположения, которая и пресеклась с этого момента: поставленные изверженным из священного сана и проклятым – ни что иное, как миряне да ещё прежде отлучённые от церкви; они не имеют власти ни крестить, ни рукополагать и не могут преподать другим благодать Св. Духа, которой и сами не получили (по 1-му правилу Василия Великого). Тем более, не мог он один „очистить раскольников от оригинальной клятвы“ Собора 1667 года (что писал сын его Георгий), канонически правильно лежащей на них, и отменить постановление Соборное. Итак, для м. Амвросия требуется не извержение Соборное, под которое он подпал и под которым состоит по сим постановлениям собора 1667 г., а восстановление его в сущем сане, чего не мог совершить канонически правильно ни беглый раскольничий поп, который его принимал в Б. Кринице, ни иеромонах греческой церкви, у которого он исповедовался: право это имеет только высшая власть Церкви. Иеромонах же не может восстановить в сущем сане даже диакона и священника, которые подлежат извержению только за грехи: они «епископом суду подлежат. Да не дерзает же духовник, говорится в Номоканоне, разрешати их: якоже бо невозможно ему хиротонисати, аще же ни на священства степень изпадшего (грехами) паки возвращати» (л. 4 на об. 1623 года). Правда, Церковь православная, принимая во внимание обстоятельства, облегчающие вину м. Амвросия, и имея право восстановить его в сущем сане, такое же право имеет и не признать его архиереем. И это тем более, что, по учению св. Афанасия Великого (послание к Руфиниану), принятому в канон Церкви (VI

Вс. Соб. правило 2-е), она не должна признать его архиереем, как «предстателя нечестия» или основателя отдельной раскольнической лже-иерархии на подрыв Церкви. О признании же законной от него происшедшей лже-иерархии, как от лица, состоящего под Соборным извержением из священного сана и проклятием, и речи быть не может. Раскольники не могут отрицать этого права св. Церкви даже с своей точки зрения на незаконные деяния своих епископов. Так, по повествованию Ксеноса (автора «Окружного Послания»), когда известный их епископ Софроний Жиров, «умыслив основати в России свою отдельную иерархию и склонив на сие епископа Виталия, произведоша сами себе оба в митрополиты, священноинока Израиля хиротонисаша в Московскаго и всея России патриарха, преименовав его Иосифом», и когда они принесли раскаяние в этом собору своих епископов в 1855 году, то «освященный тогдашний собор, милосердствуя о них, приять их покаяние, уничтожив мнимого их патриарха и упразднив самочинные их митрополитские титулы, и превлониися к слезам Софрония, остави его в звании епископа, не имеющего епархии» (Бр. Сл. 1898 г. №№ 9 и 10, стр. 470–1). Если они предоставляют себе право не признавать иерарха собственной хиротонии – патриархом Московским Иосифом, то тем более Св. Церковь имеет право не признавать законною их лже-иерархию. Пусть же они, а вместе с ними и их защитники, предоставят это право св. Церкви, хотя соответственное указанным собственным деяниям раскольников.

Таким образом, взгляд патриарха Константинопольского относительно Амвросия, что он сам себя обнажил епископства, принадлежит не лично патриарху только, как утверждает интеллигентный собеседник автора письма, но и постановлению Собора 1667 года, имеющему каноническое значение, согласно столь известным и столь основательно применённым известными защитниками Церкви Н. И. Субботиным и о. архимандритом Павлом к отпадшему от св. Церкви Амвросию и его незаконным деяниям канонам церковным, приводить которые здесь нет нужды. И никакая «истинность» раскольнической лже-иерархии не требует канонического

опровержения. Не может отвергнуть канонического значения Собора 1667 года, и признать лже-иерархию, происшедшую от состоящего под судом этого Собора Амвросия, и греческая церковь. В противном случае, она поступила бы вопреки канонам церковным: 2-му II Вс. Соб. и 8-му III Вс. Соб., запрещающим такого рода распоряжения не в области своей церкви – в области другой поместной церкви. И не сделает этого греческая церковь на подрыв веры православной; не может преступить она и имеющего решающее значение суждения VII Вселенского Собора, запрещающего признавать у осуждённых еретиков хиротонию законной. Вот это суждение.

„Почтеннейшие иноки сказали“: «вот отец (Василий Великий) отвергает хиротонию еретиков, когда он говорит: „я не причислил бы к иереям Христовым того, кто, на подрыв веры, возведён в предстоятели нечистыми руками“».

„Святейший патриарх Тарасий сказал“: «и я отвращаюсь от хиротонисанных с этой именно целью, то есть на подрыв веры, в особенности же если были и православные епископы (т е. в той поместной церкви, как явствует из нижеследующего), от которых можно было получить хиротонию. Такова отеческая мысль. Если же кто дерзнёт принять хиротонию от отлучённых еретиков по провозглашении соборного определения и единомысленного мнения церкви относительно православия; то подлежит низложению»“.

„Святой собор сказал“: „это суждение справедливо“ (Деян. Вс. Соб. т. VII стр. 120–1. Казань 1873 г.)

Греческая церковь единомысленна в мнении с нашей церковью относительно православия и принимала участие посредством иерархов на Соборе 1667 года в отлучении раскольников и провозглашении над ними Соборного определения. К еретикам же VI Вселенский Собор, правилом 6-м, причисляет „как и тех, которые издавна чуждыми церкви объявлены, так и тех, которые после того нами (Собором) анафеме преданы: кроме же сего и тех, которые хотя притворяются, будто веру нашу исповедуют здраво, но которые отделились, и собирают собрания против наших правильно поставленных епископов“. Наши раскольники безусловно

относятся к последней категории непокорников, канонически осуждённых ещё Собором 1667 года. Итак, если бы что и предполагать неосновательно, греческая церковь дерзнула признать законной раскольническую лже-иерархию, то, на основании суждения VII-го Вселенского Собора, сама подлежала бы суду Церковному. Но греческая церковь даже значительно строже нашей церкви относиться к еретикам и раскольникам. Вот взятый из Патриархии греческой церкви самими раскольниками „Протокол“ „Святейшего Синода“, от 6-го мая 1892 года, в коем говорится, что Амвросий бежал к „еретикам“ (т. е. к раскольникам, которые, как по вышеприведённому 6-му правилу VI Вс. Собора – еретики, так и по определению Собора 1667 года „еретики – непокорники“; а осуждённых собором еретиков хиротония, как выше сказано, не признаётся законной); указываются в нём (в „Протоколе“) совершённые Амвросием незаконные деяния и поправление им канонов церковных и, наконец, на основании всего вышеизложенного, произносится смертный приговор австрийской лже-иерархии: „Бывший некогда архиереем Боснии Амвросий *низложен* вследствие противозаконных его поступков. Всё же им совершённое рукоположение и священнодействие, следовательно, не действительно (Бр. Сл. 1893 г. № 1. стр. 69–73).

Такова именно австрийская лже-иерархия по суждению и нашей русской, и единой верной нам греческой, и, конечно, всей католической церкви!

Итак, вопрос об австрийской лже-иерархии остаётся закрытым: всякий „от священного чина“, уклоняющийся в наш церковный раскол, канонически извергается Собором 1667 года и, по слову Спасителя, остаётся связанным до суда Великого дня (Мф.16:19). Отменения этого Соборного определения не сделано ни другим подобным собором, ни даже нашим Святейшим Синодом, которое и не может быть сделано без подрыва веры православной, чего Господь не попустит. Церковь греческая подтверждает это извержение раскольников Собором, как участием в нём своими иерархами, так и помянутым Синодальным „Протоколом“.

Священник *Е. Зубарев*

***Amicus.* Открытые письма к другу-интеллигенту,
увлекающемуся учением Л.Н. Толстого. //**
Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 212–215

Мир оставляю вам, мир Мой даю вам. (Ин.14:27).

«Нет ничего нового под солнцем», и те отрицания, какие в наше время высказываются Толстым, далеко не блещут свежестью новизны. Из истории различных сектантских учений и обществ можно видеть, что подобного рода отрицания давно уже высказывались сектантами древними и повторялись новыми. Разница только в том, что у Толстого отрицания эти делаются гораздо шире, излагаются в блестящей, невольно подкупающей в их пользу, форме и, что всего хуже, искусно маскируясь, выдаются за учение Самого Христа, чем и вводят в соблазн многие юные, доверчивые сердца.

Мне кажется, друг мой, что ты попался на эту именно удочку. Приняв блестящий эффектный, но ложный фальшивый свет блуждающего огонька яснополянского за великий вечный свет Евангелия Христова, ты, словно бабочка, подлетел к нему и, обжегши крылья, упал в бездну мучащих тебя противоречий и сомнений. Ты говоришь: «Толстой стремится, как только можно лучше, исполнить завет Христов и видит отклонение церкви от него». Совершенно верно, что многие из членов церкви, называющиеся только по имени христианами, не исполняют завета Христова. Но пусть скажут беспристрастно, кто лучше хранит завет Христов: церковь ли Христова, основанная на живой вере во Христа, Сына Божия, которая в течение веков во всей чистоте и неповреждённости сохраняет и из рода в род возвещает проповеданное Им «Евангелие Царствия», или же Толстой, который, находя несоответствие Евангелия Христова духу времени, позволяет себе производить над ним всевозможного рода недостойные операции, урезывая его до неузнаваемости, и который, выбрав, по собственному признанию, «из мешка грязи (о, кощунство!) крупички золота», выдаёт это фальшивое самодельное золото за настоящее?

Ты говоришь ещё: «посмотрите на учения Толстого, как на в высшей степени христианские, без всякого предубеждения и пристрастия, и вы согласитесь с ним». Но ведь в этих словах,

друг мой, скрывается противоречие. Если мы заранее будем смотреть на учения Толстого, как на в высшей степени христианские, то это будет уже взгляд не беспристрастный, а предвзятый. Взгляд беспристрастный требует, чтобы на учения Толстого мы прежде всего смотрели бы, как на его именно учения, и старались бы уразуметь их подлинный смысл, какой они имеют сами по себе, и только потом уже, сверив их с учением Христа, мы можем сказать, суть ли они в высшей степени христианские, или же только выдаются за таковые. Если же сразу будем смотреть на них, как на истинно христианские, то легко можем увидеть в них то, чего они вовсе не имеют; ведь при неразумном желании и в чёрном можно видеть белое...

Нет, друг мой, напрасно ты смешиваешь учение Христа с учением Толстого. Смешение это у тебя происходит оттого, что ты не учение Толстого поверяешь учением Христа, а с учением Христа знакомишься по сочинениям Толстого. Но логично ли и справедливо ли это? Ведь Толстой излагает учение Христово не так, как оно изложено в канонических Евангелиях, а так, как он сам понимает его; он излагает только своё собственное, личное понимание учения Христова. Он же сам говорит, что истинный смысл учения Христова, в течение 18-ти веков, был затемнён учением церкви, и только в наше время ему удалось этот смысл открыть и миру возвестить. Соглашаясь отчасти, что Толстой, действительно, открыл новый, доселе неизвестный смысл учения Христова, мы однако же не будем столь легковёрны, чтобы на слово поверить Толстому, будто этот именно, им навязываемый учению Христа, смысл и есть истинный, а не тот, который содержится в подлинном Евангелии Христовом и неизменно в течение веков сохраняется и возвещается Христом созданной, Его прославляющей, Ему поклоняющейся, истинной Его церковью.

Истинный смысл учения Христова можно узнать только из подлинного Его Евангелия. Поэтому, чтобы не смешивать учения Христова с учением Толстого и иметь возможность верить последнее первым, советую тебе, друг мой, обратиться к этому источнику воды живой. Но помни, что не

всякое чтение Евангелия может привести к познанию истинного смысла его. Известно, что с одного и того же цветка пчела берёт мед, а паук яд, одним и тем же языком мы благословляем Бога и Отца и проклинаям людей, созданных по подобию Божию; (Иак.3:9) всякая вещь может быть полезной и вредной, смотря по тому, как мы воспользуемся ею. Слово Божие, по Апостолу, «острее всякого меча обоюдоострого», и обращаться с ним нужно очень осторожно; если правильное пользование этим источником живой воды бывает спасительно, то неправильное, неумелое обращение с ним может быть вредным и принести не спасение, а гибель. Если невежда и неутверждённый в вере берётся за толкование Св. Писания, то он, по Апостолу, «превращает и повреждает Писание на гибель себе и другим» (2Пет.3:16). Я знаю, друг мой, что ты нередко читаешь Евангелие, но, к сожалению, читаешь по толстовской указке, а потому во вред себе. Чья-то недобрая рука бросила в твоё детское, восприимчивое сердце ядовитые семена скепсиса и подчеркнула в Евангелии те места, которые, по-видимому, стоят в противоречии с другими местами или же яко бы противоречат существующему строю жизни государственной, общественной и церковной. Поэтому, читая Евангелие, ты обращаешь внимание на отдельные внешние выражения, находишь неточности, не сходства, мнимые противоречия и, таким образом, запасаясь ненадёжным оружием для отрицания боговдохновенности Св. Писания. Мой друг! оставь это пагубное чтение, – оно никогда не приведёт тебя в разум истины. Читай Евангелие не по указке толстовской, а по руководству Христом возглавляемой и Св. Духом одушевляемой Христовой церкви. Читай, обращая внимание не на отдельные, внешние выражения, не на букву мертвящую, а на внутреннюю связь речи, на дух животворящий; старайся проникнуться духом Евангелия, ибо только при таком условии возможно уразумение смысла Евангельского учения. Дух человеческий, приходя в соприкосновение с духом Евангелия, испытывает на себе его таинственное, чудное, возрождающее действие. Дотоле скорбный, мрачный, тревожный, беспокойный – он, при свете основной идеи Христова Евангелия, вечным блеском *примирения* сияющей,

вдруг успокаивается, умиротворяется, и полное восторга и умиления, радостно трепещет и бьётся сердце, и из глаз катится слеза чистая, как алмаз...

Постарайся, друг мой, так именно прочитать Евангелие; приступи к чтению его с сердцем чистым и с молитвой к Богу, чтобы Он отверз тебе «ум к уразумению Писаний» (Лк.24:45). Только тогда познаешь ты истинный смысл учения Христова и увидишь его бесконечное превосходство перед учением Толстого. Только тогда, оставив Толстого и последовав за Христом, ты найдешь желанный покой.

Приди же ко Христу, мой друг, – Он успокоит тебя...

Твой искренний друг *Amicus*

Из миссионерских летописей, дневников и записок

Попов К. Паразиты раскола. // Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 216–232

Не далеко от Пензы находится один поистине медвежий уголок, окружённый лесами и горами. Уголок этот имеет большое великорусское население, сплошь заражённое расколом австрийской секты. Раскольники имеют своего попа, моленную, уставщиков и равной, учащей вкривь и вкось, братии начетников обоего пола.

Уголок этот совершенно изолирован от остальных селений, стоит вне всякого проездного тракта, а окружающие селения состоят из татар и мордвы. А так как раскольники чуждаются в общежитии даже православных, тем больше мордвы и татар, которых они не признают за творенье Божие, а имеют понятие о них, как о собаках, то указанные соседи нарочно объезжают это «поганое» село, как они выражаются. – «Какá там человек живёт: пить не даёт, колодца гонит, собакам нас равнять» и пр. – говорят татаре и мордва об этих людях. Ну и едут дальше, сворачивают в сторону, лишь бы только миновать этот поганый медвежий угол. Были случаи, когда, по разным обстоятельствам или совершенно случайно, обе сказанные народности попадали в это село и тогда нужно было видеть их беспомощное положение в селе. И мордва, и татары дивились и никак не могли понять, к каким людям они попали? Язык, обычаи, одежда – русские, а отношения к посторонним людям самые дурные. Сломалась у татарина ось, оглобля – раскольники ни за что не продадут ему новую и ничем не помогут. Мало этого, самих гонят в шею из села; ругаются дразнят и высказывают всякие злые грубые насмешки и даже готовы поколотить за то только, что приезжий не старообрядец, а – татарин или мордвин.

Как и всякий медвежий угол, да ещё раскольничий, обычно боится света, так и здесь раскольники всячески противодействовали и противодействуют теперь тому, чтобы в селе не было «еретической» школы. И её доселе нет. Господство старых дев здесь полное. Они учат старинным

способом, учат читать, петь и порядку службы. Остальные науки не считаются нужными и полезными. Даже писание скорописью не считается нужным, – пишут по церковному, да и это знают немногие, только уставщики, и то потому, что и доселе они имеют ещё заработок от этого труда, так как жители этого уголка предпочитают рукописные книги печатным.

За последнее время в этом уголке почти насильно и на казённый счет построена единоверческая церковь и открыт штат причта, в целях просвещения раскола. Раскольники долго отклоняли эту постройку, не давали земли, но храм Божий победил супостатов и теперь стоит, как светильник, в мрачном логовище невежества. Правда, всё это убого, скудно, бедно. Церковь маленькая и стоит не на фундаменте, а на открытых деревянных столбах. Внутри голые стены; облачений 2–3 смены; иконы только в иконостасе. Напрестольное евангелие – простая книга в кожаном переплёте, а на лицевой стороне прибит медный восьмиконечный крест, прибит сапожными гвоздями. Дальше – ничего. Пустота и пустота всюду и везде. Богослужение совершается в праздники, из коих в двенадцатые служитя литургия, в остальные – часы. Молящимися, принадлежащими к числу прихожан этой церкви, состоят: семья самого священника, сторожа и сельского писаря. В числе прихожан сей церкви должна бы состоять и семья псаломщика, но дело в том, что, за отсутствием в селе домов для причта, псаломщик живёт в другом селе, вёрст 6–7 от церкви, и оттуда пешком ходит к службам. Ясно, что, при таком сиротском положении храма, у него нет никаких доходов; нет и средств для покупки муки для просфор, вина, масла и освещения храма. Отсюда и редкое служение литургии, и служение при 3–5 свечах вначале, а дальше прямо в потёмках. Вот где дорог каждый пожертвованный фунт восковых свечей, деревянного масла, каждая копейка и каждая церковная вещь доброхотного дателя.

С каждым приездом в это село, миссионеру приходится с трудом проникать в дома раскольников и втягивать их в беседу о предметах веры православной. – «Не хотим! Мы на истовом пути стоим; нам нечего искать от вас. Проваливай дальше со

своей ересью»! и пр. – вот обычные при встречах с раскольниками их слова. Но тут-то вот и умудряешься, так или иначе, теми или другими средствами расположить и втянуть раскольника в беседу. Он ругается, а ты как бы не слышишь этого; баба его лезет на тебя с кочергой, а ты, не обращая на это внимания, толкуешь ей слово Божие. Тяжело, больно на душе видеть всё это, но это неизбежно для миссионера, и желающий быть им должен обречь себя на всё и всякие лишения, унижения и оскорбления от раскольников. Но эта горечь ещё полбеды; здесь вы наталкиваетесь только на одну грубость, невежество и фанатизм раскольника; но вот беда и зло, когда вы видите кулака в расколе, своего рода пиявку, жида, который торгует расколом и держится его в корыстных расчётах. Такой субъект в религиозном смысле ни то, ни сё, но он – богач, он имеет силу в тёмной среде раскола – его слово – закон для неё, и он держит всю массу данной местности в своей руке.

Говоря это, мы и имеем в виду именно такого кулака, живущего в описанном нами уголке, который представляет собой ни раскольника, ни православного: это скорее безверующий человек, но он – сила в этой местности, вредит и церкви, и миссии, нарочно держит, так сказать, эту массу во тьме её суеверий и невежества. Нарисуем, по мере возможности, портрет этого паразита в расколе.

Это – крестьянин Пензенской губ. Назовём его хоть Пуд Силыч Подогов. В медвежьем уголке он родился, вырос и стал таким, каким он есть теперь, т. е., раскольничьим вельможей. Он хорошо знает грамоту, т. е., разбирает всякую печатную книгу и даже читает иногда газету, которую он покупает на станции железной дороги и непременно с раскрашенными картинками сатирического и порнографического характера, и интересуясь последними больше, чем содержанием газеты или журнала; умеет записать своё имя, фамилию и даже составить на русском языке небольшую записку, но при этом, конечно, сильно страдают и орфография, и грамматика, и логика, и сам лексикон слов в его писании получается своеобразный: одна буква из церковно-славянского языка, другая из русского. Такая же смесь

французского с нижегородским получается и в самых оборотах речи г. Подогова. Был такой случай. Подогов задумал жениться, сосватал себе невесту, тоже раскольницу и уже взрослую девицу из читалок, зажиточных родителей своей же местности. Незадолго перед свадьбой у Подогова вышло какое-то недоразумение со своей невестой; и вот он, желая письменно объясниться с ней, настроил ей послание на церковно-славянском языке, в котором он чувствовал себя сильнее, чем в русском. Письмо Подогова мы приводим подлинником, чтобы показать степень его начитанности, развития, равно и того, каким Подогов был раньше и каким стал потом, после смерти своей жены. Вот это письмо. (Письмо перешло к нам от родственника жены Подоговой).

«Возлюбленной нареченного подружия сиречь невесте моей Фёкле Феоктистовни Карамысловой, на предняя же Подоговой о Господе радоватися и душу свою спасти зельно от всего сердца желает нареченный подружний т. е. жених твой Пуд Силов Подогов.

По Божиему соизволению, телеси нашего не домоганию возомнися мне союз брачный учинити и тебя поняти в жену себе яко благозрчную девицу, от корене благочестивых родителей.

И се дванадесять дней идох от нележе аз многогрешный раб Божий Пуд пребываю тебе рекомый жених. И нужда ми есть, сестро, поведати ти свою скорбь велию. Ты веси, егда узрех тя у кладезя воду черплющи и беседовал с тобою на многь час, распаяйся душа моя к твоему зраку и сердце прильпе к твоей плоти. По истине вельми уязвлен бысть душою и телом: дух мой омрачашеся, сердце и плоть содрогашеся, яко листвие древа; зрак лица моего ослабился и потемнися. И стах яко расслаблен жилами. И обратися ко Господу, яко Иона пророк, с плачем о молитвою: еда сие вражия прелесть, или от Бога имать стечение, по реченному: не добро быти человеку единому, а да будут два во едину плоть. И умысли ко пресвятей Богородице возложить 2 жребия един на браченье с тобою другий же тощ. И паде жребий на твой лик привлещися. И скоро идох по сем к родителям твоима и рекох необинуяся да вдадут красоту дщери своя. Они же согласивше и бысть тако. И абие

сотвориста обручение. И начах аз многогрешный входить в горницу твою кийждо день и сладце беседы творити. Треокаянный же завистник рода человеческого диавол позавидова моему блаженству и вложи в сердце твое словеса коварны ими же ты, сестро, сущу позде в день той угоньзну мое палящее сердце.

И что ти приключися – не вем. Вемы точию, что аз, многогрешный Пуд от самые Владычицы нашея Богородицы дан ти в мужа и хранителя твоего чрева, яко же и Обручник, у Богородицы. Иного мужа ты не можеши сресть, и той тя пояти, понеже пребеззаконно есть.

И почто воспалися твое сердце гневом велиим и возрыка на мя, неповинного, яко вепрь, по горам привитаяй. И ныне хартиєю сею молютися преложи гнев свой на радость, да будет зрак твоего лица яко огонь лучезарный, да будут словеса твоя паче меда и сота. Уподобися кравие⁹² смиренной, яже тельца своего предает на питание людям. Приими образ агньца незлобивого⁹³, его же биющие ничтоже взаим приемлют. Помяни и пророка рекшего: сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит. Буди яко Рахиль, а наипаче уподобися равноапостольной мученице Фекле, иже себе вдаде на мучение за Христа. Не буди невесто яко змия и василиск, а приими образ горлицы или голубя. Святый же Златоуст научает: лучше жити со змиею, нежели со злою женою. Видиши ли колик облак свидетелей приведох ти на уврачевание. Потщися, да егда прииду к тебе веселым и красным лицом срести мя, и лобзание ми дати, якоже обычай имать. Аз же ничтоже имам стропотно на тя, но пребываю о Господе в мире. И яко елень на источники водные прииде, тако и аз с вожделением ожидаю пришествия дня великого в оньже аз реку ти: жено, се муж твой!»

Из этого письма видно, что Подогов много читал церковно-славянских книг с малолетства и значительно усвоил себе славянский язык, так что и говорить, и писать на нём он может свободно. Видно и то, что Подогов был религиозный человек и на каждое проявление в жизни человека смотрел прежде всего с религиозной точки зрения. Он не поверил своему чувству, а обратился к иконе Божией Матери.

Всё это на первых же порах создало ему славу начетника и богомольца. Его полюбили в обществе старообрядцев, уважали, но дальше этого дело не шло: в совет стариков по делам общины его не приглашали, в моленной он был на ряду с прочими богомольцами, и вообще мирские дела вершились без всякого участия с его стороны. Это обстоятельство возбуждало в Подогове зависть, честолубие, даже злобу против вершителей делами раскола. Такое невнимание стариков медвежьего угла к Подогову побудило его бросить свой угол и уйти в уездный город. Здесь он занялся торговлей и открыл что-то в роде постоянного двора с кабачком. И город, и торговля, да ещё такого сорта, как «распивочно и навынос», стали видоизменять прежнего начетника глухой местности; он многое увидел, услышал и испытал на себе такого, чего раньше совсем не знал. Целостный неподдельный тип старообрядца мало-помалу с каждым днём стирался, подтачивался; изменялась речь, жизнь, обычаи, само верование подверглось колебанию. Оставалась в целости лишь 2-я половина Пуда Силыча – Фёкла Феоктистовна, которая, какой приехала из села в город, такой и осталась навсегда. Городская жизнь несколько не повлияла на неё и не переменяла её убеждений в правоту раскола. С переездом в город, она сразу почувствовала, что попала в другую сферу жизни, увидела иных людей, услышала иную речь, другие взгляды и интересы и, плюнув на всё это, замкнулась в самой себе. Насколько муж её шёл вперед и внешне отшлифовывался, делался общительнее и развязнее с людьми в обыденной жизни, настолько же жена его. Фёкла Феоктистовна, глубже и крепче уходила в себя и как бы запиралась в тайниках своей души. Это повело к разобщению мысли, взгляда, суждений на жизнь и предметы, и между супругой и Пуд Силычем сначала пошли споры и несогласия, затем энергичное отстаиванье каждым из супругов своих взглядов, действий, посыпались упрёки и укоризны одним другого, и дело кончилось дракой и оплеухой. Медвежий угол в лице Фёклы Феоктистовой вынужден был уступить оцивилизовавшемуся в кабаке начетнику. И Пуд Силыч пошёл без удержу дальше, воспринимая всё текущее дурное, лишь бы

только получше жить и деньги нажить. Вскоре «подружие» его, простудившись, захворала, зачахла и сошла в могилу. Подогову ещё больше открылся простор в жизни. Но случилось нечто неказистое в его заведении и ему пришлось ведаться с окружным судом. Это стоило ему и денег, и потери времени, а затем, хотя суд и оставил его на свободе, но прав на торговлю его лишили. Подогов начал барышничать лошадьми, но и тут вышла история, за которую пришлось и посидеть в заключении, и деньгами израсходоваться. Обескураженный неудачами и значительно прожившийся Подогов поступил в услужение к одному православному купцу. Чтобы войти в ближайшее доверие купца, Подогов предложил последнему присоединить его к православной церкви и быть у него восприемным сыном. Купец с радостью согласился удовлетворить его желание и оказал все знаки своего внимания новообращённому, за что потом и потерпел от своего новоприсоединённого к церкви сына. Судиться с ним купец не стал, а Подогов, ставши в это время уже «прожжённым» человеком, виды выдавшим, при деньгах, бросил город и явился в свой медвежий уголок. Здесь, за его долгое отсутствие, старики сошли со сцены, осталась молодёжь, моленная сгорела, поп умер и Подогову, как пронырливому человеку, не стоило и труда сразу ориентироваться в расколе и устроиться так, как он думал это раньше. Тотчас он бросил православие и снова перешёл в раскол. Водка довершила любезность раскольников и Подогова провозгласили радетелем древнего благочестия, попечителем общества старообрядцев. Подогов стал на твёрдую почву в расколе; но это был уже Подогов иного склада и пошиба. В своём доме он открыл моленную, стал продавать восковые свечи, масло, ладан, книги, стал собирать пожертвования на постройку новой моленной. Понесли деньги, холсты, зерно, хлеба и проч., Подогов всё принимал, благодарил и каждому говорил: «выстрою вам моленную на славу. Не хватит ваших капиталов, своими не поскуплюсь, а уж сооружу вам здание». – «Спасибо, благодетель»! – кланялись ему старообрядцы. Между тем, Подогов, войдя в роль благодетеля, решил расширить границы своего сбора на постройку моленной. С этой целью он

отправился путешествовать по разным городам России и всюду являлся к старообрядцам и просил купцов помочь им в богоугодном деле. Сколько таким путём Подогов собрал в разных местах денег, об этом никто и доселе не знает, а сам Подогов никому не желает давать отчёта в этом, так как поездку эту он делал на свой счёт, по собственной инициативе и даже секретно от опекаемого им общества. Секрет этого сбора был открыт совершенно случайно: 2 купца, пожертвовав Подогову один – 100 р., другой – 200 р., сочли нужным особо сообщить обществу медвежьего уголка о сделанном ими пожертвовании на устройство в их селе моленной. Бумажка эта обрадовала общество раскольников и, когда Подогов вернулся домой, они предъявили ему её, а последний заявил, что купцов этих он видел на дороге и они действительно обещали ему прислать указанные деньги. Бумагу он взял себе, а старикам предложил «велие угощение». Общественники выпили, попели разные стихиры⁹⁴, Да этим дело и кончилось. Моленная так и не выстроилась: сначала Подогов говорил, что нужно план на моленную выправить, потом подучил пристава объявить раскольникам, что по новому закону в их селе не может быть моленной, а могут молиться только в частном доме. Последнее и желалось Подогову, так как существование моленной в его доме всецело приносило доход ему лично, что не так удобно было устроить при существовании моленной особо.

Посмотрим теперь, как Подогов завёл попа при своей моленной. Подумал, обзрел он свою братию и остановил своё внимание на захудалом мужичонке Иване Легашеве. Придавленный нуждой, бедняк, как говорится, жил тише воды, ниже травы. Никому он никогда поперёк словом не шёл, в моленной стоял в числе последних, больше молчал, слушал и во всём соглашался с постановлением других лиц. Найдя этого мужика самым подходящим для себя человеком и достойным сана священника, он послал за ним – и между ними с глазу на глаз произошёл следующий разговор⁹⁵.

– Хочешь, Иван, в попы? – спросил Подогов.

– Что ты, благодетель! Думал ли я когда... – и бухнулся ему в ноги.

– А ты отвечай, дурья голова, о чём спрашивают. Ноги после лижи, а теперь речь держи.

– Возможно ли это?

– Когда спрашивают тебя, стало быть можно.

Иван стоял и переминался, хлопая глазами и не зная, что говорить.

– Что же ты рыло то воротишь? Погоди кобениться то; в попах ещё успеешь перед кем-нибудь накочевряжиться-то.

– Твоя милость, кормилец! А мне самому где мечтать!

– Мечтать за тебя будут другие, а твоё дело слушать меня да исполнять то, что велю. Умствовать над чем-нибудь тебе не придётся. Твоё дело служить; на то тебе и кадило в руки, а наше – управлять миром. Согласен ты меня слушаться во всём?

– Во всём твоя рука буду! – униженно кланялся Иван, делая слезливый вид.

– Прекословить не станешь? Я не уважаю, кто поперёк мне заслоняет дорогу.

– Ни за что! Слова супротивного не услышишь! Язык вытяни тогда, если что...

– На кой ляд мне язык твой! Пускай он при тебе остаётся, да только держи его на привязи. Коли даёшь такое поручение, чтоб во всём меня слушать, так быть тебе попом у нас. Подходи сюда ближе, к столу, садись и пиши, что ты состоишь мне должником 200 р.

Лицо Ивана изобразило знак удивления, он глупо посмотрел на Подогова, а потом бухнулся в ноги.

– Сжался, благодетель... – мычал он.

– И то жалею тебя, оглашенного. Из всех в мире тебя отметил, а не другого.

– Да как же, кормилец!

– Ведь у тебя сейчас денег то, поди, нет?

– Каки деньги!

– То-то есть. На чей же кошт тебя вести в Москву и там содержать? Не свои же я буду тратить, понапрасну? А коли поживёшь, наслужишь, тогда и отдашь. Сразу сейчас не буду

драть с тебя, а можешь платить и понемножку. Вот и пиши теперь, что ты, к примеру, мне должен. Это для памяти только...

Иван послушно накарябал своё имя и фамилию на приготовленном векселе и ушёл.

Через несколько дней Подогов собрал свою братию и предложил им выбрать кого-нибудь из своей братии во священника.

– Кого же, старики, указать то? – сказал один. Тебе, Пуд Силыч, мы все известны, на кого ты намекнешь?

– Конечно! Его рассудок много яснее нашего, поддержали другие.

– Для меня, старика, кто ни поп, так батька, – лукаво сказал Подогов. У меня крестить некого, жениться – опоздал уже. А вы – мир! Вам нужно подумать, чтобы человек был подходящий и по писанию действовал.

– Справедливая речь. Поп не горшок, что разбил да бросил, – отозвался из толпы.

– Фёдора просить! – крикнул мужик. Он хоша и не Торен в чтении-то, да обиходный мужик.

– Фёдор не годится вам, старики, – возразил Подогов. Во-первых, он кривой, во-вторых, у него вся голова на лошадях. Какой же он будет поп? Вы с требой, а он кататься уехал. Ведь он што твой цыган меняет лошадьями-то. По-моему, Фёдора нельзя допускать к поповству.

– Ну, Максима Чернозубова! На нём, кажись, можно поладить, – предложил другой мужик из толпы.

– Максим тоже не выходит на эту линию, – возразили соборяне.

– Почему?

– Да потому, что нынче он с оглоблями уехал, завтра дуги поехал продавать. Где-ж его искать-то?

– Можно бросит это дело-то.

– Нет: кто к чему привык, не скоро отстанешь. Оно, дело-то, тянуть будет. Только, к примеру, ты задрал оглоблю-то, а тебя рвут крестить; вот и перкосердие произошло. Ты доделать хочешь, а тебе не дают.

– Петруху Мокрого! – крикнули из толпы. Поднялся Подогов и сказал: ну, какой же это будет поп! Прошлый праздник заставили его прочитать «Помилуй мя, Боже», так он 5 раз путался и всё-таки не прочитал его, как следует.

– Так Силантья Ковригина просить! Он никаким делом не занимается и только по поминкам ходит, да упокойников обмывает. Ему, кажись, эта статья-то подходяща.

– Не годится! Не надо!

– Что это за поп?! К нему каяться то никто не пойдёт. Кого-нибудь другого, а уж Силантий нам хорошо известен, кричали другие.

– Какой уж Силантий священник... рассуждал мужик. Ему только баб занимать, да сказки говорить. Наговорит много, а послушать нечего. Сусветный болтун и пошатуга! Всех перемутить, перессорить, наскажет и – Бог весть – что, а всё зря. Сделай-ка его попом-то, он тогда грехи-то по всему селу разнесёт.

– Я, господа старички, со всем прилежанием буду служить, если соизволите выбрать, – вдруг пропищал сам Силантий, находившийся в задних рядах.

– А ты уж молчи, закричали на него

– Получше тебя указывали, да пролетели, а то ещё высовывает язык.

– Ублажай покойников-то хорошенько, а то в попы задумал.

– А вы, чать, не блажите больно-то. Дайте и мне слово поставить в строку, спорил Силантий. Что корить покойниками-то! Псалтырь я знаю хорошо, евандель только подтвердит малость, а больше чево же надо попу? А остальное вы нанесли: на меня зря.

– Знаю тебя хорошо! Отстань! Не задерживай дела.

– Давайте Микиту ладить! Будя с Силантием бобы-то разводить, крикнула толпа.

– Какого Микиту?

– Рогожкина! Он мужик ничего...

– А баба-то? Така попадья у нас уж была, не чаяли и с рук сбыть. Кабы у Никиты была другая баба, пожалуй, его можно бы и в попы вывести.

– Пришить ей хвост-то, чтобы не баламутила. А то, что же, из-за бабы, мужика устранять.

– Этого сделать нельзя, вмешался Пудогов. Бабе законы прописать трудно. Св. Златоуст получше нас был, да и тот погиб от женщины. А Никите и вовсе не справится с ней. Если она теперь вертит нашими бабами, то попадётся она и вовсе будет величаться. Нужно выбрать человека смиренного, кроткого, безмолвного, чтобы всем услуживал; ну, и баба у него, чтобы была подходящая – не модница, не злоязычница, любовная ко всем...

– Филиппа Дехтярева разве... подсказал кто-то.

– Ну, это совсем не подходящий человек, сказал Подогов.

– Да он и в болести состоит, поддакнул мужик. У него шишка в боку и когда погода – страсть южит! На манер поросёнка...

– Это верно, согласились другие соборяне.

– С изъяном к чему представлять, добавили третьи. Коли самому не вмоготу, тут не до людей.

– Расслабленного не к чему вести в попы; надо искать здорового человека, – важно сказал Подогов. По-моему, лучше сего поставить Ивана Легашева, – человек он смирный, тихий, баба у него не смутница, покорливая...

– Голыш больно, Пуд Силыч, заговорили старики, почёсывая затылки. Некоторые усмехнулись.

– Что голыш! Это не покор – откормите, зато человек покорный и против мира не пойдёт, отстаивал Подогов своего кандидата.

– Это точно; только кориться такому немножко обизорно. Силыч!

– Уж какой хрестьянин Лягаш! Собаки нечем выманить; сам весь в дырах...

– Тогда возьмите Онуфрия Звонова! – Он мужик богатый, – с досадой сказал Подогов.

Звонов сидел около стола, среди почётных мужиков. Все посмотрели на него, но сказать что-либо про него затруднились. Звонов, действительно, был состоятельный человек и безупречный по жизни. Соборяне молчали.

– Я, братия, во священники не пойду, сказал Онуфрий. Кланяюсь миру и Пуд Силычу за честь. Изберите другого мужа.

– Отчего же, Онуфрий Васильич! – восторжались соборяне, видимо сознавшие неловкость своего молчания перед богатым мужиком и решившиеся польстить ему. Послужи нам в этом чине.

– Нет, братцы, поповство для меня не подходящее дело. Сами знаете: живу я в достатке, лычком да деготком занимаюсь – куда мне возиться ещё с поповством! На эту оказию нужно наладить особь человека, что бы он завсегда по этой линии шёл и одного держался. А мне, когда тут воловодиться с вами. Возьмите, вон, Карпуху Слежнева; он мужик расторопный, грамоте знает...

– Карп не годится, поспешил вставить Подогов. Чем ставить Карпа, лучше, по-моему, Ивана установить.

– Почему же Карп не соответствует? – спросил Онуфрий. Дедов у него при доме нет, живёт по работникам.

– Марали всякой имеет, потому и не годится, ответил Подогов.

– Это верно, поддержали соборяне. Карпуха до венца жил лядаше. Бабы у него завсегда состояли. А, по правилам св. отец, нешто можно такому состоять в попах!

Онуфрий замолк, а соборяне высказывали много нелестного про Карпа. На сцену выступали его поступки, когда он был пастухом; рассказывали, как он жил работником у Аникея Голованова и его застали ночью в бане с солдаткой и пр., и пр.; так что кандидатура Карпа на иерейство совсем провалилась и сам он получил облик довольно грязненького по жизни старообрядца.

Кандидатура Ивана снова поставлена на очередь.

– Здесь, что ли, Лягашев-то – спросили передовые вершители дела.

– Нету!

– Пошлите за ним, чтобы сей минутой шёл сюда, – командовал Подогов.

Ивана Лягашева привели.

– Кланяйся, Иван, миру, – мы тебя в попы избрали. Первых человеком хотим поставить тебя за твое смирение, разум, – говорило общество.

– Спаси Христос, старики! – бухнулся Иван в землю. Вовеки веком не забуду вашего благодеяния.

– Да ты хочешь ли в попы-то? – со смехом спросил Подогов Ивана.

– Готов служить обществу, – ответил он и снова бухнулся в ноги.

– Смотри, Иван, служи обществу хорошенько, необлыжно, без раздору, – наставительно говорили соборяне. Из воли общества не выходить, во всём слушать нас и нос кверху не задирать. Мы поставили тебя, и мы же можем опять спихнуть тебя. Мир-велик человек! С ним бороться трудно.

– Никакого перкосердия от меня не будет, – кланялся Иван. Всем буду угождать и увлажнять.

– Угощай общество теперь.

– Где ему, старики! Я уж выставлю вам угощение-то за него, – сказал Подогов.

Началась попойка.

Подогов свёз Лягашева в Москву, где Савватий поставил его в попы и учил, как совершать службу. Подогов за это время познакомился с московскими купцами и купчихами и выпрашивал у них на бедность попа, на устройство моленной и церкви. Москвичи давали деньги, одежду, обувь; сшили шёлковую палатку для алтаря и пр. Сколько Подогов набрал денег, Иван, конечно, не знал этого и не смел даже спрашивать о сём; ему пришлось удовольствоваться тем, что дал ему Подогов из одежды, обуви и др. вещей. – «Живи теперь, Иван, и наживайся, а деньги за хлопоты я подожду», – сказал ему Подогов. Таким образом, московские рубли целиком пошли в карман Подогова, а Иван получил только поповство и с этого времени превратился в закабалённого раба как у Подогова, так и у общества.

Обделавав своё дело, т. е. дважды собрав деньги на моленную и прикарманив их, Подогов стал торговать теперь и попом, и моленной. Иначе назвать образ его действий я не могу.

Всё, что стекается в его моленную, составляет прямо его личный доход. В праздники он ходит с тарелкой по народу, собирая на что-то пожертвования; продаёт свечи, ладан, иконы; в селе он держит лавочку и торгует всякой всячиной, начиная с чая и кончая дёгтем, лопатами. Весь раскол забирает нужное в его лавке, а при нужде у того же Подогова прихватит и денег, разумеется, за жидовские проценты, но Подогов не терпит этого слова и обыкновенно говорит: «я по христиански помогаю своей братии». Но это христианство выражается в 20 к. на рубль в месяц, – процент, как видите, далеко не христианский. Но Подогов пользуется темнотой и невежеством народа. Подогов наживается, капитал его растёт, а эксплуатируемый им тёмный народ земно кланяется ему, благодарит и величает его благодетелем. Кланяется ему и поп Лягашев и смиренно, после каждой службы, преподносит ему просфору и приветствует с праздником. Служит Лягашев по приказанию Подогова, – когда часы, когда обедню, довольствуется тем, что дадут ему за потребу. А придёт праздник, соберутся мужики и толпой идут к Лягашеву попить-поесть на попов счёт. – «Чай пить, батька! – кричат они ещё во дворе. Прймай гостей». Лягашев зовёт в горницу, усаживает по лавкам, попадья берёт самовар и начинает согревать воду. К чаю подаётся четверть водки, закуска и начинается угощение. Первую чарку должен выпить сам поп, со второй начинается угощение по очереди. Поп стоит, наливает стакан за стаканом водки и угощает раздевшихся мужиков. – «Пей, Петрович! – говорит Лягашев, да другому надо налить. – А ты, батька, не торопи. Ты, помнишь, как я за тебя старался тогда? Я почесь больше всех кричал, чтобы тебя в попы произвели, а не другого. Вот мы и сделали тебе удовольствие, и ты живёшь у нас, точно сыр в масле. Кто пашет, спину гнёт на жару, а ты сидишь дома и у тебя завсегда хлеб готовый. Так, попадья, говорю я? Довольны вы нашей милостью?

Попадья кланяется, благодарит мужиков за их выбор её мужа в попы. Попадья, как и муж её, давно уже привыкли к этому явлению; с тех пор, как Лягашев стал попом, мужики и трезвые, и пьяные стали являться к нему в дом и нахально

требовали угощать их, постоянно говоря одно и то же, что они сделали его попом. И смиренный, кроткий, но тёмный поп Лягашев поставлен в необходимость возиться с этой оравой и выслушивать её нахальные речи. Его теснят и мужики, одолевают попадьё и бабы, навязываясь также на угощение; теснит его и всевластный Подогов, которому он выдал вексель за получение поповства и который, точно волшебный сказочный рубль, из года в год остаётся целым, и цифра его по-прежнему стоит неразменной. Жаловаться на Подогова Лягашев не может и посему молчит, платит ему время от времени известные взносы, которые Подогов с радостью берёт и кладёт в карман. – «Спаси Христос, батя! – говорит он. После сочтёмся». Но расчёта нет; расписок в получении денег Подогов не выдаёт, и цифра векселя по-прежнему стоит для Лягашева и грозной, и ужасающей. По мнению Лягашева, он уже всё заплатил Подогову. ни увы! Подогов не признаёт этого и теперь уже сам напоминает Лягашеву: «поделись, батька; кабы не я, ты бы не был попом». И даёт. Иначе грозит подать вексель ко взысканию. Лягашев трусит суда.

Когда мы пишем эти строки, Подогов представляет собой лет 46 мужчину. Он одевается в старообрядческий кафтан с сборками, подстрижен в кружало и держит себя важно и нахально. Он ведёт знакомство с местным приставом, разными чиновниками в, уездном городе; урядник и другие мелкие власти относятся к нему почтительно и с уважением. Когда Подогов живёт дома, он учит, что «мирщить», т. е. есть из одной посуды с еретиками – великий грех, и на глазах своей общины строго держится этого правила, попутно выполняя и другие обычаи раскола; но иное дело, когда Пуд Силыч находится на стороне, вдали от своей братии. Здесь он положительно не узнаваем. – «Путнику всё разрешается», говорит Подогов. И, действительно, он разрешает на вся: он и скоромное есть в посты, и водки напьётся до «зела», и папироску дымит и в места «падших созданий» завернёт и накуролесит, как говорят, с треском и звоном. Но всё это делается прикровенно, тихонько, чтобы кутежи эти не дошли до слуха его тёмной братии. Сознывая свои грешки, Подогов, во время Великого поста,

обычно уезжает из медвежьего уголка якобы по торговым делам, на самом же деле, чтобы не говеть, не класть многочисленных поклонов и скрыть свои греховные деяния. И это удаётся ему, как нельзя лучше. Авторитет его непогрешим; слово его – закон, правило для общества.

Понятно, что Пуд Силыч враждебно относится и к церкви, и к священнику, тем более не выносит он приезда в свою местность миссионера. Если священник молчит, т. е. ничего не говорит против раскола и не осуждает его, с этим Подогов ещё мирится, как с печальной необходимостью пребывания священника на своей территории; но беда, если последний «отверзет свои уста» и начнёт громить раскол – тогда против него поднимутся все козни и разного рода интриги и притеснения. Вся раскольничья сила восстанет против него, а Подогов натравит и местную власть. Один священник не мог купить дров для топлива печей, по близости; не давали воды из общего родника в селе, сманивали прислугу, ничего не мог купить в своём селе и пр., и пр.; словом, вредили на каждом шагу, чтобы только выгнать его из своего села. И бедняк, как ни бился, должен был бежать от силы и могущества Подогова.

Что касается приезда миссионеров и их бесед, то на последние он прямо запрещает раскольникам являться, а миссионера везти из села. Раза два мне самому приходилось идти пешком, а из следующего села прислал уже лошадь за книгами. Если бы кто из раскольников, паче чаяния, вступил в беседу с миссионером, то на такого смельчака поднимется весь раскол и ему придётся многое испытать и от семьи, и от общества, руководимого Подоговым.

Тяжело положение священника и миссионера в раскольничьем селе, а в таком медвежьем уголке и где существует, в виде паука, такой субъект, как описываемый мной Подогов, и подавно. А Подоговых ныне легион. Их так много развелось теперь, что в редком раскольничьем обществе их нет. И все они люди корысти, наживы, и им же бог чрево. Вот и грустно видеть, как эти гг. Подоговы, эти паразиты раскола сосут народную кровь и, пользуясь невежеством народа, нарочно держат его в заблуждениях раскола. На этих людях, по нашему

мнению, должно бы сосредоточиться внимание и местной власти. Не потворствовать нужно этим кулакам, в старообрядческих поддѣвках, а преследовать их плутни и мошенничества; не «хлеб и соль» водить с таким торговцем верой и убеждением людей, как это поступают местные власти, а презирать их, как людей низких, бесчестных, наглых и зловредных в данной местности. Против таких лиц нужна твёрдая православная власть, мощное слово, защита церкви и действие по закону.

Пензенский епархиальный миссионер священник *Я. Попов*

**С-ко М. Из исповеди раскаявшегося толстовца
интеллигента. // Миссионерское обозрение. 1899. №
2. С. 233–237**

(Вниманию прежних моих единомышленников-толстовцев, революционеров и атеистов).

Дивное для меня самого обращение⁹⁶ к Святой Христовой Церкви от мерзейших заблуждений скверного учения гр. Л. Н. Толстого и от гнездившихся в моём растлённом блудном и своевольном сердце анархических, социалистических, либеральных и всяких иных бестолковых мнений и хотений, сопровождалось сверхъестественным подъёмом всех способностей моей падшей и одичавшей души. Это было необходимо и произведено было внутрь меня благодатью Святого Духа, взыскавшего меня погибавшего в обучение и просвещение, не без моей – впрочем, воли, ибо при каждом моменте внутреннего преобразования, Дух Святой ожидал *свободного движения* моего произволения в сторону истины, добра, святости, благоговеинства, самоотвержения. В эту сторону всегда влекла меня сила, сначала «неведомая» для меня, а ныне известная мне под именем животворящей благодати Святого Духа. Воздействие этой Божественной силы я особенно хорошо ощутил в течение того почти четырёхлетнего периода, в который совершалось моё обращение. Подъём сил души моей, до самого дна её возбуждённой, – необходим был для того, чтобы противостоять мне свирепым, безжалостным, всезлым нападениям духов злобы, демонов, коих реальное бытие я слишком хорошо опознал по тем страданиям души и плоти моей, какие от них перенёс по Праведному Суду Божьему. А эти нападки духов злобы – имели для меня весьма важное значение. Они дали мне возможность: 1) опытно узнать – хоть отчасти, – какой горькой и прегорькой ценой надо платиться за временную сладость греха, а во 2) очиститься в горниле страданий, чтобы быть способным прийти в «соединение веры» со всей церковью небесной и земной и в разум неприступной Славы воскресшего Сына Божия, сидящего одесную Отца и

грядущего вторично во славе небесной строго и праведно судить воскресшее человечество за его прегрешения. Такого очищения разными страданиями требовали и все мои пакости, и мерзости, кои для меня начались с 10-ти летнего отрочества и продолжались до 26-ти летнего возраста, едва не окончившись преступлением самоубийства, через которое я вступил бы в область вечного огненного мучения. Надлежало мне за всё это претерпеть, по Суду Божию, ещё иные мучения, кроме тех, какие выносила душа в самом совершении гнусных грехов: блуда, непокорства, безбожия, ложных убеждений, – должно было мне претерпеть лютые скорби в борьбе с греховными навыками (*страстями*), въевшимися глубоко в самое сердце моё и рыкавшими на меня, подобно львам.

Достохвальна была эта борьба, хотя и сопровождалась унижительными поражениями и падениями. Но эти поражения и падения были необходимы мне для того, чтобы я, опознав потребность *своих усилий* и собственного противостояния дьяволу, страстям плоти и миру, уразумел и то, что победу совершает внутри нас неизреченная всемогущая, человеколюбивая Сила Божия. Нужно было мне опытно сознать и ощутить грубую, наглую, неусыпную злобу и силу бесплотных демонов, врагов наших бессмертных душ, которым предстоит возмездие за каждое слово, дело, мысль и хотение. Надо было мне опытно сознать и ощутить всемогущую, крепчайшую Силу Вседержителя Бога Христа, единого человеколюбивого, премудрого, везде-присутствующего Духом Своим Святым и быстрейшего молнии в помощи, защите, утешении. Надо было мне сознать и ощутить глубину моего бессилия, немощи, лукавства, растленности, чтобы мне прочувствовать и уразуметь слова Св. Евангелия и Св. Писания, обличающего без *обиняков* окаянство, убожество, наготу падшей души человеческой. Необходимо было мне искренно *смириться* для того,

чтобы уму и сердцу моим стать доступными для истин Св. Евангелия, основной и вечный смысл коего состоит в возвещении людям неизбежного воскресения, грядущего неотменно Суда Божия и *всеправедного* воздаяния *каждому*,

сообразно делам его, или мукой вечной, или блаженством. Господу Христу благоугодно было, не насилуя моего самолюбия, убедить меня в том, что я зависим от Его власти и нуждаюсь при каждом буквально дыхании груди моей в Его благодатной помощи и поэтому должен призывать внутри себя в области души, где испытываются и радости, и скорби⁹⁷, Имя Христа Бога. Надо мне было убедиться ясно, что не Бог *во мне* нуждается, а я нуждаюсь ежесекундно и того чаще *в Боге*, – в Его *ощутительной* близости, дабы мне не бояться страшных и безобразных врагов наших – демонов, которые (ещё так недавно!) попирали и терзали душу мою, оставленную благодатью Духа Святого. Ведь я не могу *заставить* Св. Духа прийти и вселиться в меня, но Он «идеже хочет дышет», ибо Дух Святой – *самовластен* (подобными Своему образу создал и души наши). Мне надо было высвободиться из лютости врагов моих невидимок-демонов, из слабости своей и бессилия и препобедить их – *познанием и верою*, что вся надежда человека содержится в *Христе Боге*, и что нет под небом *иного имени*, призвав Которое, можно было бы иметь надежду на получение помощи и облегчения в душевной борьбе. А кто не испытал этой борьбы, если только он когда-либо переживал крепкое и мучительное состояние уныния, немощи, греховного пристрастия (к вину, пище, табаку, чаю, блуду, вещам, чести, власти)? Сколько ни зови в этих случаях: «Магомет! Магомет! помоги мне»! «Буда! милый Буда! спаси меня от похоти»! «Конфуций! приди и очисти»! – во истину не будет «ни гласа, ни послушания» (что может *испытать* каждый, хотящий дознаться). Но призови в день и час скорби: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, спаси мя от скорби, меня одержавшей, томящей, сокрушающей» – и *мгновенно* исцелеешь, если только призовёшь с живой верой *из души* скорбящей, а не *из одной гортани*. Этот внутренний вопль души может сопровождаться и голосом гортани. – Душа наша так тесно, интимно, хотя и неслиянно, соединена с телом, что ни одно крепкое истинное воздыхание души не может произойти без участия тела: голосом ли, выражением ли лица, взора – Иисусова молитва, *непрестанно творимая*, принаравливается к каждому дыханию

груди, т. е. телесному акту, что – в свою очередь – составляет превосходный и премудрый способ приучения себя к этой всемогущей, многоплоднейшей, дивной молитве (обязательность этой молитвы нужно признать для *всякого* христианина, искренно желающего спасения от *вечных мук* и получения вечных благ Царства небесного). И вот, ценой многих неисповедимых⁹⁸ скорбей нужно было мне убедиться и в той простой истине, что внутри меня живёт и трепещет бесплотное существо – «душа», связанное с телом до минуты смерти, мне предстоящей, (а для многого множества уже наступившей или наступающей в ту минуту, когда пишу сии строки); что мучения, волнения скорби души зависят от *произвольного* нарушения ею закона, данного ей Богом на Синае и в Евангелии для здоровья, радости, счастья её в этой жизни и для награды безмерно великой и неизреченно-сладостной жизни будущей. Надо было убедиться мне, что самое страшное и губительное зло на земле есть грех, т. е. произвольное, *самоохотное* и потому самому *преступное* нарушение человеком закона Божия (заповедей Синайских и Евангельских); – что лучше человеку предпочесть умереть тысячью смертями, чем грешить, ибо *грех есть причина всех болезней телесных*, бед и мучений душевных и воздаянием своим имеет в вечности *геенну огненную*, которой ужасаются и сами демоны. Как дивно и чудно было мне сознать, проходя душевные терзания, что тот же Самый Дух, который творил дивные чудные дела в Ветхозаветной церковной истории⁹⁹, Тот самый Дух Святой, от Которого был зачат во чреве Всенепорочной Девы Марии бессеменно Христос Господь; Дух, Который «в виде голубине» явился из разверстого неба над головой Сына Божия; Дух, Который увёл Христа искушаться от дьявола в пустыню, – Который снизошёл в виде огненных дивных языков на апостолов и Богоматерь; – Который вдохновлял сонмы мучеников, совершил успешно спасение миллионов Святых; Который доныне соблюдает в чудном нетлении тела претерпевших «до конца» жизни в строгом послушании Евангелию; как дивно и чудно было мне сознать, что Тот же самый Дух чудодействует и во мне. Он, – претворив хлеб и вино в тело и кровь Христа, очистил меня в Св.

Приобщении от всех моих подлых мерзостей, дав слёзное благодатное покаяние (не без произволения моего и усилий собственных), просветил, укрепил в познании Бога и пути спасения! Как радостно согнать мне, и *наверное знать* («верить») что Этот всемогущий, вечно юный, незримый Покровитель и Человеколюбец, кроткий и смиренный сердцем Бог пребывает *близь* меня и *еже мгновению* готов мне помочь, лишь только воззову из *глубины души* *именем* Иисуса Господа, с Коим Он единосущен, споклоняем и сославен, как Единый Бог, непостижимо Троичный в лицах. Если бы мгновенно вымерло всё человечество (это можно живо вообразить), и тогда бы, при таком ужасном и полном одиночестве, я не был бы сиротой, ибо Дух Святой *вся* исполняет: я призывал бы Его, и Он дал бы мне Себя *почувствовать*. Это может *опытно* испытать решительно *всякий* человек, кто только *захочет* и возопиет к Богу, называя Его Именем, коим Он благоволил назваться (как и мы именуемся *каждый* своим именем) именно для того, чтобы призывали Его люди этим именем, Имя это: Господь Иисус Христос... Возымею ли я наглость сказать, что Бог доступен лишь для *меня одного*? Не только не осмелюсь, но и не усомнюсь исповедать, что и мою окаянную и блудную душу помиловал Господь Христос от истребления и вечной муки в геенне лишь ради молитв и молений Богородицы, всех Святых Своих на небе и на земле, молящихся Ему, хвалящих Его, благодарящих и любящих Его. Утверждаю и исповедую, что всё, что я испытал и в чём убедился, может быть испытано и дознано *опытно* и непосредственно всяким, кто только именуется высоким именем – «человек». И атеист, и сектант, и язычник, и иновер – все, призвав *имя* Господне в час скорби с верой, что Он *существует*, везде присутствует и *всё* может, получать внутреннее, *ясное*, сладостное удостоверение, что Он именно *тот*, как им поверилось и каким описывает Его Священное Писание: вездесущий, всеблагий, премудрый, всемогущий, всеблаженный, всеправедный, единый Человеколюбец, сердцеведец, кроткий и смиренный сердцем, пречистый, всесвятой, прекраснейший самого, Им уготованного для нас, рая. Пусть не утомятся и *после того* звать в душе Его

по Имени, чтобы убедиться всем, что Ему *единому* может быть угодна и вера *единая*. Да убедятся, что должна быть одна, а не тысячи вер, разъединяющих людей, призываемых Христом к любви, согласию и миру, на тысячи сект, расколов, философий. Все таковые удостоверяются непосредственно от Самого Духа Божия, что истинный, Сам себе *всегда равный*, смысл Евангелия непорочно соблюден во святой Его Церкви, правильно именуемой, поэтому, православной, и соблюден в ней именно потому, что святая Церковь заведует, наставляясь, освящаясь, просвещается Самим Духом Святым во веки и до ныне и впредь себе самому равным и Себе Самому верным.

«Dixi et animam levavi», – вот я сказал, и с души скатилось бремя. Отрадно мне свергнуть с души тот страх и отчаяние, которые так долго давили и мучили меня. – Думалось мне: – как же это, неужели я *один*, которому доступно и возможно спасение души от скорбей и недоумений в этой жизни и геенны в будущей, а миллионам братьев людей это не доступно? И это сознание едва-едва меня не погубило, ибо мне мерещилось, что я *один* знаю тайну всесильного Имени Иисусова и чудного действия на душу Иисусовой, сопряжённой с *дыханием груди*, молитвы, Святых Тайн Крови и Тела, Слова Божия и *всей церковности*. Но когда Бог ввёл меня в Церковь Свою и я узнал многих людей, подобно, как и я, спасающихся чудно призыванием в душе Имени Господа Иисуса; – когда удостоился я увидеть сияющее небесной красотой лицо о. Иоанна Кронштадтского – доброго пастыря, сочинения которого и дневники обучали меня во дни моего обращения; – когда я узнал, что есть тысячи и миллионы людей православных, *знающих* силу Имени Христова, крестного знамения и Святых Таинств, – тогда мир пролился в моё сердце, надорванное непосильным бременем чувства ответственности за *всё человечество*. Если бы не Бог, кто бы мне помог?!

Михаил С-ко

(Продолжение следует).

Из миссионерской полемики с сектантами и раскольниками

**Богданович Савва. Беседа «с начинающим
штундистом» о молитве за умерших. //**
Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 238–250

I.

Во время оно, в одну из миссионерских поездок своих по округу, я дорогой от возницы узнал, что в захолустной деревне N «наклёвывается штунда», и «начинает это дело» крестьянин Иван Богомильный, человек, что ни на есть, «грамотнейший из всех и набожный», как говорил возница, – а вот уж с полгода Иван в храм не ходит, а всё сидит дома, да читает библию. Заходят по вечерам к нему и другие послушать чтение и посудить о вере. Одни хвалят его «новые мысли», а другие – «лают» и называют Богомильного «штундой». А жаль, – человек-то уж больно хорош он, да ещё доводится мне и сват – добавил возница. – А далеко ли эта деревня в сторону будет от нашей дороги? – Вёрст восемь. – Может быть, нам бы с тобой заехать к Богомильному, да потолковать с ним «о набожном», на путь-истину наставить, а если опозднимся, то чай, можно в деревне и подночевать, сказал я? Возница с дорогой душой согласился «для спасения души свата» сделать крюк, и мы поехали в деревню N. Время было под вечер, уж скот пригнали домой и люди воротились с полей. Я сказал кучеру, чтобы он ехал прямо к Ивану Богомильному. Последний оказался дома и встретил нас косым взглядом, как бы испугавшись. Я приветствовал его евангельскими словами мира.

– «С миром принимаем», недружелюбно ответил Богомильный, – пожалуйста в хату – будете гости, а может дело какое имеете – и снова Иван исподлобья взглянул на меня. Взгляд этот говорил, что мы из тех гостей, которые бывают, по пословице, хуже татарина... В доме иконка оказалась одна небольшая и та картинная и прибита на косяке божницы, больше для вида и отвода глаз. Мы сели, перекинулись несколькими словами с хозяином: о хозяйстве, о семье Ивана. Оказалось, что у него недавно умерла мать-старушка. Разговор как-то не клеился. Тем временем весть о том, что к Богомильному приехал какой-то батюшка чужой, т. е. не приходский, быстро облетела деревню, и в хату один по одному стали приходить любопытные, – одни улыбаясь и как бы

торжествуя, что-де Иван попался в штунде и уж приехали «усоветивать» его, на челе других – единомышленников Богомильного, наоборот, – лежала печать угрюмости и раздражения. Они, входя приветствовали меня неохотным киванием головы, к руке же под благословение не подходили. Народу набралось человек десять. Надо было приступать к делу, но как его начать? Выручил сват – возница. Задав корму лошадям, он вошел в хату и прямо заговорил с Иваном о цели нашего посещения. – Здорово, сват! А я вот дорогой, случайно, с батькой-то разговорился за то за сё, да и о тебе проболтался, что, значит, ты над библией все сидишь, да истину шукаешь (изучаешь). Або в святые прямо хочешь попасть, або с ума спятить... Единомышленники Ивана вздохнули, прочие улыбнулись. – Батюшка-то, спасибо ему, продолжал сват – и пожелал посетить тебя и «побалакать» по душе «о набожном».

Богомильный, видимо, этим откровением был озадачен и молчал: вид он имел затравленного волка. В душе его происходила раздвоенность: прямо ли открыться, что я уж не их, или притвориться ничего не знающим.

– Я к тебе, возлюбленный о Господе брат Иван, заговорил я тоном соболезнающего отца, явился, следуя завету Божественного Учителя и Господа нашего Иисуса Христа, повелевшего в Своём Святом Евангелии алчущего напитать, жаждущего напоить. Из слов вашего свата я понял, что и вы алчете и жаждете, но не телесно, а духовно, ища новых каких-то лёгких путей в Царствие Божие... Вот ты и любишь слово Божие, и поучаешься в писании день и ночь. Всё это похвально, да поможет тебе Господь Бог; но я должен тебя предостеречь, что ведь слово Божие «обоюдоострый меч», – ведь надо уметь владеть мечом, а то ведь можно по раниться на смерть... Утолять жажду духовную тоже надо в меру и из чистых источников, а алчбу – здоровой пищей. Иначе тоже можно смертельно заболеть и навек погубить здоровье души своей. А это, ох, как страшно, ибо сказано в писании: «не бойтесь убивающих тело, а бойтесь убивающих душу».

Как поставленный от Господа Бога питать души, жаждущие истинным учением веры и врачевать духовные немощи

недужных братьев о Господе, душевно желал бы быть тебе, возлюбленный о Господе, полезным и побеседовать от слова Божия по вопросам веры, для тебя недоразуменным и смущающим твой дух. Будь только откровенен и смирен духом, не гордись и помни, что смиренным Бог даёт свою благодать... Слова мои умягчили сердце Ивана. Он ласковее взглянул на меня и сказал:

– Это действительно, слово Божие мы любим и почитаем его выше всякого учителя, ибо оно само может умудрить во спасение и всё оно полезно и к животу и благочестию...

– Да, всё это верно: воистину слово Божие на всё полезно; но ведь в посланиях есть много, – говорит апостол Петр, «неудобовразумительного, что невежды и неутверждённые превращают к собственной своей гибели» (2Пет.3:21)... Неужели ты, друже, себя считаешь сведущим и твёрдым, что, читая Библию, не боишься превратить Св. Писание и впасть в погибельные ереси... Когда я случайно узнал, что ты набожный, добрый человек, взялся сам без руководства за чтение Библии, да ещё и толкуешь эту глубину премудрости Божией и другим, – воистину испугался за тебя и, хотя мне дорога не в вашу деревню лежала, счёл своим долгом перед Господом навестить брата, в виду грозящей тебе опасности и с целью беседы и выяснения, с Божией помощью, того, что смущает твою страждущую душу.

– Спасибо вам, батюшка, – мягко ответил Иван, – только я не знаю, какую вы опасность видите. Слово Божие дано во спасение, в нём путь и истина, а к опасности оно не должно приводить; для меня, хвалить Бога, в слове Божиим, кажется, всё ясно, что нужно для спасения. Господь Сам, по милости Своей, открывает мне. А если угодно побеседовать к общему назиданию, извольте, я охотно буду слушать. Только не знаю, о чём вы будете беседовать.

– А я прошу тебя не только слушать, но и вопрошать меня.

В это время в хату вошла жена Ивана и старшие сын и дочь. Все подошли ко мне под благословение. В глазах их светилась радость, они смотрели на меня, как бы на покровителя и защитника их. Очевидно, в семье шла борьба из-

за религиозных убеждений. Наступило молчание. Я просил Господа вразумить мою мысль о предмете беседы...

– Вот ты, брат Иван, сказал, что недавно похоронил свою мать. Скажи же откровенно, молитесь ли вы за усопшую свою родительницу и умилоствуете ли Господа Бога за её грехи вольные и невольные? Поминаете ли покойницу, как подобает по православному?

Жена и дети насторожили уши. Предложенный мною вопрос оказался болезненно жгучим для сердца семьи, ибо Иван не допустил никакого поминовения.

– Поминовение умерших противно воле Божией, – буду по правде говорить, – сказал Иван.

Он вдохновился, лицо вытянулось и приняло страдальческое выражение, глаза блеснули лихорадочным огнём, говорившем и о страдании души, и о фанатизме.

– Вам должно быть известно из Писания, – это Сам Господь свидетельствует, что между адом и раем утверждена великая пропасть, так что хотящие перейти из рая в ад не могут, также и наоборот – из ада в рай не переходят. Вы хорошо это знаете сами, – из Евангелия Луки 16 гл. ст. 26, – продолжал Иван сдавленным голосом.

Слушатели все внимали с величайшим вниманием словам Ивана. Я молчал, давая спокойно изложить Богомильному все его доводы, чтобы узнать его воззрения и втянуть в откровенную беседу.

– А также и в псалме сказано, – продолжал Иван, – что человек никак не искупит брата своего и не даст Богу выкупа за него. Дорога цена искупления души и не будет того в век (Пс.48:8–9. 1Фес.4:13–16). И я думаю так, что кто хочет человека, умершего во грехах, выкупить посредством поминовения, то такой человек становится врагом Богу, так как не верит свидетельству Божию, которым засвидетельствовал Бог в своём св. слове. Скажу вам прямо, нечего таиться тут, называйте пггундой – всё равно, но мне странно, что вы, православные, молитесь за усопших. Я своей жинке не позволил этого делать по свекрови и разбил даже канун, когда она хотела его понести в церковь на панихиду. Я всё сказал,

теперь извольте вы меня судить. На глазах Ивана видны были слёзы. Он волновался, сбрасывая с души своей эти камни преткновения... Мне было ясно теперь, что Иван серьёзно занялся штундой и знает твёрдо догматику секты. Он находится, в самом опасном (первичном) периоде сектантского заболевания. С ним придётся говорить много.

Призвав мысленно на помощь Господа, я решился повести с этим умным и видно честным собеседником, каких немного в штунде, систематическую беседу о поднятом мной вопросе, хотя бы пришлось провести её и всю ночь. Тем более, что сват скомандовал на счёт самовара. Я предложил свой чай. Значит, гортань пересохшую будет чем промочить. Я велел принести мой чемодан с книгами, Иван зажёл лампу. Беседу свою далее буду излагать в диалогической форме.

II.

Священник. Спасибо тебе, Иване, за откровенное твоё признание. Судить не я тебя буду, а слово Божие – оно да судит нас и здесь, и в будущей жизни. Разберём высказанные тобой мысли: так ты считаешь *странным* молиться за умерших?

Штундист. Да зачем же это делать, когда оно – совершенно вещь не нужная для всех умерших. Это значит, всё равно, что сказать: «дадите нам от елея вашего, яко светильницы наши угасают»...

Священ. Понимаю, о чём ты хочешь говорить; но подожди. Не то странно, что мы, православные, молимся за умерших, а странно те, кто отрицает молиться за усопших, ибо они не имеют правильного понятия о Боге и христианстве, о загробном состоянии умерших, о взаимоотношениях последних с живыми братьями своими, о силе и значении молитвы христианина. «Тщетна, суетна, брат, вера твоя», если только ты будешь отрицать пользу и необходимость молитв за умерших. Ответь мне: нужно ли любить ближнего?

Штун. Конечно, нужно; на это есть и указание в самом учении Господа нашего Иисуса Христа, сказавшего: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мф.22:39).

Священ. Верно. Но тут же не сказано и нигде в Священном Писании не объяснено: люби ближнего твоего, пока он живёт на земле, а когда умрёт – перестань любить его и забудь о нём?

Штун. Вы о другом говорите: вопрос у нас о молитве, а вы заводите речь о любви.

Священ. Если бы ты знал, что есть молитва вообще и в частности живого за умершего, то ты понял бы, к чему речь моя. Что есть молитва живого за умершего? Есть самый лучший плод любви, ибо в молитве за умершего мы бескорыстно для себя и чистосердечно изливаем перед Богом свою душу, проливаем свои слёзы, просим о прощении ему грехов и в честь и во имя его иждиваем своё или его имение, творя разные дела милосердия бедным, несчастным; как бы его руками раздаём им нужное, что особенно угодно Богу.

Штун. Так что же из этого? Положим, если это вы делаете, то хорошо поступаете, вы и награду за это получите; а умершего время уже прошло: ничего он сам уже не может делать, ничем ему и помочь нельзя.

Священ. Нет, не прошло; пока ещё суда последнего над миром не было, то беспредельное милосердие Божие терпит грешникам и живым, и умершим. А об умерших ты имей такое представление. Умершие только для нас умерли, а не для Бога; для Бога они так же живы, как и мы с тобой, ибо Бог наш «не есть Бог мёртвых, но живых. Ибо у Него все живы» (Лк.20:38), – вся разница тут только в том, что душа живого соединена с телом её, а умершего дух вознёсся к Богу, а тело отошло в землю, где, подобно нам живым, ожидает суда Божия над собой. И всеблагий Господь и живым, и умершим желает спастись, а потому, по благодати такой своей, не отвергает! ничьей смиренной мольбы, будет ли она за того, кто её творит, будет ли она за кого-либо другого, и будет ли этот другой среди нас или будет – он отозван от нас к Богу, т. е. будет ли он живой или умерший. Не Сам ли Христос сему поучает, когда говорит: «Если чего попросите у Отца во имя Моё, то сделаю» (Ин.14:13). Что бы мы ни попросили (конечно, достойного Бога и вас самих), то обещает нам Господь наш и Искупитель исполнить; а мы, или служитель Божий, когда молимся, о себе ли, о других ли, о живых или об умерших, всегда творим молитву во имя Его, нашего Искупителя; особенно всегда сильна тут та жертва таинственная, которую приносит служитель Искупителя нашего, т. е. священник, которому дана особенная власть и благодать приносить ее (т. е. жертву) Живому Искупителю и во имя вечно Живого Искупителя. Не апостол ли Христов, или не Дух ли Сам Святой через него проглаголал на вечные времена эти святейшие слова: «Прошу совершать молитвы, прошения, моления, благодарения за всех человеков» (1Тим.2:1). Видите, тут же не сказано, чтобы молиться только за живых человеков; нет, любовь Божия безгранична, всеильна и всемирна, а потому она и не исключает из своей области и усопших. А если любовь Божия такова к усопшим, то и наша христианская любовь к ним такова

же должна быть, должна ей подоби́ться, подражать ей; мы, ведь, ученики Того, Который сказал о Себе, что Он Ходатай за всех (1Тим.2:5), значит, за всё человечество, за живых и умерших совокупно, а иначе Он Сам бы указал на исключение умерших. Не должны и мы исключать из любви своей, а, следовательно, и молитвы, умерших, как и живых, ибо и умершие, как и живые, нам братия по природе и благодати усыновления Божия. Ибо кто они такие, в самом деле, в отношении к нам? А те же самые, что и живые, т. е. наши сродники и братия по вере во Христа и по происхождению от единого Творца Бога нашего. Один у нас с ними Отец Небесный, один с ними образ и подобие Божие, один у нас Спаситель Иисус Христос, один Всесозидающий Дух благодати, Дух Утешитель; одно крещение, одна вера; всё у нас с ними одно, точно так, как и с живыми людьми, а потому – как же нам с ними не иметь общения в молитве, или что то же – как не любить их?! Святой апостол Иаков говорить: «Молитесь друг за друга» (Иак.5:16). Тут, как сам ты видишь, не сказано, за живых ли только молиться мы должны или и за умерших. Но мы и сами тут в силе сообразить, что нам нужно молиться за тех и за других, и за умерших в особенности. Почему? Потому что нашим умершим отцам и братьям, и прочим сродникам по плоти, отшедшим от нас ко Господу, нужно ещё очищение от грехов и прощение от Бога, чего уже сами они просить не могут и потому, по братолюбию, ожидают наших молитв и вашего ходатайства за них перед Богом.

Если мы не станем молиться за умерших, то мы в отношении к ним станем неблагодарнее и хуже язычников.

Штун. А это уже как у вас выходит?

Священ. А вот как. И язычники ставят на гробах своих умерших сродников или и на гробах чужих, но чем-либо для них особенно любимых и уважаемых людей язычников, какие-либо памятники – гранитные, мраморные, и иногда даже очень ценные, осыпают гробы их цветами, и тому подобное, выражая, конечно, этим свою благодарность к лицам и к деяниям умерших, свою любовь к ним, сохраняя между живыми память о них.

Неужели же мы, христиане, в этом отношении будем ниже, суше, бездушнее язычников? неужели же мы ни в чём не можем выразить своей благодарности и особенно любви к своим умершим, а любовь, ведь, зиждительная, основная сила христианства, всё в нём проникающая, такая сила, без которой не мыслимо и само христианство, ибо что есть вера христианская и христианство? Оно есть любовь ничем и никогда не погасимая и нигде не перестающая (1Кор.13:8). Христианство исключает всякую вражду, неприязнь и всё противоположное любви, которая есть «союз совершенства», а потому, в таком совершенстве, в такой религии, какова есть религия христианская, может ли быть такой крупнейший недостаток, такой пробел, как отсутствие любви, а, следовательно, и молитвы, к целой половине рода человеческого, т. е. к умершей всей братии нашей? – Нет, и нет! И потому мы – живые молимся, молимся за умерших, а святая мать наша Церковь православная предписывает нам, своим чадам, молиться за всех от века в вере и благочестии, т. е. в христианстве, и непременно в общении с Церковью, скончавшихся. Для этого она установила даже особые нарочитые дни, в неделе каждую субботу, и в году тоже несколько особых дней, хотя и ежедневно совершается бескровная жертва за умерших, как и за живых.

Особенно же молитвы усугубляются за каждого умершего у нас в 3-й, 9-й и 40-й дни по кончине его, также и в годовщину. Но об этом подробно не нахожу нужным сейчас объяснять. Главное же тут, чтобы ты знал, что молитвы живых за умерших необходимы потому, что они очень естественны, вытекают из любви ко всем братьям, для них необходимы и для них же, как и для нас, спасительны.

Штун. А знаете, батюшка, что из этого всего выходить?

Священ. А что?

Штун. А то, что эта ваша такая широкая ко всем умирающим братьям любовь им же и служит во вред.

Священ. Как так, объясни?

Штун. А так, что если эта любовь или, как вы говорите, молитвы любви, так спасительны и за каждого совершаются, то является беспечность или даже совершенно безразличное

отношение к смерти у православных: делай, мол, что хочешь, умрёшь – всё равно спасён будешь: молитвы других, а особенно священников или, как вы выражаетесь, «Церкви» помогут, или даже высвободят из ада, а они, по Писанию видно, не освободят. Вот оно и выходит обман.

Священ. Видишь ли, друже, ты оставил веру православную, нашёл какую-то другую, а не знаешь совсем того, что ты оставил; а оставлять, покидать что-либо, не зная ему цены и не желая знать этого, и искать чего-то неизвестного, как непременно лучшего покидаемого... ну, скажите, есть ли тут какой-либо человеческий толк?! Наше моление за умерших о даровании им вечности покойной, оставления прегрешений и, наконец, царства небесного, совершенно не даёт никому из живых «грамоты», позволяющей им, как угодно, жить, какие угодно мерзости творить. Умерших не распаянными грешниками, отступников от веры, отлучённых от Церкви и веры, богохульников, врагов Божиих святая Церковь наша не берёт под своё покровительство, т. е. не молится о них, даже и тогда, когда они находятся в живых, и это просто потому, что и ходатайство о таковых не уместно перед Богом, если они не веровали в это ходатайство, не предавали ему никакого значения, или смеялись и поносили его. Не свята была бы и молитва, для них не спасительна и Господу противна. Конечно, за отступников от веры, хулящих во всём, особенно в таинствах Святых, Духа Святого, когда они умирают, православная Церковь не молится, ибо они для неё всё равно, что язычник и мытарь. Не молится св. Церковь наша и за тех, которые кончают жизнь свою самоубийством.

Штун. Вот это уже не по писанию: надо и за врагов молиться; если они заблудшие или самоубийцы, то они же очень несчастны и нуждаются, в таком случае, в помощи людской даже больше, чем умирающий естественной смертью; вот тут бы, кажется, Церкви уместнее всего молиться и милосердовать о ближних, о чадах своих.

Священ. Конечно, несчастны; но они для Церкви, «яко язычник и мытарь», потому что потеряли веру во всеблагого Бога и упование на бесконечное милосердие Бога, желающего

всем грешникам жизни и спасения. Самоубийцы же самочинцы, возмутители против прав Бога, Который Один лишь может прекратить в своё время, когда, «придём в меру возраста совершенного», нашу жизнь; может её взять от нас Тот Един, Кто и дал её нам. Различия тут мало между отщепенцами и самоубийцами. Последние, вопреки воли Господа Своего, удалились из сего мира, а вы ушли от Него, хотя и на некоторое время ещё остаётесь в мире. Но некоторые из самоубийц, заметьте это себе, будут иметь перед Богом больше дерзновения и снисхождения для себя, чем сектанты и еретики.

Штун. Почему же это так?

Священ. А потому, что самоубийцы совершают свое преступнейшее дело, в экстазе, т. е. в припадке безумия и болезней кошмара – препобеждающих слабую природу – разум и волю человека; а сектанты удаление своё от Бога совершают свободно, сознательно, желая стать «яко бози», хотящие знать всё доброе и всё злое; удаляются от спасительной веры Христовой, порицая всех и всё святое, и всё это делается в безумной, дьявольской гордости. Ещё потому сектанты хуже самоубийц, что те губят только свою собственную душу, а еретики своим учением влияют на многих других, удаляя от Бога, а, следовательно, и губя своих детей, близких им и чужих. Церковь имеет указание от Самого Господа, о ком из живых и умерших молиться, а о ком нет.

Штун. Как, от Самого Господа?! Прошу вас очень, скажите мне эти драгоценные Слова Его.

Священ. Изволь слушать, что Апостол любви говорит: «если кто видит брата своего согрешающего грехом не к смерти, то пусть молится, и Бог даст ему жизнь, согрешающему грехом не к смерти. Есть грех к смерти: не о том говорю, чтобы он молился» (1Ин.5:16). Видите, какое апостол даёт наставление: повелевает молиться за одних и обещает, что за это Бог даст ему живот, т. е. жизнь продлит, если он ещё жив, помилование и грехов прощение; а если он уже умер, то – грехов прощение, без чего для умершего нет жизни, а смерть вторая, – и живот, т. е. вечный, вечную свободу от наказания за грехи, или что тоже – вечное блаженство, царство небесное. А если кто согрешил

грехом к смерти, т. е. кто умер и совершенно не раскаялся в своих преступлениях греховных, как отчаянный и безнадёжный грешник, который и живя был ничем иным, как мертвецом по душе, за такового нет повеления от Бога молиться, значит, ни при жизни, ни по смерти его (Мф.12:32).

В этих словах апостола даётся и разъяснение того, для кого из умерших лежит пропасть великая между адом и раем и кто не может перейти из ада в рай и наоборот; Кто не раскаянный, мёртвый душой, как богатый Лазарь, а не тот, кто умер с покаянием и надеждой на милосердие Божие и лишь не успел принести достойных плодов покаяния. Когда не будет перехода, не теперь? После всеобщего суда, когда каждому воздано будет по делам его и когда всяк пожнёт, что посеял здесь – доброе или злое.

А что касается приведённого тобой места из псалма 48, то Давид говорит здесь совсем не о том – он говорит об искуплении человечества от первородного греха, которое не может совершить человек, а только Богочеловек, Единственный Ходатай между Богом и человеком, Человек-Христос Иисус (2 Тим.). Таковы доказательства из Свящ. Писания Нового Завета по вопросу о молитве за усопших, но не менее сильное указание есть и в другой половине Божия Слова – и в Ветхом завете. Читай или послушай, я прочту тебе 36 ст. 7-й главы Сираха, – вот, что там написано: «милость даяния да будет ко всякому живущему, но и умершего не лишай милости». Что это означает? Это значит: твори, живой, для умершего полезное; принеси жертву за умершего или ко алтарю, Или сделай благотворение, милостыню бедному, в память умершего.

Штун. Я этого никогда не читал места; оно, действительно, ясно доказывает ваше учение и идёт против моих новых мыслей... А ещё нет ли подобных мест в Священном Писании?

Священ. Если поискать в библии, то найдется и не одно основание в пользу учения православной Церкви о сём предмете, а много. В том и беда, что вы прежде времени судили о всём, не исследовав всего писания. Ищи вторую книгу Маккавейскую, 12 главу, 46 стих, где читаем о благочестивом вожде Иуде, что он: «помышлял, что скончавшимся в

благочестии уготована превосходная награда. – Посему принёс за умерших умиловительную жертву, да разрешатся от греха». Видишь ли, что Иуда делает, и при том не сам, не один за одного, а со многими и за многих умерших (2Макк.12:40,43) – Иуда Маккавей и его сподвижники, эти лучшие люди Ветхого Завета, и сотворили это открыто, не дома, а всенародно, ибо они, как говорится в первой половине 43-го ст., «собрали до двух тысяч драхм» серебра и послали в Иерусалим», в храм, чтобы там совершена была молитва церковная священником или первосвященником о всех павших воинах. И в том же 43-м стихе, в конце, замечено так: «и поступил (вождь Иуда) весьма хорошо и благочестно, помышляя о воскресении». Как видишь, вся ветхозаветная Церковь признавала молитву живых за умерших делом святым и полезным, как для живых, творящих её за умерших, так тем более для умерших. И такое дело, и поведение избранного народа Божия, ты слышал. Сам Бог похваляет. Молитва и милостыня живых избавляет от вечной смерти умерших, как о сём говорит в своем завещании Товит праведник, особенно заботившийся и любивший молиться за умерших, сыну своему богоугоднику Товии: «милостыня от смерти избавляет и не допускает идти во тьму», т. е. на вечные мучения (Тов.4:10),

Штун. Вы сказали, что имеется много мест таких в священном Писании?

Священ. Да, имеется. Советую и тебе запомнить и отметить их по своей Библии, ибо я тебе не буду иметь сил и времени сейчас всё объяснить подробно. Вот они, эти места; отмечай: Быт.8:20,18:32,20:17; Исх.13:14,32:11,32; Втор.9:25,17:25,26; 1Цар.31:11–13,12,19; 2Цар. 2 и 3 главы; 3Цар.17:22; 4Цар.4:35; 2Пар.30:27; Притч. главы: 8 и 17; Иов.42:10; Пс.85:5,21:25,34:13,123:7,106:6; 140; 144:14; Руф.1:8,2:20; Еккл. 9 гл.; Сир.7:36; 17 гл. и 38; Вар.3:4–5,5:9; 2Мак.12:38–46,15:12,16; Тов.4:17; Иер.5:1,14:11,15:1,16:7. А в Новом Завете таких указаний ещё больше.

Штун. Говорите, я отмечу и те.

Священ. Мф.7:7,9:6,12:31–32,21:22,22:32,16:18–19,27:52; Мк.11:24; Лк.18:9,6:38,8:7,11:9,14:5,20:37,23:34; Ин.2:2. 3, 16. 14,

13. 20, 23; Деян. 2 гл. Деян. 7:60, 5:15, 8:24, 12:5, 19:12; Иак. 5:16; 1Пет. 3:18–20, 2:21; 1Ин. 2:30, 5:16; Рим. 9:3, 14:9, 8:1, 12:4; 1Кор. 1:30, 2:14–15, 12:12, 15, 25, 26, 13:8; 2Кор. 11:29; Гал. 6:2; Еф. 1:16, 6:18–19; Кол. 1:9–10, 4:3, 12; 1Фес. 1:2, 3:10, 5:25. 2Фес. 1:11, 3:1; Флп. 1:14, 13, 2:12; 2Сол. 1:5; 1Тим. 2:1, 2–8, 3:15; 2Тим. 1:3, 16; Евр. 7:25, 13:18 и Апок. 8:3, 5, 20:13–14.

Штун. Все места, вами указанные, аккуратно отметил.

Священ. Из них ты хорошо увидишь не только о молитве об умерших, но и о молитве вообще, какую она имеет силу перед Богом, и как она приятна Ему. Ты из этих указаний ещё больше убедишься, что нужно живым молиться за умерших, что нужно молиться живым за живых, что и святые, увидишь, нуждались в молитвах, когда были живы на земле и просили о себе молиться и людей грешных; узнаешь и убедишься, что тем более грешные о себе должны искать и просить молитв у святых Божиих человеков; увидишь, что даже Сам Господь молился о себе и о всём мире и Он же заповедал, узнаешь сам, мирянам обращаться к священникам и просить их, чтобы они молились о вас и ходатайствовали Богу.

Священник *Савва Багданович*
(Окончание следует).

**Шалкинский С. Миссионерская беседа с
раскольничьим апологетом А. Перетрухиным о
существенных признаках Церкви Христовой. //
Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 250–257**

Перетрухин.¹⁰⁰ Добрые слушатели! Вы замечали, что о. миссионер только и повторяет один вопрос: «может ли св. Церковь лишиться всех епископов и полноты таинств»? Но такого вопроса, добрые слушатели, в св. Писании нет; значит, о. миссионер сам измыслил его, да и хочет обвинить нас этим самоимзышлением-то. А мы вот что скажем о. миссионеру: наша церковь была не вселенской, а частной, или поместной церковью; частная же церковь может лишиться всех епископов, что я отчасти уже и доказал и ещё докажу. Фёдор Студит поучает, что частная церковь может состоять даже и из трёх христиан, а св. Афанасий Великий говорит: «во времена гонений при оскудении учителей (истинных) сам Господь Духом Своим Святым препитает верующих в него» (кн. 4, стр. 146). Видите, как ясно учат святые отцы. Я просто удивляюсь, как после этого можно говорить, что предмет нашей беседы не окончен. Но о. миссионер опять скажет, что я до сих пор ещё не привёл ясного свидетельства, что *все* епископы не частной, а вселенской церкви могут уклониться в ересь. Не буду говорить от себя, а лучше прочитаю слово Божие. Вот в «Откровении» св. Иоанна Богослова о последних судьбах св. церкви сказано: «Когда (Ангел) снял шестую печать, я взглянул, и вот, произошло великое землетрясение, и солнце стало мрачно, как власяница, и луна сделалась, как кровь. И звёзды небесные пали на землю, как смоковница, потрясаемая сильным ветром, роняет незрелые смоквы свои» (Откр.6:12–13). Сказано: *звёзды пали*. Сколько звёзд, не сказано: может быть, все, а может быть и не все, но только ясно сказано, что *пали*. Что же это за звёзды?.. Звёзды – это епископы! Пусть теперь о. Сергей говорит, если не имеет стыда, что я ничего не доказал!..

После этого Перетрухин с увлечением, так сказать, по заученному, стал говорить, конечно, превратно толкуя, о

клятвах собора 1666–67 гг., о Павле Коломенском, о деянии на Мартина еретика, о руке св. Андрея Первозванного, о порицаниях полемических книг, о единоверии, которое обзывал разными неприличными словами. Читал в своё оправдание 8 правило первого вселенского собора, 15 пр. второпервого собора и проч., а затем стал опять доказывать, что одно только исповедание без исповедующих есть церковь Христова. В подтверждение этой мысли он прочитал из Евангелия: «Вы (апостолы) за кого почитаете Меня (Сына Человеческого)? Симон же Пётр, отвечая, сказал: Ты Христос, Сын Бога живого. Тогда Иисус сказал ему в ответ: блажен ты, Симон, сын Ионин» (Мф.16:16–17). Видите, Петра называет блаженным за то, что он исповедал Его Сыном Божиим и на его исповедании обещался создать церковь. Но ручался ли когда-нибудь Господь за веру Петра? Нет, никогда не ручался. Он знал, что Пётр падёт и, действительно, несколько минут Господь называет его уже не блаженным, а сатаной: «Отойди от Меня, сатано», сказал Господь Петру, когда тот стал неправо мудрствовать. Но это ещё не всё... мы знаем, что потом Пётр даже отпал от веры во Христа. Если же апостол Пётр не устоял в вере, то неужели Никон не мог пасть в ересь? Да не только один Пётр, а *все* апостолы оставили Христа, разбежались от Христа, а это событие и даёт вам право утверждать, что и *все епископы* могут уклониться в ересь. Что наше учение не произвольное, это мы докажем. Пророк Захария говорил: «порази пастыря и расточатся овцы стада. И наведу руку Мою на пастыря» (Зах.13:7). По толкованию пр. Ефрема Сирина, «здесь называются пастырями святые апостолы – овцы стада Христова, но и пастыри всех церквей». Чего же после этого ещё будет возражать нам о. миссионер? Но мы приведём ещё свои доказательства и будем просить о. миссионера считать вопрос окончательно выясненным и потому беседу закончить. Слушайте же. Летописец Бароний пишет: «приидохом до тысящи лет, смотряюще на то, еже в сия лета с церковию Божиею деяшеся, и видехом, яко сия тысяща лет, яко един день пред Богом, яко день вчерашний, иже мимо иде. О, коль мнози сицевии дни бяху светли, инии же темни, в ниже не видено бе

солнце, сие есть церковь Божия в благополучии пребывание, а временем в печалех, обаче солнце с нею всегда, и в темные дни всегда с нею Христос, аще она и зло страждет, никогда же ю оставляет, яко же свет его, тако и тьма его. Яко же темные и сумрачные дни никогда же суть без солнца, тако и церковь Его и в злополучии никогда же без Христа; всегда (Христос) с нею есть, Он содержит и правит ю, по словеси своему до скончания века» (Барон. лето Госп. 1.000-е). А вот и ещё доказательство. Господь обещал апостолу Иуде, что он вместе с другими апостолами сядет на престоле и будет судить израильтян, а однако мы видим, что это обетование Господне не исполнилось.

Вот слушайте: «Иисус же рече им (апостолам): аминь глаголю вам, яко вы шедший по мне, в паки бытие; егда сядет сын человеческий на престоле славы своея, сядете и вы на двоюнадесяте престолу, судяще обеманадесяте коленом израилевом». Толкование. «Еда бо сести имуть яко же глаголет; ни; но премногую почесть седением являет. Прочее бо аще сядут, и Иуда сести имать, поне же бо и той тамо баше егда се рече Господь, обаче же несть: последовавший бо рече, сиречь до конца, ино же паки: множицею бо обещается Бог достойным неким благая дати, аще ли же на лукавство предложатся, и недостойни будут отъимает благая» (благов. Еванг. Матф. л. 162 об.). Если о. миссионер докажет нам, что Иуда будет судить народ вместе с другими апостолами, то мы заблуждаемся, а если не докажет этого, то мы остаёмся при своём убеждении, что обетования Божии не всегда сбываются, поэтому и церковь Христова может быть без епископов. Историк Ветринский (во 2 томе, на стр. 185) свидетельствует, что на востоке одно время шестьдесят церквей было без епископа, а то велика беда, что у нас не было епископа. Да тут и ничего нет такого, за что можно было бы обвинять нас. Ещё апостол Павел говорил, что церковь может быть без епископа. «Внимайте себе и всему стаду, в нём же вас Дух Святый постави епископы, пасти церковь Господа Бога, юже стяжа кровию Своею» (Деян.20:28). Так говорил апостол мелитским епископам. Видите: *«постави епископы пасти церковь»*, значит церковь уже была и к ней, как к стаду, поставлены пастыри-епископы.

Ясное дело, что и до поставления епископов церковь была. А с еретиками- епископами входить в общение воспрещено. Св. Киприан, епископ карфагенский, поучает: «Да не обольщает себя народ мыслью, будто он может быть свободен от греховной заразы, имея общение со священником грешником и своим согласием способствуя несправедному и незаконному епископству своего предстоятеля».

Угрозой возведённой через пророка Осию: *требы их яко хлеб жалости им, вси ядущии тыя осквернятся* (Ос.9:4), божественный суд научает и показывает, что всячески становятся причастны греху все, которые осквернились жертвой нечистого и несправедного священника; то же самое показано и в книге Числ, когда Корей, Дафан и Авирон, восставши на священника Аарона, присвоили себе право приносить жертвы: и там Бог чрез Моисея повелел народу отделиться от них, чтобы, связавшись с нечестивыми, он сам не заразился тем же нечестием: *отступите*, говорит, от куш человек жестокосердых сих, и не прикаснитесь ко всем, елика суть им, да не погибнете во всем грехе их (Числ.16:26). И так, народ, повинующийся божественным заповедям и любящий Бога, должен отделяться от грешника предстоятеля и не участвовать в жертвоприношении святотатственного священника» (Твор. Св. Киприана, письмо 56).

После этого Перетрухин читал несколько минут толкование Св. Иоанна Златоустого на 17 главу книги Бытия, где о церкви и епископах не говорится ни одного слова, а доказывается, что Бог верен в Своих обетованиях, хотя людям иногда и долго приходится ожидать выполнения сих обетований

Затем, повторив ещё раз, что старообрядцы составляли частную церковь, Перетрухин сказал, что даже «известный учёный греко-российской церкви, богослов Филарет, архиепископ Черниговский, учит, что частные церкви могут быть без епископов. Толкуя слова Апокалипсиса: *ходяй посреде светильник златых*, он говорит, что эти слова нужно относить к поместным церквам, которые Господь может переносить из одной стороны в другую и вновь возжигать свет их светлее прежнего (Богосл. арх. Филарета, ч. 2, стр. 246). Итак.. я

кончил!.. Пусть кто как понял, так и понимает, но мне думается, что все скажут: поставленный о. миссионером вопрос решён вполне достаточно и основательно. Лучше поговорим о другом вопросе».

Лишь только Перетрухин кончил свои слова, как народ закричал, точно заранее сговорились, чтобы беседа была закончена, так как все утомлены. Шум продолжался несколько минут. Когда восстановился порядок, о. миссионер приступил к рассмотрению приведённых Перетрухиным доказательств.

VII.

Миссионер. Долго и много говорил и читал г. Перетрухин, чтобы решить поставленный мной в начале беседы вопрос, но опять решить его в свою пользу не мог. Да и что, на самом-то деле, может сказать дельного в свою защиту г. Перетрухин? Я спрашиваю: «может ли святая, основанная здесь на земле Христом Спасителем, церковь лишиться всех епископов»? Св. Златоуст отвечает: нет, не может этого быть: *не может бо церкви без епископа быти* (Марг. л. 154 об.), ибо без епископа не может быть даже и самого христианства (Беседы на 14 посл. стр. 2552). Так отвечает на этот вопрос великий учитель церкви Св. Златоуст. Что же может сказать против этого св. отца господин Перетрухин? Далее я спрашивал: «может ли для Христовой церкви настать такое время, когда она будет лишена полноты церковных таинств? Нет, такого времени для Христовой церкви никогда не настанет, ибо она все семь таинств *всегда* употребляет (л. 356) и этим отличается от прочих именующихся, но не истинных церквей, которые иногда и не имеют всех семи таинств (л. 360 об.)» Что же мог сказать на все это Перетрухин? Конечно, ответ здесь один: так как в обществе старообрядцев, по отделении от св. церкви, не было полноты церковной иерархии, ни богоустановленного числа таинств, то оно и не было никогда св. Христовой церковью, а потому все старообрядцы наследуют не спасение, а вечное мучение, как пребывающие вне спасительного ковчега св. церкви. Но сказать так, сказать, что митрополит Амвросий пришёл не к св. церкви, а к самочинному, безблагодатному обществу и, как еретик, освятить это общество, облагодатствовать его не мог, как равно и сам от этого общества не мог быть облагодатствован, – сказать, говорю, так правдиво Перетрухину – не выгодно, поэтому он и начинает зачитывать вас мнимыми доказательствами! Но доказал ли он хоть что-нибудь в свою пользу?

Прежде всего обращаю ваше внимание на то, что Перетрухин ни слова не сказал о таинствах церковных; этим он

ясно доказал, что оправдать своё общество в лишении некоторых таинств он не может. Далее Перетрухин вопрос о церкви и таинствах – называет измышлённым мной. Неправда. Церковь создана, таинства установлены Самим Господом, следовательно, и вопрос о церкви и таинствах, вне которой и без которых нельзя получить спасения и божественного усыновления, не самоизмышлённый мной, а вопрос серьёзный, о котором говорится и в Евангелии и в постановлении 2 вселенского собора (9 чл. симв. веры). Посмотрим теперь, что доказывал Перетрухин. Он говорит, что их общество, до принятия м. Амвросия, было частной церковью, а частная церковь может быть некоторое время и без епископа. Но говорит это Перетрухин только потому, что нужно же что-нибудь сказать. Частной церковью называется частица вселенской церкви, церковь какой-нибудь известной местности. Например: Екатеринославская, Донская, Киевская и др. епархии – суть церкви частные; каждая из них порознь может быть некоторое время без епископа, но в это же время в единоверных им других частных церквях (из которых, вместе взятых, состоит церковь вселенская), этого недостатка случиться не может. Напр., в южной России в 1595 году уклонились в унию 6 епископов; эта поместная церковь, следовательно, была без епископов; но в то же время, здесь на юге оставалось два православных епископа; были они в северной России, были на востоке и др. местах. Но так ли было у старообрядцев? У них не только в России, но нигде, во всём мире не было ни одного единомысленного епископа, а это уже означает, что не поместная, не частная, а вся старообрядческая церковь лишилась епископов, чего с святой Христовой церковью случиться никогда не может; а потому общество старообрядцев Христовою церковью не было, и напрасно поэтому Перетрухин приводил правила о принятии еретиков, где сказано: «еретики приходяще к святей соборней и апостольстей церкви»: – ему нужно было бы сначала доказать, что старообрядцы имеют все признаки святой соборной и апостольской церкви, а затем уже и приводить это правило. Но Перетрухин привёл нам доказательство, что Симеон Солунский называет и три человека

церковью. Три, скажу я, – этого очень много: Большой Катехизис и одного христианина называет церковью, но святой ли, соборной ли, апостольской-ли? Не только человек, но даже и храм, дом, в котором собираются верующие на молитву, называются церковью... Но вопрос у нас не об одном или двух и трёх христианах, не о храмах, а о святой церкви Христовой, которой, по учению даже и уважаемых старообрядцами книг, называется «собрание всех верных Божиих»... Если три человека – церковь, то тем более придётся признать церковью Божией общество беспоповцев, беглопоповцев, хлыстов, шалопутов и др. Но с этим не может согласиться и Перетрухин; следовательно, напрасно он и приводил слова Симеона Солунского, который в защиту старообрядчества не говорит ни слова, а – наоборот – утверждает, что то общество, в котором нет архиерея (епископа), не может иметь законно совершённых таинств, – там, говорит: «ниже миро святое, ниже крещение, ниже убо христиане» (Сим. Солунск. кн. 1, гл. 77). После этого, вполне неудачного, доказательства, Перетрухин приводит слова св. Афанасия: «во время гонения, при оскудении учителей сам Господь Духом Своим Святым препитает верующих в Него». Но *оскудение учителей* не значит ещё, что церковь Христова может *лишиться* всех *епископов*, тем более, что слова – учитель и епископ не всегда означают одно и то же лицо.

Ап. Павел говорит: «иных Бог поставил в церкви, во-первых апостолами (а преемники апостолов и есть епископы (14 пр. неокесар. соб.)), во-вторых – пророками, в-третьих – учителями... Все ли апостолы, все ли пророки, все ли учителя? (1Кор.12:28–29) Кроме того, слово *оскудение* нельзя понимать в смысле совершенного *неимения*, *прекращения*, *уничтожения* какого-либо предмета.

Не лучше этого и следующее доказательство Перетрухина о звёздах, под которыми он понимает епископов. Но, во-первых, сам же Перетрухин говорит, что «все ли, или не все они пали, – этого не известно», – но ведь ему нужно доказать, что именно *все падают*. Приведённое им из Апокалипсиса место не доказывает такой мысли, а потому и излишне было приводить его, тем более, что книга «о вере» данное место понимает

буквально, а не в переносном, не в иносказательном смысле (л. 275). Во-вторых, дальнейшие слова Апокалипсиса (Откр.6:14): *всяка гора и остров от мест своих двинутся*, по толкованию св. Андрея Кесарийского, показывают, что даже во времена пришествия последнего антихриста будут *начальствующие над церковным благочинием*, которые в переносном смысле называются не звёздами, а *горами*.

Не доказав ничего этими двумя свидетельствами и, таким образом, не ответив на поставленный мной вопрос, не оправдав своего общества, Перетрухин, чтобы выйти из неловкого положения, начинает говорить сразу о многих вопросах, коими тщится обвинить уже нашу православную церковь. Это выходка, недостойная беспристрастного исследователя истины; поэтому я и заявляю ещё раз, что только безответность заставляет Перетрухина так поступать. Все его замечания по поводу клятв, порицаний, единоверия и пр. я не оставляю без замечаний, но только не теперь, а завтра; теперь же я считаю и разбираемый вопрос не вполне решённым, так как Перетрухин до сих пор не дал мне основательного ответа. Он, как и в начале беседы, доказывал, что и одно только исповедание веры есть Церковь Христова, но так как об этом уже достаточно говорилось, то повторять одно и то же я считаю излишним.

Священник-миссионер *Сергий Шалкинский*
(Окончание следует).

Из миссионерских запросов

Булгаков Н. Где есть указание в св. Писании, что греко-российская церковь ведёт своё начало от апостолов, – а не есть она то общество, которое возмутилось против первомученика архидиакона Стефана, как злословят сектанты? II
Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 258–260

Где есть указание в св. Писании, что греко-российская церковь ведёт своё начало от апостолов, – а не есть она то общество, которое возмутилось против первомученика архидиакона Стефана, как злословят сектанты моего прихода?

Священник Воронежской губернии, слободы Подосиновки, Митрофан Б-н.

Ответствуем прежде всего на вторую половину вопроса» Общество, возмущившееся против св. архидиакона Стефана, ничего общего с греко-российской церковью не имеет: лица, вступившие в спор со св. Стефаном, принадлежали, к так называемым, иудеям-эллинистам, т. е. иудеям, жившим в разных странах языческого мира и говорившим на распространённом тогда греческом языке. Эллинисты часто переселялись из языческих стран на постоянное или же временное жительство в Иерусалим и ко времени св. Стефана имели здесь свои пять синагог – либертинцев, кирийцев, александрийцев, киликийцев и асийцев (Арх. Михаил. Толков. апост. Москва. 1876 г. ч. 1, стр. 162 и 169–170). Члены этих синагог, не верующие во Христа-Спасителя, и возбудили гонение на св. первомученика. Схваченный своими гонителями и приведённый в синагогу (Деян.6:12), св. Стефан сказал здесь обличительно-защитительную речь (Деян.7:2–53); в этой речи для нас в данном случае особенно важны стихи 47–53, в которых первомученик характеризует своих гонителей. Св. Стефан говорит, что, хотя Соломон и построил Богу дом, но Всевышний не в рукотворенных храмах живёт (ст. 47–48); этими словами он прямо имеет в виду заблуждение иудеев, которые

думали, что Господь обитает исключительно только в храме Иерусалимском, где и должно поэтому навсегда сосредоточиваться истинное богочтение (Ин.4:20; ср. Иер.7:4,8,13–14). Православная же греко-российская церковь всегда веровала и верует, что Бог есть Дух вездесущий (Правосл. Исповед. ч. 1, отв. на вопр. 13 и 17) и потому не ограничивается каким-либо одним православным храмом или храмами, которые везде являются местами только особенного присутствия Божия и молитвы верующих, Затем св. архидиакон упрекает своих гонителей в исконном противлении Духу Святому (ст. 51); между тем, греко-российская церковь Духу Святому не только не противится, но, напротив, ежедневно призывает Его в молитве: «Царю небесный...» «Отцы ваши, – говорит св. Стефан своим противникам, – гнали и убили пророков, предвозвестивших пришествие Спасителя, предателями и убийцами Которого ныне сделались вы» (Деян.7:52). И это тяжкое обличение нисколько неприложимо к греко-российской церкви, которая никогда и никому Христа-Спасителя не предавала и не убивала. Вера греко-российской церкви в Сына Божия едиnorodного, ради нас и ради нашего спасения сшедшего с небес, идёт от самых времён апостольских и торжественно выражена в Никео-Цареградском символе. Равным образом, вся многовековая история греко-российской церкви свидетельствует, что она не преследовала (да, естественно, и не могла этого делать) и не избивала пророков Божиих, предсказывавших о Мессии и Его царстве; напротив, греко-российская церковь искони почитает этих пророков, как друзей Божиих, – прославляет их, как угодников Всевышнего, и призывает их в своих молитвах, как естественных ходатаев и заступников наших перед Богом.

За свою смелую речь св. архидиакон Стефан был побит камнями. Убийцы бросили тело первомученика на съедение зверям и птицам, и оно весь день и ночь лежало непогребённым. Но на вторую ночь Гамалиил, который веровал во Христа (Деян.5:34–40,22:3), послал верных людей взять тайно тело св. Стефана, отнёс его в село своё Кафаргамалу, отстоящее на 20 стадий от Иерусалима, и там предал с честью

погребению. (Протопопов. Жития святых... Декабрь. Москва. 1885 года, стр. 432). В 415 г. нетленные мощи св. Стефана были обретыны пресвитером Лукианом и перенесены в Иерусалим. Но память св. Стефана праздновалась греко-восточной церковью гораздо раньше обретения его мощей, т. е., V века, – потому что ещё Константин Великий построил в честь первомученика храм в Константинополе, а отцы IV-го века (напр., Иоанн Златоустый, Григорий Нисский, Астерий Амасийский) говорили на память его беседы; теперь греко-восточная церковь ублажает первомученика Стефана три раза в год: 2-го августа, 15-го сентября и 27-го декабря (Арх. Сергей. Полный месяцесл. Вост. Москва. 1876 г. т. II, ч. 2, стр. 226, 402); между прочим, кость правой руки от мощей св. Стефана в настоящее время находится в Троицко-Сергиевской лавре, в келье преподобного Сергия (Христ. Чт. 1862 г. т. 2, стр. 731 и дал.), куда ежегодно стекаются тысячи православных богомольцев для поклонения. Разумно ли теперь после всего этого говорить *гнилые слова* (Еф.4:29), что греко-российская церковь будто бы представляет из себя общество, возмущившееся против св. архидиакона Стефана? Не уподобляются ли говорящие так *глухим аспидам, которые затыкают уши свои и не слышат голоса заклинателя, самого искусного в заклинаниях* (Пс.57:5–6)? Не становятся ли они в ряды упорных иудее, у которых – по пророку – *шея железная и лоб медный* (Ис.48:4)? Нет, если уже серьёзно говорить на основании Слова Божия и истории о противниках св. Стефана, – то таковыми противниками являются прежде всего ослеплённые сердцем и умом евреи (2Кор.3:14–15), а затем – наши сектанты, не понимающие истинно-православного, согласного с Божественным Откровением, учения о храмопочитании, – не прославляющие святых добропобедных наших мучеников (в том числе и первомученика Стефана) и отвергающие почитание нетленных мощей угодников Божиих.

Что касается вопроса о начале греко-российской церкви от апостолов, то он решается через сравнение устройства и жизни древней апостольской церкви, изображённой в книге Деяний и посланиях апостольских, с настоящим строем церкви греко-

русской. Так, апостольская церковь имела епископов, пресвитеров и диаконов (Флп.1:1; Тит.1:6; Деян.14:23; 1Тим.3:1,2,8 и друг.); эта же трёхчинная иерархия преемственно, через рукоположение от апостолов, существует и в греко-русской церкви. В древней апостольской церкви мы находим почитание святых угодников (Иак.5:11), – в греко-русской церкви есть то же самое. Все члены древней апостольской церкви почитали рукотворенные храмы и посещали их для молитвы, проповеди и слушания Слова Божия (Деян.2:46,3:1,5:42; 2Фес.2:4; Откр. 8:6); и в греко-русский церкви почитание храмов – дело общеизвестное и т. д. Пунктов, существенно (а не случайно) связующих греко-русскую церковь с церковью древне-апостольской, очень много. В частности, с молоканами-воскресниками беседы о божественно благодатном происхождении греко-русской церкви от апостолов лучше всего начинать с Вопроса о водном крещении.

С.-Петербургский епархиальный миссионер *П. Булгаков*

Чельцов М. Как принимать в Церковь беспоповцев, смущающихся о своем крещении в расколе? // Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 260–261

Некоторые из беспоповцев, присоединяющихся к православной церкви, смущаются относительно законности и спасительности первого своего крещения, не имея даже точных сведений, когда и как таковое совершено. Нельзя ли, во внимание к их больной совести, совершать чиноприём первым чином, а не вторым, как положено?

Подольский епарх. миссионер Виктор Потоцкий

Вопрошателю, конечно, известно, что, на основании канонов церковных, практики вселенской церкви и обще-церковного взгляда на правильно совершаемое крещение младенцев мирянами, у нас раскольники вообще и, в частности – беспоповцы приемлются в лоно Православной Церкви без повторения над ними крещения. Следовательно, не об этом он спрашивает; и «законность, и спасительность первого крещения» беспоповцев священник, как и миссионер, может им разъяснить. Известна ему, вероятно, практика нашей церкви и на тот случай, когда «не имеется точных сведений, когда и как совершено» крещение над известным лицом. Требуется, навести самые тщательные справки через опросы достоверных свидетелей и ближайших родственников того, о крещении которого возникли сомнения. И только тогда, когда не будет дано удовлетворительных сведений о действительно бывшем крещении, «подобает без всякого сомнения крестить их, дабы такое сомнение не лишало их очищения сей святыней» (Карф. соб. 83 пр. Ср. VI в. соб. 84 пр.). Нет никаких оснований не прилагать этих правил и к раскольникам, о крещении которых нет достаточно достоверных сведений, раз крещение от мирянина, правильно совершённое, признаётся у нас неповторяемым. Едва ли, не единственный пример во всей продолжительной древней практике, когда раскольников требовали перекрещивать, можно указать в деяниях Карфагенских соборов (половины III в.) при св. Киприане. Этот,

в письме своём к нумидийским епископам, писал, что в виду того, что «никто не может быть крещён на стороне, вне церкви, потому что в святой церкви установлено одно крещение»... требовал «отринуть, отвергнуть и почитать нечестивым всё, совершаемое противниками Его (Господа)». (Письмо Киприана 70). Но мнение Киприана и постановление его соборов не разделялось многими даже и из африканских епископов. С IV-го же века вошло в общую практику правило – принимать раскольников без крещения. (Подробности см. в сочинении А. Серафимова: «Правила и практика церкви относительно присоединения к православию неправославных христиан»).

Правда, у беспоповцев не ведётся записи крещения; но что оно у них совершается, это – вне всякого сомнения. Поэтому, для убеждения в действительности совершения его, следует только обратиться к памяти самого раскольника и его родственников.

Что касается «больной совести» беспоповца бывшего, то лучше повлиять на её оздоровление, чем допускать в церковную практику новое, могущее повлечь к большим и нежелательным осложнениям. Впрочем, видоизменение практики может быть допущено лишь с разрешения высшей духовной власти.

М. Чельцов

Миссионерство, секты и раскол

(Хроника).

Э.Я. Таврический миссионерский съезд. // **Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 262–277**

Созыв съезда и торжество открытия; речь Еп. Николая и доклады. Присутствие на съезде и в храме представителей молоканских толков и воссоединение семьи штундиста. Как относиться увещателям к увещаемым сектантам? Характеристика старых и новых типов молоканства. – Заявления молокан и поздравительная телеграмма съезду от штундового проповедника и молоканское сутяжничество. Закрытие съезда.

Из новостей последнего времени в жизнедеятельности внутренней миссии самым выдающимся событием бесспорно является Таврический миссионерский съезд, состоявшийся в г. Симферополе с 24 мая по 5 июня сего года.

Всякий подобный съезд, – как мера «необдержная», как учреждение новое в нашей церковной жизни, проводимое с свойственными нашим епархиально-административным сферам осторожностью и консерватизмом, – заслуживает глубокого интереса и внимания, а таврический наипаче, – в виду особого в истории русского сектантства положения этой епархии.

С самого начала нынешнего столетия Таврический край сделался первым и главным в России колонизационным сектантским центром. Здесь, на молочных водах, поселились, частью – по воле правительства и, частью, добровольно, – сначала (1803 г.) духоборы, а позже (1820 г.) молокане, в количестве многих тысяч. С начала 80 годов сюда проникла штунда, развивающаяся доселе, на – счёт старого сектантства и православного населения и организовавшая здесь свой распорядительный центр.

Как известно, Таврическая епархия относительно новая; что же касается миссии здешней, то последняя совсем юное среди других епархиальных учреждений этого края, – она учреждена не более 10 лет в Бозе почившим епископом Мартинианом. Потребность в миссионерском съезде чувствовалась на месте давно. Осуществить эту назревшую нужду выпал жребий на

долю нового епископа Тавриды, преосвященного Николая, который, как испытанный в миссионерстве высоко просвещённый деятель, – в первые же месяцы своего архипастырского управления, остановил своё внимание и на этом деле. В заботах об успехах миссии, владыка созвал миссионерский съезд, возложив на него всестороннее исследование нынешнего состояния сектантства в епархии, определение потребных мер не только к борьбе, но и к одолению местных врагов православия.

При этом архипастырь признал за благо одновременно созвать и обще-епархиальный съезд, дабы почтенные представители приходского духовенства, состоявшие в большинстве из благочинных и протоиереев городских соборов, – при посредстве съезда специалистов, могли и сами войти в уразумение высоких задач миссионерства и руководить подведомое духовенство в духе вящего попечения о миссионерском пастырском долге. На съезде присутствовал редактор нашего журнала В. М. Скворцов, по должности чиновника особых поручений г. Обер-Прокурора Св. Синода и в качестве руководителя совещаниями съезда.

23 мая, после служения молебна в Крестовой Церкви, был открыт обще-епархиальный съезд духовенства, причём архипастырь – миссионер, в своей руководственной беседе перед началом заседаний съезда, не преминул указать представителям духовенства на важность задач миссионерского съезда и рекомендовал отцам депутатам интересоваться занятиями последнего, так как миссионерство есть первый долг всякого пастыря, тем более, что плевелы сектантства на пажитях Таврической епархии разбросались широко. Чтобы удобнее было членам обще-епархиального съезда посещать заседания миссионерского съезда, владыка распорядился делать заседания миссионерского съезда по всем главнейшим вопросам сектоведения и миссионерской методики в вечернее время.

В утренние часы происходили заседания миссионерских комиссий и общие совещания членов съезда по вопросам, касавшимся приходских миссий. Вечерние заседания били

открытыми, в них допускались все интересующиеся миссионерским делом. Обычными посетителями были – духовенство, учителя, воспитанники старших классов семинарии. Были и представители печати, которые давали подробные отчёты в местных газетах.

24 мая, в 5 часов вечера, в зале семинарии состоялось торжество открытия миссионерского съезда. Торжество это привлекло в семинарию многочисленных посетителей, в числе коих были депутаты обоих съездов, городское духовенство, наставники, старшие воспитанники духовных учебных заведений и посторонняя публика обоего пола. Прежде всего совершено было епископом Николаем, в сослужении старейших священнослужителей, молебствие Живоначальной Троице, Пресвятой Богородице и Святителю Николаю. По окончании богослужения, преосвященный архипастырь, в мантии и с посохом в руках, обратился к съезду с следующей речью.

«Я собрал вас сюда, отцы и братия, не для того, чтобы побеседовать только с вами приятно, затем пропечатать о сём в газетах на весь мир, – нет: я собрал вас сюда, чтобы потрудиться с вами во славу Божию, для пользы Матери нашей св. церкви, а также – и для тех, которые блуждают пока ещё вне её спасительной ограды.

Когда Таврическая епархия была ещё нераздельной частью Херсонской епархии, я знал её совсем иной, чем какой представилась она мне теперь: тогда, кроме обыкновенных сект старообрядчества, молоканства и подобных, уже давно вполне определившихся, ничего особенно болезненно выдающегося здесь не было; теперь же дело обстоит далеко уже не так. Знакомясь с отчётами официальными и неофициальными, я усмотрел, что здесь, на ряду с сектами старого типа, появились ещё и другие секты новейшего характера с рационалистическим направлением, и между ними особенно, так называемая, толстовщина. К сожалению, отчётливого представления об этом последнем явлении в Таврической епархии ни из отчётов официальных, ни из сообщений неофициальных я не имею. Тем не менее, *я инстинктивно чувствую*, что наши миссионеры до сих пор вертелись вокруг да около, но в главную цель не

попадали. Выяснить себе это явление, по возможности, основательно и найти соответствующие средства для борьбы с ним, – я и поставил себе задачей при созыве миссионерского съезда. С другой стороны, наряду с православием, здесь доселе пока мирно уживался и ислам. Вот уже сто лет прошло, как мы владеем Крымом, а, между тем, не видно, чтобы он поддавался обаятельной силе православия; напротив, – замечается некоторое движение и в его недрах, – и тем опаснее, что идёт оно извне, из пределов турецких... Слышно, что и здесь бывали иногда *софты* в целях пробудить дремлющий ислам. Выяснить себе и это явление – составляет другую задачу предстоящего вам труда. – Живя долгое время за границей, – вне условий здешней жизни, я, быть может, приобрёл себе и взгляд на дело миссионерское несколько иной, не совпадающий с взглядами здешних людей, действующих в иных условиях социальных и государственных; а посему, чтобы не навязывать вам наперёд этого взгляда, я и удержусь до времени от установления своей точки зрения на это дело: в сём случае я хочу прежде всего выслушать вас, как людей, ближе меня стоявших доселе к сему делу. Чтобы дать ещё более основательную постановку вашим занятиям, я призвал сюда В. М. Скворцова – чиновника особых поручений при Обер-Прокуроре Святейшего Синода по миссионерским делам, которого лично знаю ещё с измлада, как человека, преданного делу Церкви Божией особливим образом, не официально только, не по – чиновничьи, а по сердечному влечению. Посему прошу вас обращаться к нему с полным доверием во всём, относящемся к миссионерскому делу.

Не могу, однако же, не обратить вашего внимания на одно явление в современной русской жизни, которое я имел возможность наблюдать за границей и быть знакомым с ним, пожалуй, более многих из вас, – я разумею, так называемую, толстовщину. Толстовщина – это отрицание не только Церкви, но и государства: это – ужасное учение; оно направлено к ниспровержению всех основ человеческого благобытия, – того, чем все люди доселе жили. Толстовщина в последнее время стала, подобно гангрене, распространяться повсюду: не только

в высших классах русского общества – в так называемой, интеллигенции, но даже и среди наших добрых поселян. Я знаю о действиях этой партии в Харьковской губ. и на Кавказе среди духоборов и во многих других местах. После штундизма – это самое опасное явление в нашей современной жизни. Быть равнодушным и спокойным, в виду этого ужасного явления, нельзя, – особенно нам пастырям и Архипастырям; если кому, то нам надобно с ним считаться. Вот сюда бы я хотел направить взоры всех вас – в эту сторону и слышать нечто о сём и от вас.

Есть теперь здесь и люди не от нашего двора. Они пришли объясниться с нами: прошу же выслушать их с христианской благожелательностью и снисходительностью, дабы ушли они отсюда не с *осадком горечи в сердце своём*, а с *чувством некоторого примирения с нами*.

Вообще – я желаю, чтобы вы вели между собой беседы в духе братской во Христе любви, с полным друг к другу доверием, – искренне, свободно. Призывая Божие благословение на всех вас в сию минуту, я вместе с этим объявляю действия Таврического миссионерского съезда открытыми!»!

По произнесении речи, сняв церковное облачение, Преосвященный занял председательское место. На кафедру вошёл В. М. Скворцов и произнёс речь, в которой охарактеризовал главные моменты вековой истории Таврического сектантства и миссионерства. Главнейшие тезисы этой речи были таковы. Гуманнейший из монархов, Император Александр I, разрешил сначала духоборам, потом молоканам поселиться на льготных условиях и на лучших местах Таврического края. Близорукость местной власти и бездействие церковной миссии допустили здесь образоваться в недрах духоборчества тирании слепых вождей Колмыковых, загасивших навсегда «свет грамоты, потопивших книги свящ. писания, развивших такие злодеяния, за которые сектанты эти были выселены в Закавказье. Повторение со стороны миссии церкви и власти тех же ошибок в Закавказье, привело духоборов к анархии и выселению в Америку, и тысячи сынов Руси – прекрасных работников погибли для отечества. Широкое

невмешательство в общинную жизнь молокан создало из них какие-то автономные поселения, что породило, никем не сдерживаемую, внутреннюю среди этих сектантов смуту, дробление на толки и проникновение вреднейших лжеучений, как, напр., штунды и толстовства, сильно развивающихся в пределах Таврической епархии. Затем оратор сообщил новые, большего, хотя и печального, интереса, сведения об образовании в России «Общества интеллигентных сектантов», поставившего целью своей деятельности объединение рационалистического сектантства на почве учения естественной религии и государственного социализма. Свою речь В. М. Скворцов, как представитель дела миссии, закончил принесением от лица труждающихся на пользу миссионерского дела в России глубокой благодарности его Преосвященству, Преосвященнейшему епископу Николаю, как доблестному архипастырю – миссионеру, много потрудившемуся в сём святом деле в Америке, принесшему теперь свои силы, свой труд и архипастырскую попечительность на прекрасную окраину Руси, каковую попечительность и выразил ныне в созыве первого Таврического епархиального миссионерского съезда. Собравшиеся участники съезда пропели архипастырю «*многая лета*».

После В. М. Скворцова, председатель Алешковского окружного миссионерского комитета, священник о. Андрей Завадовский, от имени Таврического епархиального духовенства выразил Преосвященному Николаю почтительную благодарность за его заботы и труды на пользу миссионерского дела в Таврической епархии. «Нынешний день в жизни нашей епархии навсегда останется днём знаменательным, памятным-историческим, – говорил, между прочим, о. Андрей – в этот день открывается *первый* в нашей епархии, за всё время её существования, епархиальный миссионерский съезд. Съезд этот для нас пастырей явится прекрасной школой, в которой мы в короткое время успеем почерпнуть много полезных и необходимых в нашей пастырской деятельности сведений. И всё то полезное, доброе и хорошее, что мы здесь увидим, услышим и узнаем, мы понесём и передадим нашим собратьям

– иереям, живущим в глухих селах, деревнях и хуторах, и, таким образом, лучи того, благотворного и живительного света, который Вы здесь зажгли, разольются по всем углам Вашей епархии. Важен миссионерский съезд, для нас ещё и в том отношении, что мы, делая вместе одно святое и великое дело, естественно, вступим как между собой, так и с Вами, нашим новым архипастырем, в близкое духовное единение и общение, составим одну родную семью, и в этой семье сердечно и братски будет излито, высказано всё то, кто чем болеет, кто в чём встречает препятствия, скорби, затруднения на тернистом пути высокого пастырского служения».

После речей, открытой подачей голосов были избраны: председателем съезда – ректор Таврической духовной семинарии, протоиерей Василий Знаменский, помощником председателя – священник Андрей Завадовский, делопроизводителем – преподаватель семинарии Алексей Высотский, и 4 секретаря. Кроме того, избраны почётными членами съезда: кафедральный протоиерей о. Лазаревский, два члена консистории и преподаватель семинарии по кафедре догматику А.В. Иванов. На миссионерский съезд явилось в качестве депутатов 23 приходских священника.

Первое заседание съезда открыто было докладом о. епархиального миссионера, свящ. Павла Тихвинского о состоянии сектантства и миссии в таврической епархии.

Третье заседание съезда было открыто докладом преподавателя семинарии А.Л. Высотского о причинах сравнительно сильного развития сектантства в Таврической губернии.

В последующих заседаниях съезда были заслушаны и обсуждены полные живого интереса письменные доклады свящ. с. Астраханки, о. Дмитровского – «о влиянии местных немцев колонистов на распространение сектантства»¹⁰¹, свящ. с. Ново-Васильевки о.Bloшенко – «о положении православных рабочих у молокан», свящ. о. Ратмирова – «о секте Марьяновщина».

В истории деятельности Таврического миссионерского съезда особенно достопримечательным является присутствие на нем сектантов – штундиста и молокан, и непосредственное

миссионерское общение съезда с заблуждающимися. Святое дело это Бог благословил благими последствиями, а именно – обращением к церкви штундистской семьи крестьянина Головина и счастливо положенным началом доверчивого и, по-видимому, любовного отношения молоканства, в лице его уполномоченных, явившихся на съезд, к представителям православной иерархии.

Воссоединение штундиста Головина весьма поучительно и интересно во многих отношениях. Штундист этот пришёл к преосвященному с просьбой разрешить местному причту повенчать его сына штундиста на православной девушке, живущей у него в семье в услужении. Владыка, положив на прошении свою резолюцию, направил Головина с этой бумагой в съезд. Здесь Головин был приглашён в залу заседания. Худой, высокий, неуклюжий, он волчьим взглядом окинул миссионерский собор духовенства и затем, потупив взоры, в первое время отвечал на предлагавшиеся ему вопросы нехотя, отрывочными фразами, злым, раздражённым тоном. Первоначально Головину сделан был опрос об обстоятельствах его дела, о семейных условиях жизни, о времени и обстоятельствах отпадения от церкви. Опрос и беседу вёл В.М. Скворцов. Оказалось, что Головин из числа «несчитанных» сектантов, о которых не ведаёт, да и не может знать никакая статистика. Он выходец из с. Тимошевки, Бердянского уезда (здесь оказался на-лицо и бывший пастырь этой заблудшей овцы), – живёт где-то на хуторке в Симферопольском уезде, арендуя какую-то степь, имеет до 30 рабочих, которых, конечно, и старается совращать. Когда объяснено было сектанту, что закон возбраняет венчать раскольников на православных, он заявил, что сын его давно согласен идти «по православному пути» и он ему не препятствует. – Так ты сам совратишь православную сноху в свою веру или же будешь всячески теснить и насиловать совесть снохи и сына православных, заметил В.М. Скворцов. – Я этого могу не делать; пусть веруют, как знают; согласен подписку дать.

– Тогда твои братья – единоверцы тебе самому покою не дадут и «до чаши» не допустят, – скажут, что ты «не добре»

домом своим правишь, – раз сыну и снохе допускаешь быть православными... Головин настаивал, что он теснить молодых не будет и даст подписку.

– Это похвально с твоей стороны, но, чтобы ты, брат Димитрий, сознательно был веротерпимым, в отношении своего православного сына и снохи, нам нужно выяснить тебе несравненное превосходство православия пред содержанием тобой лжеучением. Давай – побеседуем, хотя бы о наиболее важных вопросах веры, пререкаемых твоей штундой – сказал. В.М. Скворцов. Димитрий сначала отказывался, ссылаясь, что нет времени, надо спешить на вокзал, на завтра хозяйственных дел много – негде ночевать и проч.

– О завтрашнем, брат, нечего пещися – «утрие собою печется»... Штундист колебался. Сделан был обычный перерыв заседания для чаепития. Димитрий был, по распоряжению о. ректора, подкреплён чаем и «укругом» белого хлеба. По возобновлении заседания, явился и Димитрий. Взор его теперь как-то прояснился и не был уже таким враждебным, – сектант как-то мягче и спокойнее держал себя, – ему предложено было сесть у стола, напротив председателя съезда.

– Вот, если владыка благословит местному причту совершить брак твоего сына, Бог пошлёт тебе внучат, – нужно ли их, по-твоему, крестить? – давай-ка об этом предмете потолкуем, на основании Слова Божия, предложил В.М. Скворцов. Димитрий молчал и не решался, по-видимому, открывать своих воззрений. Бывший здесь пастырь его, почтенный о. Дементьев, располагал сектанта к искренности. – Если прямо вам сказать, – то слово Божие не указывает на то, чтобы «маленьких» крестить, – и затем Головин толково изложил известные воззрения штундизма на этот догмат, с приведением соответственных текстов Свящ. Писания. Вопрос этот подробно был разобран и все возражения штундизма ясно опровергнуты. Затем беседа касалась почитания икон.

Так как время требовало закончить заседание, о. миссионер Тихвинский предложил Димитрию своё гостеприимство. Съезд поручил почтенному о. миссионеру продолжить на-дому беседу с Димитрием. Много часов провёл о. миссионер в сердечной

беседе с сектантом, а в следующем заседании о. Павел доложил съезду, что Димитрий, убедившись на беседах в неправоте учения штунды, изъявил желание и сам оставить секту и окрестить детей-отроков, но опасается лишь упорства жены, а потому просит миссионера приехать на их хутор и наставить в истине жену и окрестить детей. Димитрий, оказалось, уже и не торопится домой, – он здесь же пребывал под семинарскими сводами. Его позвали в заседание. Сектант лично и решительно заявил, что он «со всей своей домашней церковью» решил оставить «эту баптизму» и стать снова истинным сыном Церкви и будет таким же ревностным, как знал его ранее пастырь. О. Дементьев отозвался о прозелите с похвальной стороны. Члены съезда снова долго беседовали с Димитрием, который совсем преобразился и внешним видом стал такой ласковый, почтительный. Он «братски и сыновне» относился теперь ко всем, – видимо, душа его открыта стала для истины и добра. Убедившись в искренности сознания сектантом своих заблуждений, о. председатель съезда предложил помолиться Господу Богу за помощь Его к вразумлению сего заблудшего и попросить Всемилостивого Спаса утвердить ново-присоединяемого в святой православной вере.

Раздалось стройное, умирительное пение церковных молитв членов съезда и воспитанников семинарии. Димитрий, который так недавно доказывал, что не следует христианину ни кланяться перед иконами, ни возлагать на себя крестного знамения – теперь упал на колена и усердно-усердно клал поклоны, а когда запели «Под Твою милость» – он прослезился, встал и горячо облобызал св. икону, а затем принял благословение от о. председателя. По донесении о всём этом владыке, преосвященный разрешил брак и приказал о. миссионеру отправиться по месту жительства раскаявшегося сектанта, для приготовления семьи и совершения таинств крещения, причащения и брака. Большая семья православных рабочих Димитрия велию радостью возрадовалась, что их хозяин «уж больше не штунда»...

На съезде счастливое событие этого воссоединения было предметом обсуждения со стороны методической, причём все согласно признали, что психическое настроение сектанта было вначале настолько возбуждённое, стропотное, что история вразумления и спасения его началась и зависела от первого момента сострадательных, отеческих отношений со стороны владыки и потом членов съезда к этому несчастному отщепенцу. Оттолкните его вначале, разбередите больную рану сердца суровым, холодным обращением, и трепещущая от страха и досады душа ожесточилась бы. Кто знает, может быть, искуплённая честной Кровью Христа душа эта могла бы погибнуть навеки. В. М. Скворцов сделал по этому поводу указания, как надлежит относиться увещателям к увещаемым сектантам при вызове их к себе или при посещении домов отпадших; указывал на необходимость избегать таких ошибочных приёмов, как общие рассуждения, – строгий, регористический или начальственный тон увещателей, бранчивая обличительная речь, пренебрежительное отношение, застрашивание, держание во время увещания по целым часам на ногах и проч. Начинать увещание советовал с молитвенного обращения к Господу, чтением подходящего места евангелия, словом – с воздействия на сердце и совесть; при рассуждении же постоянно опираться на библейский текст и проч.

Димитрию на проезд члены съезда тут же собрали некоторую сумму.

Как выше было замечено, на съезде присутствовали представители молокан старого уклеинского и 2 донского толка, – всего до 20 душ. Прибыли сюда они, с благословения преосвященного, для личного изложения своих духовных нужд перед съездом, который, таким образом, явился, по счастливой мысли архипастыря, третейским судьёй во взаимных распрях этих двух сильных партий молоканских.

Молокане прибыли накануне открытия съезда и участвовали в торжестве 24 мая; здесь они ко всему происходившему на торжестве, начиная с богослужения, относились с большим любопытством и напряжённым вниманием.

В день пушкинского торжества, 26 мая, молокане 2 донского толка присутствовали за архиерейским служением божественной литургии. Здесь сектантам отведено было особое место около левого клироса, откуда они могли удобно видеть все величественные священнодействия и церковное благолепие. Нельзя было не видеть по лицам сектантов, какое глубокое впечатление производила на них величественная православная служба, некоторыми впервые виденная. Молокане своим видом и поведением в храме производили на наблюдателя такое впечатление, какое производят долго пробывшие в тёмном смрадном заключении при выходе своём в светлые, залитые яркими лучами солнца, блещущие золотом и роскошью, палаты.

Всматриваясь в физиономию представителей старого молоканства и нового, реформированного в духе штунды, нельзя не заметить было того глубокого различия, решительно во всём,

учение на единовѣрных, единокровных, слитых двумя почти веками ненависти к православию воедино, – ныне же разделённых штундой на два враждующих лагеря. Староуклеинцы – все в высшей степени типичны – это деревенская глухая, застывшая Русь XVI–XVII в., одного характера с расколом старообрядчества: то же старомодное крестьянское одеяние (поддѣвка с сборками), большущая борода, причёска в скобку, то же смиренное лукавство, осторожность и подобострастность в сношениях с высшими, чисто эпическое спокойствие духа, рационализм верования с глубоким оттенком мистицизма, строгий библеизм в богослужении и неизменное, хотя и тупое, следование во всём традициям своей молоканской старины.

Не такова партия ново-молоканская, во главе с своим представителем г. Захаровым. Тут во всём сквозит своеобразный прогресс, к сожалению, направленный враждебной православной Руси рукой немецкой штунды. Начнём с внешнего облика. Ново-молокане, явившиеся на съезд, были или в сюртуках, или в пиджаках, при глаженной манишке; бородки подчищены, волосы подстрижены; гордый

дух секты сказывается у них во всём: они заносчивы, самоуверенны, резки сами в сношениях с другими и в то же время крайне обидчивы на других: гордыня, скепсис, критицизм, умничание – как естественный плод больного прогресса в вероучении, – составляют немощи духа руководителей ново-молокан. Несомненно, что тьмы в вероучении и жизни, тупой косности у старо-молокан больше, чем у ново-молокан, взгляды которых на веру и жизнь просветлённее, но, тем не менее, симпатии наблюдателя покоятся на стороне староуклеинцев – и это потому, думается, что последние, и во тьме своей веры, сохранили тип русской самобытной национальности. Особенно симпатичен в этом отношении был один из представителей старо-молоканской партии, некто пресвитер Кудинов, старец под 80 лет, громадного роста, атлетического сложения и удивительного чисто фаталистического спокойствия.

Враждебность одного молоканского толка к другому так значительна, что обе партии заявили съезду, чтобы их выслушивали отдельно. Так и сделано было. На первом заседании 25 мая, вначале приглашены и выслушаны были староуклеинцы, а после перерыва – ново-молокане. В перерыве заседания, сектантам предложен был о. ректором семинарии чай, но и здесь молокане просили разделить их друг от друга... Так как староуклеинцам нельзя было оставаться дольше в Симферополе, в виду вызова в г. Мелитополь на суд, – съезд отложил дальнейшее слушание и разбор их заявлений до 31 мая, тем более, что и съезду самому нужно было заняться обсуждением других, не требовавших отлагательства, вопросов. Нужно сказать, что та и другая партии охотно приняли предложение съезда явиться в другой раз, хотя, конечно, это стоило молоканам траты и времени, и денег, – так глубоко захватывали их те интересы и вопросы веры, за разрешением которых обратились представители к господствующей Церкви.

А потому съезду нельзя было не отнестись без особого внимания к этой нелёгкой своей задаче.

В заседании 31 мая, которое было открытым и привлекло много посторонней публики из высшего местного общества, – обе партии молокан приглашены были одновременно занять

места в зале заседания. Направо от председательского места сидели ново-молокане, во главе с г. Захаровым и пресвитерами М. Ячменовым и Васильевым, налево – староуклеинцы, во главе с пресвитером Кудиновым и помощником другого пресвитера – Морозовым.

Заседание началось продолжением изложения вероучения той и другой партией молокан и заслушиванием протоколов первых их показаний. Здесь, как бы на очной ставке, невольно должны были представители враждующих толков вступить во взаимоотношение, которое было в высшей степени интересно для миссионеров и сектоведов. Прениями руководил В. М. Скворцов, которому постоянно приходилось сдерживать страсти и смягчать остроту молоканских взаимоотношений. Ново-молокане оказались менее терпеливыми и более задорными, и самолюбивыми. Заседание это В. М. Скворцов закончил разбором религиозных заблуждений и той, и другой партии и изложением истинного учения, по вопросам об искуплении и крещении, вселенской православной церкви, а также обращением от лица съезда со словом увещания к молоканам обеих партий. Это заседание было одно из самых оживлённых и поучительных для миссионерствующих пастырей.

Показания молокан, как они протоколированы секретарями съезда, – сообщим в следующей раз, а теперь не можем не упомянуть о двух эпизодах, весьма нелишних для характеристики молокан.

Представитель собственно штундистского или точнее – штундо-баптистического толка с. Астраханки Феодор Балихин, хотя и представил собственноручно изложенное и переписанное исповедание веры, но сам уклонился от явки на съезд, а прислал на имя преосвященного следующего содержания телеграмму:

«Поздравляю Вас с съездом миссионеров, пожелав всего хорошего только во славу единого милующего Бога на благоустройство Российского государства и в пользу ближних меньших братьев. Будьте здоровы! Феодор Балихин». На телеграмме его Преосвященством сделана следующая отметка: «1899 г. 24 мая. Очень рад и благодарю; дай Бог, чтобы все

сектанты искренно воодушевлялись этими чувствами: тогда скорее падёт то средостение, какое теперь отделяет их от нас. Епископ Николай».

Телеграмма была прислана из Харькова, где штундовый миссионер бывает частенько. Один из молокан передавал, что в Харькове в это время состоялось что-то вроде штундистской конференции, которая, таким образом, в лице Балихина, приветствовала Таврический съезд...

Оглашая в присутствии молокан эту телеграмму и резолюцию архипастырскую, руководитель съезда, В. М. Скворцов сказал импровизированную, речь, по поводу содержания телеграммы сектанта.

– Что это, – так приблизительно говорил оратор, обращаясь к молоканам, – простота, искренность или дерзающая выходка штундо-баптиста, зарвавшегося в своей проногаторской миссии, высоко возомнившего о себе в чаду любочестия. Если привет нам вашего собрата от чистого сердца, – искренно радуемся, и хотелось бы видеть в этом добрый порыв к взаимообщению с господствующей церковью, в лице её предстоятеля – архипастыря... Г. Балихин желает, чтобы наши совещания были благими «во славу Единого Бога и на благоустройство Государства». Но чем же и как лучше всего славить и воспевать Господа – как не едиными усты и единым сердцем, как не стремлением к тому, чтобы *все были едино. И славу, которую Ты дал Мне, Я дал им, «да будут едино» (Ин.18:22)*. И Церковь православная немолчно вызывает устами пастырей-молитвенников ко Господу «о соединении всех»... И съезд наш имеет это главной целью... О, если бы отторгнутые лестью, насилием и хитростью лживых проповедников от единства веры православной, *единой йотиной* – возвратились в лоно своей матери-Церкви! Но ради *этой ли славы* подвизается пахарь тавричанин Балихин, *пребывающий* ныне в Харькове? Не для сеяния ли он там сектантского раздора среди единоговерного и православного народа?.. В *единении* русского народа в праотческой вере православной, – этой исконной основе государственной мощи Руси Святой – заключается и главная сила *благоустройства* государства нашего. *Аще царство на*

царство разделится – запустеет, говорит слово Божие. Сектантство сеет разделение и во всём русском народе, и в семьях, а, следовательно, вредит благоустройству государства, подкапывает самый священный кремль государства нашего... А в чём духовная польза и высшее благо «меньшей братии», как не в сокровищах родной православной веры?.. И эту-то заветную святыню народа немецкая штунда стремится воровски отнять у «сих малых»! Передайте же, господа, Балихину, что если его привет нам от чистого сердца, – то спасибо, и мы рады всегда единению в добрых мирных чувствах и стремлениях, но если от лукавства – то – «врачу исцелися сам».

Другой эпизод такой. Во время заседаний съезда, получено было преосвященным Николаем письменное заявление от молокан старого Владимирского толка, ещё раз говорящее за то, какое глубокое внутреннее разложение переживает ныне старое молоканство: тут уж, как говорится, «своя своих не познаша». Вот этот документ, который был в своё время также заслушан съездом и объявлен сектантам.

«Его преосвященству, Епископу Таврическому Николаю. От крестьян села Астраханки и от пресвитера Владимирской церкви Даниила Андреевича Ячменева и его прихожан: получив сведение из верных рук, что 24 и 25-го сего мая были наши односельцы в Симферопольском миссионерском съезде, где находился член нашей церкви Василий Матвеевич Морозов, который заявил себя за какого-то уполномоченного от общины; вследствие такой неправды имеем честь заявить Вашему Высокопреосвященству, что он Морозов не имел никакого уполномочия от общины старших членов и пресвитера, а потому покорнейше просим Вас Ваше Высокопреосвященство объявить съезду миссионеров о настоящем нашем заявлении. К сему заявлению подписуемся крестьяне села Астраханки: пресвитер Даниил Андреевич Ячменев, 7 душ прихожан.

Спрошенной по содержанию сего письма Морозов заявил, что лица названные в письме, хотя и продолжают ещё числиться молоканами Владимирского толка, но уже имеют склонность к штундизму. То же подтвердили Сорокин и другие.

При этом молоканин Сорокин требовал копию, чтобы подать жалобу на подписавшихся в суд. В свою очередь, подписавшиеся являлись в комиссию, в бытность её в Астраханке, с претензией на Морозова и К., что они отозвались о них, как «о поражённых штундизмом», и тоже требовали копии «протоколов», намереваясь жаловаться в суд на своих единоверцев за «такое бесчестие».

3.Д. Захаров также заявлял, что он намерен жаловаться на старо-молокан за их наговоры по адресу его. Нужно заметить, что сутяжничество среди молокан страшно развито, что говорит о глубоком нравственном падении этой секты. В.М. Сковорцов успокоил волновавшихся, обличая сутяг, почивающих на букве писания, словами Св. Библии, и внушал им лучше помнить Божье слово: «Да не зайдёт солнце в гнев ваш, – гневайтесь и не согрешайте» и проч. Но распрям молоканским ещё не конец: этот огнедышащий вулкан способен на главу своих же изрыгнуть и лаву горящую, и уголие, и пепел... Вот почему миссии православной там на месте, как можно скорее, нужно организовать свой стан, который бы служил путеводной звездой этому тёмному царству на пути к правде и истине.

Лишь 4 июня окончил свои занятия Таврический епархиальный миссионерский съезд. В этот день было последнее заседание его, продолжавшееся с 9 ч. утра до 2 ч. пополудни. В 2 ч. совершено было в семинарской церкви благодарственное Господу Богу молебствие, перед началом которого о. ректор семинарии, прот. Василий Знаменский, как председатель съезда, сказал прочувствованную речь, в которой, «указал на высокое значение миссионерской деятельности, прививал присутствующих принести сыновнюю благодарность своему Владыке за его неусыпные заботы о вверенной ему пастве, Василию Михайловичу Сковорцову, за его просвещённо-деятельное участие в занятиях съезда. В 4 ч. вечера все участники съезда явились к Преосвященному, чтобы испросить Архипастырского благословения на отбытие. Владыка обратился к собравшимся с глубоко поучительной речью, в которой дал наставление, как должен вести себя и каким должен быть священник-миссионер в доме, семье, в школе, в

приходе, как частный человек, как пастырь и общественный деятель, для того, чтобы никого не соблазнить и никого не отвратить от церкви, представителем который он служит, чтобы не только православную свою паству воспитать в крепкой привязанности к святой церкви, но и отпадших от неё снова привлечь в её спасительную ограду.

Так окончился первый Таврический епархиальный миссионерский съезд. Трудились весьма много и усердно. Занятия съезда посвящены ознакомлению с положением расколо-сектантства как в Таврической епархии вообще, так особенно в тех отдельных пунктах её, которые оказывались наиболее заражёнными расколо-сектантством; изучению и определению некоторых отдельных фракций местного сектантства, вероисповедные особенности которых не были достаточно известны, выяснению местных условий, способствующих продолжающемуся развитию сектантства; обсуждению желательной лучшей внешней организации епархиальной, окружной и приходской миссии; обсуждению более целесообразных мер и способов охранения православных от увлечения сектантскими лжеучениями и духовного воздействия на отпадших для возвращения их в лоно святой православной церкви. О главнейших постановлениях съезда скажем после.

Э. Я.

В-в А. Московский раскол. // Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 277–284

Поход Картушина против брадобреев, фрачников и франтих. – Комичное предписание, – Безвыходное положение попов. – Тайное поповское собище. – Неудачные раскольничьи миссионеры ругатели. – Обиженный поставщик раскольничьих попов. – Мать-фанатичка.

Сидя на даче в селе Федурнове у гостеприимной хозяйки П.И. Миловановой, московский раскольничий лже-архиепископ принялся изобретать всякого рода предписания и циркуляры своим подвластным попам, долженствовавшие служить, по мнению Иоанна Картушина, к поднятию нравственности в их приходах и к утверждению и укреплению их в обрядах «древляго благочестия», нарушение которых, замечаемое среди старообрядцев последнего времени, давно уже вызывало скорбь в душе бывшего урядника казачьей Донецкой станицы. Но ум Картушина оказался несклонным к изобретениям, и он в своих предписаниях и циркулярах, как и во всём старался подражать своему учителю и вдохновителю, пресловутому еретику-расколоучителю Онисиму Васильевичу Швецову.

Онисим Васильевич, ещё во время своего временного управления московской раскольничьей кафедрой, после отставки Савватия – в числе прочих своих деяний, предпринимал поход против «брадобреев». Давая советы и предписания раскольничьим попам уговаривать своих прихожан не брить и не стричь бороды, Онисим Васильевич советовал делать это не гласно, на исповеди, или, вообще, наедине с «брадобреем», и лишь некоторые из раскольничьих попов осмеливались публично уговаривать своих прихожан «растить подлиннее бороды».

В особенности ревностно принялся тогда за проповедь о грехе брадобрения раскольничий поп из Каринкинской моленной, в Вокзальном переулке – Алексей Новиков. Не любя Арсения (Онисима Васильева), он старался возбудить неудовольствие против «хранителя раскольничьей,

архиерейской кафедры в Москве» и среди своих прихожан. Безграмотный и невежественный этот поп, конечно, не мог ничего сказать путного, и его проповеди нередко возбуждали хохот среди слушателей. Да и как не смеяться было той чепухе, которую нёс этот «проповедник», полагая, что говорит очень «красно и складно», и даже заранее оповещая посетителей своей моленной, что вот в такой-то день за службой он будет произносить «речь».

– «Смотри, батя, не осрамись. Куда тебе проповеди говорить. Помалкивай лучше. Молчанье-то ведь золото», – советовали ему знавшие его невежество.

Но, нет, не внимал Каринкинский поп мудрым советам и продолжал произносить свои проповеди. И чего-чего только не говорил поп Алексей. Стращал он своих прихожан и муками ада, если они будут брить бороды, грозил отлучением от Церкви, лишением погребения; уверял, что бритые не могут ни к кресту подходить, ни к просфоре, но что всего курьезнее – брадобреев он уподоблял «псу смердящему и коту блудливому», как будто собаки и кошки стригут или бреют бороды!..

Находились и такие раскольничьи попы, которые из подобных проповедей о грехе брадобрейства сумели извлекать для себя выгоду и вот каким образом. Само собой понятно, что дикие угрозы и бранные почти слова, направляемые на брадобреев, не могли понравиться тем из прихожан, которые стригут или бреют бороды; и вместо «раскаяния», они просто перестали ходить в те моленные, где на них метали громы и молнии. Вот некоторые раскольничьи попы, как, напр., некий Авив, и приказали своим дьячкам приглашать таких недовольных к себе в молельню.

– «К нам, к нам, пожалуйста, – кричали Авивские дьячки брадобреям, – наш батюшка добрый»... Зазывания увенчались успехом, и в то время, как у попов – гонителей брадобреев моленные пустовали, у Авива битком набиты. Бывала за службой такая масса у него бритых физиономий, что неосторожный посетитель мог подумать, что артисты собрались

на свадьбу своего товарища или официанты хоронили своего сослуживца.

Такова была эпопея гонения на брадобреев, предпринятого пресловутым Арсением Уральским.

Надумался идти по стопам своего предшественника и Иоанн Картушин и разослал, несколько времени тому назад, по всем раскольничьим попам, настоятелям московских моленных довольно безграмотный циркуляр, который приводим здесь полностью, с соблюдением Картушинских выражений.

«От Старообрядческого Архиепископа Иоанна священному Иерею (имя рек) предписание.

Священно – иерей (следует имя)! Немедленно сообщи мне следующее: 1) Кто из твоих клириков, певцов и чтецов бреют бороды и курят табак, то знают ли они правило 69 святых отец и 18 Анкирского св. отец собора? 2) Во время совершаемых в храме тобою Богослужений, кто из твоих прихожан и клириков смеются над твоим Богослужением, если же есть таковые, то напиши мне имя, отчество и фамилию таковых. 3) Кто из твоих прихожан бреют бороды, а также курят табак. 4) Кто из твоих прихожан едят мясо в Среду и Пяток и в положенные святой древней православной Церковью посты: то почему они не соблюдают сие правило по болезни или по какой другой причине, то по получении сего предписания немедленно мне напиши об этих беззаконниках в точности, без утайки, по чистой совести и не взирая на богатство их, а помня правило 71 св. Василия Великого и правило 196 из Номоканона. Старообрядческий Архиепископ Иоанн».

Специально для Рогожского кладбища Картушин издал ещё и другое предписание, в котором приказывал наблюдать за тем, чтобы во время венчания шафера не были во фраках, а надевали бы, как то требуется и от женихов, длиннополые кафтаны, да и вообще рекомендовалось «удалять из Рогожских храмов «новомодных стрекулистов» (т. е. носящих модные костюмы немецкого покроя), а дамам и барышням предписывалось носить, «когда идут в храм, платочки, а не шляпки и шапочки»....»

Большинство раскольничьих попов, получив такие предписания от своего лже-архиерея, только руками развели, находя их слишком глупыми и неудобноисполнимыми. Только лже-поп Тимофей с Рогожского кладбища весьма одобрил эти «эпистолии», так как поход против бранения понравился ему ещё, когда его поднял Арсений. Бранение он до того не любит, что однажды отказался дать «причастие» солдатам, пришедшим к нему причащаться и исповеданных попом Елисеем. Солдаты пробовали было протестовать, ссылаясь на то, что они не были подвергнуты запрещению со стороны их духовного отца Елисея. – «Мне нет дела до Елисея, – кричал Тимофей, – а я не могу бранному дать причастия, как не могу дать его «псу или коту»... Тут выручили попа дьячки. – «Ты, батюшка, им хоть «большой (т. е. крещенской) воды» дай, – кричали они с клироса, когда их настоятель завёл пререкания с нижними чинами. На том и порешили...

Другие же попы, как мы сказали выше, остались весьма недовольны новым предписанием своего лже-владыки. По горькому опыту знали они, что путного ничего из таких строгостей не выйдет ни с бранением, ни с франтихами-раскольниками. Раскольничий поп Михаила воздвиг было гонение против франтих и не стал допускать к кресту старообрядок, носивших модную причёску. Одну не допустил, другую, ну, и не стали совсем к нему в моленную франтихи в шляпках ходить. Но вот, как-то внучка владелицы моленной пошла. Поп не решился отказать ей в целовании креста, а когда об этом случае узнали прихожанки модницы, то потребовали, чтобы и их допускали к кресту; тем и кончился поход попа против модных причёсок и шляпок.

Но как бы то ни было, а с новым, хотя, быть может, и нелепым, предписанием своего лже-архиерея раскольничьим попам всё же приходится считаться. Немедленно, по получении бумаги, раскольничьи попы начали бегать друг к другу и судить, и рядить, как быть и что предпринять. Ум хорошо, два лучше, а ещё больше, так и совсем прекрасно; и вот попы порешили, для обсуждения взволновавшего их вопроса, устроить тайно общее собрание у одного из своих товарищей. Сказано – сделано.

Собрались поцы и начали обсуждать, что и как предпринять. Было решено, чтобы раньше, чем подавать Картушину ответы на поставленные им вопросы, каждый поп представил на общее усмотрение решение заданной ему задачи.

Поповское заседание вышло очень бурным и продолжительным: шумели и галдели до самого утра. Не говоря уже о щекотливости для раскольничьих попов писать «доносы» на своих прихожан и клириков – им и самое дело-то обращаться с пером, бумагой и чернилами до того мудрёным показалось, что многие высказывали сожаление, что лже-архиерей спрашивает: «кто курит, пьёт и бреется». а не наоборот: «кто не курить, не пьёт и не бреется», – «таких-то меньше среди наших прихожан», – рассуждали попы, – тогда бы всё меньше писать-то пришлось бы, а теперь ведь почти весь приход переписывать приходится»...

Не смотря на такое заявление – тем не менее, когда дело дошло до *примерного* составления списков – они оказались в большинстве случаев очень и очень краткими. Например, поп Алексей Гришин написал только всего двоих. Всё собрание чрезвычайно удивилось. – «Да что ты, отец, уж очень-то – врёшь, ведь у тебя почти весь правый клирос бритый!» накинулись на него. – «А что же мне прикажете делать, когда народ-то это всё нужный. Ведь не полотнящика же мне из Дровяного переулка писать, когда он у меня самый доходный. Ему нельзя не мирволить. Я сам видел, как его дочка на первой неделе великого поста курятинку уплетала, а ведь молчал же я; так неужели теперь прикажете доносить на них?..»

Возражения попа Гришина показали резонными – и в результате – с ним согласилось большинство присутствовавших на собрании раскольничьих попов. Чтобы не попасть в неловкое положение доносчиков на своих богатых прихожан, от которых зависит всё благосостояние настоятелей моленных, было решено: требуемые лже-архиереем ответы давать только об «*одной нищете*», как раскольничьи попы называют всех, не особенно щедрых на подачки, своих прихожан. Придумали и другой фортель. О некоторых богатых прихожанах не давать никаких сведений, ссылаясь на то, что они не их духовные дети.

– «Пускай у Прокопия Крокодила спрашивает, – говорили попы, – много ведь к нему наших-то на исповедь ездят, а он и сам-то не прочь молочка в пост попить, сославшись на недуги свои; ну, пусть сам и возжается с архиепископом-то»...

К такому решению пришли московские старообрядческие попы по поводу новой бумаги своего лже-архиепископа, и, как видно, толку от подобных опросов трудно ждать какого-нибудь, так как ответы, в большинстве случаев, будут мало соответствовать действительности.

Алексей В-в.

* * *

Московский раскол. Не клеится у Картушина и затеянное им дело пропаганды раскола путём миссионеров. Любящему «зашибаться» Перетрухину на помощь, за последнее время, был выписан некий Мирон Щеголин и им обоим приказано было основательно подготовиться к миссионерскому делу путём ведения время от времени пробных бесед. Щеголин был на днях в Москве и вёл в Гуслицах пробные беседы, не отличавшиеся успехом, но зато ярко охарактеризовавшие Щеголина, как большого ругателя Церкви Православной. Этим качеством вообще отличаются старообрядческие миссионеры последней формации. Не имея возможности авторитетными источниками доказать правоту своих заблуждений, они предпочитают основательным доказательствам голословную ругань и издевательство над Церковью Православной, что недалёким и неразвитым слушателям подчас приходится по вкусу. Сын одного из московских раскольничьих попов, Щеголин, ещё при покойном Савватии, служа у него в качестве иподиакона, занимался иногда миссионерством. Перетрухин, замечая довольно значительную начитанность у Щеголина – увидал в нём себе соперника (Перетрухин тогда занимал должность домашнего секретаря у Савватия) – и, чтобы избавиться от него, наговорил Савватию «что Щеголин-де, близок к Церкви Никонианской», – а это было тогда самое верное средство, чтобы лишить места любого старообрядца. Щеголин был удалён с Апухтинской резиденции Савватия и должен был даже покинуть Москву. Вот о нём-то и вспомнил

теперь Картушин в своих поисках за «достойными» миссионерами.

Хорошим бы, кажется, помощником Картушину в деле отыскивания кандидатов в «миссионеры» и «раскольничьи попы» – мог бы быть известный любитель «ставить попов» – богородский фабрикант А. И. Морозов, но и ему в этом деле за последнее время что-то не везёт. Приглянулся этому раскольнику-фабриканту один из рабочих на его фабрике, некий мужичок Иван Степанов, брат петербургского попа с Громовского кладбища, – того самого, что Картушин наградил камилавкой, и вот Арсений Иванович задумал его в попы поставить. – «Хочешь, Иван, я тебе выгодную и лёгкую работу дам»? – спросил однажды фабрикант своего рабочего. «Премного благодарен» – отвечал мужичок, совсем не подозревая, к чему клонит речь его патрон, и думая, что он хочет его повысить рангом в какой-либо деятельности на фабрике; но поставщик попов дал ему письмо к Картушину и опять-таки, не объясняя Степанову содержания письма, приказал ехать в Москву. Здесь ему объяснили, что хозяин его желает дать ему поповское место. Услыхав о такой чести. Иван Степанов немедленно оставил Москву, «яко тать в нощи», никому не сказавшись и, снова явившись на фабрику, принялся за свою обычную работу.

– «Что же ты удрал»? – спросил его удивлённый А.И. Морозов. – «Да куда мне в попы – я недостойн по грехам моим». «А ты бы не сказывал о грехах-то, из-за поповского места об них и умолчать можно. Не один ты ведь, все так делают». – Так увещевал своего фабричного А.И.: уж очень хотелось ему видеть Степанова в роли «священнодействующего», – но убеждения патрона не подействовали – против совести мужичок идти не захотел.

Да и вообще нужно заметить, что А.И. Морозову за последнее время не особенно везёт в его начинаниях, и роль и значение его, некогда весьма влиятельные и веские, в делах московского раскола – понемногу ослабляются. Особенный повод к недовольству московского раскольничьего купечества и духовенства Арсением Ивановичем дало то обстоятельство, что

он, не спросившись своего непосредственного духовного начальства, самовольно перевёл в город Нижний, в Курбатовскую моленную, т. е. в другую даже епархию, одного из дьяконов со своей фабрики – некоего Симеона. Раскольничий архиерей Нижегородский Кирилл не хотел обижать своего благодетеля А.И. Морозова и утвердил этот перевод, но Московский духовный совет долго не хотел давать увольнительной грамоты дьякону Симеону, обиженный, что Арсений Иванович так самовластно поступает. Богородский поставщик попов чрезвычайно вознегодовал на все московское старообрядческое духовенство и подал Картушину челобитную, в которой, указывая, что проживающие на Рогожском кладбище попы – Елисей, Захарий, Прокопий, Савва, дьякон Иван Кошкин и проч. – совсем не имеют никакого права проживать здесь, просил Картушина сделать распоряжение, чтобы все попы выбирались с кладбища, куда хотят. Картушин однако не придавал значения этой жалобе, и попы по-прежнему, благодушествуют в своих кельях на Рогожском кладбище; зато А. И. Морозов рвёт и мечет, и грозит даже «уйти к Церковным», если не сделают по его.

Не меньшие неприятности пришлось перенести и другим двум «адамантам и столпам московского раскола» – И.И. Шибаеву и Фёдору Семёновичу Рахманову. Неприятность эту им принёс кровный их родственник, да ещё покойный. Дело обстояло так. У Ивана Ивановича Шибаева проживал в городе Богородске родной племянник, доводившийся двоюродным братом Ф.С. Рахманову. Занимался он хождением по судебным делам. Случилось ему несколько времени тому назад сильно заболеть, так что пришлось слечь в местную больницу. Узнав о тяжкой болезни своего сына, О.Ф. Шибаева поспешила в город Богородск и посоветовала больному «исправиться». Убеждённая докторами, что особенной опасности ещё не предвидится, г-жа Шибаева взяла с них обещание о немедленном уведомлении, если сыну её сделается хуже, и возвратилась обратно в Москву. Прошло несколько дней. Вдруг О.Ф. Шибаева получает из Богородска известие, что сыну её сделалось хуже и он умер. В Москве заказывается гроб,

нанимаются певчие, берутся из Моленной свечи и мать едет хоронить «по древлеправославному обряду» своего сына. Каково же было её изумление, когда ей объявили, что погребение должно быть совершено в Церкви Православной, православными священниками, а не старообрядческими – так как покойный был сыном православной Церкви. Известие это так поразило ярую раскольницу, что она, вместе с своими именитыми родственниками – И.И. Шibaевым и Ф.С. Рахмановым, отреклась от своего сына и наотрез отказалась принять какое бы то ни было участие в его погребении. Таков фанатизм у раскольников – пересиливающий даже самые святые чувства материнской и родственной любви. О факте этом много говорят в Москве.

Алексей В-в.

Библиография

Чельцов М. [Рец. на:] Проф. Беляев А. О безбожии и антихристе. Том I. Подготовка, признаки и время пришествия антихриста. Сергиев Посад. 1899 г. Ц. 3 р. 50 к. с пересылкой. XXXII +1034 стр. // Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 285–290

Книга проф. А. Д. Беляева – отрадный и замечательный литературный труд в области нашего догматико-экзегетического богословия. Это целая энциклопедия по вопросу о признаках и времени пришествия антихриста. В ней собрано и разъяснено всё, что когда-либо писалось или думалось об антихристе, начиная со времён апостольских и кончая мнениями и толкованиями позднейших православных, католических и протестантских богословов. Всё это приведено под точно определёнными рубриками, освещено критическими замечаниями самого автора, объединено в его собственном взгляде на данный предмет и обобщено в заключительных выводах. Единство мысли и последовательность в ходе раскрытия её не затериваются даже и при отвлечениях автора к посторонним, побочным рассуждениям, которых в книге приведено немало. Содержание её – весьма богато и разнообразно.

Автор начинает свои рассуждения с выяснения понятия о безбожии. Безбожие – по нему – бывает *положительное* и *отрицательное* (или *относительное*). Первое состоит в совершенном отрицании истины бытия Божия. Как таковое, по своей неестественности, оно очень редко. Более часто безбожие относительное, выражающееся: 1) в безнравственной жизни, в фактическом устранении себя от Богопочитания и 2) в ложных учениях о Боге и его отношении к миру и человеку. Указавши далее, что в этом последнем смысле безбожниками называют язычников, еретиков и последователей многих философских учений о Божестве, автор перечисляет, кого с древнейших времён и у различных народов почитали за безбожников. Здесь он приходит к утешительному для нас, русских выводу, что среди русских безбожников было самое

незначительное число. Причины безбожия на Западе, в XIX столетии, автор полагает в вышедших из французского материализма и энциклопедизма различных философских течениях, окрашенных материализмом. Поэтому он опять, отнеся развитие материализма к Западу, в России его видит за истекающий век в меньших размерах. Впрочем, теперь он находит весьма заметное ослабление безбожия и на Западе. Причины тому общие и частные. Общие заключаются в изменчивости исторических эпох и в законе борьбы противоположностей, — частные — в аномальности и разрушительности безбожия, в его отрицательном характере и в потребности человека иметь религию. Признаками же упадка безбожия автор почитает, главным образом, охлаждение интеллигентного общества к опытным наукам с обмельчанием их и в развитии интереса к религиозно-нравственному образованию, к богословию.

Таковы оптимистические взгляды и выводы проф. Беляева. Казалось бы, они должны были его привести к единомыслию с теми, которые в будущем ждут чуть ли не золотого века через нравственное усовершенствование в делании добра природы человеческой, или, по крайней мере, хотя бы немного заставить его усомниться в возможности наступления последнего отступления перед временем пришествия антихриста. Но... проф. Беляев далёк от всего этого. Он положительно и категорично заявляет, что «некогда настанет эпоха распространения безбожия по всей земле» (стр. 131). Такая уверенность как-то не вяжется с его предыдущими выводами и рассуждениями. Правда, она вытекла у автора из учения об этом Слова Божия и св. отцов церкви» Но ведь и поборники по золотом веке в будущем, также основываются на том же. По нашему мнению, существенным пробелом в книге профессора является то, что автор так-таки и не убеждает читателя в истинности своей уверенности в наступлении безбожия по всей земле.

Распространение безбожия и нечестия по всей земле и есть, по уверению автора, то «отступление», о котором говорил ап. Павел во 2-м послании в Фессалоникийцам, когда поучал их,

что день второго пришествия Христова не придёт, «доколе на приидет прежде отступление, и не откроется человек греха... (2Фес.2:3,4 ст.) (стр. 132). Начнётся это отступление гораздо ранее пришествия антихриста; но никогда оно не достигнет такой силы и распространённости, как это будет в последние времена. Что тогдашнее отступление будет необычайным по силе и широте распространения и вообще необыкновенным, это можно думать по тому, что, именно, оно будет служить *подготовлением* (курсив наш) для явления антихриста и *предвестником* его пришествия (стр. 981 ср. 134–135, 153, 156–159 подр.). При таком понимании «отступления», о котором говорит ап. Павел, проф. Беляев уклоняется от обще-отеческого его толкования и изъяснения его преосвящ. Феофаном. В этом признаётся и сам г. профессор, но своё понимание он находит более правильным. Видеть в отступлении антихриста, как думало большинство из св. отцов, или последнее отступление, которое произведёт антихрист, как понимает то преосвящ. Феофан, автор не находит возможным на основании им толкуемого 3-го стиха 2-й гл. из 2-го послания к Фессалоникийцам (2Фес.2:3, стр. 134, 154–159). Но и все основания г. профессора к его толкованию, по нашему мнению, весьма шатки, софистичны и вытекают из смешения им отступления, которое всегда было, есть и будет и которое, след., было и при ап. Павле, и отступления, о котором говорит ап. Павел, как о чём-то особливом. Подробнее об этом поговорим как-нибудь отдельно.

При таком понимании «отступления», как неопределённо-продолжительного нечестия и безбожия, автор находит в нём два периода. Но, по словам самого до автора, «между этими двумя периодами нельзя уловить резкой грани: второй – составляет непосредственное продолжение первого» и во всём существенном сходен с ним. Разница будет только в том, что грехи и бедствия, усилившись в первый период, возрастут, усилятся и шире распространятся во второй (стр. 182–183) и вызовут, как реакцию, усиленную борьбу против зла, чрезвычайные (?) усилия отстоять добро (стр. 184).

Разница, как видим, только в степени роста зла и добра, но не в существе дела, при том – когда кончится первый период и начнётся второй, – сам же автор отказывается определить. Зачем же тогда и делить на периоды?!. Если нечестие и отступление будут постепенно расти и усиливаться, то почему же не считать этого за один период, как все думали доселе? А если нужно находить периоды, то почему же два, а не три? Автор при делении основывается на 24 гл. Евангелия от Матфея, кончая относящееся к первому периоду 8 стихом. Но почему же не заканчивает он первого периода ст. 6, второго – 8, а остальное – к третьему? Основания как для двух, так и для трёх периодов совершенно одинаковы; а потому – всякое деление на периоды – искусственно и пользы выяснению вопроса не приносит никакой: скорее может лишь запутать привыкшую к точности и буквализму мысль.

Разъяснение автором вопроса о происхождении антихриста – очень основательно и подробно, но нового не даёт. Особенно подробно, всесторонне и основательно автор останавливается на выяснении мерзости запустения, имеющей стать на месте святе, по изречению пророка Даниила и по словам Спасителя. Для более наглядного и верного уразумения её, он рассматривает её в связи с выяснением семидесяти седмин, о которых говорит пророк Даниил. На целых с 210 по 394 страницах ведёт он речь о ней! Много автор здесь приводит интересного из древней гражданской и церковной, даже ветхозаветной истории; решает вопросы – о годе Рождества Христова и правильности нашего летосчисления, о времени обращения иудеев ко Христу и о мн. др. Главная же цель его была та, чтобы доказать, что предсказание о мерзости запустения относится и к последним временам, ко времени воцарения антихриста. Цель эта достигается им весьма успешно. Через разбор всех несогласных мнений, на основании учения св. отцов, он утверждает, что «мерзость запустения» и есть сам антихрист, т. е. его богохульные и богопротивные учения и действия, его самообоготворение и отрицание Бога, опустошение им и уничтожение всего святого на земле, его частью льстивая, частью – насильственно-кровавая брань

против религий и поклонников их; видимым знаком «мерзости запустения» будут, можно думать, статуи, изображения антихриста, или же начертания его имени и его числа, которые будут помещены не только во всех и всяких храмах, но и будут отпечатлены и на живых храмах, на храмах Божиих, т. е. на людях (стр. 239, ср. 219, 220, 237, 239, 377, 383–389). Но чтобы не дать раскольникам-безпоповцам воспользоваться в их целях этими выводами, г. Беляев, разобрав их лжеучение, на основании опять св. Писания, утверждает, что «во времена антихриста прекратится открытое, беспрепятственное, безопасное, общественное, всенародное принесение бескровной жертвы... да и тайно совершать Евхаристию будут весьма немногие и притом с препятствиями и опасностями (стр. 347–348). Это утверждение несогласно с общепринятым в полемической, против раскольников, литературе учением, что, как только явится «мерзость запустения», так и мир сей скончается (Толк. Ап. л. 550, Кир. кн. л. 32 об.), но не согласиться с ним мы не находим пока для себя оснований.

Когда же придёт антихрист? Этот вопрос г. профессор почитает неразрешимым с точностью и определённою, в виду сокрытости и прикровенности речи о нём в св. Писании. К разрешению его можно подходить только гадательно и длинным путём, через выяснение других вопросов, первым из каковых является вопрос о том, сколько времени продолжится царствование антихриста. Этот вопрос разрешается в общепринятом смысле, что царствовать антихрист будет в продолжение времени, времён и полвремени, т. е. три с половиной года. Воцарению его будут предшествовать известные, описанные в Евангелии и у ап. Павла, события. Эти события и суть признаки, по которым можно гадать о близости или отдалённости наступления царства антихриста. Т. об., временную последовательность событий перед воцарением антихриста, г. профессор находит возможным представить в таком ходе: «тайна беззакония действовала уже при апостоле и, по-видимому, будет и постоянно действовать... Постоянно же действует и нечто противоположное тайне беззакония: удерживающее и держай... Но вот, и тогда-то держай будет

устранён, и тогда явится человек греха, явится в такое время, когда ему будет можно и нужно явиться» явится в своё время» (стр. 465). Вопрос, следовательно, усложняется неизвестностью, что или кого нужно разуть под «держай» и когда оно или он будет взят от среды (см. 2Фес.2:3–12 ст.). Решение это для автора представляется настолько затруднительным, что предварительно он решается обратиться за историческими справками. Для этого он приводит учения об антихристе восточных и западных отцов церкви, толкования богословов всех времён и исповеданий – православных, католических и протестантских. Это последнее занимает у него добрую половину книги – с 473 стр. по 945.

Толкования об антихристе православных и католических богословов, как в большинстве своём основывающиеся на учении св. отцов, сходны между собой и известны нам. Толкования протестантов своеобразны. Эти, в большинстве, за антихриста признавали и признают папу, как лицо, или как последовательный ряд лиц, или как принцип – папство. Для этого они учили понимать антихриста и всё, что о нём говорится в св. Писании, духовно, в иносказательном смысле, как учили и учат об этом наши раскольники – беспоповцы. Но так как у протестантов это учение о духовном антихристе явилось прежде и так как в общем оно сходно с беспоповским учением о том же, то г. профессор находит для себя возможным категорично и не однажды заявлять, что беспоповское учение о духовном антихристе заимствовано ими у протестантов (см. стр. 564, 648, 745 и др.). Эта уверенность г. профессора, по нашему мнению, совершенно не справедлива и зиждется на ненаучном заключении от сходства явлений к происхождению более позднего из них от более раннего по времени. Эта мысль г. профессора заслуживает более обстоятельного разбора, почему сейчас её и оставляем с одним лишь замечанием об её неосновательности.

Рассмотрение толкований и взглядов богословов не дало, однако, желаемого автору результата: ни у одного из них он не нашёл удовлетворительного ответа по вопросу о времени

воцарения антихриста. Это побудило его дать своё посильное разъяснение (стр. 988–989).

Толкование автора об отступлении – нам уже известно. Под «тайной беззакония» он разумеет «злотворное, враждебное Христу и пагубное для человеческого рода действие диавола», поневоле теперь проявляемое тайно, а при антихристе имеющее проявиться «дерзко, без стыда» (стр. 985–986). Под удерживающим воцарение антихриста, по автору, нужно разумеать Иисуса Христа (под «держай») и Св. Духа (под «удерживающее»). Нечестие и безбожие, имеющие всё более и более развиваться, наконец, достигнуть такой силы, что Иисус Христос и Дух Св. более не смогут оставаться среди развращённого человеческого рода и оставят его. Тогда-то и откроется царство антихриста (стр. 990–1006). Но когда же именно всё это произойдёт, когда же воцарится антихрист – эти вопросы, как неразрешимые, остаются без ответа и у нашего автора. – Заключает он свой труд рассмотрением настоящей эпохи в отношении близости её ко времени воцарения антихриста; он находит, что *«кончина мира ещё не близка»* (стр. 1013; курсив наш).

Мы исчерпали всё содержание книги проф. А. Д. Беляева. В виду интереса и важности рассматриваемого им вопроса, с одной стороны, и основательности, и всесторонности выяснения им взятой на себя задачи – с другой, мы почли за необходимое подробно ознакомить наших читателей с этим новым сочинением. Всюду и во всём автор приходит к выводам, общепринятым нашей церковью, которым он придал теперь авторитет научной обоснованности.

Изложение у автора везде ясное, определённое; читается книга легко и с неослабевающим интересом.

Книга проф. Беляева вполне заслуживает того, чтобы ей иметься если не у каждого священника, то непременно в каждой библиотеке. Вполне её можно рекомендовать и светским лицам, интересующимся богословскими вопросами, из коих более заманчивый и привлекающий – это вопрос о кончине мира.

Цена книги, соответственно её объёму, невелика. Выписывать её можно от автора – проф. Московской Духовной

Академии, и от известных книгопродавцев Москвы и Петербурга.
М. Чельцов

Булгаков Н. [Рец. на:] Житие и чудеса св. Николаи Чудотворца, архиепископа Мирликийского, и слава его в России. В 2-х частях с 139 рисунками. Составили А. Вознесенский и Ф. Гусев. СПб. 1899 г. Стр. I–VIII+1–723. Цена 3 рубля. // Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 290–292

В первой части книги, заглавие которой мы выписали, содержится житие св. Николая Чудотворца, изложенное по св. Димитрию Ростовскому и распадающееся на три отдела: в первом отделе излагается жизнь и чудеса св. Николая до его блаженного успения; во втором отделе говорится о перенесении мощей Чудотворца в Бар – град, причём составитель первой части, г. Гусев, попутно описывает сам город Бари и ту церковь,, где теперь покоятся мощи Святителя; в третьем отделе – описаны чудеса, совершённые св. Николаем после его успения. «Житию» Святителя предшествует введение, в котором г. Гусев обозревает литературную историю жития Святителя Николая и говорить о времени и причинах установления в Русской Церкви праздника в честь перенесения мощей Святителя Николая из Мир-Ликийских в Бар-град.

Вторая часть представляет собой обширное исследование и далеко оставляет за собой по объёму первую часть. В шестнадцати главах второй части составитель её, г. Вознесенский, подробно и обстоятельно рисует то благоговение и ту славу, какими чествует русский народ св. Николая Чудотворца. Здесь трактуется о церковных песнопениях, составленных в честь Святителя, – об иконописных его изображениях. Св. Николай Чудотворец является исконным покровителем Русской земли: начиная с великого князя Владимира и до самых последних лет, св. Архиепископ Мирликийский был тёплым помощником народу русскому во всех трудных обстоятельствах его жизни. В виду этого, сообразно с ходом исторических судеб России, составитель повествует нам о храмах, монастырях и часовнях, устроенных в

разное время и в разных местах нашего обширного отечества в честь Святителя Николая, – о частицах святых его мощей, находящихся во многих местах на Руси, – о чудотворных его иконах, с изложением в большинстве случаев истории этих икон и чудес, бывших от них; особые главы посвящены описанию того, как чествуют Святителя Николая наши столицы: Москва (гл. VIII) и С.-Петербург (гл. XI), – и каким благоговением пользуется великий Чудотворец среди сибирских язычников: самоедов, бурят и друг. (XV гл.); во второй же части собраны и любопытные свидетельства иностранных писателей прежнего времени (Петрия, Олеария, Корба, Герберштейна и друг.) о чествовании Чудотворца Николая в России (гл. X); в последней главе этой части составитель изображает славу Святителя Мирликийского по русскому народнопоэтическому творчеству (по народным поговоркам, приметам, былинам, духовным стихам и т. п.).

Таково вкратце содержание книги «Житие св. Николая Чудотворца и слава его в России»... По своему существу эта книга представляет из себя труд компилятивный: составители её, по возможности, воспользовались всем, что только раньше было писано о св. Николае Чудотворце; поэтому под руками у них был обширный и весьма разнообразный материал; примечания, касающиеся источников составленной ими книги, обнимают собой 46 с лишним страниц чёткого шрифта (стр. 657–703); составители щедрой рукой черпают из своих источников более или менее весьма обширные тирады, внося их в свой литературный труд. Но, говоря о заимствованиях, мы вовсе не хотим сказать, чтобы гг. Вознесенский и Гусев только механически копировали тот или другой материал, который имелся у них под руками. Нет, в своей работе они являются очень искусными зодчими; всё, что составители находят нужным внести в стены воздвигаемого ими здания, всё это они предварительно обделывают критическим резцом и затем уже отделанное тщательно скрепляют цементом собственного мышления. Вот почему и их труд, по справедливости, может быть назван величественным литературным памятником в честь и славу великого Угодника Божия¹⁰².

Правда, в здании, воздвигнутом гг. Вознесенским и Гусевым, как и во всяком человеческом творении, есть свои изъяны. Так, поспешные выводы, есть в книге суждения, мало отвечающие исторической и фактической действительности, а иногда и прямо противоречивые между собой. Встречаются выражения, которые можно объяснить разве только корректурными недосмотрами.

Впрочем, указанные погрешности не туманят однако общего светлого фона, какой остаётся в душе верующего человека после прочтения названной книги. Издана книга г. Тузовым вообще превосходно, и желательно, чтобы она получила широкое распространение среди пастырей и пасомых, не смотря на свою сравнительно высокую цену. Пастырь и миссионер найдут в книге много веского материала для обличения сектантов, отвергающих почитание святых (гл. X, XV, XVI). В заключение нельзя не пожелать, чтобы гг. Вознесенский и Гусев приложили свои способности к составлению подобных же обстоятельных «житий» и других угодников Божиих, особенно чествуемых на Руси. Помогите им Господи!

Н. Булгаков

Павлович М. [Рец. на:] Литературный сборник для духовно-нравственного чтения. Изд. Афонского Русского скита св. пророка Илии. Цена 15 коп., с перес. 20 коп. каждому выпуску. // Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 292–293

Русский скит св. пророка Илии на св. горе Афоне, не имеющий собственности и существующий на добротные даяния своих благодетелей, возымел святое и благое намерение поддержать и закрепить свои внутренние связи с последними не молитвой только за них, но и более вещественным знаком, и за их даяния отплатить им посильным духовным утешением. С этой целью им предпринято издание «Сборника для духовно-нравственного чтения». В настоящее время издано уже три выпуска этого сборника к праздникам: Рождеству Христову – «Во славу Божию» к Пасхе – «Воскресения день!» и к Успению Пресвятыя Богородицы – «Во славу Божией Матери». В содержание их входит: поучительное слово одного из отцов церкви, одно из более выдающихся произведений современных проповедников и повести и рассказы религиозно-нравственного, назидательного характера. Кроме того, «Сборники» снабжаются рисунками.

Повести и рассказы – очень просты, общепонятны и назидательны. Их прочтёт, поймёт и обдумает всякий, даже и малограмотный мужичок. Поэтому было бы весьма полезно прочитывать их в церквях за внебогослужебным собеседованием и раздавать на-дом для чтения – в крестьянские хаты. Цена «Сборника» более чем общедоступная и небольшая. Об условиях выписки «Сборников» желающие найдут в рассылаемом при настоящей книжке журнала объявлении от св. Ильинского скита.

М. Павлович

Известия и заметки

Бегунский притон, новая миссионерская вакансия, штундовые судебные процессы. // Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 293–294

– *Обнаружение бегунского притона.* Из Олонецкой губернии сообщают, что в Каргопольском уезде, в деревне Мартемьяновской, Луговского прихода, недавно обнаружен полицией у крестьян, братьев раскольников Крехалевых. притон бегунской раскольничьей секты, с тайниками в застенках и подвалах дома. На гумне же этих раскольников открыто бегунское кладбище с похороненными там по обряду секты 20 трупами разных возрастов и полов.

Крехалевы давно заподозревались, как «пристанодержатели» или, иначе, укрыватели сектантов – странников; последние то появлялись в этом вертепе, то исчезали неведомо куда. Обнаружен этот притон случайно. Некто Анфимов, отправляясь на линию строившейся Архангельской ж. д., в качестве урядника по надзору за рабочими, оставил свою больную жену у одних родственников, а последние, тяготясь уходом за больной, поместили её к Крехалевым, которые имели обыкновение, казалось, охотно принимать к себе таких людей, под видом милосердия, а в сущности – по фанатизму, дабы беззащитных и безнадёжных больных «спасать», т. е. приобщать к своей изуверной секте через насильственное перекрещивание, а иногда и при посредстве красной смерти (удушение красной подушкой для принятия якобы мученического венца).

Анфимова здесь умерла и была тайно зарыта в особых простенках, устроенных по обеим продольным сторонам риги. Муж её, по возвращении, сначала разыскивал свою жену, но потом махнул рукой на её исчезновение, пока не задумал жениться. Анфимову потребовалось свидетельство о смерти первой жены, и он заявил полиции свое подозрение на Крехалевых, как на укрывателей факта смерти его жены и места погребения. Началось расследование и у этих крестьян обнаружены тайники в доме и кладбище в риге. Судебное

расследование должно будет привести к интересным для сектоведов разоблачениям тайных деяний этой нетерпимой секты.

Трупы похоронены не глубоко от поверхности земли, – аршина на полтора–два, один возле другого или же один над другим. Судя по состоянию трупов, покойники погребены разновременно, – от некоторых остались только скелеты, от других одни кости. Но есть трупы и сравнительно недавнего погребения. Большой частью трупы завернуты в рогожи или в холст, – обуты в лапти, гробов нет. На некоторых трупах имеются следы повреждения, напр., раны на черепе, переломленные ребра, кровоподтёки на шейной части, – кровавые пятна на платье – по-видимому предсмертного происхождения, – скелеты с недостающими частями тела. Достоин внимания, что найденные человеческие свежие и сухие кости, как бы вываренные, которые в беспорядке сложены в чулки, на последние надеты лапти, – очевидно, последние имеют здесь значение символа, что кости принадлежат «страннику». Среди костей есть детские. Найдена также готовая детская могила. У некоторых трупов лицевые и мягкие части как бы обгрызены. Словом, судя по описанию состояния трупов, можно предполагать, что следственная власть имеет здесь дело с изуверным толком бегунской секты «красносмертов», которые насильственно лишают жизни – ради венца мученического или своих последователей «морельщиков», обрекающих себя на голодную смерть через одиночное заключение, в котором покойники могут оставаться на долгое время и сделаться достоянием не только червей и тления, но и крыс и других хищников. Вообще, в деле этом, много загадочного и таинственного.

* * *

– Заботами преосвященного Иакова, в *Кишиневской* епархии учреждена третья вакансия епархиального миссионера, с жалованием 3000 р. Миссионер должен жить и нести обязанности проповедника при Ново-Нямецком монастыре, что близ Тирасполя.

– В с. *Плосском*, где совершилась ужасная драма с замурованием 24 несчастных раскольников – основана старанием почтенного о. Благочинного Вижевского церковно-приходская школа, к учреждению которой весьма сочувственно отнёсся Измаильский раскольничий архиерей Анастасий.

– В конце сентября имеют состояться судебные штундовые процессы в г. Киеве и Нижнем.

[Октябрь]

Скворцов В.М. О старых событиях и новых явлениях в области сектантства и миссионерского дела. // Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 295–313

(Речь при открытии Таврического миссионерского съезда 24 мая 1899 г.).

Молитвой и руководственным словом архипастыря таврической церкви сейчас положено начало не только благому, но и *новому* делу, которого не знает вековая история церковно-общественной жизни благословенного таврического края. Открыт *первый* епархиальный миссионерский съезд духовенства здешней епархии, в качестве совещательного духовного учреждения, имеющего свои живые, широкие, ничем другим не заменимые задачи. Настоящий миссионерский съезд является важным и знаменательным событием для местной церковной миссии, как *дорогой почин* столь важного дела в том крае, где история раскола и сектантства обнимает собой целое столетие своего здесь *процветания*, где прочно организовались очаги всевозможных религиозных лжеучений, где сектантские центры приобрели влияние общероссийских распорядительных пунктов, где, наконец, около 15 лет, ежегодно устроятся самыми опасными врагами православия – штундо-баптистами, подобные этому *первому* съезду, миссионерские конференции; из последних некоторые, как, напр., Ново-Васильевская и Раккенаусская, пользуются в сектантском мире широкой известностью и особенным значением, считаясь всероссийскими съездами штунды.

Радостно приветствуя настоящее миссионерское собрание, в глубоком сознании важности и многопользности этого благого начинания для поступательного развития и успехов миссионерского дела в здешней окраине, от души желаю, чтобы настоящий *первый* миссионерский съезд был благоуспешен в своих делах и предначертаниях, – чтобы начал он собой более светлые страницы в истории местной миссии, чем какими наполнена вековая летопись борьбы с многочисленным

сектантством Тавриды. Ведь миссия здесь доселе переживала более печалей, чем отрады. Чтобы убедиться в этом, стоит только, хотя бы вкратце, вспомнить *дни древние* из векового прошлого в жизни местного сектантства и в деятельности миссионерства.

Плодоносная, благорастворенная Таврида, волей исторических судеб, с самого начала истекающего столетия делается местом выселения расколо-сектантства, и «Молочные воды» становятся в своём роде историческим, самым крупным во всей России, очагом, так называемого, старого рационалистического сектантства.

Гуманнейший из монархов, император Александр Первый, по совету более сентиментальных, чем прозорливых администраторов того времени (сенаторов Лопухина и Нелединского), Высочайшим повелением 1802 г. отдаёт тучные мелитопольские степи «духоборцам», дозволив всем этим сектантам «совокупиться воедино», дабы тем избавить их от народной ненависти и преследований, а православное население – от духовного растрепывания со стороны опасного религиозного лжеучения духоборческой секты. И потянулись тогда многими сотнями в благословенную Тавриду народные вольнодумцы – религиозные отщепенцы со всех сторон: из Тамбовской, Екатеринославской и Харьковской губерний, с тихого Дона, с берегов Волги... Новым поселенцам Тавриды – духоборам предоставлены были милостивым правительством такие заманчивые льготы, что устремились сюда даже и те, кто и не очень желал быть отступником: манила свобода от тяжкого ига крепостного права и корысть: земли отведено было по 30 десятин на душу, поселенцы освобождались на несколько лет от всяких податей, на постройку домов и заведение инвентаря отпущено было казной пособие.

А главное – бытовая жизнь духобор устроилась свободно и привольно «по своему плану», – согласно основным догматам их вероучения, т. е., на столь широких началах социализма, коммуны и самоуправления, до которых едва ли когда-либо доходили самые крайние коммунары западной Европы или Америки. Образовались огромные селения с эмблематическими

названиями «Терпения», «Спасовки» и др. В 1817 году правительство вынуждено было остановить устремившийся на Тавриду духоборческий поток, хотя эмиграция сюда продолжала направляться тайными путями и духоборческие сёла сделались убежищем дезертиров, осуждённых преступников (по учению духобор – ни судить, ни казнить нельзя людей), убегавших от своих помещиков крепостных и др. Время шло, духоборчество росло и благоустраилось, без опеки и надзора правительственной власти, под деспотическим главенством своих вождей Капустиных-Калмыковых, которые мало-по-малу приучили эту многотысячную тёмную массу смотреть на самих себя, как на «духоборческую нацию», на их род, – как на «священную линию», на старшего в роде Калмыковых, – «как на воплощение души Самого Христа Спасителя и как на прирождённого их царя-пророка». Калмыковы устроили особую для себя резиденцию, названную «Сиротским Домом» (в с. Терпении), с «общественным столом», т. е., с общинным капиталом. Так втихомолку возродилось на таврической окраине оригинальное «государство в государстве», с деспотической властью безнравственного тёмного тирана, погрузившего прекрасное, само по себе, тихое, трудолюбивое духоборческое население в вековую непробудную тьму безграмотности и религиозного обскурантизма.

Главари Калмыковы священные книги потопили, грамотность и школы духоборцам воспретили и всякое просвещение загасили на целое столетие. И только в прошлом году едва удалось власти и миссии сломить упорство закоренелых фанатиков и зажечь в этом тёмном царстве светоч просвещения, открыв *первую школу* в нынешнем закавказском центре старого духоборчества, – в с. Горелом, где находится «Сиротский дом», – осиротевшая резиденция прекратившегося (в 1886 г.) рода духоборческих властителей. Так крепка сила и власть вековой тьмы сектантства!

Известно, что в период таврической жизни духобор местная власть государственная или послабляла, или бездействовала относительно сектантских беззаконий. Но как и чем противостояла духоборческому злу тогдашнего времени миссия

таврической церкви? Стремилась ли она помочь делу спасения этих несчастных отщепенцев светом православной истины? пыталась ли разгонять эту страшную тьму духовборческих заблуждений духовных и социальных? История об этом умалчивает, – она не сохранила ни имён деятелей, ни деяний их.

Относительно миссии живёт лишь в памяти современных духовбор один рассказ или – вернее – легенда. Император Николай Павлович, узнав о нестерпимых заблуждениях духовбор, повелел прислать в духовборческие селения увещателя священника. В указе о назначении пастыря-миссионера говорилось, что-де пастырь к ним посылается потому, что они – духовборы и «родятся и погребаются (т. е. обходятся) без священников». Злобно отнеслись фанатики к представителю православной миссии и, при первом удобном случае, взяли да и закопали миссионера-священника живым вместе с первым же из своих покойников, вышучивая тем указ. А по другой вариации сожгли увещателя в стоге сена.

Да и что могла сделать Церковь для вразумления многих тысяч сплотнённых, как стена, упорных сектантов, когда свет духовного учительства и просвещения в то время едва мерцал, и в самой-то прав. Церкви: едва ли хватало его для просвещения и ограждения верных чад её от приражения к ним лжеучений сектантства, магометанства и языческих предрассудков недавно присоединённого края! И только через 40 лет едва-едва всмотрелась правительственная и церковная власть в «духоборческую нацию», и лишь после того, как страдания сектантской массы от произвола и деспотизма развратных жестоких главарей возопили на небо...

Наряженная по Высочайшему повелению в 1835 году особая следственная комиссия открыла при Сиротском доме – резиденции Калмыковых и застенки для пыток, и синедрион 30 палачей, и плети, и груды замученных изуверами жертв.

Таврические духовборы за свои «нестерпимые злодеяния», как говорилось в указе Сената, выселены были в Закавказье на Мокрые горы, в Ахалкалакский уезд. Но и здесь повторяются те же ошибки невмешательства власти во внутреннюю общинно-

бытовую жизнь сектантов, то же умиление администрации перед физической дородностью и ловкостью трудолюбивого духовборческого населения, то же невнимание к духу и характеру духовных воззрений сектантов, – и то же, к сожалению, безучастие миссии Церкви, которое, впрочем, может оправдываться особенными условиями православия на этой окраине... Но печальный факт налицо. В Закавказье духовоборы образуют селения с теми же эмблематическими названиями, заводят те же коммунистические порядки жизни, под тем же деспотическим главенством Калмыковых, устрояют тот же «Сиротский дом» «с общественным столом», с целым своеобразным штатом придворных мужиков и мужичек, верноподданнически служащих «Их Милости, – батюшке вожаке Петруше и матушке Луше» (жена последнего Калмыкова, а впоследствии правительница духовобор). – с своим почётным конвоем вооружённых всадников... Словом, уроки Таврической истории автономной жизни духовобор, «как особой нации», не послужили никому ни в пользу, ни в назидание, и духовборческое «государство в государстве» здесь даже более легко и свободно организовалось, укоренилось и зажило своей обособленной от обще-русской жизни и культуры замкнутой жизнью. Безумие и вольность тёмной массы закавказских духовобор, предоставленных себе самим, дошли до того, что сектанты серьёзно мнили себя чуть ли не союзниками соседнего могущественного Русского Царя, а на подати смотрели, «как на дань». И вот, в то время, когда кавказские администраторы увеличивали земельные владения духовобор путём предоставления сектантам, как лучшему якобы колонизационному элементу в ново-завоёванной Карской области, самых плодородных земель, отталкивая православных переселенцев, как пьяниц и нищих, когда в своих отчётах восхваляли до небес добродетели духовоборцев, – в это тёмное царство пробрались с своей анархической курилкой интеллигентные просветители – толстовцы и заронили искру в горючий материал, и искра эта произвела страшный пожар анархического движения среди духовборческой невежественной, фанатической толпы. Движение это выразилось в грубом

отрицании государства и законов, всякой и даже Высочайшей власти, в неповиновении законам и требованиям правительства, в уклонении от исполнения воинской повинности и податей. Естественно и неизбежно должен был доследовать в отношении духобор-анархистов целый ряд тяжких для главарей и массы правительственных репрессий, закончившихся, как известно, выселением неповинующейся мятежной партии сектантов сначала по туземным селениям, а затем в Америку. Таким образом, братья наши по плоти и крови, отщепившись от православного корня, отвернувшись от исконных начал общерусской народной жизни, находясь в течении века в своей бытовой духовной жизни без организованной опеки, разумного руководства и мощного содействия со стороны миссии Церкви, и местных властей погибли и для Царства Божия, и для царства Российского! Поистине, этим тысячам заблудших, – с тех пор, как они благодушием правительственной власти были искусственно пересажены из православного центра в Тавриду и тем напрасно изолированы от влияния православной народной среды, как сплотились в одно тёмное царство, – *не было помогающего!* Вместо земного ангела хранителя, каким для отпадших и религиозно заблуждающихся должна быть охраняющая и вразумляющая миссия Церкви, к несчастным духоборам явились искушители, в лице толстовцев – интеллигентов, и увлекли вслед своего лжеучения и погубили несколько тысяч сектантов!

Но могут возражать, что с такой сплотно́й, массовой, тёмной и фанатической силой, как «духоборческое государство в государстве», да ещё охранявшеюся благодушием местной власти от вмешательства Церкви в автономные порядки жизни сектантов, всё равно для миссии борьба была бы и непосильна, и бесплодна. – А толстовцы? Ведь они, в течении каких-либо 3–4 лет настойчивой, ловко задуманной и искусно проведённой пропаганды своего пагубного лжеучения, достигли же желанных им результатов, и вот теперь зело радуются, во главе с яснополянским своим старцем – учителем, на духоборческо-толстовские новонасаждения свои в Америке... Как бы то ни было, но начало и целая половина несчастной духоборческой

эпопеи принадлежит Тавриде. И это составляет первую печальную главу в истории Таврической миссии.

Развернём дальнейшие скрижали той же истории.

С 1820 года, по мысли и распоряжению правительства той же эпохи Александра Благословенного, в таврический край потянулись из разных губерний, в качестве колонистов, молокане–уклеинцы. Им также предоставлены были льготные условия и тысячи десятин прекраснейшей степи Бердянского уезда. Молокане образовали крупные посадки, тысяч по пять населения каждый (Астраханку, Ново-Васильевку, Ново-Покровку и др.). И с молоканами повторяется здесь та же история полной изолированности от всего общерусского, широкой общинной автономной жизни – с своим сельским начальством, с своим чисто бытовым правом, с традициями секты, основанными на догме своей веры, которые, конечно, для сектантов выше всяких законов гражданских. И в молоканских общинах совершается то же господство своекорыстных слепых вождей над Божиим созданием, над тысячами единокровных нам братьев отщепенцев! Тот же наблюдается поверхностный умилённый взгляд местной власти на одни лишь внешние стороны добропорядочной жизни молокан и *то же безучастие, бессилие местной церковной миссии*, то же отсутствие духовных светильников истины и чистых источников живой воды, откуда бы могли черпать жаждущие души. По крайней мере, история борьбы с таврическим сектантством не отмечает и не сохранила ни одного имени выдающегося просветителя или обличителя лжемудрований духоборо-молокан ни среди воссоединённых, ни среди пастырей, подобных, напр., известным в истории противораскольничьим доблестным борцам... И не удивительно: Таврическая епархия, как самостоятельная единица, среди других ещё – новая, а организованная миссия здесь – совсем юное епархиальное учреждение; нет ещё и десятка лет, как учреждена вакансия специального миссионера и притом – одного на обширную епархию, с многосложными, тяжёлыми обязанностями и руководителя приходскою миссией,

и работника на обширной, густо поросшей сектантскими терниями и волчками, ниве!..

Но посмотрим: как же в эти 60 лет текла жизнь молокан в пределах Тавриды, что происходило в недрах секты, *было ли место просветительному влиянию миссии?*

О, да! Молокане прибыли в Тавриду, будучи одного только толку – старо-уклеинцами, а теперь среди них насчитывается столько всевозможных разветвлений, что и сами молокане запутались в собственных своих хитросплетениях. и наука сектоведения никак не разберётся в них. Не указывает ли это дробление на происходившее и доселе происходящее в недрах таврического молоканства «брожение духа», – искание света истины собственными силами? Брожение это началось ещё в 40-х годах. Лучшая часть этой секты, так сказать, утробно, чутьём русского духа и сердца, возвращается назад к незабытой ещё тогда истине православия и красоте его богослужения, – признаёт необходимость и благодатное значение пяти таинств, учреждает своё самочинное пресвитерство, сочиняет обрядники, заимствуя чин и молитвословия для него из нашего православного требника. В старом молоканстве, таким образом, образовался новый, так называемый, Донской толк, в котором, в тоске по истине, сектанты вырабатывают своего рода унию и сами тем стучатся в дверь церковной нашей ограды... Но услышала ли в то время миссия наша этот знаменательный стук, отозвалась ли на этот вопль блудных детей своих призывным зовом любви и участия, заглянула ли в глубь души молоканской массы, истомившейся в блуждании по дебрям старого молоканства, иссушающего и ум, и сердце русского человека своей безжизненной, бездушной доктриной, полной грубых противоречий слову Божию и вселенской истине Христовой Церкви, лишённой нравственно-возвышающего и воспитывающего культа?! Положительного ответа на это мы опять не найдём в истории борьбы с нашим рационалистическим сектантством. А, наоборот, к прискорбию, убеждаемся, что столь благоприятной почвой, какую представляет для миссионерского делания в молоканстве Донской толк, воспользовались самые опасные враги Церкви –

протестантствующий немецкий штундо-баптизм, который выдвинул для сеяния своих плевел на таврической молоканской пажити все свои лучшие наличные проповеднические силы: здесь проповедовали штундо-баптисты всех племён и наречий, с немцами, конечно, во главе, и не исключая даже евреев...

Здесь кончается вторая глава печальной истории и даже не таврической только, но и вообще нашей внутренней миссии, и начинается третья, не менее волнующая душу и сердце ревнителя православия.

Штундизм миссионерствует *свободно* среди таврического молоканства почти 20 лет и за это время успевает приобрести «в свои сети ловчи» свыше трёх тысяч последователей, главным образом, из молоканства, а отчасти и из православия.

Хотя по коренным законам нашей Империи право миссионерства принадлежит в России только одной господствующей Церкви, а потому всякая пропаганда другой веры или секты – есть явление незаконное и наказуемое, штундизм, однако, в таврических палестинах действует смело, организовано и успешно. Более того, он давно уже ухитрился приобрести себе здесь права гражданства: исхлопотал, напр., себе у местной власти утверждение пресвитеров, – открыто отправляет свои общинные богослужения, как известно, законом 3 сентября 1894 г. недозволенные, строит (напр. в Ново-Васильевке) по всем правилам немецкой церковной архитектуры настоящий молитвенный дом. И всё это беззаконие творится ведь не где-либо на дальнем востоке, а сравнительно на близком к центру юге святой Руси!

Укоренение штунды, хотя бы и на счёт молоканства, явление не только не законное, но и опасное, как для Церкви, так и для государства. Нужно опасаться, чтобы и с штундо-баптистическим вопросом не пришлось когда-либо так же считаться, как и с «духоборческой нацией». Не нужно забывать, что всё рационалистическое сектантство представляет собой и в социальном отношении горючий, ненадёжный материал, а штундо-баптизм – особенно.

Как ни мрачны религиозные заблуждения молокан, как ни далеко отстоят они от истины православия, но эти сектанты, не смотря на вековое своё отщепенство, остаются, всё-таки, русскими людьми по духу и жизни, и по своим отношениям к формам государственно-общественной и народной жизни Руси. Не то штундовая секта, которая, по своему характеру, более социальная, чем религиозная. Разделяя крайние религиозные заблуждения протестантских сект пиетизма, меннонитства и необаптизма, будучи иноземной сектой по своему происхождению, штундизм везде и всегда сердечные влечения своих последователей наклоняет в сторону чужестранных порядков и обычаев. Вот почему русский человек, пребывая в штундизме, невольно теряет не только внутреннюю красоту смиренномудрого своего духа, но и внешний облик.

Штундовый вопрос в Таврической епархии составляет одну из самоглавнейших и серьёзнейших задач местной миссии. Силён он здесь и численностью, и материальным богатством своих последователей: кто из миссионеров не знает богача штундо-баптиста Мазаева, бывшего Ново-Васильевского крестьянина, а ныне владельца огромного имения знаменитого героя Платова? Опасен таврический штундизм – и не для одного только здешнего края, но и для всей России – и духом необузданного прозелитизма, который воспитал и выдвинул из их штундо-молоканской среды несколько лиц, пользующихся в истории распространения штундо-баптизма недоброй известностью вредных пропагандистов и насадителей лжеучения в православных селениях южной, центральной и восточной России. Проповедуя спасение одной верой в искупительные заслуги Христа Спасителя, – без подвигов добродетели, штунда единственной добродетелью считает проповедание своего лжеучения, которое, как известно, главным образом, состоит из отрицательных сторон и похулительных воззрений на дорогие русскому православному сердцу догматы и святыни нашей св. веры.

Таврическая штунда давно верховодит всем новейшим сектантством. Здесь находился долгое время распорядительный штундовый миссионерский комитет и касса,

собирались конференции; отсюда давались распоряжения о разделении России на штундо-миссионерские районы, назначались проповедники. Здесь, с 1892 г. печатались (в Севастополе) разрешённые московской лютеранской консисторией богослужебные книги штундо-баптизма.

Нам могут сказать, что среди сплошного православного населения Тавриды не велико число заражённых штундой пунктов и мало случаев отпадения в секту, а потому особенно опасаться нечего. Но повторяю, что штунда опасна не количеством, а духом прозелитизма и силой растлевающего влияния на здоровую православную среду. Где заведётся один отпавший, там найдёте десять смущённых, поколебленных в самых святых чувствах своей веры. При нынешних путях сообщения и при выработанных немецкой штундой многообразных тонких способах пропаганды своего лжеучения, никакой приход не застрахован от проникновения в его паству «этих волков лютых, не щадящих стада» самого доброго и учительного пастыря. А потому каждый приходский пастырь, как добрый воин Церкви Христовой, должен быть уготован на благовременное миссионерское отражение козней врагов православия и на ограждение своих верных от приражения к ним яда сектантских лжеучений.

Да и не в количестве отпавших горе. Надобно жалеть и всемерно спасать, по образу евангельского доброго пастыря, и единую заблудшую овцу, – и единую погибающую для спасения душу, памятуя, что ведь за неё Христос страдал, что она искуплена Честной Кровью Спасителя мира! Если, по слову Св. Писания, и о едином кающемся грешнике велия радость бывает у ангелов на небесах, то, следовательно, и о всякой отпавшей, заблудшей, озлобленной и нераскаянной душе бывает велия скорбь у небожителей!.. Как же нам-то, пастыри и учителя Церкви, не восскорбеть печалью велиею по поводу проникновения туда или сюда сектантства, убивающего души младенцев веры, соблазняющего «сих малых»? *Не бойтесь убивающих тело, а бойтесь убивающих душу*, учит Пастыреначальник Христос. Пусть этот спасительный страх разгоняет дремоту призванных к миссионерскому служению и

исцеляет всех нас от исконного недуга теплохладности – в отношении великих задач и многих забот внутренней нашей миссии!

Но штундизм не составляет ещё конца болезням таврической церкви: на пажитях её враг человек, «нам спящим», всеял уже кое-где новые плевелы лжеучения погибельного, антихристианского, отрицающего и боговдохновенность Библии, и богочеловечность Христа Спасителя, и искупительное значение Его крестной смерти.

Известно, что в последние годы интеллигентные отщепенцы от Церкви, неверующие ни в Бога, ни в чёрта, стремятся примкнуть к народному сектантству, с целью сделаться руководителями этих, по их понятиям, *передовых народных сил на пути процесса*, как в религиозных их воззрениях, так, главным образом, в социальных. Присутствующие здесь представители сектантства лучше нас знают, как давно и навязчиво пытаются интеллигентные просветители объединить разнovidные толки сектантства под одной доктриной. Об этом некогда усердно хлопотал ересиарх Пашков, этим озабочен Л. Н. Толстой и особенно его рьяные последователи. И нужно сказать, что социальные и антихристианские религиозные воззрения толстовцев пришлись более пашковщины по вкусу и по сердцу и старому, и новому сектантству. Толстовщина всё более и более начинает проникать в народ. О пагубном влиянии толстовцев среди духовод уже известно. Не чужды влияния толстовства и новый штундизм, и старое молоканство. Херсонская миссия свидетельствует, что штундисты тамошние начинают отвергать боговдохновенность Свящ. Писания, удерживая из него только то, что нравится сектантам.

Петроостровские штундисты о Христе проповедают, «что Он простой, хотя и очень добрый, и премудрый, человек, но не чуждый однако еврейских предрассудков, от которых не могли освободиться-де и апостолы. Чистую религию свободы проповедают только они, истинные христиане»... В Чигиринской штунде Киевской губернии одно время существовала партия, которая евангелие признавала измышлением человеческого разума, как и все другие человеческие писания, законы и

установления; правилом веры и жизни по ним должны-де служить законы природы. Религиозные воззрения этих мудрецов сектантов были грубо атеистические и социалистические: – эгоизм и идонизм у них считался главным девизом жизни, а потому шайка ознаменовала себя целым рядом грабительских дел в отношении богатых односельчан.

В Киеве, на публичных собеседованиях, один собеседник, – молодой ремесленник, заявил, что он человек *свободной религии*, – ни Бога, ни души, ни бессмертия не признаёт и научился этому из чтения умных книг. Тамбовские молокане зачитываются подпольными сочинениями Хелчицкого «Сеть веры» и гр. Л. Толстого, и трактуют о том, что якобы Библия оправдывает одни *конституционные порядки престолонаследия* и проч.

Для исследователей сектантства эти страшные наблюдения и известия ничего нового не дают. Отмеченные явления представляют *логический конец сектантства* – естественную ступень в его дальнейшем развитии. Ведь это одна только наивность да светское легкомыслие и близорукость могут думать и утверждать, будто бы тёмная, малоразвитая крестьянская масса, оторвавшись от крепкого православного корня, в сектантстве приобретает какие-то высшие просветительные религиозные понятия, более крепкий, будто бы, нравственный закал поведения... Грубое заблуждение! Наблюдения и опыт самым решительным образом опровергают этот, к сожалению, распространённый в светском обществе и печати предрассудок насчёт влияния сектантства на духовно нравственное развитие народа.

Сектантские лжеучения, слабые положительной стороной догмы и, наоборот, сосредоточенные всецело на отрицательной стороне, на критике и сомнении, развращают ум и сердце простолюдина гордым самомнением о богословском всеведении толпы, материализируют идеальный, самоотверженный дух русского народа.

Пробуждаясь критицизмом, религиозным свободомыслием и находясь под руководством или невежественных и своекорыстных, или же онемечившихся главарей, мысль

простолюдина сектанта идёт неудержимо далее по наклонной плоскости, – на путь социального отрицания и скепсиса. Толчок к своеволию даётся в области церковной анархии, в сфере вопросов духовного порядка, и при отсутствии у простецов-сектантов развития, просвещения и положительных знаний, благодаря затем прямолинейности мужицкой логики, не знающей компромиссов и каких-либо сделок с совестью, – при неумении и действительной трудности для бесхитростного ума отделить вопросы религиозной свободы от социальной – область веры и Церкви – от области житейской (общественной и государственной), – новейшее сектантство представляет собой естественный и прямой мост, через который враги нашего государственного порядка приспособляются переводить союзников из народа в свой лагерь. И это, к сожалению, не догадка только, а жизненное наблюдение. В последние годы беспокойного поведения в некоторых местах рабочих классов, в числе арестованных (напр., в Киеве, Николаеве) смутьянов, нам известны и передовые из штундо-баптистов.

Сектантство от практического социализма разделяет только лишь одна сдерживающая плотина, – это вера в боговдохновенность Свящ. Писания и во Христа, как Исккупителя и Спасителя. Л. Н. Толстой своим «Евангелием», «Царством Божиим» и другими антихристианскими кощунственными писаниями и письмами, сильный произвёл подкоп под этот оплот веры народного сектантства. Но интеллигентные просветители народа в том же духе толстовства ведут этот подкоп ещё дальше и глубже и притом систематически, по разработанной программе и плану. Мы не считаем полезным замалчивать эти адские ухищрения сектантствующей интеллигенции. Установлено, напр. существование особой программы под названием «правила общества образованных молокан», по которой сектофильствующая интеллигенция предначертала вести просвещение в объединение и самих себя, и русского сектантства.

Общество поставляет целью: (§1) а) «Объединение образованного сектантства на почве такого мировоззрения, которое исключало бы всякое противоречие между религией и

наукой и приводило бы их во взаимную гармонию; б) *преобразование традиционного* (т. е. народного) *сектантства* при помощи этого научного (?), но религиозного мировоззрения». В состав общества (§ 2) имеют право поступать *все лица* (не исключая и евреев?), симпатизирующие цели общества и желающие действовать в его духе. (А сколько в интеллигенции имеется таких симпатизирующих сектантству и даже среди общественную и государственную службу несущих!) Для пропаганды своих идей «религиозных, научных, моральных, экономических» – правилами общества (§ 3) каждому члену вменяется «*быть в возможно близком соприкосновении с сектантами*»; посещать их собрания, вести собеседования, организовывать местные кружки для самообразования, устраивать чтения, курсы по разным предметам, основывать библиотеки и т. д. (Caveant consules – при нынешней шумихе и ревности относительно заведения всяких чтений, библиотек, курсов!..) Кроме того, особым пунктом (§ 4) правил, членам общества вменяется в обязанность и поощрять, и поддерживать нравственной материально всякое стремление в сектантстве к низшему, среднему и высшему образованию. Общество имеет в виду (§ 5) *изготовление и распространение между сектантами разных гектографированных брошюр просветительного характера*.

Для оказания материальной помощи недостаточным учащимся сектантам и для разных других расходов, общество озабочено составлением своего капитала, который образуется, между прочим, из членских взносов и добровольных пожертвований.

В отделе программы, под рубрикой «Мировоззрение общества образованных молокан», религия образованных сектантов определяются (в шести §§) так: «Мы утверждаем, что человек, в поисках за истиной, должен руководствоваться прежде всего *не верой и Библией*, а своим личным (?) суждением, т. е. испытывать своим разумом всякую истину, прежде чем принять её. Поэтому *мы отвергаем буквальную боговдохновенность и авторитет Библии*, которая, обыкновенно, служит сектантам критерием, т. е. мерилom и

непогрешимой пробой для распознавания всякой истины. Мы признаём, что Бог один и неразделен, но отвергаем учение о Троице. Мы отвергаем догмат о Божестве Христа, отвергаем учение о первородном грехе, об искуплении через кровь Христа, отвергаем существование дьявола и учение о вечных муках. Мы признаём, что мир создан и управляется при помощи законов природы, а не посредством чудес. В вопросе о происхождении нашей солнечной системы и земли мы идём вслед за научными завоеваниями астрономии и геологии. Мы отвергаем авторитет Библии в этом вопросе. В вопросе о происхождении человека и органических существ на земле, мы идём вслед за наукой биологии: мы держимся учения Дарвина, пока не будет открыта более доказательная теория. Мы не принимаем авторитета Библии в этом вопросе» и т. д.

Такова религия должна быть и у народного сектантства! Не лучше далее трактат и «о личной и общественной морали».

«Мы признаём, гласят правила, что человек одарён свободной волей и ответствен за свои поступки; что нравственный закон добра и справедливости заложен естественным образом в сердце человека, и отвергаем догматы о сверхъестественном внешнем откровении его Богом человеку. Мы признаём, что душа человека бессмертная. Мы признаём молитву как выражение нашей зависимости от Божества». Что касается «морали общественной», то правила отвергают «антиобщественную (?) мораль Христа, основанную на вере в близкую мировую катастрофу, т. е., на вере в близкое наступление, так называемого, Царствия Божия» и утверждают вместо этого, что общественная мораль должна основываться на идее справедливости и права. «В вопросах о происхождении и значении семьи, собственности, общества и государства, мы идём вслед за прогрессом науки социологии и общественной экономики» (иначе говоря, за современным социализмом и анархизмом?). Не забыт вопрос и о „Теории познания“ здесь кратко сказано: „в вопросах о возможности знания и истины мы держимся критического направления Канта“.

Конечные цели и главные задачи описанного нами пресловутого «Общества образованных молокан» слишком

ясны и понятны, чтобы их здесь комментировать. Оно стремится к водворению у нас на святой Руси – народного нигилизма и безбожия, старается разнуздать зверя страстей массы!.. Что четыре–пять лет назад мы тревожно предугадывали, чего опасались, ныне, по-видимому, готово к осуществлению. Мы говорим об устанавливаемом всё прочнее союзе сектофильствующей интеллигенции с народным сектантством... Здесь нарождаются для миссии новые трудные задачи!

Благодарю Провидение, что настоящее моё сообщение, предназначенное Таврическому миссионерскому съезду, слушают и представители местного молоканства, среди которых есть и сравнительно образованные. К вам теперь моё слово, братия о Господе, Судии всех! Поняли ли вы, какие страшные сети безбожия, безверия уготованы вам под личиной дружбы и сочувствия теми, кого вы привыкли считать своими благожелателями? *Блюдайте, како опасно ходите!* У вас, лишённых благодати, стремятся отнять последнее сокровище – веру во Христа Искупителя и преданность слову Божию. Вы от отцов восприяли недоверие к господствующей православной Церкви, как к своему мнимому врагу, а враг-то не здесь, а там, где вас ободряют и вдохновляют к бессильной борьбе с тем, чего и врата ада не одолеют...

Помните, что православие есть незыблемая основа государственной нашей силы, великая святыня веры Царя и многомиллионного единокровного вам коренного русского народа, а вас ничтожная горсть. *Трудно противу рожна прати*, да и стыдно честному человеку посягать на то, что дорого общему отечеству, которое о вас заблудших, наших дорогих братьях, имеет матернее попечение! Если будете поближе к нам стоять, вот как теперь, то и сами убедитесь, что истинный друг ваш – православная Церковь. Да будет благословенно пришествие ваше к нам!

Долгом считаю закончить своё слово выражением тех признательных чувств, которые воодушевляют не меня одного, удостоенного чести призыва сюда для святого миссионерского делания, но, надеюсь, и всех деятелей внутренней миссии, к учредителю первого Таврического миссионерского съезда,

преосвященнейшему Николаю, как доблестному миссионеру нашей св. Церкви в Новом свете, где знамя православной миссии он так высоко и славно держал.

В. Скворцов

Покровский В. Методы апологетических исследований. // Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 314–326

(антропологический, философский, историко-философский).

В настоящей статье¹⁰³ остановимся на вопросе, каким путём или методом защитник христианской истины должен идти к осуществлению своей задачи? Поставленный нами вопрос тем интересней, что он чрезвычайно важен для апологета, а, между тем, в современной христианской апологетике мы не видим желанного решения его. Как же этот, существенно интересный, центральный вопрос апологетики решается в слове Божиим и святоотеческих творениях?

Так как христианство есть религия духа и силы, религия жизни, то в духе и его жизни, а не в философских изысканиях и диалектических тонкостях, и нужно прежде всего искать подтверждения христианской истины. Доказательства от духа и жизни тем необходимей, что далеко не все ищут отвлечённых рассудочных построений и способны понимать их¹⁰⁴. Метод, доказывающий истинность христианской религии из основных проявлений человеческого духа, из его жизни, известен под именем антропологического или нравственно-психологического. Он анализирует дух человеческий, рассматривает его глубочайшие, законнейшие религиозные потребности и, находя в них сильнейшее, часто безотчётное, чисто инстинктивное тяготение к христианской религии, заключает отсюда об истинности христианства. Указания на этот метод находим в Св. Писании. «Чтобы убедить в Евангелии своих слушателей, (говорит Баумштарк), Христос и Апостолы указывают основу его в существующем в человеке чувстве истины, в котором оно находит себе подтверждение, как вообще всякая объективная истина ищет себе какого либо опорного пункта в нас, чтобы стать нашей субъективной истиной»¹⁰⁵. И в самом деле, не на психологический ли метод доказательства христианства дают основание слова Спасителя: «Всякий, кто от истины, слушает гласа моего..! Кто от Бога, тот слышит слова Божия» (Ев.

Ин.18:37,8:47). На естественное чувство истины или на голос совести в подтверждение своего учения часто ссылаются и ученики Иисуса Христа (Деян.17:27–29; 2Кор.4:2,5:11 и др.)

Если в Св. Писании встречаются только более или менее ясные указания на антропологический метод, то в святоотеческих творениях мы находим уже широкое пользование этим методом. Особенно полное применение его для утверждения христианской истины мы встречаем у Тертуллиана в его сочинении „О свидетельстве души“. В этом сочинении апологет обращается к душе человека, свободной от всего постороннего и позднейшим опытом приобретённого, взятой в первоначальной её чистоте: „Признавая тебя, я не хочу видеть тебя под личиной педантского существа, образованного в школах, изощрённого чтением древних книг и всегда готового изрыгать хульные правила Академии или знаменитого портика. Нет! Явись нам во всей грубости твоей первоначальной простоты, явись в виде варварском и невежественном, в таком виде, какой имеют те, которые одной тобой обладают“¹⁰⁶. Наблюдая такую-то чистую душу, Тертуллиан отмечает в ней ряд таких явлений, которые могут быть названы инстинктивными, произвольными обнаружениями души, вытекающими из самой глубины её религиозных потребностей и стремлений. Затем, на основании этих инстинктивных обнаружений религиозных потребностей человеческого духа, он и обосновывает учение: а) о Боге (гл. II); в) о злых духах (гл. III); с) о загробной жизни (гл. IV и д.).

Что касается первой истины, то относительно её Тертуллиан старается доказать два положения: а) Бог – Един; в) Единый Бог есть личный Дух. Доказательство первого положения апологет видит в том врождённом и неизгладимом чувстве зависимости от Высшего Существа, инстинктивным выражением которого служат обычные выражения: «что Бог даст», «как Богу угодно»... «Часто ты – читаем мы у Тертуллиана – свободно и громко говоришь: что Бог даст, как Богу угодно. Нет сомнения, что ты, произнося слово – Бог, соединяешь с ним понятие о некоем существе, от которого желаешь получить помощь или силу и от воли которого хочешь

зависеть. Но, приписывая Ему единому имя Бога, ты отвергаешь божество называемых тобой собственными именами богов – Сатурна, Юпитера, Марса, Минервы и пр. Называя Его просто Богом, ты верно признаёшь Его за Единого Бога»¹⁰⁷. Истинность второго положения, – что единый Бог есть личный Дух, – Тертуллиан доказывает тем, что человек всегда ищет у Бога милости, правды, суда, – словом стремится к живому общению с Богом, что было бы не мыслимо, если бы Бог не был, хотя в известной степени, аналогичен человеку, если бы Он не был живым, личным Духом. «Бог милостив, Бог благодворит, твердишь ты непрестанно... Бог видит, да сохранит тебя Бог, Бог да воздаст тебе, да будет Бог судьёй между нами. Скажи мне, душа не христианская, откуда берутся у тебя все подобные изречения? Заметь, что они вырываются у тебя часто в то даже время, когда ты опоясываешься повязкой Цереры, надеваешь на себя багряную мантию Сатурна или льняную тогу богини Изиды. В судилище просишь ты о назначении другого суда, а в храмах богов твоих призываешь другого Бога. О, как ты, истина, могущественна»¹⁰⁸. В тех же непосредственных, инстинктивных свидетельствах естественной человеческой души, на которых, как мы видели, обоснована истина бытия Единого Личного Бога, находит Тертуллиан подтверждение учения христианского о злых духах и о загробной жизни человека¹⁰⁹. Таким образом, первичное зерно религии, самым Богом вложенное в душу человека, по самой природе своей тяготеет к христианству, в нём, и только в нём, находит самую благоприятную для своего роста почву, каковой факт, несомненно, ясно говорит об истинности христианской религии.

Отвечая насущным запросам человеческого духа, удовлетворяя его исконным религиозным потребностям, христианство должно, конечно, проявлять себя и, действительно, проявляет (себя) во внутренней жизни человека, регулируя её сообразно со своими возвышенными идеями. Вот эти-то проявления влияния христианской религии на жизнь человека и человечества, являющиеся вследствие удовлетворения христианством всех глубочайших религиозных потребностей человеческого духа, и дают новые нравственно-

психологические основания для доказательства истинности христианства, дают новый вид антропологического метода защиты христианской истины. В то время, как первый вид антропологического метода заключает, как мы видели, об истинности христианства на основании того, что душа человеческая инстинктивно ищет христианской истины, бессознательно стремится к ней, – второй вид его берёт основание для того же заключения в тех чудных переменах внутренней жизни человеческого духа, которые производит христианская религия, удовлетворяя всем внутренним, законнейшим запросам человеческой души. Вот пример второго вида антропологического метода. Доказывая Божественное достоинство Иисуса Христа, Св. Афанасий пишет: «В древности Еллины и варвары, служа идолам, вели между собой войны и были жестоки к родным... и, хотя служили они идолам, как я сказал, и совершали возлияние демонам, однако же идольское суеверие не могло их научить смягчению суровых нравов. Когда же приняли они Христово учение, тогда чудным образом как бы в умиление пришли сердца их, и отложили они кровожадную жестокость, не думают уже о войнах, но всё у них мирно, везде видно расположение к дружелюбию... Спаситель ежедневно совершает столько чудес, привлекая людей к благочестию, убеждая к добродетельной жизни, научая бессмертию, исполняя любви к небесному, открывая им ведение об Отце, вдыхая силу против смерти; между тем как ничего такого не могут сделать чтимые неверными боги и демоны, напротив того, в присутствии Христовом они делаются мёртвыми, имеющими один бездейственный и пустой призрак... Всё же, утверждаемое нами, не на словах только опирается, но имеет свидетельство истины в самом опыте, ибо, кому угодно, пусть придёт и рассмотрит ясные черты добродетели в Христовых девах и юношах, в чистоте соблюдающих целомудрие»¹¹⁰. Описавши те нравственно-психические перемены, которые производит христианство в сердце каждого верующего человека, Иоанн Златоуст говорит, что эти перемены суть «духовные чудеса», имеющие гораздо большее значение для доказательства истины, чем чудеса в обыкновенном смысле¹¹¹.

Итак, нравственно-психологический метод имеет два вида, которые, будучи, как мы сказали, только сторонами или частями единого целого, находятся, конечно, в самой тесной связи между собой. Впрочем, тесная взаимная связь обоих видов антропологического метода не препятствует им в то же время иметь и некоторую долю самостоятельности друг от друга, каждый из них может стоять отдельно от другого, как бы, в известной степени, целая единица, так что появление одного не требует непременно безусловно и другого. Мы видим, например, что в то время, как первый вид этого метода нашёл особенно широкое применение у Тертуллиана или бл. Августина, второй вид его, как нечто самостоятельное, целое, встречается часто у св. Афанасия, Иоанна Златоуста и др.

Отдавая преимущество доказательствам из основных проявлений человеческого духа, из его жизни, защитник христианской истины не должен избегать и того метода, который известен под именем умозрительного или философского в высшем смысле, и который представляет собой не что иное, как путь последовательного, строго логического вывода из одной основной идеи целого ряда идей, стоящих в генетической связи с нею и вытекающих из неё с логически неотразимой неизбежностью, как следствие из своего основания или действие из своей причины. Этот метод является необходимым апологету потому, что ему часто приходится обращаться, как говорит Гр. Богослов, «к хитрым в слове, т. е., на учёность, слух и мысль»¹¹², приходится часто иметь дело с такими людьми, которые, будучи философски образованными, с чисто философской точки зрения смотрят на всё и ту же философскую мерку прилагают, конечно, и к христианской религии. Говорить с такими противниками не на философском языке – значит для защитника христианской истины отказаться вперёд от желанного успеха и дать только новый повод к нападкам на христианство. Ещё Эпиктет говорил о христианах: «это толпа без философии, их учение варварское, которое останавливает всякое духовное развитие; они не только другим, но и самим себе не могут дать отчёта в своей религии»¹¹³. А известный непримиримый враг христианства Цельс писал: «наука запрещается у них, от них не

выходит никакой образованный человек, но всякий невежда, всякий необразованный идиот тот находит там желанный приём... Их учителя проповедуют: «смотрите, чтобы никто из вас не предавался науке, наука лукава, удаляет от здоровья души, от мудрости своей погибают люди»¹¹⁴. Понятно, после этого, что, только стоя на чисто-философской точке зрения, апологет может рассчитывать на внимание к себе со стороны таких противников и надеяться на полный успех своей деятельности.

Начало этого метода можно видеть в самом Св. Писании. Сам Спаситель прибегал к своего рода философским доводам, когда, например, доказывал своё Божественное происхождение и достоинство словами пророка Давида (Мф.22:41–46, Мк.12:36–37), когда говорил о необходимости платить дань кесарю (Мк.12:16–17) и пр. Не философским ли методом доказывает апостол Павел истину воскресения мёртвых, когда говорит: «если же о Христе проповедуется, что Он воскрес из мёртвых, то как некоторые из вас говорят, что нет воскресения мёртвых? Если нет воскресения мёртвых, то и Христос не воскрес; а если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша. При этом, мы оказались бы лжесвидетелями о Боге, потому что свидетельствовали бы о Боге, что он воскресил Христа, которого он не воскрешал, если, то есть, мёртвые не воскресают. Ибо, если мёртвые не воскресают, то и Христос не воскрес; а если Христос не воскрес, то вера ваша тщетна, вы ещё во грехах ваших; поэтому и умершие во Христе погибли. И если мы в этой только жизни надеемся на Христа, то мы несчастнее всех человеков. Но Христос воскрес из мёртвых, первенец из умерших. Ибо как смерть через человека, так через человека и воскресение мёртвых»... (1Кор.15:12–21 и след.).

В святоотеческих творениях мы встречаем широкое применение этого метода для утверждения христианской истины и опровержения лжеучения. Вот как, например, пользуется упомянутым методом св. Афанасий при ниспровержении арианской ереси. Ариане учили, что Христос есть тварь, высшая из всех тварей, созданная из ничего прежде

всех и с целью, чтобы через эту тварь сотворить всё прочее. Следовательно, ариане представляли Иисуса Христа посредником между Богом и миром и орудием творческой и промыслительной деятельности существа Высочайшего и Совершеннейшего¹¹⁵. Св. отец чисто философским путём доказывает, что столь унижительное учение о Лице Спасителя безусловно неосновательно и ложно во всех отношениях, в каких бы мы ни стали рассматривать его: в отношении ли к Богу или к тварям, или в отношении к самому существу, посредствующему (по мнению ариан) между Богом и тварями. И прежде всего, арианское учение о Сыне Божиим противоречит понятию о Боге, как Существе Высочайшем и Совершеннейшем. В самом деле, для чего Богу нужен посредник при сотворении мира и как бы некоторый помощник, сотворённый, впрочем, Самим же Богом? – Или потому, что Бог сам не может сотворить всего, или не хочет, что одинаково недостойно Бога, как Существа Всеблагого и Всемогущего. Такое противоречие остаётся во всей силе, как бы ариане ни старались утончать свои заблуждения, доказывая, что Бог Отец творит только законы или идеи, а Сын осуществляет эти идеи, творит по этим законам¹¹⁶ и т. д.

Итак, со стороны Бога, Творца и Промыслителя мира, нет основания допускать бытие посредника и помощника Ему, сотворённого из ничего. Нет ли какого основания со стороны тварей? Так как твари, учат ариане, не могут снести непосредственного действия на них со стороны десницы Божией, то, поэтому, как при творении, так и при промыслении нужен посредник, который и творил бы, и промыслял бы о тварях. Такое учение ариан противоречит понятию о твари. Если твари не могут выносить непосредственного действия Существа Высочайшего, то как получил бытие Сын, как существо тварное? Что-нибудь одно из двух: или твари, действительно, не могут выносить непосредственного действия Божия, и тогда не мыслимо бытие Слова, как существа тварного; или Сын, как тварь, получил бытие от Бога непосредственно, и тогда таким же путём могут происходить и все твари, и, следовательно, посредник не нужен. И этой дилеммы ариане не избегают, как бы

ни возвышали они своего посредника, какие высокие свойства ни приписывали бы ему. «Прибавляйте, говорит св. Отец, что хотите к сей твари, не похожей на другие твари, ваше учение всё-таки остаётся нелепым и ваш посредник всё-таки будет в числе тварей»¹¹⁷.

Наконец, учение ариан крайне неосновательно и со стороны самого, предполагаемого ими, сотворённого посредника. Сын Божий, по мнению ариан, есть не что иное, как творение, назначенное творить все прочие твари. Следовательно, их посредник между Богом и тварями – творящее творение. Но тварь, как такая, не может творить. Отсюда, выходит одно из двух: или Сын Божий – тварь, тогда он не может творить, в собственном смысле этого слова, творить из ничего, или Он творит (как утверждают ариане) и тогда он не принадлежит к числу тварей. То же противоречие остаётся во всей силе, как бы еретики ни утончали своего учения, утверждая, что Сын Божий научился творчеству от Бога Отца¹¹⁸ и т. д. Так, чисто умозрительным методом св. Афанасий преследует своего врага, доказывая, что арианское учение о Сыне Божиим заключает в себе бездну противоречий, потому что есть ложь в самом существе своём. Тем же философским методом пользуется часто святой Афанасий и в борьбе с другими врагами христианства¹¹⁹.

С методом умозрительном или чисто философским в тесной связи находится другой метод апологетического исследования – так называемый – философско-исторический. Этот метод полагает, обыкновенно, в основе своей то или другое, чисто философским путём составленное, определение сущности религии; затем, рассматривая каждую из исторически известных религий, он отмечает, какая из них реализует собой какой именно момент общей идеи религии, и, наконец, дошедши до христианства, находить в нём венец, завершение всего религиозного развития человечества, воплощение идеальной сущности религии во всей её чистоте, полноте и законченности. Столь известный в новейшей христианской апологетике¹²⁰, этот метод имеет свои глубокие основания в Св. Писании. Восхваляя твёрдую веру капернаумского сотника, Спаситель сказал: „И в

Израиле не нашёл Я такой веры. Говорю же вам, что многие придут с востока и запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом в Царстве небесном“ (Мф.8:10–11). А отправляя своих учеников на проповедь, Иисус Христос дал им такую заповедь: „Идите по всему миру, проповедайте Евангелие всей твари... Идите научите все народы“... (Мк.16:15; Мф.28:19). Из этих слов Спасителя видно, что как в иудействе, так и язычестве (только в одном в большей степени, в другом в меньшей) было сильное, хотя и инстинктивное, тяготение к христианству, и что как Иудеи, так и язычники тогда только находили полный ответ своим глубочайшим, законнейшим религиозным запросам, когда получали Евангелие христианской истины. Ещё ясней и подробней говорят об этом ученики Христа. Апостол Павел в своей известной речи к афинскому ареопагу сказал: „Сего-то, Которого вы, не зная, чтите, я и проповедую вам“ (Деян.17:23; ср. Рим.1:9–20 и др.). А у евангелиста Иоанна читаем насчёт просветительной деятельности Логоса в древнем дохристианском мире: „В Нём была жизнь и жизнь была свет человеков. И свет во тьме светит, и тьма не объяла его“ (Ин.1:4–6). Приведённые слова апостолов дают прямое основание к такому заключению, что не только иудейство, но и язычество стоят в прямой исторической связи с христианством, потому что Бог христианский чтился, хотя часто и бессознательно, и в язычестве, – потому что Логос – этот центр христианской религии был и для язычников тем светом, который освещал им путь к христианству.

Что касается святоотеческих творений, то в них основания для философско-исторического метода раскрываются со всей полнотой. „Бог, читаем у Климента Александрийского, предоставил им (язычникам) обоготворять сотворённые на общую пользу солнце, луну и звёзды.. чтобы, живя без Бога и в полном нечестии, они не погибли окончательно... Прежде пришествия Господня философия была необходима Эллинам для достижения некоторого рода правоты... Виновником всякого добра состоит Бог, но одного – через руководство непосредственное, как, например, Он состоит непосредственным виновником Ветхого и Нового Заветов, иного

же добра он состоит виновником второстепенно и посредственно, как, например, философии. И, может быть, философия, прежде чем призвал Господь Эллинов к Себе, была дана им пока лишь на первый случай (для той же цели, для какой и Евреям Писание). Она была для Эллинов таким же руководителем, каким был и закон для Евреев, и приводила их, как детей, ко Христу¹²¹. А Василий Великий пишет: „Всё сие (что есть лучшего в языческой мудрости) мы узнаём совершеннее из священных книг, но, по крайней мере, для составления первоначального очертания добродетели, можем пользоваться и внешними пособиями... Надлежит стараться об усовершенствовании души, чтобы действием философии избавить её, как от темницы, от общения с страстями тела и само тело поставить выше страстей¹²². В приведённых святоотеческих свидетельствах не только иудейство, но и язычество признаётся не просто допущением, но в некотором смысле, установлением Бога с педагогической целью – приготовления язычников к истинному богопочтению, открывшемуся в христианстве¹²³. Мысль, что язычество есть своего рода приготовление к христианской религии, в которой оно находит свою истинную цель, совершенный конец и безусловное завершение, – эта мысль встречается в святоотеческих творениях очень часто, раскрывается весьма полно и обосновывается очень обстоятельно. „Главным доказательством за христианскую религию, говорит Лехлер, вообще у апологетов первых веков служила гармония христианского с лучшим языческим и эта гармония в учении платонически образованных греческих учителей церкви основывалась на их понятии о Логосе. Логос – лично самостоятельный ум или мудрость Бога – был для них всеобщим органом откровения, принципом всякого истинного знания человека, источником точно так же до христианской, как и христианской истины“.¹²⁴

Е. Покровский

(Окончание следует).

Кальнев М. Православный миссионер на радении у хлыстов. // Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 327–336

«Ну, детушки, обратился Баканов ко всем собравшимся в приёмной, пора Господу потрудиться, – сбрасывайте и пойдём!»

Все тотчас стали снимать с ног сапоги, причём у кого были портянки, тому тотчас дали чулки. Явившиеся без «белых риз», т. е., длинных рубах, в которых совершается радение, тотчас получили их из числа запасных, висевших тут же в сборной. Я имел, как уже заметил, свою собственную, подаренную мне Мф. Черноусаном. Сняв сапоги, и я, вместе со всеми мужчинами, направился в другую, более просторную комнату, именуемую у хлыстов «собором», так как в ней происходят их молитвенные собрания. Женщины пока остались в приёмной.

Мы вошли в довольно просторную комнату, имевшую некрашенный деревянный пол, который был покрыт довольно хорошими большими коврами; два окна, выходившие во двор, и одно маленькое слуховое – в сад давали очень мало в ней света; в переднем углу увидел я божницу с иконами в довольно дорогих ризах; перед иконами ярко горели в высоких подсвечниках большие восковые свечи; деревянные длинные скамьи, застеклённый шкаф со множеством блюдец, чайников, чашек и стаканов, предназначенных для общих взаимных угощений после радений, – вот всё убранство комнаты, очевидно, отведённой хозяином исключительно для молитвенных собраний молоканских¹²⁶ «братцев» и «сестриц».

Лишь только мы вошли в «собор», как, по приказанию Баканова, скамьи были убраны и снесены в задний угол комнаты, где помещается хор поющих, ковры были сняты и свёрнуты в переднем углу перед божницей, окна закрыты нарочито устроенными, соразмерно их величине, тюфячками, не столько во избежание взоров любопытствующих, сколько для того, чтобы не так слышны были на улице звуки песен, неистовых криков, топанья ног и плесканья рук. В комнате воцарился полумрак, прорезываемый узкой полосой света, падающего через маленькое слуховое окно.

– Разоблачайтесь, детушки, разоблачайтесь! – обратился ко всем Баканов.

Все тотчас начали с какой-то лихорадочной поспешностью, как бы собираясь скорее броситься в воду для спасения погибавших, снимать с себя всю верхнюю одежду: пиджаки, жилеты, штаны, складывая всё это на подоконниках; иные, вероятно, решившие побольше «поработать», сбросили с себя всё, до рубахи включительно, оставшись, не смотря на очень холодную температуру совсем в нетопленной комнате, в одних «невыразимых»; затем все стали доставать свои «белы ризы», т. е., белые длинные ниже колен рубахи; надев их, подпоясались белыми же узкими поясами, в левую руку каждый взял «крыло архангела», т. е. обыкновенный среднего размера ситцевый или полотняный платок, который держится хлыстом за один угол и не выпускается из руки во всё время «работы»; если же хлысты садятся для отдыха или для поддержания пения, то «крыло архангела» раскладывают на коленях.

Со смешанным чувством опасения, удивления, любознательности и сожаления к заблудшим, начал надевать и я свою «белую ризу», подражая хлыстам в приёмах их переодевания.

– Что, небось свою-то ризу пропил, что без неё пришел и надеваешь чужую – обратился с улыбкой Баканов к одному молодому хлысту?

– Нет, родимый, дома забыл.

– Ну, ну, ничего, прости, Христа ради, – я так только, улыбаясь, шутил Баканов.

Когда все мужчины переоделись, вошли в собор и женщины во главе с молодой пророчицей Аксюшой; все в чистеньких платьях и фартуках преимущественно белого цвета; войдя в «собор», они заняли места на упомянутых скамьях, разложив каждая на колена „архангела крыло“.

Прежде всего приступили к совершению над упомянутым молодым парнем чина публичного покаяния. Только теперь я понял смысл слов, брошенных ему Бакановым о пропитой ризе: оказалось, что сектанты уличили парня в пьянстве и в неприличном вообще поведении, почему, чтобы иметь право

участвовать в „беседнике“, как хлысты называют ещё свои радения, он прежде должен был принести публичное покаяние. Сектанты мужчины образовали полукруг, поставив кающегося впереди себя перед Бакановым.

– Что же ты стоишь, как пень, аль не знаешь, что тебе делать, обратился к парню Василий?

– А что же делать, право не знаю?

– Да бей девять поклонов и становись на колени!

Крестясь, парень положил 9 поклонов и стал на колени, опершись на руки и нагнув голову до пола. Баканов тоже опустился подле него на колени и, наклонившись, начал, очевидно, о чём-то тихо спрашивать его, как бы исповедывая, потом через минуту положил руку на голову парня и стал что-то говорить про себя, должно быть, разрешительную молитву.

– Ну, смотри, не балуй, закончил Баканов исповедь и встал вместе с парнем. Этим обряд покаяния и кончился. Сектанты держали себя в высшей степени чинно, сосредоточенно.

– Теперь, детушки, помолимся, сказал Баканов!

Все стали приготовляться к молитве. Но прежде моления у хлыстов должен был совершиться обряд «прощения», состоящий в следующем.

Баканов, став перед иконами, совершил три поясных поклона, затем, оборотившись к народу, положил земной поклон со словами: «простите, Христа ради, родимые, детушки»! Все отвечали: «Господь да простит вас родимый»! Затем все мужчины по очереди стали подходить к вожаку со следующими словами.

– Благословите, помолимся!

– Господь благословит, отвечал он.

«Мир дому сему и живущему в нём со Отцем и Сыном и св. Духом»! (Следует земной поклон).

«Простите, Христа ради, родимый, и помолитесь о мне многогрешном!» (Земной поклон).

«Простите, Христа ради, и вздохните в молитвах ваших к небу обо мне»!

При последних словах, вожак делает одновременно с говорящим земной поклон по направлению к нему со словами:

«Бог простит»! После этого оба встают и хлыст громко обращается к вожаку с приветствием: «Христос воскрес»! (Это в Филипповку-то?!) и, троекратно облобызавшись с «родимым», становится подле него с левой стороны. Следующий хлыст, совершив описанный обряд «прощения» с вожаком и стоящим возле него сектантом, становится с левой стороны последнего и т. д. По окончании взаимного прощения, все мужчины по очереди стали подходить к сидевшим женщинам, делая им общий земной поклон со словами: «Простите, Христа ради, родимые сестрицы»; те отвечали: «Бог простит». Этим и кончился хлыстовский обряд прощения мужчин. Женщины то же самое проделывают со своей старшей «пророчицей», и тогда уже начинается у хлыстов вторая часть радения, состоящая из вечерни или акафиста, молебна или панихиды. В этот раз мне пришлось быть очевидцем следующего богослужения хлыстов.

После обряда прощения, старший пророк корабля Баканова Василий Блаженный внёс в «собор» дымящуюся ладаном ручную кадильницу, приняв которую, Баканов совершил троекратное каждение перед иконами, обошёл с ней по-под стены внутри «собора» и покадил к народу, отвечавшему на его каждение наклоном головы; затем, подражая модуляции голоса священников, Баканов начал гнусавым, хриплым голосом возглас: «Благословенно царство Отца и Сына, и Св. Духа ныне и присно, и во веки веков». Хор всех присутствующих мужчин и женщин пропел: «Аминь», и началась вечерня. «Свете тихий», «Ныне отпускаеши» и вообще всю вечерню хлысты пели древними напевами и пели довольно стройно. После вечерни была отслужена краткая панихида, а потом молебен. Во время молебна произошёл довольно комичный случай, которого не могу пройти молчанием. Когда нужно было читать евангелие, совершенно безграмотный Баканов, взяв его со стола, начал предлагать, не пожелает ли кто прочесть его.

- Петруша, может быть, ты прочтёшь?
- Нет, простите, Христа ради, плохо маракую.
- Может быть, ты, Ваня?
- Простите, Христа ради, пусть кто другой: я тоже плохо читаю.

– Не хотите ли вы, братец, прочесть? – обратился ко мне Баканов, поднося евангелие славянской печати.

Я, конечно, тоже отказался.

– Ну, то так и будет, обойдётся сегодня и без евангелия, закончил Баканов и положил книгу на стол.

Но для меня, как миссионера, интереснее всего была сугубая ектенья, произнесённая Бакановым; благодаря ей, я узнал о существовании хлыстов в тех местах Херсонской губернии, где их пребывания никто не подозревал или где думали, что хлысты совершенно оставили свою секту и порвали всякое общение с хлыстами других мест. «Еще молимся, продолжал Баканов после обычных прошений ектеньи, о братьях наших: николаевских, дымовских, криворожских, широковских, *музыкинских*, богоявленских, гурьевских, очаковских, *слободзейских*, *троицких*, *катериновских*, *арнаутовских* и о новоприбывшем брате нашем вознесенском»...

По окончании молебна, Баканов, извиняясь, что оставляет нас, начал прощаться с детушками своими, спеша на назначенную о. Зубовым беседу.

– Потрудитесь, детушки, сказал он, уходя, уж без меня. Вот вместо меня вам Вася останется. Простите. Христа ради! С этими словами вожак вышел из «собора», напутствуемый различными благожеланиями своих последователей.

IV.

По уходе Баканова, тотчас началось радение. Совершив три земных поклона перед иконами, один с обычным „простите Христа ради“ перед собранием, Василий махнул крылом архангела, и женщины тотчас начали в довольно быстром темпе одну из хлыстовских песен. Имея впереди себя Василия, все мужчины, образовав круг, стали ходить в темп песни друг за другом. Но вот Василий перекрестился к иконе и, оборотись лицом к середине круга, пустился прыгать с правой стороны в левую, за ним тотчас то же самое проделал следующий хлыст, за этим третий и т. д.

Не успела кончиться первая песня, как женщины тотчас подхватили вторую, затем почти без промежутков, третью, четвёртую, пятую. Что касается меня, то, заметив, что один из хлыстов не участвует в радении, а сел подле женщин и помогает им петь, я последовал его примеру и уселся на скамье. Разложив на коленях, по примеру поющих, «крыло архангела» и, ударяя в такт песни по коленам то правой, то левой рукой, я стал подпевать хлыстам, занявшись в то же время внимательным наблюдением над всем происходившим.

Первую песню хлысты протанцевали спокойно и как-то вяло, во время второй они значительно одушевились, что стало выражаться в более порывистых их движениях. Далее их возбуждение всё больше и больше росло.

Но вот запели 6-ю песню, особенно любимую хлыстами:

«Во время казни было на земле

Не имел места нигде;

Протекают лета, годы.

Не имел сердца свободы» и т. д.

Недобой. незаметно для других, улыбнувшись мне, соблюдая темп песни, начал издавать звуки, подобные звукам кузнечного меха: х! х! х! Это послужило как бы сигналом к общему возбуждению сектантов: иные стали подражать Недобой, другие выкрикивали в такт песни первые и последние

части слов строк её, напр., «Царь... гой!» «На... гой!» «Ты... ставь!» «На... ставь!» Это из песни:

«Царь израильский преблагой,
Наставничек дорогой
Ты нас грешных не оставь
На путь истины наставь»! и т. д.

Третьи охали и ухали: ох! ох! ух! ух! и т. п. Чем дальше, тем больше хлысты воодушевлялись, возбуждение их всё больше и больше росло, особенно когда в „собор“ стали входить всё новые и новые лица и когда хор женщин значительно пополнился новоприбывшими. В соборе стало уже и тесно, и душно, а пляска хлыстов только разгоралась, пошли дальше песни все и весёлые, разухабистые, только и плясать под них, каковы, напр.:

«В чистом поле при дорожке
Стояла светлица.
Эта светлая светлица –
Девственно девица» и т. д.

Или:

«С высоты, с высоты
Со седьмого неба
Птичка райская слетала,
Жалком жалковала» и т. д.

Или:

«Николай свяченноотче,
Ты вставал всегда сполночи,
Ты вставлял нам слепым очи» и т. д.

Или, наконец:

«Послушайте молодцы,
Преподобные отцы,
Как прежние воевали
Души (дуже?) рано уставали» и т. д.

После 8 песни вдруг раздался громкий голос старшего пророка Василия Блаженного: „пора, братцы, начать одиночное“! Этот его призыв означал, что хлысты должны были прекратить радение „круговое“, или, так называемое, „кораблём“

и начать „одиночное“, т. е. начать каждому вертеться на месте, в одиночку.

Действительно, тотчас после призыва Василия, женщины подхватили в очень быстром темпе развесёлую плясовую песню; все мужчины, где кто стоял, завертелись на месте с необыкновенной быстротой. Хлыстов к этому времени набралось уже душ 40; появлялись всё новые лица. Обратил на себя невольное внимание явившийся в очень уж длинной рубаше, дряхлый, измождённый старик, брат Баканова, Григорий. Куда, думаю, тебе уж, старина, плясать, и так еле держат тебя старые ноги! Однако старик завертелся получше молодых, да и приёмы верчения у него какие-то особенные, плавные, словно у балерины. До глубины души я возмутился, когда увидел, как безумные матери за руки ввели в собрание своих детей и направили их в толпу пляшущих. Мальчуганы 8–9 лет закружились не хуже взрослых. Бедные дети, что ждёт вас в хлыстовской среде! Долго наблюдал я верчение детей, пока внимание моё не было отвлечено шумом ворвавшегося в «собор» молодого хлыста. С неистовым криком ринулся он в самую средину вертевшихся сектантов и закружился с такой поразительной быстротой, что нельзя было уловить черты лица его. Приход этого фанатика заметно оживил всё собрание сектантов.

В то время, когда я с большим удивлением наблюдал новоприбывшего хлыста, вдруг неожиданно подскочил ко мне Василий Блаженный, обхватил меня руками и потащил «на круг». Не успел я опомниться, как пророк хлыстовский, не выпуская меня из своих рук, закружил меня с такой быстротой, что у меня, как говорят у нас малороссы, «памороки забило». Когда окончилась песня, а с ней и мой неожиданный вальс с пророком, у меня голова до того закружилась, что я еле добрался до скамьи своей. Ну, думаю, поневоле напрогоришь, как голову заморочишь!

Этот вид радения именуется у хлыстов «в схватку» и часто совершается одновременно с упомянутым вторым видом его, т. е. во время одиночного верчения. Насколько я заметил, радение «в схватку» более других видов возбуждает хлыстов,

так как в этом случае вместе танцующие поддают один другому больше охоты. Действительно, наше кружение с Василием послужило сигналом для многих хлыстов – все тотчас стали «радеть в схватку». В «соборе» поднялся невыразимый шум и гам беснующихся сектантов. Мне казалось, что я во сне всё это вижу, но поражающая действительность говорила другое. Жутко было смотреть, как в полутьме одни, молча, с поникшими головами, с сосредоточенностью умопомешанных, без отдыха вертелись на месте уже часа 2–3; другие, крепко обнявшись, старались превзойти друг друга в быстроте неистовых движений; третьи, будто сердясь на кого-то, отрывисто вскрикивали; но особенно жутко было смотреть, как четвёртые, достигнув, очевидно, полного экстаза, вертелись, всё время бессмысленно смотря в потолок и смеясь куда-то в неопределённое пространство. Отовсюду то и дело слышалось: «веселей, веселей»! «ну, давай, братцы, ну, давай»! «вот так, братцы, вот так»! Послышалось с равных сторон отрывистое шипение, подхрапывание, лёгкий подсвист, вздохи, оханье, уханье; словом, радение достигло высшего своего напряжения, и передать его словами решительно нет возможности. Я невольно подумал, не попал ли я в дом сумасшедших или бесноватых. Да, действительно, что-то демоническое чувствуется во всём необузданном религиозном культе хлыстов, и нужны крепкие нервы и не малая сила воли, чтобы, хотя короткое время, оставаться свидетелем их дикой вакханалии!

В то время, когда, поражённый всем виденным мной, я ждал дальнейших событий, хлысты запели с особенным одушевлением главную песню радений: «Дай нам, Господи, Духа Твоего»! По окончании песни тотчас послышался тихий и слабый, как у больного, голос Василия Блаженного: «Хрисытосы восыкресы, Хрисытосы восыкресы». Все сектанты, не исключая и певших женщин, тотчас пали ниц и, припав головами к полу, как бы окаменели. После страшного шума и крика наступила полнейшая тишина. Пророк, получивший духа, стал лицом к иконам и, совершив трижды крестное знамение, обратился уже громким голосом к народу: «Христос воскрес из рая, о живой Бог, Судия»! Затем, подбирая в рифму слова, часто совершенно

бессмысленные, и нервно шагая в круге приклонённых сектантов, он стал «говорить судьбу» своего «корабля», предсказывая ему мир, спокойствие, счастье, благоденствие и приращение новых членов; в последнем случае он разумел, без сомнения, меня с Недобоем... После общего пророчества Василий, взяв обеими руками концы «архангелова крыла» и растянув его, стал поочерёдно подходит к хлыстам и, помахивая над их головами платком, предсказывать каждому его судьбу; иных же пророк ободрял или увещевал. Так, напр., парня, принесшего публичное покаяние, увещевал вести трезвую жизнь. Со всех сторон, особенно среди женщин, слышались вздохи, плач и рыдания; плакали, впрочем, и некоторые из мужчин. Подойдя ко мне и Недобоем, Василий начал особое пророчество словами: «прилетели два орлы, со далёкой стороны, от них вера сияет, всех нас утешает»; далее в своём пророчестве он свидетельствовал перед кораблём о нашей твёрдой хлыстовской вере, убеждая нас не зарывать своих талантов в землю. Словом, пророк сразу заврался окончательно. Когда он молот всякую чепуху, я одно думал: что ты, лживый пророче, скажешь мне на публичной беседе?..

Пророчество Василия продолжалось минут десять. Улучив время, когда он отошёл от нас, я, будто с целью изменить неловкое своё положение, немного приподнялся и взглянул на пророка. Его страдальческое от изнурения лицо бледно, как у мертвеца, глаза бессмысленные, словно оловянные, с лица пот ручьём катит, руки дрожат, ноги подкашиваются; словом, он весь экстаз, весь – одно исступление. Вот до чего может довести человека безумная хлыстовская пляска! Наконец, очевидно, устав подбирать рифмованную речь, Василий глубоко вздохнул и еле слышно произнёс: «довольно»! После чего обратился к иконам и стал креститься; хлысты быстро поднялись на ноги и, крестясь, общим хором запели: «Светися, светися, новый Иерусалиме». очевидно, разумея под «новым Иерусалимом» свой корабль, обновлённый накатившим на него духом, в лице пророчествовавшего Василия.

М. Кальнев

(Окончание следует).

Ивановский Н.И., проф. Крещение у бегунов. // Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 336–342

(Рассказ обратившейся из раскола девицы Елизаветы Беляковой (Аполлоновой¹²⁷) о том, как её сектанты крестили).

В составляемом мной рассказе о своей прежней жизни у странников я говорила, что из деревни, где провела я первые годы своего младенчества, была отвезена в келью лет 5-ти. Год прошёл моего пребывания в келье, как стали поговаривать о том, что пора уже мне и «христианкой» быть, т. е., что пора меня окрестить. И вот шестилетнюю, стали готовить меня к крещению. По правилам странников, мне следовало вынести 6-ти недельный пост: – кроме субботы и дней воскресных и праздничных есть только холодное и без рыбы (мяса и раньше не ела и теперь с трудом ем); кроме того, я должна была в течение указанного срока каждый день полагать по тысяче земных поклонов. Сначала, особенно, полагать столько поклонов, при шестилетнем моём возрасте, мне было очень трудно.

– Бывало, вечером перед уходом ко сну, положив последний поклон, я едва могла дойти до кровати; ноги мои дрожали и всю ночь как-то тосковали. Но я не хотела нарушать или ослаблять правила и на следующий день снова принималась за поклоны. Чтобы облегчить их, мне подставляли скамеечку, чтобы к ней прикасаться головой, а не к полу. Но на последней, шестой неделе я стала чувствовать себя бодрее, силы мои как будто возобновились и теперь я так не изнемогала, как назад тому недели две; чувствовался, правда, недостаток в пище, а тысячу земных поклонов казались совершенно лёгкими.

С замиранием сердца ожидала я назначенного дня моего крещения. Я и представить себе не могла, что со мной будут делать, и воображала, что случится то, чего было не в силах предвидеть.

А, между тем, шли спешные приготовления; все были озабочены и сильно хлопотали: мыли, чистили, белили,

гладили, словом – приготавливались, как к Пасхе, главное же, спешили кончить с шитвом. Шили мне белую одежду, которую я должна была надеть по крещении, потом, – моленную, т. е. чёрный русский сарафанчик.

Но вот настал и страшный, роковой день. Это была пятница второго ноября. Последнюю ночь мне строго приказали не спать, а молиться и читать божественное писание. Мамаша, – моя воспитательница, и Серафима, – будущая восприемница, крёстная, тоже не спали, а занимались со мной всю ночь: толковали об антихристе (какая жалость толковать не о Христе, нашем Спасителе, а об антихристе, Его враге!), о страшном суде, о таинстве крещения; заставляли меня читать Евангелие и старались объяснить в нём каждое слово применительно к нашему состоянию и обществу. Они так возбудили мою детскую душу, что я молилась с таким жаром во время чтения утрени, с каким едва ли когда молилась.

Утром начали носить воду в купель, – это была кадочка в мой рост, поставленная на тесном дворе.

Ровно в 8 часов пришёл С. О. (бывший главный наставник в Казани) с крестителем (особая должность у странников); потом пришли клирошанки и старицы из других келий; затем собралось много народа из числа так называемых «христороубцев» («жиловых» последователей бегунства) и гидовых (которые живут в кельях, по паспортам), – так что везде наполнилось не только в комнатах, но и в сенях и на дворе, даже и в окна толпы народа смотрели из сада.

В келье свечи и лампы горели у всех икон. С. О., креститель и другие старцы оделись по обыкновению в свои монашеские кафтаны без боров, а девицы и старицы были в моленных чёрных сарафанах в чёрных же платках, в руках держали лестовки и сели по порядку на местах.

С. О. сидел, держа раскрытую книгу, и говорил мне об отречении от мира и о проклятии «никонианских» (мнимых) ересей и прочих сект. Слова его я повторяла за ним, стоя перед иконами. Затем клала я „начал“ и всем по порядку кланялась по два раза, у всех просила прощения, и чтобы помолились за меня Богу. Другой начал меня заставляли класть от мира, т. е. об

отречении всяких соблазнов и мирской суеты. Третий начал – к восприятию крещения. Теперь уже можно было мне и молиться с христианами.

Все встали и со мной вместе положили начал. Потом С. О., покадив иконы, сказал: «за молитвы св. отец» и проч. Пропели: «аминь», и, началась предварительная служба по уставу; стали петь и читать, что положено¹²⁸. Я в то время стояла с трепетом; сердце моё сильно билось, особенно тогда, когда поставили меня лицом к западу. Серафима подсказывала мне на ухо, что отвечать на вопрос: «отрицаеши ли сатаны» и другие вопросы, которые были задаваемы мне крестителем, на которые я отвечала бойко и громко, потом плюнула трижды, по указанию крёстной, и, чтобы растереть, затопала ногами, как бы попирая кого-то, – что некоторым показалось смешно. Дальше читала я «Верую», трижды, а за тем пошла на воду... Я почувствовала тогда, как будто оборвалось во мне что-то и страшное чувство овладело мной, не то радость, не то испуг, хорошо теперь не помню; помню только, что я очень взволнована была. Подойдя к купели, креститель прилепил к ней три свечи и, трижды покадив, отошёл.

Тем временем старица-воспитательница с крёстной раздевали меня в уединённом уголке двора и, перевязав мою талию полотенцем так, чтобы за концы можно было меня держать, спустили в купель. Вода была ужасно холодная. Сверху её затянуло льдом, потому что начались уже морозы и выпадал несколько раз снег, И день моего крещения был морозный и пасмурный.

Когда очутилась я по шею в воде и стояла лицом к востоку, скрестив руки, на груди с двуперстным сложением в обеих руках, как тому была научена, тогда подошёл креститель и положил правую руку на мою голову, а в левую взял концы полотенца. С. О. стоял возле купели, а народ толпился около купели; шумели, толкались, каждому хотелось стать поближе, чтобы видеть крещение. Креститель, возвысив голос, произнёс с расстановкой: «крещается раба Божия, Евстолия, во имя Отца, аминь», и погрузил меня в воду. Как варом обдало вдруг мою голову; я чувствовала, как вливается холодная вода в уши, в

нос и в рот; ещё секунда, и я захлебнулась бы... Когда опять была поставлена на ноги, то громко всхлипывала, не раскрывая глаз. Но едва успела перевести дух, как снова была уже под водой, при словах крестителя: «и Сына, аминь»... В третий раз погружение совершилось очень быстро, с последним восклицанием: «и Св. Духа, аминь»... Произнеся последние слова и погрузив в третий раз, креститель прямо из воды за полотенце поднял меня на воздух, высоко над купелью, и опустил на белую простыню, развёрнутую на руках крёстной; она же, закутав тщательно, понесла меня в комнату; я лежала в приятном забвении.

В комнате никого не было. Воспитательница с крёстной одела меня в белую одежду: сверх рубашки надели сарафанчик, тоже белый, из тонкого полотна, а мокрые волосы повязали полотняным платком, потом покрыли, кромкой к лицу, батистовым платком. Ноги обули в новые белые чулочки и в белые валенки, купленные для этого случая. Когда совсем меня оправили, тогда все вошли в комнату. С. О. взял меня и поставил на стул к аналою, в руки дал мне зажжённую свечу, открыл Псалтирь и велел мне читать псалом: «Блажени, имже оставишася беззакония и имже покрывшася греси». Я прочитала его три раза. По окончании чтения псалма, воспитательница подошла ко мне с серебряным крестиком, на мелкой серебряной цепочке, и, осенив им крестообразно моё лицо, произнесла: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, благослови и освяти, и сохрани рабу Божию Евстолию силой креста живоносного твоего». Потом дала мне его поцеловать. Так она повторила то же до трёх раз и надела мне крест на шею, а вместо пояса опоясала меня белой шёлковой лентой.

Затем начали читать Апостол и Евангелие. Перед Евангелием С. О. осенил меня кадильницей. Вскоре последовал и отпуст.

Когда положили начал, то стали поздравлять меня. Сколько было присутствовавших, все – в том числе и С. О. и воспитательница моя и Серафима, повалились к моим ногам, говоря; «с ангелом, раба Божия Евстолия, помоги тебе, Господи, душу спасти и сохранить невредимо печать св.

крещения». Я так сильно изумилась этому необыкновенному явлению, что крайне сначала растерялась, но вдруг спохватилась и вспомнила, как меня учили, что мне теперь делать и что сказать. В свою очередь я также поклонилась до земли и сказала: «спаси, Господи, и помилуй вас, рабы Божии». Потом начали целовать меня с приветствием: «Христос посреди нас». – «Есть и будет», отвечала я. Затем опять поклонились мне все до земли, говоря: «сотвори хоть по единой молитве, раба Божия Евстолия, о нас грешных», – «Молится Владычица Пресвятая Богородица», ответила я, делая им земной поклон и также взаимно прося у них молитв.

После крещёных «христиан» и мирские люди дождались очереди поздравлять меня. С шумом они кинулись ко мне, кланялись до земли, поздравляли с ангелом, просили помолиться за них, целовали мои руки, платье и даже ноги, но в уста не смели, потому что мирским целовать христиан – грех.

Народ разошёлся, а мы стали обедать. Меня посадили рядом с С. О. Он усердно угощал меня, да раз и ошибся, назвав по-прежнему Лизой. Все засмеялись, а он с угрюмым видом, в раздумье, сказал: «неужели она когда-нибудь будет Лизой» и, взяв меня за подбородок и посмотрев в глаза, продолжал: «нет, она будет хорошая христианка»... А я в это время держала в руках кусок сладкого пирога и быстро уничтожала его. «Видишь, как уплетает пирог-то, востроглазая», вставила маманя-воспитательница. Теперь и поститься забыла христианкой-то». – «Около пирогов-то все мы христиане, заметил С. О., а как наступит гонение (гонениями странники называют полицейские осмотры и обнаружение беспаспортных), так и поминай, как звали»... Обед продолжался ещё долго, потому что приготовлен был в изобилии. Разговор поддерживался всё относительно меня. Говорили о том, как меня воспитывать, чему учить и в каком порядке.

После обеда все распростились и ушли; остался только С. О. и креститель. Им, по стариковской привычке, хотелось отдохнуть, и они удалились в отдельную комнату и заперлись. И меня положили отдохнуть на постель, приготовленную на печи и покрыли белой простынёй. Я погрелась, но после всего, что со

мною произошло, скоро успокоиться ещё не могла; я была крайне взволнована, все мои чувства напряжены, мысли бродили в голове, воображение строило планы, как я теперь буду жить «христианкой». «Как скоро всё это случилось, думала я, неужели в самом деле я уже христианка», и мне казалось, что всё, что произошло, было во сне. А, между тем, благодетельный сон на самом деле навевал уже на меня грёзы, и я не заметила, как заснула крепким, безмятежным сном. О, как спокойна и счастлива я была тогда! Не знала я, бедная, какие тяжёлые испытания, какое разочарование в самой вере ждёт меня впереди; не знала я, что эти светлые минуты детства, о которых и теперь живо вспоминаю, принесут мне борьбу и страдания. Да и сама жизнь как-то тяжелее стала. Зачем я тогда не умерла?¹²⁹ При детской простоте я была бы блаженна, мрак неведения с детским доверием оправдал бы меня¹³⁰. Теперь же я редко бываю спокойна, то через меру весела, а больше скучна и задумчива¹³¹... Правда, я не жалею о прошлом и о том, что оставила; к православию крепко привязана, но разочарована в жизни; жизнь подломила меня своими крутыми переверотами. Чтò делать, должно быть так мне суждено¹³² влечить жалкую жизнь. Крёстный по православию (профессор Н. И-ч, которому я и посвящаю настоящий рассказ) говорил мне, что не я одна восторженно вспоминаю лета детства, что и все более или менее разочаровываются в жизни, что жизнь есть борьба и борьба часто очень трудная, на то мы «христиане» и призваны, чтобы не розы только жизни срывать, но и крест нести. Верю его словам; но одно принимать рассудком, головой, другое – чувствовать сердцем, одно знать о кресте, другое – нести крест. Помоги, Господи! Не покинь меня ничтожную, Твое бо создание есмь и не отчаяваю своего спасения. Утешаюсь тем, что теперь я с Христом, Божественным Страдальцем, вкушаю тело Его и пью кровь Его и в доме Церкви Его. Припоминаю псалом Давида царя: *Блажен муж, ему же Бог помощник его, упование его на Господа Бога своего, хранящего истину в век, творящего суд обидимым, дающего пишу алчущим. Господь умудряет слепцы, Господь возводит низверженных, Господь любит праведники, и сира и вдову приимет*¹³³. (Пс.145:4–9).

Сообщил профессор *И. Ивановский*

**Велтистов К.И. Лютеранский служебник у
штундистов. // Миссионерское обозрение. 1899. № 2.
С. 343–344**

В майской книжке «Миссионерского Обозрения» за текущий год г. Кальнев сообщил текст штундистского служебника, распространённого, по его словам, среди сектантов в многочисленных рукописях¹³⁴. В служебнике два чина: 1) порядок главного богослужения в воскресные и праздничные дни и 2) литургия в день исповеди и причастия.

Штундистский служебник есть не что иное, как перевод евангелическо-лютеранского служебника: «порядок главного богослужения» вполне соответствует немецкому *Ordnung des Haupt-Gottesdienstes an Sonn und Festtagen*. «Литургия в день исповеди и причастия» в оригинале озаглавлена – в первой части *Beichthandlung*, во второй *Abendmals-Liturgie*¹³⁵.

Лютеранский служебник попал к штундистам следующим путём.

В 1872 году с.-петербургский книгопродавец Риккер, с разрешения евангелическо-лютеранской консистории, издал на русском языке «гимны для христиан евангелическо-лютеранского вероисповедания». В сборник вошло 52 стихотворения, выбранные из немецкой «книги песней», употребляющейся в лютеранских кирках России¹³⁶. Это произведения Лютера, Олеария, графа Цинцендорфа, Густафа Адольфа, короля шведского, и других авторов, по преимуществу XVI, XVII и XVIII столетий. В художественном отношении как по содержанию, так и с внешней стороны, гимны никаких достоинств не имеют. В оглавлении сборника помечены немецкий оригинал и напев, по которому данный гимн следует петь¹³⁷. Эта подробность с очевидностью показывает, что сборник предназначался для богослужебного употребления¹³⁸, которое он, действительно, нашел у штундистов¹³⁹. Общество поощрения религиозно-нравственного чтения распространило книжку Риккера через посредство своих книгонош среди сектантов. Мы видели экземпляр гимнов с печатью книжного

магазина Гротэ, комиссионера названного общества, – экземпляр, бывший в употреблении у штундистов, как показывают сделанные на нём надписи. У штундистов в то время была неотложная нужда в сборниках гимнов на русском языке для молитвенных собраний; отсюда понятно широкое распространение книжки Риккера как в печатных экземплярах, так и в рукописных списках, привычка и полное доверие к ней со стороны сектантов.

В 1882 году Риккер, с разрешения евангелическо-лютеранской консистории, повторил своё издание в увеличенном виде и с очень существенным дополнением. Немецкие сборники гимнов часто печатаются с приложением в конце лютеранского служебника; точно такое же приложение мы находим в новом издании Риккера. В конце сборника в русском переводе напечатаны: «Порядок главного богослужения в дни воскресные и праздничные» и «Литургия в день исповеди и причастия». Новое издание быстро разошлось и нашло себе такой же благоприятный приём среди сектантов, как и первое. За недостатком печатных экземпляров штундисты списывали гимны, списывали и новое приложение; таким образом, лютеранский служебник стал распространяться среди сектантов и даже применяться на практике.

Священник *К. И. Велтистов*

Из миссионерских летописей, дневников и записок

Соколов Н. Бесчинства раскольников архиереев и попов в Сычевском уезде. // Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 345–350

Летом 1898 года, после смерти Савватия, блюститель Московской лже-архиепископской кафедры Онисим Швецов, обличённый раскольничьими архиереями в еретичестве за учение о «подлетном» (во времени) рождении Сына Божия от Отца, нашёл и у покойного Савватия еретичество и даже горшее всех – «еретичество никонианское», каковым счёл отирание младенца губкой после миропомазания. Он повелел не смывать «миро» семь дней и об этом разослал указы по разным углам раскольничьим, между прочим, и к нам в Сычевский уезд Смоленской губ. На нашем указе он собственноручно присовокупил: «кто настоящий указ свято не соблюдет или дерзнёт нарушать, да извержется, яко предатель святительского повеления».

Не понравился этот указ нашим раскольникам и они, по обычаю своему, не стали исполнять его, продолжая «омовение губкой» сейчас же после миропомазания. Проведал об этом – небезызвестный в наших краях раскольник, некто Н. А. С-н, недовольный на своих попов и других главарей за отставку от попечительства над моленной в деревне Липке, Бахтеевской волости. Он донёс Швецову о несоблюдении его указа: и все сычевские лже-попы – Павел, Никита, Корней, Иосиф и Ларион подвергнуты были запрещению в «священнослужении» на неопределённое время. Поехали попы в Москву для личных объяснений, но ничего не добились. С-н оказался сильнее: «не быть у вас порядка, пока не выберете меня опять в попечители», хвастал он. Плохо пришло и раскольникам, и попам. Открытая служба в моленной прекратилась, и только глубокой ночью попы решались отправлять необходимые требы. Между тем, блюститель не был утверждён на московской кафедре, а для Смоленских раскольников был рукоположен самостоятельный «епископ», женатый мужик из деревни

Холмины, Гжатского уезда, Иван Александров, наречённый Ионой.

Слух о назначении нового епископа обрадовал наших раскольников и их попов. Последние собрались на совет и решили просить этого владыку о снятии запрещения. Для сего они уполномочили в качестве ходатаев двух более храбрых попов. Видали эти попы, с каким благоговением православные встречают своего епископа, и то же чувство готово было овладеть и ими. К сему примешивался ещё страх за будущее: – «как-то примет владыка, разрешить-ли»? Вот доехали попы до полустанка «Красицкая» по М.-Бр. ж. д. и пошли в деревню Холмины. Дорогой они повстречали прохожего и спросили: «иде здесь живёт владыка святой – Иона, епископ Смоленский»? Но прохожий ничего не отвечал: он был православный и ни о каком Ионе не слыхал. Наконец, и Холмины, деревушка из трёх раскольниковых домов и четырёх православных. Из лучшего двора вышел молодой парень и на вопрос наших странников – где найти владыку Иону – отвечал, что в этом доме и что – это его отец. Вошли наши странники в сени и не решаются идти дальше, – боязно – без доклада. В это время слышат на дворе мужской голос; «куда тебя чёрт занёс в чужой хлев» и дальше такие «русские» словечки, которые не пишутся. Между тем, вернулся сын «владыки» и проводил наших робких странников в горницу, сказав: «я сейчас доложу отцу – это он на дворе ругается». В горнице их ласково встретила женщина – жена владыки, как она отрекомендовалась, и стала их расспрашивать о житье-бытье Сычевском. Путникам не до разговоров: они поглощены мыслью, как бы получить разрешение. А тут ещё сомнение начинает брать: как же это – «владыка святой» и так скверно ругается, да и жена с ним живёт. Но вот является и владыка – довольно высокого роста мужик, рыжий, с глазами на выкате.

«Благослови, владыко!» – сказали наши путники и упали ему в ноги.

«Благословен вход ваш», важно ответил Иона, «да вставайте, нечего валяться, лучше бы вели себя, как следует, да не противились бы Николаю Александровичу С-ну. Покуда вы

там будете не ладить и вражду чинить с ним? Вражда ваша обратилась на вашу голову и потому вы находитесь под запрещением. И из-за этой же вражды и я не могу разрешить вас»?

Затрепетали наши путники. Надежда на нового владыку не оправдалась. Поп Е-лай хотел было что-то сказать, но владыка грозно закричал на него: «молчать! Мне известно, что ты бунтовщик, а попы дураки тебя слушают. Поэтому я подтверждаю запрещенье и не разрешу до тех пор, пока сам не приеду к вам. Можете отправляться».

Был уже глубокий вечер и наши путники не знали, куда деваться. Попросили позволения переночевать в кухне владыки и получили на это не особенно ласковое согласие. На завтра, чуть свет, когда ещё «владыко» опочивал, наши путники поспешили на полустанок и оттуда домой. Рассказали дома о всём с ними приключившемся: и уныние, и озлобление водворилось в сердцах Сычевских раскольников и их попов.

Прошло в таком положении два месяца. И вот 2 сентября того же года, когда все крестьяне дер. Липки были на работе, – кто в овине, кто в поле, – вдруг засуетились, забегали ребятишки, а за ними и бабы; разнеслась весть: «владыка приехал, идите встречать владыку». Попы Никита и Корней поспешили в моленную. Дьякон Фрол бегом пустился за третьим попом Павлом в дер. Цыдровку. Собрались, наконец, все, а владыки нет. Послали узнать, где же он, и просить, его в моленную. Владыка оказался в бывшем кабаке некоего Моисея, а привёз его Н. А. С-н. Это обстоятельство сразу же унизило владыку и настроило толпу на враждебный тон. Но вот появился и «владыка», мужик в поддёвке с «барами» и с узлом в руках. Войдя в моленную, он развязал узел, вынул из него шапку с котиковым околышем и плисовым лиловым верхом и мантию и надел всё это на себя. Затем вошёл в алтарь и, заметив там грязь, начал кричать на попов. И клирос, показалось ему, близко к царским дверям придвинут, и это не хорошо. Толпа больше не могла сдерживаться. Разом окружили мужика-владыку и закричали с разных сторон: «ты что же это ругаться с нами приехал? Нешто так делают владыки: хоть бы у

никониан поучился, каков должен быть вход владыки в церковь»?

«Зачем запретили священнодействовать нашим отцам? – кричали с другой стороны – мы знать ничего не хотим и почитать вас не будем, если вы будете С-на слушать. Наверно вас С-н закупил. Мы докажем вам сейчас, кто такой С-н. Сейчас же разрешай наших попов, а то живого не выпустим». Так кричали разгневанные раскольники, напирая при этом на своего владыку, толкая и трясая его за мантию. Владыка не растерялся и каждому толкавшему давал сдачи и так внушительно, что тот пятился назад. А С-н, между тем, зная, чем всё это может кончиться, около стены потихоньку пробирался к выходу. В темной паперти бабы схватили его за волосы и повалили на землю, но он успел подняться и, не давая сдачи, пустился к двору кабатчика Моисея, выправил свою лошадь, да скорей в Сычевку. А архиерея своего оставил на произвол толпы. Могло бы всё это кончиться весьма худо, если бы не случилось здесь нескольких сторонников С-на, которые и помогли владыке выбраться из моленной, хотя, рассказывают, в тёмной паперти бабы не пощадили владыку, как и С-на.

Выйдя на улицу, владыка произнёс: «как хотите, так и живите, я вам не судья! Не я налагал запрещение на ваших попов, не мне и снимать его».

Из толпы слышалось: «нужно у него спросить паспорт... С-н привёз этого прощальгу»... Некоторые же старались успокоить толпу и говорили: «бросьте, братцы, Бог с ним, пусть уезжает». И владыка уехал с кабатчиком Моисеем вслед за С-м восвояси, давши обет никогда больше сюда не показываться.

После такого «торжественного» посещения, раскольничьи попы уже перестали обращать внимание на запрещение и открыто начали служить в моленной.

Но беспорядки в расколе не прекратились. С-н продолжал добиваться звания попечителя Липецкой моленной и грозил в противном случае закрыть эту моленную.

Наконец, не видя пользы от переговоров и ругательств, сторонники С-на порешили завладеть свечным ящиком силой. 5 января сего года, перед началом службы, упоминаемый раньше

кабатчик Моисей подошёл к свечному ящику, когда старосты ещё не было, сбил гирей замок и начал продавать свечи. Его окружили сторонники С-на, готовые во всякую минуту отстоять затеянное дело. Наторговал Моисей более тридцати рублей и по окончании службы забрал эти деньги с собой. Была куплена водка и сторонники С-на торжествовали победу. Не дремала и противоположная партия. И там была куплена водка и составился совет, как быть в данном, случае? Решили в эту же ночь, под Крещение, по данному знаку броситься на Моисея и его сторонников и выгнать их вон. Для этого некоторые заранее запаслись потребным орудием, в виде камня или гири.

Народу собралось к службе до пятисот человек всякого возраста и пола. Всё шло чинно до возгласа: «слава тебе, показавшему нам свет». Тогда, по данному знаку, бросились заговорщики на Моисея и других сторонников С-на и началась настоящая бойня. Били на смерть, чем попало и куда попало. Поднялся невообразимый крик и вопли. Обезумевшие женщины и дети, если успевали выбраться из-под ног дерущихся, бежали без оглядки, растрёпанные, растерзанные, не зная куда. Свечи почти все были погашены и в полумраке трудно было отличить своих от чужих. Более часу продолжалось побоище и окончилось тем, что сторонники С-на с подбитыми глазами и окровавленными лицами разбежались, а восемь из них лежали избитые до полусмерти – на полу в луже крови. Их вытаскали в тёмную паперть и там оставили. Торжественная служба, конечно, прекратилась и поп Павел, затворившись в алтаре, кое как dokonчил её поскорее. Победители приказали попу служить праздничный молебен и начали истово молиться и уже успокаиваться. Но тут случилось неожиданное происшествие, которое опять озлило молившихся и обратило их в зверей. Поп Павел, забывшись, помянул на ектеньи по привычке о здравии раба Николая (С-на) и Анны со чадами. Кто-то крикнул: «видите, ребята, поп молит Бога за врага нашего С-на». Поднялся невообразимый гвалт. Послышалось: «давай его сюда! бей его!.. Он предатель, Иуда»... Поп бросился в алтарь, а за ним – человек двадцать, кто царскими дверями, кто боковыми. А сзади кричат: «бери его, тащи вон из алтаря... бей его

окаянного... тащи его сюда – отступника проклятого». В алтаре попа повалили, сорвали с него епитрахиль и за волосы, и за поддёвку вытащили, как чурбан, на амвон. И посыпались тут увесистые удары мужицких кулаков по телу несчастного Павла, словно цепами по снопу. Бьют и приговаривают: «мы тебе покажем, шиловар (сапожник) окаянный, как за врагов Богу молиться!» Отходили попа так, что он и подняться не мог. Тогда поставили его на ноги и спрашивают: «ну, говори скорее, будешь ли за врагов Богу молиться? а то ещё прибавим». Поп поклялся не только не молиться Богу за С-на, во и никому не жаловаться о побоях. Его опять облачили в епитрахиль и ризу и заставили закончить молебен, а потом и наказали строго, чтобы служил он и литургию. Не до службы было избитому попу, но и послушаться боялся: озверели его овцы словесные.

Утром, 6-го января, восемь человек раненых были отправлены к следователю в Сычевку. По осмотре, раны оказались хотя и тяжкими, но не смертельными, и потому следователь передал дело приставу 1-го стана. Последним был составлен протокол. Чем всё это кончится, пока неизвестно. Но С-н тогда же подал просьбу г. исправнику, чтобы для прекращения беспорядков назначили его попечителем Липецкого молитвенного дома или же – в противном случае – «запечатали-бы» этот дом. Говорят, г. исправник не уважил просьбы попечителя, но последний не унывает и собирается писать губернатору.

Но нет худа без добра. Все эти безобразия воочию убеждают раскольников в незаконности их церковных учреждений и величайшем невежестве их духовных руководителей. Заметно нарождается новая партия недовольных «австрийщиной» и склонных к соединению с православной церковью. Таких теперь известно семейств двадцать и некоторые уже подали прошения епархиальной власти о присоединении. Да, пора бы прозреть раскольникам в ту тьму произвола и самочинства, на которой выросла и держится их лжеиерархия.

Священник *Николай Соколов*

**Тихвинский П., свящ. Об условиях и способах
миссионерской борьбы с сектантством. //
Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 350–353**

(Из докладов Таврического Миссионерского съезда)

«Цель наших миссионерских заседаний, почтеннейшие отцы и братия, будет: выяснить состояние расколо-сектантства в Таврической епархии и выработать средства для борьбы с ним. В виду этого, позволю себе предложить вашему вниманию некоторые данные касательно указанных 2-х положений. В Таврической епархии за последнее время числится свыше 14 тыс. русских расколо-сектантов; из них до 2-х тысяч раскольников, остальные же – сектанты разных наименований. Цифра эта для малонаселённой Таврической епархии (800,000 православных) – довольно почтенная. Одно здесь может облегчать смущение – что расколо-сектанты появились в Тавриде не на почве православия, а, так сказать, стеклись сюда из разных мест, в силу исторических и других обстоятельств. Первоначально пустынная «Понтийская» окраина¹⁴⁰, после присоединения её к России, была для русских как бы местом ссылки, куда из мирных русских жителей никто не хотел идти волей. Вот почему переселявшимся сюда людям давались от правительства разные льготы, без различия веры и даже национальности. Последствием этого было то, что сюда потекли обильной струёй отверженцы и искатели свободной жизни всякого рода. Здесь можно встретить едва ли не все разновидности христианских расколо-сектантов: тут есть поповцы и беспоповцы, меннониты, баптисты, адвентисты, сепаратисты, субботники, марьяновцы, молокане, штундисты и др. Самое большое количество из числа расколо-сектантов падает на долю молокан: их – до 11-ти слишком тысяч. Мы берём их здесь во всём объёме; но среди них считается штундистов до 5-ти тысяч. Расколо-сектантов же, развившихся на счёт местного православия (в большинстве случаев штундистов), в Таврической епархии очень мало: до 300 душ всех разновидностей. Таким образом, мы видим, что нужно

удивляться не количеству расколо-сектантов в Таврической епархии, а тому, что, при таком обилии их, Господь сохранил православную паству от многих совращений, несмотря на благоприятные в тому условия. Между этими условиями нужно считать: разбросанность расколо-сектантов среди православных (кроме 3-х сёл Берд. уезда), их материальную обеспеченность; относительную бедность русских православных, их удалённость от храмов Божиих и под.; но, главным образом – склонность расколо-сектантов к распространению своих вероучений. Собственно, о раскольниках мы говорить не будем: это – народ относительно мирный и спокойный, но сектанты, и особенно штундисты, отличаются необыкновенной склонностью к прозелитизму. Достаточно заметить, что штундисты, за какие-нибудь 15 лет, успели, как мы видели, возрасти до нескольких тысяч на счёт молоканства, т. е. увлечь в свою веру более трети молоканского населения. Его адепты появляются всюду и воодушевлены фанатизмом и ненавистью к православию. С ними пастырям церкви (и вообще православным) надлежит выдержать упорную борьбу, не забывая в тоже время и других разномыслителей. Борьба эта была и будет весьма тяжела, и было бы весьма желательно выработать для неё соответствующие средства. Какие же для этого средства? У пастырей один меч для борьбы – слово Божие – и одна сила – вседействующая благодать Божия, всегда «немогущая врачующая и оскудевающая восполняющая».

Но, и кроме этого, у пастырей найдутся др. средства если не для привлечения сектантов в православие, то, по крайней мере к отражению вредоносного действия врагов его. Я не ошибусь, если скажу, что главная задача пастырей должна сводиться к тому, чтобы благоустроить вверенный им приход во всех отношениях. С этой стороны, красота и благолепие церковного богослужения, чистота и изящество храмов Божиих, участливое, христиански – доброе отношение ко всем существенным нуждам прихожан и удовлетворение им (в том числе, конечно, нравственное усовершенствование прихода) составляют исключительную заботу пастырей церкви. Если христиане сплочены в одну дружественную, любвеобильную

семью, если у них есть всё, «яже в животу и благочестью», то лучшего и желать нельзя.

Задача эта, без сомнения, сложная и трудная, но достижимая. В данном случае, необходимо выработать такую систему воздействия пастырей на прихожан, при которой не упускалась бы из виду ни одна из сторон религиозно-нравственного их быта.

Можно с уверенностью сказать, что православные братства сослужили бы при этом большую пользу, так как они одни в состоянии обнимать собою все стороны церковно-приходской жизни народа. Братства заботятся и о храме Божиим, и о школе, и о благочестной жизни, и о помощи ближним; одним словом – они заботятся об усовершенствовании жизни народной во всех отношениях и в православном духе.

Если мы от этих общих рассуждений обратимся к практике пастырей церкви Таврической, то увидим, что здесь предпринимались меры к утверждению православия если не все в известных местах, то, по крайней мере, все – в совокупности разных мест. Именно, предпринималось неспешное и благоговейное отправление богослужений, проповедь церковная и частная, внецерковные беседы с народом, законо-учительство в школе, равно как и увеличение приходских школ, раздача народу назидательных книжек для чтения: любезно-отеческое отношение к прихожанам, охотное исполнение приходских треб, нестяжательность, помощь бедным и несчастным и, наконец, устройство приходских братств, согласно выработанной программе (или уставу) Таврического епархиального миссионерского комитета.

Затем уже идут меры борьбы по отношению к самим сектантам и иноверным (и соевратившимся). Меры эти были одни и те же: увещание от чистого сердца в духе кротости и братской любви, а иногда и обличение в духе ревности по Бозе, беседы с ними по предметам веры и нравственности, также раздача им назидательных книжек для чтения и, наконец, в случаях их крайних выходок и намеренной зловредности, донесение о них гражданскому начальству, – на его усмотрение. Вот в кратких чертах обзор расколо-сектантства в Таврической

епархии и меры борьбы с ним. Обзор этот неполный и во всяком случае приблизительный. Нам, собравшимся здесь на миссионерский съезд, надлежит выяснить состояние расколосектантства более полно и точно и выработать лучшие и, по возможности, однообразные способы борьбы с этим злом. На этот счёт лучше всего следует теперь выслушать данные от самих пастырей церкви, служащих в районах расколосектантства и, на основании их, после всесторонних и братских обсуждений, вывести посильные и правдивые заключения. Для этого мы просим помощи у Бога и благословения у нашего Архипастыря».

Таврический Епархиальный миссионер, свящ. *П. Тихвинский*

**С-ко М. Из исповеди раскаявшегося толстовца
интеллигента. // Миссионерское обозрение. 1899. №
2. С. 353–360**

(Вниманию прежних моих единомышленников-толстовцев, революционеров и атеистов).¹⁴¹

Искушившись в горниле страданий душевных, уразумел я и собственное участие человека в созидании своего спасения. Теперь я знаю достоверно, что не спасётся и войдет в геенну лишь тот, кто сам не захочет спастись, а самовольно захочет устремиться в геенну, делая бесстрашно смертные грехи, вопреки голосу совести¹⁴². Только те-то и суть «сыны погибели», кто обрекает сам себя доброхотно на гибель, как некогда Иуда, корыстолюбия и подлости коего не преодолели ни совесть, ни сообщество св. Апостолов, ни тайная вечеря, ни обличение Самого Господа, ни присущий всякому человеку страх смерти самоубийственной. Нет для таковых надежды спасения! Неужели избавить надо Иуду от ада, где он уже скоро 19 столетий пребывает? Неужели его ввести в общество мучеников, бессребреников, великих, чистых, всех святых? Не потому ли охватывает нас сантиментальная жалость к Иуде, что в нас самих живёт поживает Иудушка, предающий Господа ценой блуда, срамословия, гнева, похоти, лже-учительства, скупости, бахвальства. Иуда, продавая Господа позарился на 30 сребреников; а мы на что заримся, когда последние свои средства, телесное здоровье, честь и спасение души губим в пьянстве, блуде, обжорстве? На чём продаём Господа, когда на дуэли подставляем глупый свой лоб и под столь же глупую пулю другого такого же безумца, лишь бы удовлетворить своему чувству ложной чести, или отомстить, или обнаружить перед всеми позорнейшее бесстрашие перед смертью, тогда как чаша её столь горька, что и Сын Божий в Гефсиманском саду не устыдился трепетать смерти и молить Отца, чтобы не пить этой чаши?

Когда я донял ясно, что *геенна не для нас уготована*, а для демонов и для «князя» их – дьявола, исконного «отца лжи»

и человекоубийцы; когда я понял, что в геенну мы *сами самоохотно* идём вопреки противостоящему острому рожну совести, вопреки здравью телесному, разрушаемому грехом, вопреки пользе ближних, коим мы досаждаем, – грабим, обедаем, обманываем, соблазняем; – вопреки угрозам геенной, доныне возвещаемой в Евангелии; вопреки всем мерам вразумления и спасения, какие решительно о *каждом* из нас употребляет Бог (пусть *каждый* оглянется внимательно и пристально в своё прошлое); – тогда я успокоился, примирился с Божиим Правосудием, которое никогда не может упраздниться, хотя в Боге и *борется* с человеколюбием и *преодолевается* им в акте долготерпения и в акте всепрощения кающегося. Я *в упор* спросил себя, желательно ли тебе вообразить себе Бога не таким, *каков Он есть* на деле и каким Он открыт нам в Евангелии Сына Его? Нет! лучше взглянуть правде в глаза, сколько бы ни было это страшно. Ведь упраздняя правосудие Божие и угашая геенну в своём *воображении*, я сим самым не сделаю Бога несправедливым, не смогу *заставить* Его жить во веки с грешниками, обжорами; сим самым *не угашу* я *геенны*, раз навсегда учреждённой. Отрицая Самого Бога, этим я не упраздню Его; отрицание-то моё глупое *во мне* совершается, а Бог имеет *самобытное* вечное бытие, независимое от того, что некий мне подобный мозгляк Его отрицает. Вот если Бог скажет мне: перестань быть, тогда я действительно и непременно перестану быть; – это возможно, ибо было возможно ему сказать обо мне: будь! и стал я быть, как и праотец мой Адам. Если нельзя мне *отрицанием* Бога уничтожить Бога, то нельзя отрицанием Правосудия Его уничтожить Правосудие и присуждаемую по Правосудию геенну. И решил я: лучше мне *признать* геенну и Правосудие Божие и употребить *все силы*, чтобы избежать осуждения в геенну и предупредить других людей-братьев. чтобы боялись греха и именно – *малого* греха, с которого начинаются греховные *навыки*, и трудно преодолеваемые, и *мучительные* уже в течение всей дальнейшей жизни. И вот я предупреждаю о сём ближних по силам, а иногда и сверх сил, ибо всякий труд, предпринимаемой ради спасения своей души или душ ближних,

весьма тяжек, наветуемый через ленивую и беспечную плоть бесплотными врагами. Но если меня не послушают, не вразумятся моим обращением из анархиста, революционера, толстовца – в истинного христианина, превращением из блудника, хульника, сквернословя, врага властей и самого Бога – в сокрушённого сердцем, ищущего помилования, грешника, боящегося и «праздного слова», за которое надо отвечать на страшном суде, и смеха, чтобы не подпасть «горю», обещанному для «смеющихся ныне» (когда так много здесь плачущих, обиженных, голодных, нагих, больных); если не послушают меня и не задумаются люди серьёзно над жизнью своей, которая своей краткостью лучше всего доказывает истину вечной жизни, возвещённой Евангелием, – тогда «умыю в неповинных рuce мои». «Feci, quod potui».

Но я не один: несколько десятков тысяч православных священников, десятки тысяч дьяконов и псаломщиков – ежедневно во вселенной *громогласно* возвещают чаяние «воскресения мертвых и жизни будущего века», молят Бога о «добром ответе на страшном судищи Христовом», утвердительно и сладкозвучно заявляют, что «Христос воскрес из мертвых». Это всё происходит у всех на виду в десятках тысяч храмов, в присутствии сотен тысяч людей и от имени миллионов людей, так же верующих.

Что мне, если миллионы идут *самоохотно* во ад? – Если бы и *все до единого* шли во ад, то мне одному не должно идти, ибо *самовластен* я идти и не идти, а не идти во ад по широкой дороге миролюбия, человекоугодия, греха – *гораздо лучше*. Как ни труден узкий путь заповедей евангельских, всё-таки он *маловременен*, как и всё земное и отраден *по надеждам* на вечные блага, неложно обещанные Христом всем «в путь узкий хождшим и прискорбный». *Не хочу* идти по пути широкому, ибо знаю, что конец его теряется в пропастях адских, притом и на земном протяжении этого пути нет радостей и благополучия, ибо *всякий* грех, творимый на этом пути, расстраивает душу и губит здоровье тела, что я *знаю опытно*. Пусть миллионы идут во ад, как стада бессловесные, гонимые беспощадным дьяволом, которому поддались *сами*; но я-то *не хочу* и *опытно* знаю, что

это «не хочу» моё *сильнее всего ада*, когда при этом изнутри *жалобно* взываю о помощи к Святому Крепкому, спасти могущему, «яко и страдати» о нас изволившему. Собственное *самопротивление* греху (по ненависти к нему), *нехотенье* грешить¹⁴³, в сочетании со всемогущей защитой от Бога – (по *призыву*) – спасает от широкого пути греховной жизни, ведущего в огонь вечный. Собственная охота (*усердие, самопринуждение*) также в сочетании со всесильной помощью от Бога, укрепляющего нас в таинствах и по молитве, – утверждает на узком пути *строгого* исполнения Синайских и Евангельских глаголов и украшает жизнь уже задолго до смерти верной надеждой на помилование и упокоевание со всеми святыми.

Не обольщаю себя мечтой, что многочисленно Христово стадо истинно спасающихся хранением перед Богом *доброй совести* и очищением мыслей и чувств (в коих состоит деятельность сердца, ведомого и судимого Сердцеведцем). Знаю я, что стадо Христово *малое*, ибо Он Сам сказал: «не бойся малое стадо» и ещё сказал: «мало избранных», хотя и «много званых». Но всё же, если я захочу истинно спастись, уклоняясь от *всякого*, особенно *малого*, зла, и творить всякое посильное благо, под руководством Св. Евангелия, то *не один* я окажусь. Времена Антихриста, когда охладает любовь за преумножение беззаконий, ещё *предстоят впереди* (я ежедневно благодарю Бога, что не буду жить в те времена, а уже совершу свой жизненный путь).

Однако, как бы ни было мало стадо Христово, во все времена церковной истории, из среды его выдвигались и выдвигаются светильники, которых Христос не оставляет под спудом, но ставит на подсвечниках, чтобы светили они миру, блуждающему в потёмках страстей и в чадлу любви к ничтожностям мира сего: славе, богатству, сластям. Одним из светлейших представителей Св. Церкви в наше время является о. Иоанн Кронштадтский. Он светит, как солнышко, на всю Россию *тихим* светом Христовой любви, милосердия, трудолюбия, кротости, смирения и воздержания. В то же время отец Иоанн несёт труды *сверхчеловеческие*, совершаемые в его немощах силой Христовой, конечно, *не без его личных усилий* и

самоотвержения. – Князь Д. А. Хилков, ревнитель толстовского безбожия, коего и я был причастником позволил себе в одном своём письме хульно и безумно отзываться о светлой личности о. Иоанна, называя его «волхвом». Я же, при встрече с о. Иоанном, передал ему книжку с надписью поимённо лиц, о коих просил его молитвы, и в числе этих имён было имя князя Димитрия (Хилкова), и уверен, что о. Иоанн помолился и молится об обидчике своём, исполняя заповедь Господа, Коему верно и нелицемерно служит вот уже почти 50 лет в сане священника (*высочайшем* на земле после епископского).

Итак, в Церкви православной спасение. И всякий из моих прежних единомышленников если не сознает теперь же, *пока есть время* («ныне день спасения!»), что *учение графское есть грубая, наглая, безобразная ложь во всём том, что касается святой Церкви* православной, соблюдающей непорочно истинный, всегда *сам себе равный*, смысл Евангелия, – то неминуемо сойдёт на место мучения, где все еретики, лжеучители и соблазнитель нетесно пребывают. Но я не допущу в сердце свое чувства злорадства о *верной* гибели прежних моих единомышленников, ведь и я сам не спасён ещё вполне. Одному Богу и святым Его ведомо, сколько я переболел о них в тайне сердца моего! Многих страданий стоило и мне оторвать свои мысли и сочувствие от личности и учения гр. Л. В. Толстого. Ложь из мыслей и сердца надо выпалывать и выдирать *не без кровопролития*.

Бедные толстовцы! За гибель и страдания ваши ответит граф, преуспевающий доныне «на горшее». Но и вы, мои бедные братья и прежние единомышленники, погибнете люто, если не покаетесь и, оставив нечистоту, прикрываемую *бесстыже* именем Христа, бросив блуд, сквернословие, ненависть к людям (священникам, жандармам, Государю, чиновникам), не вступите в мирную пристань Святой Церкви, которая не оскверняется оттого, что есть в ней недостойные попы, несправедливые судьи, плотоугодные чиновники. Недостойные члены Св. Церкви *сами собой* отсекаются, помимо приговора земной церкви: «ничто нечистое», без «*брачной*» одежды чистоты *мыслей, желаний и намерений*, не войдет в

вечные обители и кров Отца небесного. Кого из священников ни спросите, – все эту истину *подтвердят*. На этой истине основывается и расцветает христианское самоукорение, самоокаявание, самоуничижение; а *плодом* их является в сердце – *смирение*, величайшая и прекраснейшая добродетель христианская, которой мы уподобляемся Богу «кроткому и смиренному сердцем». Трудясь *самоотверженно, но тихо*, без трубления о себе, – для ближних, для их блага земного, а наипаче спасения вечного, – христиане при всём, том чувствуют себя «неключимыми», по слову Владыки жизни Христа. – Они не полагаются на дела свои, сколько бы ни были они блистательны, но предают себя мысленно и *от всей души* в распоряжение и власть Бога – Судии *праведного*, надеясь твёрдо, что не забудет «Он в день судный и чаши студёной воды», поданной жаждущему, с *мыслью* «о Всеведущем (во *Имя* Его Сына т. е. «*ради Христа*»)), а не только о труде *целой* жизни. Кронштадтский добрый пастырь являет пример такой христианской жизни. Тихо и спокойно совершает он служение своё Богу, Церкви и отечеству. Труды его – сверхъестественны и о них красноречиво говорят 20 тысяч ежегодных его исповедников и 150 тысяч рублей, *благоразумно* раздаваемой им ежегодно милостыни. Глубоко чтит и любит о. Иоанна вся миллионная Россия: – через его посредство изливаются на русского Израиля *тысячи* *благодетельных*, *благодатных* исцелений и славится великое Имя Царя Царствующих – Христа.

О. Иоанна чтит и любил покойный Государь и также чтит нынешний Благочестивый и Богобоязненный Государь, ревнитель православия и строгий претитель лжеучителей, еретиков, бесчинников, мятежников. Но и подобные о. Иоанну светильники Церкви – не избегают порицаний людских. Князь Д. А. Хилков, забывая своё аристократическое достоинство, забывая, что «аристократ» происходит от слова «*ἀριςτος*», намекающего на *превосходство* мирной и *благородной* души, ругает о. Иоанна и православных иереев, обзывая последних «мошенниками». Для пастырей Христовых это, конечно, не только *безвредно*, но и *спасительно* весьма, ибо «*велика* мзда» на небесах тех, кого «изженут» и на кого «рекут *всяк* зол

глагол», *лжуще Христа Господа ради*¹⁴⁴. Но для *ругателей* очень опасно их настроение, навеянное *дьяволом* (а они того и *не ведают*). Пусть ведаёт князь Хилков, что, если он доныне благополучен, здоров телом, обеспечен, то это *ради молитв* за него кроткого и великого мужа, которого попросить о сём надоумил меня Бог (внушающий нам *одно только* высокое, честное, великодушное, святое и дающий *силы*, потребные к *исполнению*). Но могу ли я бросить камень в кого-либо из прежних единомышленников своих, когда самого меня так недавно Господь чудно помиловал? Могу ли ехидствовать, осуждать, призывать к неумолимым гонениям? Нет, я жалею, скорблю и молюсь. Однако не могу греха не назвать грехом, ибо нам заповедана Христом Господом ненависть ко греху, непримиримая и пожизненная. Если я должен ненавидеть грех в самом себе, ибо знаю *наверное* («верую»), что за грех определена *геенна* (коль скоро пребудем нераскаянно и неисправимо во грехе всю жизнь), – то должно мне *ненавидеть* всезлостный грех и в ближнем, ясно расчлняя при этом в сознании своём грех от грешника и не делая приговора, предваряющего Суд Божий. *Осуждать* – это грех смертный, ибо будем *осуждены*, если будем *осуждать*. Но *мириться с грешностью в брате* – это означает – не любить брата, не желать ему спасения вечного, которое невозможно при грешности, ибо «ничто нечистое» не войдёт в царство небесное. Как же быть? – Скорбеть, тужить о брате, молиться о нём, умолять его самого о душе его, *кротко обличать*, пользуясь *притчей*. Но обличать должно с *самоукорением* безжалостным, дабы не давать *чувствовать* своего превосходства и *воображаемой* устойчивости своей и непоколебимости: «если стоим, будем беречься, чтобы не упасть». Следить за своим сердцем надо зорко: мирно ли оно или рвением одержимо, лихорадочным желанием, чтобы всё по-нашему было. *На свободу человека надо влиять крайне осторожно*, ибо по себе самим можем мы знать, как щепетильно наше самовластие как от резких обличений вдруг оно застывает во зле и упорствует.

«Обличи премудра и возлюбит тя» – говорит Св. Дух, следовательно, премудрому, т.е. *бесстрастному*, святому свойственно любить обличителей. Люди же страстные (каковы *мы все*) принадлежат к тем «злым», которые ненавидят обличителей, хотя они самообличаются «ранами», т. е. бедствиями, какие последуют всякому греху, по премудрому устройению Божию. – Блудник обличается гнилыми болезнями; пьяница – нищетой и разрушением тела; чревоугодник – расстройством здоровья. Тогда только влиятельно обличение, когда оно идёт из болезнующего, истомлённого скорбью о гибели брата, сердца; когда сердце обличителя настроено в унисон с сердцем ангела хранящего обличаемого, и гласом совести, вопиющей в его душе о гибели.

Михаил С-ко

**Андреев Д. Штунда в пределах Рязанской губернии.
// Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 360–366**

¹⁴⁵ В религиозно-обрядовом отношении местная штунда в настоящее время является общиной, завершившей период своего первоначального образования и внутреннего устроения. Местные сектанты пришли к согласию относительно догматических разногласий, волнующих штунду (по вопросу о крещении, о церкви, о пресвитерстве) и установили у себя обрядность. У них имеется пресвитер, – некто А-н, луховицкий крестьянин. Чтобы не лишиться пресвитера, штундисты запрещают ему выступать защитником своего учения. Сектанты признают крещение взрослых, совершают преломление, принятие в церковь сопровождается также известными формами; на некоторых собраниях бывали омовения. К вопросам своей веры они относятся сознательно, при тщательной повере того или иного пункта учения на основании Свящ. Писания, разумеется, понимаемого по-своему. Как например такого отношения местных штундистов к вероучению, можно указать на то, что вращающиеся среди них книжки и брошюры испещрены подчёркиваниями, собственноручными цитатами из Свящ. Писания, примечаниями. Критически отнеслись местные главари – штундисты к призыву, в 1891 году, некоторых петербургских интеллигентов- штундистов об освобождении от всяких религиозно-обрядовых форм, от догматического учения («нас от людей, говорили они, может разделить только грех, а не какие-нибудь понимания» – Беседа, литогр. стр. 24, Апрель 1891 года). Проповедь эта здесь не имела успеха: статья Беседы прочитанная на одном из собраний вызвала опровержения и изъята из употребления.

Ненависть к православию, грубая нетерпимость и фанатизм, характеризующие последователей «веры святых», сплошь и рядом служат источником вражды между близкими, – гнёта и насилия в семье, когда глава дома, делаясь штундистом, оказывает давление на совесть остальных членов семьи. Много явлений в этом роде наблюдалось местными

священниками. Вот напр., один из рассказов почтенного священника-миссионера о. Сит-го, заслуживающий дословной передачи.

В первый день Рождества Христова, рассказывал нам о. С., обходя с молебнами свой приход, вошёл я в дом крестьянина Прохора А-на; самого хозяина нет дома, жена его сидит на лавке, не встаёт с своего места, сидит угрюмо. Дня за два перед тем прошёл слух, что Прохор А. перешёл из православия в штунду, повынес иконы из своего дома. Невнимательное и неподвижное поведение хозяйки давало мне повод предполагать, что слух был не напрасен.

– Зажи же свечку, мы отслужим молебен, обратился я к хозяйке. Было уже к вечеру и я не мог рассмотреть, есть ли иконы на божнице, или нет.

Батюшка! Что я хочу вам объяснить: мы не ваши теперь, мы не желаем служить ваших молебнов, отвечает хозяйка. Но как только она заговорила, сразу исчезло её наружное спокойствие, по дрожащему голосу, по глазам, видно было, что внутри её ещё не угасла истинная вера и что говорит она чужие речи.

Что же такое случилось с вами? Продолжаю я.

Да мы познали Господа, мы сами служим ему в своих сердцах.

Да и я тоже прошу тебя помолиться Господу от души, с сердечным расположением.

Теперь мне не нужны такие молитвы. В православии я была заблудшая, погибшая; теперь же я познала Господа, примирилась с Ним; нашла в Нём покой: грехи больше не тревожат меня, по моей вере они мне прощены, за меня всё уплатил мой Спаситель Христос; Он Кровь Свою за меня пролил и ею очистил, я чиста, свята и готова в рай, Он мой и я в руках Господа, никто меня не вырвет из рук Его, –докончила сна.

Я понимаю, кто ты, сказал я. Ты прельщена заблуждением. Была бы ты спасена Христом, если бы у тебя, кроме веры была ещё любовь к Богу и, по любви к Нему, исполняла бы завет Его и все заповеди. Скажи же мне, есть ли у тебя такая любовь? Если же у тебя любви нет, то я вера, вновь найденная тобой, не

спасёт тебя и не введёт тебя в рай. Ты в руках не у Господа, потому что у Него только те, что в Его стаде – в Церкви. Тебя уловили лжеучители.

– Нет, мы любим Господа.

– Я вижу, какая у вас любовь к Богу Спасителю нашему: вон вы святые иконы сняли с почётного места, убрали куда-то: они вам опротивели. На лицо Господа, которое изображается на иконах, вы не хотите смотреть.

– Что ж, ведь иконы не боги.

И православная Церковь не учит, что икона – Бог, а учит, что она есть изображение видимого лица Божия. Иудеи говорили про Христа, что в нём бес, вот и ваши лжеучители говорят о лице Христа, что оно – идол.

Что же и твой муж в такой же вере, как и ты?

– Да. Мне не идти против его воли, проговорила женщина.

Поговорив с женой Прохора, я сказал ей, что я побываю и побеседую с ними на другой день. Моя собеседница, нашедшая, по её словам, душевный покой в новой вере, очень обрадовалась моему обещанию, и сама просила поговорить с её мужем.

Наследующее утро я пригласил с собой одного прихожанина чтобы вместе с ним отправиться к А-м. Я предупредил и родных А-на, чтобы сообща усовестить его. Когда мы вошли в дом, туда собрались родные и посторонние. Прохор и жена были дома. Я сообщил всем свой вчерашний разговор с женой Прохора и, обращаясь к последнему, просил его сказать: правда ли, что он уклонился в штундизм, отрёкся от православной Церкви, как сообщила его жена. Прохор отвечал утвердительно и почти буквально также изложил своё верование, как и его жена. Побеседовав о том, как должно спасаться о Христе Иисусе, я спросил Прохора:

Где же ваши иконы?

По лицу Прохора пробежала недобрая улыбка.

– Дрова то? Я исколот их и сварил на них варево. Я сколько лет имел их у себя, и ничего от них не видал.

Ты неправильное понятие об иконах имел и имеешь – сказал я. Тебе следовало бы ждать от Того, Кто на них

изображён. Не икона – Бог, а Бог – Сам Тот, Кого она изображает. Благодать не собственно от иконы, которая сама по себе бездушна и бессильна, а благодать исходит от Того, кто на ней изображён. Согласись: не книга Евангелия есть слово Спасителя, так как книга сама по себе и есть книга, а не слово; слово же Спасителя есть то, которое исходило из пречистых уст Его, которое было слышано народом. Записанное в Евангелии только напоминает нам о том слове. Так понимай и об иконах.

– Глупец ты, Прохор, вмешался мой спутник прихожанин, разве ты не читал и не слышал слов Спасителя в Евангелии: явятся лжеучители и пророки, будут они прельщать многих, вы же, т. е. мы христиане, – берегитесь их. Знаешь ты, продолжал он кто эти штундисты? Они – лжеучители, заблудшие лицемеры, обманщики, злословят начальство, не покоряются властям. Ты как думаешь о Царе: кто он? Как ты понимаешь о его портрете?

– Мы оброк ему платим, отвечал Прохор.

– Нет, как ты к его портрету относишься?

– Мы должны отдавать почтение ему и отдаём.

– А как же ты портрету Царя над царями и Господа над господами не воздаёшь почтения, а даже бесчестишь его? Ты на-ка вот почитай! – закончил мой спутник, подавая Прохору развёрнутое Евангелие.

– Да я читать не умею, не грамотный, сказал Прохор.

– Так как же ты такой слепец решил изменить своей прежней вере, узнал и принял новую?

– Дочь моя читала, а мы слушали и познали Господа.

– Нет, мы знаем, кто смутил тебя!

Это всё сделал с тобой Степан З-ев. Он смутил тебя, ты постоянно бывал с ним. Видали, как он у тебя в доме совершал обряд превращения тебя и жену в штунду: он, сидя, что-то читал над вами, а вы наклонились ниц, на пол. Он и по другим домам шатается. Знал бы он себя, а до других ему дела нет.

Эх, Прохор, ведь верой не играют, не меняют, как лошадей. Потеряешь веру Христову, настоящую, Евангельскую, погибнешь на век.

– Коль погибаю, так пусть так и будет со мной, сказал Прохор.

– Так судить, как ты рассудил о себе, так это быть за одно с Иудой, который удавился. А ты посмотри, сколько около тебя и каких ты губишь.

Семья Прохора состоит из 13 душ: два сына живут временно в Москве, один женат, сноха живёт здесь, две дочери девицы, ребята – внуки; отец Прохора – православный перешёл на житьё к дочери в той же деревне, как только сын сделался сектантом.

С самого начала беседы моё внимание привлекала сноха Прохора: так она казалось была убита горем. Я обратился к ней с вопросом:

– А ты желаешь пребывать в православной вере Христовой?

– Как-же? Я желаю содержать свою родную веру. А они (свёкор и свекровь) и моё родительское благословение (икону) сняли. Теперь я не знаю, как мне быть и жить с ними. – Бедная женщина была совершенно подавлена.

– Послушай, Прохор, обратился опять к нему мой спутник, какое ты зло делаешь. Себя губишь, вон сноху свою, против её желания, принуждаешь, гонишь, хочешь также загубить, а вон ещё сколько неповинных домочадцев по-иродовски избиваешь. Прохор упорно молчал.

По общему отзыву, мирная и согласная дотоле семья А-ных распадается: вместе с штундизмом в неё вошли смута и горе.

Воспитанная в православия семья оказывает в настоящее время сильное сдерживающее влияние на штундизм ради новой веры пока немного находится желающих внести в семью раздор. Однако, можно опасаться, что систематическая штундовая пропаганда расшатает эти устои православия. Тем более, что в церковно-приходской жизни луховичского и куваковского обществ есть немало недостатков. Прежде всего, как видим, штундизм в Рязанской епархии впервые появился и сосредоточился вдали от православного храма: в деревнях. Здесь и православное население мало-по-малу утрачивает, под влиянием сектантства, живую связь с храмом и с богослужением. В трудовой жизни крестьянина не всегда хватит досуга ехать, или идти в храм за несколько вёрст; к этому

присоединяется много других причин: бездорожье, непогода, страдная пора и под. Так создаётся холодность к храму и привычка обходиться без общественного богослужения. Вместо богослужения православные нередко собираются в частном доме сначала для пения церковных песней, а затем разных кантат. Это уже первый шаг к отступничеству от Церкви. Сектанты прекрасно пользуются такими собраниями, чтобы сеять здесь своё учение. Можно подивиться, что в Луховицах, в такой богатой и большой (до 400 домов) деревне нет ни храма, ни молитвенного дома. Правда, ещё в 1889 году у Епархиального начальства явилась мысль устроить здесь храм и для начала исходатайствовано было пособие в 3000 рублей. Но до сих пор самими прихожанами почти ничего не сделано для храма. Как на печальный симптом можно указать на то, что в 1896 году православные прихожане домовладельцы (в количестве 43 человека.) подали епархиальному начальству заявление и приговор о нежелании иметь у себя православный храм. Место для храма отведено за деревней, а она тянется почти на 3 версты. Едва ли скоро будет выстроен в Луховицах храм: нет человека, преданного этому делу, не за кем следовать и сочувствующим. Для деревни Луховиц нужен отдельный добрый пастырь, и великую услугу оказал бы он прихожанам, если бы взял на себя труд создать храм, объединить вокруг него православных и устроить церковно-приходскую жизнь. Он должен будет в противовес сектантской взаимопомощи, восстановить церковно-приходскую благотворительность. Деревня Луховицы, как сказано, входит в состав прихода Подлесной Слободы. И здесь, к сожалению, обстоятельства сложились крайне неблагоприятно для церковно-приходской жизни. В 1896 году в Подлесной Слободе сгорел храм и с тех пор там существует лишь молитвенный дом. К постройке храма ещё не приступали, несмотря на то, что получена страховая премия (14 тысяч рублей), вполне достаточная для начала: обыкновенно наши храмы создаются не на готовые капиталы, а на жертвуемые лепты. – Было бы единодушие и усердие! Мы упомянули о церковно-приходской жизни для того, чтобы кратко ответить на вопрос: в чём надо искать спасение от штундизма?

Спасенье – в благолепном храме, в благоговейном совершении богослужения, удовлетворяющем не только религиозные, но эстетические потребности молящихся, в приходской взаимопомощи и благотворительности, наконец, в добрых пастырях, преданных своему долгу. Что может сделать тогда проповедь новой веры, в сущности бедной своим идейным содержанием и непонятной для нашего народа? Штундизм, так сказать, отрицательная доктрина: он развивается у нас на счёт некоторых слабых сторон церковно-приходской жизни; устранить их, значит – лишить штундизм главного содержания и смысла, вырвать из рук врага православия сильное оружие.

Д. Андреев

Из миссионерской полемики с сектантами и раскольниками

**Богданович Савва. Беседа с «начинающим
штундистом» о молитве за умерших. //**
Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 366–384

Штундист. Спасибо вам, батюшка, я это всё обдумаю и разберу на досуге сам подробно, а сию минуту скажите мне и то ещё, что обещали, т. е. докажите не из Свящ. Писания, а из истории христианства то, что должно молиться за умерших.

Священник. Если бы ты не был такой маловер, то даже сего и не требовал бы, ибо Священное Писание обоих Заветов, помимо того, что оно есть откровенное Слово Божие людям, не есть ли самая сильнейшая история молитвы? Подумай: сколько уже времени оно существует и проповедует миру, что на всём протяжении этого великого и длинного времени были молитвы живых за умерших, Бог их требовал и с любовью принимал. Да, это сильнейшая, всемирная, всечеловеческая – и небесная, и земная история. Но с любовью я удовлетворю твоему желанию. У богоизбранного ветхозаветного народа и Нового Израиля, видел ты, по Писанию, была молитва живых за умерших. Богослужение Христианской Церкви свидетельствует, что с самых древних времён христианства – времён апостольских, молитва у живых за умерших была, и даже была существеннейшей частью его, т. е. богослужения – Если бы ты был более грамотен, да имел возможность прочесть по истории, что вытерпели христиане во времена язычества, то из этих описаний ты узнал бы, что язычники мучили христиан жестоко за молитву Богу Истинному вообще и за молитвы об умерших, которые они, не всегда имея возможность творить открыто, из опасения угрожавшего им от мучителей, творили тайно, в катакомбах или в подземных пещерах, в которые укрывались от света дневного; особенно такие молитвы они совершали об умерших мученической смертью, тела которых лютые мучители сжигали или без остатка пожирали не менее лютые животные – львы и тигры, которых нарочно для этой цели держали. Об этом прекрасно и отчётливо говорят как описания неверующих язычников, так и наши православные описания. Значит, о сём свидетельствует весь мир, все люди того времени, когда появилось христианство и боролось со тьмой языческого

неверия, и вся та земля, где было то христианство, т. е. Восток (особенно Александрия и Египет) и Запад (в особенности же Рим и его окрестности). Неужели можно не верить стольким свидетелям земным и небесным?

Но у нас есть история Церкви, богослужения и всей вообще духовной жизни христианства. И здесь есть свидетельство, доказывающее, что нужно молиться об умерших, написанное святыми людьми, которым нельзя не верить, ибо известно, что через них глаголал Дух Божий и они руками своими явили множество знамений и чудес. Но не знаю, говорить ли тебе что-либо из такой истории? Ведь, ты, конечно, уж святых не признаёшь; а потому, не напрасно ли будет, в данном случае, и слово, их о том, что нужно живым молиться за умерших?

Штундист. Вы, батюшка, так не говорите: я ничего ещё совсем не отрицаю, всё готов слушать, и хорошего буду держать, как учит апостол, а ваше дело раскрыть мне всё, что знаете насчёт молитвы живых за умерших, а приму ли я его или не приму – это уже будет моя вина.

Священник. Да, это верное твоё замечание. Изволь. Святой Иоанн Златоуст, учитель Церкви вселенской, т. е. всего мира христианского, пишет: «Не напрасно установлено святыми апостолами, при страшных тайнах, творить воспоминание об отшедших из сей жизни: Апостолы знали, что от сего бывает им великая польза» (Толк. послан. Филип. Беседа 1-я). Имей в виду, что св. И. Златоуст жил в то время, когда между христианами было много праведников, просиявших своей святой жизнью: как звёзды, как солнце на небе, так они на земле, а ныне паче звёзд и солнца сияют в царствии Отца их небесного. Жизнь тогдашних христиан называется цветущим веком в христианстве, а Сам И. Златоуст, которого я тебе только что свидетельство представил, называется столпом тех верующих. Сами штундисты обычно ссылаются на жизнь древних христиан. Ссылаюсь и я на них. И неужели вы не поверите и им и их учителю св. Златоусту, который свидетельствует, что и Апостолы делали то же самое, что и он с современными ему христианами; даже он проповедует нам такие золотые слова: «Апостолами установлено творить

молитвенное воспоминание об умерших. Апостолы знали, что от этого умершим великая польза».

Штундист. Свидетельство это убедительное, если бы только ему можно было верить!

Священник. А почему же и не верить ему? Если ты веришь какому-либо «пройдисвіту», шалопуту, бродягам, распространяющим пагубу и тьму штундовскую, которым никто из порядочных и разумных людей не должен бы верить, то почему ты не должен верить св. Златоусту, которому, при его жизни, все истинные христиане верили и называли его «свотильником веры», и по смерти его также верит вся Церковь Христова уже более, как 1,500 лет!

Штундист. Не сердитесь, батюшка, а лучше расскажите, какие есть у вас ещё подобные свидетельства отцов, которых вы зовёте святыми. В словах их, в самом деле, чутся великая сила.

Священник. Да! Вот, слушай далее, что говорит отец нашей Церкви Православной Святой Дамаскин: «Таинники и самовидцы Слова, ученики Спасителя, божественные Апостолы, установили творить воспоминание о почивших в вере перед Святыми, страшными, Животворящими Тайнами. Это установление их Святая Апостольская и повсеместная Церковь Христова с того времени и поныне твёрдо и несомненно будет содержать до кончины мира. Это установлено ими и принято Церковью не без основания и причины; Христианская вера, чуждая заблуждений, никогда не принимала ничего пустого и бесполезного; она постоянно хранила только полезное, угодное Богу, плодоносное и спасительное».

Штундист. Нельзя не внимать подобным словам.

Священник. А ты их, правда, первый раз в жизни слышишь?

Штундист. Первый раз.

Священник. Не удивительно, после этого, что ты и в штунду склонился: Священного Писания не знаешь ни по букве, ни по смыслу; не имеешь надлежащего представления о предметах самых обыкновенных в христианстве, не знаком с драгоценнейшим учением святых Отцов Церкви и вдруг взялся разучивать во всём этом тех, которые всё это или крепко, или

более или менее, вкусили и знают ему цену. Нет, братец, если бы ты прежде хорошо узнал всё, что касается веры православной, ты, думаю, никогда не стал бы слушать смутителей: «вкусивши сладкого, ты не захотел бы знать горького». Я тебе ещё подобные слова приведу, если только тебе- желательно; – на сей раз уже целое множество подобных свидетельств, но за один раз.

Штунд. Как это так?!

Священ. А вот как. Я свидетельствуюсь сей раз не одним Златоустом или Дамаскиным, а целым Собором Карфагенским, который был в 4-м веке, и состоял не из одного десятка, даже не из одной сотни отцов, подобных сим отцам, а из множества их, и они, подобно трубе небесной, все единодушно угрожают отлучением всякому, кто стал бы отказываться от приношений за усопших, или творил бы их с неохотой (Карф. IV, Собор. Прав. 95). Видишь, какое сильное побуждение мы, православные, имеем к тому, чтобы молиться за умерших.

IV.

Священ. Доселе, друже, мы, с Божией помощью, выясняли себе догмат о поминовении усопших, на основании учения слова Божия *писанного*, т. е. Священ. Писания ветхого и нового завета и *неписанного*, т. е. свящ. предания и учения Церкви. Как сам видишь теперь, твоего суемудрия они не оправдывают, а обличают его. Ты безответен и, уповаю, преклонён в своей совести, тебя обличающей за легковерие твоё к учению странному и чуждому, которое, по правде тебе сказать, проповедует штунда. Я не хочу тебя называть этим позорным именем, ибо ты ещё, по всему видно, не отдался служению этой секте, а переживаешь состояние мучительной борьбы; ты в душе раздвоен: жаль тебе и родного православия, тянет тебя и новизна штундовая. Но Бог милостив. Молись Господу, спрашивай совесть свою и поглубже вникай разумом в учение, которое навязывают тебе непризванные учителя.

Штунд. Разум-то тут, батюшка, и путает...

Священ. Неправда, – это, значит, лже-именный разум, а здравый ложь обличит и истину откроет. Так, напр., здравый разум также убеждает нас в истине учения о поминовении усопших и обличает ложь в учащих иначе. Подумай, что если отрицать молитву за усопших, то нужно будет отрицать также и будущую загробную жизнь, о которой, между тем, так много и так слишком ясно проповедано в учении Христовом. Наше поминовение усопших есть свидетельство не только нашей любви христианской, но и веры. Когда поминаем умерших, значит, веруем, признаём другую жизнь, которая будет за гробом; значит, веруем, что умершие, хотя и перестали жить временной жизнью, продолжают жить жизнью вечной, бессмертными своими душами; веруем, что и тела, погребённые ныне в земле, не останутся в ней навсегда в тлении, но в своё время будут воздвижены нетленными и соединены с своими душами; значит – несомненно, ожидаем воскресения мёртвых и жизни будущего века, что и исповедуем все христиане в своём Символе веры. Неужели тебе неприятно, чтобы твои дети,

молились за тебя или вот за усопшую твою мать, а их бабушку. Хотя, несомненно, оно приятно должно быть, но по штундовому учению так странно поставлено дело, что они не только не молятся за умерших, но и не помнят в молитвах и о своих детях и не учат последних, чтобы они молились за родителей, ни тогда, когда они ещё живы, ни тогда, когда умрут. А, между тем, что повелевает нам св. Апостол Павел? Повторяю: он молит всех учеников Христовых – творить молитвы, моления, прошения, благодарения за всех людей, за Царя и за всех, имеющих какую-либо власть, говоря, что это благоугодно перед Спасителем нашим Богом (1Тим.2:1–3). Когда мы слышим, что наши дети молятся о нас, нам приятно; всё наше существо находит в этом их поведении отраду себе. Естественно, что от этого нам будет ещё большая отрада, когда мы будем в гробах, точно в темницах неких, ожидать себе Божия приговора. Ах, как тогда уместны, как утешительны для нас будут молитвы детей наших, сродников, знакомых и друзей, когда мы будем стоять перед лицом Божия правосудия: с одной стороны, нам будут явлены все грехи и беззакония наши, а с другой – там, в стороне, по один бок, царство небесное, а против- него, внизу, в преисподней, геенна со страшными, нескончаемыми и вечными мучениями! Что или кто явится тут посредником и ходатаем перед Единым Ходатаем, Господом Спасителем и Судией, кто или что станет между раем и адом и будет нас утешать и защищать от опаления огненного? Никто другой, как наши родные, а особенно премилосердая мать наша Церковь земная и небесная со своими молитвами и предстательствами, которой даровал Господь власть, страшную и для ада. Нет, мы должны возносить свои молитвы об умерших сродниках наших, в той надежде, что за недостающее от них, не соделанное ими по немощам или по забвению, беспредельное милосердие Божие примет от нас это ходатайство и ослабит и оставит усопшим прегрешения их. Ну, вот скажи мне: найдёшь ли ты где-либо такого царя, который бы не простил того своего подданного, который содержится в темнице за то, что он в точности не выполнил воли его, но который не был никогда его явным противником, напротив, был ему всегда верным, но оказался

неисправным по опрометчивости, нерасторопности, или по сложившимся для него плохо обстоятельствам. Если бы за такого неисправного пришли просить его друзья, его родные и стали бы проливать за него слёзы, пришли бы ещё с дарами, восполняющими нанесённый обвиняемым интересам царя урон, и если бы пришедших и просящих было много и просили бы и вопияли бы они долго?! Скажи, не был ли бы милостив и снисходителен царь к находящемуся в темнице уже ради просящих? Думаю, что царь не только бы не предал раба своего неисправного ещё большей казни, ожидавшей его после темницы, но и освободил бы его от уз темницы. Если так, мы уверены, сделал бы человек, то неужели Отец наш Небесный может быть менее милосерд людей, которые, по слову Евангелия, вси «лукави суть» (Мф.7:11)?! Нет, если и судия такой неправедный, – не захочет услышать и помиловать своего узника, то Судия Небесный помилует тех своих узников, за которых к Нему день и ночь вопиет Церковь и всё воинство христиан на небе и на земле, вопиет, принося Ему не какие-либо тленные дары, а святейшую бескровную жертву – само тело и самую кровь Единородного Сына Его Господа нашего Иисуса Христа! Нет, Он услышит такой вопль наш за усопших, мы твёрдо в это веруем и искренно исповедуем. А далее. Не замечал ли ты ещё и сего, что замечали весьма многие? Когда умирают люди богобоязливые, то последними их желаниями и словами к живым бывает мольба – не забывать их в своих молитвах. Что это показывает и о чём свидетельствует? А о том, что, освобождаясь от уз тела и мира, видимого, душа прозревает своими очами Праведного Судию и сильно жаждет молитвенной помощи других, как наибольшего блага для себя.

Штунд. Да, это, действительно, бывает.

Священ. Но молитвы о себе других просят и такие умирающие, которые, когда были живы на земле, мало думали о молитве, всецело предавались только мирским благам, их единственно любили, им единственно служили, о них лишь помышляли и ими наслаждались! Почему же они в последнюю минуту жизни забывают своего бога, своего идола, которым их сердце жило и которому они верно служили, а обращаются

теперь к тому, что в жизни презирали? А потому, что очами своими они лишь теперь узрели, что истинное-то благо по смерти для души: не блага тленные – вещи мира видимого, а молитва и служение Богу сего истинного блага в такую страшную, в такую решительную минуту душа и возжелала, а прежде обожаемые блага отвергла.

Штунд. Это всё известно, а вы скажите мне вот что: когда человек умирает, то душа его тотчас же отходит во ад, если она грешна, или в царство небесное, если она праведна? Я что-то и когда-то слышал об этом в Церкви от бывшего своего православного священника, но тогда его слова меня совсем мало интересовали, а теперь мне хочется об этом иметь понятие.

Священ. Видишь ли, где сознался, и то нечаянно; ты сказал, что священник в Церкви рассказывал да ещё, смотри, о какой важной истине – «о вечных мучениях, ожидающих грешников за гробом», а ты его тогда не слушал, а если бы ты знал об участи умирающих праведных и грешных душ, о том, каково их состояние сейчас по смерти, то не мудрствовал бы лукаво и старуху-то покойницу не оставил бы на том свете без своей сыновней молитвенной помощи. Думаю, что, если бы ты всегда любил своего священника, как должно любить духовному сыну своего духовного отца и наставника, то ты и в учения странна совсем не прилагался бы, как не идут туда твои односельчане. Но только не думай, что упрёком своим я задумал тебя казнить. Довольно того, что ты сейчас покраснел. Это знак, что душа твоя не погибла, что совесть твоя ещё жива и чутка, что ты, вероятно, признаёшь правоту моих слов и видишь свою виновность перед собой, а священник твой, значит, совсем не повинен в твоём заблуждении, а, между тем, все отпавшие всегда любят сваливать свою вину на пастырей своих. По учению св. православной Церкви, души всех умирающих находятся до 40 дней на земле, обитая по всем тем местам, где человек жил и бывал; до трех же дней они витают около своего тела. В сороковой день Ангел Хранитель представляет их Богу, Творцу их на поклонение. После сего душа отходит или в обители Отца Небесного или в обители ада, которых также

много, – сообразно с тем, на сколько добродетельна или худа была она по жизни своей. В этих-то обителях душа и должна ожидать последнего дня, когда будут разделены праведники от грешников. Здесь, брат, нельзя не подивиться дивной любви Божией и милосердию Его к нам!

Штунд. Я пока не вижу, в чём они тут выражаются?

Священ. А вот в чём. Господь наш Иисус Христос, скупивший нас от греха, проклятия и смерти, сотворил милость всему человечеству, дары этой милости – власть и силу этого искупления усвоил Церкви Своей, воинствующей на земле, чтобы она помогала умирающим, когда они будут отдавать отчёт в своей жизни земной перед Ним на суде в 40-й день и на страшном суде.

Штунд. Как это так?

Священ. А вот как. Христос Иисус, ты знаешь, предал Себя за Церковь, сделал её Своим телом, с которой и обещал пребывать до скончания века, и дал ей ключи к царствию небесному.

Штунд. Какие ключи?

Священ. Ключи? т. е. Он даровал Церкви многообразные средства ко спасению верующих; а самое главное из этих многообразных средств – это жертва бескровная, которая в Церкви Христовой совершается ежедневно за грехи мира (Евр.7:23–26), т. е. преломляется тело Искупителя за живот мира (Ин.4:6), проливается кровь Господа во оставление грехов (Мф.26:26–28) и во имя такой жертвы и такой молитвы Церкви обещаны от Отца Небесного и все просимые дары (Ин.14:13–14). Вот премудрая Мать наша Церковь Святая и пользуется сей милостью Божией и дарами, ей Им дарованными. Она повелевает своим чадам живым молиться об умерших своих сродниках во всё время до сорока дней, пока Бог потребует душу к Себе на суд, чтобы, истязав её, указать ей место в тех или других обителях. И сама в это время ходатайствует, принося усердно жертвы и молитвы Богу, да в сороковой день снизойдёт Он Своим милосердием к душе судимой. После сего душа ожидает своей участи – последнего суда Божия или в темницах адовых, или у престола Божия, как о сём

свидетельствуют два тайнозрителя, которым заживо было показано небо и слава, ожидающая умирающих о Господе (Апок.14:13), именно: возлюбленный апостол Божий Иоанн (Апок.6:9,11,7:10–12) и блаженный Павел (2Кор.5:8). Но если Церковь Святая будет долго творить молитвы и приносить святейшую жертву об умерших в грехах, которые не препятствуют молиться о них, что тебе объяснено уже выше, то до страшного суда Христова она освободит таковых и от вратниц адовых. Об этом есть свидетельства от лица спасшихся от них, по молитвам живых и особенно по молитвам Церкви; есть на это указание и в Священном Писании.

Штунд. Какие это свидетельства? Это весьма любопытно знать.

Священ. В житиях святых мы находим много умилительных и убедительных рассказов о том, как умершие, которым – по смерти и суде над ними Божиим в сороковой день – Господом определено было место в обителях ада, молитвами и милостынями ближних о них, бескровной жертвой и ходатайством Церкви были освобождены, и какие именно средства сильны изъять из места мучения попавшего туда, но достойного Божия снисхождения, грешника. Если хочешь ты или слушающие, – отыщу в книжках и вычитаю вам эти свидетельства. Все присутствующие, не исключая и Ивана, пожелали услышать эти рассказы. Я привёл ¹⁴⁷.

Видите и слышите, братия мои, какие трогательные имеются доказательства того, что молитвы, милостыня и особенно молитвы пастырей и архипастырей, совершаемые ими во время божественной литургии, бескровная жертва, которую они приносят Богу, какую имеют силу перед Богом, и как полезны, как спасительны для умерших! Можно ли сему всему не верить и можно ли не творить таких молитв?

Не только мы знаем от святых, что нужно молиться за умерших, это мы знаем и от Ангелов, которые являлись угодникам Божиим и открывали, что особенно полезны молитвы живых за умерших, творимые ими в 3-й, 9-й и 40-й дни, когда душа является к Богу на поклонение Ему. Такое явление Ангелов было святому Макарию Александрийскому и они, в

беседе своей с ним, открыли ему, что для души умершего великая помощь – милостыня, молитва и бескровная жертва, заключив так: «Бог не попустил ничему быть в Церкви своей неблагопогребному и бесполезному; но устроил в Церкви Своей небесные и земные таинства и повелел совершать оные» (Слов. об исходе душ прав. и грешн. «Христ. Чт.». 1831 г., авг., час. XII). Даже есть и такое свидетельство, что молились за живого, почитая его за умершего, и в то время ему было особое душевное утешение, как сам он после сообщал молившимся о нём. Если Господь внял такой молитве и даровал живому отраду и великое благо, то тем более это Он, по милости и правосудию Своему, творит над умершими. Что скажешь мне на это¹⁴⁸?

Один из православных. Всякая ли, батюшка, нас грешных молитва доходна для души усопших?

Свящ. Нет, не всякая, а только исполненная живой веры и творимая с любовью, – такой молитве ничто не препятствует восходить на небо, как и св. Ефрем Сирин проповедует о сём: «Когда молитва сопутствуется любовью, восходит для собеседования с Богом: врата небесные отверзаются, и никто не возбраняет ей входа; ни Ангелы, ни Серафимы не препятствуют ей, по желанию своему, приблизиться к Богу и получить просимое» (Бесед. на слова: положи хранение и проч. 1848 г., ч. 3). Святой Иоанн Златоуст говорит о сём так: «Не напрасно установили Апостолы, чтобы при совершении Страшных Христовых Таин поминать усопших. Ибо, когда весь народ и священный лик стоит с воздеянием рук, и когда предлежит животворящая, страшная жертва, то как не умолим Бога, прося за умерших» (Бесед. 41 на пер. посл. Коринф.). По учению православной Церкви, при совершении святейшей, бескровной жертвы за спасение усопших, в лице священнодействующих приносит эту жертву Сам Христос. Он Сам умоляет Бога Отца и Бога Духа Святого простить грешника. Неужели же ходатайство такого великого Ходатая может остаться без плода? О!.. С несомненною надеждой и упованием нам надобно ожидать, что всем усопшим отцам, братьям и сёстрам нашим о Господе, а которых приносится бескровная

жертва Тому, Кто миловать и прощал многих только ради верных рабов своих Моисея, Самуила, Иова ([Иов.42:8](#)), Павла и других Своих праведников, и пророков, но всё-таки рабов, а не Сына, – простится ради Сына, ради Крови Его? «Кровь Иисуса Христа очищает от всякого греха». Приношением плоти и крови Господней заглаждаются, значит, и вины умерших, и они получают возможность переходить в лучшее состояние. И потому священно-иерей, вынимая из просфоры на божественной проскомидии частицы за поминаемые души умерших и опуская эти частицы в чашу, в животворящую кровь Христову, молится так: «Отмый, Господи, грехи поминавшихся зде кровию Твоею честною», добавляя: «молитвами святых Твоих». Что ты на всё это возразишь, сомневающийся брат?

Штунд. Возразить-то, пожалуй, не найду чего, но и молчать не стану. Ваши разные примеры из житий святых о необходимости, пользе и спасительности молитв живых за умерших всё-таки не есть свидетельства закола Господня. Я убедился бы во всём этом, если бы вы указали, что тоже речёт о сём и Сам Господь мой – непреложная Истина, Которого Слово – Закон непорочный, Которого слова для меня слаще мёда и сота, дороже всяких камней драгоценных, как выразился о Нём псалмопевец Давид. Оттуда, из слова Божия приведите подтверждение того, что души умерших братий наших, по молитвам Церкви и частных лиц, могут быть освобождаемы из ада, – лишь тогда я оставлю свои мысли.

Свящ. Изволь, я укажу тебе такое место, из которого ясно будет, что мертвецы, попавшие, после частного суда, в темницы ада, по ходатайству Церкви, задолго до страшного суда, или после него, изводятся оттуда. Святый Тайнозритель Иоанн Богослов говорит: «и смерть и ад отдали мёртвых, которые были в них: и судим был каждый по делам своим» ([Апок.20:13](#)). Что обозначают эти слова? А то, что все умершие и те, что в аду заключены, должны предстать на суд Владыки Господа. Суд же предполагает решение в пользу подсудимого или против него. Несомненно то, что не все подлежащие суду и по человеческому закону подвергаются наказанию, а многие и оправдываются, в силу разных соображений закона и

свидетельских показаний. Из ада в геенну придут нераскаянные грешники, пившие беззаконие, как воду, и нераскаянно умершие; в царствии же небесном в противоположность с первыми обрящутся грешники, умершие с верой в Бога, с покаянием, не окончившие своего дела угождения Господу, но заповедавшие перед смертью Церкви и ближним молиться о себе и творить разные дела милосердия. По учению Церкви, ад ещё не означает места, где грешники решительно и неизменно будут в бедственном и мучительном состоянии, каковое место есть геенна; а ад – это предварительные узилища геенны и мыслится лишь, как место преддверия вечных мучений, содержащее грешников до времени всемирного суда Божия. Иисус Христос сходил во ад, в дальнейшие страны земли, и пленил там плен; там Ему поклонились преисподнии (Флп.2:10–11; Пс.62:10; Сир.51:9) и вышли оттуда (Пет.3:19), а другие там остались навсегда, на веки вечные (Лк.16:23). Эти ключи ада и смерти (Апок.1:18). т. е. свободы и заключения – эти ключи, как я раньше тебе сказал, Иисус Христос вручил Церкви, которая имеет власть и над адом: утирает слёзы там плачущих (Апок.7:17). Но такой власти над геенной Церкви не дано. Великие учителя Церкви проповедовали о сём; например, Златоуст говорит следующее: «Есть возможность облегчить наказание умершего грешника. Если будем творить частые молитвы за него и раздавать милостыню: то, хотя бы он был и не достоин сам по себе, Бог услышит нас. Если Он, ради Апостола Павла, миловал многих и, ради одних щадил других то как не сделать того же самого и для нас»? (Бесед. Злат. на Деян. Апос. 22 п. 3.). Это говорит один из тех, которому даны ключи Царства Небесного. Другой авторитетный учитель Блаженный Августин, говорит вот что: «не надобно отвергать того, что души умерших получают облегчение от благочестия живых, когда приносится за них жертва Ходатая, или раздаётся милостыня для их пользы: но такие дела благочестия приносят пользу только тогда, когда умершие заслужили, чтобы те были полезны... Подлинно есть образ жизни, который не столько чист, чтобы не требовать помощи по смерти, и не столько худ, чтобы не послужило ему это в пользу по смерти... Кому молитвы

полезны, то полезны или столько, что бывает полное отпущение грехов, или столько, что сноснее бывает осуждение». И в природе, видимой физической между сходными предметами есть видимая живая связь, как же ей не быть между людьми, хотя бы и разделёнными пространством и временем.

Штунд. Этих слов ваших я не понимаю, даже не знаю, к чему они сказаны.

Свящ. А вот я тебе постараюсь представить это яснее и в примерах. Садил ли ты когда «цыбулю» или чеснок, картофель, морковь или другое огородное растение?

Штунд. Конечно, садил, – так что же из этого?

Свящ. А не замечал ли ты вот чего: когда начинает растение, тобой посаженное в землю и там находящееся, расти, то и находящееся на поверхности земли, в доме или погребу, тоже прорастает.

Штунд. Да, это так. Ну, так что же из этого?

Свящ. А то, что если растения имеют между собою такое тайное сообщение: то не более ли понятны для умерших молитвы и приношения живых? Эти средства служат той тайной силой, которая единит между собой живых и умерших. Старались бы мы об участии умерших братьев наших, а за милосердием Божиим, – Который не хочет гибели ни одного грешника (Иез.33:11), Который ради этих грешников не пощадил и Единородного Сына Своего, но предал Его в искупление наше на смерть (Рим.8:32), – не станет дело. – Спаситель дал себя в избавление за многих «и может всегда спасать приходящих через Него к Богу (а в бескровной жертве мёртвые именно через Него обращаются к Богу Отцу), будучи всегда жив, чтобы всегда ходатайствовать за них» (Евр.7:25); воздаст Он и нам подобными же благами небесными за молитвы об умерших, за добро им, если мы всегда при том будем это делать, памятуя слова св. Ап. Павла: «будем делать добро всем, доколе есть время, – а наипаче своим по вере» (Гал.6:10).

В заключение приведу ещё одно очень важное соображение в пользу учения о молитвах за усопших: если бы не было по смерти облегчения душам умерших, то Господь не сказал бы о некоторых, что им не отпустится ни в сём веке, ни в будущем

(Мф.12:32). Очевидно, предполагаются такие, которым будет отпущение, если не в сём веке, то в будущем.

Штунд. Если молитвы живых за умерших так важны для них и имеют такую силу перед Богом, то как согласить с ними то пьянство, которое бывает при поминовении умерших, при совершении о них на дому молитв? Даже и так у православных бывает: какой-либо хозяин убьёт барана или вола, созовёт соседей, друзей и ну – пить да гулять. «Это, говорит, в память такого-то или таких-то умерших – молитва». Скажите: неужели это угодно Господу?!

Священ. Понятно, что подобное поминовение Богу не угодно. Никакие дела, совершённые с пьянством, Ему не угодны. Но что же вы поделаете с миром, который всегда и везде ищет угождения своей грешной плоти. Что при совершении молитв об умерших на домах там происходит угощение и водкой, то это уже порядки не Церкви: – сего она не освящает и не благословляет, хотя, если оное угощение происходит умеренно, снисходит немощам своих чад. А посмотрите в чин поминовения церковного умерших, есть ли там упоминание о спиртных напитках, а тем более, есть ли там постановление, разрешающее пьянство? Обвиняйте тут не Церковь и её чистое, святое учение, которое ей преподано от Самого Св. Духа, а обвиняйте мир, себя, что не слушаетесь или извращаете её учение. Послушайте: мало ли пастыри Церкви православной проповедуют против пьянства пагубного. Но, конечно, мир любит своё. Если Самого Христа – Самой Святейшей Истины, Чистоты, Святости и Правды, Любви и Могуущества да не все, не всегда и не во всём слушались, если не слушались, далее, Его первых учеников и Апостолов, на которых явным образом почил Дух Святой, то что вы удивляетесь тому, что наше слово не всегда мощно?! Но оно всё-таки приносит плод по роду своему. Вот вы же сказали, что «при поминовении умерших, пьянство *бывает*». Если *бывает*, то значит не всегда и не везде. Не научают ли священники своих пасомых: «Когда делаешь обед (за умерших), зови нищих, увечных, хромых, слепых; и блажен будешь, что они не могут

воздать тебе: ибо воздастся тебе в воскресение праведных» (Лк.14:13–14) и на страшном суде (Мф.25:34–35).

Беседа наша так затянулась, что мы и не заметили, как преполовилась ночь и на горизонте забрезжила заря... Из слушателей ушло не более двух-трёх человек, прочие все внимали мирной беседе с неослабевающим вниманием. Утомившись и сам, и видя утомлённых людей, я закончил беседу следующим обращением к слушателям и к хозяину: Пора, друзья мои, вам на отдых, который так необходим для завтрашнего труда вашего, а мне надо в путь. Да почиет благословение Божие над всеми вами за вашу любовь к слушанию слова Божия и учения Церкви. Благодарю всех за любовь и внимание к моему недостоинству, наипаче тебе, Иван, спасибо, что доставил возможность побеседовать к назиданию твоему и братии. Оставайся же с Богом; пусть Он хранить тебя от всего злого и да даст тебе силы познать ложь и уразуметь истину. Ещё моё желание, которое тебе должно быть на пользу. – Когда будешь дома размышлять сам с собою о преподанном мной учении: должно или не должно нам живым молиться об умерших, то помни, что небо и земля, праведники и грешники, живые и мёртвые, видимая природа. пространство и время, а главное – Сам Бог указывают, что молитвы наши полезны умершим и любовь наша к ним предписывает нам творить такие молитвы.

Поминовение умерших и нам лично приносит пользу. Молитвы, песнопения, обряды, входящие в состав поминовения, наполнены такими сильными, трогательными мыслями, которые могут подействовать и на самое чёрствое сердце и, хотя на короткое время, произвести в душе нашей спасительную перемену; потому что всё это даёт чувствовать суету видимых вещей, напоминает нам о Боге, о вечности, внушает благоговейный страх к Нему, напоминает нам о смерти, а потому усмиряет наши страсти, побуждает к покаянию и укрепляет на пути к добродетельной жизни. Прощай же и не забывай молиться об умерших, дабы быть не жестоким и глупым, а мудрым: «сердце мудрых в дому плача» (Еккл.7:5).

Помолимся же Господу Богу. О, Премилосердый Господи, Царь веков и времён, Владыка жизни и смерти! Ты, желающий всем спастися и в разум истины приити, не по беззакониям нашим творишь нам, грехам нашим терпишь даже до последнего издыхания нашего! Бесконечное милосердие Твое, Господи, простирается на нас грешных и недостойных рабов Твоих даже и по смерти, до самого страшного нелицеприятного Твоего Суда, ибо Ты не осуждаешь умерших в геенну огненную по грехам их, но Церкви Твоей Святой и всем верующим в Тебя, Единого и Истинного Бога, дал право в молитвах предстательствовать перед Тобой о дорогих нам, умерших в покаянии и вере, отцах и братьях наших. Не отвергни, Господи, наши сии молитвы о прежде почивших отцах и братьях наших и о сём душой недугующем брате нашем! Ими же веши судьбами Ты Сам, Господи, вразуми и помилуй его и в сей, и будущей жизни. Аминь.

Все усердно молились, особенно же горяча была молитва, жены Ивана, стоявшей на коленях и горько заплакавшей при последних словах моей, вырвавшейся из сердца, молитвы! Иван сначала стоял, скрестив руки на груди, но потом, вижу, и он перекрестился и поклонился Господу Богу до земли... Прощаясь, поцеловал у меня руку и был сильно взволнован. Вышел проводить меня до телеги и спросил: «вы ведь, батюшка, будете из Новой Гребли, Уманьского уезда. Могу ли я у вас когда-либо побывать для беседы? У меня и ещё есть вопросы, на которые бы хотелось услышать от вас разъяснение, напр., об иконах». – С любовью приму, во всякое время, приезжай, пожалуйста. А вот теперь прими от меня на память мои беседы об иконопочитании и о других вопросах. Что не поймёшь, или с чем будешь не согласен, лично объяснимся.

Усталый телом, но радостный духом выехал я из деревни N, благодаря Господа, что он мне внушил благое намерение посетить Ивана Богомильного, который теперь, вероятно, сын православной Церкви.

Священ. Савва Богданович

**Шалкинский С. Миссионерская беседа с
раскольничьим апологетом А. Перетрухиным о
существенных признаках Церкви Христовой. //
Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 384–394**

Перетрухин далее¹⁴⁹ говорит, что Господь не ручался за веру Петра. Из Евангелия же мы знаем, что Господь молился о неоскудении веры Петра (Лк.21:32), а молитва Спасителя, без сомнения, сильнее всяких человеческих ручательств.

Что же касается до неправомудрствования и затем отречения Петра, то оно ни в каком случае не может служить прообразом уклонения в ересь всех епископов. Ибо, во-первых, апостол Пётр «не правомудрствовал» и отрёкся от Христа ещё в то время, когда надеялся видеть в лице Учителя того, «который должен избавить Израиля» (Лк.24:21) от власти римлян; когда ум его ещё не был отверзть к правильному разумению Писания, ибо это разумение получили апостолы только по воскресении Господа из мёртвых (Лк.24:45), – когда апостолы не были ещё облагодатствованы нашествием на них Св. Духа. А посмотрите на апостолов после сошествия на них Духа Святого. Возьмите для примера хотя бы того же апостола Петра. Раньше – он отказывался «страха ради иудейска» от Господа, а по сошествии Св. Духа, в тот же день безбоязненно перед многотысячной толпой «возвысить голос свой» (Деян.2:14 и д.) и стал проповедовать о Христе Спасителе до того неустрашимо, что никакие запрещения синагории не могли заставить его прекратить проповедь: вера его настолько была сильна, что он «не мог не говорить» о Господе и Его чудных делах и учении (Деян.4:20). Известно, что даже мученическая смерть не могла заставить апостола Петра отречься от веры в Господа; поэтому-то Господь и назвал её «камнем» или «скалой». А Перетрухин старается унижить перед вами величайшего апостола, доказать вам, что он был слабоверен и даже совершенно безверен. Это клевета на великого апостола.

Во-вторых. Слова Захарии пророка: «порази пастыря и расточатся овцы стада. И наведу руку мою на пастыри», не

говорят того, что все пастыри могут быть поражены, и что Церковь Христова останется без пастырей.

Ефрем Сирийский в толковании на эти слова говорит: «Слова сии объяснил Господь, сказав: поражу пастыря (Мф.26:31), т. е. не Сам поражу, но не воспрепятствую поразившим пастыря. Поражение сие началось с того часа, как взяли Господа нашего, кончилось же, когда пронзили Его копьем. Стадом называется общество людей, Им наученных. *И наведу руку Мою на пастыри.* Здесь называются пастырями святые апостолы – овцы стада Христова, но и пастыри всех церквей. Они в ту ночь, когда взят был Христос иудеями, в страхе и ужасе рассеялись, в последствии же разлучились друг с другом и разошлись по всей вселенной». Как видите, толкование св. Ефрема на пророческие слова не сходится с толкованием Перетрухина. Перетрухин говорит, что все пастыри уклонились в ересь, а св. Ефрем учит, что они в ересь не уклонялись, а «разошлись по всей вселенной» для св. проповеди Евангелия. Кроме того, слова эти относятся не вообще к пастырям всей вселенской Церкви, а только к одним святым апостолам, которые по отношению ко Христу были овцы, а по отношению ко вселенной пастыри, поэтому св. Ефрем и называет их «овцами стада Христова и пастырями всей вселенной». Итак, и этим свидетельством Перетрухин ничего не сказал в свою пользу. Теперь посмотрим, не оправдает ли старообрядцев немец-католик Бароний, слова которого в свою защиту приводил Перетрухин. Но суетна надежда: и еретик-католик не говорит, что Церковь Христова может лишиться всех епископов. У него об епископах в приведенном Перетрухиным месте нет ни слова; наоборот, он доказывает, что, хотя в продолжении тысячи лет Церковь Христова претерпевала многие злострдания, но осталась непобеждённой, потому что с ней всегда был Христос, её Глава и Спаситель. Дальше Перетрухин ссылался на Иуду-предателя, и этим хотел доказать, что и все апостолы и их преемники – епископы могут быть предателями, готовыми за сребреники отказаться и от Христа, и от св. Церкви. Правда, есть некоторое сходство в поступках Иуды и основателя вашей иерархии Амвросия, но они не могут быть примером для других

епископов. Иуда оказался предателем, одиннадцать апостолов остались истинными последователями Христа и проповедниками Его божественного учения. Перетрухин говорит, что на Иуде не сбылось Божие обетование. Не верно. Что было предсказано об Иуде пророками, что говорил Господь, всё исполнилось в полнейшей точности. Господь нигде не говорил, что Иуда сядет на престоле, а сядут на двенадцати престолах только апостолы, *последовавшие Ему* до конца жизни Иуда же таковым последователем не был, следовательно, и обещания ему «о седении на престоле» от Господа изрекаемо не было. Ещё пророк говорил об Иуде: *епископство его примет ин* (Пс.68:26,108:8); а этот *ин*, как видим из книги Деяний св. Апостолов, был *Матфий* (Деян.1:15–26). Следовательно, обетование Божие об Иуде сбылось; сбылось и обетование Божие о седении двенадцати апостолов на двенадцати престолах, так как лик апостольский и по отпадении Иуды не уменьшился. Перетрухин старается обратить особенно ваше внимание на слова бл. Феофилакта: «множицею бо обещается Бог достойным неким благая дати, аще ли же на лукавство преложатся, и недостойни будут, отъимает благая». Но ведь в том-то и суть, что Перетрухин до сих пор не привёл ни одного святоотеческого свидетельства, которое бы говорило, что все епископы могут уклониться на лукавство. Иуда уклонился на лукавство – остались одиннадцать истинно-православных апостолов, которые и заменили уклонившегося на лукавство достойным Матфием. И так это замещение недостойных достойными будет продолжаться в истинной Церкви Христовой всегда, а такого события, чтобы все епископы стали лукавыми, в ней произойти никогда не может. Частная или поместная церковь и та может оставаться без епископа, по правилам, только не более трёх месяцев, а по учению Перетрухина даже вселенская Церковь может оставаться без епископа или вдовствовать целых двести лет. Но такое учение – новое, само измышленное, у святых отцов не обретающееся.

Ссылается Перетрухин на историю Ветринского, который говорит, что на Востоке в разное время несколько церквей частных были без епископа. Но что же из этого? Вот в

настоящее время у нас в Петербурге, после смерти митрополита Палладия, нет митрополита, так неужели это доказывает, что и нигде, во всём свете теперь нет епископов? Перетрухину нужно было бы доказать, что нигде ни одного православного епископа в истинной церкви Христовой не останется, как это случилось с их обществом. «Не велика беда, говорит Перетрухин, что у нас не было епископов». Если это так, то невелика беда, что и у беглопоповцев их нет, не велика беда быть и беспоповцем. А я скажу, что очень велика беда: «без епископа, говорит св. Златоуст, не может быть и церкви» (Марг. л. 154 об.), без него «ниже баню (крещение) имаши, ниже тайнам причащаешься, ниже благословения приимаеши: убо ни христианин еси» (Беседы на 14 посл. стр. 2552); и блаженный Симеон Солунский учит, что «без того (епископа) ниже жертвенник будет, ниже хиротония, ниже миро святое, ниже крещение, ниже убо христиане: через тое (архиерейство) убо истинное христианство, и Христове через тое вся тайны» (кн. 1. гл. 77); «без них, учит св. Игнатий Богоносец, церковь несть избрана, ниже собрание святое, ниже сонм преподобных» (1 посл. к Тралл.). Если для Перетрухина «не велика беда» к какому бы то ни было толку принадлежать, то, конечно, оставаться и без епископа «не велика беда». Но для лиц, ищущих вечного спасения, дорожащих своей душой оставаться в таком обществе, которое не может быть (за неимением епископов) даже названо «церковью избранной, собранием святых», – будет большой бедой. Таких лиц, которые думают спастись только одной верой или исповеданием веры, а о таинстве священства говорят, что «не велика беда», если его и не будет, св. Златоуст называет младенцами, не имеющими твёрдой веры и убеждений, но вдающимися и скитающимися всяким ветром учения (там же стр. 1692). Не побоялся Перетрухин в защиту такого учения, что Церковь Христова может быть без епископа, выставить свидетелем св. апостола Павла. Такой поступок я не могу назвать иначе, как дерзким неуважением к святому апостолу, клеветой на него. В самом деле, где же это св. апостол Павел учит, как ныне учат одни только беспоповцы и Перетрухин, «что Церковь Христова может

быть без епископа? Перетрухин говорит, что в словах: «Внимайте убо себе и всему стаду, в нём же вас Дух Святой постави епископы пасти церковь Господа и Бога, юже стяжа кровию Своею». «Ясное дело, – говорит Перетрухин, что сначала была церковь и к этой-то церкви, как к стаду, поставляются пастыри-епископы; значит, и до поставления пастырей церковь была»... Но все эти самоизмышлённые толкования Перетрухина не верны. Церковь Христова без пастырей не была и одной минуты. Насаждённая на земле Христом Спасителем, она, при Его земной жизни, и имела Его Самого Единым пастырем, а после Его славного вознесения на небеса, имея Господа Единым невидимым пастырем, Церковь Христова имела – видимых пастырей в лице апостолов, которые, будучи пастырями всей вселенной, были пастырями и церкви мелитской, поместной церкви, в которую потом, как равно и в другие церкви, апостолы и поставляли пастырями своих учеников; следовательно. и мелитская поместная церковь без пастырей-епископов никогда не была: сначала в ней были пастырями апостолы, а потом поставленные ими преемники их пастырского служения – епископы.

Кроме того, если Господь *Дух Святой* *поставляет епископов для пасения церкви*, то как же Перетрухин дерзает восставать против Бога, против Духа Святого, и доказывать, что «не велика беда», если и не будет их. Если Дух Святой поставляет епископов, то ясно, что они необходимо нужны, ибо излишнего, ненужного Бог ничего не творит. Слова Перетрухина, что церковь представляет нечто отдельное от епископов и состоит из одних только мирян, обличает сам же апостол Павел (1Кор.12:13–30), говоря, что тело церкви состоит не из одного члена (мирян), но из многих, из которых одни главнейшие, совершеннейшие, а другие слабые, неблагообразные... Есть в этом теле (а не «вне его») пастыри, учителя, есть и пасомые (ст. 29)... Святой Ипполит поучает: ни епископ да не превозносится над диаконами и пресвитерами, ни пресвитер – над народом: потому что из тех и других состоит тело церкви» (Правосл. догм. Богосл. Макария, т. 2, стр. 217. изд. СПб. 1868 г.). И св. Киприан говорил: «Ты должен знать, что епископ в церкви и церковь во

епископе, и не находящийся в единении с епископом, не находятся и в церкви» (Пис. 69).

Из всех приведённых свидетельств видно, что Церковь Христова без епископов никогда не была, что где нет епископа, там нет и Церкви, а потому слова Перетрухина: «не велика беда» оставаться без епископа означают: «не велика беда быть и вне Церкви». Но с этим согласится только тот, кто не желает себе спасения.

После слов апостола Павла, Перетрухин читал большую выдержку из письма св. Киприана о том, что с еретическими епископами не нужно иметь общения. Но с этим никто и не спорит, об этом Перетрухина никто и не спрашивает, а просят доказать: «какой святой отец учил, что все епископы Церкви Христовой могут уклониться в ересь, что Церковь Христова не будет совершать все семь таинств»?

На этот-то вопрос Перетрухин и не может дать никогда правильного ответа. Но, быть может, кто-нибудь из вас подумает, что Перетрухин ответил на этот вопрос толкованием св. Златоуста на 17 главу кн. Бытия. Скажите нам, Климент Анфиногентович, чему научает нас Златоуст своим толкованием на это место Священного Писания?

Перетрухин. Говорите: не моя очередь.

Миссионер. Своей очереди я вам пока не уступаю, а только для большей ясности прошу сказать, что вы хотели доказать, читая эти слова Златоуста, – что Церковь Христова может лишиться всех своих епископов или другое что?

Перетрухин. Златоуст поучает нас этими словами «не неверовать Божиим обетованиям».

Миссионер. Отлично. Значит, в словах св. И. Златоуста нет такой мысли, что Церковь Христова может быть без епископа; так зачем же вам и нужно было утомлять народ, читая эти, не относящиеся к предмету беседы, слова св. Златоуста? Точно также ничего не подтвердил Перетрухин и словами преосвященного Филарета о перенесении одной поместной церкви или её предстоятеля из одной местности в другую. «Перенести» не значит уничтожить. Где же тут хотя малый намёк на то, что вся Церковь может лишиться епископов? Ясно

для каждого, со вниманием слушающего беседу, что Перетрухин на мой вопрос: «какой св. отец учит, что вся Церковь Христова может лишиться всех епископов православных и полноты таинств церковных» – ответа не дал, а потому и стремится перейти к другому вопросу, чтобы изгладить невыгодное для себя впечатление от беседы по этому вопросу.

VIII.

Перетрухин. Добрые слушатели! Напрасно о. Сергей уверяет всех вас, что я ничего не доказал: мной всё доказано, что хорошо и вы слышали... Мне-то, я думаю, вы должны больше верить, чем ему. Он говорит, что мы не имели епископов. Ну что же? Не имели мы епископов, но зато имели священников, а потому без священства и не оставались... Это подтверждает даже такой ярый обличитель наш, как профессор Николай Иванович Субботин, который в своей «Истории белокриницкой иерархии» говорит, что без священников мы никогда не были. Но о. Сергей опять скажет: «у вас не было епископов; значит, по 6 пр. Гангрского собора, вы вместе с священниками своими прокляты». А мы из истории знаем вот какой случай. Когда св. И. Златоуст был незаконно лишён епископской кафедры, то «цареградстии священницы, отлучившиеся от изгнавших св. Златоуста, и оставивше церкви, в бане народной спасительно священнодействовала на св. Пасху» (Марг. л. 15, житие). Неужели о. Сергей скажет, что и те священники повинны клятве? А если он будет оправдывать их, то оправдает и наших священников. Вот в каком теперь он находится положении! Почтенный наш собеседник уверял вас, что апостолы могли грешить только до сошествия на них Святого Духа. Посмотрим в Писание, – так ли это. Св. Иоанн Богослов, уже после сошествия Духа Святого, говорит о себе и других христианах: «Если говорим, что не имеем греха, обманываем самих себя, и истины нет в нас... Если говорим, что не согрешаем, то представляем Его лживым, и слова Его нет в нас» (1Ин.1:8,10)... Значит, все апостолы и после сошествия Св. Духа грешили, а грех и есть ересь. В послании к галатам еп. Павел говорит: «Когда Пётр пришёл в Антиохию, то я лично противостоял ему; потому что он подвергся нареканию. Ибо, до прибытия некоторых от Иакова, ел вместе с язычниками, а когда те пришли, стал таиться и устраниваться, опасаясь обрезанных. Вместе с ними лицемерили и прочие иудеи, так что даже Варнава был увлечён их лицемерием» (Гал.2:11–13). Вот вам и

ясное доказательство, что ещё апостолы впадали в грех лицемерия, значить заблуждались. А уж если апостолы не могли устоять в святости, то епископы-то и подавно. Только один Бог верен в Своих словах. «Верно слово, говорит ап. Павел, если мы с Ним умерли, то с Ним и оживём. Если терпим, то с Ним и царствовать будем; если отречёмся, и Он отречётся от нас. Если мы не верны, Он пребывает – верен, ибо Себя отречься не может» (2Тим.2:11–13)... Вот вам и епископы! Уж, быть может, и пошли бы мы к единоверцам, да очень уж церковь их юная, молочком пока ещё только питается, твёрдой то пищи им ещё не дают. Молятся они хорошо, крестятся истово. Но это доказывает, что в них всё ещё царствует дух раскола, и вот как разучатся креститься, как не будут уметь себя перекрестить, так и будут уж настоящие православные...

Лишь только Перетрухин сказал это, как в народе поднялся невообразимый шум. Раскольники, не давая говорить православному миссионеру, требовали, чтобы беседа была сейчас же закрыта. О. миссионер несколько раз вставал, чтобы ответить на слова Перетрухина, призывал народ к порядку, но голос его оставался «гласом вопиющего в пустыне». А Перетрухин, наклонившись к о. миссионеру, говорил: «закрывайте, о. Сергей, пожалуйста беседу, а то, Бог знает, что может случиться. Ведь народ тёмный, невежда – за него ручаться нельзя. Один раз мы вели беседу с о. Константином Ананьичем Поповым в Бекове, Саратовской губ. Народу тоже много было, почти все старообрядцы... полон собор. Вот также народ начал кричать да кричать; вдруг огни сразу погасли. Константин Ананьич подумал, что его хотят бить, а я подумал, что мой смертный час пришёл. В страхе уцепились мы друг за друга и стоим ни живы, ни мертвы, а народ впотьмах-то ещё пуще прежнего кричит. Только и вздохнули мы свободно, когда подали огни».

Улучив минуту, когда народ, вероятно, утомившись, стал кричать тише, о. миссионер снова встал: «только две минуты внимания и беседа будет закончена». Замолчали.

IX.

Миссионер. Вы, Климент Анфиногентович, ехали сюда издалека, чтобы научать других, приводить их ко спасению. Ваше слово ловится здесь, как слово проповедника истины, посланного от «самого Иоанна». Зачем же вы так злоупотребляете своим положением? Разве вы не знаете, что за каждое праздное слово придётся дать ответ Богу, а тем более, за соблазн «малых сих». Разве достойны защитника св. истины такие выходки, какие позволяете вы? Разве вы не пустословите, когда говорите, что только и настоящий православный, который не умеет лба перекрестить? Разве православная Церковь учит небрежно изображать на себе крестное знамение? Вы клевете на св. Церковь, на возлюбленную невесту Господа, клевете злонамеренно, стараясь этим угодить народу, вызвать в нём смех. И это в таком деле, которое началось молитвой, призыванием Св. Духа. И это – перед св. евангелием, перед св. иконой, перед которой теплится лампада. Нет, Климент Анфиногентович, ждал я от вас большего: и больше любви к выяснению истины, и большей добросовестности. Вам ли не знать разницы между таинством священства и священниками, между своими беглыми попами и цареградскими священниками? Ваши попы действовали самовольно, убегая от своих законных епископов и потому вполне подлежать клятве Гангрского собора, а цареградские священники без епископа ни на один день не оставались, без воли его поэтому и не делали ничего: у них епископ был св. Иоанн. А у ваших попов кто был епископ? Вам ли не знать разницы между грехами против христианской нравственности, от которых никто не свободен, и ересью?

А, между тем, вы стараетесь толковать народу, что ещё апостолы впадали в ереси, потому что грешили... Боже мой! куда вас доводит ослеплённая враждой против св. Церкви гордость. Желая хоть на время задержать народ во тьме душепагубного раскола, вы не пренебрегаете никакими средствами. Вы хоть бы то подумали, что ведь апостолы-то все

были люди, следовательно, все грешили, грешили и все христиане апостольского и последующих веков, а поэтому, по вашему толкованию, нужно будет прийти к такому заключению, что Церковь Христова ещё при апостолах впала в ересь, что апостолы были еретики... Да где же тогда была созданная-то Господом святая Церковь?.. Где та Церковь, которую человеческие грехи не могут одолеть, не могут вовлечь в ересь. Не стало её ещё при апостолах... И это говорит известный защитник раскола, назначенный, как он сам мне говорил, Иоанном всероссийским миссионером против неокружников... И таким-то проповедникам бедный тёмный народ верит... Друзья мои! Пожалейте свои души, не увлекайтесь льстивыми словами этого ложного учителя, проверьте все его доказательства, подумайте над ними хорошенько, и вы поймёте, что он ни одного свидетельства в ваше оправдание не привёл... Как до принятия митрополита Амвросия вы были вне св. Церкви, так и после его принятия. А вне Церкви, друзья мои, спасение получить никто не может...

В народе снова поднялся шум. Продолжать беседу не представлялось возможности. Поэтому, прочитав молитву: «Достойно есть», о. миссионер объявил беседу законченной.

– Не откажитесь, Климент Анфиногентович, завтра ещё побеседовать о каком вам будет угодно предмете: о клятвах ли, или о единоверии, или ещё о чём – это будет зависеть от вас.

– Посоветуемся там, а завтра утречком известим вам, нехотя ответил Перетрухин.

Но на следующий день, 20 января, Перетрухин уехал на ст. Фашевку, не известив о своём отъезде о миссионера. Узнав, что Перетрухин поехал в с. Орехово, населённое раскольниками, о. миссионер поспешил туда же. 21 января ж с Орехове состоялась вторая беседа с Перетрухиным, которую вёл, в присутствии епархиального миссионера А. Я. Дородницына, миссионер священник Михаил Сушков.

Х.

Итак, вот к каким «доказательствам» прибегают современные защитники отживающего, дряхлеющего, дробящегося на мелкие толки, а по местам и перерождающегося в сектантство, раскола... Для них старопечатная книга – не авторитет. Если и берут они её в руки, если и крестятся прежде, чем начать чтение из этой книги, то всё это делается «для вида». Им выгоднее пользоваться отрывками из новейших произведений духовной литературы, поражать своих доверчивых собратий – слушателей мнимым знакомством с творениями св. отцов и знанием истории, а иногда выгоднее и удобнее отстаивать учение протестантское... Да, раскол, в лице своих представителей, изменил своим предкам, ищет нового выхода из своего положения... Чем кончится это брожение, покажет будущее... Жители села Городища, где происходила вышеописанная беседа, конечно, стараются уверить сами себя и распространять в народе молву, что Перетрухин оправдал двухсотлетнее неимение старообрядцами епископа, но говорят это далеко не все. На пасху они думают выписать для бесед в с. Городище известного Мельникова, а если он откажется, то опять Перетрухина. Такому их намерению нельзя не пожелать осуществления. Дай Бог, чтобы беседы с такими столпами раскола устроились по возможности чаще; только тогда народ может беспристрастно отнестись к словам своего защитника, когда будет достаточно подготовлен к пониманию религиозных истин, а эта подготовка, между прочим, и даётся публичными беседами.

Священник-миссионер *Сергий Шалкинский*

Миссионерство, секты и раскол

(Хроника).

Э. Я. Таврический миссионерский съезд. //
Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 395–410

Пятидесятилетие священно-иерархической службы первоиерарха русской Церкви и юбилейный сборник. Новые заботы высокопреосвященного Иоанникия о лучшем устройстве киевской миссии. – Благой почин пастырских миссионерских собраний в петербургской губернии и годовые миссионерские съезды в Одессе и Симбирске. – Постановления таврического миссионерского съезда по вопросам местной миссии и резолюции епископа Николая.

7 ноября в древнем Киеве состоится знаменательное в истории нашей иерархии юбилейное торжество в честь достославного первоиерарха русской Церкви, высокопреосвященнейшего митрополита Иоанникия: в этот день исполняется 50 лет со времени посвящения Его Высокопреосвященства в священный сан.

Всем известно глубокое смирение киевского архипастыря, не любящего ничего показного, торжественно-помпезного, но, по случаю столь важного события в своей священно-трудовой жизни, Владыка не мог отвергнуть сыновнего усердия своей любящей и любимой киевской паствы и в частности сослужителей и духовенства. Последнее живо сознаёт то истинное счастье, которое даровано киевской пастве Промыслом Божиим, судившим высокопреосвященному митрополиту Иоанникию последнее десятилетие своего доблестного священно-иерархического подвига посвятить славе киевской церкви и пользе этой епархии. Ещё в начале сего года повергнуто было на благовоззрение Владыки митрополита благожелание духовенства молитвенно почтить его юбилейный праздник и увековечить в киевской епархии имя иерарха учреждением убежища для вдов, сирот и больных духовного звания. Дав согласие и завет, чтобы торжество было самым скромным, воистину милостивый архипастырь сам же первый и явился главным жертвователем на это счастливо задуманное

благо потребное епархиальное учреждение, вложив в пользу его 50 тысяч.

Городское управление, по особому заявлению городского головы и многих гласных, в последнем заседании единогласно постановило о принятии участия в юбилейном чествовании иерарха. Слышно, что в Киеве к этому празднику ожидается прибытие многих иерархов.

Памятен должен быть и деятелям внутренней миссии юбилейный праздник в честь высокопреосвященного Иоанникия, сердцу которого во всё время его иерархического служения Церкви Божией, близки были интересы и нужды миссионерского дела и заботы о вразумлении заблудших. Редакция «Миссионерского Обозрения», много обязанного своим возникновением тем же миссионерским заботам высокопреосвященного, берёт на себя смелость быть истолкователем, по случаю юбилея, тех признательных чувств, которые питает миссионерствующее пастырство и братия к этому благу, доблестному архистратигу воинствующим мечом слова Божия – архипастырю-юбиляру. Она изготовляет к юбилейному празднеству «Сборник избранных слов, речей, бесед и других поучительных произведений» высокопреосвященного Иоанникия, большинство которых совсем не появлялось в печати: смирение автора-проповедника скрывало доселе этот яркий светильник церковного слова под спудом личного архива Владыки. К «Сборнику» приложен будет портрет Владыки и биографический очерк истекшей жизнедеятельности юбиляра на пользу св. Церкви. Редакция усердно просит здравствующих самовидцев и свидетелей – сотрудников юбиляра на ниве Христовой (в Саратове, Нижнем, в Грузии и Москве) сообщить свои воспоминания, относящиеся, главным образом, к миссионерским трудам и заботам Высокопреосвященного Иоанникия. Как известно, в саратовской епархии и нижегородской, а равно и на московской кафедре киевский архипастырь не только всемерно располагал духовенство к миссионерскому труду по вразумлению раскола, – заводил миссионерские братства, кружки, – но и сам лично принимал живое участие в полемических беседах с

заблуждающимися. Близки и теперь дело упрочения внутренней миссии и её успехи сердцу маститого архипастыря, не смотря на многочисленность его забот и трудов в качестве первоприсутствующего члена Св. Синода и кормчего столь обширнейшего церковного корабля, как киевская епархия. Об этом можно судить хотя бы из недавних распоряжений Его Высокопреосвященства об улучшении организации киевской миссии и материального и служебного положения местных епархиальных миссионеров, равно о поощрении добре трудящихся на миссионерском поприще приходских пастырей и о взыскании с нерадивых, также об отношении миссионеров к церковной школе. Ободряющее и радующее впечатление должны производить на всех вообще тружеников миссии эти новые заботы о миссионерстве первоиерарха русской Церкви. Хотя распоряжения эти имеют местное значение, но выраженные в них первоприсутствующим членом высшего церковного управления мнения и взгляды по вопросам организации миссии не могут не иметь и вообще своего руководящего значения в этом ещё надлежаще не регламентированном деле. Для точности приводим новое киевское распоряжение о миссии в сообщенной нам официальной его редакции.

1, В целях лучшего материального обеспечения содержанием епархиальных миссионеров (кандидатов академии) Николая Белогорского и Саввы Потехина, открывшуюся за уходом со службы миссионера Арсеньева третью миссионерскую вакансию не замещать особым лицом, впредь до усмотрения; получаемое же Арсеньевым содержание распределить между Белогорским и Потехиным так, чтобы оклады последних, по примеру миссионеров других епархий, – напр. с.-петербургской, херсонской, харьковской, – равнялись 2000 руб. каждый, в том числе по 1500 руб. собственно жалованья и 500 руб. в год разъездных каждому миссионеру. 2) Признав, между прочим, для успеха миссии в епархии необходимым, чтобы окружные миссионеры оказывали более живое содействие епархиальным миссионерам в борьбе с сектантством и находились в более близких к ним отношениях,

вменить окружным миссионерам в обязанность зорко следить за состоянием сектантства в местном благочинническом округе, принимать с своей стороны и предлагать своевременно приходским священникам надлежащие меры к ослаблению сектантства в том или другом приходе, а в конце года представлять о своей деятельности и состоянии сектантства в округе в Консисторию отчёт, через местного благочинного; о выдающихся же явлениях в сектантстве (разумеются: совращение в сектантство и наиболее замечательные случаи возвращения в православие, особые мероприятия местной гражданской власти, состоявшиеся по делам о сектантах приговоры и впечатление ими произведённое на сектантов и на православное население и т. п.) доносить особо и немедленно Консистории и сообщать епархиальному миссионеру, по принадлежности, для его сведения и принятия мер, вызываемых положением дела. С этой целью приходы, заражённые сектантством, разделить на два по возможности равных округа, причём окружные и приходский миссии одного округа имеют состоять в ближайшем заведывании и под руководством миссионера Белогорского, а остальные – миссионера Потехина, которым надлежит изучить постепенно во всех подробностях приходы, заражённые Сектантством, и организовать приходские миссии, намеченные циркуляром киевского епархиального начальства 1893 года¹⁵⁰, там, где таковых нет, или состав их не удовлетворяет требованиям названного циркуляра и местным условиям. Для объединения же действий епархиальных миссионеров и направления епархиальной окружной миссии к одной общей цели, епархиальным миссионерам вменить в обязанность ежемесячно делать устные доклады о своих миссионерских поездках и результатах их преосвященному викарию, заведующему делами о сектантстве и расколе, а если бы указала надобность, то подавать и письменные рапорты, которые от усмотрения его преосвященства будет зависеть направить затем, смотря по их важности, к Его Высокопреосвященству или же передать в Консисторию для надлежащих распоряжений. 3) Вместе с сим подтвердить благочинным и с своей стороны иметь

особенное попечение о приходах, заражённых сектантством и бдительный надзор за деятельностью окружных миссионеров и приходских священников, внося особую отметку в клировую их ведомость об отношении к обязанностям окружной и приходской миссий, подобную той, какая принята относительно церковно-приходских школ. О миссионерах же и приходских священниках, нерадивых к делу миссии или неспособных, благочинные должны своевременно доводить до сведения епархиального начальства особыми рапортами. 4) Возможное улучшение церковно-приходских школ в приходах, заражённых сектантством, составляет постоянный предмет заботливости Епархиального Училищного Совета, с его отделениями, и епархиального и уездных наблюдателей, которыми и делается для достижения этого всё возможное. В то же время и епархиальные миссионеры с своей стороны и в интересах самой же миссии должны содействовать улучшению церковно-приходских школ в названных приходах. Независимо оттого, состоят ли они членами Совета или нет, они во всякое время могут и должны заявлять о замеченных нежелательных явлениях в постановке церковно-школьного дела в приходах, заражённых сектантством, как наблюдателям и уездным отделениям, так и Епархиальному Училищному Совету и даже непосредственно преосвященному председателю, епископу Сергию.

Последний, принимая живое личное участие в миссионерстве ведением публичных бесед с киевскими штундистами и близко зная нужды миссии, признал полезным поставить миссионеров ближе к школьно-просветительному делу, имея в виду, что, при тесном союзе со школой, миссия будет более сильна и благотворна в своём влиянии на народную среду. С этою целью преосвященный председатель сделал представление высокопреосвященному митрополиту о назначении епархиальных миссионеров членами Училищного Совета, каковое представление и утверждено Высокопреосвященным митрополитом.

Озабочиваясь скорейшим разрешением возбуждённого казанским съездом миссионеров вопроса об определении

служебного положения епархиальных миссионеров, их прав и преимуществ, Его Высокопреосвященство вошёл по сему предмету с представлением к г-ну Обер-Прокурору Святейшего Синода, где первоиерарх нашей Церкви высказывает своё авторитетное мнение, что, для упрочения миссии, путём привлечения на эту службу людей способных, с высшим образованием, и для удержания таковых на сём многотрудном поприще возможно долее, необходимо исходатайствовать для миссионерской должности служебные права и преимущества.

В пределах С.-Петербургской епархии, а именно – в одном из благочиний Ладожского уезда, 18 сентября состоялся первый опыт «миссионерского пастырского собрания», в котором приняли участие священники приходов, заражённых расколом, под руководством местного епархиального миссионера. Достоинно внимания, что отрядный опыт этот вызван инициативой самого же приходского духовенства, которое заявило о своём желании собраться и совместно обсудить ближайшие вопросы и нужды миссионерского дела в крае епархиальному миссионеру М. П. Чельцову, при посещении последним раскольничьих пунктов. По докладу г. Чельцовым об этой мысли ладожского духовенства высокопреосвященному митрополиту Антонию, Владыка благословил доброе начинание и высказал по этому вопросу своё высоко-авторитетное мнение, что он признаёт миссионерские пастырские собрания (или съезды) для совместного обсуждения вопросов миссии и объединения в деятельности весьма полезными и желательными: – необходимо, чтобы приходские пастыри сами усердно и умело работали на миссионерском поприще и были главными деятелями по вразумлению раскольников и сектантов.

Предполагается такое же миссионерское пастырское собрание и в гатчинском уезде. Таким образом, жизненная идея о пастырских миссионерских съездах (уездных, окружных, благочиннических), впервые осуществлённая в 1894 году в киевской епархии, всё шире и шире развивается. Отрадно, что и приходское духовенство начинает повсеместно глубже и глубже проникаться сознанием важности и необходимости долга

миссионерства среди заблудших чад своей паствы. В этом явлении нельзя не видеть несомненного успеха миссионерского дела в последние годы. Все епархиальные миссионерские съезды духовенства также единодушно высказывались в пользу учреждения окружных периодических миссионерских съездов духовенства, как меры наиболее полезной к поднятию в духовенстве и знаний по вопросам миссии и сектоведения, и энергии.

22 сентября состоялся в Одессе обычный миссионерский съезд местных деятелей миссии, членов Свято-Андреевского братства, для заслушания годовых отчётов о деятельности окружных миссионеров, и для обсуждения новых запросов о нуждах местной миссии. В первой половине сентября в Симбирске состоялся миссионерский съезд духовенства, сюда приглашён был преосвященным Никандром профессор казанской академии Н. Ив. Ивановский, в качестве руководителя съезда. Съезд этот посвящён был, главным образом, вопросам противораскольничьей миссии и инородческой. Подробные отчёты об этих съездах надеемся сообщить особо.

Обращаясь теперь, как мы обещали в прошлой книжке, к постановлениям таврического миссионерского съезда, считаем полезным отметить из них следующее.

О состоянии раскола и сектантства, подробно разобрав данные, съезд пришёл такому заключению.

Раскол старообрядства не представляется в таврической епархии опасным, так как не обнаруживает никакой жизненности в смысле влияния на православное население: случаев соращения в раскол из православия совсем не бывает, наоборот, присоединения к православной Церкви из раскола бывают. Съезд находил, что, при таком состоянии раскола старообрядства, миссионерское воздействие на раскольников может быть благотворно, а потому и признал желательным учредить противораскольничью миссию и проектировал образовывать особый округ; на должность миссионера этого округа съезд рекомендовал священника соборной церкви г. Бердянска

Александра Сопина, как человека сведущего в области противораскольничьей полемики.

Что же касается рационалистического сектантства, то съезд, признав, что молоканство, если не повсюду, то во многих местах, особенно там, где оно соприкасается с штундизмом, не только утратило свою жизненность, но находится даже в процессе особого брожения, чем и пользуется штундизм, распространяясь на счёт молоканства и всё более и более поглощая его. Поэтому съезд постановил: обратить особое внимание на штундизм и озаботиться изысканием мер для борьбы с ним.

Обратив внимание на недостаточность, неполноту и неточность статистических данных о расколо-сектантстве в таврической епархии, съезд постановил: 1) предложить приходским священникам завести церковные летописи, в которых вписывались бы полные и точные сведения о расколо-сектантстве в приходе; причём летописи эти в приходах, наиболее заражённых расколо-сектантством, должны быть заведены особые, отдельные от общей церковной летописи, а в остальных приходах – эти сведения должны быть вносимы в общую церковную летопись. По какой форме должна вестись эта летопись, обсудить этот вопрос в подробностях просить епархиальный миссионерский комитет. 2) Предложить приходским священникам вести поимённые списки имеющих в их приходах раскольников и сектантов; для исполнения же сего в потребных случаях просить гражданскую власть оказывать необходимое содействие.

Неутешительные сведения установлены на съезде о деятельности епархиального миссионерского комитета и окружных. Первый открыт в 1892 году; окружные комитеты открывались постепенно, также начиная с 1892 г. Как отделения епархиального миссионерского комитета, они должны были представлять ежегодные отчёты о своей деятельности этому последнему; но, за исключением ореховского комитета, ни один из комитетов таковых отчётов не представлял, а потому и епархиальный комитет не мог выполнять возложенной на него задачи – следить за деятельностью окружных комитетов. В 1896

г. епархиальный миссионерский комитет выработал устав приходских братств. Согласно сему уставу, и братства также должны представлять епархиальному миссионерскому комитету отчёт о своей деятельности. Между тем, комитет не получал не только таковых отчётов, но даже известий об открытии братств. Для удобства пастырей, при устройстве приходской библиотеки, комитетом учреждён книжный склад. Но последний оперирует очень слабо. Требований на книги почти не поступает. После обмена мнений выяснилось, что существование епархиального миссионерского комитета соответствует задачам миссии, особенно в виду того, что деятельность его не стеснена выполнением тех формальностей, которые неизбежны, напр., для Консистории. Между епархиальным миссионерским комитетом и многими священниками установились тесные доверчивые отношения. Вообще, комитет является полезным совещательным учреждением при епархиальном преосвященном, посредствующим между ним и духовенством в деле миссии. Много тормозит комитету при выполнении его задач неимение им в своём распоряжении никаких материальных средств. В виду сего, съезд признал нужным для успехов миссионерского дела образовать епархиальный миссионерский фонд и просил преосвященного сделать распоряжение об отпуске епархиальным свечным заводом ежегодно 500 рублей в этот фонд и об установлении ежегодного тарелочного сбора в Троицын день по всем церквам епархии. Вместе с этим съезд просил миссионерский комитет – составить воззвание и ежегодно с пригласительными листами для духовенства рассылать его перед сбором для произнесения в церквах; а Его Преосвященство – разрешить устройство в пользу миссионерского фонда духовных концертов в тех городах и селениях, где имеются духовные певческие хоры, и привлечь к участию материальными средствами в деле миссии монастыри таврической епархии.

Далее, из докладов миссионера, священника Павла Тихвинского, и свящ. о. Андрея Заводовского выяснилось, что окружные миссионерские комитеты заявили себя учреждениями, не достигающими своей цели, мертворождёнными, а поэтому

съезд пришёл к заключению: упразднить существующие ныне окружные миссионерские комитеты, а вместо них созывать в каждом уезде не менее раза в год миссионерские съезды при участии епархиального миссионера и местных земских начальников.

При обсуждении вопросов, касающихся приходской миссии, прежде всего отмечено было то обстоятельство, что число православных храмов в епархии далеко не соответствует численности населения. Есть приходы весьма обширные по своей территории, имеющие по одному приходскому храму с 2 и 3 причтами. Из доклада выяснено было печальное положение православных рабочих в немецких колониях, отстоящих на далёком расстоянии от приходских храмов, и выяснилось, что в епархии есть хутора, посёлки и колонии, не приписанные ни к какому приходу. По вопросу о способах вознаграждения приходских священников за требоисправления, издавна создающему почву для развития сектантства, выяснилось, что более удобный в миссионерском отношении способ вознаграждения священников за требоисправления есть общественное жалованье; неудобство заключается лишь в способах получения его через сельских старост; а потому выражалась желание, чтобы последнее выдавалось казначействами или земскими управами. По заявлению некоторых членов, не маловажным препятствием для успехов приходской миссии служит то обстоятельство, что некоторые из учителей земских школ открыто высказывают идеи толстовские и пашковские (в с. Зуях, напр., учительницей состояла 3-ая, явно сочувствовавшая толстовству).

Съезд признал необходимым для успехов пастырской миссии скорейшее устройство молитвенных домов в колониях и хуторах, и выразил желание, чтобы священники возможно чаще посещали немецкие колонии и отдалённые от приходских храмов посёлки и хутора для служения вечерен, и акафистов и для ведения внецерковных чтений и бесед. В частности, по отношению к молоканским сёлам Ново-Васильевке, Астраханке и Новоспасскому, по поводу доклада священника П. Дмитриевского, съезд выразил желание, видеть распоряжение о

том, чтобы сельское правление доводило до сведения священников о нанимающихся к хозяевам-сектантам православных. Так как число этих православных рабочих доходит летом до нескольких сот, а священнику самому трудно, и даже невозможно собирание о них справок у сектантов-хозяев, то желательно было бы обязать самих нанимающихся являться с праздничные, например, дни, к священнику, чтобы тот имел таким образом возможность ознакомиться с каждым из них и дать необходимые наставления, как вести себя в сектантском семействе. Съезд признал также безусловно необходимой приписку колоний, посёлков и хуторов к православным приходам в виду того, что в них, хотя бы коренное население было иноверное, инославное или сектантское, всегда могут проживать и обычно проживают православные рабочие. Съезд рекомендовал священникам внимательно наблюдать, чтобы ни под каким видом и никто не распространял в народе толстовских или пашковских идей, между прочим, и в школах; в случаях же, если это будет замечено, немедленно доносить епархиальному начальству. По поводу сего еп. Николай сделал такую отметку: «Об этом особенно просить всех. По моему мнению следовало бы таких господ отдавать под суд, а не кокетничать с ними». Съезд выразил далее желание, чтобы священники внимательно следили, чтобы ученики народных школ воспитывались в строго православном духе, чтобы учителя располагали их к посещению богослужений и проч. Выражено желание, чтобы священники посещали своих прихожан, обходя их дома перед праздниками Рождества Христова и Св. Пасхи, так как это способствует сближению их с пасомыми и даёт возможность священнику, став в близкие отношения к пасомым, иметь на них должное пастырское влияние.

Коснулся съезд и состояния церковного богослужения в православных храмах, которое оставляет во многом желать лучшего относительно пения и чтения в сельских церквях. В виду сего съезд просил его преосвященство вопрос о лучшей постановке церковного чтения и пения передать на обсуждение сведущих лиц для разработки его в частностях, и признал

желательным, чтобы устраивались курсы пения для учителей церковных школ и псаломщиков. Против этого постановления последовала такая отметка его преосвященства: «Всё это пустяки – никаких курсов не надо. Пусть слушают хорошее чтение и пение в семинарской церкви – вот и все курсы».

Признавая нужным оказывать приют и вспомоществование нуждающимся из воссоединяемых с православною Церковью некоторых иноверцев, инославных и сектантов, съезд просил бахчисарайское и топовское подворья, не найдут ли они возможным давать временный приют у себя таким лицам.

Для успехов миссионерского дела съезд проектировал реорганизовать нынешнее устройство таврической миссии: а) Учредить вторую вакансию епархиального миссионера, с местом жительства нового миссионера в бердянском уезде, в центре молоканского брожения. При этом, имея в виду особое положение старого и нового сектантства в этом районе, съезд признал более соответственным, чтобы миссионером было лицо светское, которому и у старого, и у нового сектантства легче завоевать доверие и искренность, чем духовному лицу, к которому относятся сектанты с явным предубеждением, б) На место окружных комитетов учредить должности ответственных окружных миссионеров, которые бы более зорко стояли на страже миссионерских интересов в данном районе, содействовали бы, как более опытные в полемике, приходскому духовенству к благовременному увещанию отпадающих и служили бы живыми посредниками между епархиальными – комитетом и миссионером. Всю епархию съезд проектировал разделить на пять миссионерских округов и ходатайствовал об испрошении из Св. Синода 2,000 р. на содержание окружной миссии.

Коме миссии противо-сектантской в таврической епархии съезд признал необходимым учредить миссию противомусульманскую. По справке, в таврической губернии проживает мусульман 109,322 мужского пола и 91,178 женского.

Для христианского воздействия на мусульманскую массу населения съезд проектировал ходатайствовать: 1) об учреждении вакансии противомусульманского миссионера и об

ассигновании из сумм Святейшего Синода потребных средств на содержание сей миссии, 2) об открытии земских школ в татарских деревнях с неперменным обязательством для учеников сих школ изучать русский язык, 3) об открытии церковно-приходских школ по образцу школы Ильминского; и 4) обратить внимание на местную татарскую учительскую семинарию, как рассадник учителей для татарских школ, не воспитывают ли муллы воспитанников сей семинарии в духе фанатизма. Кроме того, съезд признал, что было бы желательно издание брошюр нравственно-просветительного характера на татарском языке, местном наречии, для распространения среди мусульманского населения.

Обсуждая за сим вопрос о духовных мерах по ограждению православия и возвращении отпадших в лоно св. православной Церкви, и касаясь в частности проповедей и вне-богослужебных бесед, и чтений, – съезд высказался, что церковные проповеди не должны быть полемического характера, а апологетического, и, по возможности, кратки, дабы не утомлять слушателей. Вне-богослужебные беседы и чтения по своему содержанию должны разнообразиться: могут быть читаны статьи догматические, догматико-апологетические, исторические, напр., жития святых и назидательные рассказы. В промежутках бесед или чтений полезно делать общее церковное пение. Полковым священником о. Павлом Преображенским предложено во время внецерковных бесед заучивание текстов Св. Писания, особенно тех, которыми обличаются сектантские лжеучения, а во время литургии, после запричастного стиха, чтение из жития празднуемого святого. Преподавателем семинарии А. Л. Высотским предложено, чтобы в деревнях, удалённых от приходских храмов, внецерковные чтения (но не беседы) обязательно велись по праздничным и воскресным дням учителями и учительницами церковно-приходских школ и школ грамоты, а если возможно, то и земских; причём должны быть читаны статьи; заранее указанные священником.

При обсуждении того же вопроса – о вне-богослужебных беседах и чтениях, священником о. П. Преображенским было предложено вниманию съезда, не найдёт ли он удобным

завести в деревнях, удалённых от церкви, совершение обедницы, поручив совершать её известным лицам из прихожан. Съезд, принимая во внимание состояние епархии, заражённой сектантством, отрицающим авторитет Церкви и законность иерархии, постановил: отклонить это предложение, дабы подобные собрания не обратились в самочные сборища с духом сектантства.

На этом протоколе последовала резолюция Его Преосвященства такая: «Что касается открытия противомусульманской миссии, то я согласен ходатайствовать перед Св. Синодом, хотя, к сожалению, проект об этом выработан слишком обще. Относительно же других миссионеров, окружных при епархиальном миссионере, я не решаюсь входить с ходатайством в Св. Синод, ибо что же тогда будет делать епарх. миссионер?! Мне кажется следовало бы иметь епархиальным миссионером – монашествующе лицо, которое, не будучи связано семейной жизнью, могло бы чаще двигаться с места на место – и тем самым исполнять свою миссию. Сидя дома, многого не достигнешь в сём случае. Кроме этого, надлежит перебрать по существу и наличный состав духовенства в заражённых сектантством местах, – и заменить малодетельных и малоспособных более способными людьми. Что касается того, чтобы обязывать учителей и учительниц выполнять то, что составляет прямую обязанность приходского пастыря в приходе, то я не решусь на такой шаг, ибо эти люди и без того имеют много дела. Я полагаю, что священники могут просить лично от себя учителей и учительниц – оказывать им содействие, но не вменять этого в обязанность им».

Имея в дальнейших своих заседаниях суждение о прямых миссионерских мерах к увещанию колеблющихся и возвращению в лоно православной Церкви заблудших, съезд указал, что мерами этими должны быть беседы частные и публичные. Приходский священник должен пользоваться преимущественно частной беседой. Особенно неопытные священники не должны выступать на публичные беседы. Частная беседа должна быть искренней; священники должны вести её как у себя дома, так ещё лучше на дому у сектантов,

где будут присутствовать и др. члены семейства, может быть, уже колеблющиеся, а, пожалуй, и соседи. Беседу на известный предмет должно заводить как бы случайно, подтверждать её текстами из Св. Писания, а не ограничиваться общими фразами. Необходима и публичная беседа; она важна для того, чтобы публично же поразить вожаков и повлиять на массу; она должна быть в приходе праздником, – торжеством. Но вести её надо не иначе, как при участии и под руководством опытного миссионера. Каждому священнику необходимо иметь у себя правоспособных людей – помощников в миссионерском деле, которые бы следили за сектантами, не пропагандируют ли они своё лжеучение, с кем из православных входят в близкое общение, кто из православных под их влиянием начинает колебаться в вере и проч., – которые затем могли бы и увещевать колеблющихся из православных, а также и самих сектантов. Такими помощниками всего удобнее могут быть члены приходского братства, почему последние желательно открывать повсеместно в приходах, заражённых сектантством: хорошо бы было, если бы такие лица получали для этого дела хотя некоторую подготовку. Посему желательно было бы, чтобы лица эти вызывались недели на 3–4 на миссионерские курсы для изучения миссионерского дела. Курсы эти не обязательно устроят в губернском городе: они могут быть и в других местах – не только городах, но и в деревнях, где окажется возможно или удобно.

При обсуждении вопросов об окружных и приходских библиотеках, съезд постановил: заводить окружные, в каждом благочинническом округе, библиотеки, которыми могло бы пользоваться духовенство соответствующего благочиннического округа. Кроме того, при каждой церкви необходимо должна быть приходская библиотека; каталог книг, необходимых в окружных (благочиннических) и приходских библиотеках поручено составить епархиальному миссионерскому комитету и напечатать затем в «Епархиальных Ведомостях».

Во многих сёлах открываются при народных чайных читальни. Желательно, чтобы в них выписывались удобопонятные для народа книги и брошюры для религиозно-

нравственного чтения, как напр., троицкие книжки, книжки с рассказами, издаваемые при «Миссионерском Обозрении», жития святых и др. под. Съезд обратил на это внимание приходских священников и просил их зависящими от них мерами стремиться к исполнению предположенного.

Предложено приходским священникам озаботиться открытием приходских братств в целях как общего религиозно-нравственного просвещения православного населения, так и специально миссионерских.

Всесторонне обсуждён был съездом и вопрос о школах, как одном из главных средств для религиозно-нравственного просвещения в духе православной веры подрастающего поколения и вместе для борьбы с расколо-сектантством. Признано, что церковно-приходская школа более, чем земская, отвечает такому назначению, так как в ней священник, как руководитель всего дела обучения и воспитания, может иметь большее влияние на учеников, чем в земской. А потому съезд просил епархиальный Училищный Совет, не найдёт ли он возможным озаботиться открытием церковно-приходских школ в тех местах, где это требуется в миссионерских целях. Относительно земских школ постановили: предложить священникам внимательно следить за религиозно-нравственным воспитанием учащихся для направления его должным образом; в случаях, если будут встречаться препятствия внешние, обращаться за указаниями к епархиальному начальству; просить Его Преосвященство войти в сношение, с кем следует, об усилении церковности в земских школах (напр., чтобы ученики неопустительно в дни праздничные ходили к богослужению в храм, сопровождаемые школьным учителем, чтобы усерднее и тщательнее было изучение славянского языка, чтобы дети привлекались к участию в чтении и пении при богослужении и пр.). Желательно, чтобы дети сектантов привлекались для обучения в школы, особенно-церковно-приходские. При рассуждениях по сему вопросу выяснено, как сектантских детей следует (лишь постепенно – без насильствования их совести) располагать к православной вере и Церкви, церковному богослужению и

обрядам. Предложено на уроках по Закону Божию, особенно в школах, где обучаются и сектантские дети, пользоваться *примерной программой*, составленной священником И. Ольшевским (напечатано в книге: Деяния 3-го всероссийского съезда миссионеров в г. Казани). – Затем съезд, вследствие письменного доклада священника П. Дмитриевского и устных докладов священников Н. Блошенко и Н. Высотского, занялся обсуждением вопроса о сектантских школах, т. е. таких, в которых обучаются дети исключительно сектантов, каковы школы в сёлах Астраханке и Ново-Васильевке, Бердянского уезда, в деревне Мангуш Воинского прихода, Перекопского уезда, и некоторых других. Постановили: Просить Его Преосвященство снести с кем следует, не найдено ли будет возможным: а) чтобы в сектантские сёла учителями назначались окончившие курс учения в духовной семинарии, б) чтобы в них преподавался Закон Божий, хотя бы в объёме Священной Истории Ветхого и Нового Завета (доселе в земских сектантских школах, имеющих в с. Ново-Васильевке и Астраханке, дети совсем не обучаются Закону Божию) и чтобы преподавание его было поручаемо или приходскому священнику, или же хотя бы учителю; но в последнем случае тем более необходимо, чтобы учителями были лица, окончившие курс учения в духовной семинарии.

Занимались обсуждением вопроса о том, когда и как следует пользоваться содействием гражданской власти в отношении сектантов. Выяснилось, что, в случаях пропаганды, публичного оказательства сектантства или же попустительства со стороны местных властей священник должен просить указаний епархиального начальства на предмет сношений с гражданской властью с просьбой об оказании содействия. При этом В. М. Скворцов указал, что священнику в подобных случаях самое лучшее относиться в епархиальный миссионерский комитет *конфиденциально* – с тем, чтобы миссионерский комитет, производя исследование дела или делая необходимое представление гражданской власти, не упоминал имени священника, сообщившего факт.

На протоколах съезда заключительная резолюция Его Преосвященства последовала такая: «Читал. Со многим согласен и готов содействовать к исполнению, а многое признаю неудобноисполнимым и даже совершенно непрактичным. Для чего тут курсы миссионерские и псаломщицкие, когда в епархии есть семинария, женское и духовные училища, – есть епарх. наблюдатель, миссионер и т. п. лица?! Пусть в семинарии и духовных училищах учат мальчиков и девочек толково читать и петь – вот и курсы; пусть епарх. наблюдатель и епарх. миссионер чаще ездит по своим участкам – и беседуют с учителями, священниками и псаломщиками и дают *пробные уроки* и руководственные указания, собирая для сей цели ближайших священников, псаломщиков и учителей грамоты, – тогда не надобно никаких курсов и пр. Вместо миссионерских окружных съездов можно тоже дело вести *на десятковых благочиннических съездах* – вот и всё. Тут меньше будет и траты времени, и труда, и денег, а будет тоже самое, если ещё не лучше. Весь секрет в том, кто будет только руководить: для этого, по моему мнению, надобно иметь хорошо сведущих в своём деле наблюдателей и миссионеров, больше ничего. Что касается бездеятельности комитетов всякого рода, то я думаю, что они у меня заработают очень скоро и оживлённо, когда я буду смещать ленивых и нерадивых и на их место ставить лучших в епархии священников. – Поменьше только канцелярщины и формализма, а побольше духа и жизни, инициативы, – иногда дело пойдёт скоро и успешно. Но для этого надобно строже относиться ко всякому явлению в жизни церковно-общественной».

К Таврическому съезду, столь широко захватившему самые живые вопросы миссии, мы возвратимся и ещё раз.

Э. Я.

В-в Алексей. Московский раскол. // Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 410–414

Новый (дачный) собор раскольников лже-архиереев. – Раскольничьи книгоноши. – Новая лже-архиерейская кафедра. – Следствие над столичным лже-диаконом-торгашом. – Лишённая погребения купчиха.

В числе позднейших крупных событий в жизни московского раскола – следует отметить новый собор раскольников лже-архиереев. Пребывание на даче архиепископа старообрядческого очень способствовало тому, чтобы и собор состоялся здесь, а не в Москве; это имело много своих удобств: и беспокоиться лже-владыке поездкой в Москву не надо было, да оно как-то и свободнее за чертой столицы чувствовалось собравшимся на собор старообрядческим лже-архиереям. Собралось их на этот раз, впрочем, немного. Прибыл небезызвестный Онисим Васильевич Швецов, глаголемый Арсений, епископ уральский, приехал Анастасий измаильский, Иона смоленский, кажется, даже и не уезжавший в свою смоленскую раскольничью епархию со времени последнего собора, наконец, этот сонм раскольников иерархов дополнял сам Иоанн Картушин. Впрочем, не всё время соборные заседания происходили на даче у Картушина в селе Федурнове, иногда собирались потолковать члены собора и в Москве то там, то здесь, но окончательные постановления делались все же в Федурнове.

Если припомнят читатели, на последнем соборе раскольников лже-архиереев обсуждался вопрос об учреждении раскольников братств с целью противодействия успехам православия и пропаганды раскола. С такими же целями на новом соборе было решено завести книгонош, которые бы ходили по стогнам и весям Российской Империи, всюду проповедуя лжеучение раскола. Особенно сильно настаивал на необходимости таких книгонош Онисим Васильевич, что весьма и понятно. Чуть ли не половина всей новейшей раскольничьей литературы принадлежит перу этого

пресловутого апологета раскола, и, конечно, ему и приятно, да и выгодно с материальной стороны будет усиленное распространение по всей России его сочинений. Корыстную цель хитрый расколоучитель сумел замаскировать своим рвением к укреплению таким путём якобы «древляго благочестия», – и вопрос о книгоношах был решён лже-архиереями единогласно в утвердительном смысле. В книгоноши было решено выбирать людей, твёрдо убеждённых в правоте раскола, начитанных и способных к проповедничеству, ибо одновременно с продажей книг, им будет вменяться в обязанность и миссионерство раскола, т. е., – другими словами, – бродя среди тёмной массы деревенских мужичков, они должны будут поносить, елико возможно, Церковь православную и убеждать в истинности и непреложности раскольничьих взглядов и понятий. Для привлечения таких «достойных» людей в кадр книгонош, решено было им не только назначить жалование «из общественных сумм», но для более успешного распространения раскольничьих сочинений заинтересовать их и отчислением известного процента стоимости книг в пользу продавцов. Смелая и явно незаконная затея. И после всего этого, ещё наши старообрядцы везде и всюду плачутся на стеснение, свободы их в делах веры. Нет, при стеснениях не затевались бы новые и новые способы для открытой борьбы с господствующей Церковью, не делались бы на незаконных соборах определения и постановления, противоречащие самым основным законам государства, подданными да ещё верноподданными которого наши раскольники так любят себя выставлять!

Кроме вопроса о книгоношах, на соборе в деревне Федурнове обсуждался вопрос о необходимости увеличить число раскольничьих архиерейских кафедр и решено было поставить нового раскольничьего архиерея для области войска донского.

Собравшиеся в Москву «на собор» старообрядческие архиереи по обычаю, заведённому уже давно, посетили и Нижегородскую ярмарку, где они собрались в торговом помещении строителя и попечителя безводненского

австрийского скита – Сергея Васильева Кренделева. На этом соборе присутствовало пять австрийских лже-архиереев во главе с Арсением Швецовым и несколько членов московского раскольничьего «Братства св. Креста». Обсуждению собора подлежали те же вопросы, что и в Москве, но любопытным является постановление лже-архиереев: сделать распоряжение об отправлении во всех австрийских церквях и моленных благодарственного «молебна» по случаю прекращения противораскольнического журнала «Братское Слово», издававшегося профессором московской духовной академии Н. И. Субботиным и столь много лет разоблачавшего лживость и незаконность учреждения раскольничьей белокрыницкой иерархии.

С наступлением дождливой осенней погоды, московский раскольничий лже-архиепископ перебрался с дачи на свою постоянную резиденцию в Москву, но уже не на старую и запущенную Апухтинку, а в заново отделанный домик в Рогожском тупике. Вопреки ожиданиям московских раскольничьих попов, которые думали, что на новой резиденции их архиерея не будет моленной, Картушин, по их выражению, «поставил-таки и здесь станок», – т. е. завёл походный алтарь, где и совершает службы по заказам богатых раскольников. Огорчённые настоятели моленных в этих ежедневных службах своего архиерея видят большой ущерб своим доходам, так как, конечно, для всякого мало-мальски зажиточного старообрядца гораздо более лестно, чтобы по его заказу службу правил сам «владыка», а не простой поп. Не забыл лже-архиепископ раскольничий и прежнее свое попелище Апухтинку, где, с целью поддержания её доходности, совершает по праздникам богослужение по просьбе местных жителей.

Из текущих дел некоторого внимания заслуживает приезд в Москву гуслицкого раскольничьего попа Александра с ходатайством к Картушину о снятии с него запрещения, которому он был подвержен за то, что повенчал брак в недозволенных степенях родства. Не смотря на слёзные просьбы, Картушин остался непреклонен; и лже-попу Александру так и пришлось убраться восвояси, что называется «не солоно хлебавши».

Из Петербурга приезжали к лже-архиепископу раскольничьему попечители Громовского кладбища с жалобой на кладбищенского дьякона Григория Кабанова, который, к великому соблазну прихожан, совсем игнорирует своими дьяконскими обязанностями, всецело занявшись куплей и продажей заложенных домов. Занятие это показалось громовским попечителям недостойным священнослужительского звания, и вот они представили решение интересующего их вопроса на суд казачьего урядника в архиерейской мантии.

Картушин отрядил в Петербург для производства следствия над дьяконом-торгашом своего секретаря Алексея Богатенкова. Следствие ничего хорошего домоторговцу не предвещает и, как слышно, Картушин решил «уволить» дьякона Кабанова с Громовского кладбища, тем более, что он уже был раз подвергнут запрещению ещё покойным Савватием за какую-то «историю с кружкой».

Большие разговоры среди московских старообрядцев возбуждает следующий факт. Несколько времени тому назад, у одного из рогожских старообрядцев г. Г-а умерла скоропостижно жена, давно уже страдавшая застарелым алкоголизмом. Умерла она от разрыва сердца, что было следствием её болезни и что уже неоднократно ей предрекали врачи. Лже-архиепископ раскольничий приравнял её к «опившимся» и на этом основании решил лишить ее «погребения христианского», т. е., запретил раскольничьим попам совершать над ней панихиды и обряд отпевания.

Так не отпетую купчиху и похоронили на Рогожском кладбище, но это не помешало кладбищенским попам и дьяконам явиться на помяновенную трапезу и помянуть покойницу водочкой «из чайничков», так как из бутылок на поминках пить, по убеждениям раскольников, – «грех», а из чайничков, должно быть, – ничего.

Более разумных старообрядцев факт этот интересуется с принципиальной точки зрения: прав ли или не прав был Картушин, лишив погребения умершую от аневизма старообрядку?

Алексей В-в

**Вишневский Н. Из мира заграничного сектантства
Московский раскол. // Миссионерское обозрение.
1899. № 2. С. 414–417**

Паломничество квакеров и происшедшие изменения в обычаях и воззрениях этой секты. – Равноправность в секте женщин. – Слабые успехи «Армии Спасения» в Париже и ночлежный дом. – Швейцарские мормоны. – Новая американская секта «первобытных» святых. – Щедрость англичан на церковные и миссионерские учреждения.

У бельгийских квакеров вошло в обычай предпринимать два раза в год паломничество в Жордан, где покоится прах основателя их секты Виллиама Пенна. Паломничества эти приурочены к определённом дню, который называется у них «днём покоя». В этот же день происходит здесь и собрание квакеров в их знаменитом «доме собрания друзей». По поводу последующего такого собрания газета «Patriote» сообщает некоторые не лишённые интереса сведения о секте квакеров.

Секта квакеров никогда, даже в наиболее блестящие периоды своей истории, не насчитывала в Англии более 200,000 последователей, в настоящее же время едва насчитывает и четверть этого числа. Тем не менее квакеры продолжают пользоваться значительным влиянием, далеко не пропорциональным их численности.

За последнее время «Общество друзей», как называют себя квакеры, несколько отступило от тех суровых нравов, которыми так долго отличались ученики Пенна и Георга Фокса. Квакеры оставили теперь свои прежние странные костюмы, которыми ещё сорок лет тому назад привлекали на себя внимание и возбуждали улыбки прохожих. Теперь и квакеры, и их женщины одеваются, как все люди.

Отступления, впрочем, касаются и некоторых других сторон. В 1895 году «Общество друзей» устроило в Манчестере нечто в роде конгресса. На этом конгрессе М. Braithwaits, один из делегатов Лондона, говорил, что прежде квакеры считали для себя обязательным законом подавлять в себе вкус к

прекрасным искусствам, но теперь начинают признавать, что эти искусства «заклучают в себе известное откровение Духа Божия». Вот, заключает газета, терпимость, которая соблазнила бы Георга Фокса и его непосредственных преемников. Если квакеры начинают соглашаться, что живопись, поэзия и музыка не суть изобретения дьявола, трудно сказать, куда придут по этому новому пути. Может быть, они кончат тем, что станут читать романы и ездить на балы.

Квакеры были первой сектой, признавшей равноправность полов в религиозном отношении. Култ квакеров, как известно, отличается не меньшей странностью, чем простотой. Собравшись в своём «доме собрания» (Miting house), они спокойно сидят, пока на кого-либо из них не сойдёт «дух». Бывает, что в иной день дух ни на кого не сходит; тогда они, просидев некоторое время в напрасном ожидании, расходятся. Бывает также, что дух сойдёт на женщину. Тогда осенённая начинает говорить и... кончает не скоро.

В заключение газета приводит следующий рассказ, более, впрочем, похожий на анекдот. Когда однажды в собрании квакеров красивая девица красноречиво проповедовала о верности данной клятве, по окончании проповеди один молодой человек подошёл к проповеднице и заявил ей о своём желании поцеловать её. Та, конечно, запротестовала. «Но я поклялся поцеловать вас!» – «Ах, ну в таком случае извольте, только впредь не давайте подобных клятв».

До недавнего времени, читаем в «Petit Bleu de Paris», армия спасения, насчитывающая в Англии и Америке тысячи горячих последователей, не имела особенного успеха во Франции. Здесь в ряды армии вступали лишь немногие босяки, готовые пожить на чужой счёт, а вместо денежных пожертвований проповедники спасения собирали обильную лепту хохота и насмешек.

Поняв, что одними молитвами и публичными процессиями французских грешников трудно обращать на путь спасения, салютисы решили прибегнуть к более практическим средствам и в сентябре прошлого года, открыли в знаменитой теперь улице Шаброль ночлежный дом для рабочих, временно остающихся

без работы. Организация этого учреждения, как её описывает сотрудник «Petit Bleu», заслуживает некоторого внимания. Дом рассчитан на 235 ночлежников. Кроме спален, в нём имеются: столовые, ванны, прачечная и дезинфекционная камера. За плату в 40 сантимов ночлежник имеет кровать, ванну, душ и получает право на вход в прачечную, где ночлежники моют и сушат своё бельё. Из общего числа 235 мест 25 всегда удерживаются и предоставляются беднейшим за плату 20 сантимов. По правилам ночлежник за 20 сантимов получает только постель, но в действительности он пользуется всеми преимуществами наравне с внёсшими 40 сантимов. Ночью, когда посетители спят, платье их подвергается дезинфекции. Утром каждый ночлежник может оставить за собой место (места занумерованы) и на следующую ночь, внеся установленную плату. Этим правом каждый может пользоваться в течение трёх месяцев, каковой срок считается достаточным для приискания себе рабочим постоянного занятия.

За особую плату ночлежникам выдаются завтраки и обеды. Цены очень умеренные: суп 10 сант., овощи – 10, бульон – 10, хлеб – 5, чай, кофе, какао – 20, маленькое мыло (для умывания или для стирки белья) – 5 сант. Вследствие этого клиенты дома отличаются значительным постоянством и случайные ночлежники бывают в нём редко. Мера эта, конечно, даст свои благие последствия в отношении вербования новых членов секты.

По сведениям газеты «Stalie», в Швейцарии в настоящее время мормонов насчитывается 1001, в том числе 307 детей, не достигших восьмилетнего возраста. Клер мормонов составляют: 11 старейшин, 21 священник, 13 наставников и 6 мирских братьев. Кроме того, имеется 27 миссионеров, которыми в 1898 году распространено 27,075 экз. брошюр. Президентом мормонской миссии в Швейцарии состоит некто М. Бауман.

В Северной Америке появилась новая секта, последователи которой называют себя «первобытными святыми». К особенностям секты относятся: отсутствие проповедников, как особого класса, собрания только на открытом воздухе и особенное пристрастие последователей её

к пляске, которая несколько напоминает танцы некоторых индейских племён, а также к свисту, который на их собраниях играет такую же роль, как пение и игра на гудке. Собрания обыкновенно начинаются всеобщим взаимным целованием, после которого собравшиеся садятся и ждут наития духа. Внезапно кто-либо из присутствующих поднимается и затягивает песню; прочие подпевают ему и подвывают на гудках. Затем, все начинают ту же духовную мелодию насвистывать и, наконец, все пускаются в пляску. Крик шум, восклицания «аллилуйя» потрясают воздух. Пляска продолжается до тех пор, пока все не попадают в изнеможении, и тогда богослужение прекращается само собой («Börsen Zeitung»).

Никакая другая страна в мире не даёт таких щедрых приношений на религиозно-миссионерские и благотворительные дела, как Англия. По приблизительному расчёту в прошлом 1898-м году таких добровольных пожертвований на религиозные, педагогические и благотворительные дела только по одним завещаниям было оставлено на 15 миллионов рублей. Газеты рассчитывают, что кроме того в пользу собственно англиканской церкви поступило около 60 миллионов рублей. В течение десятилетия с 1883 по 1893 год добровольных пожертвований поступило на церковное строительство около 135 миллионов рублей. В течение последней четверти века на миссии собрано было 170 миллионов рублей и на религиозные школы около 222 миллионов рублей. Все эти данные, однако, значительно позади действительности, так, как большие пожертвования поступают прямо в церковно-религиозные общества, профессиональные госпитали и дома бедных, а также и в руки миссионеров, так что нет никакой возможности учесть всё до точности.

Одним из самых больших миссионерских обществ в Англии оказывается «Церковное миссионерское общество», которое в настоящем году отпраздновало свой столетний юбилей. Начавшись с малого, оно разрослось в весьма большое и богатое общество, доход которого к пятидесятилетнему юбилею достигал до 750 тысяч ежегодно. Теперь к 100-летнему юбилею этот доход возрос уже до 3.000,000 рублей ежегодно (300,000

фун. стерл.)! А ведь рядом с этим обществом в Англии существует ещё несколько почти столь же больших миссионерских обществ, и все они располагают такими же огромными, доходами!

Н. Вишневский

Библиография

Павлович М. [Рец. на:] Творения св. Ипполита, папы Римского, в рус. переводе, в. II изд. Каз. Дух. Акад. 1899 г. // Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 417

Св. Ипполит, папа Римский, много в своё время потрудился над уяснением вопроса о лице антихриста и признаках его пришествия в мир, и достаточно сделал к успокоению мятущихся по поводу этого вопроса умов. Не удивительно поэтому что сочинения его были всегда в большом уважении среди христиан. Очень рано, ещё в XII столетии, как свидетельствует Чудовская рукопись, появилось сочинение св. Ипполита «слово об антихристе» и среди русских, в переводе на древнеславянский язык; но особенное распространение получило среди наших предков другое, приписываемое прежде этому автору сочинение «слово о кончине мира, и об антихристе, и о втором пришествии Господа нашего Иисуса Христа». Это последнее вошло в состав книги, известной под именем «Соборника», изд. п. Иосифа. Критика позднейшего времени, признав первое за действительно принадлежащее св. Ипполиту слово, второе нашла подложно ему приписываемым. Тем не менее, среди раскольников пользуется авторитетностью не первое, а второе – в виду удобных для раскольниковых мудрований выражений последнего; первое же среди них совершенно не известно. Перевод Казанской Академии первого слова на ряду со вторым – подложным приобретает поэтому для миссионеров должное значение. Из сопоставления этих двух слов читатель может видеть, как действительно учил св. Ипполит и что в его учении нет ничего благоприятного для раскольниковых толкований о духовности антихриста. Переводчики снабдили как первое, так и второе слова предварительными предисловиями и примечаниями.

Для борьбы с расколом этот выпуск весьма полезен. Цена ему не велика – один рубль с пересылкой. Выписывать можно из Казанской Дух. Академии.

М. Павлович

Чельцов М. [Рец. на:] Плотников К. свящ. История русского раскола, известного под именем старообрядчества. Изд. 3-е вновь исправл. 1898 г. // Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 418–421

Книга Олонецкого миссионера о. Плотникова хорошо известна людям, интересующимся судьбами нашего раскола; во многих семинариях она введена в качестве даже учебника. О распространённости этого труда почтенного автора говорит уже сам факт выхода её третьим изданием. В этом последнем издании она, по словам автора, вновь исправлена. Не имея под руками первых двух её изданий, не можем, к сожалению, сказать, насколько существенны эти исправления. Насколько помнятся первые её издания, исправления в третьем коснулись несущественного, а недостатки – остались прежние и здесь. Для пользы дела и в тех видах, чтобы их не было в дальнейших изданиях, укажем более важные, замеченные нами, недостатки 3-го издания книги о. Плотникова.

О. Плотников начинает с выяснения «понятия о русском расколе». Так, конечно, и должно быть. Но не говоря уже о неполноте этого заглавия и его неопределённости (какого раскола?), обещанного понятия не дано. Автор не постарался выяснить, что такое раскол вообще и что такое старообрядчество? Понятия эти обычно смешиваются и часто отождествляются, а поэтому поставление их в надлежащие одного к другому отношения существенно необходимо, – тем более в книге, претендующей на «учебное пособие». Нельзя не отметить прежде всего непростительной ошибки в самом определении раскола, известного под именем старообрядчества. Этот, по автору, «представляет собой уклонение некоторой части русских людей от православия». Уклонение от православия есть, как все мы привыкли думать, ересь, а раскол – непослушание церкви, иногда даже с содержанием чисто православного учения (раскол новациан, четвередесятников и др.). Далее: «это уклонение не было необходимостью ни для православной церкви, ни для самих

уклонившихся, а *потому* (курсива наш) раскол – явление не желательное для церкви, это – болезнь её». Неужели для Церкви может быть когда-нибудь отклонение от православия необходимостью? И неужели «это отклонение» *потому* только раскол, что оно не было необходимым? – Не верно и то, что обрядоверие составляет только «существенную характеристическую черту нашего раскола»: не черту, а всё его содержание, всю его сущность. Не пустое слово «раскол старообрядчества». В нём-то и суть вся.

Причин, подготовивших раскол русской церкви, автор насчитывает четыре: приверженность русских к обрядовой стороне религии, крайняя скудость образования, религиозное самомнение их и состояние церковно-богослужебных книг. Понимай так, по автору, причины, их можно насчитать целый десяток. Автор упустил из виду – то основное положение, что в ряду причин какого-либо явления не должно быть таких, из коих одна служит в свою очередь причиной другой. А состояние церковно-богослужебных книг, равно как и самомнение русских именно и было следствием первых из указанных автором двух причин, точно так же, как и приверженность русских к обрядовой стороне религии и низкий уровень образования вели к одному – к обрядоверию, как основной причине происхождения раскола. Впрочем, в данном случае наш автор повторяет ошибки других составителей учебных пособий и руководств по истории раскола. Если русский раскол есть явление «русское», за какое почитает его наш автор, то и причина его появления должна заключаться в самом же русском народе, в его духе, верованиях, жизни, идеалах и т. д., а не в чём-то внешнем, побочном, бывшем у всех народов и во все времена. Причина появления раскола одна, и она заключалась в мирозерцании русского народа. Мирозерцание это единственно религиозное в то время, состояло в том, что русские только своё православие, понимаемое, как содержание в целостности русских обрядов, чинов и книг, как отклонение и неприятие нерусского в этой области, почитали за единственно истинное, христианское. Это мирозерцание действительно, слагалось из двух основных факторов – из обрядоверия и религиозного

самоmnения, чему причиной было: обращение русскими в деле религии преимущественного внимания на обрядовую сторону и состояние образования. Если мирозерцание русского народа – будет показателем того, как думали о себе русские, то состояние его богослужения, обрядности и церковных книг будет свидетельствовать, каковы были русские на самом деле, в самой жизни. И вот, когда действительность показала, что русские ошибались в собственной идеализации, то упорная и фанатичная часть из них и явилась на стороне раскола. Это было причиной протеста первых расколо-учителей, а не желание «отомстить» п. Никону, как думает о. Плотников (стр. 31).

Когда же появился раскол? В книге о. Плотникова не даётся на это одного определённого ответа; он ни разу не обмолвился, какой факт или момент следует почитать за начало обнаружения раскола и откуда нужно вести историю его. А это знать весьма важно для обличения раскольников.

История беспоповщины и поповщины автором представлена довольно обстоятельно. Не знаем только, откуда он взял, что учение беспоповцев о духовном антихристе появилось чуть ли не в половине XVIII в. (стр. 80). Так толковали его ещё некоторые современники расколо-учителей. – По обычаю всех составителей историй раскола, наш автор, увлечшись изложением внешней стороны жизни поморцев и федосеевцев, не представил хода развития их внутренней доктрины, её современного состояния в пунктах различия и сходства федосеевщины и поморовщины. – Недостаточно сообщено о современном состоянии только приемлющих австрийское священство; а о попытках к соединению окружников и неокружников, что так волнует поповщину в течение последних 20 лет, автор умолчал почему-то совершенно.

В целях применения к семинарской программе своей истории, автор не обратил внимания на желания более чем 30 преподавателей в семинариях по истории и обличению раскола, выраженные на съезде в Казани: а) выделить в особый отдел обзор правительственных мероприятий по отношению к

расколо-сектантству и отнести его к числу несущественных вопросов для полемики, б) обратить большее внимание на ознакомление учеников с ныне действующими законоположениями и главнейшими кассационными решениями Сената, в) обзор духовных мероприятий поставить как особый отдел, и г) история единоверия должна составлять также особый отдел, хотя бы под заглавием «возвращение раскольников к православию» (Деяния 3-го мисс. съезда в Казани изд. 1897 г. стр. 270).

Нельзя не обратить внимания на неопределённость выражений у автора, особенно, где дело касается хронологической точности. Излагая то или другое учение, он, за редкими исключениями, не разделяет того, как учили, от того, как теперь учат. Отсюда – читая, постоянно останавливаешься с недоумениями, к какому периоду жизни того или другого толка отнести то или другое учение. Это – существенный недостаток книги.

Указанные нами недостатки книги, разумеется, не умаляют её достоинств, засвидетельствованных уже фактом быстрого её распространения, чего желаем ей и в третьем – её издании. Труд о. Плотникова во всяком случае лучшая из всех других историй о расколе по полноте собранных в ней исторических данных.

Цена книги 1 руб. с пересылкой, выписывать должно от автора – преподавателя олонецкой, д. Семинарии.

Овсянников Е. [Рец. на:] «Перст Божий». Сборник назидательных сказаний из современной жизни. Составил и издал А. Кириллов. Выпуск пятый. 1893 г. I–II+73. // Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 421

А.Л. Кириллов вот уже несколько раз издаёт отдельными брошюрами «назидательные сказания из современной жизни», заимствуя их из различных «Епархиальных Ведомостей», «Воскресного Дня», «Воскресного чтения», «Кормчего», «Церковных Ведомостей» и других периодических изданий. Настоящий выпуск по счету пятый. В нём помещены рассказы под рубриками: 1) «Истинность св. православной веры»; 2) «Сила веры и молитвы. – Благ Господь всем боящимся Его»; 3) «Внемли себе. Господь поругаем не бываем»; 4) «Из области необъяснимого».

Для укрепления, с одной стороны, веры в истинность св. православной церкви и надежды на высшую помощь, а с другой – для побуждения к деланию добра и отвращения от зла, составлен настоящий сборник назидательных сказаний из событий последних лет и предлагается благосклонному вниманию верующих в простоте сердечной в промыслительное действие о нас спасающей благодати Божией. Некоторые рассказы, напр.: «Побуждение Пресвятой Богородицей одной молодой женщины раскольницы к исповеди и причащению св. Таин», «Кара Божия над закоренелыми религиозными фанатиками», «Наказание Божие за кощунство», «Кара раскольника-хулителя св. угодников Божиих», «Наказание Божие за хулу св. церкви и её пастырей», «Чудесное исцеление от иконы Божией Матери Всех скорбящих Радости» и др., с большой пользой могут быть прочитаны на собеседованиях для обличения раскольников и сектантов.

Эти живые рассказы о явной милости Божией, оказываемой сынам св. православной церкви, лучше всяких отвлечённых рассуждений могут иногда воздействовать на загубелые сердца раскольников и сектантов. Поэтому мы сочли нужным

рекомендовать брошюру «Перст Божий» вниманию деятелей нашей внутренней миссии. Цена сборнику 10 коп. (вместо 20), сотня – 8 руб.

Брошюра продаётся в «Частной Донской Типографии» в г. Новочеркасске.

Е. Овсянников

Н. Булгаков [Рец. на:] Краткая история и вероучение русских рационалистических и мистических ересей: духоборцев, молокан, десного братства, штундо-баптистов, пашковцев, толстовцев, хлыстов и скопцов. Священника-миссионера Н. Кутепова. Издание второе, исправленное и дополненное. Новочеркасск. 1899 г. in 8° стр. 89; цена 30 коп. // Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 422–423

Подробный библиографический отзыв о первом издании настоящей книжки о. Кутепова был уже сделан нашим журналом (см. «Миссион. Обозр.» 1897 г. март–апрель, кн. 1-я, стр. 332–335). Выпуская вторым изданием «Краткую историю и вероучение русских рационалистических и мистических ересей» о. Кутепов делает в ней некоторые существенные исправления и дополнения. Так он оставляет прежнее неправильное название штунды (*баптизмо-штундизм*) и более обстоятельно, насколько это позволяет общий объём его книжки, трактует об этой ереси (стр. 43–56); равным образом, в рассматриваемой книжке о. Кутепова мы уже находим краткие сведения о секте пашковцев и о толстовщине (стр. 56–61). Для полноты дела была бы нелишне автору привести в своём труде мнение 3-го Всероссийского миссионерского съезда, который постановил считать пашковщину сектой, совершенно однородной со штундизмом, – в силу чего на пашковщину должно распространяться Высочайше утверждённое распоряжение Комитета министров от 4-го сентября 1894 г. о признании штундизма (пашковщины тоже) сектой особенно вредной и о воспрещении общинных богомоленных собраний её последователей; нужно было автору и в трактат об ереси толстовцев также привести заключение того же 3-го Всероссийского Миссионерского съезда, что в учении толстовщины заключаются преступные антихристианские и социальные тенденции, а потому секта эта является более противоправительственной чем религиозной, для борьбы с

которой необходимы меры ограничительного правительственного воздействия и не только в отношении распространителей, но и последователей секты, которые должны нести ответственность перед законом за самую принадлежность свою к толстовству. В конце своего сочинения, после подробного рассмотрения мистических сект – хлыстовства и скопчества, – автор делает эпизодическое примечание о том зловредном участии, которое на глазах у нашего правительства принимают видные толстовцы (гр. Толстой, князь Хилков, Чертков) в судьбе закавказских духоборцев, выселяющихся в последнее время из России в Америку и Англию (стр. 89). Примечание это было бы уместнее в трактате о духоборах.

Вообще же в своём исправленном и дополненном виде труд о. Кутепова является безусловно полезным для миссионерских библиотек, хотя – следует оговориться, – нужно иметь большую осторожность в распространении среди «православных, не получивших богословского образования» (см. Предисловие) или, точнее говоря, среди простого грамотного люда таких произведений, где в стройном виде и с основаниями из Св. Писания (стр. 12, 14, 17, 21, 26, 29–32, 67 и друг.) излагаются без совместного опровержения еретические тенденции сектантов, – дабы не соблазнить «единого от малых». Цена книжки совсем недорогая, внешняя сторона издания хороша.

Н. Булгаков

Известия и заметки

Американское житьё-бытьё закавказских духобор. // Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 423–424

В газете «Кавказ» напечатано горестное письмо одного из переселившихся в Канаду духоборов, Ивана Гончарова, к родственникам его, оставшимся на жительстве в Елисаветпольской губернии. Вот содержание этого документа, весьма поучительного для тех, кто подбивал духобор к переселению.

«Возлюбленные и дорогие братцы и сестрицы, живущие на Кавказе! Вы жалуетесь на скуку, а между тем лучше бы я и весь век свой прожил на Кавказе между армянами и татарами, чем переселился в Канаду. У меня голова кружится и руки опустились. *Жизнь наша в Канаде очень горька и полна лишений.* Лес у нас таскают на людях, для чего к бревну привязывают несколько человек мужчин и женщин; в плуг при распашке земли также впрягаются люди. На днях я отправился в поле размыкать горе, и вижу: в одном месте пахут два плуга, в каждый из которых впряглись по семи пар мужчин и женщин. То были наши гореловские (из села Горелого, ахалцыхск. губ.), причём в первой паре ходили Савва Астафуров и Семён Яшин (прежде были люди весьма зажиточные и владевшие крупными стадами овец и другого скота), в другом месте пахало несколько плугов, которые таскали троицкие (из сел. Ново-Троицкого); в третьем месте несколько стариков лопатками ковыряли землю. Между всеми происходят споры и раздоры, порождаемые нуждой. *Земля тут совершенно негодная* – мелкий, как пыль, песок морской, едва покрытый тонким слоем чернозёма от навоза. Местные жители говорят, что здесь родятся только овёс и картофель, часто побиваемый морозом. Худобы (скота) нет: пара лошадей стоит на русские деньги 400–600–700 р., пара быков стоит 250 р., корова – 125–150 р.; пуд муки 1-го сорта стоит 3 р., 2-го сорта – 2 р. 40 к. и 3-го сорта – 1 р. 50 к.; пуд овса стоит 80 к. – 1 р.; ячменя вовсе нет; сена также нет, есть какая-то скверная трава, ясак, ни на что не годная. Если бы наше кавказское сено да в Канаду, – ему цены бы не было. Так

как жителей в Канаде мало, то летом рабочий стоит в месяц 30, 40 и даже 50 р.; зимой же рабочие вовсе не нужны. Милые братья, *не приведи вас Господ Бог бросить русскую землю и её разноцветные поля*. Хорошо было нашим, сидя в тюрьме да казённом продовольствии, расписывать о прелестях Канады; теперь же, в Канаде, они мечтают о русской земле. Похлопочите, братцы, чтобы меня обратно приняли, и если напишете, что правительство разрешает мне вернуться, приеду и всё вам расскажу, всё горе наше вам поведаю. Если же меня обратно не примут, поеду в Америку или Англию, но в Канаде не останусь».

По поводу переселения закавказских «духобор-постников» в Америку, мы в своё время на страницах «Мисс. Обзор.» говорили, что эта затея будет лишь новой затяжкой толстовской петли на шее несчастных сектантов. Письмо духобора Гончарова теперь подтверждает это наше предположение. В том же тоне и роде, в марте месяце текущего года писал о тяжёлых условиях жизни поселенцев в Канаде и князь Д. А. Хилков, один из главных виновников духоборческих бедствий в Закавказье, а ныне и в Америке. Князь предостерегал своих харьковских последователей, крестьян села Павловки, которые в числе 34 семейств также задумали было вместе с духоборами переселяться в Канаду. Насколько переселенцам трудно в Канаде обзавестись хозяйственным инвентарём, можно судить уже по тому одному, что кн. Хилков советовал павловским крестьянам не продавать инвентаря, а везти его с собой в Америку – русские соху и борону! Сначала павловцы назойливо домогались у местной администрации скорейшего увольнения из России в Америку под тем предлогом, что «православия они исповедывать не желают, а содержать другую веру, согласно их убеждению, им в России не дозволяют», так писалось во всех прошениях харьковских крестьян, но затем они притаились, замолкли и крайне опасались, как бы на самом деле правительство не удовлетворило их просьб. Харьковский толстовцы теперь благодарят Бога и начальство, что не подверглись таким же бедствиям в Канаде, о которых возвещает своей братии духобор Гончаров. На неблагое дело,

значит, пошёл гонорар гр. Л.Н. Толстого, полученный им от издателя «Нивы» за его «Воскресение»!

Распадение кавказской Толстовской колонии. // **Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 425**

В Северном Кавказе около 15 лет тому назад, организовалась колония интеллигентов толстовцев, «Нальчик», известная под именем Еропконской. Население этой колонии иногда доходило семейств до 20–40 и по составу представляло собой удивительную смесь: здесь были опростившиеся родовитые интеллигенты, и университетская молодёжь, и объинтеллигентившиеся простецы из штундовой, главным образом, среды, получавшие здесь такую закваску и выучку в вопросах высшего умствования и политики, что превосходили, и своих учителей. Все были на братской ноге, за одним столом в еде и в одном ряду за работой. В каникулярное время проживала здесь и учащаяся молодёжь, присматривавшаяся и приучавшаяся к «новым началам» жизни по евангелию «яснополянского пророка»... Жертвой экскурсии в эту толстовскую колонию и увлечения идеалами её, между прочим, сделался несколько лет назад один талантливый, образованный, интеллигентный молодой человек, единственный сын у матери г. А-за, покончивший с собой самоубийством, не справившись в мучительной борьбе с парадоксами жизни и мысли по началам толстовской философии. Теперь сообщают, что колония погибает от «разброда в принципах» насельников и нравственной усталости жить в вечном круговороте противоречий и с совестью, и с жизнью, которая в этой фальшивой атмосфере представляла для людей искренних источник несчастья. Инвентарь продан, все дела хозяйственные ликвидируются, часть обитателей возвращается к пенатам своим, а часть уезжает в Америку, в духоборческую Канаду.

Такова судьба лучшего, казалось, толстовского здания, построенного на песце.

Этот новый эпизод из жизни интеллигентного толстовства должен бы послужить к вразумлению горячих увлекающихся годов, да и самого великого старца, тоже поворотившего на здоровый путь поэтического творчества своего, – вновь как

известно, – ярко заблиставшего в повести «Воскресение». Юных жертв увлечения, и пропавшего у них для добра времени и жизни всё-таки жаль!

Праздные миссионерские вакансии. //
Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 425–426

– Таврический епархиальный миссионер, священник Павел Петрович Тихвинский, в виду перенесённой им после одной из миссионерских поездок тяжёлой болезни (плеврит) оставил миссионерскую службу и назначен таврическим преосвященным на должность настоятеля собора в г. Евпаторию и благочинного евпаторийского округа. Вакансия миссионера свободна. Оклад жалования по должности таврического миссионера 2500 р. с разъездными и квартирными.

– В Ставропольской епархии, за увольнением противораскольничьего миссионера ставропольской епархии, известного начетчика слепца Алексеи Егорова Шашина, вакансия миссионера свободна. Оклад жалования миссионеру 2000 р.

[Ноябрь]

Скворцов В. Высокопреосвященный Иоанникий, Митрополит Киевский и Галицкий. (к юбилейному празднеству) 7 ноября 1849–1899. // Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. I–XXXII

I. Церковно-общественное значение юбилейного праздника 7 ноября

Седьмого ноября настоящего года исполняется 50 лет с того знаменательного в жизни первоиерарха Русской церкви дня, когда Высокопреосвященный Иоанникий, через священнодейственное святительское рукоположение, благодатью Св. Духа, освящён на служение Церкви, Христовой, – восприял дар священства «к совершению Святых, к созиданию Тела Христова», – к благоустроению святых Божиих церквей. Отселе юбилейный день 7 ноября делается знаменательным праздничным событием для всей Русской православной церкви и займёт почётное место на страницах летописей церковно-общественной жизни конца нашего века. Скромно задуманный, по побуждениям признательной любви киевских со-пастырей юбиляра, предстоящий праздник 7 ноября исполнил сердца целого сонма архипастырей разных епархий, пастырей и пасомых горячим рвением лично принести в этот день маститому юбиляру почтительную дань благоговейной признательности за полувековой подвиг доблестного служения родной церкви и отечеству. Уже давно заявило до 30 архипастырей о своём намерении прибыть к 7 ноября в древний Киев, чтобы у святынь Киевских вознести свои горячие молитвы Господу Богу о здравии и благоденствии юбиляра и сердечными благожеланиями приветствовать Его Высокопреосвященство.

Святейший Правительствующий Синод подносит своему первенствующему члену почётный адрес через Московского Митрополита. Паствы, кои имели счастье быть под мудрым и благопопечительным управлением Высокопреосвященного юбиляра, ознаменовывают юбилейный праздник добрыми делами в честь и память своего бывшего любимого архипастыря и отца и шлют юбиляру свои сыновние приветствия через многочисленные депутации от духовенства, городов, обществ и учреждений. Но любопытнее всех готовится торжествовать 7 ноября Киевская Митрополия, которой Промысл Божий судил иметь высокую честь быть кафедрой

первосвятителя великой Русской церкви, возвратившего Киеву, своими личными доблестными качествами и высокими заслугами, то почётное место первопрестольной кафедры, которое принадлежало ей в начале русской церковной истории, но было утрачено уже более четырёх веков. Киевская епархия увековечивает юбилейный праздник 7 ноября учреждением убежища для вдов, сирот и больных духовного звания, – город Киев учреждением церковно-приходской школы имени иерарха – юбиляра.

Словом, скромный, казалось, Киевский юбилейный праздник 7 ноября, – в силу того высокого личного авторитета, каким пользуется в Церкви православной имя доблестного иерарха-юбиляра, благодаря тем многоразличным благоплодным трудам, какие подъяты Владыкой в его полувековое священно-иерархическое служение, принял характер и значение торжества всероссийского, молитвы общецерковной.

Вся Русская церковь, возрадуется в сей наречённый день и молитвенно возблагодарит Небесного Пастыреначальника, сохранившего ей, в течение тяжкого полувекового иерархического подвига первоархипастыря-юбиляра здрава, цела, долгоденствующа, право-правляща слово истины, – твёрдо и благоговейно стоящего на священной страже православия, всегда крепкой рукой проводившего и ныне неослабно проводящего мудрые и благие предначертания во славу православия и на многую пользу пастырей и паств; всегда зорко и проницательно объемлющего живые запросы и неотложные нужды церковно-общественной современности!

Архимандрит Иоанникий,
Ректор Киевской Духовной Академии (1859 г.).

С сердечным сочувствием, с бесконечной признательностью вся верующая Русь и все православные люди вспомнят, каким явил себя Высокопреосвященный Иоанникий в течение полувека ревностным и твёрдым охранителем чистоты православия, как всегда зорко он наблюдал и властно направлял, чтобы и устное, и научное учение веры пастырей и богословов отечественной церкви неуклонно следовало здравому, богопреданному учению Вселенской Церкви, без всякого колебания или уклонения вслед мудрований богословствующей мысли запада и инославия!

Являя своим величавым благолепным и истовым богослужением пример благоговейного внимания и молитвенной настроенности при совершении службы Божией, как всегда юбиляр заботился, наставлял и наблюдал за

священнослужителями, чтобы в церкви Божией «вся почину и благообразно» было! Какой светлый, достойный образ *верным* являет Высокопреосвященный юбиляр в своей полувековой жизнедеятельности своим *словом*, – всегда кратким и неподкупным, прямым и властным, но исполненным благодати и доброжелательства; – *жизнью* – строго-иноческим, смиренным, всегда и во всём скромным, *любовью* – сердечной, отеческой, ничего себе не ищущей, но всём всегда жертвовавшей для облегчения нужды, горя и скорби!

Принесут юбилейные воспоминания об истекшем служебном полувеке дань общего глубочайшего уважения юбиляру-первоиерарху, как *мудрому и твёрдому администратору*, во всём и на всех ступенях своего пятидесятилетнего служения Церкви и отечеству ставившего во главу своего управления строгую законность, неподкупную правду, высокое беспристрастие и справедливость, чуждые искушения человекоугодия и подобострастия перед сильными мира сего, когда дело касалось интересов Церкви, или блага подведомого духовенства.

Мужья богословской науки и деятели духовного просвещения восхвалят имя доблестного юбиляра-иерарха, как просвещённого покровителя и горячего поборника света богословской науки и литературы, высокого ценителя силы и значения научного образования, – вспомнят его, как *преобразователя* наших духовно-учебных заведений, к вящему их преуспеянию в научном и воспитательном отношении; как *основателя* трёх духовных журналов («Руководство для сельских пастырей», «Труды Киевской Академии» и «Миссионерское Обозрение»); как *насадителя* в епархиях женских духовно-учебных вертоградов и рассадников профессиональных знаний; как неусыпного *попечителя* об улучшении внешнего и материального положения учебных заведений, учащихся и учащихся в них, – своей неутомимой энергией и мудрой инициативой умевшего во всех епархиях, которые были преемственно вверяемы его архипастырскому попечению и управлению, изыскивать верные и достаточные местные средства к лучшему обеспечению учебных заведений и

даже к безмездному воспитанию в них детей бедного духовенства, к призрению сирот через устройство общежитий (в Нижнем и Москве), приютов, профессиональных духовных школ. Не забудут юбиляра и как опытного, наконец, зодчего, везде в епархиях оставившего чудные рукотворенные памятники своих забот о местных духовно-учебных заведениях, везде удобно и благолепно обстроенных, в период управления преосвященного юбиляра щедро тратившего на это и свои личные средства.

В юбилейный праздник 7 ноября преклонится всё духовное сословие перед юбиляром-архипастырем, давно стяжавшим себе трогательное имя *отца сырых и благодетеля бедных духовного звания*. Во всё полувековое служение своё Архипастырь являл самое живое сочувствие к нуждам духовенства и выражал самое деятельное попечение об улучшении материального быта приходского духовенства, постоянно изыскивал новые способы и источники к облегчению гнетущей нужды, к успокоению немощных и к устройению сиротствующих, отдавая на св. дело любви и милосердия все свои личные средства.

Свечные епархиальные заводы своим возникновением и развитием во всей теперь России, через исходатайствование государственного закона о монопольном праве епархий по выделке свеч церковных и продаже их, – обязаны исключительно мудрой инициативе, опытности и настойчивой энергии Высокопреосвященного юбиляра. Осуществление этой благой идеи церквам обеспечило чистого воска свечи, а епархиям дало верный источник обеспечения неотложных нужд служащего церкви духовного сословия. Той же инициативе юбиляра обязаны своим возникновением эмирительные кассы духовенства, взаимное страхование церквей, что также даёт епархиям источники и средства к улучшению быта духовенства.

Но в постоянных заботах об улучшении духовного и материального положения духовенства, Высокопреосвященный юбиляр не переставал иметь самое живое архипастырское попечение и о духовном благе своих паств, – о широком удовлетворении религиозных нужд и духовных запросов

пасомых, об утверждении верных чад Церкви в истинах православной веры, о вразумлении заблудших, о школьном научении молодого поколения и пр. Владыка юбиляр самое деятельное участие принимал в труде Высшего Церковного Управления, по составлению новых правил об устройстве и восстановлении приходов и причтов, об устройстве церковных школ, внебогослужебных собеседований и чтений. Подъёму церковно-учительской просветительной деятельности приходского духовенства в последнее десятилетие юбиляр всегда сочувство- и содействовал, как стоящий у кормила церковного правления. Памятником личной церковно-проповеднической деятельности юбиляра в известной мере может служить изданный нами «Юбилейный сборник слов и речей» высокопреосвященного Иоанникия, где он является образцовым церковным оратором киевской школы, равным великим мастерам проповеднического слова – архиепископам Иннокентию Борисову, Димитрию Муретову. Слово его и трогает сердце – но ещё более убеждает ум и глубоко покоряет волю слушателя.

Ревнуя о духовном просвещении пасомых, высокопреосвященный юбиляр не только питал сам и через вверенное его водительству пастырство души верных спасительным учением истины и жизни христианской, но и деятельно принимал миссионерские меры к вразумлению заблудших и возвращению отпадших в лоно св. Церкви. В истории внутренней миссии доблестное имя митрополита Иоанникия будет стоять наравне с именами приснопамятных иерархов миссионеров нашего века – Платоном, Филаретом и др. Заботы об устройении и успехах миссии всегда были близки сердцу юбиляра и в этой области он также изыскал новые пути, указал верные средства для борьбы с иномыслящими. Ему обязана миссия первым опытом учреждения миссионерских братств и заведением миссионерских кружков собеседников с раскольниками, открытием публичных бесед, в которых он сам лично принимал участие при ведении полемических прений с раскольниками и сектантами.

Воззрения юбиляра на миссионерские приёмы и способы вразумления заблудших, на отношение православных к отпавшим, прекрасно изложены в его «архипастырском увещании о том, и чем и как может всякий православный христианин служить делу миссии»; полные глубокого опыта методические руководительные начала изложены юбиляром в его речах к новорукоположенным епископам Петру Сухумскому, Сергию Уманскому и др.

Да, достойно и праведно вся Российская церковь будет радостно прославлять Киевский праздник 7 ноября! Высокопреосвященный юбиляр, как светильник горяй и светяй, поставленный Промыслом Божиим на самом высоком свещнице нашей церкви, в течение полувекового своего священно-иерархического служебного подвига ярко и не мерцая светил и светит всей Русской земле, – всем, иже в дому Божии суть, – но отблеск его светлых великих деяний отражается и на сущих вне дома Божия и на сидящих во тьме и сени пагубных заблуждений.

Но поучимся же, как дивными путями Божия промышления вознесён юбиляр из бедной хижины церковнослужителя на высокую ступень первоиерарха русской церкви?

II. Родная семья, детство и годы учения Высокопреосвященного юбиляра

Высокопреосвященный юбиляр – уроженец глубокого центра России: по отцу он происходит из Тульской губернии, которая во второй половине нашего века почти одновременно дала трёх выдающихся, мудрых кормчих Российского церковного корабля, – почивших митрополитов – С.-Петербургского Исидора и Московского Сергия и ныне светло празднующего свой полувековой юбилей Киевского митрополита Иоанникия. По матери юбиляр иерарх происходит из Орловской губернии. В мире Высокопреосвященный Иоанникий назывался *Иоанн Максимович Руднев*. Родился он 20 февраля 1826 года. Отец Высокопреосвященного юбиляра Максим Иванович Руднев, был диаконом села Вышнего Скворчего, Новосильского уезда, Тульской губернии, мать, Ольга Емельяновна, – дочь священника с. Хлопова Орловской губернии.

Отец Высокопреосвященного, вследствие преждевременной смерти дедушки юбиляра, оставившего огромную сиротствующую семью, должен был прекратить учение, не смотря на свои хорошие успехи в науках, и вышел из среднего отделения семинарии для поступления на место покойного отца, чтобы поддержать и воспитать сиротствующую семью, состоявшую из 5 сестёр и 4 братьев Максима Ивановича, которых он воспитал и всех устроил. Обязанный сиротствующей семьёй и имея своих пятерых детей, О. Максим и его присные должны были вести тяжёлую жизненную борьбу с нуждой, которая заставила делового, деятельного главу семейства, не падая духом, изыскивать все честные меры и средства к насущному пропитанию. Будучи прекрасным певцом и писцом, благоговейным и исполнительным церковнослужителем, о. Максим в тоже время был образцовый пчеловод и прекрасно изучил сапожное и столярное мастерство. «Приходилось, – рассказывала нам старшая (на два года) сестра Высокопреосвященного юбиляра, доньне

здравствующая вдова священника Дарья Максимовна Покровская, – родителю нашему трудами рук своих не только обувать свою многочисленную семью, но и делать сапоги и бурмистру, который за это отплачивал то соломкой для скота, то дровцами для топки; а у местного благочинного о. диакон Руднев состоял постоянным письмоводителем». Благодаря деловитости и трудолюбию о. Максима и хозяйственности жены его Ольги Емельяновны, семья их не только имела довольное для диаконского бюджета пропитание, «но пивала и чаёк», что по тогдашнему времени не было обычным и во многих иерейских семьях.

Будучи 11 лет от роду, Высокопреосвященный иерарх лишился своей любимой, богобоязненной матери. Таким образом, сиротская доля и своя и своих присных была предметом наблюдений самого нежного

Иоанникий, Епископ Выборгский,
Ректор С-Петербургской
Духовной Академии (1862 г.).

впечатлительного детского периода жизни Владыки юбиляра. «Что такое сирота? – Это птенец, выпавший из родного гнезда! Придёт сирота на заветную могилу, но холодна и могила», говорит архипастырь в одном своём слове. Несомненно, что эти наблюдения и впечатления детства и послужили тем неиссякаемым во всю жизнь источником милосердного отношения первоиерарха к сиротствующим семьям духовенства. Бедность и сиротство вообще, а наипаче лиц духовного звания, была и есть всегдашняя *болезнь его сострадательного сердца*.

Из примера своего достойного отца, Высокопреосвященный иерарх с детства навек ценить жизненное значение практических знаний профессионального образования для детей

бедных родителей и потому им были предприняты опыты заведения епархиальных школ и работных приютов.

У Высокопреосвященного Иоанникия было два младших его брата – Павел, бывший потом священником, и Александр, умерший в 4 классе училища, и две сестры – упомянутая Дарья Максимовна, бывшая замужем за священником Тульской губернии с. Березовки Покровским, и Анна Максимовна, бывшая за священником той же губернии о. Константином Миловидовым.

В родовом Синодике Рудневых один из родственников значится иеросхимонахом Парфением. Семья о. Максима, где проведены Первоиерархом детские годы жизни, была глубоко благочестивая, исполненная духа церковности и набожности, которыми она измлада и обильно наплатила душу будущего иерарха. Мать Высокопреосвященного была женщиной настолько богобоязненной, что на своём недолгом веку четыре раза ходила в Киев на поклонение святым мощам с посохом в руках и с котомкой за плечами, наполненной домашними сухарями. Не раз ходил и юбиляр с своей благочестивой матерью ещё в отроческом возрасте на богомолье пешком в Мценск – на Николин праздник (9 декабря), для поклонения местночтимым святыням. Позже Владыка и также в раннем юном возрасте ходил на богомолье в Воронеж с своей родной тёткой, состоявшей замужем за человеком податного состояния. Утешая бедную женщину в её постоянных скорбях, однажды во время путешествия на богомолье, добрый юноша сказал тётке: «не плачь: когда я выучусь, то выкуплю и выучу твоего сына». И это обещание юности иерарх не забыл в зрелом возрасте: поступив на службу, по окончании академии, владыка поспешил уплатить за двоюродного брата (Никитина) следуемый обществу выкуп (кажется 500 руб. ассигнациями), определил его в семинарию и воспитал в академии.

Будучи в среднем отделении семинарии, во время каникул юноша Иоанн Руднев самостоятельно предпринял путешествие на богомолье в Троице-Сергиеву лавру. Отец, благословляя юношу в дальний путь, дал ему на расходы в дорогу 50 к., т. е. всё, что оказалось в то время у о. диакона на лицо. И

сроднившийся с нуждой и лишениями, скромный, благочестивый юноша, вернувшись благополучно домой, возвратил ещё отцу остаток из взятых у него денег в несколько копеек. Время было тёплое, летнее, твёрдый духом упования на милость Божию и заступление преподобного Сергия, юный богомолец большей частью ночевал прямо в поле в копнах, питался водой и взятыми из дома сухарями. Одного лишь он боялся, – как рассказывал потом сестре по своём возвращении с богомолья, – чтобы, приехав рано за хлебом, мужички не спорили вилами спавшего под снопами сном праведника утомлённого юного пилигрима...

В одно из ранних путешествий на богомолье, после того, как отроку впервые привелось увидеть архиерейское служение, припоминает Дарья Максимовна, он рассказывал матери, или сопутствовавшим ему родным, что как-то однажды отрок в сонном видении видел себя стоявшим в храме около клироса в такой именно светлой сияющей шапке (в митре), как у архиерея.

Скромность, благонравие, сосредоточенность, отчуждённость от резвых детских игр сверстников всегда отличали отрока и юношу Иоанна. Высшим удовольствием для него было неопустительное хождение в церковь на все службы Божии, в праздники же он, обыкновенно, заботился у отца или у матери выпросить копеечку на свечу или в кошелёк.

Грамоте учиться начал Иоанн в 7 лет, причём отрок с первых же шагов учения проявил и прилежание, и глубокие дарования. Замечательно, что до поступления в школу им уже прочитаны были все жития святых.

Девяти лет Иоанн Руднев был отдан в Новосильское уездное духовное училище, находившееся тогда при Свято-Духовом монастыре, – ныне это училище называется Ефремовским. Будучи во 2 классе училища, Иоанн приехал на рождественские каникулы тяжело больным. Болезнь оказалась тифом, принявшим в училище форму эпидемии, которую ученики разнесли потом по родным семьям. Переболела тогда и вся семья о. Максима, а затем слегла в постель от этой болезни и мать будущего иерарха. Надломленные заботами, обессиленные уходом за больными детьми, без помощи

медицинских средств, – силы доброй, благочестивой Ольги Емельяновны не вынесли тяжёлого недуга, и в день Рождества Христова Господь призвал её к Себе. Безвременная, бесценная для малюток детей и семьи, утрата любимой матери и хозяйки глубоко поразила сердце Иоанна: часто братья и сёстры слышали от него выражение гнетущей скорби в словах: «я виновник смерти матери». Любящий сын иерарх выстроил на месте своей родины, в память матери, над её могилой величественный шести-престольный двухэтажный каменный храм, и 10 т. рублей неприкосновенного капитала положил архипастырь на ремонт храма и на вечное поминовение присных своих. Могила матери приходится в алтаре храма. В 1894 году храм этот Владыка сам лично и освятил,

О. Максиму Бог судил узреть своего первенца в сане епископа. Устроив детей, он в 1862 году сдал место и вышел в заштат, оставаясь в сане диакона, отправился в Петербург к сыну, тогда ректору столичной академии; а затем, когда архим. Иоанникий назначен был в Саратов епископом, отец отправился сюда, – здесь принял от руки сына епископа пострижение в монашество и состоял иеромонахом при Крестовой церкви, где и скончался в 1872 г.

Из училища Иоанн Руднев переведён в духовную семинарию, где продолжал учение с блестящим успехом. Находясь в среднем отделении семинарии, как лучший по успехам и благонравию ученик, Руднев приглашён был инспектором семинарии давать уроки его детям, а в высшем отделении начальство поручало ему за отсутствующих учителей давать уроки в младших классах семинарии.

В 1845 году Иоанн Руднев окончил курс Тульской семинарии и «к году», т. е. за год до окончания полного курса, как самый лучший и даровитый воспитанник, имея от роду всего лишь 19 лет, назначен в Киевскую Духовную Академию, имевшую тогда во главе своей знаменитого ректора-архим. Димитрия Муретова. С блестящим успехом выдержал будущий иерарх вступительный экзамен и принят в состав XIV курса Академии. С выдающимся успехом продолжал и окончил он учение и

образование в Академии, на 23 году, и в 1849 году был выпущен первым магистром.

Измлада являя себя человеком «не от мира сего» и чувствуя влечение к иноческой жизни, молодой талантливый академист давно лелеял мысль о принятии монашества, но прежде чем решиться на такой важный святой подвиг, он пишет о сём отцу, скромному сельскому диакону, прося его родительского совета и благословения. Благоразумный, чуждый естественного, но суетного тщеславия видеть сына в сомне иерархов своей церкви, отец, по словам сестры юбиляра, предоставил решение трудного вопроса воле, совести и убеждению самого сына, как возраст имущего, но дал сыну магистру с родительской властью совет и предостережение о строгом и неуклонном соблюдении обетов монашества.

1 июля 1849 г, Иоанн Руднев подал в академическое правление прошение следующего краткого содержания: «Издавна имея желание поступить в монашеское звание, я в настоящее время хочу привести его в исполнение. Потому покорнейше прошу Академическое Правление исходатайствовать мне у Св. Синода благословение и разрешение».

11 октября 1849 г. в Киево-Печерской лавре, в пещерной церкви преп. Антония, магистр Иоанн Руднев принял иноческое пострижение от руки ректора архим. Димитрия, с наречением Иоанникия.

Восприимчивым духовным отцом молодого инока Иоанникия по монашеству был известный в Киевской обители подвижник иеросхимонах Парфений.

6 ноября того же года сам приснопамятный митрополит Киевский Филарет, в лаврской церкви св. Михаила, посвятил инока Иоанникия во иеродиакона, а 7 ноября – в сан иеромонаха. Посвящение происходило в Феодосиевской дальнепещерной церкви. Этот знаменательный в жизни юбиляра день восприятия благодати священства и избран днём предстоящего юбилейного празднества.

Чтобы узреть своего родного инока Иоанникия, подвизавшегося на педагогическом поприще в воспитавшей его

Киевской Академии, отец, старшая сестра и брат, спустя много лет после пострижения его в монашество, – пешком отправились в Киев на богомолье. Прибыв сюда в праздничный день, прямо с пути усталые путешественники направились в собор Братского академического монастыря, где к великой своей радости увидели среди сонма священнослужаших о. Ионникия, которого однако не сразу узнали. С сердечным восторгом вспоминает ныне почтенная старушка Дарья Максимовна, сестра Высокопреосвященного юбиляра, с какой сыновней преданностью встретил сын – профессор диакона отца и своих присных, с каким усердием водил родных сам по всем пещерам и показывал все святыни и достопримечательности города, а на обратный путь нанял лошадей до самого Вышнего-Скворчего.

III. Высокопреосвященный Иоанникий, как профессор и начальник духовно-учебных заведений

Воспитавшая Высокопреосвященного юбиляра Alma mater, – Киевская Духовная Академия, – как первенца своего, оставила у себя на служение богословской науке.

Магистр Иоанн Руднев в 1849 г. был избран конференцией наставником по кафедре Свящ. Писания и в течение 9 лет (1849–1858 г.) префессорствовал в старейшей Духовной Академии и проходил разные другие должности, – так, он три года был помощником инспектора (1850–1853), два года инспектором (1856–1858), пять лет – членом правления и конференции окружного академического правления, Киевского цензурного комитета, исполнял поручения по ревизии Полтавской и Екатеринославской семинарий, временно исполнял должность ректора и проч. Преподавал профессор о. Иоанникий сначала Свящ. Писание, а затем обширный круг богословских наук. По отзыву историка Киевской Академии, лекции Высокопреосвященного юбиляра отличались «глубокой критикой». В своих воспоминаниях бывшие слушатели Высокопреосвященного Иоанникия о профессорской его деятельности отзываються так: «что он с любовью и трудолюбием учёного мужа, с глубоким знанием и одушевлением истинно христианского учителя, раскрывал учение о таинствах св. веры Христовой перед студентами, внимательно и с увлечением воспринимавшими каждое его слово, по истине солью мудрости растворённое».

За свою семилетнюю и многополезную службу Высокопреосвященный юбиляр был возведён в 1856 г. 21 декабря в сан архимандрита.

В 1845 году 6 ноября Высокопреосвященный юбиляр из инспекторов академии был перемещён на должность ректора и профессора в Киевскую духовную семинарию, где пробыл только один год. И однако за это короткое время успел оставить по себе незабвенную память проницательного администратора

и милостивого начальника, заботливого о нуждах семинарии и её питомцев. По предложению ректора Иоанникия увеличено было число членов правления, его инициативой основан по мудро выработанной им программе старейший и практичнейший из духовных журналов «Руководство для сельских пастырей». Основанием этого журнала Высокопреосвященный навсегда увековечил память свою в Киевской семинарии, возвысив её значение для всей России как литературной руководительницы всего духовенства по вопросам пастырского служения и практики. Для ректора семинарии, как редактора, и для всей учительской корпорации, в течение свыше тридцатипятилетнего периода издания журнал этот, служит неиссякаемым материальным подспорьем.

4 декабря 1859 г. Высокопреосвященный юбиляр был назначен ректором родной ему Киевской Академии, где однако также оставался недолго – не более года. Будучи милостивым вниманием высшей церковной власти призван для управления столичной академией, как нуждавшейся тогда, по тревожному состоянию умов столичной молодёжи, в управителе мудром, твёрдом и энергичном.

Кратковременное начальствование юбиляра в Киевской Академии ознаменовано успокоением и умиротворением бывшей несколько взволнованною перед тем внутренней жизни заведения, и усовершенствованием учебно-воспитательного и экономического её строя. По предложению ректора Иоанникия, в академии введены были годовые экзамены *для всех студентов и по каждому предмету* и учреждены экзаменационные комитеты, что прежде не соблюдалось строго и не велось надлежаще. Это нововведение было как нельзя более верной мерой к тому, чтобы побудить студентов к усердным занятиям и отвлечь их внимание от внешних интересов, волновавших молодёжь 60 годов.

Для улучшения экономических порядков новым ректором увеличено было число, членов правления. Близко сердцу ректора было и материальное и служебное положение сослуживцев. Несколько достойных тружеников, (в том числе бакалавр В. Ф. Певницкий) по предложению ректора возведены

были в звание профессора, другие получили награду (проф. Фаворов). Наконец, Высокопреосвященный юбиляр явил себя и здесь мужем науки, и поборником просвещения, ознаменовав и академическую годовщину своего управления учреждением нового печатного учёного органа – «Трудов Киевской Академии», которых был он первым редактором, и дал журналу то серьёзное направление и выдержанность, каким отличается этот журнал и доселе.

Киевскому периоду, главным образом, принадлежат научные и популярные печатные статьи, трактаты и проповеди Высокопреосвященного юбиляра, составившие содержание «Юбилейного сборника», по разным предметам нравственности и современной жизни. Они помещались им преимущественно в «Воскр. Чтении», издававшемся тогда при Киевской Академии.

6 октября 1860 г. архим. Иоанникий назначен был Ректором С.-Петербургской духовной академии, где прослужил более трёх лет. По отзыву историка академии, время это составило одну из лучших страниц во всей её истории, и сам юбиляр называл годы своего служения в Петербурге «лучшей порой в его жизни». И здесь высокопреосвященный явил себя тем же мудрым и твёрдым руководителем высшего рассадника духовного просвещения и попечительным отцом питомцев, умиротворителем и успокоителем мятущегося духа академической молодёжи.

**Иоанникий,
Епископ Саратовский (1864 г.)**

Нужно сказать, что перед ректорством юбиляра в течении одного XXIV курса сменилось, благодаря нестроениям в академии, четыре ректора и инспектора академии. Ничего подобного не было при ректорстве архим. Иоанникия. Благостное, но справедливое, исполненное прямоты и твёрдости, в тоже время и доброты, отношение его к студентам, благоговейные священнодействия снискали новому ректору уважение и сердечную любовь сослуживцев и студентов. Когда их любимый профессор и начальник был призван к новому высшему служению Церкви Божией, то студенты на свои скудные средства приобрели панагию и поднесли её оставлявшему их начальнику. Факт для того времени достопримечательный.

Вместе с ректорством в академии, высокопреосвященный юбиляр исполнял обязанности главного наблюдателя за преподаванием Закона Божия во всех учебных заведениях столицы, был членом духовной консистории, комитета по преобразованию духовно-учебных заведений, ревизовал Смоленскую и Полоцкую семинарии и пр.

В 1861 году высокопреосвященный юбиляр был возведён в звание ординарного профессора и награждён орденом Св. Анны

2 ст., украшенным Императорской короной.

Управление духовно-учебными заведениями, в период епископства юбиляра, проникнуто той же живой и деятельною попечительностью о возвышении учёной и учебно-воспитательной стороны и об улучшении внешнего экономического быта подведомых ему духовно-учебных заведений, в жизни которых высокопреосвященный Иоанникий принимал везде и всегда самое близкое и непосредственное участие. Насколько юбиляр высоко ценит богословскую науку и образование, тому служит доказательством то неуклонное принципиальное предпочтение, какое всегда и везде отдаётся Владыкой образованнейшим кандидатам при определении на священнические и другие места. В период управления юбиляром Московскою и Киевскою митрополиями состав столичного и городского духовенства в образовательном отношении поднят на небывалую ранее высоту. Справедливо оценивая научное образование, высокопреосвященный юбиляр постоянно обращает особое, внимание на воспитательную сторону духовно-учебных заведений, на развитие в питомцах духовной школы духа любви и преданности Церкви Божией и надлежащего сознания долга своего высокого назначения.

Приспомятна деятельность владыки-юбиляра, как одного из первых иерархов – поборников женского духовного образования. Те епархии, где святительствовал юбиляр, – опередили многие другие учреждением и благоустройством у себя женских епархиальных учебных заведений на целые десятки лет. Его инициатива в этом отношении не только шла впереди, но и давала пример и толчок и для других епархий.

Все преобразования, коснувшиеся в последнее 25-летие академий и всех вообще наших духовно-учебных заведений самым тесным образом связаны с именем и трудами высокопреосвященного юбиляра. Всем известно, что и в настоящее время улучшение церковно-воспитательного строя духовно-учебных заведений составляет предмет главнейших забот юбиляра, как первоприсутствующего члена Св. Синода и председателя преобразовательной комиссии. Делом улучшения материального быта подведомых учебных заведений во всех

епархиях, где святительствовал Владыка-юбиляр, он, во истину, создал себе вековые памятники и рукотворные, и нерукотворные. В этой сфере деятельности юбиляру можно только удивляться и подражать его практической мудрости, но превзойти его здесь доселе никому пока ещё из управителей церковных не посчастливилось!

Воззрения и идеалы свои относительно постановки учебно-воспитательной стороны жизни духовно-учебных заведений выражены архипастырем-юбиляром в его речах, сказанных по разным случаям в духовно-учебных заведениях (Отд. III Юбил. Сборника).

IV. Епископский и митрополичий период деятельности Высокопреосвященного юбиляра

16 мая 1861 года Архимандрит Иоанникий был назначен на вакансию епископа Выборгского, второго викария с.-петербургской епархии, с оставлением в прежних должностях.

12 июня того же года в Троицком соборе Александро-Невской Лавры происходила хиротония высокопреосвященного юбиляра, которую совершали знаменитейшие архипастыри русской церкви: петербургский м. Исидор, тверской архиеп. (впоследствии митроп. Киевский) Филофей, херсонский архиеп. Димитрий, калужский архиеп. Григорий и ревельский епископ (впоследствии митроп. Московский) Леонтий. С благоговением и смирением принимая «на рамена свои бремя епископского служения», новонаречённый епископ Иоанникий дал в своей речи при наречении «сердечный обет жить и служить не для себя, а для Церкви Божией и для душ, которые будут вверяться его архиерейскому смотрению и попечению». И, действительно, все последующее тридцативосьмилетнее служение архипастырское высокопреосвященного м. Иоанникия было точным самоотверженным осуществлением этого обета. Об этом свидетельствуют дела его, самовидцы, и наконец, печатные сказания об архипасторской деятельности высокопреосвященного юбиляра в Саратове, Нижнем, Грузии, Москве и Киеве.

На Саратовской кафедре Высокопреосвященный Иоанникий пробыл *девять с половиной лет* (с 1864–1873 г.). Здесь началось самостоятельное епископское служение юбиляра Церкви и отечеству и применение к жизни тех идеалов и той программы архипастырской деятельности, которые сложились и созрели у Высокопреосвященного юбиляра в предшествующий период жизни, главным образом, под руководством и нравственным обаянием величавого образа приснопамятного митрополита Киевского Филарета. О тех глубоких чувствах, которые питал к великому святителю Филарету молодой, постриженный им инок Иоанникий, можно судить по глубоко

прочувствованной надгробной речи (помещённой в Сборнике) юбиляра, бывшего тогда архимандритом и инспектором академии. По отзывам ныне здравствующих самовидцев, в Саратовской пастве новый, молодой, высокопросвященный, энергичный епископ Иоанникий явил и в жизни своей, и в деятельности архипастырской, и в сношениях совсем окружающим дивное сочетание добродетелей чисто апостольского служения: высокую мудрость с глубокой проницательностью и в делах, и в выборе себе ближайших сотрудников, – внешнее величие с необыкновенным смирением и патриархальной простотой в требованиях жизни; властную строгость с благой снисходительностью, – быстроту и энергию в делах с неуклонной последовательностью, а наипаче же – любовь и милосердие ко всем и особенно к сирым и бедным. Лично во всё вникая, во всех делах и начинаниях стоя впереди, сам за всем наблюдая, владыка в тоже время облакал широким доверием в порученном деле подчинённых тружеников и охотно принимал во внимание новые соображения, клонившие в вящей пользе дела.

Время управления высокопреосвященным юбиляром Саратовской епархией было особенное, оно совпало с первым моментом освободительной эпохи. Крепостное право, как известно, тяжёлым ярмом лежало не только на крестьянах, но и на плечах сельского духовенства, которое у многих крепостников было в немалом порабощении. На долге благопопечительного о духовенстве и народе архипастыря лежала тяжёлая ответственность перед Богом и совестью стоять на страже справедливости в защите интересов слабых в непривычной борьбе освобождаемых с вековыми путами крепостного рабства.

Владыка зорко следил за жизнью и духовным настроением не только городской своей паствы, но и сельской. С этой целью он неумоимо совершал частые выезды градов и весей Саратовского края. Об этих поездках епархии, саратовские и нижегородские здравствующие сослужители архипастыря – юбиляра сохраняют трогательные воспоминания. В первый год епископ Иоанникий совершил свой выезд епархии по обычаю

того времени «со свитой», – т. е. с протодиаконом, иподиаконами, певчими, ризницей; служил в церквях по городам и сёлам молебны, всенощные, литургии. Но заметив, что свита притязательна и требовательна в отношении сельских, и без того бедных, священников и старост, на счёт подачек и продовольствия, а также и ведёт она себя в пути не воздержно и непристойно, преосвященный убедился, что больше вреда и соблазна, чем пользы приносит участие свиты в церковных службах при архиерейских объездах и изменил совершенно существовавший порядок обозрения епархии. Он стал ездить на простом тарантасе, запряжённом парой лошадей, с одним своим келейником и притом без маршрута. «Подъедем, бывало, к церкви, – рассказывал нам сопровождавший владыку келейник, – я начну редко, как на службу, благовестить в колокол, а Владыка тем временем терпеливо обойдёт вокруг храма, осмотрит стены его, погост, караулку, школу... Явится причт встревоженный, конечно, но Владыка своим кротким обхождением успокоит, – пойдёт в храм, приложится к иконам, осмотрит антиминс, дарохранительницу, спросит книги (документы церковные), затем благословит народ, побеседует. Часто народ собирался ранее, чем явится причт и впопыхах бывало забудет захватить ключи церковные. Тогда Владыка сядет на паперть или на могилу в ограде и ведёт религиозную беседу с народом, который, обыкновенно, принимал его вначале за простого монаха, ибо архиереи в такой простоте ранее никогда не ездили. Если встречался Владыка с раскольниками или сектантами, то вёл с ними простые, мирные, душевные беседы. Не раз заезжал архипастырь и в моленные раскольников, как в саратовской, так и в нижегородской епархиях. Раскольники хотя и не охотно допускали архипастыря в моленную, но после простой душевной беседы некоторые подходили и под благословение, и целовали руку. Если приходилось когда сделать замечание приходскому священнику, то Владыка никогда не делал его при народе, а всегда все внушения и советы давал в алтаре. На ночлег архипастырь останавливался всегда у священников, к господам заезжать не любил. Если время тёплое, то Владыка ночевал на дворе в

повозке или в тарантасе. Владыка всячески старался и требовал, чтобы духовенство ничего особого не готовило, и не покупало городских снедей для его приезда. Сухие рыбные закуски Владыка возил с собой, часто ими же и угощал хозяина-иерея, а сам кушал что-либо жидкое горячее, приготовленное для домашнего стола. Лошадей брали обывательских за плату, ни приставов, ни вообще полиции Владыка не имел обыкновения вызывать и не любил вообще их тревожить. Владыка-юбиляр всегда возил с собой карту епархии и клировые ведомости. Дорогой, подъезжая к известному селу, архипастырь рассматривал сведения о приходе. Везде архипастырь заходил в школы и спрашивал у учеников молитвы. Таким же точно порядком, по сообщению другого нижегородского самовидца, производилось им обозрение церквей и в Нижегородской епархии. На Кавказе же приходилось при обозрениях епархии делать передвижения и на лошадях, и верхом, и пешком.

Стараясь установить живой церковный союз между собой, как архипастырем, и своей паствой, в лице её первенцев и избранных, стараясь призвать и объединить лучшие в пастве силы для христианского дела, на пользу церкви и просвещения «сих малых», – Преосвященный юбиляр, после первой же годовщины своего архипасторства на Саратовской кафедре, а затем и после обозрения епархии, обращался к пастве с трогательными проповедями, в коих выражал свои мысли, чувствования, впечатления и наблюдения и прибывал паству к общему труду в вертограде Христовом, – к содействию ему в просвещении и благотворении меньшей во Христе Братии, – к вразумлению заблудших. И призывной глас всеми высокочтимого архипастыря не оставался гласом вопиющего в пустыне.

При содействии и сочувствии пасомых, Владыке скоро удалось в Саратове осуществить одну из заветных его идей – учредить братство св. креста с широкими церковно-просветительными и миссионерскими задачами, и завести при Братстве публичные миссионерские собеседования с раскольниками. Учреждения эти были в то время единственным

опытом и послужили затем образцом в этом отношении и для других епархий. Всё это было так ново и необычно для людей того времени, особенно в области миссии, опиравшейся всё ещё, по традициям николаевской эпохи, более на внешние полицейские средства и совсем забывавшей мирное слово убеждения, – так что даже губернатор местный и тот опасался заведённых архиереем бесед, как опасного и незаконного дела. Раскольники тем более подозрительно смотрели на «небывалую затею» нового архиерея и долго считали, что это поставлена им ловушка и потому никак на первых порах не решались выступать в прения и со-вопросничество с миссионерами. Владыка живо интересовался полемическими беседами, посещал их сам, причём, чтобы не стеснять раскольников, являлся незаметно в скромной чёрненькой ряске. Не редко архипастырь вступал сам в прения и деятельно поддерживал миссионеров в трудных случаях, когда православные полемисты терялись или сбивались в сторону от намеченного предмета. По отзыву самовидцев, Владыка был всегда так убедителен, терпелив и кроток при беседах с раскольниками, что, хотя они и оставались безответными, но никогда не раздражались и не грубили. Однажды была беседа, рассказывал нам один из здравствующих ныне слушателей её, – о перстосложении. Православные собеседники терялись разобраться в каких-то забористых громоздких возражениях раскольников. Тогда вышел сам архипастырь и повёл доказательства сначала из писания, истории и потом от разума, а в заключение сказал так: «Я в Киеве учился, монашество там принял и долго служил и вот засвидетельствую вам, братия, архиерейской совестью, что в Киево-Печерской Лавре почивают нетленные мощи св. Спиридония Просфорника, у которого пальцы сложены *троеперстно*. Пусть интересующиеся из вас поедут сами в этом убедиться. Зайдите ко мне, я дам письмо к о. наместнику, он разуверит ваше неверие. Истина и спасение дороже времени и денег, – поезжайте, – пошлите выборных»... Воцарилась глубокая тишина, раскольникам было тяжело, что никто из них не отозвался... Получилось впечатление сильное, у

многих в душе явилось сомнение и уверенность в своей правоте поколебалась...

Искушённый опытом, Владыка, в одном из последних наставлений миссионерам (киевским), справедливо поставляет главную цель собеседований в том, чтобы пробудить в слушателях отщепенцах сомнение, – вызвать беспокойство в их совести, поколебать уверенность, а не в том, чтобы переговорить иноверных собеседников, или возвратить в церковь напоказ одного-двух, забыв о влиянии на массу, – в этом ещё не успех миссии.

**Иоанникий, Экзарх Грузии,
Архиепископ Карталинский (1878 г.)**

Братство св. креста росло и крепло быстро. Оно подготовляло миссионеров из начетчиков и посылало их на миссию в раскольничьи сёла; образовало богатое собрание старопечатных книг, по которым обучались расколоведению воспитанники семинарии, где введена была, в виде единственного тогда опыта, по мысли архипастыря юбиляра, – кафедра обличения раскола. Воспитанники по очереди являлись на публичные беседы и составляли о них отчёты,

разбираемые потом на уроках. При братстве же впоследствии возникла бесплатная столовая для бедных, которая помещалась под библиотекой, ремесленная школа и учебно-заработанный (нынешние дома трудолюбия) для бедных детей и духовно-просветительный союз, поставивший своей задачей распространение грамоты и народного просвещения путём религиозно-нравственных чтений, издание и распространение душеполезных книг.

По образцу Саратовского Братства учреждены были в епархиях два филиальных отделения братства в уездных городах. И доселе братство Саратовское процветает в своей святой деятельности и всегда служило любимым детищем юбиляра. Счастливый опыт саратовский убедил Владыку юбиляра в несомненной пользе этой, в своём роде единственной, и ничем незаменимой меры, и он во всех других епархиях потом учреждает миссионерские просветительного братства и при них организует кружки собеседников, Так напр., в Нижнем-Новгороде учреждено им по примеру саратовского также братство св. Креста и здесь также архипастырем заведены были собеседования, на которых он принимал также деятельные и живое участие. В Тифлисе заведены им были беседы с молоканами, в Москве – с раскольниками при братстве св. Петра в д. Халатова, в Киеве – со штуртистами. Нельзя не заметить и ещё одной достопримечательной черты в управлении юбиляром Саратовской (да также и других последующих) епархией – это заботы высокопреосвященного Иоанникия кончать миром тяжёлые дела между духовенством архиерейским судом, пока можно не доводить их до следственной бумажной волокиты. Для этого немирствующих или провинившихся архипастырь любил вызывать к себе в епархиальный город и делал им надлежащие архипастырские внушения, затем одних отпускал с миром, а других оставлял, в виде наказания, на епитимью при архиерейском доме, но без внесения в формулярный список. Трогательную картину представляло, рассказывают очевидцы, как Владыка в скуфейке и в иноческой, скромной ряске, а иногда и в подряснике – работал, бывало, в архиерейском загородном

саду, с кряпкой или лопатой в руках, окружённый штрафными епитимийцами. Наказаний суровых архипастырь избегал.

В саратовской епархии Высокопреосвященный Иоанникий ввёл впервые выборное начало в духовенстве и благочиннические советы.

Затем с Саратова начались заботы высокопреосвященного Иоанникия об облегчении духовенства в деле образования детей и не только мальчиков, но и девиц. Зная по опыту собственной жизни, каким бременем тяжёлым для духовенства ложится воспитание и обучение детей и как много даровитых людей погибает от материальной нужды и невозможности продолжать образование, архипастырь отдался всем милосердным своим сердцем и всей непреклонной энергией, и проницательным умом на изыскание такого источника, который бы обеспечивал нужды епархии по обучению детей духовенства. И вот владыка юбиляр мудро останавливается на счастливой мысли об учреждении епархиального свечного завода и смело решается на эту первую в России попытку. Завод начинает свои первые шаги ощупью, неуверенно, нерешительно. Архипастырь помещает его в своём доме, жертвует личные средства, сам следит и руководит за производством и операциями. Полезное первое в России начинание архипастыря Бог благословил успехом. Завод стал на ноги и скоро сделался благотворительным учреждением и главным источником по покрытию всех неотложных нужд на духовно-учебные и благотворительные учреждения епархии. При помощи завода устроено и обеспечено было епархиальное женское училище, учреждением которого положено было архипастырем начало женскому образованию духовного звания Саратовской епархии, а также положено основание приюту для бесприютных сирот духовенства, учреждён учебно-заработный дом. Всё это во веки будет служить немолчными свидетелями, несокрушимыми, памятниками о доблестной архипастырской деятельности юбиляра на первой его святительской кафедре.

13 июня 1873 года последовало перемещение Высокопреосвященного юбиляра на старейшую нижегородскую кафедру. 12 июня Саратов проводил своего любимого

архипастыря, оглашая собор слезами, рыданиями паствы, благословляя имя незабвенного архипастыря и отца.

На Нижегородской кафедре высокопреосвященный юбиляр святительствовал только 4½ года; но совершенно им здесь было за это короткое время столько же доброго, важного и векового, сколько в 9 слишком лет в Саратове. Это объясняется той уверенностью и твёрдостью, с какой новый архипастырь проводил здесь свою, испытанную благоплодным саратовским опытом, программу и систему, – а также и усердием сотрудников, (из коих иерарх до ныне вспоминает благодарной памятью о. Крылова и о. Виноградова), – и подготовленностью почвы в земле Низовской, где, под влиянием благих опытов соседней епархии, начаты были те главные учреждения, которым он положил почин в Саратове, – разумею свечной завод и духовное женское училище. Но высокопреосвященный юбиляр застал их только в зачаточном, неразвитом состоянии. Новый архипастырь не только развил и укрепил эти юные учреждения, но и вновь создал при женском Епархиальном училище детский приют, в котором нашли себе убежище в первые же годы учреждения его 40 детей сирот. При Оранском монастыре им основана ремесленная школа для 40 мальчиков, немогших поступить почему-либо в духовно-учебные заведения. Но кроме того владыка здесь осуществил новое великой важности дело – это устройство первого в России великолепного семинарского общежития, причём изыскал средства на безмездное содержание 108 учеников из 288 всех учащихся, так что только 29 семинаристов жили на квартирах у родных или родственников.

Устройством общежития достигалось улучшение материального быта родителей, не тративших теперь на обучение детей своих бедных средств и возвышалось в семинарии нравственное и воспитательное дело. На все эти учреждения Владыка был щедрым благотворителем, так что на одно епархиальное училище им пожертвовано до 15 т. р.

Нижегородская паства святительское имя юбиляра считает «своим украшением и славой», и проводила его в далёкий Кавказ «как ангела Божия», по выражению одного оратора, «как

солнце, так отрадно светившее и благотворно согревавшее и пастырей и пасомых», «как благодетеля и отца».

В 1877 г. Высокопреосвященный Иоанникий назначен был экзархом Грузии и членом Св. Синода. В новом крае были новые задачи; но и здесь нашла себе более чем где-либо место и применение та благодетельная система архипастыря, которая так много осчастливила Саратовскую и Нижегородскую кафедры.

Бедность и нужда духовенства в Иверии архипастырем усмотрена гнетущая; а с ней царила страшная тьма и необразованность среди духовенства, особенно же в женской половине сословия. Новый экзарх самое живое участие принял в улучшении материального и воспитательного положения семинарии и немедленно приступил к учреждению епархиального женского училища.

Всё своё жалование, за время служения в Грузии (4½ года), Высокопреосвященный Иоанникий жертвовал на нужды духовного образования детей грузинского духовенства (около 30 т. р.). Много экзархом Иоанникием сделано для распространения православия и просвещения среди туземцев и для улучшения церковных порядков.

В истории грузинского экзархата время управления высокопреосвященным Иоанникием считается «светлой, благодетельной эпохой».

27 июня 1882 г. высокопреосвященный юбиляр возведён был в сан митрополита древлепрестольной Москвы и здесь явил себя достойнейшим преемником великих святителей Московских. Московской кафедре высокопреосвященный юбиляр также оставил неизгладимые следы своего мудрого, твёрдого, справедливого управления и создал памятники, которые сделали имя его и здесь незабвенным. Сюда нужно отнести учреждение и устройство второго женского епархиального училища, на которое пожертвовано архипастырем 10 т. руб., учреждение 10 стипендий при Филаретовском училище, а главное устройство общежитий при вифанской и московской семинариях и Перервенском училище,

с изысканием средств для безмездного содержания всех воспитанников.

Этим сделано духовенству епархии такое великое благодеяние, подобного которому доселе нигде не находится в летописях и в жизни духовно-учебных заведений других епархий. Подвиг этот поражает всех своей небывалостью и оказал московскому духовенству пособие, равняющееся не менее половины его годовых доходов. В Москве учреждено было новым митрополитом просветительное братство св. Кирилла и Мефодия, которое сделалось благодетельным рассадником и органом церковно-школьного просвещения и управления. При московской семинарии открыта кафедра раскола и заведены беседы с раскольниками, а также при Покровском монастыре и в частном доме кружком собеседников велись полемические прения о вере. Учреждено затем было общество церковного пения, пенсионное учреждение для духовенства, устроена больница, приют для детей, убежище для заштатных священнослужителей и многое другое.

Как мудрый управитель и ревностный страж православия, 17 ноября 1891 г, архипастырь-юбиляр был, в особых миссионерских целях, Высочайше назначен на киевскую митрополию, глубоко отягчённую тогда борьбой с широко разросшейся штундой.

Здесь Владыка-юбиляр, для воздействия на отпадших и охранения православных, прежде всего учредил «Религиозно-просветительное общество», которое сделалось распорядительным миссионерским центром и ведёт весьма успешно чтения во многих местах города и полемические противо-штундовые собеседования, издаёт листки, строит храмы. Местной миссии дано лучшее устройство и увеличено архипастырем число миссионеров, улучшено их материальное обеспечение; заведены ежегодные уездные миссионерские съезды, открыты вновь и улучшены существовавшие ранее церковные школы, улучшены составы причтов в приходах, заражённых штундой и проч.

Для улучшения быта духовенства учреждена эмирительная касса, основан пожарный капитал, улучшен и расширен свечной

завод. Сам архипастырь на начало всех этих учреждений вложил крупные жертвы (по 10 т. руб.). Многие сделано Высокопреосвященным юбиларом и для киевских духовно-учебных заведений: перестроена академия, преобразованы женские училища, устроена при 2 училище церковь на средства митрополита, а при Богуславском – больница, открыт при женском епархиальном училище приют для бедных детей духовного звания, так что всех благ, сделанных для епархии юбиларом и явно, и тайно не исчерпать в кратком юбилейном очерке. Можно сказать одно, что славная полувековая деятельность архипастыря-юбилара, как великого иерарха составит предмет целой обширной истории.

Закончим наш беглый юбилейный очерк полувековой доблестной жизнедеятельности юбилара-архипастыря напоминанием о тех важных церковно-государственных исторических событиях, в которых Бог судил быть ему участником.

Сюда нужно прежде всего отнести участие архипастыря в двух коронациях Государей: Императора Александра III и Николая II, освящение храма Христа Спасителя в присутствии Их Величеств, встречу Государя Николая Александровича и молодую Государыню Александру Феодоровну в 1896 г. в Киеве и сопровождение Их Величеств по пещерам Киево-Печерской Лавры; освящение в присутствии Их Величеств Киевского Владимирского собора и памятника Николаю I, освидетельствование в особой комиссии и удостоверение нетленности мощей и истинности чудотворений Святителя Феодосия Черниговского и открытие сих св. и многоцелебных мощей, совершенное архипастырем в г. Чернигове 9 сентября 1896 г.; открытие под почётным председательством и мудрым руководством высокопреосвященного юбилара – двух всероссийских миссионерских съездов в Москве, первого церковно-школьного съезда в Киеве (в 1894 г.).

Архипастырь-юбилар за свои доблестные заслуги церкви и отечеству почтён Государями и увенчан всеми российскими орденами до св. Андрея Первозванного включительно.

Редакция «Миссионерского Обозрения», от лица всех, тесно сплотившихся близ органа внутренней миссии её деятелей, – долгом считает ныне принести Архипастырю юбиляру, чувства благоговейной признательности за всё добро, сделанное для миссии и усердно молить Творца веков и времён: да будет заходящая ныне за свой горизонт вечерняя заря жизнедеятельности маститого юбиляра также приятно, мирно и ярко блестяща, как закат рабочего летнего жаркого дня в тихий вечер!

Да продлится же и ещё на многие и многие лета животворный свет святительства доблестного иерарха-юбиляра на славу и пользу православия и на духовное утешение и радость всех верных сынов матери Церкви!

В. Скворцов

**Фудель И., свящ. Церковное и внецерковное
учительное слово. // Миссионерское обозрение.
1899. № 2. С. 427–436**

Проповедь церковная имеет свои определённые и довольно узкие рамки. Очень ошибается тот из проповедников, кто не замечает этих рамок и тем насильственно расширяет их до неопределённых размеров. Необходимо, впрочем, повторить, что мы рассматриваем данный вопрос (как и в первых главах) только с точки зрения слушателей, т. е. преследуя цель достижения наибольшей суммы впечатления и влияния на народ проповедника. Для этой цели не надо пренебрегать ничем, даже маловажными, по-видимому, мелочами, и, наоборот, можно поступиться иногда кое-чем и очень важным с точки зрения школьных гомилетических правил.

Чин каждого богослужения в Православной Церкви есть нечто цельное, гармоничное во всех своих частях как художественно законченное произведение. Эта законченность особенно заметна в таких богослужениях, которые почти не подвергаются изменениям и сокращениям, как например: литургия, пасхальная заутреня, богослужения страстной седмицы и др. Но художественная цельность нашего богослужения заключается не в одной только гармоничности или пропорциональности отдельных частей известного чина, но главным образом в полном соответствии внешней формы с внутренней идеей; а это, как известно, есть главный закон художественного творчества. Каждое песнопение, каждое священнодействие есть точное и ясное выражение известной мысли, а всё вместе составляет с эстетической стороны такую законченную картину, которая действует неотразимо обаятельным образом на всех одинаково: на детей и старцев, простецов и мудрецов. Глубокое воспитательное значение этого действия не подлежит никакому сомнению.

Всякая церковная проповедь есть *вводное прибавление к установленному чину богослужения*. И ко всему тому что было сказано нами в предыдущих главах об условиях действительности проповеди, необходимо поэтому прибавить ещё одно условие: чтобы она ни в чём и ничем не нарушала художественной

гармонии и цельности того богослужения, во время которого произносится. Это значит: *церковное богослужбное слово* и своим содержанием, и силой вдохновения и продолжительностью произношения должно быть в наиболее полном гармоническом соответствии с богослужением. Тогда оно не только не нарушает цельности впечатления, но, принося струю новой живой силы, даже усиливает это впечатление. Получается аккорд цельный, стройный, гармоничный, который неотразимо действует не только на чувство, но и на сознание богомольца.

Идеальный пример такого слова представляет слово св. Иоанна Златоустого, произносимое в пасхальную утреню. Это удивительное (можно сказать – огненное) по высоте вдохновения слово. Само по себе, взятое отдельно от службы, оно представляет величайший образец не только красноречия, но и христианской поэзии. Не знаешь, чему в нём более удивляться, – тому ли что в нём так полно и выразительно вылился дух воспоминаемого события, или тому, что внешнее выражение идеи достигает здесь самых вершин художественного творчества. И всё это так гармонично соответствует художественной высоте песнопений и вообще всей службы пасхальной заутрени, что слово Златоустого само собой *слилось* со службой, сделалось её нераздельной составной частью, так что отнять его от богослужения (не произнести его) нельзя без ущерба для полноты и красоты всего богослужения.

Вот, повторяем, *идеальный* образец такого церковного слова, которое составляет одно целое с богослужением. Подражать этому совершенству – нельзя (кто из нас обладает даром художественного слова?). Но стремиться к этому идеалу нам рядовым проповедникам – можно и необходимо. И можем мы это делать главным образом с отрицательной стороны. Надо для этого только стараться удалять из проповеди всё то, что может произвести диссонанс в душе богомольца и изменить её настроение. Возьмём самые резкие примеры: как бы проповедь ни была хороша по мысли, изложению, одушевляющему её чувству, но если она *слишком продолжительна*, внимание

слушателей, вначале возбуждённое, начинает мало по малу ослабевать, рассеиваться и разрешаться в чувство томительного ожидания: «когда же он, наконец, кончит?» В результате – прекрасная сама по себе проповедь не только не производит должного впечатления, но ещё ослабляет молитвенное настроение в душе у многих богомольцев. *Est modus in rebus* – это мудрое правило очень часто проповедниками забывается. Точно также, если в минуты высшего напряжения молитвенного чувства и умиления, в минуты, когда душа богомольца, сливаясь с церковными песнопениями, потрясена в своих глубочайших тайниках, если в это время проповедник в своём слове (хотя бы и кратком) станет догматически раскрывать какую-либо истину, или холодно-рассудочно объяснять значение воспоминаемого события, – какое действие произведёт его слово? Обратное тому, какое было бы желательно. Его слово внесёт разлад в душу слушателя, подействует охлаждающим образом на его пылающее чувство и, как резкий звук иного строя, произведёт диссонанс в общем согласном настроении¹⁵².

Согласие слова проповедника с общим всей церкви чувством, с общим настроением, т. е. проникновение учительного слова этим чувством, отображение его – есть также одно из главных условий *действенности* церковного слова. И проповедник достигает этой действенности, когда он горит любовью к своей пастве, когда он вдумчиво, а не кое-как относится к своей учительной власти, когда он возгревает и поднимает до высокой степени своё молитвенное настроение, когда он сам проникается и вдохновляется духом церковных молитвословий и песнопений, особенно за тем богослужением, когда ему нужно произнести слово¹⁵³.

И вот все те условия внутренние и внешние, о которых мы выше говорили и с которыми должен считаться проповедник, чтобы его церковная проповедь приобрела наибольшую силу влияния; всё это взятое вместе и составляет те определённые и узкие рамки церковной проповеди, о которых мы говорили в начале этой главы.

VI.

Но призвание этих рамок нисколько не ограничивает пастырской свободы и власти учительства. Это признание только *разграничивает* различные области, в которых действует пастырское слово. Ибо пастырь не может и не должен суживать своё учительство пределами только богослужебной проповеди; в его распоряжении есть ещё более обширная, почти ничем не ограниченная, область проповеди *внецерковной*, внебогослужебной.

Пастырь должен учить везде и всегда. Апостольский завет: «проповедуй слово, настой благовременно и безвременно, обличи, запрети, умоли со всяким долготерпением и учением» (2Тим.4:2) не может быть исполнен, если пастырь только за богослужением говорит, а в другое время молчит. На всяком месте пастырского служения, во всякое время – представляется ему возможность (а иногда и настоятельная необходимость) сказать слово назидания, утешения, обличения. В школе с детьми, при исполнении частных треб в домах прихожан, в общей беседе с теми же прихожанами в свободное внебогослужебное время – какое обширное поле для пастырского учительства! И ничем он здесь не стеснён, никакими условностями или ограничениями времени и места. Скажет ли он два-три слова от души в частном случае – благовременное утешение или напоминание стоит иной проповеди. Говорит ли он два-три часа без отдыха на собеседовании с «иными овцами» – тут же его слушает, затаив дыхание, своя же паства. Одним словом, везде и всегда добрый пастырь находит готовность слушать его слово и внимать наставлениям. Везде есть добрая почва, было бы только желание сеять.

Внецерковное учительство в основе своей имеет то же, что и церковное – простое, устное, живое слово пастыря. Разница лишь та, что формы внебогослужебных бесед разнообразны, смотря по потребностям места, и допускают большую свободу пользования словом. Пастырь может прочесть житие святого и

затем в живой речи сделать заключение из прочитанного, отметить наиболее существенные черты жития, имеющие отношения к слушателям, может прочитать что-либо из Священного Писания или из творений Отцов Церкви и своими словами объяснить прочитанное, одним словом может в самых разнообразных формах пользоваться тем богатейшим материалом, который у него всегда под руками. Единственное условие, которое необходимо соблюдать при этом, состоит в том, чтобы пастырь своим живым словом *одухотворял* тот сырой материал, который употребляет для своей внебогослужебной беседы. А иначе она превратится в сухое, *мёртвое поучение* несравненно менее действенное, чем даже прочитанная проповедь. Нам неоднократно приходилось бывать на таких *поучениях* (совершенно неправильно именуемых «беседами») и каждый раз мы выносили самое неблагоприятное впечатление. Где нет живого слова, там нет и жизни. Пастырь безучастно – формально читает что-либо, как бы исполняя повинность, случайные слушатели безучастно, равнодушно слушают и нередко на основании этого обоюдного отношения к делу составляется мнение, что внебогослужебные беседы не прививаются. Живое дело требует живого, сознательного отношения к себе и исполнения. Нельзя замыкаться в рамки обычая или традиции, а необходимо искать более удобные пути для развития учительного слова. Если один путь не удовлетворяет, надо перейти на другой.

Поучительный пример такого отношения к делу мы видим в деятельности одного священника Тамбовской епархии о. М. Этот пастырь долго безуспешно завлекал своих прихожан на воскресные беседы в церковь.

«Придут раз, два – послушать, а там опять старая история: никого нет, кроме одних старух». О. М. стал допытываться от прихожан, почему перестали ходить на беседы, и, наконец, от одного грамотного мужика услышал признание, что народ не идёт на беседы в храм потому, что там в храме *скучно стоять*, «Ни тебе спросить о чём-нибудь, ни порадоваться вслух. Одно дело: стой и вздыхай! Нет, как-то скучно. У сектантов вон не так беседуют, оттого к ним и льнут. Там коль не понял, сейчас и

заговорили об этом; коль нравится что, сейчас можно толкнуть соседа в бок и перешепнуться. Вот и любопытно слушать»... О. М. стал после этого вести внебогослужебные собеседования *в школе* и результат получился блестящий: народ стал так дружно посещать беседы, что мест всем не хватало, а с народом вместе стали заходить на беседы и сектанты, никогда прежде не появлявшиеся в церкви¹⁵⁴.

Пример этот очень характерен и имеет не местное только, но и общее значение. И прежде всего внебогослужебная беседа должна быть не по названию только, но и по существу действительно – *беседой* пастыря с пасомыми, учителя с учениками. Народ ищет с одной стороны живой речи, с другой – непринуждённого свободного отношения к этой речи; всякая натянутость в этом деле пагубна. Иное дело слово церковное, выслушиваемое молча с благоговением за богослужением, иное – слово учительное вне церкви, где пасомые ищут положительного и авторитетного ответа на те или другие запросы души и где отзывчивый пастырь всегда сумеет *удовлетворить эти запросы*. В этом последнем и лежит центр тяжести внецерковного учительства. Недостаточно только сознавать духовные потребности народа, необходимо понимать, как удовлетворить их, а для этого надо стать лицом к лицу с этими потребностями и *взять удовлетворение их в свои руки*. Нельзя медлить, нельзя закрывать глаза или отмахиваться от надвигающихся новых потребностей. Хочет народ читать Священное Писание – надо собирать паству в свободные часы и объяснять слово Божие; хочет он услаждать себя духовным пением – надо петь с ним церковные песнопения. А иначе придёт самозванный учитель и удовлетворит ту и другую потребность, и тогда будет поздно собирать растерянных овец. «Надо заводить свою штунду», как говорил приснопамятный святитель Феофан. Надо побольше нам мужества, чтобы не закрывать глаза перед опасностью, побольше смелостей собственной *самодеятельности*, чтобы предотвратить эту опасность и не выпускать пастырского посоха из рук. Самодеятельность, инициатива – вот качества чрезвычайно важные в пастырском деле, но, к сожалению, не слишком часто

встречающиеся среди нас. Это наше несчастье. Мы до сих пор ещё в большинстве случаев плетёмся в хвосте интеллигенции, которая, где только возможно, старается взять удовлетворение духовных запросов народа в свои руки. Вот, например, народные чтения по деревням с туманными картинками. В последнее время они получили очень большое распространение. Со стороны интеллигенции понятно стремление привлечь духовенство к этим чтениям, чтобы придать им более значения в глазах народа. Но пастырям какая нужда *связывать* себя по рукам и ногам? Выписываются картинки; *к ним* приложены тощие брошюры; батюшка, как по шаблону, прочитывает свою брошюру; крестьяне не столько слушают, сколько смотрят занимательные картинки; первая часть зрелища кончена, духовно-нравственный отдел исполнен; другие лекторы начинают показывать картинки иного содержания; батюшка может уходить, его роль кончена. И к этой недостойной игре в картинки¹⁵⁵ некоторые пастыри сводят всю свою учительную деятельность. Какое жалкое зрелище!

Вся беда наша не в лености, не в отсутствии пастырской ревности, не в недостатке умения говорить, а в том, что *мы не сознаём своей силы*. Есть очень ревностные пастыри, которые вполне уверены, что только какими-нибудь туманными картинками и можно народ заинтересовать и заставить слушать. (Это наш-то народ, который по четыре часа, не переводя духа, слушает какой-нибудь утомительный «спор о вере»!) В этом грубая ошибка от недостатка самосознания.

Мы, пастыри Церкви, должны учить, как *власть имеющие*, а не как книжники и фарисеи (Мф.7:29). В своём учительстве мы не должны следовать чужой указке или, тем более, соединять своё слово с забавой или развлечением народа. Мы не должны стесняться тем, что бок о бок с нами действует иная учительная сила – светская, интеллигентная, иногда союзная нам, но иногда и враждебная. Тем более мы не должны поступаться в пользу её своим правом и обязаны зорко следить, чтобы, хотя бы ненароком, не посеяны были плевелы среди нашей пшеницы.

Слава Богу, народ наш ещё не избалован, не испорчен в конце. Он ещё чует правду и льнёт к ней, всей душой

откликается на живое, церковное слово и готов часами слушать учительное слово своего законного пастыря. Лишь бы только мы не теряли своего права, своей силы, своей власти учить...

Свящ. И. Фудель

С. Е. Н. К вопросу о более желательной и целесообразной постановке церковноприходской и школьной миссии среди населения инородческого среднего Поволжья. // Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 436–451

В последнее время и в жизни, и в печати снова выступил, настойчиво требуя себе ответа, так называемый, *инородческий вопрос*; вопрос старый, много раз и многими обсуждавшийся и всё-таки далеко не решённый. В истекшем августе, состоялся в г. Самаре, под председательством преосвященного Гурия, при участии главного наблюдателя церковных школ Империи В. Л. Шемякина и окружного И. А. Износкова, посвящённый инородческому вопросу, съезд наблюдателей и местных деятелей просвещения по школьно-инородческому делу Поволжья; следовательно, инородческий вопрос современный, живой, требующий всестороннего освещения и не кабинетного только обсуждения.

Как следует относиться к инородцам, какими путями вывести их из тёмного язычествующего состояния и просветить их светом евангельской истины, как приобщить их благам русской жизни и образованности (культуры), не уничтожая их племенных особенностей, не насилуя их языка, не ломая строя их жизни? – вот в чём суть вопроса, имеющего самое живое и близкое отношение к задачам внутренней нашей миссии, а, следовательно, и к её печатному органу – к «Миссионерскому Обозрению».

Покойный Н.И. Ильминский. посвятивший слишком много внимания и сил просвещению инородцев Волжского края, как плод многолетней опытности, оставил целую систему просвещения инородцев-татар, чуваш и др. Лучшее в этой системе – это настойчивое признание необходимости говорить с инородцами на их природном языке, нести Евангелие – понятное им, совершать Богослужение, где не понимают славянского языка, на инородческом. Но в системе Ильминского есть нечто недосказанное, недоговорённое: забыто

разграничение воспитания христианского с одной стороны, и гражданского образования – с другой, не указано, что принадлежит собственно миссии Церкви в деле просвещения инородцев Евангелием и чем должна ограничиваться сфера влияния мирян, поставивших для себя задачей образование инородцев. При жизни самого Николая Ивановича этот пробел его системы не бросался в глаза и не так чувствовался: прошедший духовную школу, воспитанный в строго церковном духе, искренно и глубоко религиозный – Ильминский, чуждый каких-либо себялюбивых стремлений в данном деле, в себе самом носил меру того, насколько и в чём можно было ему быть руководителем христиан из инородцев, и что безусловно должно принадлежать Церкви и законным её служителям – епископам и священникам. Его влияние на инородцев было громадно, но оно всегда совершалось в духе высоко-христианского смирения и православной церковности. Вот почему и церковная власть, в лице архипастырей, ценя деятельность Ильминского, как своего сотрудника со-работника на ниве Христовой, и зная бескорыстность, самоотверженность его стремлений, не могла не принимать во внимание его указаний касательно устройства церковно-приходской жизни инородцев, дорожила рекомендуемыми им лицами во священники, деятельно поддерживала его школы и. т. п. Но то, что связано было с личностью, никоим образом нельзя связывать с званием или должностью, и нравственным достоинством одного нельзя измерять правоспособность другого. Ильминский – личность редкая и, быть может, единственная в своём роде. Преемникам его по просвещению инородцев мало того, чтобы быть только ближайшими учениками Н.И. Ильминского, необходимо унаследовать дух великого учителя, его веру в Бога и преданность Церкви, его любовь к людям, чистоту его намерений и правоту действий. Иначе возможно злоупотребить общественным доверием к имени высокого авторитета и легко святое дело просвещения тёмных людей обратить в борьбу себялюбия и страстей. А уж если где, то в особенности здесь постыден и вреден антогонизм между гражданским ведомством и Церковью. А между тем, с

великим прискорбием нужно сказать, что нежелательные отношения представителей духовного и гражданского ведомств в деле христианского просвещения и церковного благоустройства инородцев дают себя чувствовать, доставляя много забот и огорчений людям искренно и истинно радеющим об утверждении православия среди инородцев и о просвещении их христианством.

Где же искать причину такого печального явления? Откуда может происходить несогласие в действиях?!

Светские просветители инородцев вину всего склонны видеть в духовенстве, в несочувствии якобы местной духовной власти инородческому делу, в её будто бы нетерпеливом стремлении к скорейшему обрусению инородческих племён, в невнимательности к насущным духовным потребностям последних и т. п. Но это чистейший вымысел: нынешняя духовная власть и епархиальные учреждения средне-поволжских губерний относятся к делу просвещения инородцев-татар и чуваш, как и всегда прежде, сочувственно и заботливо, не употребляют никаких новых, искусственных средств к обрусению инородцев, да и не поставляют для себя целью это обрусение, ибо хорошо понимают, что не это главное дело миссии Церкви. Уж если какое духовенство, так православно-русское всего менее можно упрекать в смешении задач Церкви и интересов государственной политики. Подобно великому Апостолу языков, каждый православный архипастырь и пастырь помнит прежде всего только души людей, забывая совершенно, к какому племени принадлежат тела их, и по мере широты своего сердца, старается быть всем для всех, чтобы спасти хотя некоторых. Мы не нетерпимые фанатики, чтобы из числа спасаемых Христом исключать тех, которые не принадлежат к нашему роду, напротив, признаём и открыто исповедуем, что в Церкви Божией нет различия между эллином и иудеем, обрезанным и необрезанным, варваром и скифом, рабом и свободным, и что всякий человек, без различия его земного происхождения и внешнего положения, есть званый наследник царствия небесного. Мы – и не служители католической церкви, отнимающие у народов право совершать Богослужение на их

родном, понятном малым детям, языке, желающие всех объединить около Рима, сделать не столько христианами, сколько католиками. Заподозривать миссию православного духовенства в каких-то государственных тенденциях, в стремлении скорее и всеми средствами обрусить инородцев Империи – это значит приписывать нечто искони ему чуждое и противное, забывая, что православное духовенство выставило из себя целый ряд мужей чисто апостольского духа – Свв. Стефана Пермского, Инокентия Иркутского и т. п., и что русских православных миссионеров ещё никто и нигде не укорял за насильственное навязывание просвещаемым веры, языка, обычаев жизни, или за политические тенденции. Знаменитые просветители язычников – покойный М. Иннокентий, архим. Макарий Алтайский, современный нам преосв. Николай Японский достаточно характеризуют, каких приёмов держится русское духовенство в своей церковно-просветительной миссии, когда приводит людей ко Христу, когда проповедует им Евангелие Царствия Божия.

Итак, не в духовенстве и его миссионерских мероприятиях к просвещению поволжских инородцев нужно искать источник некоторых разногласий в действиях и взглядах светских и духовных деятелей просвещения инородцев. Скорее причина здесь в коренной ошибке нынешней постановки инородческого дела со стороны преемников Ильминского – это в присвоении ими себе прав самостоятельно заниматься христиански-просветительной миссией среди инородцев, – прав церковного учительства и устройства церковно-приходской жизни инородцев. Ильминский, повторяем, был воспитанником духовной школы, человеком строго-церковной мысли и духа, – высокой настроенности, и то, что принадлежало ему как личности – евангельски-просветительная деятельность среди инородцев и забота о церковно-приходском устройстве их быта, преемникам его не следует дерзновенно присваивать себе по праву должности. Заботиться о научении и воспитании инородцев в духе православно-церковной истины может, только Церковь, и заниматься руководством и управлением инородческих приходов должно предоставить исключительно епархиальному

начальству. Всякое стороннее вмешательство здесь, в силу якобы права, неизбежно должно, повести к разномыслию, к недоразумениям и борьбе. И эта борьба способна возникать отнюдь не из ревнивого оберегания церковной властью своих священных прав духовного учительства и надзора над приходскою жизнью, а должна явиться простым следствием двойственности влияний, следствием прямого двоевластия, вредных во всяком деле, тем более в деле созидания единой Церкви Божией.

Прямее сказать, причину того разномыслия и несогласия, какие иногда замечаются в инородческом деле поволжского края, нужно искать в неурегулированных отношениях между духовенством и чинами Министерства Народного Просвещения, причастными к инородческому делу. Здесь дело отнюдь не в личных счётах и страстях, а в ложном принципе, руководящем инородческих деятелей: можно сменить личностей, заменить их новыми, но прочного согласия и гармонии в общих действиях не будет до тех пор, пока не будет фальшь устранена в самом принципе, пока не будет устранён сам источник борьбы. И раз инородческий вопрос снова выдвинут, нужно смотреть на него прямо и решать окончательно.

II.

Итак, как же решить инородческий вопрос? Какие изменения нужно произвести в настоящей его постановке? Как избежать разногласия между ведомством Министерства Народного Просвещения и епархиальными начальствами Поволжского края по оному вопросу, дабы мирно и спешно совершалось святое дело просвещения инородцев, чтобы и светские люди, избравшие себе служением образование инородцев, и духовенство, обязанное пещись о религиозно-нравственной жизни инородцев-христиан и о привлечении в лоно св. Церкви неверующих или отпадших, единодушно делали дело Божие, шли рука об руку между собой, охраняя и уважая права друг друга?

Мы не претендуем на безусловное, безошибочное решение, так называемого, инородческого вопроса и на выработку окончательного проекта постановки дела инородческой миссии, но считаем не лишним высказать по данному вопросу свои замечания и представить некоторые соображения, относительно более желательной и целесообразной постановки дела православия среди инородцев среднего Поволжья.

Вопрос об инородческой миссии имеет две стороны, касаясь их веры и церковно-приходской жизни – с одной стороны, и школьного просвещения их грамотностью – с другой.

Берём, прежде всего, область церковно-приходскую, как такую, в которой находят себе удовлетворение высшие, религиозно-нравственные потребности человека. Здесь мы коснёмся кратко вопросов: о нежелательности инородческие приходы выделять из ряда других, об устройстве церковно-приходской жизни инородцев, о священниках для приходов с инородческим населением, – их школьном приготвлении к пастырскому служению, выборе и назначении на места, о задачах внутренней миссии среди инородцев и миссионеров, о переводах на инородческий язык Священного Писания и богослужебных книг, о монастыре для христиан из инородцев.

1. Несправедливо и нежелательно инородческие приходы обособлять и выделять из ряда других по их устройению и управлению. Если инородцы – христиане, они – та же паства, та же нива Христова, что и православные русские, только требующая от своего пастыря некоторой приспособляемости. Если отпадшие – мусульмане или язычники, – они тоже призваны ко спасению, то же стадо овец Христовых, только находящееся за оградой Церкви. О тех и других должна заботиться и болеть Церковь, как призванная освящать и спасать людей, те и другие в духовном отношении должны быть поручены смотрению служителей Церкви, ведению духовных начальств.

Странно опасаться, что духовенство не определит своей задачи в данном деле и не поймёт тех средств, какими можно достигнуть этой задачи. Цель ясна сама по себе: воспитывать инородцев в духе христианском – православно-церковном; крещённых и числящихся в Церкви укреплять в истине и вере, склонных к отпадению удерживать, вразумлять и оберегать, отпадших и язычествующих путём непринуждённого убеждения и проповеди приводить ко Христу.

Дело обрусения инородцев для Церкви – стороннее¹⁵⁶ и второстепенное: оно целью деятельности православного духовенства никогда не будет, а будет только естественным следствием проникновения в среду инородцев света христианства, следствием сближения их с православно-русскими, как носителями истинной, божественной веры и высшей гражданственности. Средства к выполнению духовенством своей высокой задачи – к просвещению инородцев светом Евангелия – тоже не новы и испытаны. Чтобы христианство прививалось сознательно, проникало в сердце людей и становилось для них началом новой жизни, нужно возвещать им его на их родном, понятном языке. Мы далеки от поползновений покушаться на язык инородцев, (как бы он ни был беден и жалок), и на этом с особенной силой настаиваем в предупреждение возможных здесь подозрений. Повторяем, что и высшая церковная власть, и рядовое духовенство прекрасно понимают свою нравственную обязанность быть, подобно

Апостолу, всем для всех, чтобы спасти некоторых. Язык инородцев останется неприкосновенным и не только в их семейно-домашнем быту, но даже и в области чисто церковной: пусть проповедь и Богослужение там, где нужно, совершаются на инородческом языке, как это признано Св. Синодом, пусть сохраняются все племенные особенности чуваш, татар, черемис, мордвы и т. п. Мы ищем не ихнего, а *их*; хотим сделать *их* самих искренними и истинными христианами, верными чадами Св. Церкви, – и совершенно для нас безразлично, на каком языке они будут исповедывать истинную веру, в какое платье станут одеваться.

Здесь, естественно, вам могут поставить вопрос: кто же станет пользоваться сим средством – природным языком инородцев – для насаждения и укрепления среди них православия? Кто понесёт, напр., чувашам Евангелие, понятное и женщинам, и детям их, плохо знающим или вовсе не знающим русского языка?

2. Вопрос этот, тождественный с вопросом о священниках для инородческих приходов, ставился много раз и решался различно.

а) Ссылаясь на мысль, высказанную покойным Ильминским, что священники, образованные для простого народа менее полезны, так-как держат себя якобы высоко, заносчиво, не сближаются с народом и через то ненадлежаще-де влияют на него нравственно. Некоторые деятели, считающие себя неизменными последователями Ильминского и стоящие во главе инородческого дела, желали бы рекомендовать и рекомендуют во священники лиц без всякого богословского образования из окончивших курс Симбирской чувашской учительской школы, принадлежащей к низшему разряду учебных заведений, или даже не прошедших полностью и этой школы.

Может быть и правда, что некоторые из священников с дипломами и аттестатами отличаются горделивостью и недоступностью, но отсюда вовсе не следует заключения, что нужно поставлять во священники лиц необразованных: истинное образование смиряет, а не надмевает, и никто, конечно, не

поручится, что священник из окончивших курс только в чувашской школе, не бывший в духовной семинарии, будет близок к народу и чуток ко всем его нуждам и запросам. Опыт, напротив, показывает, что и эти священники из малоучёных и малограмотных инородцев часто и весьма часто относятся к своим пасомым свысока, грубо, начальственно и ничуть не меньше должны быть упрекаемы в вымогательстве и поборах за требоисправления. Если Ильминский, имея в виду таких священников из инородцев, как известный его сотрудник по крещенно-татарской школе – Василий Тимофеевич (если не ошибаемся в точности имени), и находил, что священники из простецов лучше для народа, чем из образованных, – то во 1-х, далеко не все простецы отличаются такой же ясной верой и религиозной настроенностью, как Василий Тимофеевич, воспитанный самим Ильминским в христианстве, и, стало-быть, не всякий может недостаток книжного образования пополнять личными качествами и природными дарами, а во 2-х, то было время, а теперь другое: теперь всюду строятся школы, грамотность и образование и лже-мудрования всякие широко проникают в народ, и священник без надлежащего образования не в силах будет отвечать потребностям времени. Дух времени требует, чтобы священник приходский был не просто школьного образования, а именно богословского и очень широкого. Пробуждающийся в обществе интерес к вопросам веры и нравственности, брожение религиозной мысли, многочисленные и разнообразные секты, проникающие в самые отдалённые деревеньки и глухие сёла, не исключая и инородческих – всё это настойчиво свидетельствует о необходимости иметь и в сёлах священников, богословски-образованных, начитанных, искусных в слове и воспитанных в доброй жизни, дабы они всегда могли давать ясные и твёрдые ответы вопрошающим их о вере и уповании и служить светочами в жизни тёмной массы.

Симбирская чувашская учительская школа даже в настоящие годы своего улучшенного состояния не может брать на себя высокого права и ответственности – воспитывать в своих стенах пастырей церкви: для этого нужно проникнуться ей всецело духом церковности, нужна значительно расширить в

ней преподавание закона Божия, чтобы придать ученикам хотя вид богословского образования, ввести теоретическое и практическое изучение церковного устава и действующего пастырского канонического права православной Церкви и т. д. Практика показывает, что священники с такими начатками образования, вовсе не удовлетворяя своему пастырскому назначению, весьма часто являются нарушителями церковных законоположений и установлений, напр., в совершении браков в запрещённых законом степенях родства, что происходит, как открывают следствия, не предумышленно, а просто по неведению. Если же и бывают из таких кандидатов священники сносные, рассудительные, имеющие некоторое влияние на приход, то это исключительные личности, и на них утверждаться нельзя, как не принято у нас теперь считать для священника достаточным окончание курса учения в духовном училище, хотя среди священников с таким образованием встречаются люди благочестивые и опытные, недостаток школьного образования пополнившие своим природным умом и начитанностью. Естественно – в настоящее время епархиальные начальства не могут отклонять ходатайств о назначении во священники лиц из прошедших учительскую школу, принадлежащую к низшему разряду учебных заведений.

б) Теперь практикуется иной способ приготовления кандидатов священства на инородческие приходы. Окончившие курс чувашской учительской школы, пробывши некоторое время учителями в сельских училищах, рекомендуются инспектором школы, г. Яковлевым, по его личному выбору, в местную духовную семинарию для поступления в число воспитанников IV класса, принимаются туда на особых льготных условиях и содержатся во время обучения на специально от Св. Синода учреждённые стипендии. По окончании семинарского курса они иногда поступают в распоряжение епархиального начальства и назначаются, по усмотрению преосвященного, на свободные священнослужительские места в инородческие приходы, или, по своему желанию, уходят в другие епархии.

Этот способ приготовления кандидатов инородческого пастырства – лучший сравнительно с предыдущим, однако, и

его далеко нельзя назвать совершенным, не нуждающимся в изменении.

Не входя во внутренний смысл Церкви, как учреждения божественного, призванного научать, освящать и спасать людей, не желая понять всей высоты и тяжкой ответственности пастырского служения, светские просветители инородческого населения по-видимому склонны служение священства считать требующим от человека меньших умственных и нравственных достоинств, чем простое учительство в сельской школе, рекомендуя по временам неспособных учителей к посвящению во диакона, с намерением, конечно, провести его после и во священники. Но ведь священство должно заключать в себе по необходимости и учительство – проповедание слова Божия в Церкви и преподавание закона Божия в школе. При таких взглядах на качества священника, естественно, требование епархиальных начальств, чтобы кандидаты на священнослужительские места в инородческие приходы получали, сверх своего образования в учительской школе, ещё дополнительное – в духовной семинарии, может казаться излишним и чуть ли не обидным для пестунов инородческой обособленности, способно вызывать с их стороны нападки на сам дух семинарского воспитания, на вредное, якобы, влияние этого воспитания на инородцев – питомцев специальных школ. Более того, просвещённые хранители и оберегатели своих родных племён заботливо смотрят за учениками семинарии из инородцев, ревниво оберегая от заражения русофильским духом, стремятся изолировать от сближения с наставниками и товарищами по семинарии, стараясь при этом сохранить над ними всё своё влияние и выработать из будущих пастырей и руководителей жизни инородческих приходов единомышленных последователей себе.

А в существе дела вся вина духовных семинарий перед инородческими светскими просветителями заключается разве в том, что воспитанники народные, поднимаясь в семинарии на высшую, сравнительно с прежней, ступень своего умственного развития и находясь в новой среде, делаются способными более сознательно и критически относиться к своему прежнему

воспитанию и сами собой приходят к признанию внутренней несостоятельности современной постановки инородческой миссии и всех тех зол, какие несёт их единокровным отчуждённость в языке и бытовой жизни от благ общерусской культуры. Но истинные радетели о благе инородцев могут только радоваться такому росту самосознания у будущих пастырей инородческих приходов.

Не считает совершенным такого приёма воспитания кандидатов на священнические места в инородческие приходы и духовное начальство. Ведь может случиться, что из инородческих специальных школ рекомендуются в семинарию не лучшие воспитанники или не обладающие качествами, нужными для пастыря, – религиозностью, церковностью и т. п. Стоя вне влияния духовной семинарии, иной ученик-инородец с тем может и выйти из неё, с чем пришёл, без определённого направления и ясных убеждений, без нравственной выдержки и силы, с враждебными чувствами ко всему русскому, а иногда с заимствованием только отрицательных качеств русской жизни. Возможно и то, что ученик, поступивший в старшие классы семинарии без надлежащей подготовки к изучению богословских наук, не в состоянии бывает разобраться в разных течениях мысли и легкомысленно, с чужого голоса, под влиянием последней прочитанной книжки, говорит и своих сомнениях, давая тем самым сторонним людям повод заключать о вредном влиянии семинарского воспитания, – с поверхностным, легкомысленным отношением к делу, чего, конечно, нельзя вынести и из духовной семинарии, – как были люди, которые, из чтения самой Библии и Евангелия, приходили к грубым рационалистическим и даже атеистическим заключениям.

Итак, такая смешанная система приготовления кандидатов священства для инородческих приходов – на половину в чувашской школе, на половину в духовной семинарии – не вполне отвечает своей задаче и не совсем безвредно отзывается на самих будущих пастырях.

в) Отсюда представляется более целесообразным давать инородцам полное семинарское образование. Вместо того,

чтобы будущих кандидатов на священство в инородческие приходы, после воспитания их в инородческих учительских школах, принимать на льготных условиях прямо в IV класс духовной семинарии, можно проводить их через всю духовную школу, на ряду с другими воспитанниками, приготавливаемыми к пастырскому служению. В школах церковно-приходских или министерских всегда найдётся несколько учеников-чуваши и других инородцев со способностями. Их можно было бы принимать в известном количестве в духовное училище, или на своё содержание, освобождая от платы, взимаемой с иносословных воспитанников за обучение, или же на стипендии, какие, вероятно, не отказалось бы дать Православное Миссионерское Общество, так как в данном случае делалось бы чисто миссионерское дело. Из духовного училища эти инородцы естественным порядком переходили бы в духовную семинарию, где приём их, с разрешения Св. Синода, уже практикуется несколько лет, и есть специальные стипендии для них. Такой порядок воспитания кандидатов священства из инородцев отличался бы цельностью и полнотой: они всё время находились бы под одинаковым влиянием училищного и семинарского начальств и наставников, заботящихся о воспитании церковного духа и религиозной настроенности в учащихся; с детства сближались бы с русскими, входили бы в теснейшее открытое общение с ними, усваяя через то что есть лучшего в русской душе. Скажут нам, что десять годов учения в духовной школе совершенно изменяют воспитанника-инородца: свой язык он забудет, от родных и соплеменников отвыкнет и отшатнётся, житейского быта их знать не будет, так что, если после и поступит во священники в инородческую среду, будет для неё совершенно чужим.

Но, во 1-х, совершенно невероятно, чтобы человек мог потерять свой природный язык при подобных условиях. Ведь в данном случае мальчик станет воспитываться не как турецкие янычары: до времени поступления в духовное училище, примерно лет до 10–11, он живёт в своей деревне, среди родных, и говорит их языком, словом, поднимается в их среде; затем, в годы своего учения в училище и семинарии

значительную часть времени – святки, Пасху, летние месяцы – он имеет возможность проводить дома, среди тех же родных, в той же обстановке, говорить и слушать на том же родном языке. Мыслимая ли вещь при таких условиях забыть свой родной язык? Но ведь интеллигентные инородцелюбцы учились же и в гимназиях, и университетах и, ведь, не потеряли ли же своего чувашского языка, своей привязанности к родному племени? Не забудет мальчик и нравов своей семейной жизни – отцовских верований и преданий, не будет чужим для своих соплеменников, как каждый из нас помнит хорошо впечатления своего детства и любит родное. Во-2-х, если он усвоит русский и славянский языки в духовной школе, воспримет в свой домашний обиход нечто и русское – более благообразный образ жизни, порядок, чистоту и опрятность внешнего поведения, то этого злом считать никак не следует: чуваша и то много страдали и страдают глазами и разными сыпными, кожными болезнями, происходящими от крайне грязной их жизни; пора их избавить от этих произвольных, никому не нужных, страданий; во всяком случае странно в грязи и нечистоплотности видеть залог самобытного существования племени.

Итак, неосновательно бояться, что духовная школа обратит инородца в русского и сгладит в нём все племенные черты: если он был чуваш, или мордвин, иди вотяк, то и останется тем же и пройдя полный, курс духовно-учебных заведений; только он будет отличаться от других большей широтой и основательностью своих богословских познаний, меньшей отчуждённостью и враждебностью по отношению ко всему русскому. То и другое должно делать его только лучшим кандидатом на священнослужительские места. И если представить теперь вполне нормальный канонический порядок избрания кандидатов священства в инородческие приходы без всякого стороннего вмешательства и патронатства, *вносящих, обыкновенно, двойственность влияния и налагающих на человека двойную зависимость*, то можно ждать от пастырской деятельности плодов гораздо больших, чем от священника-инородца, воспитывавшегося предварительно в школе иного ведомства и сохраняющего и в священстве чувства

зависимости от своего бывшего начальства, а нынешнего патрона. Когда будет *единство* в заведывании и управлении церковно-духовною жизнью инородческих приходов, то устранился и та двойственность, которая много вредит делу православия среди инородцев.

г) Есть и ещё возможность всегда иметь в приходах инородческих священников, знающих язык племени и могущих с пользой для дела служить там. Дети духовных лиц – священников, диаконов и псаломщиков, живущих в сёлах иногда чисто чувашских и мордвинских, или на половину только русских, знают хорошо инородческий язык и с успехом пользуются им в сношениях с инородцами. Инородческий язык приходского населения им – второй родной, и, учась в семинарии, они не забывают его, да и забыть не могут, потому что продолжительное время в году проводят в своём селе в общении с инородцами. Почему же их, как знающих инородческий язык, близко знакомых с бытом и нравами инородцев, их воззрениями и верой, не считать предпочтительнее кандидатами на священство в такие приходы, чем, напр., окончивших инородческую учительскую школу, если последние пройдут даже курс старших классов духовной семинарии? Подобный способ замещения священнослужительских мест практикуется, как известно, среди зырян, мордвы и др. инородцев в других губерниях, и наблюдения над местной епархиальной жизнью убеждают, что священники из русских в инородческих сёлах более преданы своему делу и успешнее насаждают православие, чем чуваша в своих приходах. Инородческие приходы в сёлах Симбирской губ.: Тоиси, Старые Алгаши, Чурадчки, Красные Четаи, Сугут и другие, в особенности же Артюшкино, – где священниками состоят русские, по своей благоустроенности в церковном отношении – благолепию храмов, привязанности народа к Церкви, набожности и нравственной добропорядочности прихожан, далеко оставляют за собой инородческие приходы со священниками-инородцами.

Мы остановились довольно долго на вопросе о священниках для инородческих приходов, потому что это одно

из самых больных мест в деле инородческой миссии, успех которой всецело коренится на правоспособности и благонадёжности приходского духовенства в инородческих селениях Поволжья.

(Окончание следует).

Скворцов В. Церковно-государственное и миссионерское значение судебного процесса Ковенского ксёндза Белякевича. // Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 451–471

I. Несколько предварительных замечаний о процессе

В своё время на страницах «Миссионерского Обозрения» кратко сообщалось о судебном процессе Ковенского ксёндза Белякевича. Процесс этот принадлежит к разряду тех громких судебных дел *causae cetebrae*, – которые, обыкновенно, долго волнуют сердца и занимают умы общества. Дело о. Белякевича в течении многих месяцев приковывало к себе внимание всех культурных слоёв не только России, но и христиан Запада; оно не сходило со столбцов нашей и заграничной печати, произведшей собственное расследование всех обстоятельств дела и произнёсшей ранее уголовного суда свой строгий приговор над деяниями Белякевича. Слушалось это дело в Петербургском окружном суде (в феврале нынешнего года) хотя и при закрытых дверях, но в присутствии представителей всех ведомств, многих сановников, сенаторов, многочисленной корпорации юристов. Были на суде ксёндзов и представители высшего польского общества. Отчёта в русской прессе не было о ксёндзовском судебном процессе, но мыслящая и читающая интеллигенция имела по живому преданию нужные сведения о всех обстоятельствах дела. В заграничной же (польской) печати был напечатан подробный отчёт о процессе, с приведением обвинительного акта и прений, с тенденциозными, конечно, замечаниями в пользу осуждённого и против русских законов и суда.

Теперь все эти толки умолкли, страсти улеглись, оконченное дело кануло в лету забвения и сенсационный процесс можно обсуждать с летописным спокойствием.

Располагая достаточными по настоящему делу материалами и сведениями, почерпнутыми из верных источников. мы считаем ныне благовременным исполнить, высказанное нами ранее читателям «Миссионерского Обозрения», обещание подробно побеседовать по поводу интересного процесса ксёндза Белякевича. При этом нам хотелось бы равным образом бросить хотя бы беглый взгляд на

осуждённые деяния Белякевича с *церковно-канонической точки зрения*.

Нужно заметить, что все толки общества и печати (за исключением, впрочем, «Южного края») не выходили из круга суждений о политической и о криминальной стороне дела; эта сторона и могла быть только предметом исследования суда, ведающегося с наличием преступных фактов, предусматриваемых законом; церковно-каноническая же сторона дела осталась в тени, между тем как она здесь едва ли не более важная в общегосударственном и церковном смысле, чем уголовная и политическая.

По нашему мнению, эта сторона и послужила основой или почвой, на которой вырос с своими пастырскими подвигами печальный герой скандальной для католицизма истории. Казалось бы, ближайшее духовное начальство подсудимого ксёндза, т. е. Тельшевская консистория и епископ Поллюиен, в интересах смягчения вины подсудимого перед законом, должны бы в своём заключении суду осветить вопрос о влиянии на пастырскую практику ксёндза Белякевича и католического богословия. Но, по-видимому, для представителей католической Церкви это представляло слишком щекотливую альтернативу: не пришлось ли бы тогда обелять и охранять ревностного служителя католического алтаря через уничтожение в глазах всего христианского просвещённого мира искони действующей системы? Да и не предписывалось ли правилами Лайолы в данном случае, – *ad maiorem gloriam*, – лучше последовать примеру членов фарисейского Синедриона, о котором евангельское благовестие сохранило, как вечный укор покладистой совести, – известное наречение: «лучше единому умереть», чем отдавать на чуждый суд святое святых католической церковной дисциплины. Пусть лучше Белякевич один пострадает, чем явлена будет свету и подвергнется всемирному осуждению та система и практика католицизма, которая создала и поддерживает авторитет и владычество папы во вселенной, а ксёндза в приходе! Можно было бы, казалось, ожидать освещения и развития этой именно стороны процесса от защиты Белякевича тем более, что она находилась в руках

либеральнейших представителей нашей адвокатуры – гг. Спасовича и Андриевского; но и они обошли эту Сциллу и Харибду, оказавшись в своих воззрениях на совсем уже нелиберальные и негуманные поступки своего клиента, не менее растроганными, чем самые завзятые поборники пользы для тёмной массы «телесного озлобления» и крепостнической розги. Защита старалась задрапировать некрасивые поступки Белякевича, мантией фанатика и мученика религиозной идеи, «ратовавшего де за Бога». Но средневекового покроя мантия эта так нескладно приходилась к плечам Белякевича, что от присяжных не могли укрыться и беззаконье подсудимого, и фальшь софистов; суд вынес строгий обвинительный приговор, по которому ксёндз Белякевич осуждён на вечную ссылку в Сибирь, с лишением всех прав состояния.

И так, в чём же суть дела и имеет ли какой смысл и значение процесс ксёндза Белякевича в церковно-государственном отношении? Прежде чем ответить на этот вопрос, необходимо предварительно разрешить два других положения; именно: преступные деяния ксёндза Белякевича были ли плодом его личной злой воли, необузданного чувства фанатика? Или наоборот, осуждённые законом поступки Белякевича в его пастырской практике являлись результатом усвоенной им действующей или только допускаемой и апробируемой (одобряемой) системы пастырского практического Богословия, т. е. был ли Белякевич, нещадно полосовавший женское тело исправляемых им прихожанок, жестокий палач или только жертва пастырской своей ревности и слишком прямолинейного, бесхитростного, слепого следования правилам своей Церкви?

И в частности – нет ли в каноническом праве вообще и особенно у католических богословов оправдания тех мер физического воздействия на закоренелых грешников, каких держался осуждённый Белякевич в своей пастырской практике? Но отвечать на выше изложенные нами вопросы нельзя без изложения фактической стороны всех обстоятельств дела и подробностей процесса, которые и сами по себе так интересны и поучительны, что надеемся, читатели наши не посетуют, если

на этой части нашей статьи мы долго остановимся. Прежде всего несколько слов о самом герое этого сенсационного процесса.

II. Ксёндз Белякевич и девотки

Осуждённый ксёндз Казимир Белякевич, 26 лет от роду, по происхождению крестьянин жмудик или белорус, наружности некрасивой, малосимпатичной. Смуглый цвет лица, выдающиеся скулы, тусклые, без выражения, глаза, вялая, запинаясь речь, угловатые манеры истового бурсака семинариста, – не говорят о широте ума и развития Белякевича, но и не свидетельствуют о чувствах фанатизма, как страстного огненного внутреннего горения человека за известную идею. В спокойной несколько даже флегматичной для такого исключительного положения, как скамья подсудимого, – осанке, в форме заявлений, слышалась у Белякевича уверенность человека, исполнявшего свой долг. В Белякевиче нигде, ни в чём и никогда не проявлялось тени раскаяния или сожаления о сделанных им лютых. Впрочем, к симпатичной стороне Белякевича, говорящей именно о прямолинейности его характера, нужно отнести отсутствие у него той ксёндзовской позировки, того напускного благочестия, каким, напр., заявляли себя его молодые коллеги, всё время хотя бы в камерах суда (во время трёхдневного разбирательства дела) шептавшие своими жирными щеками и губами, вычитывая по молитвеннику положенные на известные часы дня молитвословия.

По образованию Белякевич воспитанник Тельшевской католической семинарии, прославившейся несколько ранее другим достойным своим воспитанником – ксёндзом Рамейко, который назойливо домогался, чтобы в русской гимназии католическая икона не стояла на одной стене с православной.

До обучения в семинарии Белякевич готовился, кажется, в фельдшерскую школу; но затем, по выдержании установленного для приёма в католическую семинарию, не мудрёного экзамена в объёме программы 4 классов гимназии – поступил в упомянутую семинарию. Как он там учился, об этом ничего неизвестно, как и вообще никто ничего из русских не знает, что творится в католических семинариях. Выпущен Белякевич не высоко по второму разряду. По окончании семинарского курса,

будучи 23 лет, Бемякевич был уже посвящён в иерея, получив назначение на должность викарного ксёндза при Троицком ковенском костёле. За смертью настоятеля – ксёндза Вороновича, ксёндз Бемякевич более года исполнял обязанности настоятеля. С этого собственно времени и начинают распространяться в приходской среде слухи о благотворных подвигах молодого ксёндза по исправлению грешников путём физического воздействия на их души. Ксёндз скоро прослыл за великого мастера исправлять порочных, укрощать строптивых, отрезвлять пьяных. Главным предметом пастырского попечения и борьбы о. Бемякевича были грехи пасомых против седьмой заповеди. Ксёндз стремительно и яростно принялся за искоренение разврата. Показалась ли ему, действительно, Ковна в этом отношении Вавилоном, ужаснувшим молодого ксёндза, строгого девственника и подвигнувшим его на систематическую борьбу с порочным содомом, или ксёндза подняли на дыбы сплетни и интриги так называемых старых девок-терцион, сказать трудно. Но есть основание полагать, что последняя причина играла в деяниях Бемякевича первостепенную роль.

Несколько слов о *девотках*. Это более старые, а иногда и молодые, но отчаявшиеся на счёт благ семейной жизни, девы и вдовицы, а иногда и скучающие мужатницы, давшие *третий* обет иноческого послушания, почему и называются терциане – *tertius* – третий и посвящают себя на служение при костёле, отдаваясь в беспрекословное распоряжение его настоятеля. Поэтому в руках ксёндзов девотки служат послушными и покорными орудиями всего, что служит *ad maiorem gloriam...* католицизма. Дружина эта в сущности представляет собою шпионов в юбках, или, выражаясь приличнее, – «благочестивых агентов». Они знают в приходе всю подноготную, им ведомы все грехи и преступления и явных, и тайных грешников. Всё это доносится приходскому ксёндзу. От такта и благоразумия последнего зависит далее, какие принять меры исправления против грехов и пороков при конфессионале на исповеди или в других случаях.

Ревность девок изумительна: они, обыкновенно, о всём случившемся ночью за 20–40 вёрст – к утру успевают доложить своему властелину ксёндзу, что достойно его внимания, при каких бы то ни было условиях дорог и времени года. Хотя вид и тип девок в общем представляется в виде несимпатичных фурий, но, с миссионерской точки зрения, нельзя не пожалеть, что в наших заражённых сектантством православных захолустьях, где рыщут лютые волки, не щадящие стада Христова, не организовано ничего такого, что бы благо временно поставляло в известность одиноких беспомощных православных пастырей о случаях пропаганды совращения, колебания и о других достойных внимания явлениях приходской жизни и среды.

Ковенские девотки страшно были преданы Белякевичу. так что при аресте его и осмотре костела, они составили живую преграду: сцепившись друг с другом, окружили входы и выходы костёла, так что власти пришлось прибегнуть к пожарной трубе; как ястребы, напали они на свидетелей и склонили последних отказаться от первых своих показаний в видах защиты и обеления ксёндза. Благодаря такой агитации девок, дело это слушанием перенесено было в Петербург, но девотки и сюда явились и как мрачные тени, мерно сновали около здания суда, с слезами на глазах и облекшись в глубокий траур.

Девотки несомненно распаляли огонь пастырской ревности бесхитростного Белякевича: узнавая от них о безнравственных пирушках где-либо в притонах мужчин и женщин, ксёндз с своими верными прислужниками спешил туда ночью и мужественно разгонял подвыпившую компанию, разбивал бутылки с водкой, за которую тут же платил свои деньги.

Узнает Белякевич от девок, что такой то муж подрался с женой, – требует обидчика в костельный двор «на покуту» (на епитимью и расправу). Получает сведения о сожительстве католички с православным, – тащит сугубую грешницу сюда и ввергает в костельные узилища и ведёт вразумление падшей по своей системе. Словом, девотки крепко овладели Белякевичем и под влиянием обожания и преклонения старых дев перед пастырской ревностью недалёкого ксёндза, он зарвался в своих

мерах до слишком открытого и грубого оказательства того, что совершается келейно, тонко, как тайна церковной дисциплины.

К характеристике Белякевича и в доказательство нашего мнения, что обвинённый творил свои подвиги далеко не под влиянием приступа фанатического экстаза, а с какой-то тупой холодностью, как бы по указке или рецепту, как истый целитель, нужно заметить, что он мало похож был на пламенного Саванороллу. Белякевич никогда и ни при каких случаях не тратил слов по-пустому, не расточал цветов красноречия, не прибегал к пастырскому увещанию, а прямо и решительно приступал к делу, т. е. к бичеванию. Во всех установленных случаях учинённого ксёндзом истязания и насилия над исправляемыми им пасомыми, он ни разу не предварил мер физического воздействия словом указания, исследованием причин и обстоятельств беззаконной жизни того или другого исправляемого грешника, а прямо без разговору или стегал, или сажал в места пастельного заключения на хлеб и воду, а после уже бывало, что и делал пастырские наставления. Затем в исправительных подвигах Белякевича замечается такая рассчитанность и систематичность в степенях наказания, такое разнообразие в мерах, способах и орудиях исправления, что трудно допустить, чтобы молодой, малоопытный, плохо развитой ксёндз-исправитель действовал по собственному творчеству без рецептуры практического богословия и шёл бы не по проторённой ранее его дорожке. Что в деяниях Белякевича ничего необычного для католиков не было, за это говорит, как увидим ниже, поведение настоятеля ксёндза Керповского, не только знавшего о всем и не возбранявшего ничего своему викарию, но и отправлявшего к нему пациентов. Не мог не знать громких подвигов Белякевича прославившегося на всю округу и сам Епископ Поллюиен и консистория, живущие тут же рядом с костельным дворцом и его узилищами, которые в иные дни все были переполнены, так что и некуда было сажать новых пациентов.

III. Орудия ковенской инквизиции

Что касается приёмов и орудий, употреблявшихся ксёндзом Белякевичем при исправлении им порочных своих клиентов, то одни из них были обдержные и общеупотребительные у ксёндзов, – таково лежание во время службы на постельном (каменном?) полу «крыжом» (т. е. крестом, на чреве с распростёртыми руками), поклоны поясные, земные, коленопреклонение и др. Другие – *необычные*, – таковы удары, счётные и несчётные, верёвкой, кнутом, пастырским жезлом, *заключение* в разные карцерные места на различные сроки, начиная от нескольких часов и продолжая несколько дней, с лишением свободы и пищи.

Употреблявшаяся для наказания грешников *верёвочка* была пеньковая, длиною в 4 аршина, в объёме $\frac{1}{2}$ вершка с узлами на концах. *Кнутик* – состоял из дротика и ремней трёхвостки, *трость* – оливкового дерева, длиною 1 аршин 3 вершка, толщиной в окружности $1\frac{3}{8}$ вершка, внизу расщеплённая (от ударов по грешным телам направляемых). Верёвочка и кнутик всегда у ксёндза Белякевича были наготове: они лежали в кельи на шкафу. Все эти вещи фигурировали на суде в числе вещественных доказательств, вместе с головой дьявола.

Голова дьявола – выточенная из дерева, довольно ветхая с высокими рогами, с открытым ртом и выколотыми зубами с козлиной бородкой. Она – отрезанная, и по-видимому недавно, от статуи упразднённого дьявола, бывшей и костёле под изображением Михаила Архангела.

Голова эта освещалась фосфорическим светом в тёмных местах заключения и показываема была заключенным, по объяснению ксёндза Белякевича, с той целью, чтобы наглядно показать, что своим поведением исправляемые грешники служат дьяволу и находятся в его власти.

Местами заключения были следующие помещения. *Подкостельный склеп*. Посреди костёла, против алтаря, через люк в полу, запираемый одностворчатой дверью, спускается в него каменная со сбившимися ступенями лестница. Склеп

состоит из двух, соединяющихся длинным коридором, отделений. В первое отделение свет еле пробивается с конца коридора и из отверстия в стене из другого отделения. Без огня в нём ничего нельзя видеть. В этом первом отделении на полу находятся пять почти разрушившихся крышек гробов, с человеческими в них скелетами, а также валяются человеческие черепа. Во втором отделении склепа, хотя и имеющем в фундаменте костёла небольшое оконце, царит полумрак и находящиеся в нём предметы слабо различаются. В этом отделении склепа на полу в беспорядке лежат, поставленные друг на друга, двенадцать открытых гробов со скелетами и мумифицированными трупами погребённых здесь когда-то монахинь. Воздух в склепе сырой, затхлый: приспособлений для естественных отпавлений заключённых здесь не полагалось.

Вторым местом заключения служил в примыкающем к костёлу здании *подземный погреб*, который запирался двумя дверями: в наружной стене здания и внизу лестницы. Погреб совершенно тёмный, воздух в нём сырой, пропитанный затхлостью и запахом гнилых овощей, на полу при полицейском осмотре лежала дверная створка, приспособленная для лежания, с подложенными под неё камнями. В этом погребе найдены были следы недавних человеческих испражнений.

И наконец, третье узилище было в том же здании, – *коморка*, почти всё пространство которой занимает стол из-под катафалка, на который ставили отпеваемых мертвецов. Здесь, в момент осмотра на стене висело изображение распятия, а на полу под ним видны были следы человеческих испражнений!.. Других предметов в этом помещении не было. Освещается коморка небольшим над дверью окном, через которое, если оно открыто, может проникать в него воздух.

IV. Кого именно и какими наказаниями «исправлял» ксёндз Белякевич

Обращаясь к лицам, потерпевшим от исправительной системы Белякевича, мы должны сказать, что судебным следствием установлено восемь случаев истязания осуждённым ксёндзом разных лиц, в том числе одной женщины православного исповедания, перешедшей, впрочем, из католицизма. Но не подлежит сомнению, что практика Белякевича обнимала гораздо больший круг пациентов, о чём свидетельствует широкая популярность Белякевича, как исправителя и пламенного искоренителя пороков. О нём знали далеко за пределами Ковны и обращались и совсем не прихожане его. Бывали дни, как мы замечали ранее, когда все места заключения были заняты, и захристиан, верный сподвижник своего настоятеля, терялся, куда девать новых грешников.

Затем, следственно-судебная власть была поставлена в крайне тяжёлое положение при раскрытии незаконных ксёндзовских деяний, так-как и потерпевшие и свидетели все были католики, на которых было всесильное воздействие агитации, старавшейся замести все следы. Кроме того, не только свидетели, но и потерпевшие никак не хотели видеть в варварских деяниях и недостойном христианского пастыря поведении ксёндза чего-либо противозаконного, преступного. Окружающая среда на исправительные меры ксёндза смотрела, как на оправдываемые его властью и правом. Ксёндз Белякевич грозил упиравшимся Сибирью и Сахалином. Не только женщины, но и мужчины шли в «клебан» по первому же приказу ксёндза, при том зная, что идут на нешуточную расправу; и безропотно подвергали себя костельному заключению и бичеванию. Более того, никто из потерпевших не выражал ни единого слова укора или сожаления по поводу понесённых им от руки своего пастыря тех или других наказаний, а наоборот, скорее выражалась признательность, признавались в деяниях подсудимого долг и ревность, достойные уважения. Свидетели

католики несколько раз меняли свои показания, не боясь греха клятвопреступления, лишь бы облегчить тяжесть вины подсудимого перед уголовными законами Империи. Так-что получалась картина какого-то духовного рабства и закрепощения католической народной массы у костёла и ксёндза, что мыслимо в Церкви только при той системе ксёндзовского господства над Божиим созданием, какой так неприкосновенно следовал Белякевич.

Поведение, настроение, взгляды и образ мыслей потерпевших и свидетелей именно убеждают в том мнении, что деяния Белякевича не есть плод его личного изобретения, а представляют собой продукт традиционной системы католицизма, – есть обломок, отголосок средневековой инквизиции.

Достоинно внимания, что и у самих-то ксёндзов польского края глубоко укоренилась идея о своём праве властвовать над душой и телом духовно-закрепощённой католической массы, так что ксёндзы ничтоже сумняся привыкли обращаться к полицейским агентам с приказами о приводе в клебан того или другого провинившегося перед ними прихожанина «на покуту». И требования эти полицией исполнялись, пока не обратил внимания на это бесправие местный губернатор и циркулярно не разъяснил по полиции, что требования ксёндзов о приводе незаконны и исполнению не подлежат.

Но обратимся к фактам. Документальные данные так повествуют о подвигах Белякевича по исправлению. Начнём в хронологическом порядке.

В начале марта 1898 года на рассвете к Станиславу Фаддееву Бурнейко пришёл служитель костёла Св. Троицы и позвал его к ксёндзу Белякевичу. Бурнейко тотчас же последовал за посланным и явился к ксёндзу, который был уже в костёле, и последний, не сказав ему ни слова, велел запереть его в погребе, где он и просидел, не получая пищи, в совершенной темноте, до 5 часов вечера, когда сам Белякевич выпустил его оттуда, сказав, что если и впредь он не будет жить с женой, то будет посажен в погреб уже не на один день, а на три недели.

В конце июня того же года около шести часов вечера ксёндз Белякевич зашёл к некоей Прасковье Николаевой Романовской и спросил, у неё ли живёт Антон Айкевич. Узнав, что Айкевич на работе, он велел ей идти в костёл. Она было хотела послушаться, заявив, что она православная, но работавшие на дворе дровосеки сказали, что если она не пойдёт добровольно, то ксёндз Белякевич *имеет право* привести её с полицией, почему она и последовала за ним. При выходе из дому, их встретил неизвестный ей человек, которому ксёндз приказал отвести её на костельный двор. По дороге она зашла на фабрику, на которой работал Айкевич, и сообщила ему о случившемся; Айкевич и работавший на той же фабрике сын её Николай последовали за ней в костёл. Здесь Николай Романовский просил ксёндза Белякевича, отдавшего приказание запереть его мать, не делать этого, так-как она православная, обещая принести свидетельство священника, но Белякевич, не обращая внимания на эти заявления, приказал Романовской идти в сарай, грозя, в случае неповиновения, дать распоряжение «разложить её и наказать». Прасковья Романовская подчинилась и вошла в сарай, где и была заперта. Погода в тот день была сырая и пасмурная. Взятая из дому босой, в одной летней кофточке и ситцевом платке, она в сарае вскоре промёрзла, стала плакать и стучать в дверь, прося выпустить её. Сторож, приоткрыв дверь, сказал, что она просидит всю ночь, если будет стучать, однако через несколько минут вернулся и привёл в комнату к Белякевичу. Тут же ксёндз увещал её разлучиться с Айкевичем и отпустил домой. Была уже ночь, когда через полчаса после её возвращения от ксёндза вернулся, и Айкевич, рассказавший, что он сидел в клебане в погребе.

Антон Айкевич говорит, он оклеветан доносом «девоток» в том, что он будто бы живёт у православной Прасковьи Романовской. Ксёндз Белякевич раза два заходил к нему на квартиру, но не заставлял его дома. Когда же он был взят с фабрики и приведён с Романовской на костельный двор, ксёндз и объявил им, что они будут посажены в сарай «на покут». Не обращая никакого внимания на заявления Романовской и её

сына о том, что они православные, ксёндз приказал служителям исполнить его распоряжение, и вот в сарай сначала была заперта Романовская, а потом и он, Айкевич. Здесь потерпевший *стал плакать* и говорил сторожу Янковскому, что за пять лет военной службы ни разу не сидел в карцере, а теперь «от срама» повесится. Тогда через полчаса сторожа увеличили тяжесть заключения, переведши его в погреб, где в то время стоял пустой гроб. По истечении нескольких часов Айкевич был приведён на квартиру ксёндза Белякевича, который сделал ему внушение и убеждал перейти с квартиры Романовской, *грозя иначе высылкой из Ковны по этапу и утверждая, что имеет власть это сделать.*

6-го августа 1898 года Антон Михайлов Мацкайтис (он же Антук), вернувшись около 12 часов дня с работы домой и узнав от десятилетней дочери своей от первого брака, что её обижает жена его, – пошёл жаловаться на неё к ксёндзу Белякевичу, так как знал, что он в подобных случаях оказывает своим прихожанам содействие. Ксёндза он застал в ризничной и не успел ещё передать своей просьбы, как Белякевич закричал на него, что он пьян, вывел из костёла и запер в коморку, в которой продержал до 7 часов вечера следующего дня, прислав ему за всё это время только кусок чёрствого хлеба и немного воды.

Некая София Станиславова Рымкович, узнав от подруг, что у каких-то евреев проживает девушка католичка – Изабелла Ненартович, не бывшая несколько лет у исповеди и состоящая якобы в связи с евреем, – решила «избавить её от гибели» и приняла к себе на работу, но, убедившись вскоре, что самой ей не удастся спасти Ненартович от гибели, в начале августа 1898 года отвела её к ксёндзу Белякевичу.

Ксёндз, встретив её словами: «ты будешь жить с евреем», – отвёл в костёл и заключил в склеп. По словам потерпевшей ей было страшно, она думала, что ей настал конец, но перед вечером ризничий Григас перевёл её в коморку, а утром снова запер в склеп, и так, переводя из склепа в коморку и обратно, её продержали три дня, следующие же четыре дня её держали запертой только в коморке, давая ежедневно лишь по фунту хлеба. Нужно сказать, что Ненартович совсем ребёнком

выглядит, еврей же, мнимый её любовник. – это какое-то отвратительнейшее чудовище: идиот, не умеющий проговорить ни одной фразы, оборванный, грязный, старый. Предполагать связь девочки с этим омерзительным страшилищем – одно безумие. Белякевич, несомненно, сделался здесь жертвой досужих сплетен девок. Но удивительно, что девочка эта, отрицая конечно вначале связь с евреем, после, когда агитация походила около неё, забыв стыд – хладнокровно заявляла, что жила с евреем. Клятвопреступление было явное.

Но наиболее характерным во всех отношениях исправительным подвигом Белякевича является случай с девицей дворянкой Констанцией Симонович. Эпизод с этой потерпевшей представляет самую красноречивую страницу из истории деяний осуждённого католического пастыря. Обстоятельства дела таковы. Девица Симонович, оставив дом отчима, уехала в Ригу в услужение. Там пала и оказалась в доме терпимости. Узнав об этом, родители вытребовали порочную дочь через полицию и в один из воскресных дней приводят грешницу «в клебан», т. е. на костельный двор до пана ксёндза Белякевича. Последний был на прогулке. Настоятель ксёндз Керповский и другой ксёндз Генис, узнав о цели прихода этих посетителей, перекинулись несколькими словами укора по адресу блудницы, и приказали дожидаться Белякевича, который скоро де придёт. Явился и великий мастер Белякевич. Выслушав просьбу стариков, ксёндз велит последним остаться в коридоре или сенях, а девице Симонович следовать за ним, в келью свою. Та идёт. Затворяются двери. И что же делает далее этот христианский пастырь? Думаете, – он наедине хочет коснуться её совести, расспрашивает, «на духу», что её довело до того рокового шага и толкнуло в омут, где нет счастливых? Стал обличать и увещевать исправиться, не гневить Бога, не позорить седых волос родителей? Нет! Ксёндз Белякевич, не говоря ни худого, ни доброго слова, едва грешница переступила порог кельи духовного отца, тот берёт со шкафа «верёвочку» и начинает стегать ей по шее и плечам Симонович, нещадно полосуюя женское тело продажной девушки... Сколько нанесено ударов, осталось тайной, ибо и

родители, и потерпевшая всячески смягчают эту вину своего ксёндза. Затем, Белякевич зовёт родителей и приказывает дочери кланяться им и целовать их ноги. Когда Симонович выразила нерешительность, Белякевич схватывает истерзанную бичом и стыдом девицу за шею и ниспровергает ее на пол к ногам родителей,, шляпка летит на пол, растрёпанные волосы покрывают лицо и исполосованные плечи, а Констанция, обливаясь слезами, целует ноги отчима и матери... Интересное психологическое явление: Симонович теряет всякую волю и делается послушной воле ксёндза Белякевича; никто более не слышит от неё слова протеста и проявления упорства: она все исполняет автоматически... После этой сцены, достойной кисти художника, Б-ч повел родителей и дочь в костёл, где велел Констанции лежать «кшижем» перед алтарём во всю «нешпору» (вечерню)... Затем, отпустив родителей, ксёндз-исправитель велит захристиану (ризничему) Григасу заключить Симонович в склеп, в первое его отделение.

По уходе захристиана, объятая страхом Симонович металась во все стороны: она пыталась выбраться чрез окно, всюду искала выхода, но не могла его найти, тогда, боясь гробов, она в отчаянии бросилась во 2-е тёмное отделение склепа, где и села на сырой земле, в каком то душевном окаменении... Через несколько часов пришёл навестить несчастную заключённую тот же Григас и, не нашедши её в 1 отделении, сделал Констанции упрёк, зачем де она не сидит там, где ей паном ксёндзом наказано. Симонович сказала, что ей страшно там. Здесь бояться нечего: здесь в гробах святые покоятся, а вверху св. алтарь, успокаивал истерзанную девушку добродетельный ризничий.

Григас ушёл. Симонович по следам его добралась до лестницы и силилась поднять крышку склепа, но не смогла. Боясь спуститься вниз, выбившись из сил, потеряв надежду на возможность выбраться из этой мрачной засады, она решилась на крутых каменных ступеньках лестницы прокоротать всю страшную ночь и утро. О заключённой вспомнили только после обедни: к ней явился тот же Григас, принёсший табуретку и молитвенник, с наказом сесть, где луч света пробивается в

страшное подземелье, и читать молитвы. О пищи и питии не думала ни сама заключённая, ни её спасатели.

До самого вечера пробыла здесь Констанция без пищи и пития. Захристиан после нешпры снова явился и когда объявил, заключённой чтобы она шла на свет в коморку, что там ей будет лучше, то Симонович не только не обрадовалась, но наотрез отказалась оставить подземелье, заявив: *мне здесь хорошо...* Но что это? *Улыбка страдания!* В страшные сутки несчастная девушка так много пережила, перестрадала, до дна выпила всю чашу перенесённого ей от людей унижения, закончившегося плетью и пинками духовного отца, что ей действительно оказалось теперь самым лучшим сидеть в этой тьме кромешной и не видеть никого из людей... Не трудно представить, что передумала заключённая в эту страшную ночь: отец умер, мать вышла за другого мужа. Отчим возненавидел падчерицу. В доме настал содом и ад для неё, из которого она вырывается на свободу, уехав в Ригу на службу, будучи девушкой честной. Жила, трудилась. Городская среда пахнула на неопытную своим тлетворным дыханием. А тут оказался ещё и просроченным паспорт. Из дома другой не высылают. Дальше нельзя было оставаться в городе, а может быть и переехать не на что. И вот в этот затруднительный момент предлагает какая-то мадам свои услуги, обещаясь всё *устроить* как нельзя лучше... Симонович попадает в вертеп, где теряет честность и невинность. По просьбе родителей, отыскивает её полиция и водворяет обратно в Ковну. Отчим и мать нападают, упрекают, все знакомые клеймят позором, никто не пожалеет... Падшая, озлобленная, она грубит родителям. Последние ведут её в клебань к великому исправителю Белякевичу. Симонович идёт охотно к духовному отцу, под сень храма, куда Божественный Учитель зовёт всех труждающихся и обременённых грехами многими. Грешница здесь думает выплакать своё горе в покаянии духовнику, в молитве перед пречистым образом Милосердного Спасителя, желая обрести покой своей страждущей, душе мятущейся совести... Но вот является пастырь Белякевич, бросает на неё свой тупой холодный взгляд и ведёт в келью... И о ужас, о позор! Душу падшей женщины поражает здесь ещё ни

разу в жизни ни от кого не испытанное поругание бичеванием верёвкой! за что? за грехи! Слышал ли кто, чтобы на православной Руси, православный пастырь когда-либо бичевал своих пасомых за грехи!.. И вспоминается здесь по закону контраста евангельское поветсвоание о женщине, ятой в любодеянии фарисеями, и отношение к грешнице Божественного Пастыреначальника. Как оказался далёк от подражания Ему ковенский пастырь. Вот почему девица Симонович была сражена и сразу потеряла волю, сделавшись яко овечка. Терпелцво сидит целые сутки, не чувствуя голода и жажды, в страшной обстановке, среди истлевших тел и развалившихся гробов, в костёльном склепе, – в тьме и сырости, и не хочет оставлять этой могилы. Пережив ужасы первой ночи заключения, она хорошо себя чувствует вдали от всего и от всех – здесь ей лучше, чем видеть постылый свет, с его палачами и жестоким поруганием над ней!.. Но слово ксёндза исправителя свято. Симонович перевели в другие места, и, строго следуя своей системе исправления порочных, Белякевич продержал Констанцию с лишением свободы 10 дней. Исправление закончилось исповедью, причастием и отдачей родителям исправленной.

Говорят, что действительно Констанция с тех пор исправилась и ведёт себя честно, родителям покорна, мы видели дворянку Констанцию Симонович: это совсем ещё молодая, стройная, высокая блондинка, с печатью на лице сломленной гордости, пережитых муки – разбитого счастья. На вопросы об истории исправления своего ксёндзом Белякевичем, она отвечает, потупив взоры, отрывочно, не охотно, – нервно подёргивая плечами как бы боясь вспоминать все подробности. Но однако без озлобления и негодования.

Омрачённый своими кажущимися успехами по исправлению провинившихся чем-либо перед костёлом и ксёндзом прихожан столь несвойственными христианскому пастырю мерами, Белякевич раз от разу делался всё более и более жестоким. Поправ Божественные заветы Того, Кто сказал: «Аз есмь кроток и смирен сердцем» – этот католический священник, мало по малу, совсем выпустил из своих пастырских рук Крест и

Евангелие, – эти священные символы любви а мира, и наоборот, крепко ухватился за оружие злобы и насилия, – за плети и палку, которыми властно и смело поражал и душу и тело своих пасомых, пока, в своём нравственном падении, при слепом служении долгу, не сделался палачом и не нарвался на протестантов в лице Евы Берантович, разоблачившей бесчеловечные поступки ксёндза. Ева Берантович, по-видимому, принадлежит к таким лицам, которые очень задолжены перед Богом и ад мало страшит их, однако, судя по дальнейшему её поведению в этом деле, она не дерзнула бы донести о своём истязании русской власти на своего пастыря, если бы не имела сильной протекции, в лице невесты местного пристава, девицы Чайковской у которой была прачкой. Увидав истерзанную, плачущую от боли Берантович, Чайковская посоветовала ей заявить полиции и убедила запуганную католичку, что ксёндз никакого права не имеет так истязать своих прихожан.

И вот, около 11 часов вечера 16 августа 1898 г., проживающая в городе Ковне прачка Евва Матвеевна Берантович заявляет полицеймейстеру, что ксёндз Белякевич сильно избил её и выдержал в течение суток в заключении при костёле Св. Троицы за то, что она держит у себя на квартире Юзефу Жуковскую, живущую в связи с православным, и что Жуковская также заключена ксёндзом Белякевичем после неё при костёле.

Выслушав заявление Бернатович и освидетельствован её через , вольнопрактикующего врача Коцына, нашедшего, что ей действительно не позже суток нанесены были, причинявшие значительную боль, побои плетью или верёвкой, полицеймейстере Карамалин с 2 приставами – Ерасовым и Иващенко, и помощником пристава Лисицыным, в 2 часа ночи прибыл в костёл Св. Троицы и направился прямо к настоятелю с вопросом: где у них находится Жуковская; последний сначала отказался, говоря, что никакой Жуковской нет, а потом тут же спохватившись заявил, что действительно, ксёндз Белякевич приказал запереть её в сарай для вытрезвления. Явился и ксёндз Белякевич. Оба были смущены появлением полиции в такой час и в замешательстве называли

чинов полиции не иначе как ваше превосходительство. Ксёндз Белякевич предупредительно хотел сам пойти и представить полиции Жуковскую. Но догадливый полицеймейстер отклонил его услуги и пошли все в камеру. Полиция была с фонарями. И вот, когда дверь этой коморки была отпёрта принесённым сторожем костёла Янковским ключом, то в ней они увидели душу раздиравшую картину: на столе из-под катафалка лежала в полузабытьи Юзефа Жуковская. Она слабо стонала, вид у неё был истерзанный, кофта разорвана, волосы растрёпаны, руки распухли, колени ободраны и в крови. Когда полиция вошла, Жуковская испуганно проговорила: «опять бить»! Около стола на полу были испражнения. На допросы Жуковская тут же объяснила, что ксёндз Белякевич привёл её с помощью костельных служителей, братьев Евневичей, в клебань, таскал по подвалам и избил верёвкой и кнутами. Жуковская была отправлена в участок. Клебани были встревожены, и в ту же ночь приступлено было к заметанию следов. Допрошенные на другой день в формальном порядке Жуковская и Берантович дали первое показание: Берантович говорила, что в 7 часов вечера 15 августа на квартиру к ней пришёл ксёндз Белякевич и приказал ей идти в костёл. Приведя в свою комнату, ксёндз Белякевич стал её бранить за то, что она принимает к себе русских и позволяет квартирантке своей Юзефе Жуковской иметь сожитие с православным. И тут же ксёндз Белякевич взял со шкафа верёвку и намеревался бить её, но Б-ч бросилась целовать его ноги и просила отпустить её. Не тронув её, ксёндз отвёл её в коморку, в которой и запер её. Ей стало холодно и страшно, хотелось есть и казалось, что она сойдёт с ума. Ночь она провела в досаде и мучении. На следующий день около 12 часов её отвели в костёл, где ксёндз Белякевич велел обессилившей от голода, холода и без сна лежать перед собравшимся народом, распростёршись крестом у алтаря. По окончании службы, продолжавшейся час, Берантович снова отвели в коморку, откуда она просилась, но её не выпускали, и, хотя в это время ей принесли пищу, но есть она не могла, а начала кричать и угрожать, что заявит полиции, если её не отпустят. Об угрозах её костельные служители передали

ксёндзу Белякевичу, который счёл их за оскорбительные и привёл её к себе в комнату, где и стал не говоря ни слова смирать непокорную прихожанку толстой верёвкой по плечам и другим частям тела. Бил очень больно, жестоко ударяя много раз по одному и тому же месту. Чтобы заглушить крики своей жертвы, ксёндз закрутил ей рот платком и, продолжая бить, толкнул её, и Б-ч упала без чувств на пол, но и лежащую её он снова бил, пока, потеряв силы, она не перестала кричать и не лишилась сознания. Тут Белякевич явился уже милосердным самарянином: он дал вина и воды холодной Б-ч и привёл её в чувство. В это время наступил час нешпора (вечерни), и ксёндз повёл истерзанную, измученную женщину в костёл, разложил её крестом и по окончании службы отпустил домой, с наказом, впредь «не сводничать».

Отпустив Берантович домой, Белякевич с слугой Беневишем около 8 часов вечера того же числа отправился на поиски Юзефы Жуковской, которую встретил на улице. Нужно заметить, что ксёндз никогда не знал и не видал Жуковской. Беневиш указал на шедшую Юзефу – вот она, – схватил её за руки и вместе с ксёндзом поволок к костёлу, нанося по дороге удары, в ответ на сопротивление и угрозы. Приведя на костельный двор, они поместили её в погреб и там продолжали бить, причём ксёндз бил палкой, которая от одного удара треснула, и приговаривал «сошлась с русским и волочишься с ним четыре года, а свою веру забываешь». Потеряв от боли сознание, она помнит, что через некоторое время её перевели в другой погреб, а оттуда в помещение, в котором она и найдена была полицией. Приведя в комнату, её осветили фосфорическим светом, показали голову дьявола и череп, говоря: «вот тебе смерть тут будет».

При судебно-медицинском освидетельствовании Еввы Берантович и Юзефы Жуковской, 17-го августа, на спинах, плечах, руках, и на груди у них найдены многочисленные кровоподтёчные полосы, пятна и ссадины, причинённые им, по заключению врачей экспертов, не более полутора суток до освидетельствования ударами твёрдым и тупым предметом, как напр. плетью, палкой, верёвкой, причём множественность этих

повреждений и характер их привели экспертов к заключению, что они наносились продолжительное время, были мучительны и сопровождались нравственным потрясением.

В. Скворцов

(Продолжение следует).

Попов К., свящ. Причины устойчивости и живучести раскола. // Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 471–474

(Из всеподданнейшего отчёта г. Обер-Прокурора Св. Синода за 1896–97 г.)

Одним из главных условий, благоприятствующих укреплению раскола и его пропаганде между православными, является то обстоятельство, что раскольники нередко живут густыми массами. В некоторых, например, станицах Донской епархии раскольники составляют сплошное (несколько тысяч) население, без примеси православных. Во многих посадах Черниговской епархии раскольники превосходят численностью православных и единоверцев в 20 раз. В таких местах раскол, сгруппировавшись в тесно сплочённые общины действует общей массой и дружно стоит за свои интересы, причём польза раскола преследуется, как польза общественная, как польза всего населения, и, наоборот, всё опасное для раскола, как например, успехи православной миссии, оплакивается как общественное горе. Жизнь уцелевших среди фанатической раскольнической массы православных, по выражению Преосвященного Черниговского, невыносимо тяжела, потому что сельские власти, избираемые почти поголовно из раскольников, действуют и в управлении с пристрастием в пользу раскола и к притеснению православных, позволяя себе при этом и глумление над православной верой.

Итак, случается, что православные, живущие в местах, где раскол занимает господствующее положение по своей численности и влиянию на дела общественные, нередко, из материальной нужды, уклоняются в раскол. Наоборот, сближение раскольников с православной церковью в описываемых «гнёздах» раскольнических почти неосуществимо, так-как переход из раскола в православие в таких местах сопровождается для перешедшего всевозможного рода лишениями.

Фанатическое упорство раскола в значительной степени поддерживается и той тьмой глубокого невежества, которая облегает его и до сих пор. Правда, раскольники стремятся к «просвещению», но это специально-раскольническое просвещение не простирающееся далее старопечатных псалтири и часослова, и самодельных «цветников», исполненных хулы на православную церковь, может служить лишь средством дальнейшего закрепощения в расколе, но никак не сближения с православием, воспитывая раскольническое молодое поколение в том же внешнем и узко обрядовом воззрении на религию, коим раскол держится уже третье столетие. И теперь громадное большинство раскольников всю надежду на спасение полагает не в Церкви и таинствах, а в двуперстии, лестовке и механическом выполнении устава о молитве. «Нам больше ничего не нужно, приводить Преосвященный Томский выражение раскольников кроме двуперстного сложения, на и которое мы надеемся как на Самого Христа. Лестовка – тоже догмат великий и премудрый. Без лестовки не может быть истинной молитвы, потому что каждую молитву нужно читать такое именно количество раз, какое положено, чтобы не задолжать Богу». Полагая всю сущность веры в одной видимой обрядности, раскольники основных истин христианства или вовсе не знают или же представляют их в крайне извращённом виде.

Немаловажною также причиной живучести раскола служат в тёмных углах раскольнические моленные, являющиеся для раскольников не только домами молитвы, но и религиозными школами, где начетчики и наставники стараются вдохнуть в раскольников дух фанатизма и нетерпимости к православию и православным. Раскольники весьма дорожат своими моленными, как средоточием их религиозной жизни, как центрами объединяющими их между собой. Этим и объясняются во множестве возбуждаемые ими, через особых доверенных, ходатайства об открытии моленных. Но в иных случаях они не стесняются открывать моленные и без разрешения начальства. Так, из существующих в Вятской епархии 58 раскольнических

моленных только 5 разрешены правительством, остальные же 63 устроены самочинно.

Оплотом раскола являются в некоторых епархиях (например: Донской, Херсонской, Екатеринославской и Подольской) раскольнические монастыри и скиты. Первые, по описанию Преосвященного Херсонского, строятся около моленных и разделяются на несколько отделений (келий), служащих помещениями «иноков» и «инокинь». Вторые же устраиваются, большей частью, в отдалённых от сёл и городов, мало кому, кроме раскольников, известных и уединённых местах: в них живут раскольнические «схимонахи и схимницы», в иных местах называемые «спасенницами». В жизни раскола монастыри и скиты имеют громадное значение. Некоторые из них, по словам отчёта Екатеринославского Преосвященного, следят даже за действиями православных миссионеров, через особых агентов, которые, заметив в своих единоверцах возникшие под влиянием бесед миссионеров колебания, направляют таковых в скит, употребляя для сего иногда и насилие.

Некоторые из раскольнических монастырей, по своему влиянию на раскол, выделяются из ряда других. Таков Куреневский раскольнический (мужской и женский) монастырь, находящийся в Ольгопольском уезде Подольской губернии. Снабжая всю Россию раскольническими архиереями противоокружнического толка, монастырь этот рассылает по всему югу своих монахов и монахинь, как агентов для поддержания и распространения раскола.

До какой степени доходит фанатизм этих монахов и монахинь, и как велико их влияние на раскольников, показывает поразившая всех ужасом история заживо-похоронивших себя в земле тираспольских фанатиков – раскольников.

Наибольшей устойчивостью и более сильным стремлением к пропаганде отличается секта поповцев, именующих себя «старообрядцами, приемлющими священство». Каждый последователь её, по справедливому замечанию Вятского Преосвященного, есть апологет и пропагандист своего лжеучения. Главной силой, объединяющей поповцев и

вдохновляющей их, является австрийская лже-иерархия, в 1896 году отпраздновавшая в центрах раскола торжественными служениями пятидесятилетие своего незаконного существования. Простой народ, легко поддающийся обману, по неведению своему охотно отдаёт себя руководству устроенного обманным образом лже-священства. Наименование епископа, священника и диакона, служение в облачениях, устройство церквей и монастырей, сходных с православными, – всё это для простого народа служит приманкой и обманом, особенно в таких местах, где ещё не имеется православного храма и благолепного богослужения. Австрийское священство имеет в своих рядах до 20 лже-епископов. Последние, – находясь к безусловному подчинению у раскольников, в угоду последним поставляют лже-архимандритов, лже-протоиереев, лже-иереев и прочих членов клира в несоразмерно большем количестве, чем требует число раскольников, а лёгкость, с какой раскольники добывают и сменяют попов своих, – безграмотных крестьян и мещан, во всём от них зависящих, беспрепятственное венчание несовершеннолетних, лёгкость развода, независимость ни от какого начальства в делах церковных, заставляют лже-епископов в собственных же интересах поддерживать стойкость раскола и противиться всему, что внесло бы свет в тёмную его среду.

Попов К. Как совершается богослужение у старообрядцев австрийской секты. // Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 474–481

Старообрядцы австрийской секты, как и все других толков раскольники, хотя и стоят за букву, по далеко не исполняют её в точности. У них есть очень много своих обычаев, преданий, нигде не писанных, но сохраняющихся в их обществе. Эти свои обычаи они внесли и в ритуал своего богослужения, свято их почитают и ставят их наравне с книжными обрядами. Отсюда выходит, что у раскольников не один только патриархский обряд, а сборный от разных времён и лиц, затем перемешанный вместе и введённый в практику их службы. В виду этого раскольников австрийской секты можно назвать «раскольниками смешанных обрядов».

Посмотрим теперь, как совершается у раскольников амвросиева священства богослужение и какие выполняются при этом обряды.

Службы у них начинаются с вечера – вечерним богослужением. Придя в моленную, как лже-поп, так и молящиеся обязательно кладут известные семь поклонов с причитыванием обычных молитв. После этого служащий облачается и приступает к началу служб. Перед отпуском повечерия причт уходит, чтобы закусить. У раскольников принято после всенощной не вкушать пищи. Закуска эта устроится на счёт сумм, собираемых за каждой службой в особую кружку; если служба идёт по просьбе кого-нибудь, то он устраивает и закуску. Закуска состоит: из чая, водки, вин, икры, балыка и др. холодных кушаний. Этот отдых продолжается часа 2. Когда питание совершилось, причт приходит в моленную¹⁵⁷, оба клироса сходятся на средину и поют: «Достойно есть, яко воистину».... Следует великий отпуск повечерия, а за ним полунощница дню¹⁵⁸. После этого священник облачается в полное облачение, как к литургии, и начинает всенощное, которое продолжается до полночи. Долгота службы зависит: во-1 от того, что отправляющие службу заранее не готовятся в

ней и приискивают, что нужно читать и петь, тут же, когда это требуется, вследствие чего служба имеет перерывы, во-2, дают читать «шестопсалмие», кафизмы, каноны, поучения по 1-й кафизме и по 6 песни канона лицам всякого рода, которые и читают, кто как может. Это делается частью потому, что уставщики ленятся сами читать и предпочитают уходить в это время из моленной в келью, где или балагурят с кем-нибудь, или же просто спят; а частью делается это и потому, что у старообрядцев много любителей чтения, и каждый из них идёт на клирос и заявляет, что он желает ныне читать. Если он увидел конкурента себе, то стремится вперёд завладеть книгой. Хорошо ли он читает, дурно ли, об этом никто не думает и менее всего сам читающий. Но отнять у него книги, или указать ему в чтении, или поторопить его – избави Боже! Всякий старообрядец в моленной чувствует себя как бы господином и вправе поступать, как он хочет. На этом основании и тянется служба «с прохладцем, с остановкой», медленно) не спеша. Многие под конец службы спят, храпят, бредят, их будят, и они выходят на двор, чтобы умыться и освежить себя. В конце всенощной все богомольцы подходят к священнику для принятия от него благословения. Это совершается так: каждый делает ему поклон в землю и становится, сложив рука на руку ладонями в верх. Священник кладёт ему на голову руку и говорит: «благословение Господне на рабе Божиим (называет его по имени) всегда, ныне и присно и во веки веком», опуская при этом свою руку до пупка его (в пупок непременно он ткнёт перстами), затем кладёт на правое и левое плечо. – «Аминь» говорить благословлённый, целует руку у священника, линуетса взаимно в оба плеча, снова делает земной поклон заданное ему благословение и отходит¹⁵⁹. И – так каждого. Такое благословение очень долго продолжается в праздничное время.

Утром священник читает часы с тропарями и кондаками, а вслед за ними «*Последование ко св. причащению*», состоящее из канона и молитвы. Всё это священник читает для себя только и дома, – сам или при участии других лиц. Часы читаются им потому, что при чтении их в моленной он занят будет совершением проскомидии и слушать их ему будет некогда.

Затем он идёт в моленную совершать литургию. Здесь, прежде всего, подносится ему белая полотняная сорочка, которую он и надевает тут же на клиросе или в алтаре. Служит литургию в ситцевых, цветных сорочках не полагается, и посему иерей сменяет свою сорочку, в которой он приходит в моленную. Белая рубашка как бы входит в число богослужебных одежд, она шьётся на общественный счёт так же, как подризник, епитрахиль и др. облачения священника. Без этой рубашки священник не будет служить литургии. Обыкновенно их шьётся 4–6 штук, и мытьём их, равно и полотенец, занимается одна из проживающих богомолков¹⁶⁰. На сорочку надевается чистый кафтан; он также шьётся на общественный счёт и только в нём священник совершает литургию¹⁶¹. И рубашка, и кафтан, по окончании литургии, тотчас снимаются и оставляются в моленной. Совершив переодевание, священник берёт книжку и идёт ко входной в моленную двери¹⁶² (иначе сказать к порогу), где становится и читает: *Глас радости и спасения с селех праведных восходяй на небеса со славою горе к церкви Христу Богу нашему, егоже священство буди всем нам. Веси наша немощи, Господи Иисусе Христе, Боже нам, помилуй нас!*¹⁶³

Пролияшася стопы моя в правду, познах Господа и возвеселихся о рекших мне, внидем в дом Господень. Аз же множетвом милости твоея вниду в дом твой, поклонюся к церкви святей твоей во опросе твоём; прославлю в три лица едино Божество Отца и Сына и Св. Духа, ныне и присно и во веки веком. Аминь.

После этих 2-х кратких молитв читаются 2 псалма Давида: 14 и 22, и священник идёт от порога к алтарю. Став перед царскими дверьми, священник полагает «семипоклонное начало», т. е. кладёт три поклона и на каждом произносит след. стихи: 1) *Боже милостив буди мне грешному*; 2) *Создавый мя Господи и помилуй мя*; 3) *Без числа согреших, Господи, прости мя*. Потом говорится: «Достойно есть, яко во- истину»... и обычно поклон в землю во всякое время года. Далее: *Слава Отцу и Сыну и Св. Духу* – поклон; *Ныне и присно и во веки веком аминь* – поклон. Следует отпуст и земной поклон лицом к народу. Вот тот знаменитый начал, который содержится всеми

толками раскола, которому придаётся такое громадное значение, что заменяются им все таинства св. Церкви, а у некоторых раскольников, наприм., в спасовщине, только он один остался в употреблении и читается, как «святая Снятых».

После начала священник берет поданную ему сюда епитрахиль, благословляет на ней крест со словами: *«емше Иисуса и связаша и ведома его к Понтийскому Пилату игемону»*, целует осенённый им крест, который находится сверху епитрахили, в той части, которая лежит на шее. У православных не бывает в этом месте креста, и священник благословляет и целует переднюю часть епитрахили. За епитрахилью надеваются поручи с обычными словами. Поручи и епитрахиль не разделяны у старообрядцев. В этом кратком облачении священник совершает исповедь мирян, причащает на дому больного, нарекает имя младенцу и даёт 40-ю молитву родившей жене. И только. Молебен, крещение, венчание, погребение и пр. совершается с облачением непременно в ризу. Что касается всенощной и литургии, – обе эти службы совершаются в полном облачении.

Облачившись, и не входя в алтарь¹⁶⁴ священник делает возглас, а причетник или другой кто начинает чтение начальных молитв: *Царю Небесный, святы́й Боже, приидите поклонимся*. Затем читает следующие тропари:

- 1) *Радуйся двери Божия, радуйся пречистая Дево...*
- 2) *Под твою милость прибегаем Богородице...*
- 3) *Господи, отними от мене беззакония моя...*,
- 4) *Непроходимая дверь тайно знаменана благословенная Богородице...*
- 5) *Входяй в дом твой поклоняюся тебе....*
- 6) *Бога из тебе воплотившагося разумехом Богородице...,*
- 7) *Господи, устне мои отверзи на мольбу....*
- 8) *Пречистому твоему образу поклоняемся....*
- 9) *О тебе радуется, обрадованная, всякая тварь...*

На первых тропарях делается один поклон в пояс, а 8-й и 9-й сопровождаются земным поклоном.

После этого читаются тропари: празднику, святым, храму, потом кандаки их. Когда всё это прочтётся, причетник говорит

такие стихи св. Германа патриарха:

1) *Господи Иисусе Христе иже сим образом явился на земли...* Священник в это время кладёт три поясных поклона перед иконой Спасителя, целует её и делает ещё поклон. Потом идёт к образу Божией матери, делает столько же поклонов, целует его, а причетник читает:

2) *Святая Богородице, не забуди людей своих....*

Потом читается тропарь Благовещению, а священник целует изображения архангела и Божией Матери на царских вратах.

После этого читаются след. стихи:

1) *Силою и заступлением честнаго креста твоего Господи...*

2) *Святой великий Иоанне пророче и предотече крестителю Господень...*

3) *Святой архангеле Христов Михаиле оградимся божественным си предстательством...*

4) *Святой апостоле Иоанне Богослове, иже мирские концы приведый к Богу...*

5) *Святой пророче Илие, иже провидяй издалече...*

6) *Святителю Христов Николае, иже волю Господню и оправдания усердно соблюдая....*

7) *Преподобне и угодниче Божий Сергие, иже ревнуя повелевшему...*

8) *Святой мучениче архидиаконе Стефане, пострадавый за Христа...*

На каждом из этих стихов священник отыскивает образ, кладёт поклоны и целует его. А так-как некоторые иконы стоят высоко, то с этой целью устроена маленькая лестница, которую причетник переносит и подставляет к образу, священник кладёт три поклона, лезет на лестницу целует образ, спускается и опять кладёт поклон. Так было при мне всё время, так существует и теперь во многих обществах. Есть общества, у которых, при нынешней свободе расколу, вместо походных алтарей, устроены неподвижные алтари, на которых, для удобства священника, сгруппированы и нужные ему для целования св. иконы. Тут лестница устранена, но в других она и теперь составляет своего рода курьёз¹⁶⁵.

Закончив своё хождение, лазание по лестнице и поклоны поп становится перед царскими вратами и читает уже сам молитву: *«Господи ниспосли руку твою с высоты святого жилища Твоего»*... делает поклон и идёт в алтарь северной дверь.

Войдя в алтарь, священник берёт в правую руку всё своё облачение, перекидывает его на спину, кладёт три поклона перед престолом, целует его и начинает облачаться. Особенностью в облачении служит только пояс, имеющий 4 длинных лопасти с кистями. Они спускаются спереди по епитрахили. Облачившись, священник идёт вокруг престола к южной двери, читая: *«Умыю в неповинных руке мои»*... Здесь, в самых дверях, мальчик держит сосуд с водой, тазик и полотенце на плечах. Умыв руки, священник становится перед престолом и читает про себя следующие 5 молитв:

1) *Владыко Господи вседержителю не хотяй смерти грешником..!*

2) *Господи Боже наш, едине благий и человеколюбче...*

3) *Господи Иисусе Христе, Боже наш, сыне и слове Бога живаго...*

4) *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, благий и премудрый...*

5) *Господи Боже наш, благий человекколюбче, призри на вино се и благослови е.....*

Кончив эти молитвы, священник благословляет поднесённое ему вино, делает возглас, и начинается чтение часов, во время которых он совершает проскомидию.

Просфоры подаются горячие, только-что вынутые из печки. Когда священник начинает всенощное, просфорница подходит к нему и получает благословение готовить просфоры. Она затевает их, месит, разваливает тесто и печёт к самому началу литургии. Вся ночь занята у неё этим делом. Просфоры пекутся на общественный счёт в известном количестве, и каждый богомолец без денег берёт просфору и поминает своих лиц. Если просфоры остались не разобраны они режутся в антидор и раздаются богомольцам. Таким образом, просфоры все расходуются, и к новой литургии должны быть испечены и

новые просфоры. Печение просфор тесно связано с служением литургии.

Испечённые просфоры находятся у церковного старосты Богомолец берёт у него просфору, кладёт в стоящую здесь же маленькую кружку¹⁶⁶ свою монету и уходит. В своё время мальчик придёт, берёт накопившиеся просфоры, относит в алтарь и снова выносит их сюда. Богатым просфоры разносятся лично, за что получается 10–20 коп. Это доход мальчиков – певцов на клиросе.

Агнец вынимается из середины просфоры, но так, чтобы края её были целы и не повреждены. Остаток этой просфоры идёт в антидор и разбавляется другими просфорами. Вино и вода наливаются в серебряные с позолотой стаканчики – с расчётом: 2 стаканчики вина и 1 – воды. Вылив всё это в сосуд, священник благословляет его, говоря: *«Соединение св. Духа яко трие суть свидѣтельствующи: дух, кровь и вода, и трие во едино суть»*. Вторая просфора приносится в честь Божией матери; 3-я за всех святых; 4-я за епископа, и весь духовный чин; 5-я за государя и его семью; 6-ю священник приносит за себя, жену и родственников; 7-ю о всех умерших. Из всех просфор вынимается только по одной части, а не несколько. Приносные просфоры должны быть особые за живых и особые за умерших. С окончанием часов кончается и проскомидия, и больше просфоры не подаются в алтарь. Поэтому, в виду множества просфор, часы читают редко, почти нараспев. Перед окончанием часов священник заканчивает и проскомидию и делает общий возглас: *«слава тебе, Боже наш, упование наше, слава Тебе»*. Затем, стоя в отверстых вратах, священник говорит отпуск часам и проскомидии. Если он служит без диакона, то сейчас же творит прошение себе говоря: *«Простите мя, отцы и братия, елика согреших словом, делом, помышлением и всеми моими чувствы»*. Делает поклон в землю. – *«Бог да простит тя, честный отче»*. – говорит народ и падает в землю. В это время уставщик читает: *«Прости нас, отче святыи, елика согрешихом во вся дни живота своего»*... Священник отвечает: *«Благодатию своею Бог да*

простит и помилует вас». – «Аминь», – отвечают ему и поднимаются от земли.

*Священ. К. Попов
(Продолжение следует).*

Кальнев М. Православный миссионер на радении у хлыстов. // Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 482–493

Окончив пение¹⁶⁷, все хлысты, мужчины и женщины, совершили земной поклон пророку, благодаря за его пророчество, словами: «спасибо, родимый, за труд ваш»!

Через минуту, не больше, начались снова песни, снова пляски с большим ещё одушевлением и неистовством. Теперь уже не долго ожидали хлысты духа, через минут десять он «сокатил» на другого пророка, именуемого Иоанном Крестителем, чрезвычайно крикливо начавшего своё пророчество. Но как он не кричал, у него пророчество выходило из рук вон плохо: он начал пороть для всех очевидную чепуху. В волнении «ходя на кругу», он одно только и выкрикивал: «ну так что ж, ничего ж! Никогда, завсегда! Где Иус, там Петрусь? Никого ж я не боюсь»! Не смотря на такое бессмысленное пророчество, многие стали неудержимо громко рыдать. Чтобы ободрить видимо смущавшегося от неудачи пророка, некоторые из мужчин стали громко вздыхать, охать, другие выкрикивать: «верно, истинно»! «Так, так»! Когда хлыстовский креститель подошёл к нам, я, стоя подле Недобоя, толкнул его и сам громко закричал пророку: «верно, верно, истинно»! Недобой сильно рассмеялся, но тотчас прикрыл лицо своё «крылом архангела», так что по вздрагивающим от смеха плечам нельзя было узнать, смеётся он или плачет... Говорят, хлысты на своих собраниях часто скрывают свой смех под «крылом архангела».

По окончании пророчества опять пропели, если не ошибаюсь, «Небесного круга, верхотворче Господи», разумея, конечно, под «небесным кругом» свой круг пляшущих.

Затем пророчества пошли одно за другим и чем дальше, тем с большим криком и шумом; многие начали просто сумасшествовать и бесноваться. После четвёртого пророчества я обратил внимание на одного хлыста, лицо которого показалось мне знакомым, да и он сам всё время как-то особенно пристально смотрел на меня. Невольно подумал я о

своём положении: что если войдёт в собрание хлыстов кто-нибудь из знающих меня актантов, хотя бы, напр., из арнаутовских, и обнаружит, кто я! Ведь чего только не способны сделать сектанты в состоянии того слепого экстаза и дикого фанатизма, в каких они тогда находились! Нужно было подумать и о том, как теперь выйти из собрания хлыстов, – тем более, что радение продолжалось уже около пяти часов, и от спёртого воздуха в «соборе», пропитанного испарениями пота и всевозможными запахами усердных танцоров, у меня чрезвычайно болела голова. Случайно бросив взгляд на стол, стоявший перед божницей, я увидел на нём множество всевозможного рода сладостей: конфет, пряников, орехов, бубликов и т. п. Все это были «гостинцы», принесённые «братцами» и «сестрицами» для общего и взаимного угощения по окончании радения. Я тотчас сообразил, что с удобством могу воспользоваться этим обстоятельством и уйти из собрания хлыстов под предлогом покупки для них гостинцев. Недолго думая, я направился к окну через толпу беснующихся сектантов, отыскал с трудом свою одежду и вышел в приёмную, где оставались мои сапоги. Но Василий Блаженный, видно, наблюдал за мной: я не успел ещё одеться, как он уже был подле меня. «Куда же вы, братец, простите Христа ради, уходите? ещё «работа» не окончилась», заговорил он.

– Не принёс с собой гостинцев, пойду купить и сейчас возвращусь, ответил я.

– А вы же знаете, где лавка?

– Нет, не знаю.

– Так вы, сестрица, проводите их, обратился пророк в какой-то старухе.

Последняя набросила на себя тёплую одежду, и мы вышли на улицу. Попасть из тёмной, вонючей комнаты после пятичасового пребывания в ней на свежий воздух было для меня величайшим счастьем. С «сестрицей» я направился прямо в лавку.

– Есть ли у вас конфеты, пряники и орехи, обратился я к лавочнице?

Та сперва посмотрела долгим пристальным взглядом на меня, потом вопросительно взглянула на мою спутницу и, наконец, улыбаясь, ответила: «ничего нету: вчера ваши всё забрали».

– В таком случае я пойду в другую лавку, сказал я спутнице своей.

– Хорошо, я провожу вас; на этой улице неподалёку есть лавка; теперь по случаю воскресного дня двери в ней будто заперты, но мы постучим, и нам отворят.

– Нет, вы уж, сестрица, не беспокойтесь: я и сам найду эту лавку, успокаивал я старуху, думая только о том, как бы она отстала от меня.

К моему удовольствию, старуха согласилась остаться и повернула к дому Баканова, а я прибавил шагу и поспешил завернуть за первый же угол в сторону...

Голова у меня болела невыносимо, в висках стучало, точно от ударов молота, жажда ужасно меня мучила, а утолить её негде было, так-как я очутился на самом краю города среди пустырей и развалин домов. Но холодный, морозный ветер скоро освежил меня, *успокоил возбуждённое моё состояние*, и я решил купить хлыстам гостинцев и снова пойти посмотреть, что у них дальше будет твориться на радении. Отыскав бакалейную лавчонку и купив на рубль различных сладостей, я направился обратно к дому Баканова. Во дворе меня окликнул какой-то старик, очевидно сторож хлыстовский, «куда вы? что вам нужно, сердито спросил он меня»? Вместо ответа я показан ему из-под тулупа свёрток. «А»! произнёс старик и с улыбкой пропустил меня в двери.

Войдя в приёмную, я застал здесь Василия; очевидно, пророк поджидал меня и был рад моему возвращению. Он взял от меня гостинец и отнёс его в «собор», откуда долетали неистовые крики, звуки песен и топанье ног. Сбросив с себя тулуп, я отправился в «собор». Лишь только я переступил его порог, как со мной чуть не сделалось дурно: здесь воздух до того уже был испорчен, что воздух цирка и даже зверинца в сравнении с ним каждому был бы гораздо сноснее. От одной только подобной вонь человеческой, долго пребывающему в

ней, можно одуреть и заговорить всякую чепуху в роде хлыстовских пророчеств. Мне тогда же пришло на мысль, что если бы незаметно для хлыстов сделать в «соборе» хорошую вентиляцию, которая освежала бы воздух в нём, то дух гораздо бы реже «накатывал» на хлыстовских пророков...

Выслушав с большим усилием несколько бессмысленных пророчеств, сопровождавшихся усиленным плачем хлыстов, я вышел в приёмную с целью совсем уйти из собрания сектантов.

– Куда же вы уходите, слышался в сенях голос Василия? Скоро «работа» кончится и будет трапеза.

– Да я мало гостинцев купил, а братьев и сестриц собралось, вяжу, много. Хочу пойти ещё купить.

– Да вы не беспокойтесь, обратилась ко мне заштатная по старости лет богородица Меланья, вот я уже чай завариваю, сейчас отдых будет. Да кто это там на круг стал, озабоченно спросила она?

– Да это пророк Илья, ответил кто-то.

– Я так и знала, сердилась старуха, этот пойдёт уже белькотать целый час, через него и чай простынет.

Такое отношение старой хлыстовки к дарам хлыстовского пророчества меня разом и удивило, и рассмешило: горячий чай предпочтён благодати духа!..

– Да пока что, успею вернуться, настаивал я.

– В таком случае проводи их, братец, сказал Василий вошедшему в приёмную парню, тому самому, который перед радением приносил публичное покаяние. Желая, вероятно, загладить перед братией свой грех, он больше всех неистовствовал и теперь, бедняга, на себя не был похож: изнурённый, бледный, весь мокрый, со слипшимися на лбу волосами, с блуждающим, бессмысленным взором он долго не мог и понять сразу, что ему говорят. Пока ему толковали, я совсем собрался и под предлогом, что в комнате жарко, вышел во двор, сказав, что подожду там своего провожатого. Со двора я выбрался на улицу, заворотил за угол, потом за другой и поспешил уйти от этих тёмных мест и ужасного и жалкого религиозного невежества, позорящего имя человека и христианина. На моё счастье в этой глухой местности скоро

показался извозчик; я сел на дрожки и велел скорее ехать на «постоялый двор», где, переменяв бельё и одежду, отправился к о. Зубову, чтобы поделиться с ним богатством необыкновенных своих впечатлений.

Мой спутник, Недобой, оставался до конца радений, когда «вышли на круг» и женщины. Под конец радений общее возбуждение сектантов было до того сильное, что сам Недобой, по его словам, ничего подобного никогда раньше не видал. «Все как будто с ума посходили, говорил он о хлыстах. Даже за столом, когда уже чай пили, многие, особенно женщины, сидя, стали подпрыгивать, кричать и пророчествовать, как будто ими овладела какая-то нечистая сила», радение продолжалось от 8 часов утра, до 5 по полудни. Все вышли оттуда, по словам Недобоя, истощённые, изнурённые до неузнаваемости. Впрочем, довольно было посмотреть на Недобоя, чтобы представить себе состояние более усердно работавших на кругу сектантов!...

Когда окончилось угощение, и сектанты стали расходиться, явились хлысты из корабля Марченко; их очень интересовало, что это за новый брат появился в бакановском корабле?

– Видно, богатый говорили они.

– А вы думаете, что только у вас могут быть богачи, есть теперь и у нас почище ваших, отвечали не без гордости бакановцы!..

В виде заключения к своему повествованию о посещении радения хлыстов расскажу о начале первой моей публичной беседы с Бакановым, предметом которой я избрал учение св. Писания о признаках истинных и ложных пророков. Беседа эта велась мной в г. Николаеве, почти год спустя после описываемого события, в обширной аудитории, в присутствии почти всех главарей местных кораблей хлыстовских и полуторатысячного числа слушателей, состоявших из интеллигентного и простого народа.

Выяснив на основании слова Божия признаки истинных и ложных пророков, я обратился к Баканову с вопросом: верно ли, что и в его доме бывают пророки, которые однако прорекают не иначе, как после продолжительных верчений и плясок?

Г. миссионер, ответил, крестясь, не узнавший меня Баканов, вот св. крестом свидетельствую, что ничего подобного у нас не бывает.

– Но почему же везде говорят о радениях в вашем доме?

– Мало ли чего по злобе не скажут люди.

– Но об этом говорят очевидцы, люди, бывшие на радениях и заслуживающие полного доверия.

– Г. миссионер, я уже старик, одной ногой в гробу стою, мне ли лгать? Вот св. икона, перед ней свидетельствую, что никаких радений в моём доме никогда не было и не бывает. С этими словами Баканов вторично перекрестился.

– Неужели, Степан Егорович, вы меня не узнаете?

– Нет, я вас не знаю, первый раз вижу, ответил действительно не узнавший меня сектант.

– Присмотритесь хорошенько, может быть узнаете.

– Нет, не узнаю, ответил Баканов, хотя по лицу его пробежало тревожное недоумение.

– А припомните того «брата» из Вознесенска, что был у вас на радении вместе с Аф. Недобоем.

При последних словах сектант побледнел, его бросило в пот, так что он должен был снять верхнюю одежду.

– Не знаю, не знаю, полушёпотом твердил он, растерянно озираясь по сторонам.

– А вот здесь на беседе и Аф. Недобой, он нарочно издалека приехал на беседу и может вам напомнить о радении, на котором мы с ним были.

Баканов окончательно смутился и замолк. В народе послышался шум порицаний по адресу старика, призывавшего во свидетельство истины своих слов честной крест и св. икону и при этом лгавшего перед тысячным собранием народа. Мне жаль сделалось сектанта, и я прекратил шум народа, начав знакомить его со всем тем, что мне удалось видеть на радении у хлыстов.

К концу моего рассказа Баканов совершенно овладел собой и с характерной хлыстовской улыбкой продолжал вести со мной публичную беседу, не мало возмущая этим всех многочисленных слушателей, наглядно убедившихся, до какой

степени лжи и лицемерия могут дойти хлысты, эти окончательно «сожжённые в совести» (1Тим.4:2), «имеющие вид благочестия, силы же его отрёкшиеся» люди (2Тим.3:5).

V.

Читателю, конечно, интересно знать, каков результат посещения мной радения хлыстов? Кроме личного знакомства, со всем тем, о чём миссионеры и исследователи хлыстовщины говорят и пишут только со слов других, знакомства, давшего мне возможность непосредственного изучения культа хлыстов, посещение их радений принесло и теперь приносит положительные результаты моей миссии, как среди самих хлыстов, так и среди увлекающихся их учением православных, склонных иногда видеть в сектантах, благодаря их показному благочестию и мнимой набожности, людей благонамеренных, людей богоугодной святой жизни.

Рассказ о посещении мной радения хлыстов везде производит на народ самое сильное впечатление; слушатели сознают и убеждаются, что пророчества на радениях у хлыстов – не пророчества, а глупость, являющаяся следствием большого религиозного невежества сектантов, доводящих себя бешеной пляской и изнурительным верчением до такого состояния умопомрачения, когда человек теряет всякий здравый смысл и делается близок к умопомешательству. Ведённые по этому поводу беседы в местах, заражённых хлыстами, производят желательное вразумляющее действие не только на склонных к хлыстовщине, но и на более благоразумных её последователей.

Сами вожаки и пророки хлыстовские в глазах заблудших, но ищущих истины, сектантов теряют свой прежний авторитет, так как молва о посещении мной радения николаевских хлыстов распространилась уже по всей Херсонской губернии. Совершая напр., поездку по Херсонскому уезду с окружным миссионером о. Михайловским, я посетил старую хлыстовку села Снегиревки Евдокию Луцкину. Долго скрытничавшая хлыстовка наконец разговорилась со мной.

– Что, бабушка, спрашиваю, верно ли, что в Николаеве есть истинные пророки: Баканов, напр., Марченко, Кальто и другие?

– Какие там пророки, отвечает Евдокия, не зная, кто я! Когда то, давным-давно, может, и были, а теперь не пророки, а шарлатаны: говорят, какой-то миссионер всё радение у них пробыл, а они его и не узнали. Что же это за пророки? Если бы они были пророки, то дух сейчас же открыл бы им, кто у них в собрании.

Так справедливо рассуждают и в других местах благоразумные сектанты, знающие из св. Писания, что в числе многих других признаков истинных пророков Божиих им принадлежит и совершеннейшее знание, доходящее до ведения сокровеннейших тайн сердца человеческого. Вот библейские примеры, убеждающие нас в этом.

Слуга пророка Елисея, по имени Гиезий, взял тайно у исцелённого пророком от проказы сирийского военачальника Неемана талант серебра и две перемены одежд и, желая свой поступок скрыть от Пророка, спрятал всё это у себя дома. «Когда он пришёл, читаем в 4 книге Царств (4Цар.5:25–27), и явился к господину своему, Елисей сказал ему: откуда, Гиезий? И сказал он: никуда не ходил раб твой. И сказал он ему: разве сердце моё не сопутствовало тебе, когда обратился на встречу тебе человек тот с колесницы своей? Время ли брать серебро и брать одежды?.. Пусть же проказа Нееманова пристанет к тебе и к потомству твоему навек. И вышел он от него белый от проказы, как снег».

Таким образом, пророк Елисей, как истинный пророк Божий, узнал с какой целью тайно уходил обманувший его слуга. Отчего же пророки Баканова, да и он сам, не узнали с какой целью приходил к ним я с Недобоем? Очевидно, оттого, что они не пророки, а лжепророки, обманывающие сами себя и других таких же невежественных в вере людей.

«Некоторый муж, читаем в книге Деяний (5:1–10), именем Анания, с женой своей Сапфирой, продав имение, утаил из цены, с ведома и жены своей, а некоторую часть принёс и положил к ногам Апостолов. Но Пётр сказал: Анания! для чего ты допустил сатане вложить в сердце твоё мысль солгать Духу Святому и утаить из цены земли? Чем ты владел, не твоё ли было, и приобретённое продажей не в твоей ли власти

находилось? Для чего ты положил это в сердце твоём? Ты солгал не человекам, а Богу. Услышав сии слова, Анания пал бездыханен; и великий страх объял всех, слышавших это. И вставши, юноши приготовили его к погребению, и вынеся похоронили. Часа через три после сего пришла и жена его, не зная о случившемся. Пётр же спросил её: скажи мне, за сколько ли вы продали землю? Она сказала: да, за столько. Но Пётр сказал ей: что это согласились вы искусить Духа Господня? Вот, входят в двери, погребавшие мужа твоего; и тебя вынесут. Вдруг она упала у ног его и испустила дух. И юноши вошедши, нашли её мёртвой, и, вынеся, похоронили подле мужа её».

И в этом примере, взятом из жизни св. апостолов. мы видим, что боговдохновенные люди постигали тайны сердца человеческого; от них ничего нельзя было скрыть, ибо всё им открывал живущий в них Святой Дух Божий.

Почему же опять хлысты, именующие себя «людьми Божиими», воображающие, что во время радений на их пророков и пророчиц «сокатывает с неба Дух Божий», открывающий им все тайны неба и земли, не могли узнать тех, которые пришли к ним с целью уличить их потом в обмане и самозаблуждении? Ведь старший их пророк Василий Блаженный, против моего желания, даже танцевал со мной «в схватку», а с Недобоем перетанцевали все, бывшие на радении, пророки; было там не мало пророчиц, все они, дойдя после безумных плясок и верчений до головокружения, воображали, что на них сошёл Дух Святой и говорили всякую чепуху, между тем будущих обличителей своего заблуждения узнать не могли; напротив, Василий Блаженный, под влиянием сошедшего на него духа лжи, заврался до того, что поздравил весь корабль с увеличением числа братии его, разумея меня с Недобоем... Бедные лже-пророки хлыстовские, не пора ли им после этого одуматься и бросить своё гибельное заблуждение!

В самом деле, хлыстовским пророкам представлялся самый удобный случай посрамить православного миссионера и доказать истину своей веры, объявив всем в «корабле», кто мы такие и зачем пришли; представлялась полная возможность обличить нас перед всеми и обнаружить тайны сердца нашего.

Ведь в 14-й главе послания св. Павла к Коринфянам (1Кор.14:24–25), которую хлысты особенно часто приводят и ложно толкуют в оправдание существования у них пророчеств, они сами же читают следующие слова: «когда все пророчествуют, и войдёт кто неверующий или незнающий, то он всеми обличается, всеми судится; и таким образом тайны сердца его обнаруживаются, и он падёт ниц, поклонится Богу и скажет: истинно с вами Бог». Следовательно, истинные пророки, пророки Божии, не только обличают и судят всякого неверующего, но, чтобы доказать его заблуждение и истину своей веры, они даже «тайны сердца его обнаруживают», так что неверующий, поражённый их необыкновенным ведением, по необходимости должен уверовать в их учение и признать, что с ними именно Бог. Ничего подобного хлыстовские пророки не сделали, ибо не могли сделать. Если бы они, действительно, были пророки Божии, носители Св. Духа, то, конечно, тотчас, как-только пришли мы к ним под видом «братьев», или наконец во время радения обличили бы нас, как неверующих в их учение, и для доказательства истинности своей вере и действительности пророчеств сказали бы, кто мы такие и для чего явились к ним¹⁶⁸.

Таким образом, наше посещение радения сектантов лучше и нагляднее всяких бесед и вразумлений доказало ложь и заблуждение самозванных хлыстовских пророков, о которых так говорит Господь: «пророки пророчествуют ложное именем Моим: Я не посылал их и не давал им повеления, и не говорил им; они возвещают вам видения ложные и гадания и пустое, и мечты сердца своего» (Иер.14:14). «Я не посылал их, говорит Господь; и они ложно пророчествуют именем Моим, чтобы Я изгнал вас, и чтобы вы погибли, – вы и пророки ваши, пророчествующие вам» (Иер.27:15,23:21–28 и др.).

Сам Господь наш Иисус Христос предупреждал нас о появлении лже-христов и лжепророков, подобных хлыстовским, когда говорил, что «многие лжепророки восстанут и прельстят многих» (Мф.24:11). «Берегитесь лжепророков, говорил он» (Мф.7:15). О них предсказал и св. ап Пётр: «были лжепророки в народе, говорит он христианам, как и у вас будут лжеучители,

которые введут пагубные ереси и, отвергаясь искупившего их Господа, навлекут сами на себя скорую погибель. И многие последуют их разврату, и чрез них путь истины будет в поношении. И из любостяжания будут уловлять вас лъстивыми словами; суд им давно готов, и погибель их не дремлет» (2Пет.2:1–3).

Слова Спасителя Христа и Его св. Апостола вполне сбываются в наше время, когда появилось так много людей, выдающих себя за пророков, – людей, которые «от истины отвратили слух и обратились к басням» (2Тим.4:4), и которых поэтому нам нужно особенно остерегаться.

«Берегитесь, учит Христос, лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде? а внутри суть волки хищные... Многие скажут мне в тот день: Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли? и не Твоим ли именем многие чудеса творили? И тогда объявлю им: Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие (Мф.7:15, 22–23)!

Оканчивая рассказ свой о посещении мной радения николаевских хлыстов, я не могу не выразить чувства крайнего удивления и глубокого сожаления о том поразительном невежестве и дикости, до каких могут дойти люди. Стыдно и больно за русского человека, способного увлечься самыми нелепыми, самыми бессмысленными учениями. Да, одно только истинное просвещение всего русского народа, просвещение в духе веры и Церкви Христовой может избавить его от всевозможных, позорящих имя человека и христианина, сект. Но когда же, добрый читатель, это будет?!

М. Кальнев

Из миссионерских летописей, дневников и записок

Ивановский Н.Ив. Мои письма к бегунской наставнице (игуменьи) в Казани. // Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 493–498

Ниже помещаемые письма относятся к тому времени, когда обратившаяся из бегунской секты и присоединённая к православной церкви 24 дек. 1797 г. девица Елизавета¹⁶⁹ проживала в академии у о. инспектора, протоиерея Н.П. Виноградова. Обращение её не только ознакомило нас с устройством секты бегунов и с их бытом¹⁷⁰ но и столкнуло хотя с немногими действительными бегунами. В ряду их особенным влиянием пользуется одна старушка, бывшая воспитательница Елизаветы – занимающая теперь место игуменьи в Казани. Живёт она где-то в келье, в настоящее время уехала в Нижний Тагил, где происходит «собор» бегунов для примирения между «статейниками» и «противостатейниками», которые представляют два разделившиеся общества согласия бегунов¹⁷¹.

Старые привязанности детства побудили Елизавету вступить, через посредство известных ей лиц, в непосредственные сношения с своей воспитательницей, в надежде, не удастся ли заронить в неё искру добра через ознакомление с православным богослужением, с древними книгами, имеющимися в академической библиотеке, и через личные беседы. С ведома и согласия о. протоиерея Виноградова и нашего – старицу стали принимать в академии; сама же она думала, что её никто не знает и что она бывает у Елизаветы не более как в качестве старой знакомой. Всех посещений было пять, или шесть. О. инспектор показал ей академическую церковь, объяснив принадлежности алтаря, раскрыл для этого царские двери, чтобы она могла видеть св. престол и жертвенник, равно и запрестольные украшения. – Это было в прошедшем великом посте. Неделю или несколько более спустя после этого, она вместе с Елизаветой была в академической церкви на архиерейском служении преждеосвященной литургии,

стояла, очень внимательно, хотя и не молилась, – что в порядке вещей.

Во время выноса св. Даров, когда все молящиеся пали ниц, она также стояла, не преклоняясь, – но осторожно шепнула Елизавете с душевной грустью: «Господи, какой благодати мы лишились»! В следующий приход в академию она пожелала быть в библиотеке, заранее к тому расположенная Елизаветой. Мы также предуведомлены были об этом заранее, подобрали на случай нужные книги и поручили студенту Шлееву показать в них потребные места. Видеть нас старушка боялась, – тем более, что между бегунами был распространён слух, что Елизавета присоединена едва не насильно, при нашем участии. – Но случилось так, что в тот день, когда, старушка пришла, и мы читали лекцию в академии. Оповещённые о её прибытии и о желании быть в библиотеке, мы пригласили студента Шлеева отправиться для означенной цели в библиотеку, а сами пришли туда не обращая ничего внимания,. В библиотеке, как лицо совершенно постороннее, взошли в беседу, стали давать указания, что показать в книгах, и делать некоторые разъяснения, не подавая и вида, что знаем посетительницу, дабы не смутить её. В заключение показали ей всю библиотеку с массой книг в шкафах богословского содержания и простились мирно. Но старушка догадалась о нашем имени и попрекала сопутствующую ей Елизавету, что она свела её с Ивановским. При этом она обзывала нас стариком-язычником, антихристом и малым рогом, о коем упоминается в Апокалипсисе. Елизавета вздумала было разуверять её почему-то, называя нас заведующими библиотекой, но напрасно. Старушка не зашла уже к ней в квартиру о. инспектора, но поспешила удалиться. Опасаясь, что вследствие этого посещения её прекратятся и вовсе не имея в виду причинить ей какую-либо личную неприятность, мы и написали первое письмо, которое и поручили Елизавете переслать по назначению, если передать лично будет уже невозможно. Но обстоятельство другого рода снова побудило её прийти в академию. От одного, очень видного, наставника бегунов С... О... получено было ей письмо, содержание которого и нужно было передать. Этот наставник

считался опекуном Елизаветы и принимал в ней особое участие, и до последнего времени он не упускает её из виду, заботясь о возвращении её обратно в общество бегунов, хотя бы «жиловых». Прошедшей осенью он прислал ей самой письмо, соболезнуя об её уходе и с особенным чувством прося, даже умоляя, её возвратиться и обещаясь даже не стеснять её в вере, – что было уже очень наивно. Елизавета питает к нему также какую-то особую, инстинктивную привязанность. Теперь он прислал письмо не ей лично, а означенной старушке, её воспитательнице, видимо рассчитывая на её влияние, при новом начавшемся знакомстве. Письмо это, которое Елизавета читала, не столь уже нежное; в нём упоминается и пёс возвращающийся на свою блевотину (2Пет.2:22), с прибавкой, что она не возвратилась, а впервые ушла. – Посему мы и сказали Елизавете, чтобы она, уверившись в истине православия, уже не возвращалась куда её зовут и за что злословят. Передать это письмо старушка и пришла в академию. Здесь, в комнате Елизаветы, она увидела нашу фотографию и сказала «вот тот старик, который был в библиотеке. – Ведь это Ивановский? – А ты от меня хотела скрыть». Елизавета извинялась и объяснила, что она не сказала из опасения, как бы она не ушла, пожалуй, и не видеv книг». При этом свидании Елизавета передала и наше письмо, чётко переписанное. Старушка внимательно его прочитала и положила в карман, сказав, что она дома ещё прочитает.

Это обстоятельство послужило для нас поводом написать второе письмо. Приближался праздник Пасхи, и мы знаем, как подозрительно относятся все беспоповцы к пасхальным приветствиям со стороны православных. Поэтому мы решились поздравить старушку общепринятым приветствием: «Христос воскрес», в ожидании, ответить ли она нам также обычным христианским приветствием: «Воистину воскрес». Это второе письмо, помеченное первым днём праздника и во второй день написанное, не могло быть ещё переписано и передано, как в субботу на пасхальной неделе, 24 числа, придя к литургии с женой в академическую церковь, мы, к утешению, увидели старушку снова в церкви, вместе с Елизаветой. Литургию

совершал о. инспектор, и после литургии, по обычаю, да и вызываемые означенным обстоятельством мы зашли к нему. Письмо было с нами, для того, чтобы отдать переписать его. Старушка с Лизой ушла в свою комнату; моя жена пошла к ним поздороваться и сказать несколько добрых слов. После этого старушка пожелала нас принять в комнате Елизаветы, где мы и прочитали ей само письмо, сказав, что если оно ей не противно, то мы дадим переписать и пришлём. Старица пожелала иметь его. Завязался разговор об участии Елизаветы; мы сказали, что она пришла в церковь по доброй воле, и никто другой, как только Господь призвал её, и какого-нибудь, хотя бы малейшего насилия отнюдь не было ни с нашей, ни с чьей-нибудь стороны... Утверждаю это при ней самой. Елизавета подтвердила мои слова. Теперь, продолжали мы, она – наша общая с батюшкой духовная дочь, о которой мы и прилагаем заботы. Старушка, видя прекрасно обставленную жизнь, довольный вид Елизаветы и ласковое обращение не только с Елизаветой, но и с ней самой, – поблагодарила. В ответ на благодарность мы перевели речь на предметы веры и церкви: «теперь, сказали мы, ты видишь и знаешь нас, хотя ещё и немного, слышала и службу нашу, видела и церковь. Подумай и посуди, ужели мы в самом деле антихристы и что в нас страшного, отталкивающего? Ты подумаешь, что мы хитрим, лицемерим? Но ведь и лицемерию есть границы. Нельзя же лицемерить не только в слове, но и в деле, и в молитве. Ты слышала, что и молимся мы Христу и Его Пречистой Матери Приснодевы Марии и святым угодникам Божиим»... Впрочем, долго развивать эти мысли мы пока поостереглись... и простились.

Когда мы читали письмо и произнесли: «Христос воскрес!»! – старушка неожиданно для нас ответила: «...Воистину воскресе». Перед этими словами она как будто что-то ещё сказала, чего мы не расслышали и на что не обратили внимания. Оказалось, что она сказала: «у нас воистину воскресе». Это выражение и послужило поводом к написанию третьего письма.

Вследствие усыновления Елизаветы единоверческим священником о. Пафнутием Беляковым, – тоже обратившимся некогда из раскола федосеевской секты, – и зачисления её по Высочайшему благосоизволению в 3 класс Казанского окружного женского училища духовного ведомства, а с другой стороны и вследствие отъезда самой старушки в Нижний Тагил. (Пермской губ.), сношения наши с ней прекратились и возобновятся ли – неизвестно. Какое впечатление оставили наши письма, мы тоже не знаем. Сообщали нам только одно, – что письма наши читались некоторыми бегунскими наставниками, собравшимися в Тагиле. Примечательно, к Елизавете приезжал из Тагила нарочитый посланник с приглашением от имени бывшего её опекуна С... О... приехать на собор, послушать разглагольствия по вопросам, которыми она прежде интересовалась. При этом ей разрешалось даже и взять с собой кого-нибудь, только не Ивановского и не «попа». – Хитрое приглашение, на живую нитку сшитое, было, конечно, отклонено.

Письмо 1-е.

РАБА БОЖИЯ!

Я тот старик, которого ты видела в библиотеке академии, который говорил с тобой, показывая древние книги и рисунки с древнейших изображений; фальши и обмана никакого тут не было.

Мы знаем, кто ты и как тебя зовут; но раз Елизавете (Евстолии) позволено тебя принимать, будь уверена, что в академии ты безопасна, так безопасна, как нигде: никто тебя и пальцем не тронет, никто не оскорбит, даже ничего затруднительного для тебя не спросит¹⁷². С недругами Церкви и противниками государства мы боремся открыто, как побуждает совесть христианина, и требует долг гражданина, но хитрых ловушек никогда не устроили и устроить не станем обещание же твоей безопасности сумеем сдержать и выполнить. Елизавета в том тебе порукой; она крепко тебя любит и зла тебе не пожелает.

За возможность быть в библиотеке и видеть древние книги я думал, ты спасибо скажешь; но естественное, свойственное всякому человеку чувство благодарности было подавлено в тебе страшным призраком антихриста и нелепым толкованием «малого рога». И вот вместо благодарности ты антихристом меня считаешь и желаешь бежать без оглядки. Знаю это и не удивляюсь; для меня это не новость; на это я и не обижаюсь, – так потому и быть должно. Господь сказал: *Блаженни есте егда поносят вам... и рекут всяк зол глагол на вы лжуще, Мене ради*, сиречь ради Христа. Но вы-то что? Действительно, вам и говорили о Христе, о завете Его вечном и о крови завета, вечно приносимой в воспоминание Его смерти, а вы проповедника сего врагом Христа именуете. Бог с вами за ваше похуление... Подумайте!..

Вы мне понравились, потому что скромно себя держали, – не то, что разные Сильвестры да Архипычи¹⁷³, – к указаниям в книгах внимательны были. – Будьте такой же и в будущем. Ещё: при рассмотрении книг не смотрите на показывающего и

глаголющего, кто бы он ни был: – старик или молодой, студент или кто другой, – смотрите на пишемая и глаголемая, как поучает преподобный Никон Черногорский (Тиктикон л. 114 об.). При этом смотря на пишемая, свой разум Писанием проверяйте, наипаче же пленяйте его в послушание св. Евангелия Христова, которое никогда не изменится (Благов. на Лук. зач. 107), – и Господь отверзет очи ваши, и вам будет ясно и легко. Знаю, труден перелом, много нужно борьбы и самоотречения; но без борьбы нет победы, без самоотречения нет последования Христу; тяжёл особенно первый шаг, а там всё легче и утешительнее будет уходить от годами воспитанного страха антихриста к светлой надежде – Христу и к радости о Дусе Святе. «Враг-старик», подумаете вы, говорит всё это тот старик, которого вы не возлюбили; – но ведь и враг может сказать правду. Да и враг ли он ещё вам?.. Враги ли людям те, которые нёс седмитолковым каким-то апокалипсисом и другими вздорными, новосоставленными книжонками носятся, а твёрдо стоят с Евангелием в руках, окружённые святоотеческими писаниями, проповедуя Христа и утверждая веру в Его слова и обетования? Ей, не враги они, и вам, а други! Подумайте и о сём, старица, и помолитесь, чтобы Господь просветил вас, как и питомицу вашу Елизавету. Не Ивановский обратил её, а Господь призвал. Буди же имя Господне благословенно во веки. Аминь.

Старик, – надеющийся в скором времени опять видеть тебя в библиотеке, вместе с Елизаветой.

Профессор *И. Ивановский*
(Продолжение следует).

С-ко Михаил. Исповедь раскаявшегося толстовца. // Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 499–506

¹⁷⁴ Окончательное моё просвещение совершилось в Муромском монастыре преп. о. Лазаря и о. Афанасия, при отеческом духовном руководстве игумена о. Анисима, духовника моего о. Викентия, и при братском участии прочей братии¹⁷⁵, странников и послушников. Бог дивно разрешал мои недоумения *на молитве*, и это, думаю, ради моих послушнических тяжких трудов чернорабочего, какие я нёс по кухне, отоплению келий, по уходу за больным монахом, по услужению старцам (ношением воды с озера и дров в кельи), по пономарскому послушанию, которое одно из труднейших в обителях. Но кроме того назидания и вразумления ума, очищения совести, укрепления воли, утешения сердца, которые я получил *через людей*: священников (о. игумена и иеромонахов), странников и послушников, я обретал их и через чтение Четий-Миней Дмитрия Ростовского, которое (чтение) я почти год совершал на трапезе ради послушания, через ежедневное участие в Богослужении, участии особенно деятельном— и по душе, и по телу; — при пономарском деле великое значение имела и *переписка*, которую разрешал мне иметь о. игумен. Но впрочем переписка сия, когда продолжалась в ущерб твёрдому, терпеливому и усердному исполнению блаженного послушания, которое во истину *паче поста и молитвы*, когда я продолжал её *вопреки* воле о. игумена, мудро меня *испытывавшего* поруганиями и запрещениями, сделалась причиной того, что Господь за ослушание предал меня страстям души моей, и я впал в чревоугодие, которому предавалась моя сластолюбивая душа неистово, доходя до такого унижения, что я тайно с кухни брал корки чёрного хлеба, к которым пристрастился; — попросту говоря я дошёл до воровства, до которого легко могут доходить все любящие есть, пить, спать, и не любящие работать, живущие вопреки заповеди: «не трудивыйся да не яст».

В такое-то расслабление воли, в сонливость, нерадение и упрямство, впал и я. Я стал вдруг непокорен, позволял обличать о. игумена, раздражал его и гневил; стал просыпать час, когда надо было идти на колокольную звонить, и служащий иеромонах-старец должен был сам приходить ко мне в келью, предваряя звон. Одним словом, я *ниспал во плоть*, утратил чуткость совести, теплоту сердца и наконец был со стыдом выпровожен из монастыря, как ни на что полезное негожий, а только строчивший письма, в коих, хотя окаявал себя и поносил с озлоблением, но истинного исправления на деле не являл. А всё это произошло оттого, что душа моя по сластолюбию не хотела воспринять «благотворного ига» истинно-христианского поста и строгого воздержания в пище и питии. Я долго не мог уразуметь, что пост есть малоядение и малопитие, а не наоборот: не многоядение и не многопитие, что *бдение* есть малоспание, а не наоборот: не многоспание. Ещё дольше я не понимал, что «подвиг» христианина есть *подвигание*, есть царский путь, избегающий крайностей даже благовидных; я не понимал, что малопитание, малоядение и малоспание приобретаются постепенным и постоянным упражнением. Ныне я знаю наверное (верую), что добродетель воздержания и поста короче и проще всего можно приобрести, если хлеб есть *весом* (или количеством ломтей), *постепенно* убавляя его количество, а воду (чай) пить *мерой*; сну же положить *пределом* ¹⁷⁶ три-четыре часа в сутки, как советует о. Серафим Саровский. Если при этом человек строго соблюдает «уставопищие» церковные ¹⁷⁷, относительно четырёх больших постов, среды и пятницы во весь год, то совесть его будет покойна в этом отношении, тело здорово и долговечно. Как мудро святая Церковь наложила узду на нашу неистовую чувственность видно из того, что сред и пятниц в году бываем 104, так – что $\frac{1}{3}$ года проводится христианином *воздержано*, а что ещё важнее с благоговейной мыслью о Боге – Сердцеведце, грядущем судить всех и праведно воздать каждому по делам. Если же присоединить 7 недель великого поста, 2 недели успенского, 6 недель рождественского и 4 недели Петрова (как было в 1898 году), то это составить $19 \times 7 = 133$ дня, а всего в году (98) постных дней

было 237, дней же скоромных (со скоромной пищей) оставалось 128. Видите: $\frac{2}{3}$ почти года христианин обязывается совестью проводить в посте. Как же не похвалить это учреждение святой Церкви даже и самому хулителю Церкви гр. Л. Н. Толстому, который так горячо и справедливо писал о посте, называя его прекрасно первой «ступенью»? Согласимся и со штундистами, что между «православными» есть и может быть и немало лицемеров, объедающихся постной пищей, или же, при тщательном соблюдении поста, обижающих людей-братьев, – обиравших, ругающих, бьющих, осуждающих. Но что-ж из этого? Разве святая Церковь таких «православных» похваляет. Нет, она таковых более штунды осуждает, а Евангелие заявляет, что войдут в Христово царство только *исполняющие* усердно и искренно уставы евангельские, а вовсе не те, которые только говорят: «Господи! Господи!», а воли Господа не исполняют, как и я, окаянный (впрочем, хочу исполнять). Так мыслил и я ранее, когда был вне церковной ограды, пока не понял, что *люди* грешны, а *Церковь* – свята и призывает к *святости*, «первой ступенью» к которой считает крепкое обуздание чрева. Я благодарю Бога, что Он не оставил меня и на этот раз без уничтожения, но исповедую, что был изгнан из монастыря в мир, «лежащий во зле», за вины мои: леность, своеволие и нерадивость. Правда, я падал в ноги о. игумену, прося не изгонять меня, но Бог, предусматривая обо мне лучшее, не благоволил, чтобы мне оставаться во св. обители, да не превозношуся, – и вывел в мир, где я и пребываю в странствии до сегодня почти уже два года. Среди мира Бог мне показал некоторых истинных рабов Своих, хранящих души свои и тела во всякой чистоте, соблюдающих строго в совести своей евангельские заповеди. Так, Богу угодно было привести меня к одному 40-летнему мужу, который дал обет Богу в минуту смертной опасности (когда лежал в тифе во время турецкой компании 1877–79 года: он был гусаром) – идти в монашество, если Господь сохранит ему жизнь. И вот 20 лет прошло в борьбе пока в 98 году на моих глазах он мужественно, наконец, порвал с миром и ушёл в один из лучших русских монастырей сохранять душу свою от мыслей и желаний порочных (из коих,

как из причин следствия, рождаются слова и дела скверные) посредством подвига целомудрия, послушания и нестяжательности (добровольной нищеты). Нельзя было без утешения и умиления видеть духовный подвиг этого доблестного воистину сына Церкви, прервавшего все давние и самые сердечные привязанности, отношения, встречавшие притом и взаимность. Для меня было поучительно видеть, что и ныне есть рабы Божии, готовые ради обретения вечного блаженства, обещанного Евангелием, предать себя труднейшему подвигу: безбрачия, нищеты и послушания безответного. О если бы сей муж прибыл непоколебимо в добром произволении до конца жизни: только «претерпевший до конца» жизни спасён бывает!

Когда я вышел из св. обители, где во всех её обитателях действует напряжённо и ежечасно памятование о смерти, всеобщем нашем воскресении из могил («из мёртвых»), о суде, по истине страшным, и праведнейшем воздаянии каждому из нас по делам, то я ясно ощутил и понял, как велика разница между жизнью и душевным настроением мирян с одной стороны и монахов с другой. В мире люди женятся, посягают, покупают, продают, строят и вообще живут на земле так, как будто они бессмертные, совсем не помышляя о суде Божиим и вечности, как будто суд Божий отменён будет, и воскресение человечества не состоится. В мире происходят великие злодеяния: – ссоры, блуд, пьянство, обиды, судбища, займы, без отдачи («грешник заимлет и не возвратит»¹⁷⁸), бродяжество, курение табаку, матерное сквернословие; правда, и в монастырях теперь далеко не везде господствует единодушие, дружелюбие, приветливость, уступчивость, воздержание от табакокурения всеокаянного, послушливость, самоотвержение, нестяжательность и целомудрие. Но вот я прожил более года в маленьком пустынном монастырьке православном с 10–12 обитателями (3 или 4 иеромонаха, клиросный, о. игумен, повар – послушник, рыбак-послушник, и ещё 4 или 5 послушников) и убедился, что в монастырском общежитии, при ежедневном Богослужении (особенно ежедневной Литургии), общих бескорыстных трудах, чуждых тщеславия, трудах, от коих

питаются странники и посетители, – воспитывается в душе страх Божий, ежеминутная память о везде-присутствующем Сердцеведе и непрестанная Иисусова молитва, сопрягаемая с каждым дыханием груди и благодатно влияющая на мысли и чувства человека, просвещающая мысли и очищающая чувства. Драгоценнее сих приобретений не может быть: кто боится прогневить Бога в мимолётном помысле и желании тайном; кто навькнет укорять самого себя при обидах, как это делается среди *истинных* монахов, *понуждающих* себя любить врагов и враждующих (а не злобиться на них), молиться за обидчиков, делать добро ненавистникам и благословлять проклинающих, ругающих; кто навькнет быть послушливым, уступчивым, кротким, воздержным в пище, питии (чаепитии) и сне, как этому обучают в монастырях *истинные*¹⁷⁹ монахи примером и словом; – тот и в мире сумеет уклоняться от зла и творить благо в евангельском духе и смысле. Бесконечно благо, которое я приобрёл в течение более, чем годового пребывания в пустыне, где «чаял» я «Бога» Христа, спасавшего меня чудно «от малодушия и от бури» помышлений. В монастыре среди лютых скорбей послушания, «скудости, страхований демонских», поношений, – я выучился божественным истинам веры правой, узнал наверное («уверовал») о воскресении Христа и человечества, о суде Божиим грядущем, приближающемся, о воздаянии каждому из нас всеправедном. В монастыре я почувствовал после приобщения крови и тела Христовых исцеление моего растленного грехами юности тела от бесчисленных недугов. В монастыре я познал закон *свободы*, которою одарил Господь Иисус Христос, Создатель наш, *каждого* человека, указав этой свободе узкий и прискорбный путь спасения через *исполнение* в духе смирения заповедей о трудолюбии, послушании, воздержании, молитве, смирении, кротости, милосердии, любви врагов, благословении ругателей (проклинающих), молении за обидчиков, добротворении ненавистникам. В монастыре я основательно ознакомился с правдивой историей («житиями») жизни людей, исполнивших с Божией помощью Евангелие и приобретших вечную жизнь, блага которой уже предвкушают ныне. В монастыре я увидел людей,

усиливающих (понуждающих себя, ибо царство небесное *усилиями* восхищается, берётся, так сказать, приступом) исполнять на деле Христовы повеления, а в лице иеромонаха Викентия я увидел человека, осенённого за чистую и кроткую жизнь благодатью Святого Духа Утешителя, что обнаруживается в светлом лице, в мудрости, рассудительности, дивной в человеке крестьянского звания, в кротости, искреннейшем смирении, степенности, бесстрастии и долготерпении. Если сии строки достигнут до о. Викентия и застанут его в живых, то не в надмение они его приведут, но в беспорочное радование обо мне, что я хвалю Бога Христа и добродетель. Милый и кроткий отец мой духовный! да благословит тебя Бог и да исхитит душу твою из когтей лстивого велиара и геенны огненной и да наследуешь ты со всеми святыми вечное блаженство, которого усердно искал страдальчески во всю свою 70 летнюю жизнь! Забудет ли душа моя когда-либо, как впервые вложил ты мне в уста трисвятое молитвословие к Триипостасному Богу Человеколюбцу. Ты мне сказал: «хоть *Трисвятое* одно читай утром и на ночь со всем вниманием». И вот как одичал я в безбожии и нигилизме: я не знал наизусть Трисвятого, хотя кончил классическую 8-ми классную гимназию и был на физико-математическом факультете университета (по отделению естественных наук).

Во всеуслышание утверждаю, что весьма многие из университетантов, академиков (разумею академию земледельческую Петровскую, академию художеств), техников, офицеров – не прочтут наизусть *Трисвятое*, или безошибочно не скажут синайское десятословие, произнесённое Вседержителем среди громов и молний для спасения человечества в роды родов и во веки веков. Пусть испытают на деле, правду ли я говорю, пусть св. Синод поручит кому-либо из епископов *внезапно* проэкзаменовать учащуюся в высших учебных заведениях молодёжь. О если бы я *ошибался*, – но я не ошибаюсь, а хорошо знаю, что говорю горькую и ужасную правду. Почему ужасную? Оттого, что как могут *исполнять* Божие заповеди те юноши, которые их не умеют *прочитать* наизусть и не понимают необходимости памятовать

десятословие и евангельские заповедания при каждом дыхании груди (буквально так надо памятовать). А не исполняя заповеди, как можно надеяться спастись от геены? Я утверждаю, что огромное большинство учащейся молодёжи в настоящую минуту, когда пишу, стоит на путях гибели для спасения вечности. А ведь учащаяся молодёжь – это все будущие руководители православного народа: пастыри, учителя, профессора, начальники, администраторы. Как же не быть ересям, расколам, нигилизму в бедном русском народе, оставленном без руководства заповедей Божиих, которые лучше всего проводятся в жизнь народа примером жизни и словом ближайших руководителей народных: во 1) пастырей и учителей школьных, во 2) представителей сельской полиции, суда и расправы (администрации), то есть гг. исправников, урядников, волостных судей и писарей, земских начальников и врачей, фельдшеров и акушеров. Много я после обращения и до обращения моего пострадал и видел с горечью, что сельская «интеллигенция» подаёт народу пример нарушения постов, неблагочинного стояния в храме, неумения истово перекреститься, отвращения к чтению Священного Писания, святоотеческих творений, словом, духовн. литературы. Я увидал воочию всё то, что во мне самом было и вмещалось сугубо, ибо я – то «преизлиха гоних церковь Божию»: совершенно не веровал в бытие Троицы Бога Единого, в нужность и плодотворность седмицаинств, священства, в красоту богослужения, в истинность евангельских, синайских и церковных уставов. А я ведь естественник – мог стать профессором, учителем юношества, редактором какого-нибудь учёного журнала, да уже и был я литератором, то есть руководителем общественного мнения¹⁸⁰. И вот был бы я слепым, подслеповатым вождём для близоруких и слепотствующих. О если бы обратили внимание на эти мои правдивые утверждения те лица, коим предстоит самая строгая ответственность на суде Божиим. Я утверждаю, что неотложно надо обратить тщательное, любовное внимание решительно на каждого интеллигентного юношу, учащегося в гимназиях, реальных училищах, университетах, академиях. Надо повлиять

на тех, кто через десятилетие будет *влиять на народ* и парализовать своим примером и словом святое влияние Христовой Церкви. Это прежде всего лежит на обязанности городского священства, профессоров, богословов, миссионеров.

Горе св. Руси, если так далее будет расти и крепнуть религиозное невежество и ужасное растление юных умов интеллигентных классов общества нашего. Религиозное образование не только народа, но и общества, как можно скорее должно быть *твёрдо и тщательно* поставлено к началу *двадцатого столетия*, заря которого уже засияла и для России дивно-светлыми сияниями, льющимися от раки нетленно почивающего святителя Христова Феодосия. Как хотел бы я, непотребный, но православный человек-грешник, верить, что двадцатый век будет веком чудных дел Божиих, которые Господь совершит через православных смиренных рабов Своих, Русского Израиля, который есть «новое тезоименитое Его жительство». «Вселюся в них и *похожду*».

Всю тебя, земля родная,
В рабском виде, Царь Небесный
Исходил благословляя.
Михаил С-ко

Из миссионерской полемики с сектантами и раскольниками

Слюсарев Д. Беседа с сектантами с Х. (Киевской губернии) о воспрещаемых законом штундистских собраниях и о мнимых, гонениях на сектантов. // Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 506–518

По взаимному соглашению миссионера с местным священником и сектантами на воскресенье 17 октября назначена была публичная беседа о предметах веры. Миссионер приехал однако за несколько дней ранее и стал посещать штундистов по домам. Это посещение и беседы возбуждали внимание любопытных православных; каждому хотелось знать, что-то говорит штундистам миссионер на дому, и как они ведут себя без посторонних слушателей. Обыкновенно, около той хаты, куда заходил миссионер, собиралась целая толпа православных; одни входили в хату, другие через окно старались хоть краем уха что-нибудь услышать из домашней беседы миссионера с штундерами. Постоянным спутником миссионера был начетчик, слепец Ш-ра, отставной унтер-офицер, когда-то принадлежавший к секте молокан, а теперь – горячий обличитель штундистов. Ещё на первом публичном собеседовании он то и цело порывался обличить их «от пророчеств». Но штундисты протестовали против того, чтобы к ним говорил Ш-ра.

Эти частные посещения миссионера расшевелили штундистов больше, чем публичные собеседования. Вожаки их опасались, как бы колеблющиеся члены общины, особенно из женщин, не поддались увещаниям миссионера и не «развернулись», т. е. не возвратились бы в православие. В виду этого вожаки также стали ходить вслед за миссионером из хаты в хату, чтобы поддержать несостоятельных в собеседовании с миссионером. Иногда же, в ожидании миссионера, верховоды прежде его собирались к тому хозяину, которого нужно было поддержать. Бывало и так, что хозяева при появлении миссионера совсем выходили из хаты, оставляя его беседовать с теми же вожаками, которых он не раз уже видел. Это направлялось, очевидно, к тому, чтобы сделать посещения

миссионера не достигающими цели. Как оказалось потом, штундисты после первых двух-трёх посещений миссионера держали между собой совет, на котором решено было не принимать вовсе миссионера в свои дома, на основании слов ап. Иоанна: «кто приходит к вам и не приносит сего (т. е. их штундового) учения, того не принимайте в дом и не приветствуйте» (2Ин.1:10); на деле же ограничились тем, что некоторые из них, как сказано, уходили из дому и запирали двери, как это делается сектантами и с приходскими пастырями, во время хождения их с молитвой по домам прихожан.

Необходимо заметить, что такие посещения миссионерами домов сектантов весьма полезны для дела миссии, и именно ранее публичных собеседований. Здесь обе стороны входят в более близкое, личное знакомство, примиряются, осваиваются друг с другом; штундисты имеют возможность узнать миссионера не только как своего обличителя, но и как человека особенно если при этом оставляется место и для бесед житейско-бытового характера, и если миссионер при этом обнаружит знакомство с народным бытом и готовность поделиться с ними своими сведениями. Штундисты, как и вообще народ, по предметам этой области высказываются охотнее, стараются проверить интересующие их слухи, или узнать от миссионера что-нибудь новое из этой области. Первоначальное – почти враждебное настроение их к миссионеру постепенно сглаживается, они путём этого знакомства получают доброе впечатление от него и затем идут на публичное собеседование с ним уже как с знакомым человеком. Весьма нелишне при этом миссионерам иметь сведения о подаче первых врачебных советов: в каждой крестьянской семье есть немощные тем или другим. Эта услуга ценится в деревне высоко, и миссионер явится милосердным братом. Для миссионера такое знакомство с сектантами важно в том отношении, что он имеет возможность ближе познакомиться с характером и религиозным настроением каждого из штундистов в отдельности, что весьма необходимо для того, чтобы знать, с кем и каким тоном из них будет лучше и целесообразнее говорить на публичной беседе; кроме того, так-

как штундисты охотнее возражают ему у себя на дому, то миссионер, наперёд ознакомившись здесь со всеми их возражениями имеет возможность подготовиться к публичной беседе и выступить смело, не боясь быть поставленным в затруднение тем или иным неожиданным возражением показаться притиснутым штундистами. Ведь известно, что часто глупые возражения ставят в тупик самих даже мудрецов. Несомненно, наши сектанты-простецы постоянно прогрессируют в изобретении возражений, – отчасти через самоуглубление в свою догму, а более по указанию (в частной переписке) своих «старших братьев» – немецких баптистов, а теперь интеллигентов.

Но вот и приблизился день воскресный... Народу набилось множество в школу, где должно было состояться собеседование, ещё большая толпа подпирала извне стены этого здания. Все ожидали, что штундисты, выдумают ли какую-нибудь «загвоздку» и посадят ли миссионера, как многие из них похвалялись православным при работах совместных. О. Л., приходский священник, на беседу не пожаловал; слишком уж огорчился он на штундистов: на этой неделе, возвращаясь вечером с погребения, он потерял при спуске с горы колесо, опрокинулся и ушиб руку. Своё несчастье он не напрасно приписал проделке злокозненных штундистов, отвинтивших будто бы гайку у оси в отместку ему за грозные обличения лжеучений штунды. Нужно отдать честь этому пастырю в том, что он, не смотря на свои 70 лет, от самого начала появления штунды в его приходе (все совратившиеся были его ученики) не переставал возносить на литургии, на великой ектеньи, моления о вразумлении и воссоединении отпавших, энергично обличал на всяком месте отступников и предостерегал православных от увлечения штундой.

Когда явился миссионер, и установилась тишина, один из православных по имени Стасько, известный здесь добровольный охотник до обнаружения секретных штундовых собраний, поспешил доложить, что он в прошлую ночь под воскресение «накрыл» штундовое собрание в доме Адриана.

Это заявление дало повод штундистам поднять щекотливый вопрос о собраниях.

– Мы желаем исполнять волю Божию, а ты исполняешь волю пристава, ядовито заметил Адриан Стаську.

– А разве пристав не есть Божий слуга, когда исполняет царский закон? – возразил сектанту миссионер.

– Ну, так объясните нам от Писания, г. миссионер кого нам слушать более Бога или человеков, в свою очередь возразил штундист, мы уже просили не раз об этом Л-на Ивановича (это местный иерей, 70-летний старец), а теперь вас покорно просим.

– Ты закидываешь, конечно, на счёт собраний, сказал миссионер Адриану, и желаешь знать, оправдывает ли вас Писание за устройство запрещённых законом и недозволяемых властью общинных собраний? Так?

– Так, подтвердил сектант, желаем знать, почему воспрещают нам собираться, когда в слове Божиим ясно сказано: не оставляйте ваших собраний (Евр.10:25).

– А скажи, пожалуйста, *все ли* собрания – одинаково добрые и полезные собрания? Одинаково ли говорит слово Божие о собраниях?

Адриан и все штундисты молчали. Миссионер также молчал, давая им время подумать. После некоторой паузы миссионер, наводя штундистов на ответ, снова спросил: «О каком это собрании сказано: Блажен муж, который не ходит *на совет нечестивых* и не стоит на пути грешных и не *сидит в собрании развратителей*» (Пс.1:1). «Возненавидел я *сборище злонамеренных*, и с нечестивыми не сяду» (Пс.25:5). «*Сборище беззаконных* – куча пакли, и конец их – пламень огненный» (Сир.21:10). Отвечайте же, о каких-то собраниях сказано? повторил миссионер.

– Наши собрания – во славу Божию, как сказано: где двое иди трое собраны во имя Моё, там Я посреди их, – уклончиво ответил Адриан.

Заметив эту уклончивость, миссионер настаивать ответит прямо на его вопрос. Но штундисты молчали или потому, что не

вполне понимали сущности вопроса, или потому, что боялись проговориться.

Тогда миссионер начал сам объяснять. «Вот видите, слово Божие говорит и о *недобрых* собраниях и предостерегает нас от посещения их. Это именно – собрания *развратителей*; собрания, на которых не стоят, а *сидят*; собрания – *беззаконные*, т. е. не дозволенные законом Божиим и царским; собрания–людей *злонамеренных*». Есть и другие собрания, о которых слово Божие говорить так: «В собраниях благословляю Господа» (Пс.25:12). «А я, отсутствуя телом, но присутствуя у вас духом... в *собрании во имя Господа нашего Иисуса Христа*» (1Кор.5:3–4). «Бывай в *собрании старцев*, и, кто мудр, прилепись к тому; люби слушать всякую *священную повесть*» (Сир.6:35). Это собрания – во имя Господа Иисуса Христа, собрания старцев, т. е. наших отцов и прадедов, на которых благословляют в молитвах Бога и слушают чтение священных повестей т. е. священного Писания. Это, словом, общественные молитвенные собрания. Об этих, конечно, собраниях говорит и ап. Павел: «не будем оставлять собрания своего, *как есть у некоторых обычай*, (Евр.10:25). Теперь смотрите, вы хлопчете о собраниях больше всего, а до сего времени не знали, что собрания бывают угодные и негодные Богу, и чем вы уверились, что ваши собрания угодны Ему? Не осуждает ли вас ап. Павел за то, что вы оставили наши православные молитвенные собрания в храме? Ну, скажите, заключил миссионер, ваши собрания к каким причислить: к первым или ко вторым из указанных в слове Божиим?

– Наши собрания во имя Господа Иисуса Христа для молитвы, заявило зараз несколько штундистов. Мы на них ничего скверного не делаем, добавили некоторые. Разве только вам можно молиться, а нам так и нельзя, проговорил ещё один. – Нет друзья, ошибаетесь: ваши собрания те *недобрые*, от посещения которых предостерегает слово Божие, решительным голосом заявил миссионер. Все, в том числе и православные, особенно интеллигенты, несколько удивились столь неожиданному решительному приговору миссионера о штундовых собраниях, ибо всем казалось, что пггундисты на

своих собраниях молятся Богу и поют «псалмы». Сами же штундисты в большинстве рассердились: иные зло усмехнулись, другие прямо заорали: «вольны вам говорить на нас, что угодно; вы власть имеете».

– Не сердитесь, а лучше спокойно рассудите дело сами, продолжал миссионер, – вы оставили собрания «старцев», т. е. отцов, дедов и прадедов своих, которые искони собирались на молитву в храмах Божиих. Скажите теперь: слова ап. Павла «не будем оставлять своего собрания», относятся к вашим ли *недавно заведённым* собраниям, или к собраниям ваших предков, которые унаследовали свои собрания от первых времён, от апостолов? Ваши собрания учреждены теми, которых слово Божие называет развратителями народа, – прочитайте, что сказано у ап. Петра (2Пет.2:1 ст.): были и лжепророки в народе, как и у вас будут лжеучители, которые введут пагубные ереси, и, отвергаясь искупившего их Господа, навлекут сами на себя скорую погибель. И многие последуют *их разврату*, и через них «путь истины будет в поношении». Прочтите и ещё 2Тим.3:8 ст.: «Как Ианний и Иамврий противились Моисею, так и сии противятся истине, люди *развращённые* умом, *невежды* в вере».

Миссионер делал особенное ударение на словах: «разврат», «развращение» и «невежды».

Теперь рассмотрите свои собрания, что на них делается у вас. На ваших собраниях все присутствующие сидят, а не стоят, как у нас в церкви. На своих собраниях вы не только молитесь, но и *злоумышляете* и держите совет о том, как бы наискрытно собратся вам в следующий раз и наилучше провести сотского; ставите для того сторожей своих или привязываете собак к воротам, чтоб они дали вам знать во время о приближении властей; злоумышляете против священника, придумывая, как бы наиболее оскорбить его...

Тут речь миссионера перебило несколько голосов, неожиданно, как бомба, выкатившихся со стороны православных.

– Я сам слышал, как штундеры говорили, что, когда их наберётся большая сила, то они будут отрезывать нам те

пальцы, которыми мы крестимся, прокричал один.

– А ты, Тит, разве не говорил в мельнице, что если б вас было больше, то вы давным-давно скину, и-ъ (отставили от должности) меня? смело и наступательно обратился к штундисту сотский.

– Я сам был на собрании и слышал, как они говорят про священников, что это «патлатые» книжники и фарисеи ...расширяют свои казнохранилища... Адриан ваш доказывал, что называть батюшку отцом – грех... а церковь-то блудница...

– Я был попервах два раза у них на собрании, проговорил ещё кто-то, и видел, что никто там не стоит, а все спорят... так читают и поют «псалмы», сидя... а бабы и послули... А после читают какие-то «послания» от своих церквей и держат секретный совет и ведут пересуды о православных и о своих, удумывая, как бы кого приманить к себе.

Говорили многие, каждый – про своё. Казалось, что слушатели из православных рады были, что очередь высказаться дошла до них: тут они попали на свой след и докладывали всё, что подтверждало речь миссионера. И это было как раз кстати. Миссионер правильно поступил, что дал православным возможность высказаться, чтобы иметь затем фактическое основание для своих выводов. Не нужно только поощрять при этом насмешек и неприличных выходок со стороны православных, которым нужно постоянно внушать, что собеседование о вере есть дело святое и что всякому, кто творит святое дело с небрежением, со смехом, – пророк угрожает проклятием.

Штундисты видимо обозлились; они не ожидали таких разоблачений; поднялся междоусобный спор: каждый сцепился со своим обличителем: оправдываясь от обвинений. Когда тишина установилась, миссионер продолжал: вот, видите, вы занимаетесь не одной молитвой, а кое-чем и другим на своих собраниях! Ваши собрания поэтому – сборище злонамеренных, сборище незаконное, противное закону Евангельскому. Значит, не без основания вам воспрещает собираться и закон гражданский.

– Наши собрания, г. комиссионер, во имя Господа нашего Иисуса Христа, ожесточённо протестовал Тит. Разве нигде нельзя молиться, как только в вашей церкви? Чем мы развращаем народ? Разве мы учим на собраниях пьянствовать, убивать, грабить? Что вы рассказываете! Вы превращаете слово Божие! На всяком месте владычества Его хвали, душе моя. Господа! Где двое или трое собраны во имя Моё, там Я посреди их. Среди нас Господь, это поверьте. – Тит говорил повышенным тоном, воодушевлённо и несколько сердито. За ним почти тоже повторяли и другие.

Православные переглянулись между собой, глянули на Тита, на, миссионера, как бы показывая, что они не ожидали от него такой смелости. Действительно, Тит сразу наговорил так много, что миссионер не знал, с чего и начать своё обличение. Но потом, обращаясь к Титу, спросил: «Так ты утверждаешь, что ваши собрания *молитвенные*. Так»? Тит молчал.

– А скажи-ка, дедушка, все ли молитвенные собрания угодны Богу?

– Все, сказал Тит сердито.

– Положим, не все, поправил другой штундист; неуютны Богу молитвы злодеев, разбойников, душегубцев. *Грешников Бог не слушает* (Ин.9:31).

– А как же Спаситель услышал молитву разбойника на кресте, просьбу женщины язычницы об исцелении дочери её принял усердие женщины – «грешницы», помазавшей Его миром, – возразил миссионер.

– Потому что они покаяться, ответил штундист.

Миссионер, объяснив смысл слов: «грешников Бог не слушает», снова повторил вопрос и объяснил, что он спрашивает собственно о молитвенных собраниях, – все ли они угодны Богу. Штундисты стояли в раздумье, не зная, очевидно, какой дать ответ. Чтобы разрешить вопрос, миссионер дал Адриану прочесть прор. Аггея (Аг.1:1–9)¹⁸¹, потом добавил сам: «это имеет только вид мудрости *в самовольном служении*» (Кол.2:23), и предложил ему вывести отсюда заключение о молитвенных собраниях. Так – как Адриан знал, что место из прор. Аггея обычно приводится против штундистов, то он

уклонился сделать какое-либо заключение, а возразим текстом: «Доколе стоит прежняя скиния, не открыть путь во святилище» (Евр.9:8). Тогда миссионер, чтобы не уклоняться в сторону, сам объяснил праведные слова прор. Аггея: «видишь ты, Богу неуютны и противны самовольные молитвенные собрания по домам тех людей, которые оставляют, отвергают храм Божий. Не узнаете ли вы друзья в этих людях себя? Не приложимы ли эти слова к вашим собраниям, и не осуждает ли вас за них и св. ап. Павел. Нет, друзья, если вы желаете исполнять волю Божию о собраниях, то не должны оставлять православно-церковных богослужебных собраний в храме, о чём говорить и апостол Павел! Итак, устрояя самочинные собрания, вы исполняете волю свою или своих верховодов, а не Божью».

– Мы и сейчас пошли бы в храм, если б там не было кумиров, заметил кто-то из толпы.

– Вы боитесь икон, а того, что Бог говорит через прор. Аггея, не боитесь? – возразил миссионер. Последнее доказательство его произвело сильное впечатление на народ. Православные теперь увидели, а ещё более почувствовали сердцем, что не на штундовой стороне правда; все заметили, что штундисты, в начале беседы самодовольные и бойкие, теперь как-то приуныли и в возражениях ослабели. Некоторые из них ещё пытались возражать, кто текстами, кто общими замечаниями, но всё не относящимися к вопросу о собраниях. Миссионер давал им ответы, и по нашему мнению – напрасно. Не нужно было совсем допускать говорить о том, что не относится к вопросу: не идущими к делу возражениями только сглаживалось впечатление, произведённое на штундистов и на православных объяснением слов пророка Аггея и апостола Павла.

Наконец, миссионер, после того как ответил на все побочные возражения, возвратился к главному вопросу и спросил штундистов: «Так вы желаете исполнять волю Божию предпочтительно перед волей человеческой»? и, получив утвердительный ответ, сказал: так знайте же, вот какова воля Божия, выраженная Спасителем и Его Апостолом: «Да будут все едино: как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино» (Ин.17:21). «И будет одно стадо» (Ин.10:16). «Один

Господь, одна вера» (Еф.4:5). «Умоляю вас, братия, именем Господа нашего Иисуса Христа, чтобы *все вы говорили одно*, и *не было между вами разделений*, но, чтобы вы соединены были в *одном духе* и в *одних мыслях*» (1Кор.1:10).

Не ясно ли вам отсюда, пояснил миссионер, что воля Божия заключается в том, чтобы была *одна вера*, *одно исповедание*, *одно стадо*, и чтобы не было разделений, ересей или сект, к каковым принадлежит и ваша вера. А та воля, которую вы исполняете, выражена устами Корея, Дафана и Авирона и осуждена ап. Павлом: «собрались [они] против Моисея и Аарона и сказали им: полно вам; всё общество, все святы, и среди их Господь! Почему же вы ставите себя выше народа Господня» (Числ.16:3). «Это – люди, отделяющие себя *от единства веры*, душевные, не имеющие духа» (Иуд.1:19).

– Теперь, дорогие наши, спокойно, без гнева, по совести вникните, мягким задушевым тоном сказал миссионер, обращаясь к отпавшим, – не нарушаете ли вы воли Божией, отделившись от единства православного исповедания и стада истинно-верующих русских братьев и не уподобляетесь ли вы Корею, Дафану и Авирону, восстав подобно им против законных пастырей и отделившись от единства веры?!.

Кто-то возразил было, что у них Один Пастырь – Христос. Но миссионер продолжал доказывать штундистам, что они своими самочинными собраниями и своевольным устроением своего церковного быта исполняют совсем не Божию волю, а свою собственную. Речь его была задушевная, сильная; из объяснительной она перешла в обличительную. Увещание миссионера глубоко напечатлевались на умах и сердцах православных. Видимо, тронуты были и сектанты.

Когда миссионер готов был уже закончить собеседование, один из штундистов, извиняясь, обратился к нему с просьбой объяснить, почему это так, что во времена апостолов верующих гнали неверующие, а теперь гонят те, которые называются верующими, христианами, и стал при этом излагать те обиды, какие штундистам причиняет православный народ и сельская полиция.

– За что-ж вас гонять? спросил миссионер.

– За то, что желаешь жить благочестиво во Христе Иисусе, как написано, ответил сектант, ссылаясь на 2Тим.3:12.

При заявлении о том, что они хотят жить «благочестиво», православные опять разразились целым потоком фактических данных, уличавших штундистов в противном. «Яким! а ты ж бувше штундою, у Козы путо украв, хиба-ж то благочестиво»? прервал его один. «А Федько сцапав берестка». «А кто спасуе що ничь в экономии посив – не вы штунды! А Дмитро ваш на торгу (на ярмарке), так напився, что заплетал не только языком, а ногами, да ще нашим поставили могоарыча, чтобы не сказывали братьям... А Петро жинку избив, аж водой отливали», а кто-то спорол соседскую лошадь! А Грицко ухватил сотского «за пельки» – за грудь – и вытолкнул, а кто-то обещал стрелять.

Каждый высказывал, что знал. Штундисты не ожидали этого разоблачения. Некоторые готовы были выйти совсем из школы, упрекнув в свою очередь, что это уже не беседа, а поругание над ними. Миссионер поспешил установить тишину: для его цели улик было высказано слишком достаточно.

– Оказывается, друзья, сказал миссионер, что вас гонят-то не за *благочестие*, а за *проступки* – и прочитал слова ап. Петра: «Что за похвала, если вы терпите, когда вас бьют за *проступки*? Но если, делая добро и страдая, терпите, это угодно Богу» (1Пет.2:20). И слова ап. Павла: «Только живите *достойно благовествования Христова*, чтобы мне, приду ли я и увижу вас, или не приду, слышать о вас, что вы стоите в одном духе, *подвизаясь единомудно за веру евангельскую*» (Флп.1:27).

Миссионер остановился было на этом, но штундисты, в несколько голосов зараз прокричали: «А читайте дальше? Дальше читайте»!..

Дальше следовал их излюбленный стих 29-й: «Потому что вам дано ради Христа не только веровать в Него, но и страдать за Него». Как-только миссионер прочитал этот стих, штундисты загалдели: «вот это оно и есть; вот это и сбывается на нас теперь». Но миссионер предложил им выслушать и следующий стих: (страдать за Него) «*Таким же подвигом, какой вы видели во мне, и ныне слышите о мне*». После этого миссионер спросил штундистов: таким ли подвигом они страдают за

Христа, каким страдал ап. Павел и прочие апостолы? Те молчали, а миссионер прочитал ещё 2Кор.11:23–29, о страданиях и лишениях, какие претерпел ап. Павел, и объяснил, что штундисты ничуть не терпят того гонения за Христа, какому подлежали апостолы и первые христиане.

Кто-то возразил, что и их, как апостолов, гонят из села в село, из волости в волость, бьют, ненавидят, продают. При этом Адриан спросил: в таком случае объясните, где же теперь то гонение? Есть ли оно? На ком-нибудь должны же и теперь сбываться слова Апостола?

Миссионер объяснил, что и теперь гонят за веру Христову наших миссионеров между язычниками или, напр. армян гонят турки и подробно рассказал о тех насилиях (в Вене), какие чинили турки над армянами. Последнее чтение было очень целесообразно, ибо штундисты не воображали больших страданий, чем какие якобы терпят они, и уверены были, что на них именно и сбываются слова Спасителя о гонениях (Мф.10:16–25). Здесь весьма кстати обратился к штундистам слепец-начетчик, сказав:

– Вот вы жалуетесь на то, что вас будто бы теснят православные и полиция, и желали бы прекращения «этих ваших гонений» (ну уж и гонения! – барщины вы не знаете!), чтобы наслаждаться свободой, чтобы никто вам не мешал чинить своё самовластие. Но, если вы находите в слове Божием, что истинным последователям надлежит быть гонимыми, то зачем же вы жалуетесь-то и смущаетесь гонениями? Истинные последователи Христовы не должны домогаться житейского довольства и жаловаться на гонения, ибо сказано: «Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать, и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь; ибо велика ваша награда на небесах» (Мф.5:11–12). Отсюда ясно, что вы не представляете собой тех гонимых за веру Евангельскую, о которых мы только-что читали. Ясно также, что те слова Писания не приложимы к вам и не сбываются на вас...

Штундисты, спохватившись, старались оправдываться. Одни говорили, что они собственно не жалуются на гонения,

другие – что они рады терпеть гонения и ещё большие, третьи – что они имели в виду только просить миссионера объяснить непонятные им места о гонениях и т. д. Но все их извороты никак не мирились с тем, что было сказано ими раньше о гонениях. Начался новый междоусобный спор, который миссионер прекратил, объявив беседу оконченной. Певчие запели молитву Богородице и за Царя.

После окончания беседы, при выходе из школы, в толпе поднялись самые оживлённые разговоры и суждения под свежим впечатлением по предмету беседы. В это время один из наиболее податливых штундистов подошёл к миссионеру и между прочим сказал: «Г. миссионер дуже допеклы нами

об собраниях; страшно стало! Ну, страшно-ж и вертаться и в православие: одвыклы, забулы навить и хрыстытсья», – говорил он с сокрушением в сердце. Миссионер, конечно, сказал с своей стороны, что мог, в облегчение его нравственного страдания, и из разговора с ним увидел, что с Божией помощью беседа не прошла для многих штундистов без своего воздействия.

Киевский Миссионер Свящ. Д. Слюсарев

Романовский С. Какое ныне время // Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 518–527

(Беседа о раскольнике-безпоповце Аркадия, приснопамятного архиепископа Пермского и Верхотурского¹⁸²).

Православный к добросовестному раскольнику. – Ты хочешь быть христианином не по имени только, но и самым делом; ты ищешь спасения души; знаешь, что без таинств Христовых спастись совершенно нельзя, что таинства Христовы строит и преподавать могут только рукоположенные, благословенные иерархи: – так ли?

Добросовестный раскольник к православному. Так; но ныне «время не то... видим... не то, не то...

Правосл. Ныне время не то! А какое ныне время по-твоему? – скажи, пожалуй.

Раскольн. Ныне время не первое, а *последнее*; ныне не старое время, а *новое*...

Правосл. Докажи, пожалуйста, яснее, какое, по-твоему, ныне время? Я ничего нового не вижу: как текло *прежде*, так и теперь течёт время; Соломон поумнее нас, и тот сказал: *ничтоже ново под солнцем; иже возглаголет и речет: се сие ново есть: уже бысть в вещех бывших прежде нас (Еккл.1:10).* Читал ли ты Соломоновы книги, по крайней мере, книгу *Екклесиаста*, по крайней мере, *первую главу* сей книги, первые *десять стихов* сей первой главы?

Раскольн. Премудрый Соломон говорит о делах земных, о устройении мира, а у меня с тобой речь о спасении души или, яснее, о *Церкви*... Видим, ныне церковь не та... *Российская Церковь ныне не та*... она отступила... изменила... Если бы она *та* была, то бы с нами согласна была.

Правосл. Вот отчего, по-твоему, Российская Церковь ныне не та, – что с вами она не согласна?!..

Раскольн. Если бы Российская Церковь была согласна с нами, то бы она была согласна и с *древней* Православной Церковью... не та ныне Российская Церковь!

Правосл. Прошу доказать это, ибо, что Российская Церковь не согласна с вами, потому и не та, – не есть доказательство: этим доказательством могут защищать себя и все еретики; Российская Церковь и с ними не согласна; но потому-то она и та, потому-то она *Православная истинная* Церковь, что ни с какими еретиками в их ересях не согласна, ни с каким обществом заблуждающимся в заблуждениях его не согласна...

Раскольн. О других обществах уже и говорить нечего: они совсем погрязли... но Российская Церковь, хотя лучше их, однако же не та, что была прежде, в старину, до времён Никона патриарха.

Правосл. Это всё то же – до 1662 года по Рожд. Христ., ибо Никон патриарх настал с 1652 года. По-твоему, Российская Церковь стала не та, отступила, изменила после 1652 года.

Раскольн. Так.

Правосл. Российская Церковь после 1652 года стала не та, отступила, изменила... слышу это, но не верю этому, и ты не должен верить, если ты имеешь веру в Господа И. Христа, имеешь ум, не помрачённый невежеством и сердце, не растрёпанное злобой... ибо разберём в подробности следующее: 1) *Российская Церковь после 1652 года стала не та*; 2) *Российская Церковь после 1652 года отступила*, и 3) *Российская Церковь после 1652 года изменила*.

Раскольн. Согласен.

Правосл. Скажи, что значит *изменить*?

Раскольн. Разрушить клятвенный обет, кому-либо данный.

Правосл. Хорошо; скажи же: Российская Церковь какой клятвенный обет, Христу Спасителю данный, нарушила после 1652 года?

Раскольн. Книги изменила.

Правосл. Когда Российская Церковь дала Богу такой клятвенный обет, чтобы не изменять книги, и какие именно книги не изменять, и в чём именно не изменять?

Раскольн. Тогда, когда Российская Церковь приняла от православных греков «Христову веру; – не изменять те книги, которые были при равноапостольном князе Владимире, – не изменять же *в догматах и обрядах, во всех чинах церковных*.

Правосл. Нынешние исправленные, в Российской Церкви употребляемые книги с какими именно книгами поверять должно, чтобы видеть, нет ли в исправленных книгах *измены* в догматах, во всех чинах церковных?

Расколын. Со старинными Иосифовскими.

Правосл. Св. равноапостольный князь Владимир крестился в 988 году, скончался в 1015, а Иосиф патриарх патриаршествовал с 1642 по 1652 год; почему и сами Иосифовские книги не нужно ли поверить с древними? И эти противу Владимировых книг не разноречат ли? (Иосифовские книги во время Никона патриарха были новые книги, такие т. е., после коих новее не было).

Расколын. Как это может быть!!!

Правосл. Может быть; царь Иоанн Васильевич на Стоглавом соборе в лето 7052 (1551 г.) в вопросе пятом сказал: «Божественные книги писцы пишут с неправильных переводов, а написав не правят же; опись к описи прибывает, и недописи и точки есть не прямые, и по тем книгам в церквах Божиих чтут и поют, и учатся, и пишут с них. Что о сём небрежении и о великом нашем нерадении от Бога будет по Божественным правилам?» Определение Собора последовало такое: «Да протопопом же и старейшим священником со всеми священники в коемждо граде во всех святых церквах дозирати и священных книг и священных Евангелий и Апостолов и прочих святых книг, их же соборная Церковь приемлет. А которая будут святые книги, в коейждо церкви суть обрящете, неправильны и описливы, и вы-б те все святые книги с добрых переводов исправили соборне».

Глава 28: о книжных писцех: «Также которые писцы по городам книги пишут и вы-б им велели писати с добрых переводов, да написав правили, потом же бы продавали: а который писец, написав книгу, продаст несправив, и вы-б тем возбраняли с великим запрещением. И аше сия (книги) «со благодарением и хотением сердечным исправить потщитесь, то с радостью ожидайте сугубы мзды от Бога и царства небесного...» После сего, в 1564 году построен в гор. Китае (в Москве) печатный двор, и напечатана в России первая книга

Апостол, в предисловии коего изображено так: «Благочестивый Царь и В. К. Иоанн Васильевич всея России повеле св. книги на торжищах куповати, и в св. церквах полагати Псалтыри и Евангелия, и Апостолы и прочия св. книги, в них же мали обретошася потребни, прочия же вси растлени от прэписующих, ненаучепных сущих и неискусных в разуме, оwoже и неисправлением пишущих».

Раскольн. Ну, после заведения печатного двора верно и стали печататься *праведне* книги: чего же больше?

Второй патриарх всероссийский Гермоген в 1610 г. издал *Церковный устав*, в предисловии которого напечатано следующее: «Всем повсюду елико вас св. Церкви пастырие и учителя, священноначальницы и вси благочестивии народи! Молим убо мы, грубии и немощнии, паче же и ненаказанныи и раболепно поклонение до лица земного умильно сотворяем, яко хотящий сию св. книгу прочитати или преписовати, и сице за немощь прегрешений моих, или мне повенующихся делателей неумением упразднися, или преложися, или отменися... Милостиви нам будите, и незазорливи ума нашего немощи и недоумению, сами же сподобльшеся от Бога давца больших дарований духовных исправляйте, молю убо вы, мене недостойного ненаучения ради не возненавидите, не поносите, но паче яко праведницы накажите милостью и обличите. Готов есмь прияти паче, нежели грешника, елеом главу мою мастяща. Ибо училища мало видех, не своею волею дерзнух на сие и отрещися отнюд не возмогах, и делах, елико могох, умолением си смысли». Слышишь?

В потребнике, который в 1624 году при *третьем* всероссийском патриархе Филарете Никитиче напечатан, значится: «Слышавше благочестивейшие пастырие они, Богом венчанный Царь Михаил Феодорович, и отец его святейший Филарет патриарх, много некое и преизлишно еже в Божественных писаниях разногласие, еже к заповедом Господа нашего Иисуса Христа несличное стихословие: о сём разумно внемлюще откуда есть вина толикаго разгласия Божественных писаний, точию за небрежение и леность и неведение Божественных писаний, всякое несогласие и расстояние в

церковнем соединении случашеся, и тако самовольне тернием небрежения путь правый покрывашеся: и повелеша от градов книги харатейныя (на пергаменте писанные) добрых переводов древних собирати и ко свидетельству Божественных писаний благоразсудный свой совет препевавати, и от тех древних харатейных книг Божественных писаний стихословие *исправляти*, яже неисправлением от пренисущих и многолетних обычаев погрешена быша». Подобное сему увидишь в *Потребнике*, который в 1639 году напечатан при четвёртом патриархе Иоасафе. А в какой книге при пятом всероссийском патриархе Иосифе напечатанной, не нашёл бы ты подобного сему? В *Соборнике*, наприм., на листе 169-м прямо говорится: «*по совету Соборныя Апостольския Церкви да исправите*» в *Прологе* мартовской четверти 1643 г. написано: «Вас же о Богособранная чета, православия отец и братию освященных, и причет, паче же и простых и всех в благочестии приспевающих молим – по совету соборныя Апостольския Церкви исправляйте недокончанная или погрешенная в разуме». Прочитай предисловие Апостола, который в 1649 году напечатан.

Ты хвалишь время и книги Иосифовский: но сам патриарх Иосиф, не хвалит ни времени своего, ни книг своих. Вот его, патриарха Иосифа, слова: «Возсташа бо, по Божественному Апостолу, человецы самолюбцы, сребролюбцы, величавы, горды, сластолюбцы паче, нежели боголюбцы, имуще образ благочестия, силы же его отвергшеся, не точию в мирских человецех обретошася, но и в духовных... погибоша училища детей, погибоша исправляющий божественная Писания, погибоша научающийся в божественных догматах... но не туне убо мы, православный читателю, приидохом на сии словеса, но самовидцы есмы предиреченным, не могохом взирати на хуления богостудных человек и удержати я, яже возстания на церковные уставы наши и взаконение; вина же сицевым ни ктоже, точию нерадение наше. Воззри убо, аще не леностен еси, обрящеши ли где праве списанную без всякого порока в церквах святых книгу? обрящеши ли чин и последование указанному святых и богоносных Отец взаконению... и по чину вся бывающая в Церкви? Но вем яко не

удобь обрести возможеши, не точию в соборных градских церквах, но ниже в епископиях, паче же ни в монастырех. Видждь убо аще не плача достойна суть сия окаянная времена наша в няже увы достигохом» (см. предисловие к Кормчей). Это патриарх Иосиф говорил уже перед своей кончиной в 1652 г. Подлинно ныне не такие времена! И училища множатся и церковное взаконение всюду наблюдается, истинное богословие и богочестие и в Иргизском заводе даже, по неизреченной милости Божией, насаждается, книги в Церкви российской всюду единоголосны и со древними греческими и славянскими согласны! Чины всюду благолепны, чины таковы, каковы были при блаженном князе Владимире: сему же согласию и благо, ленью начало положил великий патриарх Никон!

Раскольник. Не говори, не говори, уши заткну.

Православ. Как угодно; но ты хвалишься, что ты древнему Иосифскому благочестию следуешь: о благочестии же Иосифского времени слышишь ты от самого патриарха Иосифа: ему верить должен. Как угодно, но исправление книг, которое сделал патриарх Никон, одобрил даже тот собор Московский в 1667 г., который осудил патриарха Никона за другие вины. Как угодно, а исправленные патр. Никоном книги приняли все благомыслящие и истинно верующие Греки и Руссы; одно только невежество, одна только гордость, одно только корыстолюбие некоторых – оскорбились.

А ныне время благодатное, то самое время, в которое распространяется и процветает Церковь Христова, Апостолами насажденная, при Св. князе Владимире из Греции в Россию водворенная... и именно потому, что в Российской Церкви ныне употребляются книги, с древними Славянскими и Греческими отеческими согласные!!! А Иосифовских книг и сам патриарх Иосиф не одобрил, как ты слышал от меня. Исправление сих книг не удалило от Православия, а утвердило Российскую Церковь в православии!!! И от истинной Восточной Церкви нынешняя Российская Церковь ничуть не отступила!!!

Раскольник. От нынешней Греческой Церкви Российская подлинно не отступила; но какова и Греческая нынешняя

Церковь?

Правосл. Такова, какова была прежде, во время Св. Князя Владимира до Всероссийских Патриархов, до патриарха Никона. Иосиф патриарх хвалил её даже в 1648 году.

Раскольник. В 1648 году, как в книге Веры видеть можно, хвалил, а что после?

Правосл. После, признаюсь, случилось в России, а не в Греции, почти тоже, что случилось по 1000 лет от Рождества Христова с Римлянами, по 1590 лет с Унитами. Именно – около 1666 года несколько буйных голов, несколько соблазнившихся невежд, отстало от Российской Церкви, а через это самое и от Восточной Греческой, как Униты, как Римляне... Т. е. случилось то самое, от чего книга Веры на листах 271 и на обороте листа 272... оберегала и оберегает., т. е. из Российского народа некоторые перестали слушать восточные Церкви и патриарха Константинопольского вопреки тому, что в книге Веры на листах 231 и 232 написано, – перестали слушать, отвергая сущность первой и второй главы книги Веры.

Раскольник. Если бы книги не изменили, то бы и не уклонились.

Правосл. Ты слышал, что все патриархи старались исправить книги.

Раскольник. Да в Российской Церкви и патриаршество отвергнули, – уничтожили.

Правосл. Патриархов в России до 1589 года совсем не было, патриархов не стало с 1700 года, и вы кричите, что со времён патр. Никона Российск. Церковь не та стала. Вы только первых пять патриархов принимаете, а последних пять не приемлете. Да что я говорю: и первых пяти не слушаете не только в том, что они просили исправить книги, но и в том, что они в своих книгах заповедали нам, – напр.: возьми Номоканон, при патр. Иосифе напечатанный, – там не только мужикам (л. 57), но и попам без благословения и заповеди святительские исправлять требы воспрещено. Вы не те, вы не последователи Святых, вы не Церковь, ибо они имели все службы, все таинства, все чины всех священнослужителей; а вы что имеете? нет у вас рукоположения, нет у вас таинств; и какое

сокращение, и обеднение церковных служб, и какое пренебрежение к правилам Св. Соборов!!! Подлинно, у вас не то ныне время, у вас не тот ныне ум, не то желание, какой ум, какое желание имели Святые, Церкви повиновавшиеся, всем от Церкви пользовавшиеся, в недрах её спасение своё соделавшие под сенью Христа Спасителя, Главы Церкви, непреложно о Церкви Своей изрекшего: *и врата адова не одолеют ей*. Веришь ли сим словам Спасителя Христа, буде ты христианин?

Раскольник. Как не верить!

Правосл. А когда веришь, то виждь Церковь неизменну, вратами адовыми непобедиму, и перестань вооружаться на неё, поносить её, чуждаться ей, а лучше поспеши обратиться к ней... Вот ныне время, что и заблуждающих прощают, умоляют обратиться к своей духовной матери. Когда обратишься, тогда и будет время то... и *для тебя*, ибо Церковь Российскую увидишь *той*, какой она создана Господом нашим Иисусом Христом...

Раскольник. О если бы разрешил моё сомнение Господь!

Правосл. Сомнение твоё от того, что ты не веришь собственным словам Христа Спасителя, что ты охладел к Его божественным тайнам, что ты ищешь себе спасения в *своём* умствовании в *своей* воле, а не в заповедях Христовых;.. что ты своё общество, от Российской Церкви отпадшее, признаёшь за Церковь...

Раскольник. Правда, я своё общество считаю Церковью.

Правосл. Но в Церкви должно быть рукоположение?

Раскольник. Должно.

Правосл. В Церкви должно быть соблюдение законов Церковных, соборами изречённых, уставами показанных, св. Евангелием предписанных?

Раскольник. Должно.

Правосл. Но где все это у вас?

Раскольник. Ведь не то ныне время.

Правосл. У вас только и ответ, что ныне – не то время, а Российская Церковь всё это имеет; следовательно, не Российская Церковь изменила, отпала, а вы, составили Церковь, могу сказать, *лукавнующих*: в этой Церкви *новизны*,

напр. *мужик крестит, мужик исповедует, мужик службы отправляет храмов не строят, литургию не слушают, когда сложат персты в изображение имени Христа Спасителя – говорят – антихристова печать; когда сложат три первые перста во образ св. Троицы, говорят – щепоть!!* Найди такие обычаи, такие ругательства хотя в одной старинной книге.

Раскольн. В старину так не слагали, то и не писали.

Правосл. Возьми книги св. Василия Великого о св. Духе; в 27 главе, почти в начале, стоят следующие слова: *«чтобы уповающих на имя Господа нашего Иисуса Христа знаменiem крестным осеняли, кто письменно научил?»* –

– Возьми Апостол: в послании к Галатам глав. 3. ст. 14, 16, не говорится ли о благословении о Христе Иисусе? А пророк Моисей в своей четвёртой книге Числ гл. 6, ст. 27, пишет: *и да возложат имя Мое на сыны Израилевы, и Аз Господь благослаблю.* Какое имя Господу? – Иисус Христос. Св. Ефрем Сирин в слове 105-м об Антихристе, на обороте листа 298 пишет, что будет Антихрист, *гврорит, что Антихрист будет отнимать у христиан область знаменатися десною рукою, знаменiem Христа Спасителя нашего, ниже паки на челе знаменатися отнюдь страшным и святым Именем Господним...* Видишь, в старину так слагали персты на благословение, чтобы они изображали имя Господне Иисуса Христа; слагали персты в старину и в изображение св. Троицы,... напр., тот же св. Ефрем в том же слове (*ина мера*) говорит: *«Сонме святыи, Христолюбцы вернии, аз окаянный Ефрем со слезами молю вы, да не будем удобь пленени врагом, паче же удобь пленени будем силою крестною; неизбытен подвиг при дверех настоит; щит веры восприимем вси, и почерпнем с любовью от Божия источника упование спасению души нашей – несозданную, глаголю возлюблению, Троицу, Единосущну суцу, источник источающу жизни; аще бо оградится тацем оружием наша душа, то попан будет змий посреде».* – (лист 299).

Св. Григорий Назианзин в 28 слове говорит: *«Троица Святая... первое есть и величайшее осиятися тобою совершеннее»...* В 40 слове, внушая всякой матери стараться о совершении крещения над младенцем, говорит: *«Даждь ему*

(младенцу) *Троицу – великое и доброе хранило... сие да управляет тебя и житие и слово и всяк уд, всяко движение, всяко чувство*». Далее: «Красная вся заплеваю во Отца и Сына и Святого Духа исповедания»; и ниже: «не достизаю едино разумети, и *тремя осияваюся*, не достизая три разделить, и на едино возношуся»; ещё ниже: «даждь ми руку верою, имам три камени, ими же укрощу иноплеменника; имам три вдохновения на сына Сарептянины, ими оживотворю умершие, имам три поливания на колено, ими же освящу жертву»... Довольно ли? Да, так нас учили и у нас в России; есть у меня Кормчая, писанная в 1517 году при Максиме Греке..; в ней точно так велено слагать персты, как слагают православные. Если угодно, доставлю тебе полную выписку, или и самую книгу покажу; о ваших же перстосложениях далее Иосифовских книг нет, да и в Иосифовских книгах пишется разногласно, и ни одна книга не учит так, как вы слагаете персты: я тебе указывал сие.

Раскольник. Помню.

Правосл. Так перестань же ругать перстосложение, Церковь Российскую употребляемое, истинно-древнее, священное; – не верит сему только тот, кто св. Церкви, Господу не верит.

Расколник. О, победы, Господи, моё сомнение и сопричти мя к избранному Твоему стаду!!

Сообщил Екатеринбургский епархиальный миссионер *Сергей Романовский*

Миссионерство, секты и раскол

(Хроника).

Э.О. Новоладожское пастырско-миссионерское собрание и его постановления. // Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 527–539

Об устройении приходской миссии, о преподавании закона Божия и славянского чтения в школах, о служениях в церковных часовнях, о исповеди вне прихода, о привлечении раскольников на беседу, о присоединении их перед браками, о раскольнич. «отче»: а) о крещении ими б) венчании, и в) погребении православных.

В прошлой хронике было упомянуто о пастырско-миссионерских собраниях в петербургской епархии и о годичном съезде миссионеров херсонской епархии. По сообщению миссионера олонецкой епархии, о. К. Плотникова, таковой же съезд под его председательством состоялся и в олонецкой епархии в течение с 24 по 27 августа. Постановления как съездов, так и собрания, во многом сходны, особенно постановления олонецкого и петербургского собраний. Рассуждения их касались главным образом раскольников-беспоповцев, тогда как в Одессе рассуждали более о противохлыстовской миссии.

На пастырско-миссионерских собраниях петербургской епархии присутствовали все священники заражённых расколом селений: 28 сентября в г. Новой Ладогe священники этого уезда и 2 ноября в г. Гатчине священники Царскосельского уезда. От присутствия именно *всех* заинтересованных в борьбе с расколом священников собрания эти были весьма оживлены, интересны и обильны по постановлениям, а потому и весьма важны для миссии. Поэтому-то и Высокопреосвященнейший Митрополит Антоний, вполне сознавая полезность собраний подобного рода, и благословил их с пожеланием, что *«хорошо было бы и по другим благочиниям, где имеются раскольники и сектанты, устроить такие пастырско-миссионерские собрания»*.

Как в Ладогe, так и в Гатчине, обращено было прежде всего внимание на устройство приходской миссии. Поставляя первым

её деятелем священника, собрание призвало, что мало пользы принесёт его работа, когда близкие к нему лица – низшие члены клира–разрушают её. Эти, или как не происходящие из духовного звания или как недоучки, мало сознают важность своего служения. Поэтому среди прихожан, а иногда и раскольников, они позволяют себе выходки и развлечения, несвойственные их званию. Замечания им священника они иногда позволяют обращать в средства выдать себя в глазах прихожан за угнетаемых невинностей. Есть и такие, которым приходилось делать выговоры, остававшиеся, впрочем, безрезультатными, за небрежное отношение к храму и чтению с пением в нём. Всё это и побудило собрание просить: а) чтобы псаломщики своим поведением и жизнью не подавали поводов к нареканиям со стороны; б) чтобы для них была составлена особливая инструкция, которая и выдавалась бы им при определении их на места; в) и что в раскольниковых приходах желательны псаломщики, способные помогать священнику в миссии.

Хорошие же, трезвенные и благочестивые псаломщик и диакон, как необременённые особенными занятиями по приходу и как ближе стоящие в своих житейских отношениях к прихожанам и раскольникам, могут быть весьма полезными помощниками священнику. Поэтому как на петербургских собраниях, так и на олонецком съезде, было сделано постановление о привлечении их к деятельной помощи приходской миссии через участие их чтением и пением на беседах с раскольниками и на внебогослужебных беседах. Было высказано пожелание устроить миссионерские кружки через привлечение в них простецов-мирян, и женщин, осведомлённых в обличении раскола и ревнующих по православной Церкви, при объединении их руководством священника, который должен давать этим ревнителям книги и брошюры противораскольнические и наставления, с кем, как и о чём беседовать, а от них получать сведения о событиях в жизни раскола. Относительно тех же приходов, где православие подавлено, и ревнителей православия из народа нет, олонецкий съезд постановил, что необходимо готовить таковых из

учеников и учениц местных школ. Признал он весьма желательным устройство время от времени миссионерских курсов или школ в гг. Петрозаводске и Каргополе, а на съездах учителей и учительниц церковно-приходских школ сообщать сведения по обличению раскола. Это последнее постановление олонецкого съезда ново и едва ли где введено. Отмечая его, не можем не пожелать ему подражателей и введения его в других епархиях. Значение миссионерское учителя (или учительницы) в школах весьма велико и всеми признано. И если они к тому же будут хорошо осведомлены в области обличения раскола, то польза от этого ещё более увеличится. Пока же этой пользы приходится достигать другими путями. Так Новоладожское собрание, оставляя за священником обязанность законоучительствовать в школах его прихода, но в то же время – за полнейшей трудностью для него при трёх – шести школах прихода, притом разбросанных по отдалённым (за 10–18 в.) деревушкам, признавая невозможность аккуратного посещения их и проистёкшую отсюда естественную практику предоставлять законоучительство некоторым учителям и установив факт, что учителя иногда бывают недостаточно развитые люди, а учительницы даже как-то боятся расширить программы в смысле сообщения более подробных сведений по пререкаемым раскольниками истинам веры, нашло весьма полезным иметь расширенную программу по Закону Божию с распределением в ней апологетического материала и поручило составить эту программу епархиальному миссионеру М. П. Чельцову. К этому же выводу пришёл и херсонский съезд, поставивший поручить составить две таких программы – священнику И. В. Полянскому для раскольнических и М. А. Кальневу для хлыстовских селений.

Обратило внимание Новоладожское собрание и на желательность более прочного усвоения учениками-раскольниками истин православной веры. Для этого оно нашло желательным постепенно приучать их к посещению храма для чтения и пения в нём или для прислуживания в алтаре. Далее – в виду того, что теперь дети – раскольники, учась церковно-славянскому чтению по одних с православными учениками

книгам, часто по выходе из школы переходят на переучку к раскольникам-молинникам или начетчикам, кои при научении чтению «по старине» сообщают бывшим школьникам и всю свою неприязнь к обучившим их школам, всю ненависть к священнику и к правосл. церкви, – в виду всего этого собрание и постановило испросить разрешение на введении в тех немногих школах, где полезность этого признаётся священниками, обучения славянскому чтению раскольников-учеников по часовникам Единоверческого издания.

Рассуждая о привлечении православных, особенно живущих в сильно заражённых расколом деревушках, к посещению храма и к более аккуратному и внимательному отношению к таинствам исповеди и Св. Причащения, собрание остановилось на следующих двух вопросах: первый –

Возможно ли допускать в часовнях деревенских чтения часов, утрени, вечерни и пр. в отсутствии священника простым мирянам? Дело в том, что приходы в Новоладожском уезде состоят все из деревень, число которых простирается до 35 в одном, при расстоянии часто до 20 вёрст от церкви, при невозможных по временам дорогах. В этих-то, удалённых от церкви, деревушках и гнездится раскол. Православных здесь часто бывает немного, да и эти не крепки. В церковь их заставить ходить трудно, а иногда и требовать этого невозможно по бездорожице. Поэтому, издавна были построены в каждой деревеньке часовни, иногда в форме и в размерах небольшого храма. Священник, в известные дни года приезжая в деревни, отправляет в часовнях те или другие служения. Часто посещать их священнику бывает невозможно, ибо таких часовен у него в приходе иногда более 5. Вот и повёлся кое-где обычай с благословения священника читать в этих часовнях по праздникам без него, а при посредстве благословлённого им мирянина или учительницы. Обычай этот имеет две стороны: вредную и полезную для православия. Сближая это собрание для молитвы православных с подобными же собраниями в моленной беспоповцев, он отучает первых от посещения храмов и делает через то лёгким уклонение в раскол и без того нетвёрдых православных. Но с другой стороны – как лишить

возможности послушать чтения и пения желающих этого, но не могущих получить за отдалённостью храма или из-за бездорожья. Священниками некоторыми были приведены примеры, как запрещение собираться в православных часовнях вело к тому, что православные начинали посещать раскольнические молельни и опять, следовательно, переходить в раскол. Долго по этому вопросу рассуждали. Большинство всё-таки было за то, чтобы не допускать чтения и пения в деревенских часовнях без священника; но и доводы меньшинства были так убедительны, что собрание нашло необходимым сделать только следующее постановление: а) в православных деревнях чтения в часовнях не допускать, б) в деревнях, заражённых расколом, удалённых от приходской церкви на значительное расстояние и с дурными путями сообщения, допускать это чтение под условием, чтобы чтец получал благословение от местного священника, чтобы староста при этой часовне, он же часто и чтец, был человек благонадёжный, и чтобы местный священник время от времени посещал эти часовни, совершал в них богослужения и говорил поучения о различии церковной молитвы от часовенной и пользе посещения храмов.

Второй вопрос – *о говении и исповеди прихожан в монастырях и соседних приходских храмах и о совершении соседними священниками треб в чужих приходах без желания местного священника*. Среди православных распространён обычай ходить в монастыри г. Тихвина и Александра Свирского для исповеди и св. причастия. Некоторые из них делают это паломничество аккуратно из года в год. Наряду с искренне православными, ходят в монастыри на исповедь и такие, для которых исполнение этого долга – одна лишь формальность, и которые боятся исповеди у священника, хорошо знающего жизнь и дела таковых из своих прихожан, а потому строго относящегося к таким исповедникам. Бывали и такие случаи, когда в монастыри ходили говеть и состоящие под епитимией от местного священника. С другой стороны – говеющие на стороне не приносят приходским священникам никаких свидетельств, удостоверяющих бытие их у исповеди и святых тайн причастия,

и священникам в исповедных книгах приходится таковых отмечать не бывшими у исповеди по несколько лет сряду. – Дурные дороги создали обычай обращаться с говением и др. требами в известные времена года не к приходскому священнику, а к другому соседнему, к которому хотя, быть может, подальше, но удобнее добраться. Отсюда проистекла практика и без нужды, и при хорошей дороге, помимо приходского священника обращаться к другим. Эти, к сожалению, не только не отказываются от исправления треб, но и не дают никаких сведений приходскому священнику о совершённых для его прихожан требах. Священник, таким образом, остаётся в неизвестности относительно событий в жизни своих прихожан. На собрании всеми священниками было высказано желание, чтобы все духовные нужды их прихожан исправлялись приходскими священниками, – особенно же таинства покаяния и причащения. Для очень многих прихожан, по своим житейским нуждам не бывающих в храме Божиим и слушающих поучения священника очень редко, исповедь остаётся единственным средством получения назидания от пастыря. Поэтому, для священника лишиться и этого случая поучить вере и нравственности мало известного ему прихожанина – весьма нежелательно. К тому же лёгкость исповеди в монастырях без необходимости предварительного говения служит для православных укором со стороны раскольников. Правда, один священник прихода исключительно православного требует от прихожан, чтобы они непременно говели у него, а в монастырях причащались вторично – по желанию; но такое требование в раскольниковых приходах почти совершенно невозможно: там под влиянием раскольников создалось убеждение, что и однажды-то в год очень трудно, почти невозможно, *достойно* причаститься, а дважды будто бы и совсем нельзя и незаконно. Находя для себя невозможным и не в праве что-либо предпринять к урегулированию говения в монастырях, пастырское собрание нашло желательным ходатайствовать перед епархиальным начальством, чтобы говеющим в монастырях выдавались должные свидетельства с разъяснением необходимости представлять их приходским

священникам, чтобы соседние священники совершали требы в чужих приходах только в случаях нужды и извещали бы об этом приходских священников.

После этого собрание перешло к рассуждениям о средствах обращения раскольников к православной церкви и утверждения обратившихся в недрах её.

Чем и как привлекать раскольников к частным беседам со священником? Как известно, раскольники вообще сильные любители толковать о своём благочестии среди тёмного люда, избегают бесед с людьми, обличающими их, избегают бесед и со священниками. Поэтому для священника очень немного поводов сталкиваться с ними: в дом к себе они его, за немногими исключениями, не приглашают, а если и приглашают, то только за тем, чтобы «попить чайку» и потолковать о житейском; у православных прихожан они если и бывают, то во время присутствия там священника скрываются от него бывали случаи, когда священнику приходилось извлекать их из-под кухонных лоханей, из-под лавок и т. п. Это одно. Другое – да и у самого священника может явиться и, действительно, являлось сомнение, как держать себя в разговорах с раскольниками – важно ли и с достоинством, как носителю столь высокого звания, или скромно, любовно и мягко нисходя до простого обращения с ними. – Долго по этому поводу рассуждали, и много было высказано разных соображений. В конце концов остановились на том, что священник должен, привлекать к себе раскольников образцовым служением, добрым своим поведением и любовным, растворённым кроткой снисходительностью, обращением; раздражительности и тем более запальчивости он должен избегать, громких и резких слов и фраз, самовозвеличения и насмешек с издевательством ни в коем случае, ни при какой обстановке, он не должен позволять; на бранчивые и гневные выражения раскольников он должен отвечать любовью и прощением. Как можно чаще следует искать случаев частно беседовать с раскольниками, не смущаться, что в первые беседы раскольники будут уклоняться от рассуждений о вере, да и священник не должен, настаивать на них: для него важно расположить к себе раскольника, чтобы

потом мало-по-малу перейти к беседе с ним. И здесь он не должен смущать собеседника сразу же изобличением всех его верований, а лучше постепенно, шаг за шагом, раскрывать перед ним несостоятельность его «благочестия» и поселять в нём сомнение и желание разобраться в его верованиях. Вопросов об обрядах на этих первых беседах следует избегать, а лучше и важнее вести речь о церкви, о священстве, о таинствах, о причащении. Не надо смущаться священнику и тем, если иногда он не найдётся что ответить: это побудит его получше изучить данный вопрос. Полезно священнику иметь с собой на таких беседах «Выписки»... Озерского и вычитывать из них потребные тексты.

Весьма трудным для разрешения был вопрос – о *присоединениях раскольников перед браками, о требованиях от них*. На практике этот вопрос не однообразно разрешается. Есть места, где требуется известный период времени между изъявлением желания присоединиться к православной церкви перед браком и самым актом присоединения, – период, необходимый для испытания искренности присоединяющегося и научения его в истинах Православной веры. Но есть места, где присоединения совершаются немедленно по заявления желания. Та и другая практика имеет за собой достаточные основания. В первом случае резонно рассуждают, что присоединение не должно быть лишь внешним, ради возможности помрачиться с православным (или православной) в церкви совершающимся, а должно быть искренним, а потому твёрдым, для чего потребно испытание и научение. Присоединяющиеся ради брака вскоре же после брака оставляют церковь и совращают в раскол даже и православную свою половину. Увещания и угрозы священника не действуют на них. А со стороны раскольников слышатся насмешливые укоры, а иногда и издевательства. Таким образом, всё приводит к тому, чтобы непременно присоединяющихся перед браком испытывать в течение известного периода времени. Но как общее правило это требование невозможно: и вторая практика не без оснований. Бывают вполне искренние обращения, особенно девиц, перед браком к священнику с просьбой

немедленно присоединить их и венчать. Ознакомленные в школе или как-нибудь случайно с истиной православной церкви, эти молодые люди, будучи детьми фанатичных, закоренелых раскольников, не могут из-за боязни наказаний, заключений и т. под. неприятностей открыто и задолго до брака заявить о своём желании присоединиться к церкви. Для них брак является средством уйти из родительского дома, а вместе – и оставить раскол. Священнику, конечно, хорошо бывают известны подобные молодые люди и их семейные затруднения, и как поэтому он может отказать им в присоединении и немедленном же повенчании?! Его отказ может повести к одному из трёх: или к озлоблению и затвердению в расколе желавшего уйти из него, или к переходу в раскол православного (-ой), или к внебрачному их сожителству. Существование же этой второй практики ведёт к тому, что и практика, требующая приготовления для присоединения, как не определённая точно законом и не совсем-то приятная для брачующихся, подрывается ею и причиняет священнику неприятности. Его начинают заподозривать в желании получить за труд совершения брака лишнюю плату, в придирчивости и т. под.; ему указывают на других священников, особенно г. Петербурга, присоединяющих и венчающих по первым заявлениям; от него требуют указания на закон, его оправдывающий. Священник, таким образом, подвергается неприятностям, но и присоединить ради брака не может: совесть запрещает, ибо он хорошо знает скрытые мотивы к присоединению брачующихся. – После долгих и горячих рассуждений по этому вопросу постановили на собрании: ходатайствовать перед Епархиальной властью, чтобы между изъявлением желания присоединиться и самым присоединением вообще, а тем более – перед браком, был установлен ею известный промежуток времени, потребный для испытания лица присоединяющегося к церкви. При имени в руках распоряжения Епархиальной власти священник будет и сам спокойнее, и в глазах прихожан он будет действующим не самолично и по произволу. Но причтом постановили, что когда священник найдёт нужным, по указанию своей пастырской совести, по знакомству своему с душевным складом и

семейным положением присоединяющихся, присоединить непосредственно же по изъявлению желания, – то дать ему возможность сделать это. Поставить в обязанность и единоверческим священникам, чтобы и они испытывали желающих присоединиться у них из раскольников православного прихода, и чтобы требовали от них представления подлежащих документов. – Говорили на собрании и о том, чтобы эти требования равно относились и к священникам г. Петербурга, куда часто обращаются раскольники с браком, и где к ним – не требовательны, хотя и не знают их совершенно.

Наконец, последним в рассуждениях Новоладожского собрания был вопрос об «отче» (духовный руководитель беспоповцев) – о сокращении их пропаганды, об умалении их авторитета и о поставлении их действий в рамки закона. Между прочим рассуждали о следующем:

1) *Что надлежит предпринять, чтобы раскольничьи «отче» а) не крестили у православных, б) не брачили их?* Раскольничьи «отче» повсюду отличаются сильным стремлением к пропаганде, и борьба с ними для священника бывает очень часто не под силу. Краясь по отдалённым от села деревушкам, бродя из дома в дом, они знают все мельчайшие подробности в семейной жизни не одних лишь своих пасомых от их настойчивых увещаний и страшных запугиваний не уберегаются и православные. Особенно же «отче» следят, чтобы не бранились раскольники в православной церкви, и чтобы побранившиеся там не крестили в церкви рождающихся у них детей. И не редки случаи, когда под давлением наставлений и страхов от «отче» и не раскольники брачатся и крестят у него. Что в данном случае поделать священнику приходскому? Его кроткие увещания и разъяснения ничто, сравнительно с огнедышащими речами и страшными картинами мучений для всех никониан, исходящими от «отче». Поневоле после этого приходится ждать помощи извне – от гражданского суда, наказывающего соращение от православной Церкви. И, действительно, известны не единичные случаи доведения до суда гражданского фактов крещения по раскольническим

обрядам детей у повенчанных в православной церкви родителей. Но, к величайшему сожалению, дела эти кончались не в пользу православной Церкви. Причиной этому было между прочим и то, что эксперты с духовной стороны в окружной суд почему-то не вызывались и не назначались; вера поэтому давалась лишь тому, чем оправдывались «отче», и чем их защищали их адвокаты. Желательно поэтому, чтобы при разбирательстве всех подобных дел непременно присутствовали духовные эксперты, и, что особенно важно, чтобы вся тяжесть обвинений и, следовательно, наказания перенесена была с родителей на «отче». Теперь, по существующим узаконениям, за крещение детей православными родителями у «отче» наказуются, на основании 190, 196, 199 и 206 статей улож. о наказ., тюремным заключением родители и воспитатели, тогда как вся вина за это падает собственно на «отче». Этот так настрашает, напугает и нафантазирует родителей, что они готовы сделаться «мучениками за веру» и делаются иногда. А «отче», всё это сделавший, остаётся совершенно в стороне и ничем не наказывается, тогда как всё пошло от него. Таким образом, и получается, что ничем не рискуя, а наоборот, преследуя свои личные выгоды, «отче» творят нарушителями законов и мучениками за веру простодушных простецов, которые ничего бы не имели и против крещения их детей в православной церкви, если бы их не настроили противно ей «отче». В виду этого собрание нашло единственным возможным в данном случае представить для борьбы с совершением крещения у бранившихся в православной церкви родителей их детей раскольническими «отче» то, чтобы к ответственности привлекались не столько родители, сколько «отче», как рьяные пропагандисты раскола. Почти к такому же выводу по данному вопросу пришёл и Олонецкий съезд.

Что касается венчания «отчими» браков православного (или что чаще – православной) с раскольницей (–ком), то борьба с этими фактами ещё затруднительнее. Раскольничьи браки совершаются повсюду в Новоладожском уезде по ночам; мелкие полицейские чины если и ведают об них, то в расчётах о

своей пользе стараются не замечать их или даже покровительствовать им. Таким образом, на самом, так сказать, месте преступления застать венчание раскольника с православной положительно невозможно. Тем более нельзя доказать наличности совершенного «отче» брака из факта семейного сожительства мужчины и женщины. На допросах и они, и их присные, – все покажут, что живут они не как муж и жена, а как хозяин и стряпуха, кухарка, работница. А что дети рождаются, так что же поделаешь с плотью и грехом?! Таким образом, наличность говорит лишь о внебрачных сожительствах, хотя все хорошо знают, что им предшествовало раскольническое венчание. Поэтому и бороться с ними является возможным лишь с этой стороны. Собрание и постановило ходатайствовать перед епархиальным начальством о принятии мер к пресечению этих нежелательных и вредных для семьи и государства сожеств.

2) *Как смотреть и относиться к бывшим православным, но перед смертью в болезни перекрещенным и погребённым в расколе?* Тяжело духовное состояние в болезнях, особенно у старых людей, когда призрак смерти кажется совсем близким. Давно и глубоко в тайниках души лежащие воспоминания о содеянных «лютых» выплывают наружу и властно, и грозно смущают болящего. Страшные картины ада и его мучений невольно приводят в трепет и содрогание мятущегося больного. Вот тут у постели умирающего православного и являются «отче» или старухи – раскольницы. Их похуления веры православной вместе с доводами, что у никониан нет никакого спасения, и что пойдут эти в муки вечные, и их убеждения в истине старообрядства со всеми загробными благами для умирающего в нём, – невольно заставляют больных слушать и прислушиваться к их голосу. А голос этот далее рисует самые заманчивые перспективы: стоит-де только познать истину старообрядства и перекреститься по их обряду, как грехи, как бы они многочисленны и тяжелы не были, все простятся, новокрещённый станет как младенец свят и безгрешен и, как принявший новое имя, не будет отвечать за грехи, содеянные при прежнем мирском имени. Конечно, долг и обязанность

приходского священника – не оставлять своим духовным утешением и наставлением болящего и умирающего; его совесть и сознание своего служения должны побудить его идти к таким болящим и духовно успокаивать их мятущийся дух. Но часто ли он может сделать это и всегда ли, когда то нужно, для болящего в далёкой от него деревушке?! Да и что будут значить его разъяснения и утешения в сравнении с рисуемой перед глазами умирающего раскольниками перспективой – только креститься и получить царствие небесное?! Здесь не рассудок работает, а сердце руководит... Вот и перекрещивают православных. А с православными одиноками в раскольнических семьях обращаются и без уговоров их: их крестят, потому что так желают семейные. Да и вообще у раскольников желание креститься – не важно. Бывали случаи, когда крестили больных сыпным тифом, и когда эти больные умирали во время погружений в воду. Единственным средством – предотвратить подобные крещения, может служить избавление больных от посещения их раскольницами и «отче»; а это можно сделать только лишь при помощи гражданской власти. Вот почему на собрании и было постановлено ходатайствовать перед епархиальным начальством, чтобы оно просило административную и полицейскую власть губернии, как можно энергичнее, оказывать содействие духовенству в преследовании подобных фактов и следуемого за ними погребения этих вновь крещённых по раскольническим обычаям, а в случае возбуждения судебных дел гражданской властью командировать в качестве экспертов сведущих лиц.

3) *Не следует ли желать, чтобы раскольничьи «отче» не погребали умерших без необходимых, требуемых законом, документов и предосторожностей?* Православный священник тяжело отвечает, если погребёт умершего скоропостижно без разрешения светской власти или вообще не соблюдёт гражданских на этот счёт постановлений. Раскольнический «отче» никаких этих постановлений не знает и знать не хочет, и ему всё это сходит как-то благополучно. Правда, для благомыслящего и рассуждающего православного эта строгость требований от православного священника говорит в пользу

православной Церкви; но для многих это же служит и смущением: этим раскольнический «отче» кажется таким перед начальством привилегированным лицом, а начальство к нему настолько милостивым и нетребовательным, что является повод смущаться тем, что не правы ли распускаемые раскольниками слухи, что их вера более приятна начальству, и их «отче» более законны в глазах его?! В виду этого и постановили ходатайствовать перед епархиальным начальством, чтобы гражданской властью ещё раз было внушено раскольникам о необходимости, под угрозой наказания, соблюдать при погребении умерших все требования закона.

Э.О. Постановления олонецкого съезда. //
Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 539–542

об отношениях миссионеров к приходским священникам и благочинным, о миссионерском фонде, о записи в исповедные росписи давнишних «странников», о единоверии, о мерах против сектантства.

На олонецком съезде, кроме того, что уже нами отмечено, рассуждали о многом другом. Об этом местный миссионер о. К. Плотников сообщает следующее:

Второе заседание было посвящено выяснению *отношений между миссионерами и приходскими священниками, а также и благочинными*. Вопрос этот обсуждался на 1-м миссионерском съезде и был решён в том смысле, что окружные миссионеры и их помощники, состоящие в приходах на вакансии вторых священников и диаконов, *по делам прихода* находятся в *зависимости* от настоятеля своей приходской церкви, а в *делах миссии независимы* от него. Не смотря на такое, по-видимому, ясное решение, на практике встретились недоразумения. Поэтому пришлось несколько подробнее выяснять этот вопрос. Подтвердив прошлогоднее постановление, съезд присовокупил, что миссионеры, будучи *зависимы от оо. благочинных как приходские священники, в делах миссии совершенно независимы* от них. Поэтому настоятели церквей и благочинные не должны стеснять оо. миссионеров в их миссионерской деятельности и, под предлогом исполнения приходских обязанностей, удерживать их от миссионерских поездок, о которых оо. миссионеры каждый раз имеют предупреждать местный причт. Равным образом и оо. миссионеры, под предлогом миссионерских поездок, не должны уклоняться от исполнения приходских обязанностей, а вообще стараться поддерживать *братские отношения* между собой, оказывая *взаимные услуги* в несении пастырских трудов по приходу, *только не в ущерб миссионерскому делу*.

На 3-м заседании обсуждали вопрос: об образовании епархиального миссионерского фонда. В виду того, что с

образованием приходских миссионерских кружков необходимы для них книги и листки противораскольнического содержания; что многие из раскольников не обращаются в православие единственно потому, что материально зависимы от своих единомышленников; что члены причта, особенно отличающиеся миссионерской деятельностью, а равно учителя народных школ и ревнители православия, трудящиеся в деле миссии, достойны поощрения, хотя бы в виде денежных наград, и что ученикам, оканчивающим курс в народных школах, желательна раздача в награду книг и брошюр противораскольнического содержания, а специальных средств для удовлетворения всех этих нужд в распоряжении миссии нет, – съезд признал необходимым образование особого миссионерского фонда и решил обратиться к главному совету Александро-Свирского братства и его отделениям о выделении на этот предмет какой-либо части из своих сумм, а перед Его Преосвященством – ходатайствовать об учреждении особой кружки по церквам епархии для обнесения её в местные храмовые праздники. –

В 4-м заседании обсуждали вопрос о *привлечении лучших сил духовенства в раскольнические приходы* ¹⁸³, пот. что в них часто встречаются члены причта не соответствующие своему званию и неспособные вести борьбу с расколом, и об *увеличении оклада содержания духовенству таких приходов*, пот. что оно, при своих особенных трудах, материально менее обеспечено, чем духовенство православных приходов, и нравственно угнетено расколом.

В 5-м заседании оо. миссионеры решали следующие вопросы: *как собирать сведения о странниках? Следует ли и как писать в исповедных росписях давнишних странников, о которых нет никаких известий? Не следует ли в интересах миссии обращаться за справками в волостные Правления?* По последним вопросам постановлено: «О принадлежности к странничеству различных личностей можно узнавать через расспросы у местных жителей, ревнителей православия, лиц, вышедших из раскола, и раскольников других толков. В исповедных росписях в продолжении 5 лет странников следует отмечать не бывшими на исповеди по расколу, а после

пятилетней безвестной отлучки их, обращаться за справками в волостные Правления и, если там они не числятся, исключать из церковных документов».

В 6-м заседании особенно долго обсуждался вопрос о *значении единоверия в борьбе с расколом в настоящее время в Олонецкой епархии*; для решения его был приглашён один опытный священник, прослуживший в единоверческом приходе более 30 лет. Как этот последний, так и миссионеры, хорошо знакомые с состоянием единоверия в своих округах, пришли к такому заключению: в настоящее время в Олонецкой епархии единоверие уже *утратило первоначальное значение одного из самых действительных средств к возвращению раскольников в лоно православной церкви*, потому что большинство раскольников понимает, что единоверие и православие одно и то же, и потому, если не идут в Православие, то не идут и в единоверие. Не только в православных; но и в единоверческих приходах главное значение имеет *личность священника*. Поэтому в местностях, сильно заражённых расколом, в случае необходимости образования новых приходов, следует открывать приходы православные, только назначать в них священников, отличающихся наибольшей церковностью и благочестием и более способных вести борьбу с расколом. Затем в утвердительном смысле (относительно детей младенцев) был решён вопрос: *следует ли присоединять к православной церкви, на правах единоверия, детей, когда присоединяются родители?* И, наконец, в виду неточности сведений о количестве раскольников в епархии, решено просить Епархиальное начальство сделать распоряжение о представлении причтами церквей – через оо. благочинных, *наиболее точных сведений о числе раскольников* в своих приходах непременно к 1 декабря каждого года и не подвергать причты взысканию, если цифровые данные о количестве раскольников в их приходах будут значительно разниться сравнительно с предыдущими годами¹⁸⁴.

В последнем (7-м) заседании был проектирован ряд мер против занесения и распространения в епархии сектантства. Последний вопрос имеет важное значение для Олонецкой

епархии, потому что, хотя в ней и нет ещё организованных сектантских общин, но есть уже отдельные личности, заражённые духом сектантства, и предстоит опасность дальнейшего распространения его через Петербург и Финляндию. Сознавая важность вопроса, оо. миссионеры пригласили для решения его ректора местной семинарии, архимандрита Нафанаила, несколько лет служившего священником в приходе, заражённом сектантством, и практически знакомого с ним, и вместе с ним проектировали принять следующие предупредительные меры: 1. а) Духовенству необходимо ознакомиться с главными признаками рационалистических сект, чтобы иметь возможность пастырски воздействовать на появляющихся сектантов. А для этого приобретать в библиотеки церквей книги, брошюры и листки противосектантского содержания (напр. «Миссионерское Обозрение» и издаваемую при нём «Миссионерскую библиотеку»); б) Составлять и произносить с церковной кафедры поучения, в которых раскрывать положительное учение православной церкви относительно предметов пререкаемых сектантами... 2. Лиц, отправляющихся на отхожие промыслы, особенно в Петербург и Финляндию, духовенству необходимо напутствовать пастырским словом увещания, чтобы они старались избегать знакомства с личностями, неправославно-верующими и заражёнными противными православию убеждениями, и следить за лицами, возвращающимися с отхожих промыслов, знакомясь с их религиозными убеждениями. 3. Духовенству необходимо: а) обращать внимание на заводы, которые представляют собой удобные пункты для распространения сектантства, и б) зорко смотреть за книгоношами, являющимися в приход, и, если будет у них замечен Новый Завет с подчёркнутыми местами, а также книги, листки и брошюры с сектантским направлением, то обращаться к чинам полиции с просьбой о конфискации их, соблюдая при этом всевозможную осторожность, а вместо них распространять книги, брошюры и листки с православным учением.

Э.О. Постановления Одесского съезда. // **Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 542–546**

Миссионерский фонд.

О постановлениях херсонского съезда миссионер М.А. Кальнев сообщает следующее:

«Два года тому назад заведомо явные, подвергнутые судебному наказанию, хлысты д. Арнаутовки за своё упорство были отлучены епархиальной властью от св. причастия впредь до раскаяния. Мера эта принесла очень хорошие последствия: воинствующие здесь хлысты притихли, недавно совращённые в хлыстовщину открыто оставили её, колеблющиеся православные утвердились в вере, приход значительно успокоился. Благодетельский миссионерский съезд г. Николаева высказал просьбу, чтобы епархиальный съезд миссионеров ходатайствовал об отлучении от св. причастия вожаков местных хлыстов. В виду благоприятных результатов от применения вышеуказанной меры по отношению к арнаутовским хлыстам,, съезд постановил: «просить Его Высокопреосвященство заведомо известных пастырям и упорных хлыстов, или принадлежность коих к секте будет установлена судебным порядком, – временно не допускать ко св. причастью и дозволить священникам ходатайствовать перед Архипастырем о полном отлучении подобных сектантов от св. причастия впредь до искреннего их раскаяния и публичного отрешения от лжеучений хлыстовства». На этом постановлении съезда преосв. Иустин изволил положить следующую резолюцию: «Не иначе это делать, как по предварительном представлении мне и получении на то разрешения».

Не малой заботой для местного епархиального начальства служит вопрос об улучшении религиозно-нравственного положения русских рабочих, служащих в многочисленных в Херсонской губернии, многолюдных немецких колониях. Херсонский епархиальный миссионерский съезд, всесторонне обсудив его, сделал следующее постановление: «просить Его Высокопреосвященство войти с ходатайством в Святейший

Синод об учреждении для проживающих в немецких колониях православных рабочих двух подвижных причтов, в составе одного священника и одного псаломщика в каждый, с жалованьем 3 тысячи рублей на причт и с возложением на священников миссионерских обязанностей». Возбуждённый же вопрос об устройстве походных церквей для означенных причтов и о распределении между двумя причтами колоний съезд постановил представить в будущем на разрешение епархиального начальства.

О неопределённом служебном положении миссионеров, их материальной необеспеченности в будущем, особенно по выходе в отставку, много и говорилось, и писалось. Постоянным и совершенно законным желанием всех миссионеров было их упование получить когда-либо за их, без сомнения, нелёгкий труд какую-либо определённую пенсию, сколько-нибудь обеспечивающую их существование в те годы, когда и лета, и, быть может, надломленные силы уже не позволят нести миссионерский труд. Об этом, к счастью, думали и думают епархиальные начальства многих епархий, об этом не раз уже хлопотали и сами миссионеры перед Св. Синодом на их всероссийских съездах, но осуществится ли их желание, – Бог весть. Незавидно и положение многих пастырей, трудящихся в заражённых, деморализованных сектантством приходах; вот почему ещё прошлый Херсонский епархиальный съезд миссионеров возбудил вопрос об образовании миссионерского фонда в поощрение трудящимся в деле миссии пастырям и миссионерам. Местное епархиальное начальство благосклонно разрешило для образования миссионерского фонда ежегодный тарелочный сбор 1 октября, причём мне было поручено составить проект правил расходования сумм миссионерского фонда. Нынешним съездом заслушан и единогласно принят следующий, уже утверждённый преосв. Иустином, *«Проект правил расходования сумм миссионерского фонда Херсонской епархии»*.

§ 1. Цель миссионерского фонда Херсонской епархии – оказывать материальную поддержку миссионерам и священникам епархии в виде поощрения за их миссионерские

труды, а также оказывать помощь нуждающимся православным, живущим среди сектантского населения, и бедным, обращающимся из сектантства или раскола в православие.

§ 2. Источниками для средств миссионерского фонда служат: а) разрешённый епархиальной властью ежегодный тарелочный сбор по церквам епархии 1 октября, б) отчисляемая ежегодно в фонд сумма из средств Свято-Андреевского Братства и в) добровольные частные пожертвования.

§ 3. Ежегодно поступающая в фонд сумма, образующаяся из тарелочного сбора и средств, ассигнуемых Братством, за вычетом 10% её для образования неприкосновенного капитала фонда делится на две равные части, одна из которых идёт на вознаграждение миссионеров, другая – на вознаграждение трудящихся в деле миссии пастырей и на оказание помощи мирянам, живущим среди сектантов и обращающимся в православие раскольникам и сектантам.

§ 4. Первая часть фонда распределяется между всеми миссионерами Советом Братства, с утверждения Архипастыря, чрез каждые пять лет, считая пятилетний период с 1 октября 1899 года. Вновь вступившие впоследствии на миссионерскую должность получают вознаграждение из фонда одновременно со всеми миссионерами по расчёту времени их службы до конца пятилетия.

§ 5. Миссионеры, уволившиеся от службы по болезни раньше пятилетнего срока, могут получить заслуженную ими сумму фонда с разрешения Архипастыря, по ходатайству Совета Братства.

§ 6. Миссионеры, уволенные от службы распоряжением епархиальной власти или оставившие миссионерскую службу без уважительной причины ранее пятилетнего периода, лишаются права на получение какого бы то ни было вознаграждения из фонда.

§ 7. Вторая половина суммы фонда расходуется ежегодно вся и без остатка в помощь нуждающимся православным, живущим среди сектантов, в помощь бедным, обращающимся в православие из раскола и сектантства, и в виде вознаграждения

пастырям исключительно за их миссионерские труды, а никак восполнение их недостатков.

§ 8. Кроме расходуемых сумм миссионерский фонд имеет и неприкосновенный капитал, который образуется: а) из 10% ежегодно поступающего в фонд тарелочного сбора и ассигнованной суммы Братством, б) из всех добровольных частных пожертвований, в) из сумм, остающихся в остатке вследствие более или менее продолжительного времени свободной вакансии должности кого-либо из миссионеров, г) из сумм, остающихся вследствие увольнения кого-либо из миссионеров в случаях указанных в § 6 и д) из ежегодных процентов той суммы, какая отчисляется для вознаграждения миссионеров в продолжении каждых пяти лет.

§ 9. Цель неприкосновенного капитала при миссионерском фонде – это образование, хотя бы и в отдалённом будущем, такой суммы, проценты которой дали бы возможность миссионерам, оставляющим свою должность после двадцатилетней службы в епархии, считая с 1 октября сего года (период времени проектированный на 3 всероссийском миссионерском съезде), назначать постоянную пожизненную пенсию.

§ 10. Размер пенсии миссионерам будет определяться сообразно процентам, какие со временем будет давать неприкосновенный капитал фонда.

§ 11. Миссионерам, оставляющим должность через 10 лет по болезни или через 15 лет добровольно, выдаётся полупенсия по расчёту суммы процентов неприкосновенного капитала того года, делённой на количество штатных миссионерских должностей.

§ 12. Миссионерам, оставившим службу не менее, как через 15 лет по болезни или через 20 лет добровольно, назначается полная пенсия по вышеуказанному расчёту того года, когда они оставляют службу.

§ 13. Размер пенсии миссионерам определяется Советом Братства, с утверждения Архипастыря, сообразно служебному их положению.

§ 14. В случае болезни миссионера, лишаящей его навсегда возможности снискивать себе пропитание каким бы ни было трудом, ему назначается полная пенсия по указанному расчёту в § 12.

В случае же смерти миссионера или священника, произошедшей от несчастного случая во время миссионерской поездки или от болезни, полученной ими при исполнении миссионерских обязанностей, их семьям или ближайшим родным даётся единовременное пособие, по усмотрению Совета Братства, из процентов неприкосновенного капитала или из сумм, отчисляемых на вознаграждение пастырей за их миссионерские труды.

§ 15. Поступающие и расходуемые суммы фонда вносятся в особые приходо-расходные книги, которыми заведует казначей Свято-Андреевского Братства. Сведения же о приходах и расходах сумм миссионерского фонда ежегодно печатаются в общем отчёте Свято-Андреевского Братства.

§ 16. Изложенные правила расходования сумм миссионерского фонда, если это будет признано необходимым, могут быть изменены или дополнены Советом Братства и съездом миссионеров, с разрешения Архипастыря.

Каждый, конечно, поймёт, что учреждённый в Херсонской епархии миссионерский фонд не может материально обеспечить ныне трудящихся в ней миссионеров, но этот фонд в отдалённом будущем, без сомнения, может оказать большую пользу деятелям миссии; в этом должна состоять главная цель фонда. Впрочем, проектированные «пятилетки» для миссионеров и единовременные пособия трудящимся в деле миссии пастырям всё-таки послужат для тех и других материальной поддержкой и некоторым нравственным для них поощрением к труду; почему нельзя не выразить желания, чтобы пример забот Херсонского епархиального начальства о деятелях местной миссии нашёл достойное себе подражание и в других епархиях, где существует организованная миссия.

Все, отмеченные нами, постановления миссионерских собраний трёх епархий касаются самых жизненных, назревших давно, вопросов, и разрешение их не может пройти без пользы

для миссии. Остаётся только пожелать, чтобы и само духовенство постаралось о проведении, о воплощении их в жизни, в деятельности своей, ибо благи не столько творцы закона, сколько делатели.

Э. О.

В-в А. Московский раскол. // Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 546–551

Раскольничий «Синод»: Его заседания. – Кандидаты в архиереи и попы. – Столкновения с полицией. – Судьба Апухтинского подворья.

Среди последних выдающихся явлений в жизни Московских старообрядцев – следует отметить образование особого учреждения, на подобие нашего «Святейшего Синода», который, как известно, старообрядцы считают учреждением не соответствующим канонам церковным. Каким же образом сами они образуют у себя подобный орган, существование которого в Церкви Православной они подвергают порицаниям и осуждениям?

Ответить на этот вопрос, можно с уверенностью сказать, не сумели бы, пожалуй, и сами старообрядцы, так-как учреждение такого органа совершилось само собой, совсем незаметно и даже, если хотите, против их воли, явившись непрямым следствием фиктивного уничтожения так называемого «Московского Духовного Совета», обладавшего функциями высшего духовного правительственного учреждения у старообрядцев, и замены «Совета» идеей постоянных поместных сборов раскольничьих архиереев в Москве. В самом деле, можно ли назвать «поместным сбором епископов» то коллегиальное учреждение, с характером постоянного совещательного органа, при старообрядческом епископе, которого он является председателем и заседания которого происходят непрерывно в течение нескольких, месяцев в составе двух раскольничьих архиереев, вызываемых по назначению Иоанна Картушина по очереди в Москву, нескольких раскольничьих попов – бывших членов «Духовного Совета», диакона Алексея Богатенкова, в качестве секретаря, а иногда и мирян, наиболее влиятельных среди старообрядческого купечества?

Неясное и безотчётное сознание сходства такого учреждения с «Синодом Церкви православной», впрочем,

проглядывает иногда и у самих московских старообрядцев, которые, правда, быть может и в шутку, величают одного из купцов наиболее часто заседающего на «архиерейских собраниях – И. И. Шibaева, – «обер-прокурором», а между тем заправи́лы старообрядчества стараются убаюкать себя иллюзией, что «Духовный Совет» у них заменён теперь «поместными соборами епископов», как то и подобает Церкви древле-православной.

За последнее время в качестве постоянных «присутствующих» при раскольниковем архиепископе в Москве перебивали по очереди в первопрестольной столице, оставаясь постоянно по двое, на месяц и более, раскольникови архиереи: Арсений – Уральский, Анастасий – Измаильский, Иона – Смоленский, Антоний –Тобольский, Сильвестр – Балтский и Иринарх – Ярославский. Заседания «раскольниковего Синода» до последнего времени в большинстве случаев происходили в доме «Обер-Прокурора» И. И. Шibaева, на Золоторожской улице. Чтобы познакомить читателей с характером дел, обсуждающихся на подобных заседаниях, остановимся на одном из таких собраний, происходившем в конце сентября.

В назначенный день и час к дому И. И. Шibaева начали прибывать самые разнообразные экипажи, начиная с скромной извозничьей пролётки, в которой подъезжали приглашённые на заседание раскольникови попы – настоятели Московских моленных, до дорогих запряжек влиятельных купцов старообрядцев и парных экипажей раскольникових «владык». Последних сюда прибыло трое: сам «первенствующий» Иоанн Картушин, сибиряк Антоний из Тобольска и не так давно поставленный Иона Смоленский. Для заседания в одной из комнат дома Ивана Ивановича был приготовлен большой покрытый сукном стол, обставленный кругом креслами для «заседающих». На столе предупредительно красовался председательский звонок, лежали листы бумаги, карандаши, перья, и поставлены были чернильницы. Словом, всё – честь честью. Заседание открыл Иоанн Картушин, объявивший, что в виду *необходимости* увеличения раскольникових архиерейских кафедр – нужно наметить достойных занять архиерейские места

кандидатов – что и было предложено сделать тут же в собрании. Однако, при наличии полуграмотного и не особенно-таки высокой нравственности раскольниковьего духовенства – выбрать кандидатов на столь высокую должность оказалось совсем не легко, и только лишь Антоний Тобольский указал на два–три лица подходящих, а все остальные из называвшихся здесь представителей раскольниковьего духовенства были забракованы большинством голосов.

Да не только в архиереи, и на поповские-то места кандидатов оказалось подыскать весьма и весьма затруднительно. Иона Смоленский заявил на собрании, что он во всей «обширной (?)» епархии не может ни одного подходящего кандидата, в попы подыскать.

– «Нашёл было я кандидата к себе в попы – здесь у вас в Москве, да он ко мне ещё не хочет идти, в Москву бы ещё, говорит, туда-сюда пошёл бы, а к тебе не пойду».

– «Кто же это такой»? – спросил Иону председатель собрания.

– «Дворником он здесь при Шibaевской моленной проживает».

– «Да достаточно ли ты его испытал: грамотен ли он я вообще способен ли занять место иерея»?

– «Как же! я у него в дворницкой был и читать при себе заставлял. Оно правда, читает он не очень бегло, но вообще малый неглупый, и я охотно его взял бы к себе в попы».

Такому желанию однако воспротивилось всё собрание, находя, что и так-то на необразование и безграмотность раскольниковьих попов отовсюду слышны нарекания, а если начать ставить в попы «дворников», тогда ведь засмеют совсем... Иона старался оправдывать своего намеченного кандидата, утверждая, «что при Иоанне Новгородском и того хуже было», но не смотря на все его доводы и красноречие – собрание кандидатуру Шibaевского дворника отклонило.

Большие разговоры вызвало также предложение Картушина, в целях сближения с неокружниками, заменить совершение всенощного бдения под большие праздники – служением утрени, по крайней мере, в зимнее время. Собрание

соглашалось, что такой порядок может понравиться неокружникам, но нашло служение утрени неудобным как для прихожан, так и для попов. И доходу меньше будет и вставать рано придётся. Один в поле не воин, и проект Картушина последовала та же участь, что и кандидатуру Шibaевского дворника, т. е он был отклонён.

Потолковав ещё кое-о-чём и подкрепив силы свои трапезой, предложенной гостеприимным домохозяином, члены «раскольничьего синода» мирно разъехались по домам, совсем не подозревая, что их собрание будет иметь неприятности для любезного домохозяина.

А неприятности эти не замедлили воспоследовать. Не прошло двух–трёх дней, как к И. И. Шibaеву пришло распоряжение от полиции уволить домового дворника за то, что тот не сообщил полиции о состоявшемся заседании у его хозяина. Напрасно Иван Иванович, дороживший службой «верного» человека, доказывал, что и в собрании-то его ничего противозаконного не было, «так, мол, чайку попить собрались», да, наконец, следить за тем, чтобы не было собраний, лежит, по его мнению, на обязанности скорее «постового городского», чем дворника; – как бы то ни было, а доброму хозяину всё же посоветовали отставить «верного дворника» от должности.

Случай этот чрезвычайно всполошил «дворников» старообрядческих домов, и дело дошло до того, что некоторые из них, боясь потерять место, начали сообщать в участок каждый раз, как к их хозяевам соберутся гости, и на-днях уже имел место такой курьёз, что мирную беседу о житейских делах за чашкой чая нескольких попов внезапно нарушило появление двух околоточных надзирателей, предположивших, на основании сообщения дворника, что в квартире его хозяина происходит «противозаконное заседание собора раскольничьих архиереев».

Всё это заставило и самих устроителей заседаний быть осторожнее, вследствие чего последующие «синодские заседания» происходили уже не на квартире у «обер-прокурора», а в разных местах. Из числа этих заседаний остановимся на одном из них, как наиболее интересном,

происходившем на-днях за Москвой рекой, на Лужнецкой улице, в доме Ф.М. Мусорина. Главным образом, трактовали здесь по поводу пресловутой Апухтинки, бывшей резиденции раскольников архиепископа в Москве, ныне упразднённой. Вопрос об упразднении этой моленной подымался уже не раз, но не решался окончательно ни в ту, ни в другую сторону, и Апухтинка продолжала влачить своё существование. Раскольников архиепископ наотрез отказался отпускать какую бы то ни было сумму на содержание Апухтинки и её моленной, отказались расходовать на этот предмет и бывшие апухтинские попечители – И.И. Новиков и В.А. Шibaев. Но в виду того, что «владыка» Картушин и на заседании, о котором у нас идёт речь, выразил желание оказать поддержку пепелищу своего предшественника, так сказать, натурой, т. е. совершением служб здесь по праздникам – нашёлся и старообрядец со средствами, который выразил желание потрудиться в качестве попечителя Апухтинского подворья и, уже конечно, затрачивать и некоторую сумму из своих личных средств на расходы, неизбежно сопряжённые с должностью попечителя. Таким благодетелем оказался торговец мануфактурными товарами Н. Д. Шелапутин, которого собрание и утвердило «Апухтинским попечителем». Вторая половина собрания была посвящена рассмотрению жалоб раскольников попов на уменьшение доходности их приходов и толкам о разных неурядицах и ссорах среди представителей раскольников духовенства в Москве. По поводу этих вопросов никаких постановлений сделано не было, и они были приняты лишь «к сведению».

Жалобы на уменьшение доходности раскольников приходов очень характерны.

– «Просто жить нечем становится, – говорил один из попов, – прихожане всякое уважение к нам потеряли. Вот взять бы Шibaевых: уж ведь известные богачи, а когда умерла Е. В. Шibaева, ведь они мне всего 50 рублей за 10 обедов заплатили! Стыдно им так платить, когда у меня за заупокойную обедню по простой экономке близ Курского вокзала и то по красненькой платят!»

– «Эх ты, батя, это ещё говори: – слава Богу, – заметил другой раскольник попу, – а мне вот за вынос, за заупокойную обедню, да за отпевание всего пять целковых заплатили!..»

Третий поп жаловался, что ему в подмосковную деревню Хорловку, для исповеди какого-то старообрядца, «пришлось *всего за три рубля* проехаться!»

Как видят читатели, гонорар получаемый раскольничьими попами, далеко не так плох и заставляет невольно задать вопрос: каковы же вообще доходы раскольничьих попов в приходах, которые ими самими считаются богатыми? В одном из ближайших наших очерков мы постараемся всесторонне выяснить этот вопрос, на основании документальных данных.

А. В-ов

Библиография

**Павлович М. [Рец. на:] Подновский Ф. Обломки
суеверия. Рассказ из быта поволжских
раскольников. Н.-Новгород. 1899 г. 78 стр. //
Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 551–552**

Брошюрка передаёт события, действительно бывшие на нижегородской ярмарке и в беглопоповщинских скитах. Она описывает волнения по поводу появления на небе кометы и по поводу оскудения «благодати бегствующего иерейства». Комета созвала целый съезд расколоучителей, Одним из коих и была истолкована как звезда, предрекающая рождение антихриста. Оскудение же «благодати», объясняемое как признак кончины мира, для отдаления которого потребно обзавестись «хотя бы и не очень важным попиком», побудило «отца и благодетеля» поволжской беглопоповщины, знаменитого купца, пустить все средства в ход, чтобы раздобыться «благодатью священства». Интересны признания этого нового, доселе здравствующего, «отличного покровителя беглопоповщины...», в церкви – патриарха, а в мире – владыки мира...», почему он не может перейти хотя бы в австрийскую веру: «Разве возможно покинуть мне веру? Теперь, в нашем обществе, я – первый человек. Без моего позволения, кажись, никто из наших христиан одной шашки на лестовке не переложить! А перейди я в австрийскую веру, – у вас не то будет»... Верно в брошюре указана словами раскольника и сущность их верований: «Если оправдать никонианскую щепоть тогда что будет? Тогда у всех старообрядцев всё благочестие рухнет, якоже не бысть».

Брошюрка написана в разговорной форме, языком правильным, литературным; читается она легко и с интересом. Много сообщается подробностей о нижегородском расколе. Поэтому для чтения – её вполне можно рекомендовать, особенно жителям Поволжья.

М. Павлович

Чельцов М. [Рец. на:] Филиппов, Третий. Три замечательные старообрядца. СПб. 1899 г. 36 стр. Ц. 50 коп. // Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 552–555

Имя Т. Ив. Филиппова пользуется среди старообрядцев громкой и почти всеобщей известностью, как имя заступника и радетеля о их нуждах. Поэтому ко всякому его слову о них они внимательно прислушиваются, каждой мысли его придают всевозможнейшие толкования. Доказательством этому служит между прочим и последняя его брошюра, нами вышевыписанная. Какой-нибудь месяц тому назад она появилась на книжном рынке, а старообрядцы, по крайней мере – петербургские, с ней уже познакомились, её внимательно прочитывают и из неё цитируют потребное им. В виду этого нельзя не уделить ей внимания на страницах и нашего журнала.

Заглавие брошюры неопределённо и мало отвечает содержанию. Хотя и можно догадываться, кого из нескольких выведенных старообрядцев Т. И. Филиппов понимает под «замечательными», но это величание далеко не ко всем к ним может относиться в равной степени, и далеко не общепринято для всех них, а потому – и спорно, по крайней мере, в приложении к одному из них. Под тремя «замечательными» старообрядцами автор понимает, как надо полагать, Пафнутия, бывшего раскольников Колмоменского епископа, а потом единоверческого инока и снова раскольников архиерея (автор говорит о нём, как единоверце), Павла Прусского перед его присоединением к Прав. Церкви и в первые годы по присоединении и И. Е. Ксеноса. Если последние два, действительно, замечательные старообрядцы, то первый, кажется, только – в глазах автора. Одинаково с ним «замечательным» можно назвать и слепца Шатина, о котором также говорит автор.

При этом, кроме двух кратких упоминаний о Пафнутии автор ничего не говорит о нём. Вывести же именно трёх «замечательных» старообрядцев автору понадобилось, как ясно

из всей его брошюры, для того, чтобы большинством голосов «замечательных» старообрядцев утвердить, закрепить справедливость взгляда своего на клятву собора 1667 г. и уверить в ней ещё не доверяющих одному автору. С этой-то именно целью и написана вся эта брошюра, темой которой собственно служит указание отношений «замечательных» старообрядцев ко мнению Т. Ив. Филиппова о клятвах собора 1667 г.

В первой меньшей части (14 стр.) своей брошюры автор вспоминает о том, как отнеслись разные старообрядцы к толкованию в 70-х годах Т. И. Филипповым смысла и значения клятв соборных; во второй – он приводит приятные ему письма Ксеноса (два) и Павла Прусского (одно) и записку последнего о клятвах же. Интересно знать, почему же автор не обнародовал одного неприятного ему письма Павла, печатая одни лишь приятные для него?! А это было бы желательно для полноты дела.

Как же эти три «замечательные» старообрядца отнеслись к чтениям Т. И. Филиппова о нуждах единоверия? Пафнутий по поводу чтений «недоумевал» почему-то и «заподозрил» даже автора их в какой-то неискренности. Всё это в брошюре представлено очень неопределённо и неясно для читателя. Ясно одно, что автору потребовалось личное свидание с Пафнутием, чтобы «присоединить» этого к своим взглядам. – Ксенос отнёсся весьма радостно и восторженно к чтениям и писал их лектору самые благодарные и искренние письма. – А как отнёсся Павел Прусский, об этом у автора очень странно передаётся. Автор хочет уверить, что *«решимость вступить в церковную ограду (у Павла) состоялась ещё в ту пору, когда на значение клятв он имел совершенно одинаковый взгляд»* с ним (курсив автора). Павел же в своей отповеди отрицал это, говоря, что если бы он так думал о клятвах, то не присоединился бы к церкви. Кто же прав? Т. И. Филиппов свою уверенность обосновывает на одной фразе из письма к нему Павла: «Ваши слова и доныне лежат посреди моего сердца» и толкует её в смысле благодарности себе от Павла за беседу о клятвах собора и согласия их в этом пункте. На самом же деле,

как показывает ход их бесед и само письмо Павла с вышеприведённой фразой, было не так. В первый раз автор с о. Павлом виделся в 1866 г. у Пафнутия в келье; здесь беседовали по поводу обращения к церкви видных белокриницких деятелей. О клятвах, как видно, и речи не было. Вторично виделись и беседовали они в Петербурге, где о. Павел «с ясностью и убедительностью раскрыл перед Т. Ив. свой взгляд на смысл клятв 1667 г.». Опять не видим, чтоб Т. Ив. излагал свой взгляд, а о. Павел с ним соглашался. Спустя самое непродолжительное время, о. Павел пишет письмо, где и приводит лестную для Т. Ив. фразу. Итак, из бесед не видно, чтобы Павел имел одинаковые мысли с Т. Ив. о смысле клятв 1667 г. Но допустим, что во время второй беседы Т. Ив. и раскрывал свой взгляд на клятвы; не видно, чтоб Павел с ним был согласен. Фраза, на которой Т. Ив. обосновывает свою мысль о согласии с ним Павла, написана была в письме с благодарностью за первую, а не за вторую беседу. В письме же к тому ясно показано, к чему она и относится. «Ваши слова, пишет о. Павел, сказанные мне, что Бог ради церкви оставил небо, так сильно подействовали на меня, что я *их даже и теперь памятую и они у меня лежат посреде сердца*» (курсив автора). Ясно, что о. Павел памятовал и что лежало посреди его сердца. Напрасно поэтому автор наш «не мало испытал удивления», когда о. Павел в 1870 г. выступил с обличением его по поводу его взгляда на клятвы 1667 г.: о. Павел никогда не разделял его взгляда по этому вопросу, а в представлении дела иначе Т. Ив. ошибся. Произошло же это от того, вероятно, от чего у него явилась уверенность, что «на петербургских прениях (по поводу чтений автора в 1872–1874 г. о нуждах единоверия) перевес оказывался на его стороне» Даже и многие из старообрядцев не говорят этого. Нечего уж говорить про других читателей!

Интересна и причина, выставленная у нашего автора в объяснение того, почему его соперники – о. Иосиф Васильев, И.Ф. Нильский, Чельцов и Чистович, хотя и «представляли каждый сам по себе, а тем больше в совокупности, очень внушительную силу», во «победить» Т. Ив. не могли: «они

родились в Прав. Церкви и вопросы старообрядства «изучали книжно». Но ведь, кажется, и Т. Ив. родился также в Прав. Церкви и также не менее книжно изучал вопросы старообрядства? Почему же у него другой взгляд? Значит дело не в этом. – Никак не можем переварить и другой фразы: «много приведены были (в пользу своего взгляда на клятвы собора) такие свидетельства, которые добросовестные исследователи дела опровергать не будут»... Значит, вышеперечисленные учёные – не «добросовестные исследователи», ибо они осмеливались опровергать Т. Ив.?!? И неужели эти слова сказаны им серьёзно и не в минуту раздражения?!? Отказываемся верить!..

Какое-то смутно-неопределённое, но тяжёлое чувство испытывалось нами по прочтении первой части брошюры автора. Нам казалось, что автор употребляет зачем-то, ради чего-то, все условия, чтобы провести свой взгляд на клятвы собора 1667 г. в сознание массы старообрядцев, подкрепив истинность этого своего взгляда ссылками на трёх замечательных старообрядцев. Не ясен и повод, побудивший автора, именно теперь обнародовать эти свои воспоминания?!!

Лучшую часть брошюры представляет «записка о. Павла Прусского: несколько слов по вопросу о клятвах собора 1667 г.: подлежат ли они упразднению, или только разъяснению?». О. Павел в ней положительно и основательно раскрывает свой взгляд на клятвы собора.

М. Чельцов

Виноградов Аркадий. [Рец. на:] Священник П. Тихвинский. Разговор православного с штундистом об истинной вере. На основании Священного Писания. Издание 2. Симферополь. 1899 г. 115 стр. // Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 555–556

Таврический епархиальный миссионер о. Павел Тихвинский выпустил вторым изданием свой труд «Разговор православного с штундистом». Книжка эта написана в форме диалога между православным и штундистом, и представляет собой выяснение и раскрытие с православной точки зрения христианского учения, преимущественно в тех пунктах, которые подвергаются перетолкованиям и искажениям со стороны последователей сект штундистов. Содержание книжки довольно обширное. Представив во вступлении «общий вид веры штундовой», автор последовательно трактует: о необходимости священного Предания, священства и семи церковных таинств, о Богопочтении, о св. кресте, о храме Божиим, об иконах, о Богослужении, о молитвах за умерших, – к святым и к ангелам, о святых мощах, о приношениях в храме, об обрядах и обычаях, о посте и присяге, о вере, надежде и любви, о войне, о законе, о повиновении начальству, об учительстве, о церкви Христовой и наконец, – об антихристе. Как можно видеть из приведённого указания предметов «Беседы» и порядка их расположения, – строгой системы в рассматриваемой книжке нет; но на это едва ли можно ссылаться, как на недостаток описываемого труда. Автор, имея в виду мудрования штундистов, задался целью написать не систему православного вероучения, а пастырское назидание колеблющимся в православии, – чтобы, одних охранить от модного в народе лжеучения, а других – уклоняющихся возвратить, в ограду церкви. Соответственно этой цели, он разбивает имеющийся у него материал на отдельные частные пункты и свободно располагает их, заботясь лишь о содействии легчайшему усвоению простецами церковного учения, чему весьма много содействует удачно избранная о. Тихвинским собеседовательная форма изложения

того или другого вопроса. Форма эта позволяет автору вместе с тем с большим удобством и наглядностью сравнительно доказать несравнимые преимущества православного учения над штундистским. Правда, выведенный в разговоре «штундист» не развивает подробно своего учения и мало указывает оснований его, но зато, вложенными в уста его автором книжки вопросами он даёт возможность «православному» раскрывать церковное учение по данному вопросу так, чтобы при этом опровергались и возражения сектантов, направляемые против того или другого вопроса.

Православное вероучение автор выясняет обстоятельно, давая вполне обстоятельные ссылки на Священное Писание Ветхого и Нового Заветов. Свод библейских мест сделан автором тщательно и всем им – в потребных случаях – даётся соответствующее объяснение.

Значение рассматриваемой книжки для миссионерской библиотека можно выразить так: для пастырей-миссионеров она даёт сгруппированный материал по отдельным частным вопросам, на которых приходится останавливаться в миссионерской практике, а для мирян – будет служить назидательным чтением, предостерегающим от увлечения их учением штундистов и излагающим – на основании Св. Писания – православное учение, содержащее церковью. К числу недостатков труда почтенного о. миссионера можно разве отнести несколько книжную речь собеседника, а иногда и искусственное построение возражений, делаемых от лица штундиста. В общем повторяем книга сколько дельная, столько и полезная и для пастырей, и для мирян и желательно чтобы она была не только в миссионерских, но и в церковных библиотеках приходов, заражённых сектантством.

Аркадий Виноградов

Известия и заметки

Новая секта. // Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 556–557

В Кронштадте явилась новая секта, которую некто характерно отметил именем «*ивановцев*», по имени о. Иоанна (Кронштадтского), который оказался ни в чём неповинным предметом нечестивого обожания, обоготворения со стороны некоторых сбившихся с здравого смысла людей. Лично нам известен лишь один из них, именем Максим, который при нас высказывал убеждение («веру») в том, что о. Иоанн есть сам Господь Иисус, которому надлежало прийти вторично «*во славе*».

Под этой «славой» он понимает ту известность и прославление которыми справедливо пользуется за своё смирение и труды о. Иоанн.

В беседе нашей с Максимом мы неоднократно поставили в тупик Максима, напоминая ему о явлениях, коими должно *предваряться* второе пришествие. Ведь солнце ещё не померкло, луна даёт свой свет, небесные звёзды тихо и прекрасно мерцают на тверди. А ведь Евангелие ясно предувещивает о ниспадении звёзд, о помрачении солнца и потемнении луны, свет которой заимствуется от самосветящегося солнца. При том и ещё антихрист не явился, ибо ещё не воспрещается крестным знамением осеняться, да и пророков небожителей Ильи и Еноха не являлось. Максим говорит, что антихрист уже явился: это Лев Толстой, «кто кроме Господа осмелится в наше время назвать Толстого – антихристом, а вот о. Иоанн называл его с амвона» – так утверждает Максим. Но как облыжно это утверждение видно из того что на недавнем юбилее своём о. Иоанн смиренно провозгласил, что славу воздаёт он Благодати Святого Духа, совершившего в немощах его многие силы и дела. О. Иоанн мог называть Л.Н. Толстого «антихристом» лишь в том смысле, в каком и все лжеучители и нераскаянные грешники именуются «антихристами», то есть врагами Христа, врагами креста. Мы указывали Максиму, что и отец, и мать его всем известны, а

Христос от Девы родился бессеменно и безгрешно. Не отец ли Иоанн ежедневно возглашает: «слава Тебе, Христе, упование наше!» Значит у о. Иоанна упование его Христос особое лицо, притом Второе Лицо Святой Троицы. Молиться за о. Иоанна надо, а не богохульничать, объявляя его Богом и Господом. Никакого Бога, кроме Единого нет, а именно Святой Единосущной Троицы: Отца Безначального, Сына Божия, прежде век рожденного от Отца, и Святого утешителя Духа.

**Письмо в редакцию. // Миссионерское обозрение.
1899. № 2. С. 557**

«От скудости посылаю пять рублей на дело даровой высылки журнала «Миссионерского Обозрения» таким, которые не имеют средств выписывать. Св. Писание уверяет, что «слово паче даяния».

Православные люди должны всячески содействовать распространению единственного в России миссионерского журнала, отстаивающего истину от лжеучений, нередко губящих бесчисленные души».

– В старообрядческих общинах в Петербурге вновь возбуждён вопрос об узаконения браков между старообрядцами гражданским порядком, причём вырабатывается особое ходатайство по этому предмету.

[Декабрь]

**Тронин. Взгляд раскольников и сектантов на
Православную Церковь и задачи миссионера. //
Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 559–565**

(Вступительная речь, связанная перед беседой со старообрядцами г. Сарапула, бывшей в зале Духовного Училища 7 декабря 1897 г.).

О России, русском народе, русской Церкви, русском православии существуют разнообразные до противоположности взгляды. Миссионеру, как деятелю церковному, надлежит иметь дело прежде всего со взглядами на русскую Церковь, на русское православие. Разобраться в этих взглядах, определить, верны или не верны они, указать, что такое наша русская Церковь, наше русское православие – необходимо как в отношении к православным, так и в отношении к неправославным. Неправославные, неправо думающие о нашей Церкви, будут вынуждены или, по меньшей мере, хотя несколько расположены смотреть на неё другими глазами. Православные же будут знать, что такое они. Задача противораскольнической и противосектантской миссии состоит в том, чтобы уяснить русскому православному человеку его церковное самосознание. Каждый русский православный человек может, так или иначе, понимать и сознавать себя, как члена Церкви, и саму свою родную Церковь. Вопросы – необходимые и неизбежные для всякого христианина – о том, что такое он, как член Церкви, и что такое исповедуемая им Церковь, и решения этих вопросов – и составляют содержание того служения, которое называется *миссионерским*. Вопросы о Церкви и принадлежности к ней суть вопросы самые близкие нам, самые интересные для нас: они касаются нашего спасения и здесь на земле, и там – на небе. Если нам известно и мы убеждены, что наша Церковь истинная, сама истина, то нам остаётся только уверенно и спокойно следовать за Церковью и сообразовать свою жизнь с её заветами и, таким образом, достигать совершенства своей личности. Если же мы в своей Церкви сомневаемся, то нам поневоле придётся «хромать на оба

колена». Итак, не иметь дела с вопросами о своём православии, о своей Церкви, русский православный человек не может, и в особенности в тех краях и местах необъятной Руси, где с одной стороны он слышит о своей Церкви, своём православии одно от раскольника, с другой стороны – другое от сектанта, волей-неволей приходится всякому верному сыну своей Церкви-Матери останавливать глубочайшее внимание на вопросах о православии и Церкви: когда один говорит православному о Церкви одно, другой – другое, необходимо твёрдо знать и ясно уразумевать, да что же такое на самом-то деле Церковь сама в себе.

Есть у нас в России целое направление, которое желало бы перестроить Русь святую, Церковь православную на западноевропейский лад. Одни из приверженцев этого направления восхищаются протестантством и недовольны православием нашей Церкви. Другие симпатизируют католичеству и жалеют, что она – не латинская, не папская.

Раскольники же, да и сектанты, держатся о русской Церкви взгляда, как раз противного изложенному. Они полагают, что русская Церковь лишилась своей особенности, увлеклась Западом, «испроказилась латинской прелестью», олатынилась и, таким образом, перестала быть истинно – православной Церковью.

Кого же обвиняют раскольники, да и сектанты, «в олатынении» русской Церкви? Патриарха Никона – Никона, который был таким противником Запада, что для уничтожения западного влияния на Руси не останавливался даже перед тем, чтобы не только отбирать иконы западного письма у всех, не исключая и самых знатных государственных сановников, но и приказывать своим служителям выкалывать глаза на отобранных иконах и в таком виде носить их по городу и объявлять царский указ, угрожавший строгим наказанием тем, кто впредь осмелится писать подобные иконы. Этого мало: Никон в неделю православия вместе с антиохийским патриархом Макарием даже предал анафеме всех, кто впредь будет писать или держать у себя в доме «фряжские иконы», причём брал одну за другой подносимые «ему новые иконы и,

показывая каждую народу, бросал на пол с такой силой, что иконы разбивались, и, наконец, велел их сжечь (М. Макарий. История рус. Церкви, т. XII. 1883. стр. 169–172). Не тех, кто был изображён на иконах, повергал Никон наземь и старался вывести из употребления, и не сами иконы, как иконы, а то, как были они написаны, каким духом проникнуты, какой отпечаток на себе имели, – кратко – *искусство западное, влияние западное*. Не понявшие Никона обвинили его в еретичестве, кощунстве, безбожии!

Через заражение латинством, по мнению раскольников, русская Церковь приняла антихриста и сделалась антихристовой.

Писатель книги о вере говорит: «Святой Иоанн Евангелист в Апокалипсисе, в главе 20, пишет о связании сатаны на тысячу лет, и потом о развязании. Возвращается диавол на первое возлюбленное своё место, идеже аще из неба хотел, и от того времени поветрием тяжким поражен бысть запад. По тысящном лете, егда 595 доходяше лето, явственное бысть отступление и прельщение нарицающихся юнитов, от святыя восточныя церкви к западному костелу. А по исполнении лет числа, тысящи шестисот шестидесяти шести, не непотребно и нам от сих вин опасение имети, да не некое бы что зло пострадати, по преждереченных, исполнения писания свидетельств; яко настоеит день Христов, яко же рече апостол, и несть ли быти готовым подобает, аще кто достигнет тех времен на брань с самим диаволом» (Кн. о вере, ст. 271). Так рассуждает писатель книги о вере, которого в наше время называли бы публицистом и притом славянофильского направления, т. е. сторонником и выразителем того взгляда, что Россия не одно и то же с Западом, а что она есть нечто отдельное от него, не похожее на него, своеобразное и самобытное. Писатель книги о вере находился, как и его современники, под действием общего, массового ожидания антихриста. На Запад смотрел, как на ставший уже антихристовым. Основание для такого взгляда имел в том, что Запад отпал от восточной Церкви, – отпадение это он понимал в смысле того отступления, о котором говорил Апостол Павел в известном месте послания к солунянам об

антихристе. Итак, отступление, по воззрению писателя, пришло. Отступление это потом распространилось на принявших унию. После унии отступление угрожало и России, русской Церкви. Вот писатель, человек вдумчивый, следивший за ходом исторических событий и видевший, как, близко через унию западное отступление подошло к русской Церкви, и остерегает русских православных, христиан, чтобы они отнеслись к себе и происходившим подле них явлениям внимательнее и определили, не нужно ли им готовиться к борьбе с антихристом и в состоянии ли они вступить в неё. Приведя слов Иоанна Богослова: «Дети, последняя година есть, и яко же слышасте, яко антихрист грядет, и ныне антихристи мнози», писатель восклицает: «О правде! Яко много предотечев, но и сам уже близ есть по числу, еже о нем, 666. Число бо человеческо есть антихристово. Кто весть, аще в сих летех, 1666-х, явственных предотечев его, или того самого не укажет» (Кн. о вере, ст. 270).

Вот классическое место, какое приводится раскольниками для доказательства того, что с 1666 г. в нашей Церкви воцарился антихрист. И не видят раскольники, что писатель считает восточную Церковь и притом современную ему, т. е., 17 века, когда жил и патриарх Никон, православной, и что под признаком пришествия антихриста или его предтеч понимает отступление именно от восточной и притом, повторяю, современной ему Церкви, и положительно и решительно заявляют, что, именно она, современная ему восточная Церковь – остаётся и останется навсегда, стало быть, и в недалёком для писателя будущем времени патриарха Никона православной, Христовой, неодоленной. Опускают из внимания раскольники также и то, что в 1666 г. русская Церковь не отступила от восточной Церкви, а поступила как раз напротив – подтвердила и скрепила союз с ней, а отступили от восточной Церкви именно раскольники и были отлучены от неё.

Что русская Церковь со времени патриарха Никона – антихристова, этого взгляда держатся не только раскольники, но и сектанты, напр. немоляки¹⁸⁵, бегуны, скопцы и др. Кажется, чего бы общего могло быть у раскольников и сектантов, а между тем во взгляде на нашу Церковь те и другие сходятся. Те и

другие считают антихристовым признаком то, что может подлежать восприятию внешних чувств – внешность. По взгляду раскольников, хотя в русской Церкви есть то, что составляет принадлежность Христовой Церкви – и священства и таинства, и учение, – но всё это одна только видимость, содержащееся в этой видимости – антихристово, именно то, что скрывается за этой видимостью, проникает её, составляет её содержание и находится к ней в том же отношении, в каком ядро в скорлупе, и душа к телу. Вследствие этого, по мнению раскольников, русская Церковь «несть церковь, тайны божественные не тайны, крещение не крещение, архиереи не архиереи, – писания лестна, учение несправедливое и вся скверна и не благочестна». В объяснение же того, почему русская Церковь, по существу своему признаваемая раскольниками антихристовой, имеет вид Церкви Христовой, раскольники представляют то, что «по всякому уму убо подобитися мыслит льстец, т. е. антихрист, Сыну Божию» (Слова бл. Ипполита). Что раскольники считают обманчивой видимостью, это ваши сектанты принимают не за нечто лицемерное, неискреннее, а за нечто положительное, так – сказать, за настоящую, неподдельную монету, и за эту самую видимость и обвиняют русскую Церковь в том, что она антихристова. Раскольник мыслит так: конечно, внешность Церкви русской хороша, но внешность эта только вид имеет церковный, а на самом деле она служит покровом для антихриста, который со времени патриарха Никона поселился в русской Церкви и заразил её всю своим духом. Сектант же думает таким образом: внешность, уже как внешность, должна быть отвергаема, в Церкви истинной, Христовой, её не должно быть: Богу нужно поклоняться духом; истинная, Христова церковь невидима. Внешность составляет принадлежность только Церкви ложной, антихристовой; в русской Церкви есть внешность, стало быть, русская Церковь – антихристова.

Вот каковы судьи нашей Церкви: один (сектант) винит её за то, за что другой (раскольник) оправдал бы её, если бы только то, что, по мнению первого, представляет вину, было не обманчиво; а между тем, и тот и другой в своём ослеплении

считают русскую Церковь виноватой в одном и том же, что она якобы антихристова.

Поводом, причиной, исходной точкой для обвинения Церкви у раскольника и сектанта служит одно и то же; но понимание повода, причины, исходной точки – различное, а результат один и тот же – обвинение, и в одном и том же, отчуждение от истины, ненависть к родному православию.

Взгляд на русскую Церковь, как на антихристову, повлиял и на сам уклад жизни раскольников и сектантов и на отношение их к православным. Кто не знает о замкнутости раскольников и сектантов, их безгливости в отношении к православным, ненависти, презрению, недоброжелательстве и пр.? Уклад жизни раскольников и сектантов и отношение их к православным построены так, что в них нечего искать любви к православным и желания войти с ними в общение, как с братьями во Христе. Уклад жизни раскольников и сектантов и отношение их к православным проникнуты стремлением отстоять себя в своей отдельности и исключительности именно против православных, а также, если можно, подчинить их себе, привить им свои взгляды и отвлечь, от Церкви, а если нельзя, то, по крайней мере, ослабить православных: «они же антихристовы, чего на них смотреть-то!» Так-то думают раскольники и сектанты служить Богу; имея ревность по Боге, но не по разуму и не разумея, в чем правда Божия, они силятся выстоять на своём – на том, что они правы, а Церковь не права, и поэтому, начиная со времён патриарха Никона, доселе не хотят признать того, что Церковь права, а они заблуждаются; и противятся Церкви и борются против неё из всех сил. Необходимо доказать раскольникам и сектантам, что они напрасно стараются тщетно теряют свои духовные силы и дорогое для спасения время, – уяснить, что они настроены относительно господствующей Церкви несправедливо и лживо, ибо православная Церковь вовсе не антихристова, а истинная, Христова, – «столп и утверждение истины», – показать отщепенцам, что держатся они несоответствующих действительности понятий о Церкви, что сами дали не надлежащую постановку своей жизни, положив в основу её то, что нужно поистине назвать

недоразумением, что хотя и причиняют они вред Церкви, но теряют больше сами: уничтожить Церковь им не удастся, «ибо трудно противу рожна-прати», а между тем, находясь в разобщении с ней и боясь и не желая обратиться к ней, они сами себя лишают необходимых благодатных и просветительных средств для своего духовного развития и основанного на нём спасения. – Задачи миссионера – всё это немолчно раскрывать заблудшим братьям в своих беседах с ними, – всемерно стремиться к тому, чтобы выводить раскольников и сектантов на путь примирения с православными, – чтобы ближе и ближе подводить раскольников и сектантов к несравненной сокровищнице величайших благ духовного опыта – Церкви и её сил, дать возможность привиться к Церкви, приобщиться к её благодатной жизни и совершенствам, и начать обновлённую истинную, святую жизнь, поддерживаемую и напаяемую благодатными соками Христова тела, каким является Церковь.. О если бы нам – миссионерствующим хотя немного удалось послужить великому, бесконечно-великому делу просветления религиозного сознания слепотствующей, вот уже целые века, в своём суемудрии массы отщепенцев, дорогих, родных нам братьев по крови и плоти – раскольников и сектантов, и выведения заблудших на истинный путь веры и спасения – на путь единения враждующих с нашей святой единственно истинной Матерью Церковью, дабы вся Русь, матушка наша родная, святая, могла единем усты и едином сердцем славить и воспевать Бога Отца и Сына и Святого Духа, Троицу единосущную и нераздельную.

Миссионер *Тронин*

Покровский Вл. Методы апологетических исследований. (Продолжение) // Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 566–576

(антропологический, философский, историко-философский).¹⁸⁶

Кроме философско-исторического есть ещё метод – в собственном смысле исторический, или, точнее, историко-сравнительный, который из самого факта исторического происхождения христианства, из сравнения его начал с основными принципами религий не христианских старается показать безусловное превосходство христианской религии перед всеми прочими религиями, абсолютную необходимость её для человечества и её божественный характер. В своём «рассуждении против Иудеев и язычников о том, что Иисус Христос есть истинный Бог», Иоанн Златоуст сначала заявляет, что он прежде всего обратится к язычникам. Сказавши, затем, что главным предметом его рассуждения будет Божество Христа, св. отец задаётся вопросом, как лучше доказать эту истину язычникам? «Если язычник спросит: откуда видно, что Христос есть Бог, то я для доказательства не укажу на небо или на что-либо другое подобное. Если я скажу ему, что Он сотворил небо и землю, и море, – он не примет этого. Если скажу, что Он воскрешал мёртвых, исцелял слепых, изгонял демонов, и этого он не примет. Чем же буду убеждать его, особенно если он простолюдин? Чем иным, как не тем, что одинаково и беспрекословно признаётся и мной и им, и в чём он не может сомневаться... Что же это такое, что и язычник признает делом Христа и чему он никогда не станет противоречить? То, что Христос насадил христианство»... И далее Златоуст доказывает, что чрезвычайно быстрое распространение христианства, совершённое без всяких насильственных мер несколькими простыми рыбаками, ясно говорит о том, что оно было делом рук не человеческих, а Божиих¹⁸⁷. А у Василия Великого читаем: «Какой способа мышления может быть справедливее того, чтобы, сличая его

(противника) слова с учениями, преданными нам от Духа, то, что найдётся с ними согласным, принимать, а что противно, тому не верить и бежать от него¹⁸⁸. Этот метод весьма распространён в святоотеческой литературе: он очень часто встречается у Евсевия Памфила, Лактация, Бл. Августина и мн. др. Раскрывая, например, учение о бессмертии души и загробной жизни, Лактанций приводит мнение по этому вопросу различных корифеев языческой мудрости, сравнивает их взгляд с учением Св. Писания и приходит к такому заключению: «как пророки, гадатели, поэты и философы единогласно утверждают воскресение мёртвых: то никто да не спрашивает нас, каким образом оно произойдёт. Нельзя постигнуть причину творений Божиих, надобно верить, что когда он сумел сотворить человека, то сумеет и восстановить его»¹⁸⁹.

Так-как в историко-сравнительном методе приходится проводить параллель между основными началами христианства и главными принципами религий не христианских, между христианской мудростью и мировоззрениями тех или других антирелигиозных и антихристианских мыслителей, то само собой понятно, что в упомянутый метод должен войти, как его составная, существенно-нужная часть, – экзегетический элемент, состоящий в правильном, точном изъяснении тех мест слова Божия, которые бывают нужны для подтверждения истины или для опровержения заблуждения¹⁹⁰. «Но, поскольку, говорит св. Афанасий, в защиту свою они (противники) выставляют божественные словеса и усиливаются толковать их по собственному своему разумению, то необходимо в такой мере отвечать им, чтобы защитить места Писания и показать, что в них заключается правый смысл»¹⁹¹. Доказательства из Св. Писания могут быть прямые и не прямые: к первому роду относятся те места Св. Писания, которые прямо указывают на ту или другую истину и которые нужно только раскрыть – объяснить, ко второму – те, из которых доказательную силу, для подтверждения или опровержения того или другого положения, можно получить лишь посредством правильного умозаключения» Поясним это на примере.

Вооружаясь против Ария, св. Афанасий находит прямое доказательство защищаемой истины (о Божестве Сына Божия и о Его единосущии с Богом Отцом), например, в следующих словах Спасителя: «Аз во Отце и Отец во Мне» (Ев. Ин.14:10). По началам арианским (приступает св. отец к уяснению истинного смысла приведённого изречения), эти слова не могут относиться к Иисусу Христу и Небесному Отцу Его в строгом и буквальном смысле, как требует того решительный и прямой тон речи. Ибо «как может вмещаться» Сын во Отце, и Отец в Сыне? Или, вообще, как может вмещаться Отец, Который больше, – вмещаться в Сыне, Который меньше»? Между тем, по учению православному, изречение Спасителя удерживает весь глубокий, хотя и непостижимый для ума нашего, смысл свой: «Отец полон и совершен и Сын есть полнота Божества». Напрасно враги приводят место из книги Деяний Апостольских: «О Нем бо живем, движемся и есмы» (Деян.17:18), и утверждают, будто Отец так же находится в Сыне Своём, как и во-всех живых существах, особенно в разумных, – напрасно ото говорят, потому что «Сын есть, как из источника, из Отца льющаяся жизнь, которой всё животворится и существует. А жизнь живёт не другой жизнью, иначе не была бы она и жизнь». Несправедливо и такое толкование слов Господа (принадлежащее софисту Астерию), будто в них выражается то же, что и в следующих: «Аз от Себе не глаголах, но, якоже рече Мне Отец, тако глаголю» (Ев. Ин.12:50), «и якоже заповеда Мне Отец, тако творю» (Ин.14:31), т. е. согласие учения и действий Спасителя с заповедью Бога Отца. Ибо в таком случае, чем Сын Божий будет отличаться от Давида, Соломона, Моисея, всех пророков и Апостолов, которые также говорили не своё учение и творили чудеса не своей силой, но Божией (Пс.34:9; 4Цар. 5), и мог ли Он тогда сказать о Себе: «Аз во Отце и Отец во Мне». Но Господь выразился так, а не иначе, что по мере сил своих разумеем в таком смысле: «всецелое бытие Сына собственно принадлежит Отчей Сущности; Сын от Отца, как сияние от света, поток от источника. Посему, кто видит Сына, тот видит и представляет, собственно, принадлежащее Отцу»¹⁹²... Итак, анализированное нами доказательство св. Афанасия состоит в

том, что Святитель приводит изречение Св. Писания и разъясняет, что его должно понимать не в том или другом каком-нибудь смысле, а только именно так, как оно понимается в православном учении.

Гораздо сложнее не прямое доказательство Св. Писания, которое, например, св. Афанасий приводит в подтверждение той же истины и которое он основывает на следующем тексте: «Иже есть образ Бога невидимого» (Кол.1:15; ср. Ер.1:3; Флп.2:6). Сначала св. Отец устанавливает ближайший смысл этого изречения посредством аналогии, взятой из отношения между портретом и его оригиналом, между изображением и самым предметом изображаемым. «Сие ближе иной может усмотреть в подобии царского изображения, потому что в изображении есть вид и образ царя, а в царе есть вид представленного в изображении; представленное в изображении подобие царя не отлично от него; почему, кто смотрит на изображение, тот видит в нём царя и наоборот, кто смотрит на царя, тот узнаёт, что он представлен в изображении. А по сему, безразличию подобия желающему после изображения видеть царя изображение может сказать: я и царь одно и то же; я в нём и он во мне; что видишь во мне, то усмотришь в нём; и что видел в нём, то усмотришь во мне... Так, поскольку Сын есть образ Отца, то необходимо представлять себе, что Божество Отца и свойственное Ему есть бытие Сына и Сын есть всецелый Бог»... Затем, перечисляя различные имена, свойства и действия Бога Отца (Он вечен, бессмертен, всемогущ, свет, Царь, Владыка, Бог, Господь, Творец, Промыслитель и т. д.), апологет на основании общего положения, установленного посредством упомянутой аналогии, делает такое заключение: «Сие должно быть и в образе, чтобы видеваемый Сына, действительно видел Отца. Ибо, какое сходство между тем, что из ничего, и между Творцом, из ничего приводящим это в бытие? Или, какое возможно подобие у Существа с несущим, имеющим уже тот недостаток, что некогда оно не имело бытия и помещено в число вещей сотворённых¹⁹³». Приведённое доказательство представляет собой ни что иное, как правильное умозаключение: в нём на

основании, взятом из Св. Писания, путём аналогии установлено общее положение, из которого, потом, выводятся, как следствия из своего основания, частные суждения.

Кроме указанных нами методов для защиты христианской истины в слове Божиим и святоотеческих творениях употребляется ещё метод, известный в новейшей апологетике под именем супранатуралистического. Сущность его состоит в том, что он доказывает истинность христианской религии из её сверхъестественного, божественного происхождения. Св. Писание очень часто указывает на божественное происхождение христианства, как на самое главное основное доказательство его истинности. Сам Спаситель истину Своего учения основывал, прежде всего, на Своем божественном достоинстве и посланничестве, на авторитете Своего Лица, как Единородного Сына Божия. Так, находясь у сокровищницы храма, Иисус Христос стал говорить народу о Себе, как истинном свете жизни: «Я свет миру, кто последует за Мной, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни»... (Ев. Ин.8:12). Здесь, как везде и всегда, выступили против него фарисеи, говоря: «Ты сам о Себе свидетельствуешь, свидетельство Твоё не истинно» (Ин.8:13). Чтобы убедить одних и поразить других, Спасителю нужно было указать, вне всякого сомнения, на какое-нибудь особенно важное, неоспоримое доказательство истинности Своих слов. И Господь прямо и решительно говорит: «Вы судите по плоти, Я не сужу никого. А если и сужу Я, то суд Мой истинен, потому что Я не один, но Я и Отец, пославший Меня. А в законе вашем написано, что двух человек свидетельство истинно (Втор.19:15). Я сам свидетельствую о Себе, и свидетельствует о Мне Отец, пославший Меня» (Втор.19:15–18; ср. 7:16–18,28–29,8:25–30 и др.). Апостолы, больше всего и прежде всего, каждому и всякому старались доказать, «что Бог соделал Господом и Христом Сего Иисуса, Которого вы (иудеи) распяли» (Деян.2:36), и потом уже раскрывали ту или другую истину. Что касается, наконец, святоотеческих творений, то в них также главным основным доказательством истинности христианства считалось его божественное, сверхъестественное

происхождение. Об этом со всей рельефностью говорит уже тот факт, что всё, более подходящее к истине, все лучшие религиозные понятия греков и других народов древности, апологеты первых веков христианства, начиная с Иустина мученика, ничем иным не объясняли и не могли объяснить, как заимствованием этих элементов из сокровищницы ветхозаветного богооткровенного учения¹⁹⁴.

На чём же утверждается, чем доказывается незыблемость того основного положения – о божественном достоинстве христианства, – на котором (положении) зиждется весь *modus demonstrandi* супранатуралистического метода? Главными доказательствами истинности упомянутого основного положения признаются в супранатуралистическом методе ветхозаветные пророчества, с точностью исполнившиеся на Лице Спасителя, и чудеса Иисуса Христа. Сам Спаситель смотрел на ветхозаветные пророчества, как на весьма важные доказательства Своего божественного происхождения и мессианского достоинства. Когда Клеопа и Лука, на дороге из Иерусалима в Эммаус, беседовали о недавних страданиях Своего Учителя и, не будучи в состоянии примирить их со своими понятиями о Христе, как Избавителе мира, впали в глубокое сомнение, то явившийся им Господь сказал: «о несмысленные и медлительные сердцем, чтобы веровать всему, что предсказывали пророки! Не так ли надлежало пострадать Христу и войти в славу Свою? И, начав от Моисея, из всех пророков изъяснял им сказанное о Нём во всём Писании» (Лк.24:25–27). Не менее, чем ветхозаветные пророчества, признавал Спаситель и Свои чудеса неоспоримыми свидетельствами Своего божественного достоинства и истинности Своего учения. Когда в праздник обновления иудеи окружили Господа во храме и с решительной настойчивостью спрашивали у Него, Он ли обещанный Мессия – Христос, то Иисус отвечал им: «Я сказал вам и не верите: дела, которые творю Я во имя Отца Моего, они свидетельствуют о Мне... Если Я не творю дел Отца Моего, не верьте Мне, а если творю, то, когда не верите Мне, верьте делам Моим, чтобы узнать и поверить, что Отец во Мне и Я в Нём» (Ев. Ин.10:25,37–38; ср.

9:30–33 и др.). Для апостолов ветхозаветные пророчества о Христе, Его знамения и чудеса служили, без всякого сомнения, непрекращаемым подтверждением божественного достоинства Спасителя. Вот слова, которые наполняли всецело душу первых провозвестников Евангелия, и которыми они начинали свою проповедь: «Мужи Израильские! Выслушайте слова сии: Иисуса Назарея, Мужа засвидетельствованного вам от Бога силами, чудесами и знамениями, которые Бог сотворил через Него среди вас, как и сами знаете, Сего, по определённому совету и предведению Божию преданного, вы взяли и, пригвоздивши руками беззаконных, убили; но Бог воскресил Его» и (Деян.2:22–24; ср. 3:12–26 и др.). «Для апостолов, справедливо говорит Лехлер, воскресение их Господа служило основным камнем их веры и Его *δυνάμεις καὶ τέρατα καὶ σημεῖα* божественным доказательством Иисуса, как Мессии¹⁹⁵.

Что касается святоотеческих творений, то в них пророчества и чудеса тоже считаются основными, главными свидетельствами божественного достоинства и истинности Христа и христианства. Это, со всей очевидностью, показывает тот факт, что, даже защищая христианскую истину перед язычниками, апологеты не забывали указывать на исполнение во Христе всех ветхозаветных, мессианских пророчеств и на различные чудеса.

Мы описали методы апологетического исследования, на которые нашли основания в Св. Писании и святоотеческих творениях. Все, упомянутые нами, методы представляются по нашему описанию в таком виде: каждый из них – из всех, имеющихся в слове Божию и творениях святых отцов и учителей Церкви, оснований избирает одно какое-нибудь основание, как свой краеугольный камень, на котором и утверждает, обосновывает истинность христианства, взятого в целом или только в некоторых основных Пунктах, оставляя в стороне все другие основания, как ненужные, не идущие к делу. Отсюда, quasi само собой, является такое, по-видимому, совершенно справедливое, заключение: каждый метод есть нечто вполне целое, безусловно самостоятельное и совершенно достаточное для полного раскрытия и всестороннего

обоснования истины, так что приступающий к апологетическим занятиям может остановиться на каком-нибудь одном методе и им исключительно руководиться в своей деятельности, не рискуя нисколько впасть в односторонность или ложность в исследовании своего предмета и, вообще, нанести какой-либо ущерб своему делу. Но такое заключение можно сделать только по первому впечатлению, по первому спешному выводу, потому что в сущности своей дело обстоит совсем иначе. Те основания, которые находит каждый метод в Св. Писании и святоотеческих творениях, существуют там не изолированными одно от другого, но органически связанными между собой, взаимно утверждающими и пополняющими себя, как отдельные звенья, или моменты одного общего, раскрывающегося в них, основания за истину христианства. Что служит, например, основанием в слове Божию и святоотеческих творениях для метода супранатуралистического, то внутренне, тесно соединено в них с тем, что также оправдывает и метод философско-исторический; или – составляющее краеугольный камень метода антропологического связано неразрывно с тем, что составляет основу в методе историческом и т. д. А если так, если все основания упомянутых вами методов так тесно связаны между собой, то, конечно, ясно, что и все указанные методы не могут представлять из себя нечто целое и совершенно самостоятельное, а суть только части того единого целого, – которое всех их объединяет, органически связывая их между собой.

Отсюда же со всей необходимостью выходит и другое заключение, что каждый апологет обязан пользоваться в своей деятельности одинаково всеми методами, а не должен придавать большего значения одному какому-нибудь методу и, тем более, не пользоваться им исключительно, если не хочет принести прямой вред своему делу. Да это и понятно. Как часть единого целого, каждый метод раскрывает, обосновывает ту или другую истину с какой-нибудь одной стороны: в то время, как, например, философский метод относится к известной истине с точки зрения логической, с точки зрения необходимости её по формально-логическим законам человеческого мышления,

антропологический – смотрит на ту же истину с точки зрения отношения её в внутренней жизни человека, с точки зрения удовлетворяемости, соответствия её глубочайшим потребностям человеческого духа и т. д. Отсюда, если первый метод более действует на ум слушающих, второй – более убедителен для их сердца и т. п. Теперь, как же апологет может ограничиться одним методом, положим, первым или, всё равно, вторым, когда он должен, как мы сказали немного выше, говорить для всех и каждого не только «внятно», но и «приятно» и даже «убедительно»¹⁹⁶, когда, вообще, он обязан раскрыть свой предмет так, чтобы «извлечь истину из того мрака, которым заблуждение доселе её покрывало, и представить её во всём том сиянии, которое ей, естественно, принадлежит»¹⁹⁷? Вот почему в святоотеческих Трдах мы не встречаем исключительного господства или ошутительного преобладания какого-нибудь одного метода, но везде замечаем совсем обратное явление: один метод быстро сменяется другим, другой тотчас же сменяется третьим и т. д. Так, например, в известном апологетическом труде Св. Афанасия: «Слово о воплощении Бога Слова» сначала идёт метод чисто философский, когда доказывается, что воплощение Бога для спасения падшего человечества было возможно, необходимо и вполне достойно Божества¹⁹⁸, потом его сменяет метод супранатуралистический, который раскрывает, обосновывает истину Божества Сына Божия и Его мессианского достоинства¹⁹⁹, затем, мы видим уже метод антропологический, посредством которого утверждается истинность христианства и его сверхъестественное происхождение²⁰⁰, и т. д.

Теперь понятно, как глубоко грешат и какой большой ущерб приносят своему делу те из современных христианских апологетов, которые всецело доверяют только одному какому-нибудь методу и им исключительно пользуются в своей деятельности, считая все другие методы или излишними ненужными, или даже односторонними и прямо ложными. Только при слепой привязанности апологетов к одному какому-нибудь методу и возможно то печальное, и по самому существу своему и по своим последствиям, – явление, которое часто

наблюдается в современном апологетическом мире: вместо того, чтобы всеми силами и средствами бороться против врагов Христа и христианства, защитники Христовой истины истощают свои силы в горячей борьбе между собой, защищая тот или другой метод, как единственно истинный, единственно верный путь, ведущий апологета к выполнению его задачи. Какой назидательный урок дают на этот случай – слово Божие и святоотеческие творения!..

Вл. Покровский

**С. Е. Н. К вопросу о более желательной и
целесообразной постановке церковно-приходской и
школьной миссии среди населения инородческого
среднего Поволжья. (Продолжение)//
Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 576–588**

²⁰¹ 3. Если желательно в инородческих приходах иметь священников с полным богословским образованием, как и в приходах с русским населением, то тем более необходимо устройство церковно-приходской жизни инородцев на началах строгой законности: распределение инородческого населения по приходам, выбор и назначение к ним священнослужителей, открытие новых приходов и построение церквей, открытие церковно-приходских попечительств и школ, новых штатов в прежних приходах, назначение причтам казённого жалованья и т. п. — всё это должно принадлежать исключительно Епархиальному начальству и *стороннее вмешательство* в делах этого рода, как осуждаемое и древними канонами, и позднейшими определениями Высшей церковной Власти, *не должно быть допускаемо*. Епархиальный Преосвященный, во время своих, часто практикуемых, архипастырских поездок по епархии, имеет полную возможность узнать религиозно-нравственные нужды своей инородческой паствы, её духовные запросы, имеет возможность и прийти к ней вовремя на помощь через подведомственные ему учреждения и своих сотрудников по пастырству. В помощь Епархиальным Начальствам в деле утверждения христианства среди инородцев поволжских средних губерний и устройства их церковно-приходской жизни представляет весьма благопотребным учредить в каждой епархии *специальную противо-мусульманскую миссию* с назначением в миссионеры лиц с надлежащей миссионерской подготовкой, напр., из слушателей миссионерских курсов в г. Казани, непременно знающего местные инородческие языки. Имея постоянный стан в губернском городе или, по усмотрению Преосвященных, в другом месте, более нуждающемся в миссионере, миссионер стал бы разъезжать по епархии,

проникая в её отдалённые уголки, на месте изучал бы духовные нужды инородцев, замечал – нормальны или не нормальны условия их приходской жизни, есть ли храм, достаточен ли для населения, нет ли нужды в открытии нового прихода или нового штата в старом, где нужно открыть школу и какую именно, а в существующих школах направлял бы обучение и воспитание к вящему успеху приходской инородческой миссии. Обо всём этом и подобном миссионеры давали бы подробные доклады Преосвященным и местным Комитетам Православного Миссионерского Общества на обсуждение членов оногo, составляли бы свои заключения и представляли бы, если потребует дело, проекты для улучшения инородческого дела. Думается, что через это оживилась бы деятельность и самого миссионерского Комитета и перестала бы ограничиваться, как это в большинстве случаев бывает, только молчаливым выслушиванием традиционных отчётов и собиранием денег.

Миссионерам вменялось бы, далее, в обязанность зорко следить за духовной жизнью инородцев и внимательно прислушиваться к их нуждам. Они могли бы вести религиозно-нравственные беседы с ними, и публичные и домашние. Ближайшей задачей их Церковно-просветительной миссии было бы – христиан из инородцев утверждать в вере и благочестии, склонных к отпадению всячески удерживать на истинном пути, отпадших же и язычников стараться просветить светом Евангелия и к ним прилагать особенные заботы и труды. Таким образом, деятельность миссионера была бы чисто пастырского характера и являлась бы прекрасным пополнением деятельности священников в инородческих приходах, подобно тому как в приходах с раскольническим населением противораскольнический миссионер бывает хорошим сотрудником и руководителем для местных причтов. В настоящее время в деятельности священников инородческих приходов мало миссионерского характера, но от миссионеров последние получили бы толчок, пример и побуждение, так-как миссионер следил бы и руководил деятельностью священников по просвещению инородцев, следил бы за тем, на сколько тот или иной священник отвечает нуждам прихода, и обо всём этом

надлежащим порядком доводил бы до сведения Епархиального Начальства. Миссионер являлся бы в епархии органом местного епископа специально по делу инородческому. По уполномочию епископа он имел бы весьма близкое отношение и постоянный надзор за преподаванием в инородческих народных школах Закона Божия, особенно в школах, по самому своему названию тождественных с задачами его деятельности: так называемых *миссионерских*. Эти школы находятся в заведывании Министерства Народного Просвещения, но само название и назначение сих школ обязывает Епархиальные Начальства следить за их состоянием и плодами деятельности. Епархиальный миссионер, как представитель епископа, имеет свободный доступ в них, изучает их положение, особенно обращает своё внимание на преподавание Закона Божия, на дух воспитания и обучения в сих школах, дабы они являлись для инородцев, по смыслу их учреждения, проводниками веры, светочами православия, и то, что вынесет миссионер из своих наблюдений над школами, свои заключения и соображения, вносит на рассмотрение местного Комитета Православного Миссионерского Общества в собрании его членов, подобно тому как епархиальный наблюдатель церковно-приходских школ делает это по отношению к Епархиальному Училищному Совету. Через это труд миссионера, разумеется, значительно усложнится; но, чтобы заведывание миссионерскими школами не шло в ущерб остальному делу миссии, можно назначить главному миссионеру помощника из более деятельных, по его указанию, приходских священников, без особого постоянного вознаграждения или с небольшим вознаграждением из сумм, находящихся в распоряжении местного миссионерского Комитета.

Вопрос возникает о средствах на содержание миссионеров. Но вопрос этот в виду важности дела, по-нашему, не должен представлять непреодолимого затруднения: средства можно на месте изыскать, не утруждая даже ни Св. Синод, ни Православное Миссионерское Общество ассигнованиями новой суммы на инородческое дело; – по крайней мере, по Симбирской епархии. В настоящее время здесь Миссионерское

Общество отпускает на женское при Симбирской чувашской учительской школе училище ежегодно 2700 руб. на содержание училища и 600 руб. законоучителю. Как видно из отчётов училища, сумма эта не издерживается полностью, а значительная часть её откладывается в неприкосновенный капитал училища. Если из 3300 руб., ежегодно отпускаемых Обществом Миссионерским на содержание женского при чувашской учительской школе училища, отделить 1200 руб., а если возможно и 1500 руб., то, полагаем, училище от этого не пострадает ни в чём, кроме того, что не будет расти у него запасный капитал, а для миссионера такая сумма является на первое время достаточным окладом ежегодного жалованья и на путевые издержки. – Кроме того, должность миссионеров возможно соединить с должностью уездного наблюдателя, и тогда на вознаграждение миссионера потребуется ещё меньшая сумма.

4. С вопросом о миссии и миссионере для утверждения среди инородцев православия соприкасается вопрос о переводе на инородческий язык книг Священного Писания и богослужебных, как источника христианского веро- и нраво-учения. Этот вопрос, по нашему разумению, имеет великую важность, ибо далеко не всё равно для чистоты православия – кто занимается этими переводами и на сколько внимательно. Чтобы переводить на чувашский, напр., язык Библию., нужно знать не только чувашский язык и славянский научным образом, но и греческий и еврейский, и сверх того ещё быть солидно богословски-образованным, знать православно-христианскую догматику и уметь весьма точно обозначать богословские понятия соответствующими словами. Известно из истории, с какой великой осторожностью, с каким опасением и страхом брались за священные переводы люди, которым выпало на долю подобное святое дело. И это вполне понятно: погрешность в переводе священных книг является погрешностью против веры, ошибкой, быть-может, весьма вредной, ибо, войдя в народное сознание, ставши достоянием всех, она станет источником неправомыслия, а при исправлении приведёт умы в смущение и негодование, печальный пример

чего мы видим в наших раскольниках старообрядцах, до сих пор отказывающихся понять – как это в церковных книгах могут быть ошибки. Мы не знаем, как инородческая масса, напр. чуваша, относится к исправлениям священных и богослужебных книг, но нам кажется крайне ненормальным то явление, если всякое новое издание Евангелия на чувашском языке будет являться с исправленным, изменённым текстом. Указывая на это, мы отнюдь не намерены изгонять из употребления – домашнего и богослужебного – книг на инородческом языке; и раньше говорили и теперь повторяем своё убеждение, что проповедь Евангелия и богослужение с требами там, где вовсе не понимают славянского языка, должны быть совершаемы на природном языке инородческих жителей. Мы настаиваем только на одном – на необходимости более благоговейного отношения к переводам слова Божия и богослужебных книг на инородческие языки, на необходимости учредить более строгую цензуру над этими переводами. Дело перевода Библии и богослужебного чина на инородческий язык нельзя никоим образом отдавать в руки, частным лицам, тем более светским, богословски необразованным. Если во всяком деле, имеющем общественную важность, коллективная работа предпочитается единоличной, более склонной к произволу и ошибкам, то тем более в таком деле, как перевод священных книг на новый язык, необходимо участие возможно большего числа лиц, разумеется, подготовленных к тому, способных и компетентных.

В епархии найдётся не мало русских священников, хорошо знающих инородческий язык и богословски образованных. Из них и из инородческих иереев, при участии сведущих в языке и Св. Писании лиц светских, можно было бы составить предварительную переводческую комиссию, которая бы работала над переводами, просматривала их, сверяла и исправляла. Думается, что только такая смешанная комиссия способна отнестись беспристрастно и спокойно к своему священному делу, соблюсти со всем тщанием правильность и точность священного текста, избежать тех отступлений и описательных выражений, которые теперь по необходимости допускаются в переводах при сильном стремлении

переводчиков- инородцев к пуризму языка – желанию всё передать на простом, грубом народном языке. Окончательная же редакция священного текста переводов должна принадлежать особой переводческой комиссии, существующей теперь в Казани при Академии, или вновь составленной при просветительном Братстве Св. Гурия. Того, что переведено в настоящее время на языки инородческого населения Среднего Поволжья из Ветхого и Нового Заветов и книг богослужебных, – имеем в виду главным образом чувашский язык, – нам представляется вполне достаточным для христианского просвещения инородцев. Более видится нужды в переводах другого рода: святоотеческих творений, хотя избранных отрывков из них, особенно из творений русских святителей – Тихона Задонского, Димитрия Ростовского, Феофана и др., проповедей и сборников поучений на разные случаи для чтения священниками в церквях, церковно-исторических рассказов и нравственно-назидательных статей – житий св. угодников и т. п. Эти переводы возможно, конечно, поручать и частным лицам, и строгой цензуры они не требуют.

5. История распространения среди народов христианской веры и насаждения Церкви Божией на земле указывает ещё на одно могущественное средство утверждения православия среди инородцев – на монастырь. Было бы весьма желательно основать в Поволжье хотя бы один инородческий монастырь: он был бы центром религиозной жизни инородцев, служил бы сознательному усвоению ими православной веры, укреплял в них дух чистой церковности и тем самым спасал бы от колебания в вере, от нравственной раздвоенности. Св. обители издревле служили рассадниками веры Христовой, практическими школами смирения, набожности, подвига и молитвы – жизни христианской. Такую же миссию они стали бы выполнять и по отношению к инородцам и, несомненно, больше бы послужили делу православия среди них, чем многочисленные школы светской грамотности, только косвенно служащие христианскому воспитанию инородцев. Высокое, нравственно-обновляющее и созидющее значение монастыря давно уже и ясно чувствуется и самими инородцами, которые не

раз обращались, напр. к Симбирскому епископу, с просьбой – разрешить им открыть у себя пока общину на началах строго монастырской жизни, с намерением после обратить её в монастырь. Отсутствие нужного количества земли, храма и материальных средств препятствуют пока осуществлению здесь столь доброго начинания. Симбирское Епархиальное Начальство, глубоко одушевлённое заботами о наилучшей постановке инородческого миссионерства, понимает важное миссионерское и религиозно-просветительное значение монастыря для инородцев и не оставляет надежды и желания устроить для них обитель. Это было бы крупным шагом вперёд в деле утверждения православного христианства среди младенчаствующих в вере инородцев, началом нового периода их духовного просвещения.

III.

Переходим к другой стороне инородческого дела, в области школьно-учебной. К сожалению, эта область далеко не чужда духа партийности и вредного соперничества между ведомствами министерским и духовным. Церковно-приходским школам, – по проискам людей, от которых более всего, казалось бы, наши церковные инородческие школы должны были ожидать сочувствия и содействия, вследствие влияния их на крестьян непосредственно или через каких-нибудь старост, старшин, земских начальников, – либо вовсе не суждено бывает открываться в местности, где Епархиальное Начальство полагало бы полезным открыть, либо приходится замирать, как бы естественным путём, от навеянного несочувствия прихожан.

Епархиальные Начальства и учреждения никогда не вступали в борьбу и соперничество с ведомством Министерства Народного Просвещения, охотно и свободно представляя министерским школам действовать на ряду с церковно-приходскими. Такого отношения они желали бы и к своим школам со стороны чинов министерства, хорошо зная, что церковно-приходская школа вернее отвечает духовно-нравственным потребностям народа, и что народ, без постороннего влияния, всегда относится с великим доверием и преданностью к этим школам. Бояться школ духовного ведомства нечего: церковные школы ничего нового не вносят в инородческую среду, сравнительно с министерскими, кроме большего духа веры и церковности. Учителям дана строго определённая программа и преподавание ведётся, по системе Ильминского, на инородческих языках с постепенной заменой их русским. Система эта должна быть принята или в настоящем её виде или с теми изменениями, какие найдёт нужным произвести в ней Высшее духовное начальство применительно к местным условиям и нуждам епархии.

Чтобы школы прямым путём утверждали православие среди инородцев, а не через посредство только грамоты, которой, как всякому известно, люди пользуются различно,

чтобы они воспитывали подрастающее поколение в твёрдых христианских убеждениях и устраняли в народе саму возможность религиозных колебаний и отпадений, их следует сблизить с выше-проектируемой православной противомусульманской миссией. Теперь в инородческих приходах поволжских епархий имеется несколько школ, так называемых, миссионерских, содержимых на средства Православного Миссионерского Общества и обязанных служить целям его.

Непонятно – зачем эти школы, имеющие чисто церковную задачу, находятся в заведывании Министерства Народного Просвещения и подчинены лицам светским, которые назначают в эти школы учителей по своему выбору и заправляют ходом всего учебно-воспитательного дела здесь. Чтобы миссионерские школы были действительно миссионерскими, оправдывали своё название и отвечали прямому своему назначению, их следует совершенно изъять из ведения Министерства Народного Просвещения и передать в непосредственное заведывание власти, церковной, как это и признало полезным и первое чрезвычайное училищное при Св. Синоде собрание. Пусть местный миссионерский комитет имеет к сим школам начальственное отношение – требует о состоянии в них учебного и воспитательного дела ежегодные отчёты, высказывает свои соображения об их улучшении и т. п., но высшее управление ими должно принадлежать Епископу и находящимся в его ведении епархиальным учреждениям и лицам – епархиальному миссионеру, епархиальному наблюдателю церковно-приходских школ и Епархиальному Училищному Совету.

Ещё больше оснований и надобности изъять из заведывания М. Н. Просв. женское при Симбирской чувашской учительской школе училище для передачи его в ведомство духовное. Училище это, почти исключительно, содержится на средства Миссионерского Общества, считается миссионерским и никоим образом не может составлять недоступной собственности Министерства, которое, затрачивая очень незначительную сумму, и то всего несколько лет тому назад,

бесконтрольно им распоряжается, ревниво закрывая в него ближайший доступ Епархиальному Начальству²⁰².

Реформированное женское при Симбирской чувашской учительской школе училище перестанет оставаться тем *межеумком*, каким оно было до сих пор, как управляемое чинами Министерства, а принадлежащее, по своему содержанию и назначению, ведомству духовному, перестанет стоять вопросом между этими ведомствами и тем весьма много терять в плодах своей деятельности. Переданное на ответственность духовенства, оно являлась бы в руках Епархиального Начальства хорошим миссионерским средством проводить христианские начала во внутреннюю жизнь чувашских семей и перерождать эту жизнь из грубой – полужыческой в благообразную христианскую.

IV.

Мы пришли к тому, с чего начали: к признанию необходимости точно *разграничить область христианского воспитания и гражданского образования инородцев, разграничить круг прав и обязанностей светских вельмож и Епархиального Начальства с духовенством в деле просвещения инородцев и устройства их церковно-приходской жизни.* Первые, как чины Министерства Народного Просвещения, пусть занимаются образованием инородцев – какое найдут пригодным и своевременным – начальным, средним, высшим, пусть берут на себя дело обрусения их; но дело церкви и церковной власти – заботиться об утверждении православия среди инородцев, устраивать их приходскую жизнь – заводить, где нужно, церковные школы, находить для христиан инородцев священников, знающих их язык и могущих быть там полезными, изыскивать средства к обращению мусульман и язычников, охранять склонных к отпадению, открывать новые приходы, или новые штаты в старых. Допускать вмешиваться светским людям в область церковного учительства или сферу епархиального управления – значит, тем самым, вносить разлад в обще-епархиальную жизнь. Предоставьте церкви и Епархиальной власти то, что всегда и везде ей принадлежало, дело евангельской миссии среди инородцев и устройства их церковно-приходской жизни, определивши, если то нужно, деятельность епархиальных учреждений и духовенства среди инородцев точными правилами и инструкциями Св. Синода, тогда, смеем надеяться, инородческое дело встанет на надлежащий путь и, так называемый, *инородческий вопрос получит своё естественное разрешение.* Несправедливо бояться застоя в деле просвещения инородцев духовенством: местный Епископ и подчинённые ему учреждения, не связанные и не стеснённые никакими сторонними силами, чувствуя на себе великую нравственную ответственность за духовное благо инородческих племён, с большой любовью и заботливостью отнесутся к ним,

найдут нужных для дела людей и, несомненно, проявят свою энергию там, где она теперь парализуется или остаётся почти бесплодной.

Итак, инородческий вопрос решается очень просто, потому что он, как нам думается, и на самом деле не так мудрён, как может быть представляем людьми, лично в нём заинтересованными.

В состав Русской Империи входит масса инородческих племён – на севере и юге, на востоке и западе, но когда произносится выражение «инородческое дело», «инородческий вопрос», то нужно разуместь тут дело, касающееся не лопарей и зырян, не карелов и мордвы, не киргизов и калмыков, не грузин и не кавказцев – инородцев великих по численности и дорогих как церкви, так и государству, а только, почему-то, инородцев среднего Поволжья и из них не всех, а только избранных – чуваш и татар. Это явление объясняется, нам кажется, тем, что среди поименованных инородческих племён и великого множества им подобных некому поднимать и поддерживать, так – называемые, инородческие вопросы, не в том смысле, что не нашлось там человека, готового и способного стать выразителем нужд и защитником интересов своих сородичей, а в том, что эти нужды и интересы – весь строй их жизни – не разделялись резкой гранью от общерусской жизни, в том, что эти инородческие племена не имели потребности ставить о себе вопросы. Отсюда нам представляется вполне возможным прийти к заключению, что инородческий вопрос о чувашах и татарах Казанского края, делающий столько шуму и хлопот, вызван был к существованию хотя самой жизнью, но в настоящее время поддерживается уже более искусственно, и потому ему, как более теоретическому и искусственному, в настоящее время, кажется, уже нет оснований придавать особую важность. В русском государстве, среди давних подданных единого русского царя, в области одной православной церкви – инородческий вопрос звучит диссонансом: все должны быть как бы одного рода – родные, близкие между собой, хотя бы и говорили на равных языках, все должны жить одной дружественною семьёй, хотя бы были

различных верований, различного духовного роста. По нашему пониманию, нельзя назвать истинным благодетелем инородческого племени того человека, который бы намеренно обособлял своё племя от главной народности в государстве: для племени, утратившего навсегда возможность самостоятельного политического существования и, что всего главнее, с ложной верой, отсутствием науки и плодов просвещения, – единственное счастье – это свободно, открытым сердцем, воспринять истинную веру главной народности, унаследовать её духовные богатства, скорее и теснее войти в состав её семьи. Русские не ищут обрусения инородцев, зная, что от этого ничего лишнего они не получают; ничьей народности они не насиловали: не отнимали ни веры, ни языка у племён, вошедших в состав их государства, а, стараясь объединиться с инородцами для их же блага, стараясь передать им свет христианства и плоды европейской образованности (культуры), сами изучали их веру, язык, нравы жизни. Н.И. Ильминский, отдавший свои силы и способности инородцам, был не татарин, не чуваш, а русский – православный. Эти соображения и факты, освобождая нас от упреков в тенденциозности, подсказывают ясно, на каких началах целесообразнее устраивать жизнь инородцев, и что нужно для окончательного, бесспорного решения, так – называемого, инородческого вопроса... Нужно перестать считать инородцев за государство в государстве, за церковь в церкви, и заботиться только об их истинном благе, а не преследовать иных целей.

С. Е. Н.

Попов К., свящ. Как совершается богослужение у старообрядцев австрийской секты? //
Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 588–596

Начинается литургия.²⁰³ Отверзаются царские врата, говорится великая ектенья. Как на проскомидии, так и в ектеньях государь не называется благоверным и благочестивым. Прощение о нем наложено так:

«О самодержавному великом царе Николае Александровиче и о всех боярех и о воех его, Господу помолимся». По этому пункту раскольники разногласят между собой: одни из них молятся за одного царя, другие поминают государыню и даже наследника. В Саратове, наприм., дьякон Комаров поминал только одного государя, в Дубовке поминали государя, государыню и наследника. Так и в других местах России,

Дальнейшие особенности в литургии следующие:

1) Царские врата стоят отверстыми от возгласа: *«Благословенно царство»*... и до Херувимской песни.

2) Во время чтения Апостола, если священник служит с диаконом, последний подносит ему крест, которым он осеняет себя и потом диакона.

3) Перед чтением Евангелия раскольничий поп говорит: *«премудрость прости, услышим св. Евангелия»* и только. *«Мир всем»* не говорит.

4) Передняя часть фелони у старообрядцев делается на пуговицах, и эта часть то опускается, то поднимается в течение литургии несколько раз.

5) Каждение народа совершается со словами; *«Дух Святый найдёт на вас, и сила Вышнего осенит вас»*. Каждение делается: 2 раза прямо, а 3 поперёк, образуя этим крест.

6) Малый и Великий вход совершаются в преднесении 2 свечей.

7) На Великом входе царская фамилия и др. лица не поминаются, а говорится только: – *«Всех вас да помянет Господь Бог во царствии Своем всегда, ныне и присно и во веки веком»*, делается это 3 раза, причём первый раз священник

обращается к правому клиросу, во второй – на средину моленной и последний – к левому клиросу²⁰⁴.

8) На Херувимской песни и в молитве перед пресуществлением св. таин воздевания рук не бывает. Последнее вообще считается ересью.

9) После возгласа: «Благодарим Господа» певцы поют только 2 слова: «Достойно и праведно».

10) При возгласе: «Приимите, идите»... и затем: «Пийте от нея вси»..., лже-иерей, показывая на дискос и потир, держит руку двоеперстно, равно и лже-диакон во всех случаях держит руку с орарем в таком же виде.

11) На возгласе: «Твоя от твоих»... лже-священник не поднимает сосуда с дискосом, а только показывает на них, певцы же поют: «Поем тя, благословим тя, благодарим тя, Господи, и молим ти ся, Боже наш».

12) На возглас: «В первых помяни, Господи, господина нашего епископа Х, егоже»... певцы ничего не поют.

13) При возгласе: «Святая святым» лже-священник чтобы избежать православного сложения трёх перстов, взимает агнец теми тремя перстами обеих рук, какие у них слагаются на молитву, т. е. великий и 2 последних. Неловко это, страшно неудобно, первые 2 перста обеих рук торчат, точно рога, но что же поделаете! Здесь в этом случае, яснее всего, кажется, изобличается лже-мудрование наших раскольников насчёт излюбленного ими двоеперстия, его якобы древности. Кажется, ясно сказано в их служебнике времён патриарха Иосифа: «иерей, приемля св. хлеб обеих рук тремя персты, и возглашает: «Святая святым». И творит крест над св. дискосом, св. агнцем»; но старообрядцы и тут видят своё двоеперстие, несмотря на явное себе противоречие. Сделайте по православному, возьмите св. агнец, согласно требованиям патриаршего служебника, *три персты* обеих рук, у вас именно так и выйдет, что 3 перста только и будут участвовать в деле, а у мнимых старообрядцев участвуют все 10 пальцев. У нас, православных, последние 2 перста пригнуты к ладони, их как бы нет, они не видны в участии поднятия предмета, а у

раскольников первые два вытянуты, торчат или тоже прикасаются к предмету.

14) Мирянам преподается тело и кровь по три ложки каждому, не исключая и младенцев²⁰⁵.

15) При причащении лже-священник говорит: *«честное и пречестное тело и кровь Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа преподается рабу Божию (такому-то), от престола Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, в храме (примерно) иже во святых отца нашего Николы Архиепископа Мирликийского чудотворца, на память (примерно) иже во святых отца нашего Сергия Радонежского чудотворца, во оставление грехов и в жизнь вечную»*. И это каждому; и на каждое причащение поётся: «Тело Христово приимите»...

16) На возглас: «Спаси, Боже, люди твоя»... певцы молчат и не поют: «Видехом свет истинный»...

17) При пении 33 псалма: «Благословлю Господа на всякое время»... священник раздаёт антидор богомольцам, причём, давая частицу, говорит: *«Щедр и милостив Господь, пищу дал еси боящимся его»*. Раздав антидор мужчинам, священник идёт на женскую половину, так-как женщины у старообрядцев стоят позади мужчин. Антидор раздается не по равной части всем и каждому, а по рангу и положению: одному целая просфора, другому половинка, третьему четвертинка, а иным просто кусочки. Сам подход к антидору, равно и ко кресту, совершается в порядке, не торопясь и по чину: богатый идёт вперёд, бедный позади его.

18) На отпущении лже-священник даёт целование креста, причём каждого осеняет крестом) и говорит: *«Силою и заступлением честного креста Твоего, Господи, помози ми грешному»*. При этих словах священника и осенении им – каждый богомолец должен перекреститься и поцеловать крест и руку лже-священника. Женщины подходят ко кресту на своей половине. При осенении крестом певцы поют: «Иже крестом ограждаеми, врагу проявляемся»... и пр. Подпустив ко кресту богомольцев, лже-священник идёт к жертвеннику и начинает потреблять в сосуде. Богомольцы в это время садятся на лавки, беседуют между собой, поздравляют друг друга с праздником,

мальчики разносят почётным лицам поданные ими на проскомидии просфоры и получают от них подачки, уставщики моленной тоже ходят с поздравлением купцов и др., от которых ожидают вознаграждения; многие приглашают в это время уставщиков к себе домой «на чай», обед. В это же время по моленной носят кружки «на украшение моленной», и «на содержание причта». Когда лже-священник потребит в сосуде, мальчик нальёт ему стаканчик вина для омовения сосуда, другой для запития; всё это раскольничий иерей выпивает, заедая просфорами. После этого, лже-священник подходит к южной двери, мальчик подносит ему блюдо и поливает воду. Лже-священник оmyвает руки, державшие агнец, уста, потребившие его, а вместе с тем оmyвает усы и бороду. Это блюдо с водой потом разносится богомольцам и, как ни странно это, оно не вызывает у старообрядцев чувства брезгливости: они пьют воду, да ещё понемножку, считая эти ополоски священника как бы дополнением к антидору, священной водой²⁰⁶. Отёршись полотенцем, лже-священник выходит на амвон, богомольцы поднимаются и начинают полагать 7-покловный начал. После «Достойно есть»... и «Слава Отцу»... лже-священник вынимает из кармана список имён и начинает по очереди произносить молитву сначала о здравии, потом за упокой. Это делается так: «Спаси Господи и помилуй болящего раба твоего (примерно) Иоанна», говорит священник; певцы редким речитативом произносят: *«Избави его Господи и помилуй от всякия скорби, гнева и нужды, от всякия болезни, душевные и телесные, прости ему всякое согрешение, вольное и невольное и душам нашим полезная сотвори»*. За каждое лицо эта молитва произносится 3 раза и на каждый полагается 5 поклонов. Затем, раскольничий иерей переходит к другим. Кто дал больше, тех имена он произносит отдельно; если плата дана небольшая, он соединяет несколько имён вместе. В заключение он делает такое общее произношение: «Спаси Господи и помилуй рабов божиих, творящих милостыню и нас питающих». Следует вышеприведённая молитва. Кончив о здравии, священник переходит к умершим. — «Покой Господи души усопших раб твоих» (одно или несколько имён

называется) произносит он. Здесь другая молитва: *«Елика согреши в житии сем яко человек, Ты же яко человеколюбец Бог прости его и помилуй и вечные муки избави, небесному царствию причастника учини, а душам нашим полезное сотвори»*. И тоже 5 поклонов. Представьте, что таких отдельных поминовений о здравии и за упокой набрано до 60, за каждого идёт молитва 3 раза, значит, приходится обе эти молитвы произнести 180 раз и сделать 900 поклонов. Времени пройдёт не мало. А это бывает почти каждую службу. Таким образом, и литургия, и поклоны эти занимают время очень продолжительное – часов 5–6 и больше.

Указанные 2 молитвы о здравии и за упокой пользуются большой популярностью между раскольниками. Они распространены во всех толках раскола, а у беспоповцев заменяют литургию и жертвоприношение.

Кончив эти молитвы, священник делает отпуст «начала», кланяется народу и снова кладёт 3 поклона²⁰⁷.

– С праздником поздравляю вас, христиане! – говорит священник, обратясь к народу.

– Спаси Христос, батюшка! – отвечают.

Следует приглашение «на чай» или обед священника. Богомольцы спешат в кельи переодеться, мужчины снимают с себя кафтаны со сборками, оставляют их на хранение тут же, а сами подвязывают галстук, надевают сюртук, пальто; женщины снимают сарафаны, платки, завязывают их вместе с лестовкой и подручником, в узелки и тоже или оставляют здесь, или же уносят с собой.

Уходя из моленной, священник, по миниатюрности кружки, прямо кладёт её в карман и уже дома считает свой доход. Уставщики и дьякона живут на особом жаловании, оклад которого зависит от голоса.

Никаких треб в праздничные дни у старообрядцев не бывает. Всякий знает, что священник устал, и переносит их на другие дни. Самые требы у старообрядцев, исключая свадьбы, совершаются в доме и сопровождаются обязательным угощением причта. А треб у них не мало. Молебен в день своего Ангела, жены, детей, панихиды по умершим. – Это у мелких

лиц, которые не могут дорого платить. Что касается купцов и состоятельных лиц, то в указанные дни они заказывают литургию и всенощную. Кроме этого у них много существует особо чтимых святых: Николай чудотворец, Пантелеймон и др.; они служат молебны перед отъездом на ярмарку, по приезде, в болезни, при радостных событиях жизни.

Так вот в каком порядке совершается у раскольников австрийской секты богослужение. Не дёшево стоит у них отслужить литургию, но служат старообрядцы, не стеснясь деньгами: 5 р. священнику, 4 – дьякону, по 2 р. двум уставщикам, а там певчим, старухам, да угощение. От этого мы и видим, что причт раскольников благоденствует, живёт в довольстве, при деньгах, без нужды. Многие из них нажили свои дома, открыли свою торговлю, и дети их состоят купцами. Поэтому и трудно этим людям, стоящим во главе раскола и сознающим его ложь, сказать правду и самим идти по истине. Нужна самоотверженность, нужна сила воли и твёрдый характер, чтобы разорвать всю эту оболочку раскола и выйти на Божий свет. Мир раскола – это подобие заколдованного кружка. Своя у них жизнь, свои интересы, свои знакомые; кружок этот так сцеплен и скован взаимностью интересов, общения, родством, что всё постороннее мало доходит до него. Школа у него своя – в раскольниковском духе, от знакомства он сторонится, читает он только свою литературу, ну и смотрит дикарём, невежей в полном смысле этого слова. Правда, торговые старообрядцы, вращаются среди разных лиц, много ездят по России, видят, слышат, но что же из этого? Весь интерес этих лиц сосредоточен только на одном денежном обороте, коммерции, прибыли, весёлой широкой жизни, а религия нисколько не касается их души и сердца, они даже молчать об ней, боятся говорить об ней с посторонним частью потому, что во-всяком постороннем, не их веры, лицо они видят еретика, заблудившегося и погибшего человека, от которого добра ждать нечего, и частью потому, что всякий раскольник видит всю свою веру в её обрядности, поклонах, лестовке, подручниках и молитвах по псалтырю дома или в долгих службах в моленной. К этому надо знать, что всякий раскольник

горд, самолюбив, самоуверен, считает себя всезнающим и на других смотрит с презрением. Только нужда, крайность заставляет его иметь дело не с своим единоверцем. Вспомните жизнь раскольника, не говорю бедняка, а состоятельного человека. Вся прислуга у него в доме, лавке – раскольники, саму торговлю он ведёт, в большинстве, с раскольниками и, если случай введёт его в сношение «с еретиком», он держит себя по отношению к нему осторожно, подозрительно, о делах веры молчит, а в компании таких лиц даже откажется от своей веры, скажет: «какой я старовер! Старики у меня»... Этим он прекратит всякое посягательство на его веру и вместе с ним разговор о делах веры. Наконец, много ли у нас таких православных, вращающихся в народе, которые бы сознательно и твёрдо исповедовали свою веру и влияли на раскол! Большинство содержит свою веру, как бы только для себя, а не для других. Когда я перешёл из раскола в православие я опирался исключительно на свои внутренние убеждения и в них одних я находил для себя опору и утешение. Раскольники воздвигли на меня жестокое гонение, о котором православные и представить себе не могут; хозяин, у которого я жил, хладнокровно сказал: «что тебе вздумалось менять свою веру»; соседи уличные только головой покачали над моим присоединением к св. Церкви. Ни звука радости, сочувствия, помощи, утешения я не встретил вокруг себя. Холод, равнодушие полнейшее! А между тем, раскол сразу пустил на меня свои подавляющие пружины, и я очутился буквально на улице. Хозяин, по давлению раскольников, отказал мне от должности, мать выгнала из дома, не отдав мне даже моего платья; три дня жил я в большом губернском городе Саратове, не имея куска хлеба, не зная, где переночевать; ходил, точно нищий, без определённых занятий и положения. С рабочими-поляками пришёл я обедать в бесплатную народную столовую города. И если бы не приснопамятный архипастырь, преосвященный Тихон, тогда епископ саратовский, если бы не о. игумен в то время, а ныне здравствующий в Могилёве епископ Мисаил, Бог весть, что со мной было бы. Они вырвали меня из

этой обстановки, они дали мне возможность развить себя и быть тем, что я есть ныне.

Я увлёкся своими личными воспоминаниями, но я сказал это к тому, как мало наша православная среда имеет влияния на раскол. Духовенство, и только одно наше православное духовенство, ведает дело миссии, ведёт борьбу с расколом, трудится – и само лично, и тратит средства на содержание миссионеров. Но духовенство, миссионер – не всегда может проникнуть в семью раскольника и войти в ближайшее с ним общение. Раскольник сознательно чувствует своё бессилие перед ними, сторонится их и живёт вдали от них; тогда как православная среда всё же ближе стоит к расколу, чем духовенство. Вот тут-то и задача православного духовенства и миссии воспитать православную среду так, чтобы она помогала ему в деле раскола, чтобы в приходе были ревнители православия. Нужно много борцов и защитников св. Церкви! У раскольников всякий мужик или женщина знает своё учение и твёрдо отстаивает его перед другими; нужно, чтобы и православные наши твёрдо знали своё православное учение и также мужественно защищали его перед сектантством. Это может сделать школа, церковь и миссия. Не нужно падать духом и опускать руки, если раскольники перестали ходить толпой на беседы миссионера: это показывает только, что раскол сознал своё бессилие и прячется. Одно это уже важно и имеет своего рода влияние на православную среду. Хуже будет, если мы замолчим и не будем тревожить раскол своими беседами: тогда он вновь поднимет свою голову, усилит свою пропаганду. Миссия нужна; беседы приносят великую пользу и помогают православному духовенству в просвещении им своей паствы. Не закрывают школу, если в ней не учатся сектанты; не закрывают храма и прихода, если в нём развился раскол; нельзя закрывать и миссии потому только, что раскольники не являются на публичные беседы. Не идут на такую беседу, говори с ними дома. Но говори, говори везде и всюду, при всяких случаях. – «Проповедуй слово, настой во время и не во время, обличай, запрещай, увещевай со всяким долготерпением и назиданием», учит св. Павел (2Тим.4:2). Или:

«Будьте всегда готовы всякому требующему у вас отчёта в вашем уповании дать ответ», – говорит св. Петр (1Пет.3:15).

Пензенский епархиал. миссионер Свящ. *Конст. Попов*

Отношение раскольников к всероссийской народной переписи 1897 г. // Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 596–602

(Из Всеподданейшего отчёта г. Обер-Прокурора Св. Синода).

Первая всероссийская народная перепись, прошедшая из края в край Российской Империи и проникшая в самые отдалённые и глухие её углы, представляла для народа необычайное явление. Вот почему во многих местах Империи она и встречена была населением с смесью боязни, подозрения, надежд нелепых толкований и слухов. Особенно подозрительно и недоброжелательно отнеслись к переписи раскольники. Мысль о греховности переписи возникла из того, что последователям «древляго благочестия», как именуют себя сами раскольники, приходилось писаться или «раскольников» – и тем похулить это «благочестие», или православным – и, следовательно, отречься от своего исповедания; то и другое было равносильно отступничеству от древлепреданной отеческой веры. Независимо от того в среде последователей сект раскольниковых толков сильна мысль, что запись в метрики и вообще во всякие документы представляется преданием себя во власть антихриста и наложением его печати. Для раскольнического воображения, и без того сильно занятого мыслью об антихристе, последнем мучителе правоверных, слух о переписи, таким образом, естественно мог показаться подтверждением страшных опасений и ещё более обострить эти страхи. К тому же некоторые раскольнические грамотеи, по словам Томского преосвященного, не гнушающиеся светских газет, почерпнули из них известие о комете, которая появится в 1899 году и будто бы столкнётся с землёй. Эти известия ещё более укрепили раскольников в мысли о близости кончины мира и тем ещё более усилили тревогу. Но особенно сильное возбуждение замечалось среди последователей страннической секты, которая с самого начала своего существования определилась, как секта противообщественная, отрицающая не

только церковный, но и весь существующий общественно-государственный строй, выходя из крайне фанатического учения об антихристе, воцарившемся в мире в преемственном ряде носителей Верховной Власти. Одна странническая семья, проживающая в Мариинско-Чулымской тайге, страшась печати антихриста, собиралась было, по словам преосвященного Томского, предать себя даже сожжению, и только убеждения более благомыслящих соседей не дали осуществиться этому фанатическому замыслу. Странники, живущие в пределах Сарапульского викариатства Вятской епархии, в год переписи устроили несколько собраний, предметом рассуждений коих была всеобщая перепись. Они постановили уклоняться от переписи, что и исполнили на самом деле. По словам отчёта преосвященного Вятского, переписчиков в дома свои они не пускали, или, если те входили, то имён своих не сказывали. Некоторые из деятелей по переписи – счётчиков и наведывавших участками свидетельствуют, что многие из принадлежащих к секте странников и бегунов в Тверской, Ярославской и Костромской губерниях ускользнули от переписи, скрытые в разных тайниках, подпольях и других притонах, устраиваемых в домах менее совершенных последователей страннической секты, так – называемых «жилых» бегунов, «странноприимцев» или «пристанодержателей». Последние, живя в «миру», обязаны давать у себя приют настоящим странникам. В Даниловском, например, уезде, как известно, по словам одного деятеля по переписи, всем местным жителям, через каждые 5 вёрст имеются странноприимные дома. В двух обществах Георгиевской волости, Кинешемского уезда, в котором имеется вообще довольно значительное число странников, счётчику удалось видеть только троих. По свидетельству преосвященного Томского, некоторые из проживающих в Томской губернии раскольников также уклонились от переписи. Наиболее упорные и фанатичные раскольники Херсонской епархии, с целью уклонения от внесения своих имён и фамилий в переписные листы, бежали, по свидетельству преосвященного Херсонского, в Румынию, где и переждали время переписи.

Один счётчик (4 участка Макарьевского уезда) рассказывает, что, когда он явился к дому одного раскольника, крестьянина, *местного полицейского десятского*, то последний долго не впускал его, а затем отказался дать необходимые ответы, ссылаясь на то, что все сведения можно получать в волостном правлении. Наконец, им было заявлено, что он православный христианин, носит святое имя, а счётчик пришёл от антихриста, в антихристов же лист своё имя он записывать не желает; при этом он взял свой знак полицейского десятского и швырнул его со словами: «возьмите и этот антихристов знак, я ему не слуга».

На особое затруднение при переписи последователей одной секты указывает заведовавший 5 участком Варнавинского уезда, свидетельствующий, что получение ответов было затруднительно об именах лиц, принадлежащих к сей секте, так как об этих именах сим лицам не объявляется до крещения, совершаемого в 30-летнем возрасте. Поэтому, в перепись попало много совершеннолетних лиц без имени, а до отроческого возраста почти все дети таких сектантов записаны мальчиками и девочками с одним отчеством. Имя до крещения содержится в такой тайне, что и в семье, между своими членами, не употребляют его, а некрещённых называют просто «паренёк» и «девчонка». Названия своей секты такие раскольники вовсе не объяснили, местные же жители называют их «немоляками», как отрицающих иконы и наружное моление.

Всенародная перепись в отчёте г. Обер-Прокурора Св. Синода признаётся ближайшей причиной всем известной, поразившей человечество ужасом, истории заживо-погребённых раскольников Терновского хутора Тираспольского уезда.

Тяжёлая история эта в тоже время показывает до какой степени доходит фанатизм раскольниковых монахов и монахинь и как велико их влияние на тёмную раскольничью массу.

Главное действующее лицо этой истории – «схимонахиня» Виталия. Эта Виталия, в мире Вера Макеева, дочь Херсонского мещанина, приняла пострижение в Курневском раскольническом монастыре, но лет за 10–12 до всеобщей переписи оставила курневскую обитель и поселилась в

Терновских плавнях в ските, находящемся в саду семьи Ковалевых. Приобретённой в Куреневском монастыре начитанностью в старопечатных книгах и фанатизмом Виталия приобрела сильное влияние на окружающих её раскольников, имуществом, жизнью и смертью которых она располагала сообразно своему настроению.

В 1896 году среди Терновских скитников распространился слух о всенародной переписи. Весть эта привела в сильное смущение всех Терновских раскольников, считающих отступлением от веры записываться в метрические книги.

Виталия, ещё задолго ранее говорившая, что «в осьмой тысящи века сего совершится скончание и суд», усмотрела в народной переписи признак близости скончания мира и страшного суда и убедила своих последователей, что перепись есть «печать антихриста». Чтобы не отдать себя в руки «нечистой силы» и спасти свои души, Виталия и её последователи решили не давать о себе переписчикам никаких сведений, даже в том случае, если бы за это им угрожали мучениями и смертью. Мысль о самоубийстве явилась, когда Виталия, в постоянных разговорах с окружающими, рисовала перед ними картины угрожающих за сопротивление переписи мук и смерти. Расстроенная такими беседами жена Феодора Ковалева (хозяина сада, где был скит Виталии,) спросила своего мужа: «что же будет с нашими детьми, когда нас замучают и убьют». «Дети наши малы, отвечал Ковалев жене, переписи не воспротивятся, их заберут в никонианство и потом запишут». Ковалева ответила на это мужу, что она скорее живая ляжет с детьми в могилу, чем допустит их до такой гибели вечной. Узнавшая об этом разговоре Виталия признала ответ Анны Ковалевой озарением свыше и обещала ей и её детям мученические венцы, если она заживо зароется с ними в землю, и благословила её на такой подвиг. Описанный разговор происходил утром 22-го декабря 1896 года, а к вечеру того же дня явилось уже несколько желающих заживо похоронить себя.

В продолжение ночи на 23-е декабря обрёкшие себя на добровольную смерть разобрали часть стены в каменном погребе Фомина – соседа Ковалевых, за ней вырыли в земле

горизонтальную яму, при участии Виталии сами же отпели над собой чин погребения, а утром 23-го декабря улеглись (в числе 9-ти человек) в яму, а Фёдор Ковалев, как каменщик, замуровал их. В этой партии заживо – погребённых Ковалев замуровал и свою жену с двумя детьми, в твёрдой уверенности, что эти дорогие ему существа пошли не на муку, а в царствие небесное. Пример зарытых заживо не остался без подражания среди последователей Виталии: чрез четыре дня, в ночь с 26-го на 27-е декабря 1896 года, новая могила, вырытая в полутора верстах от усадьбы Ковалевых, приняла шесть новых человеческих жертв. Виталия и Ковалев хранили в тайне эти погребения живых людей. Наконец, наступили дни переписи, и вот, когда явился переписчик в усадьбу Ковалевых, он нашёл двери скита запёртыми и только через отверстие получил письменное заявление, что скитники «не согласны записывать своё имя и отчество»: так, как «метрики отчуждают их от Христа и от истинные христианские веры», что «новым законам они повиноваться не могут, но желают за Христа умереть». Ни полиция, ни местный земский начальник не могли убедить их дать о себе нужные сведения. Тогда Виталия вместе с четырьмя монахинями и одним монахом были арестованы и заключены в Тираспольский тюремный замок. Пять дней длился арест, и пять дней арестованные ничего не ели и не пили, упорно отказываясь от предлагаемой им пищи. Вот почему местные судебные власти чтобы арестованные не умерли от голода, отпустили их из тюрьмы под домашний арест в доме Ковалевых. 9-го февраля 1897 г. арестованные возвратились из тюрьмы, а ночью с 10 на 11 того же февраля Виталия велела Ковалеву засыпать землёй ещё четырёх женщин. Наконец ночью же с 27 на 28 февраля 1897 года сама Виталия, 60 летняя старуха Ковалева с дочерью и сыном и две неизвестные монахини бесследно исчезли из дома Ковалевых и, как впоследствии обнаружилось, по их просьбе были также замурованы Феодором Ковалевым. По объяснению последнего, причиной самоубийства лиц, зарытых им в феврале, служила та же перепись, хотя она и была уже кончена: одни решили зарыться потому, что попали в перепись и такой смертью

желали спасти душу от положенной на них «печати», другие, в том числе и Виталия, опасались, что не избежать внесения в перепись, так-как найдутся люди, которые, зная их, дадут за них ответы на постановленные в переписных листах вопросы, и потому решили также «лучше заживо в землю закопаться, чем отдать себя в руки антихриста».

Фёдор Ковалев.

Против Феодора Ковалева возбуждено было судебной властью преследование, но *Его Императорскому Величеству*, в 31 день декабря 1897 года, благоугодно было *Высочайше* повелеть: преследование это прекратить с отдачей Ковалева бессрочно в один из православных монастырей по усмотрению духовного начальства. Во исполнение такового *Высочайшего* повеления и состоялось определение Святейшего Синода о заключении Ковалева, бессрочно, в Суздальский Спасо-Евфимиев Монастырь, в арестантское его отделение, с подчинением строгому надзору настоятеля монастыря.

* * *

От Редакции. Уже во время судебного расследования, под влиянием бесед духовных и должностных лиц, отуманенное бреднями Виталии сознание Ковалева стаю проясняться: он понял весь ужас совершённого им преступления и часто горько плакал. Человек он тихий, слабохарактерный. Находясь в заключении в Суздальской обители, невольный преступник, под влиянием благотворно действующей монастырской обстановки, служб церковных, увещания старцев, особенно же, под благодетельным нравственным влиянием нового о. настоятеля архим. Серафима (о. Чичегова), – Ковалев раскаялся не только в своём ужасном преступлении, но и в заблуждениях раскола, разбившего всю жизнь его и приведшего к такому страшному несчастью. 7 ноября, при большом стечении народа, состоялось присоединение Феодора Ковалева к Православной Церкви. Да поможет Милосердный Господь Своей благодатью новоприсоединённому искупить свой великий грех истинно христианской покаянной жизнью. В помещённом здесь портрете Фёдор Ковалев изображён в одежде постриженника Виталии перед тем, как решено было замуроваться всем последователям этой ужасной еретички.

Мы не знаем, какая дальнейшая будет судьба Ковалева. Раскаяние его должно повлечь за собой облегчение его участи. Но желательно наперёд, чтобы Ковалев, под сенью Суздальской и затем, может быть, и какой-нибудь из миссионерских св. обителей, укрепился духовно и возрос «в меру возраста совершенна о Христе Иисусе» и стал бы верным и преданным до гроба сыном Церкви Православной. И тогда он, «как седмицею искушённый», явится и сам обличителем раскольничьей тьмы и провозвестником света православной истины среди своих единокровных.

Ковалев и теперь должен пролить свет на запутанный и нерешённый вопрос о том, к какой именно секте принадлежала Виталия и он, исполнитель её безумных велений. Мы надеемся получить из Суздаля от почтенного о. архим. Серафима подробности о воссоединении Ковалева и его признаниях.

Скворцов В. Церковно-государственное и миссионерское значение судебного процесса Ковенского ксёндза Белякевича. (Продолжение) // Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 603–638

V. Судебное следствие над ксёндзом Александром Казимировым Белякевичем.²⁰⁸

Полицейская власть, усмотрев из предварительного своего дознания признаки уголовного преступления в деяниях кс. Белякевича, немедленно передала дело прокурорскому надзору. Судебное следствие началось не позже, как через сутки после описанного полицейского визита в «клебань». Следствие начато было с осмотра мест заключения «исправляемых» ксёндзом Белякевичем грешников, допроса обвиняемого и ближайших свидетелей.

При новом посещении костёльного двора судебной и полицейской властью здесь среди обитателей его замечалась общая растерянность и поспешное заметание следов. Из клевани началось выпроваживание, или вернее бегство, сподвижников Белякевича: захристиан Григас, Беневич пустились в путь-дорогу восвояси, ссылаясь на усталость в службе, на нездоровье. Самого Белякевича в момент ареста, который, произведён был в 12 часу ночи, – чтобы избежать фанатического неистовства девок, – полиция нашла лежащим на койке своей кельи в полном одеянии и вообще готовым, по-видимому, – тоже куда-то в поход, – под кроватью его находились набитый вещами, связанный дорожный сак и чемодан. Это дало повод к небезосновательному предположению, что ксёндз Белякевич имел намерение, во избежание преследования, скрыться за границу, что между тем и вызвало со стороны судебного следователя принятие такой меры, как заключение подсудимого под стражу. Мера эта имела также в виду и пресечение Белякевичу, как лицу влиятельному, возможности оказывать давление на совесть свидетелей – прихожан, при показаниях их судебной власти. По заключении в тюрьму, за Белякевича была представлена поручителями сумма в 5 тыс. руб., и Ковенский суд признавал было возможным отменить меру заключения, но Виленская судебная палата посмотрела на дело иначе, и Белякевич до самого суда находился под стражей.

Заметание следов, между прочим, коснулось и известной статуи дьявола: от неё в руки судебной власти попалась лишь «свежеотпиленная» голова, туловища же не оказалось. Не успели лишь, – а вернее сказать не обратили должного внимания (так сжились с таким явлением!) – костельные попустители и соучастники Белякевича очистить места заключения от грязи и мерзости. А между тем картина запустения ложится мрачной тенью на главу служителей католического алтаря и не может не возмущать до глубины души христианское чувство всякого человека. И на самом деле: храм Господень, алтарь для принесения бескровной жертвы, под ним усыпальница, куда ксёндзы водят верных католиков на поклонение как святыне, и тут же – устроено ими место заключения и пытки порочных, при этом пастырями ничего не предпринято для ограждения дорогих католикам мест от загрязнения естественными потребностями истязуемых! И вот, среди останков почивших, где распятие Христа и другие реликвии свято чтимые, найдены полицией человеческие испражнения!! Какое падение со стороны католических пастырей, какое грубое оскорбление религиозного чувства верного костёлу народа! Не забудем, что и настоятель Керповский, и молодой ксёндз академик г. Генис отлично знали, когда Белякевич заключал в склепы и каморы порочных прихожан.

При первом допросе все, начиная с Белякевича и кончая Керповским, отрицали всё и вся. Настоятель Керповский показал, что он ничего не знает о действиях своего викарного Белякевича и не допускает подобных поступков с его стороны, в каких-де обвиняет доброго пастыря развращённая Бернатович. Позже, когда Белякевич, будучи уже в тюрьме, сделал признание насчёт своих действий и орудий, Керповскому уже нельзя было отпираться незнанием и он заявил, что действительно знал, что Белякевич ревностно занимается исправлением порочных, и видел пользу от его мер, а потому не мешал, да и не имел времени вникать хорошенько в поступки и поведение своего викарного товарища (с которым, заметим,

вместе жил и ежедневно обедал), так-как занят был «ремонтom костёла». Какая детская уловка престарелого фарисея!

Подсудимый Белякевич первоначально вкратце сделал такое показание. Евва Бернатович якобы сама пришла на службу в костёл, и сама зашла к нему, как ксёндзу, с жалобой на дурное поведение мужа и с просьбой повлиять на него. Ксёндз уговорил её остаться при костёле исповедаться, и Евва осталась добровольно при костёле ночевать, а ксёндз (для сохранности!) велел её запереть на ночь на замок в камору. На другой день, в воскресенье, – ризничий привёл Бернатович в костёл для публичного покаяния, – и ксёндз приказал ей всю обедню лежать на полу ниц, а потом снова велел Евву – в ожидании вечерни – запереть в камору, откуда часа в 4 дня Белякевич потребовал Бернатович в столовую, общую с настоятелем, где якобы ксёндз Керповский, по просьбе его – Белякевича, увещал её; в отдельную же комнату он Бер-ч не водил, верёвкой побоев не наносил, а после де увещания настоятеля повёл в костёл «на нешпору» (вечерня), где снова кающаяся лежала ниц, а потом уже с миром пошла домой. Жуковскую он, Белякевич, встретил на дороге пьяной и велел служителю для вытрезвления отвести её в клебань, где хотел завести порочную женщину в квартиру настоятеля для увещания (необходимо заметить, что Белякевич во всех своих показаниях делает своим сообщником в своих подвигах настоятеля Керповского), – но Жуковская не хотела идти по лестнице, буянила, кричала, тогда Белякевич приказал служителям запереть пьяную в камору, а служитель Беневич, по своему усмотрению, посадил её на некоторое время в погреб. Жуковской он, Белякевич, также не бил, Бернатович мог избить муж, а Жуковскую любовник. Ни верёвочки, ни кнутика у него нет и не было.

Но беспокойство царило не в одной только клебани, – оно овладело всем католическим населением Ковны, а «среди девок происходила целая буря: одни из них день и ночь проливали слёзы под сводами костёла и у его стен, оплакивая «пана ксёндза», другие, – как злые вороны, налетели с проклятиями на Бернатович и Жуковскую. После чего та и

другая подали прошения полиции и прокурорскому надзору, что жалобы их о причинённых им Белякевичем истязаниях «даны в запальчивости», что ксёндз их не бил, а только угрожал, если и ударил, то не более 2–3 раза верёвочкой, – кровоподтёки же у неё Бернатович от побоев мужа. Жуковская же заявила, что её ксёндз пьяную встретил случайно и только раз ударил «палочкой», побои же нанесены ей москалями «солдатами», ей неизвестными²⁰⁹.

Посидев дня 3–4 под арестом, Белякевич одумался, и радикально изменил своё первое показание. Вот что читаем в показании подсудимого Белякевича, данном им 20-го августа судебному следователю.

«Убедившись в течение своей 4-х летней священнической деятельности, что *на грубый простой народ пастырские слова увещания не действуют* (курсив везде наш), и с другой стороны памятуя слова ап. Павла: *animalis homo non percipit ea, quae sunt spiritus*, – я позволил себе прибегнуть к *физическим воздействиям*, т. е. к телесным наказаниям порочных моих прихожан, желая тем самым показать им: 1) во сколько раз сильнее будут для их душ мучения в будущей жизни и 2) заставить их смириться. Первый случай применения этой меры был в отношении проститутки из Риги (Симонович), которая, будучи приведена родителями к настоятелю Керповскому для увещания, никак не хотела смириться, и на делаемые ей кс. Керповским в течение целого часа внушения говорила: «нет уйду»; то же она отвечала кс. Генису. Тогда стал увещевать я – причём кс. Керповский и Генис *ушли в свои квартиры, чтобы не быть свидетелями*. Причём я ударил её, несколько раз»... Далее идёт признание ксёндза о том, как и кого он заключал в склеп под алтарём.

На вопрос следователя, пользовался ли кто из предшественников ксёндза Белякевича склепом для заключения порочных прихожан, подсудимый ответил, что он не знает, но слышал, что *давным-давно* кто-то из настоятелей поместил туда *во всём составе опоздавшую свадьбу*. О Бернатович подсудимый теперь сообщил, что он сам с Беневицем привёл её из квартиры, увещевал оставить

сводничество и на ночь поместил в камору на замок, где заключённая пробыла до 11 ч. дня; «во время обедни в ризнице она пролежала ниц перед алтарём, а потом снова отправлена была в камору, и когда около 3-х часов дня мне доложили, что Бернатович буянит, кричит и ругается, я велел лакею, Целестину привести её ко мне в спальную, и здесь, когда была Бернатович приведена, я взял верёвку со шкафа, *которая мне обыкновенно (!) служила для смирения некоторых прихожан*, – раз 10 ударил её по плечам, предварительно сняв платок, причём толкнул слегка рукой, и она, притворяясь, упала, после чего я ещё её раза два–три ударил. Затем я приказал Бернатович встать, сделал словесное увещание и приказал стоять на коленях, а сам отправился к настоятелю в общую столовую обедать, а после обеда повёл Бернатович к вечерне, причём приказал ей лечь ниц перед алтарём. После вечерни вместе с ней и Беневицем я отправился за Жуковской».

О Жуковской Белякевич, между прочим, показал, что, когда она не хотела идти на лестницу и кричала, «он ударил её 3–4 раза *оливковой палочкой* толщиной в палец, которая после того ещё более растреснулась». Жуковская в его присутствии отведена была в погреб. Столкнули ли её служители с лестницы, – он не видел. Через полчаса служитель Янковский уведомил Белякевича, что *он усмирил Ж-скую*, а когда Белякевич гулял по двору, кс. Керповский сообщил ему, что *Жуковская в склепе помещена*; Белякевич удивился, каким образом она там очутилась и приказал перевести её в комору.

Чёртика велел Белякевич положить в коморе на полу для *большого нравственного воздействия* на Жуковскую... «Заключал я в склеп порочных прихожан не страха ради, а чтобы навести их на мысль о смерти и о тех муках, которые в будущей жизни ждут грешников. *О принимаемых мной мерах было известно всем прихожанам*, которые обращались с просьбами об исправлении их родственников. *Это было известно и о. настоятелю Керповскому*... До последнего времени я два–три раза являлся на вечеринки и увещевал кутил (но без ногайки); но епископ года полтора назад запретил мне ходить по ночам»...

«Каноническими мерами исправления должны быть молитва и пост, за публичные грехи полагается и публичное покаяние согласно изречению: Pro publicis peccatis debet esse et publica penitentia in foro externo (за публичные грехи, открытые вне исповеди, должно быть и публичное наказание для устранения соблазна), – лежание крестом на полу».

Прежнее своё показание Белякевич признал ложным и заявил, что дал его из чувства самосохранения.

Мы намеренно привели с точностью оба показания подсудимого Белякевича, как ярко характеризующие его нравственную личность и преступные деяния. Прежде всего в собственных показаниях ксёндза находится подтверждение, что он действовал совсем не по горячности или увлечению фанатизма, – а по системе, обдуманно. Он сам откровенно указывает на мотивы и основания своих поступков, причём цитата его из апостола Павла слишком отдаёт специфическим духом семинарского учебника. То тупое холодное чувство, с каким ксёндз-целитель действовал при своеобразном исправлении своих порочных пациентов, – лучше всего характеризует сам Белякевич. Систему его иначе нельзя назвать, как *собачья дрессировка католического простонародья (быдла)*, которое ксёндзы, очевидно, считают не выше скотов. И на самом деле, вникните только в эту возмущающую душу картину грубого поругания человеческого достоинства, какое проявил ксёндз Белякевич хотя бы в отношении Бернатович. Прежде всего насильственный вызов женщины под влиянием угроз. А что Белякевич властно угрожал и наводил на прихожан панику, это мы знаем из правдивого спокойного свидетельства потерпевшего Айкевича. Когда ксёндз Белякевич выпустил из заключения Айкевича, то приказал ему немедленно же оставить сожительство с Романовской (православной) и уезжать в Царь-поль, угрожая иначе *высылкой по этапу*. На возражение Айкевича, что он имеет паспорт и выслать его из места осёдлости без причины никто не в праве, Белякевич сказал: *а я имею силу* и, несмотря ни на что, отправлю тебя по этапу. Поверив, что пану ксёндзу действительно дана такая власть, Айкевич на другой же день

всё бросает и уезжает в Валки, где прожил 2 месяца. Вернувшись в Ковну, он услышал в народе упорную молву, поддерживаемую и распространяемую деотками, «что будто бы Б-ч имеет от Царицы бумагу, и что де этой бумагой Царица ему разрешила *всё делать с народом*, что он захочет. При этом, деотки утверждали, что они сами видели эту бумагу».

Кроме Айкевича, и Бернатович показала, также что, защищая руками свою грудь от ударов верёвочки, она Беякевичу грозила, что будет жаловаться Государыне за ого жестокость, на это ксёндз выражался о Высочайшей Особе её Величества в высшей степени грубо и оскорбительно. Такое нахальное поведение ксёндза наводит на многие грустные размышления и ещё раз свидетельствует, что узурпаторская власть ксёндзовского мира с его нравами и мерами держит в духовном страшном крепостничестве народную массу. Не был бы так дерзок и решителен какой-то там недалёкий викарный ксёндз, если бы он не чувствовал себя членом тесно сплочённой корпорации и не имел бы за своими мерами традиционной системы. Но обратимся к картине дрессирования Бернатович, невольно набросанной яркими штрихами самим же Беякевичем.

Бернатович под страхом строгого наказания за ослушание является в клебань, – здесь её запирают как животное на замок, однако, выдержав более полсуток, её затем приводят в храм, но не на молитву, а на публичное посрамление: – заставляют неподвижно лежать целые часы ниц «крыжом» на каменном полу костёла по приказанию ксёндза, и снова после обедни запирают на замок. Беякевич в своём показании ни слова не говорит о пище и питье заключённой... Когда потерявшая терпение, голодная и холодная Бернатович начинает неистово кричать и бушевать, ксёндз требует её в настоятельские покои, а отсюда её приводят в келью, путь в которую лежит через общую столовую. В кельи пастырь одной рукой берёт «верёвочку», – «которая, *обыкновенно*, как мило сознаётся Беякевич, – служила ему для усмирения прихожан» (точь-точь как у строгого хозяина любителя собак или котов), а другой он снимает с плеч платок и начинает полосовать женские плечи и

грудь; сшибает жертву с ног (Белякевич стыдливо замечает, что де Б-вич притворилась!), снова стегает, поднимает, опять стегает и в заключение заставляет истерзанную стоять на коленях до нишпоры, а сам тем временем (даже рук не умыв?) преспокойно идёт в столовую обедать в сообществе с достойными своими коллегами ксёндзами Керповским и Гейнсом.

Теперь спрашивается, неужели Белякевич, придя за общую трапезу, не поделился с своими соучастниками только – что совершенным подвигом по части столь нелёгкого дрессирования этого *animalis homo*? – едва ли в этом кто будет сомневаться. Может быть, о. настоятель с своей стороны за трапезой даже усугубил Белякевичу в награду за труды бденные чару пенного?.. Преспокойно откушав, Белякевич ведёт Бернатович в костёл к вечерне на новое поругание (лежание) и только тогда уже отпускает её восвояси. И это разве не хладнокровие, не система, а только случай!? Если бы Белякевич был выродок, а поступки его – увлечение, исключительное явление, – то разве бы мог мириться с ним настоятель?

Старик Керповский имел право и долг остановить молодого, увлекающегося ревностью не по разуму викарного ксёндза на первом же подобном безобразном, бесчеловечном подвиге. Однако Керповский этого и сам не делает, и соседу епископу не доносит, хотя без сомнения настоятель всё знал, – это не раз утверждает и сам Белякевич. Припомните, как Белякевичу, вышедшему вечером на двор погулять (после немалых невинных трудов по дрессировке Бернатович и Жуковской), сообщает Керповский; что Жуковская в склепе, чем удивил самого Белякевича. Почему, спрашивается, Керповский это знал, уж не сам ли он и распорядился отправить туда пьяную буянку? Или припомним, как, по показанию одного свидетеля, однажды ксёндз Генис сказал служителю, приведшему новую жертву, – что всё занято, сажать более некуда... Почему бы это знать Генису, если бы Белякевич один самовольно вёл эту систему исправления порочных прихожан?.. Очевидно, система Белякевича интересовала и академика Гениса. Пристав Ерасов

заявляет в своём показании, что он хорошо помнит, как растерявшийся Керповский, необинуясь, объяснял прокурору и следователю при первом осмотре клебани, «что де в склеп сажают прихожан на короткое время для исправления». По показанию самого Беякевича, настоятель и все прихожане знали о его мерах исправления порочных и приводили для этого родных. В другом месте подсудимый откровенно заявляет, как Керповский и Генис однажды ушли, «чтобы не быть свидетелями» того, как будет действовать их коллега «кнутиком и верёвочкой»... Можно ли думать после всего этого, чтобы Керповский не знал всех преступных деяний своего викарного? Знал он их в самых мелких подробностях и радовался успеху. Керповский, Генис и Беякевич – *люди одной школы, одного духа и воззрений*. Преступление Беякевича – *общее их дело*, одобряемое и попускаемое и не только ими, но и многими российскими ксёндзами. Нас спрашивают в письмах из северо-западного края, знал ли о деяниях Беякевича епископ Поллюен? Мы спросим в свою очередь, *мог ли* епископ, живя рядом с костёлом, не знать и не слышать того, о чём в похвалу пастырю громко говорили в католическом мире Ковны, что знали и настоятель, и все прихожане? Узнал же епископ о ночных похождениях ревностного Беякевича и благоразумно ему запретил их, так-как экскурсии эти могли окончиться для ретивого пастыря и для католицизма скандалом. Но лучше послушаем, что сам за себя говорит еп. Поллюен по поводу дела Беякевича.

На запрос суда, Тельшевский и Самогитский Римско-Католический Епископ Поллюен, от 2 октября 1898 г. за № 1785, дал такое заключение.

«Рассмотрев следственное производство по обвинению кс. А. Беякевича в самовольном лишении свободы с истязаниями и мучениями нескольких лиц, даю мой мнение.

Кс. Беякевич, состоя викарным здешнего приходского костёла Св. Троицы, по пастырской своей деятельности увлёкшись *чрезмерным рвением* к искоренению давно и быстро развивающейся среди его прихожан распутной жизни, прелюбодейных связей, семейных раздоров и пьянства,

прибегнул в последнее время, между прочим, и к предосудительным мерам физического воздействия, вопреки уставам Рим. Кат. церкви.

Теперь (?) обнаружилось, что в нескольких случаях внушения кс. Белякевича сопровождались побоями и кратковременным заключением напутствуемых (?) им прихожан в костёльном подвале и сарае. К крайнему сожалению, ни одно лицо из подвергшихся *этого рода напутствию и покаянию* не пожаловалось на это и не довело до сведения епархиального начальства, чтобы оно имело возможность сейчас же, при первом случае, прекратить *подобные несообразности* (?). Мне остаётся теперь отнестись с строжайшим порицанием и осуждением подобных приёмов деятельности священника и подвергнуть ксёндза Белякевича за всё это заслуженному церковному наказанию.

Но, осуждая со справедливой строгостью приведённые поступки Белякевича, как употребляемые им средства воздействия, нельзя, полагаю, забывать, что единственным побуждением, руководящим и этой предосудительной его деятельностью, было всё-таки желание добра, стремление к водворению семейной правды и морали, и что даже в этом его чрезмерном усердии и неразумном увлечении совершенно отсутствовала сознательная злая воля. И вот в виду всего этого, а также в виду того, что как по намерениям действующего нельзя здесь и предполагать жестокости и мучений, как и в действительности оказались лишь побои лёгкого свойства без повреждения здоровья, и, наконец, что заключения потерпевших были кратковременны, с своей стороны я полагаю, что нет основания обвинять ксёндза Белякевича в столь тяжком преступлении, на которое указывает следственная власть. Ибо что же оставалось бы для решительно закоренелой и злой воли человека, дышащей одной только злобой и жестокостью и устремлённой единственно на причинение возможно большего зла и вреда людям и обществу?

При этом считаю ещё своим долгом сообщить обвинительной и судебной властям, что до этого прискорбного заблуждения ксёндз Белякевич отличался всегда добротой,

нравственностью, добросовестностью, и большим усердием при исполнении возложенных на него приходских обязанностей, а равно засвидетельствовать, что прежняя его деятельность, исполненная бескорыстия и преданности духовным интересам прихожан, приносила значительную пользу приходу: многие случаи незаконного сожигания под влиянием ксёндза Белякевича узаконялись браками, многие порочной жизни люди, благодаря его усердию, заставлялись на путь нравственного долга и христианской жизни. Этим только и объясняется та всеобщая любовь к нему и признательность здешних прихожан, проявившиеся с особенной силой в настоящий тяжёлый, несчастный момент его жизни. Но это более светлая, сторона характера и деятельности ксёндза Белякевича осталась по делу неисследованной, между тем как и она, я полагаю, имеет тоже важное значение для правильной в этом деле оценки личности ксёндза Белякевича во всем её «духовно-нравственном существе».

Е. Поллюен

Как видит читатель, в своём заключении, очень тонко составленном, епископ Поллюен является «мужем с двоящимися мыслями»: он сначала как будто и возмущается (но без желчи и негодования, а так, для порядка) и относится с порицанием «к мерам Белякевича, как к «носообразным» с уставами католической церкви», а затем умиляется перед пастырской ревностью и нравственной высотой личности Белякевича, осчастливившего своими «несообразными» мерами многие семейства. В общем, похвалы по адресу Белякевича так много, что епископское заключение в сущности есть *апология* Белякевича и его системы успешного исправления порочных, а равно и иезуитского догмата, что цель оправдывает средства.

Если еп. Поллюен, действительно, возмущается «неразумным увлечением» Белякевича, искренно сожалеет, что никто ему во время не дал знать о действиях Белякевича, и если меры исправления запрещаются уставами католической церкви, то самое первое серьёзное церковно-административное взыскание должно бы постигнуть настоятеля Керповского, без воли и разрешения которого, по инструкции, ничего его

викарные ксёндзы не могут предпринимать; кроме того, Керповский обязан был немедленно донести своему епископу о столь грубом нарушении своим викарным уставов церкви.

Но, сколько нам известно, Керповский никакого взыскания не понёс, – он благодушно настоятельствует всё в той же Ковне. Отсюда не ясно ли, что меры о. Белякевича и его поступки далеко не преступны с точки зрения епархиальной власти католицизма.

VI. Суд над Белякевичем

В виду той страстной атмосферы, какая создавалась в Ковне около дела ксёндза Белякевича, процесс этот, по распоряжению г. министра юстиции, как замечено выше, перенесён был в С.-Петербургский окружный суд и назначен слушанием с присяжными заседателями на 8 февраля 1899 г. В состав коронных судей вошли: председатель столичного окружного суда г. Бобрищев-Пушкин и члены гг. Кукин и Чудинов. Обвинял товарищ прокурора г. Носович, защитников у подсудимого было три – вышеупомянутые столичные адвокаты гг. Спасович и Андриевский и третий – (без речей) пр. повер. из Ковны.

Состав присяжных в эту сессию оказался весьма разнообразным по образованию, профессиям и даже по исповеданию гг. заседателей: так 1 был старообрядец. 1 лютеранин (были в сессии два католика, но они сами уклонились от этого тяжёлого для их совести дела). По *профессиям* – доктор, инженер-технолог, офицер, три чиновника, учитель духовного училища, остальные – купцы и ремесленники. С этой стороны, как очевидно, подсудимый Белякевич был гарантирован от односторонности и предвзятости взглядов присяжных на его деяния. А потому, вынесенный ему присяжными обвинительный вердикт является плодом убеждения совести людей совершенно разных положений.

Обвинение к Белякевичу было предъявлено по 1540 и 1542 ст. Улож. о наказ. в том, что он самовольно и насильственно лишил свободы при костёле св. Троицы 8 лиц, причём лишение это сопровождал для них физическими и нравственными мучениями, а именно: лишением пищи, помещением в тёмные, сырые склепы и погреба, нанесением многочисленных ударов верёвкой, плетью и палкой.

При начале разбора дела зал окружного столичного суда представлял собой редкое зрелище. На эстраде места за судьями заняты были высшими представителями министерства юстиции, во главе с г. министром Н. В. Муравьевым,

сенаторами, членами государственного совета. Места для публики все были заняты командированными разными ведомствами представителями²¹⁰ и многочисленной корпорацией судебного ведомства; по ходатайству подсудимого, допущены были столичных католических церквей настоятели, а также попечитель ковенского Свято-Троицкого костёла князь Огинский и друг. Коридоры суда были наполнены публикой, – главным образом дамами. Вход публике был возбранён в залу, так как слушание дела должно было состояться при закрытых дверях. Однако, многие из дам-католичек, во всё время разбирательства, не оставляли своего дежурства в коридоре суда. Все эти почитательницы подсудимого были одеты в глубокий траур и постоянно отирали слёзы. Это были главным образом ковенские девотки. Разбирательство дела заняло три дня. Свидетелей было вызвано до 50 душ, в том числе были все потерпевшие от пастырской ревности Белякевича, а также его сподвижники – костельные служители. сотоварищи – два молодых ксёндза, но настоятель Керповский счёл более благоразумным уклониться, за болезнью и старостью, от явки в суд.

Тяжёлую и, кажется, ещё небывалую в летописях нового суда картину представляла собой скамья подсудимых, когда появился на ней обвиняемый ксёндз Белякевич, сопровождаемый конвоем двух солдат. Белякевич был одет в католическую сутану, в правой руке держал католический молитвослов. Взоры всех были устремлены на героя, всей России известной, ковенской истории. Но зрители в своём любопытстве и ожиданиях были разочарованы. Внешность и дальнейшее поведение на суде подсудимого ничего героического не представляли. Белякевич представлял собой заурядный тип угловатого, малоразвитого, несколько напыщенного бурсака, твёрдо зазубрившего уроки учебников и буквально усвоившего читанное. Ничего в нём не было одухотворённого, идейного, творческого, нервного. Его, по-видимому, не особенно волновал и такой трагический в его жизни акт, как судебный процесс. Только в часы совещания присяжных Белякевич, по-видимому, проникся важностью

минуты, но и здесь не пошёл дальше избитых форм своего ритуала. Он распростёрся «крыжом»...

Не считая себя в праве давать подробный отчёт о настоящем процессе, мы ограничимся лишь сущностью дела.

Г. Прокурор в своей речи назвал это дело печальным по своему существу и трудным в судебном отношении, так как слишком много в нём неправды: – во всём и у всех, у свидетелей и у потерпевших, видна одна цель, слышна одна просьба и мольба – «покрыть это дело туманом». И действительно, грустную картину представляла на суде эта защита христианского пастыря пасомыми путём клятвопреступлений. Даже юная свидетельница Ненартович, – ещё совсем неразвившаяся миловидная девочка, и та, ради обеления Белякевича, имела силы публично, на суде, взвести на себя тяжкое обвинение, что будто она действительно находилась в связи с евреем, который явился на суде каким-то чудовищем-идиотом, грязным оборванцем, с которым никто из свидетелей рядом в зале суда не решался ни сидеть, ни стоять. Связь эта, – как для всех было ясно, прямо противоестественна и невозможна.

Поведение свидетелей ещё раз подтверждает, в каком духовном закрепощении находится тёмная католическая масса у хитрых и властных ксёндзов, сильных своим влиянием страха и материального гнёта. Обращаясь к впечатлениям от речи талантливой обвинитель, мы должны сказать, что она производила прекрасное впечатление чувством мерности. Не отягчая вины подсудимого политическими подозрениями, оставив совсем в стороне канонические мотивы, обвинитель всецело стоял на почве нравственной стороны дела. Не одевая его в тогу фанатика, прокурор видел в преступных деяниях Белякевича историю нравственного падения христианского пастыря, который, отбросив Крест и Евангелие, взял в руки плеть, пока на этом опасном пути не дошёл до того, что сделался палачом. Мотивом же был известный девиз: цель оправдывает средства, увлечение на почве личного самолюбия, властолюбия и популярности. На толпу труднее действовать средствами духовными, чем орудием насилия. Символ

ненависти – плеть – толпе понятнее, чем Евангелие и Крест, как символ мира и любви. Яркой и трогательной была в речи картина контраста в отношениях Белякевича к блуднице Симонович и Христа Спасителя к ятой фарисеями в любодеевании женщине.

Сущность речей защиты представляется в таком виде. – Первый из защитников – В. И. Спасович – говорил *к уму* присяжных, второй – Андриевский – *к сердцу*. Защита соглашается с прокурором, что дело это *печальное* вообще и для защиты в особенности: так как в деле есть всё для квалификации преступления, не исключая и признания подсудимым своей виновности. Но защита не ожидала, что обвинительная власть укажет одни только минусы и ни одного плюса, – не усмотрит ничего светлого, смягчающего в деяниях и личности подсудимого. В числе этих смягчающих обстоятельств защитником между прочим приведены следующие главные соображения. Подсудимый ксёндз Белякевич 23 лет посвящён в священники католической церкви, – 3 года состоял на службе, – следовательно, практика у него была небольшая, а потому, естественно, он, при своей пламенной ревности об исполнении пастырских обязанностей, увлёкся и начал применять несообразные меры физического воздействия в отношении порочных своих прихожан. Белякевич ревностно выступил на борьбу с пороками паствы, будучи человеком строгой нравственности: ибо сам он ни чревоугодник, ни корыстолюбец, ни пьяница. Нельзя не уважать в нём ревности к исполнению своих пастырских обязанностей. Будучи человеком не высокого полёта по своему образованию и происхождению из крестьянской среды, сделавшись священником, Белякевич встретил в приходе содом преступлений, с которыми и вступил в бесплодную борьбу. Белякевич стремился искоренить один из распространённых видов гнусного мошенничества – это выманивание бесчестными женихами и свахами, под видом приданого, всего состояния невест, а иногда и невинности; боролся с алкоголизмом, с этой целью смело шёл на вечеринки кутил, где ниспровергал бутылки с вином, за которые тут же платил собственные деньги... Белякевич был одинок в своём

деле и его вовремя никто не сдержал, новый настоятель Карповский относился безучастно.

В католической и в других христианских церквях существует одно сильное духовное средство – это покаяние и *епитимии*, которые духовник может налагать на пасомых, и на это не может быть никакой апелляции, – так, например, духовники заставляют лежать крестом (крыжом), целовать землю, исполнять поклоны и проч.

Как правительству смотреть на меры церковной дисциплины? Без сомнения, оно не может относиться безразлично к тому, чтобы авторитет церкви, как одного из важнейших органов в духовной жизни общества и народа, не уважался или подрывался.

В приходской среде нужно различать *два слоя* верующих: один – образованный класс, который набожен по-своему, который понимает и проникнут в своей религиозности началами веротерпимости, христианской гуманности; – иначе смотрит на вещи народ, нижний слой церкви.

Те меры, кои воздействуют на совесть высшего класса, поднимаются на смех в грубой народной среде. Как было тут поступать молодому, ревностному пастырю? Высшие слои современного общества по своему интеллектуальному и культурному уровню живут, действительно, в XIX в., а некоторые только в XVI вступают, эти же пациенты Белякевича и в XIV в. едва ещё вошли. Религиозный долг должен быть исполняем без принуждения, свободно, по совести, в этом его значение и заслуга перед Богом. Но этого рода религиозность чужда тёмному народу, который любит власть твёрдую, как церковную, так и светскую; народ любил Белякевича как такого именно пастыря и не тяготился его строгими мерами воздействия. Не надо забывать, что Белякевич воспитанник духовной семинарии; а все знают, что в этих учебных заведениях даётся одностороннее направление; уму и сердцу питомцев её – чужды широкие понятия о веротерпимости и гуманности. Кроме того, физическое, принудительное воздействие, как воспитательная мера, имеет свои традиции и в истории государственной нашей жизни... Времена, конечно, изменились, прежних наказаний не

существует, законы и нравы смягчены, но идея осталась и живёт в сознании о пользе физического воздействия не у одних только Белякевичей.

Мер этих, конечно, не следовало бы употреблять духовному лицу. Но есть власть, напр. родительская, которой и закон предоставляет право употреблять меры домашнего исправления, заключения и лишения свободы. Лишение свободы не всегда имеет характер преступления, когда напр. оно добровольно. Временное заключение, как административная мера, в порядке вещей. При этом, Белякевич делал это едва ли не с ведома местного ближайшего начальства. Несомненно, существовало ранее взаимодействие между местной светской полицейской властью и церковной, если сама полиция помогала ксёндзу приводить к нему на исправление преступных прихожан; так например Симонович разыскана была по приказу полицеймейстера. Этому порядку вещей лишь недавно был положен конец циркуляром местного губернатора. Нельзя, конечно, поддерживать эту систему о содействии полиции пастырской деятельности духовных отцов. Но в тоже время нельзя не указать *на безусловную верность того положения, что есть среда и люди, где одними словами действовать, действительно, невозможно, и увещания являются лишь пустыми звуками.* Люди, живущие при всех благах столичных и просвещённых центров, могут не понять тех условий, среди которых живут и действуют такие деятели, как Белякевич...

Свобода и неприкосновенность личности, конечно, великие блага цивилизации и культуры нашего века. Святость их должна быть строго ограждаема законами и властью. Но есть же случаи, кои и закон предусматривает не как преступные действия, таково, например, заключение для вытрезвления; таким является в деле случай Мицхайсол, которого пьяного заключил ксёндз Белякевич в сарай и выучил молиться.

Останавливаясь «на декоративной части процесса», – на осквернении склепа, мрачности мест заключения, головы дьявола, защитник не видит тут ничего особенно преступного: образ и напоминание о смерти везде в церквах в широком

употреблении, и тут Белякевич проявил себя лишь последовательным церковником. Голова упразднённого ещё в 1632 г. чërта, у которой и зубы уже вышиблены, защита считает «привязкой к процессу», не имеющей никакого значения.

Белякевич морил своих клиентов голодом – есть не давал заключённым, но он ведь и сам не чревоугодник и руководится правилом есть настолько, чтобы жить. Он человек нестяжательный, у него ничего нет, а жалованья получает только 200 руб. Наконец, Белякевич сам на содержании настоятеля: что последний посылал, то и давалось исправляемым.

Опыт исправления Симонович превосходный, тонко в психологическом отношении рассчитанная мера. Падшая девица после плетей и заключения переродилась, выучилась молиться. В ней добрые начала были придавлены, скрыты, а Белякевич их поднял, и она держится доселе на нравственной высоте и благодарит своего духовного отца, как благодетеля. Белякевичу право наказания её и власть предоставили родители, а по 165 ст. Улож. о наказ. родители могут исправлять детей мерами домашними.

Есть идеалисты, которые говорят, что через 1000 лет культура человечества так возвысится, что люди будут жить без судов, но этого никогда не будет и человеческое общество без уголовных законов и карательных мер физического принудительного воздействия в отношении преступников никогда не может обойтись. «Я боюсь показаться (говорил защитник) отсталым, но, право, *розга*, как педагогическая воспитательная мера вовремя и в меру применяемая, имеет своё благотворное отрезвляющее влияние на человека, с слабой или распущенной волей, как, например, выстрел на бунтующую толпу».

Все уголовные наши законы в существе ведут к тем же мерам. Побои Бернатович нанесены ксёндзом в запальчивости, так как она раздражила Белякевича, а Жуковскую избили другие. В заключение защитник доказывал, что в деяниях Белякевича нет состава уголовного преступления, а есть только превышение власти, проступки по службе. Такова в сущности речь г. Спасовича.

Главные положения другой речи защиты были вкратце следующие:

«Я поведу вас за кулисы защиты, – так приблизительно начиналась вторая речь. – Мой почтенный со-товарищ по защите, приглашая к сотрудничеству в настоящем процессе, – сказал: – я буду разум, вы сердце, в деле защиты.

Известно, что сердце побеждает разум тем, что сердце всегда идёт далее ума. Оно самый высший орган. На университетских лекциях богословия нас учили, что ни разум, ни совесть не могут быть чистыми источниками боговедения и находиться в общении с Божеством, а только одно сердце. (Здесь был приведён цитат из катехизиса Филарета.)

В судах царствует правда и милость, – последнее есть достояние сердца.

Разбирая это дело под руководством сердца, я пойду далее, чем мой предшественник по защите...

Если окинуть общим беспристрастным взором всё это дело, то в результате получим картину процесса совсем *неважного*, не серьёзного, в котором слишком много прикрас, тенденциозности...

Г. Прокурор говорит о главной потерпевшей Симонович, по поводу её слов: „мне здесь хорошо», что это была улыбка страдания. Непонятно, каким образом, эта простая девушка может иметь такие возвышенные мысли и мелодраматические чувства. Этой сентиментальной психологии не понятнее ли будет то объяснение, что после позорной кровати, на которой падшая Симонович продавала всякому своё грешное тело, теперь здесь, под сенью храма, близ мощей святых, – ей действительно было хорошо, ей приятна была эта новая, давно забытая атмосфера.

Белякевич превосходно рассчитал психологически воздействия на душу закоренелой, но молодой грешницы; его мера – *ироническая*.

Остальные потерпевшие были сравнительно с этой такие закалённые в грехах матроны, что на них меры Белякевича не могли производить никакого потрясающего впечатления.

Голова дьявола валялась на дворе, ею дети играли; могли ли испугаться этого заштатного чёрта такие люди, как Бернатович и Жуковская.

Прокурор, чтобы нарисовать мрачнее картину мнимых ужасов, останавливал ваше внимание на испражнениях в подвалах под костёлом. Тут ничего нет удивительного, когда подвалы не запирались и туда мог зайти всякий при крайней нужде... Кто всходил на крышу Миланского чудного собора, тот знает, как и там не трудно испачкаться в человеческих испражнениях. Знаменитые статуи и наши соборы все в птичьих помётах. Так, на земле самые великие вещи страдают от земной нечистоты.

Распутные пьяные женщины гораздо большее истязание выносят в местах вытрезвления. Но там ведь волостное правление! а здесь, – помилуйте, – христианский пастырь! Нет, это дело потому и возведено в громкое, что оно либерально.

Белякевич, – этот почтенный христианский пастырь из народной среды, он из неё вышел и тем он хорош, что не возвысился над паствой своими религиозными воззрениями. Он, задал себе и пасомым великий вопрос: есть ли Бог? И ответил из глубины сердца с простой горячей *верой*: *да есть* Бог, следовательно, есть и вечность, есть муки, рай и ад, и пастырь беззаветно отдаёт себя на служение спасению ближних, на искоренение пороков и грехов. Если бы Белякевич был из того разряда пастырей, кто только и знает, что в широкие (?) свои карманы отсыпает медные пятаки и серебряные монеты, то он бы не делал того, что привело его сюда на скамью подсудимых.

Католическая Церковь основана ап. Петром, у которого ключи рая, у неё есть такое же, как и у нас в православной Церкви, священноначалие – иерархия. (По катехизису Филарета читается далее определение таинства Священства.) Св. ап. Пётр даровал эту благодать священства первому ей Римскому Лину и та самая *неподложная* благодать находится *на челе* подсудимого. Он мог бы и сейчас преподать разрешение грехов, если бы кто из нас, будучи католиком, потребовал от него разрешения грехов и напутствия. Белякевич добрый пастырь, он

помнил своих овец, съедаемых волками, он болел душой за них и сам бросился на спасение погибающих и к нему шли они за помощью. Он ежедневно был осаждаем до изнеможения и усталости и нет ничего удивительного, если раздражался и иногда в гнев применял меры несообразные. Может же раздражаться в больнице врач при наплыве больных, и утомлённый учитель бьёт же по заправке учеников?..

Белякевич действовал в среде отъявленных грешников: кто Бога не боится, убоится ли он церковных законов? Есть среда и люди, где не всегда увещания словесные могут воздействовать и в действительности остаются пустыми звуками. Вот в отношении таких-то и применяет Белякевич меры кратковременного помещения их под своды святынь храма. Он действует как любящий отец, в отношении своих заблудших детей. Он ратовал за Бога. Но Бога никтоже виде нигде же, и Он незримый – не явится сюда, чтобы засвидетельствовать невинность своего верного служителя. Утверждают, что Б-ч причинял страдания, что он палач, а не пастырь; но кто же большие причиняет страдания и мучения, как не хирурги. Иной пациент готов убить врача, в момент операции кричит и мучится под хлороформом даже, а после, когда наступает исцеление от недуга, он готов ноги целовать своего спасителя... Та же картина и здесь. Всё дело в цели. Чтобы судить о тех страданиях, какие Б-ч причинял потерпевшим, нужно прежде принять во внимание и то, от каких мучений пастырь этот избавлял своих порочных пасомых в будущем, а для этого нужно поднять завесу ада и вечного огня геенского. Вот от чего он их избавил.

Более образованный и развитый пастырь, как ксёндз Генис, видит самоуправство, превышение власти, но Белякевич смотрит глазами народа. За грехи Бог наказал людей потопом, Моисею Бог являлся в громе и молнии. Спаситель бичом из храма выгнал торгующих, и небеса сияют не без грома.

Все пасомые высоко ценили меры и личность Белякевича; подчинялись охотно и свободно власти пастыря своего, и никто никогда не думал видеть ни самоуправления, ни оскорбления, ни мучений. Но ксёндз Белякевич нарвался на Бернатович. Она,

будучи так задолжена перед Богом, что давно махнула рукой на будущую жизнь, и жила для благ земной жизни, прошла школу скепсиса религиозного, не имела той простой веры, которую исповедовал сам Белякевич.

Подсудимый по 1117 ст. подлежит суду духовному. В деле не видно истязаний; тут есть только не более, как, побои, т. е. преступления, предусмотренные Уст. о Мир. Суд., о чём говорит мудрое заключение еп. Поллюлиена.

Нельзя смотреть на Белякевича, как на злоумышленника, он стремился к спасению душ ближних, своих духовных детей. Он был строг к себе и к другим, никаких ни сам не допускал увлечений, не прощал их и другим. Кто из вас чище по своей душе, чтобы решиться осудить этого ревностного служителя алтаря Господня? Он ратовал за Бога, он страдал о грехах своей паствы и за это он преступник? Удалитесь от той страстной атмосферы, как борьба с католицизмом. Дело это имеет общецерковный, а не обывательский характер. Проникнитесь тем сознанием, что этот монах не виновен перед обществом и нами» и проч.

Суть речей защиты по делу Белякевича слишком ясна, чтобы комментировать их. Одно можно сказать, что из уст либеральной адвокатуры едва ли это не в первый раз слышатся такие консервативные взгляды, в которых среди фарисейства несомненно много, реальной правды. Но вот вопрос: «чтоб сказали вы, друзья, когда бы сделал это я»? Сколько бы ушатов грязного словоблудия вылило было по адресу православного духовенства православными по метрике российскими либералами, если бы хоть что-либо подобное деяниям Белякевича совершил наш православный священник! Достаточно припомнить гвалт либеральных органов нашей печати по поводу мнения съезда миссионерства о отобрании детей сектантов для воспитания их в приютах. Как недавно печать казнила одного православного миссионера, не подавшего руки на публичном собеседовании своему оппоненту-раскольнику?

Судом Белякевич был приговорён к лишению всех особенных прав и к ссылке на житье в Иркутскую губернию, с

воспрещением всяких отлучек из места жительства в течение 2 лет, а затем выезда в другие губернии и области Сибири в продолжении 8 лет. По Высочайшему повелению мера эта смягчена заменой Иркутской губернии Архангельскою, где теперь и обитает Белякевич. Такова фактическая сторона дела ксёндза Белякевича. Теперь обратимся к канонической.

VII. Каноническая сторона дела.

Изучение фактической стороны процесса и личности Белякевича приводят нас к следующим соображениям и выводам по настоящему делу вообще и в частности – относительно канонической точки зрения на него.

Ксёндз Белякевич совсем не был каким-либо вырождением в среде современного польско-католического пастырства, исключительным фанатиком или человеком жестокого свирепого нрава, а потому и осуждённые законами Империи деяния его отнюдь не плод личного фанатизма или изобретательности обвинённого, а наоборот – продукт системы католического пастырского богословия и не потерявших ещё доселе руководящего для питомца католических школ и клириков значения канонических трактатов католических богословов.

Ксёндз Белякевич – такой же фанатик, как и всякий польский ксёндз, – никак не более. В личном характере и в действиях его мы именно не находим тех типичных черт, какими характеризуется фанатизм, как болезненное чувство. Фанатизм, как известно, есть крайнее усиление религиозного чувства, доходящее до экстаза, – усиление в ущерб другим всем, и особенно умственным, интересам. В фанатических действиях всегда наблюдается нервное, экзальтированное настроение духа, чувствуется самоотверженное горение души, а главное сердца, ради известной идеи, – ничего этого не видим мы ни в характере Белякевича, ни в его деяниях. Мы указывали, как холодно, размеренно, точно по старинному рецепту, или по указке, ведёт он свою *дрессировку* порочных людей – скотов, как клоун в цирке. Сам Белякевич слишком молод, – он совсем не имел самостоятельной пастырской практики, – чтобы прийти к такому пессимистическому заключению, «что на грубый простой народ пастырские увещания не действуют». – Мы из дела видим, что он и не упражнялся в увещаниях, – а более утруждал себя «верёвочкой», чем словами. Нет, Б-ч бесхитростно усвоил себе в семинарии, как девиз пастырской деятельности, – *animalis homo non percipit ea quae sunt spiritus*,

– а в комментариях католических канонистов учил о пользе для души мер физического воздействия, как единственно убедительного способа доказать силу адских мучений, – позавистовался также из живых и ещё недавних преданий и опытов о спасительности «для быдла и смерда» плети и розги – и, при первой же возможности, как только временно назначен был исполнять обязанности настоятеля, за смертью ксёндза Вороновича, – начал, не мудрствуя лукаво, как человек недалёкий и прямолинейный, – открыто применять на практике теорию и систему, которую другие его коллеги тоже проводят, но, вероятно, осторожнее, хитрее.

Нет оснований относить истязания, чинимые ксёндзом Белякевичем своим пациентам, на счёт личной жестокости. В других случаях и вообще Белякевич совсем – не зверь, а наоборот, человек очень добрый, отзывчивый: он всё раздаёт, входит в нужды и скорби семьи, его любят и чуть не боготворят прихожане.

Что Белякевич не *новшество* ввёл в пастырскую практику, это ясно из отношений к его исправительной системе действий со стороны настоятеля, старца Керповского, которого Белякевич в своих позднейших показаниях, данных в тюрьме, т. е. после освобождения от влияния Керповского, – выдаёт как соучастника. Разве могли бы так равнодушно, спокойно созерцать в православном клире такого пастыря-исправителя, как Белякевич. Да об этом после первого же опыта затрубила бы вся округа, – сто жалоб полетели бы к епархиальному и светскому начальству. Ничего подобного не случилось с Белякевичем. Тёмная, духовно-закрепощённая масса забита, ей и в голову не могла прийти мысль, что ксёндз самоуправствует, не имеет права на подобные деяния. А потому, пасомые противоречить боятся, садятся в заключение без протеста, переносят побои, несут иго и бремя, как должное. Не стал бы и сам Белякевич так развязно направо и налево действовать своей «верёвочкой и палочкой», так властно грозить этапом. Белякевич именно был наивно уверен в своём праве, за которое стояла семинарская теория и исконные традиции пастырской практики католического духовенства. В этом его

поощряли молчаливое согласие консистории и самого епископа Поллюена, которые, повторяем, не могли не знать о таком чудотворце и целителе, как Белякевич, далеко прославившийся среди католического мира.

Что не личное только дело Белякевича были его действия, а плод общей системы, своеобразная добродетель и подвиг церкви, – на это указывают деятельные заботы и клириков, и мирян, как «велемощных панов», так и «подлых холопов», как-нибудь замести следы, «смазать» и замять дело, обнажающее тайну внутренней церковно-приходской жизни костёла; – хотя бы это и стоило цены клятвопреступления.., раз цель оправдывает все средства *ad maiorem gloriam* папизма.

Ксёндз Белякевич одним только разве отличается от прочих своих собратьев ксёндзов, что он менее других иезуит и более других властолюбив. Он воспринял уроки и наставления своего семинарского образования и воспитания более непосредственно и горячо, чем его другие товарищи, и сделал слишком поспешный и прямолинейный вывод: папа в Риме, а я, ксёндз Белякевич, в Ковно – единственный властитель и спаситель душ правоверных католиков, а все средства хороши в духовной борьбе за славу католицизма и для закрепощения тёмной массы, палка же и розга или верёвочка – наиболее верное и осязательное средство. Такова логика в действиях Белякевича. Не подлежит сомнению, что исправительные экзекуции ксёндза Белякевича и в глазах его ближайшего епархиального начальства, и среди паствы имели значение *похвальных подвигов*, доблестного служения церкви, коими ксёндз Керповский умилялся, а ксёндз Генис на суде целый дифирамб воспел по адресу подсудимого. Осуждение Белякевича в католическом мире истолковано и увенчано, как мученическое страдание доблестного пастыря католической церкви. Мы имеем сведения, какими почестями и нежными заботами был окружён Белякевич со стороны столичной католической митрополичьей кафедры, при своём появлении в С.-Петербургской тюрьме: к нему был послан суффраган, предложено всё потребное, и, между прочим, было ходатайство

о разрешении Бемякевичу ежедневно совершать мессу в тюрьме.

Если бы деяния Бемякевича были явлением исключительным, не вытекавшим из духа и системы католицизма, – то поступки его должны бы были вызвать негодование, как к деяниям позорным для католической церкви. Но мы видели, что ничего позорящего не усмотрел, даже в официальном своём заключении, сам еп. Поллюен: он все возмутительные преступные деяния подчинённого себе пастыря характеризует не более, как *несообразности*, что надо понимать в том смысле, что де Бемякевич *не сообразовал* с духом времени и обстоятельствами свои деяния, *пересолил*, а в сущности он де исполнял свой долг и творил дело полезное и благодетельное... Таков смысл и тон всего.

Кто знает духовное закрепощение, в каком находится католическое население юго-западного и северо-западного края, тот не может считать деяния Бемякевича какими-то исключительными. Если повнимательнее бы следили за внутренней приходской жизнью католического мира в России, то нашли бы немало Бемякевичей. Разве допускаемое, напр., ксёндзами этих краёв *позванивание* в колокола церковные по лицам, выходящим замуж за православных, как *по умершим* для Царствия Божия и спасения, – меньшее насилие над совестью, чем Бемякевичева плётка?

Обратимся теперь к теоретическим основаниям, которые, по нашему мнению, служат исходной и опорной точкой для подобной практики католического пастырского самовластия и физического воздействия на души католиков. Здесь мы также немало встречаем убедительных подтверждений нашего вывода, что Бемякевич сделался жертвой пастырской ревности своей, что он не сам выдумал эти меры и способы, а лишь увлёкся системой католической церковной дисциплины, что он своих личных выгод не искал, а был только ревностнейшим служителем своей церкви, что он наконец, «спасал» теми средствами своих духовных чад, которые согласны с учением его церкви. Словом, Бемякевич есть *жертва католицизма*, а его возмутительные деяния – лишь практические и

последовательные выводы, ясно вытекающие как из канонических, доктрин католицизма, так и из догматического учения о средствах спасения грешников и вообще о церковной дисциплине.

Вопрос о церковной дисциплине, её сущности, объёме, средствах и т. д. – один из труднейших и спорных вопросов канонического права. Но, кажется, несомненно одно, что католическая церковь (с её ужасными крайностями в применении дисциплинарных мер) и православная (с современным, тоже крайним, безразличием в этом деле) имеют и в этой области церковной жизни *общий* корень. Следующие данные указывают на это: 27-е апостольское правило гласит:

«Повелеваем, епископа иди пресвитера или диакона, биящего верных согрешающих, или неверных обидевших, и через сие утешить хотящего, извергати от священнаго чина. Ибо Господь отнюдь нас сему не учил: напротив того, Сам быв ударяем, не наносил ударов, укоряем, не укорял взаимно, страдая, не угрожал».

Какое значение имеет это правило для церк. дисциплины? Запрещается ли *всякое* биение, или только такое, которое служит средством отмщения *личных* обид? Авторитетные толкователи этого правила позднейших времён склонялись к последнему мнению, которым и воспользовался папизм для своих властолюбивых целей. Так Аристин говорит: «Но не *подлежит извержению тот*, кто благоразумно наказывает бичом погрешающего против священных предметов, как и Господь бичом, сделанным из вервья, изгнал торгующих из храма подзаконного. *Для этого избираются церковные номофилаксы и экдики, как лица, издревле отцами назначенные карать подобные преступления*». Также и Вальсамон говорит: «Впрочем, умеренно наказывать своих учеников и тех, которые согрешают и после вразумления не исправляются, *посвящённым дозволено*, потому что и Господь ударами бича изгнал из, храма торгующих, которые таким образом грешили против божественного». А наша славянская Кормчая говорит ещё прямее: «Аще же кто, целомудрен смысл имый, незаконно

нечто творящего в церкви святых, или во святых местах, биет, таковой не извержется».

Есть и ещё некоторые другие данные, указывающие, что православная церковь в известный период *не чуждалась* в дисциплинарной области *мер физического воздействия* на согрешающих.

Западная римская церковь пошла в этом отношении очень далеко, узаконила то, что было только временным и быть может местным, и, как мы знаем, дошла до инквизиции. Белякевич есть только последовательный служитель своей церкви.

Православная церковь в дальнейшем своём развитии отвергла то, что было в её дисциплинарной области несогласного с духом Христовой церкви, и высказалась определённо и ясно за меры *духовного* воздействия и против физических наказаний.

Вот в этом смысле достопримечательное правило 9-е св. собора Константинопольского, называемого Двукратным:

«Апостольское и Божественное правило подвергает извержению священников, дерзающих бити верных согрешивших, или неверных нанесших обиду. Ухищряющиеся угодити своему гневу, и превращающие апостольские установления, разумеют не токмо о бьющих своеручно, хотя оное правило ничего такого не назнаменует, и правый смысл тако разумети не попускает. Ибо по истине было бы нерассудительно и весьма погрешительно, аще бы нанесший своеручным биением три или четыре удара подвергаем был извержению, а между тем, по данной свободе бити посредством повеления, простерший истязание до жестокости и до смерти, оставался бы ненаказанным. Итак, поскольку оным правилом определяется наказание за биение вообще, то и мы согласно определяем. *Подобает бо священнику Божию вразумлять не благонравнаго наставлениями и увещаниями ИНОГДА ЖЕ и церковными епитимиями, а не устремляться на тела человеческие с бичами и ударами.* Аще же некие будут совершенно непокорны, и вразумлению чрез епитимии не послушны: таковых никто не возбраняет вразумляти преданием суду местных гражданских начальников. Понеже пятым

правилом Антиохийского собора постановлено, производящих в Церкви возмущение и крамолы обращатп к порядку внешнею властью».

Обращаясь к позднейшим трактатам католических богословов по сему вопросу, мы в них находим прямое оправдание с канонической стороны деяний Белякевича.

Разве не имеет сходства следующая параллель пастырской практики, имевшей место 800 лет назад, с практикой наших дней, допущенной Белякевичем.

В истории читаем: *25 января 1077 г. Генрих IV* был приведён в Каноссу, окружённую тройной стеной. *Здесь в продолжение трёх суток, с утра до вечера, он стоял на дворе между второй и третьей стеной, в одежде кающегося и с голыми ногами, не принимая пищи.* В судебном, производстве говорится: Белякевич 6-го августа 1898 года в г. Ковно самовольно и насильственно лишил свободы на время *от часа дня 6 августа до 7 часов вечера 7 августа* 1888 года Антона Михайлова Мацкайиса, заключив его, против его воли, в помещающуюся при костёле св. Троицы запертую тесную *коморку, в которой находился стол из-под катафалка, дав ему во время заключения кусок чёрствого хлеба и воды»* и пр. При этом папа Григорий VII поступил с Генрихом IV *более грубо*, чем Белякевич со своим духовным сыном, – и однако же его никто не судил и злодеем не считал. Разве доблести этого папы не могли увлечь на тот же путь спасения грешных молодого, недалёковидного Ковенского героя.

Православная Русь и просвещённый христианский запад возмущается делом Белякевича, видя в нём остатки инквизиции. Но так ли смотрят на дело сами католики и что по сему предмету преподавали Белякевичу в Тельшевской семинарии?

На Западе среди католических писателей ещё и в настоящее время есть многие, которые не только защищают инквизицию, но, подобно папе Павлу IV, признают её *благодатным внушением Св. Духа и домогаются её восстановления.* Так, с 1877 года инструкские иезуиты, с Визером во главе, издают журнал, в котором высказываются за

восстановление инквизиции. В таком же духе пишут в Испании Orti y Lara (La inquisition, Мадрид 1877), в Германии – бенедиктинец Gaws, в Бельгии – Pouillet и др. Разве эти вдохновители не могли влиять на Белякевича? Вместе с тем Белякевич мог находить оправдание для совести своей мер физического воздействия и вообще своей практики в самом догматическом учении католицизма об *епитимиях*.

По учению Православной церкви, от кающегося грешника для прощения его грехов требуется: сокрушение во грехах, намерение исправить свою жизнь, вера во Христа и надежда на милосердие Божие. *Епитимия* не составляет *существенного момента в покаянии*; она есть только *средство исправления*. Не так учит католическая церковь. Там епитимия есть существенная часть в покаянии и имеет значение *платы, наказания, возмездия* или *удовлетворения* за грехи. Епитимия, а не *крестные заслуги* Спасителя, примиряет грешника с Богом, по учению католической церкви. «В пространном римско-католическом догматическом и нравственном катехизисе, составленном ректором римско-католической духовной академии, Домиником Стацевичем и одобренным митрополитом римско-католических церквей в Российской Империи Головинским, читаем (стр. 166): в таинстве покаяния не иначе получается прощение, как под условием, что грешник подвергнет себя добровольно епитимии, или временному церковному наказанию, смотря до важности преступления»... «Причина, по которой церковь, оставляя без епитимии грешников крещаемых, подвергает оной окрещённых, очень явственна; ибо справедливость требует поступать иначе с теми, кои согрешили, быв ещё ослеплены неверием и не имея сильной помощи благодати в борьбе против похотения, и иначе с людьми уже просвещёнными светом Божественной истины... Эти люди без сомнения виновны и достойны чтобы Бог заставил их слезами и трудными христианскими подвигами, снова заслуживать благодать Его, могущую оправдать их и сообщить им, в таинстве покаяния, духовное возрождение и новую жизнь. Для них довольно уже того, что им *прощается вина*, т. е., вечное за грехи наказание, а требуется только временное

удовлетворение правосудию Божию». Стр. 167: «Покаяние состоит из трёх главных частей, а именно: *сокрушения, исповеди и удовлетворения*». Стр. 169: «Он (кающийся грешник) обязан смирить гордыню свою, слушать с уважением все наставления духовного отца, который, при совершении таинства покаяния, заступает место *Иисуса Христа* (?!), и охотно подвергнуть себя возложенной епитимии, как ни была бы она трудна, тем более, что нынешние церковные *наказания* вовсе не тяжки и даже, сказать можно, легки в сравнении с прежними, продолжительными и строгими, епитимьями. Наконец, он не должен роптать или «возражать» и т. д. Стр. 170: «Что же касается до епитимии, то она должна иметь некоторую соразмерность с прежними епитимиями».

Итак, если по учению католической церкви, грешник должен *«охотно подвергнуть себя возложенной епитимии, как ни была бы она трудна»* и если он не должен *ни роптать, ни возражать*, то очевидно, что в глазах истинных католиков виновен не *ксёндз Белякевич*, а те духовные чада его – Бернатович и Жуковская, которые пошли жаловаться на него в полицию за то, что он прилагал всё своё усердие для доставления им спасения. Отсюда понятно поведение на суде прочих потерпевших. Естественно, что некоторые католики не могут признать справедливым и решение петербургского окружного суда по этому делу. Оно им может представляться только *делом господствующей* якобы в России *религиозной нетерпимости*. Понятно почему доселе католический мир не, может понять, за что *Белякевич* осуждён русским уголовным судом, раз в католической церкви позволительны для кающихся *те грубые телесные наказания, которые употреблял Белякевич*. Католическая церковь не только признаёт, но и очень часто употребляет *телесные наказания* – *роенае vindicativae*, состоящие в лишении свободы, денежных штрафах и телесных наказаниях (до 39 ударов) в собственном смысле (см. Schulte Lerbuch, § 98). А по отношению к грешнику нераскаянному, заслуживающему отлучения от церкви или даже отлучённому, некоторые католические богословы *не признают преступным и убийство*.

Так, напр., «непогрешимый» папа Урбан II (Friederich, Die Gränzen, Abth, 3, стр. 808) объявил, что таких несчастных не следует считать людьми, а лишь *дикими птицами*, и тот не брал на свою душу никакого греха, кто в порыве своего священного гнева убивал их. Убийство явного и нераскаянного грешника, отлучённого от церкви или только заслуживающего такого отлучения, не признают греховным и знаменитые римско-католические канонисты.

Так, напр., *Тесаврус* (De poenes eccles. Praxis absoluta et universalis notis et acces. locuplet. aq Ubaldo Giraldi. Rom. 1760. P. I. cap. XXXVIII) называет достойным похвалы у Бога того, кто предательски убил бы такого явного и нераскаянного грешника; вообще же по его учению, такого грешника позволительно и явно убить безнаказанно ради общественной пользы и в виду его тяжкой вины, именно на вопрос: «an sit li licita sententiā banni, ut talis possit impune a quovis occidi» он отвечает: «licitam esse, quia eorponitur eam proferri ex justa causa ob graviora crimina et expedire ob publicam utilitatem»... (См. ст. Южн. Кр. 1899 г.).

Пруссия уже давно ещё, в 1873 г., так называемыми майскими законами (§ 3 зак. 12 мая 1873 г.) объявила католической церкви, что на *телесные* церковные наказания она смотрит как на уголовные преступления и признаёт их безусловно недопустимыми; Австрия последовала примеру Пруссии в 1874 году (§19 зак. 7 мая). Если бы то же самое сделала и Россия, подобные преступления, какие совершены Белякевичем, не имели бы места, а если бы и повторились, то осуждение их не давало бы повода католикам упрекать русскую власть в недостатке веротерпимости.

VIII. Значение процесса Белякевича.

Нам остаётся сказать несколько слов о том значении, какое имеет судебный процесс ксёндза Белякевича. Ответом на этот вопрос служит весь сообщённый нами выше судебно-следственный материал, на котором мы остановились с возможной обстоятельностью. Здесь мы подведём лишь итоги сказанному. Значение этого редкого громкого процесса должно быть рассматриваемо нераздельно со стороны государственной и церковно-миссионерской.

Раз есть наличность преступления, закон должен быть равен и неумолим для всех и каждого, не взирая на породившие его мотивы и обстоятельства, хотя бы последние лежали вне личной злой воли преступника.

Раз Белякевич совершил описанные действительно преступные деяния, предусматриваемые точным смыслом закона, он, как русский гражданин, должен был понести наказание, налагаемое законами государства. Суд, как исполнитель закона, не мог, очевидно, согласиться с доводами защиты, а равно и не имел поводов и основания входить в исследование канонической стороны дела, на почве которой совершены, по нашему мнению, преступления Белякевича, – тем более, что суду ни епархиальное начальство Белякевича, ни защита, не указали на эту сторону, смягчающую вину Белякевича, а с известной точки зрения и совсем изглаживающую её. Мы выше привели доводы защиты, не ради удовлетворения любопытства своих читателей, а для обсуждения того главного положения защиты что будто бы в христианской церкви есть среда, на которую иначе и нельзя действовать, как только плёткой и физическим вообще принуждением. Это грубое, отжившее, ничем не оправдываемое заблуждение. Если так смотреть, как посмотрели в деле Белякевича либеральные адвокаты на низшие не культурные слои церковного общества, то тогда придётся слова убеждения и миссионерского увещания в отношении наших сектантов заменить полицейской нагайкой. А сколько однако проливается

крокодиловых слёз теми же самыми или подобными либеральными защитниками сектантства по поводу правительственных репрессий, принимаемых иногда, в исключительных случаях, в отношении сектантов и раскольников, хотя репрессии эти никогда и нигде, даже в руках сельской администрации, не доходили до такой формы и степени, как действовал пастырь Белякевич. Почему же там – в мире раскола и сект не видят либералы наши такой же среды и таких же условий, не признают, что нередко от мер духовного увещания действительно остаются одни лишь бесполезные разглагольствования, особенно когда миссия Церкви встречается с своекорыстными побуждениями главарей, с злой волей или безумным фанатизмом агитаторов, оскорбляющих народную православную массу в самых святых её верованиях, развращающих своих слепых последователей? Неужели так покладисты убеждения наших отечественных либералов, что их за ту или другую цену можно заставить двойной мерой измерять, один и тот же предмет? Тенденция, проводимая в речах гг. Спасовича и Андриевского, что будто бы народная среда и грешники из неё не способны, в области нравственной своей жизни, к восприятию слова убеждения, – совсем несправедливая и крепостническая. Народная масса вообще, католическая особенно, представляет собой девственную, благодарную почву для духовного делания и – если хотите – более чуткую и отзывчивую к слову пастырского увещания, чем те просвещённые слои, которые, по выражению г. Спасовича. живут в XIX в. И если уж надо оправдывать применение мер исправления ксёндза Белякевича, то скорее в отношении этой культурной среды, которая не только слушать, но и знать не хочет мер церковной дисциплины. Интересно, что бы в защиту сказали гг. адвокаты, если бы Белякевич отхлестал своей верёвочкой грешную пани? Католическая народная масса слишком духовно закрепощена, запугана своим клиром, все искони направлявшим к тому, чтобы сделать её покорной, слепой, инертной в церковном отношении. Народ католический лишён права и мыслить о предметах веры, и говорить, и читать. Благодаря этим мерам нравственного и физического насилия со

стороны своего клира, католическая русская масса непроницаема для православной миссии. Случаи перехода в православие из народа, по свободному убеждению, или под влиянием православной миссии совсем редки. Достаточно ксёндзу позвать такого к конфессионалу, как проходит всякая решимость. Правда менее доступна католическая народная среда и проникновению в неё лжеучений штунды. У нас нередко ставят это в заслугу католическому духовенству, якобы более зорко охраняющему свою паству, чем наши православные пастыри. Здесь большая ошибка. Католики не внемлют голосу штунды прямо ради страха перед костёлом, в виду тех мер, какими исправлял Белякевич Бернатович. Симонович. Если за обычные грехи так наказывают ксёндзы, то что же за уклонение в штунду и ересь сделает всякий пастырь! Католики более на свете сём боятся ксёндза, чем на том огненной геены. Мы не знаем ни одного случая, чтобы ксёндзы действовали словом убеждения против штунды, хотя последователей её из католиков в юго-западном крае и в Киеве насчитывается немало. Наоборот, ксёндзы высокомерно смотрят на эту «холопскую скаредную веру»; отпавших они называют не иначе, как «паршивыми овцами», «худой травой», – которую надо из поля вон, а не назад возвращать, в вертоград церковный.

Менее всего настоящий процесс имеет значения для самого Белякевича: – он слишком жалок и ничтожен для такого громкого дела. Не существенное значение имеет дело Белякевича и как наука и острастка для прочей ксёндзовской братии: – она слишком хорошо дисциплинирована и закалена, чтобы образумиться от этого одного урока. Ксёндзы будут разве только осторожнее в своих мерах физического воздействия «на поганое быдло и смерда», помня дело пана Белякевича.

Большее значение процесс имеет как публичное государственное осуждение системы и практики церковной дисциплины католицизма, допускающего такие непозволительные, по законам Империи и с точки зрения истинного христианства, меры.

Кроме того, ничем не заменимое огромное значение процесс Белякевича имеет и в отношении самой духовно-

закрепощённой народной массы, слепо и покорно «верующей во всемогущую власть и широкие права своих ксёндзов. Теперь из дела Белякевича ковенская приходская среда должна была прозреть, что есть власть государственная, которая выше и могущественнее ксёндзовской власти, что есть закон, который ставит пределы насилию костёла над совестью и телом католиков русских, который одинаково ограждает права личности, свободу и честь каждого гражданина, будет ли он «быдло» или пан иди ксёндз. Народ должен был понять, что перед законом царским и правдою государственною все равны.

Если масса народная того края, где царит произвол и насилие польских ксёндзов, не прозрела этого смысла и значения процесса Белякевича, то ей надо помочь в этом, – надо указать и выяснить русскому, верному престолу и отечеству, католического исповедания народу его св. права, как гражданина, – его неприкосновенность личности, ограждаемую законом, хотя бы оно касалось и костёла и клебани. Пусть масса знает, что и там нельзя никому самоуправствовать и господствовать над Божиим созданием и царскими верноподанными. С этой точки зрения нельзя не пожалеть, что процесс слушался при закрытых дверях, и выяснившиеся на суде возмутительные подробности из преступных ксёндзовских деяний остались без надлежащей огласки в русской и заграничной печати. Но процесс Белякевича, по силе своего освежающего душную замкнутую атмосферу польского католицизма на Руси, – влияния имеет значение скоропроходящей грозы, порыва ветра – не более. А между тем, зло насилия и самоуправства католического клира, в отношении пасомых русского народа, настолько глубоко укоренилось, что давно бы пора, кому следует, принять более систематические и решительные меры против этого зла. Благодушная Россия в этом отношении отстала от западных государств, издавших упомянутые законы.

У нас в России прежде всего необходимо установить меры к более существенному и действительному правительственному контролю над католическими духовно-учебными заведениями. Чему там учат, по каким учебникам. как воспитывают – никто

ничего не знает. Обратите внимание, что никогда нигде в печати не появляется никаких сведений даже о внешней стороне положения католических семинарий. Едва ли кто знает, где и сколько в России этих семинарий и академий. Это какое-то независимое государство, тайная корпорация в государстве. У нас хвалятся добрыми нынешними отношениями с Римской Курией, но не приобретены ли они дорогой ценой какой-то автономной независимости семинарий от государственного надзора? Пока католические семинарии будут воспитывать в будущих пастырях католических такие убеждения, какие привели неосторожного, простодушного, недурного человека, но плохого иезуита Белякевича на скамью подсудимых, до тех пор источник костельного и ксёндзовского духовного крепостничества народных масс и политическое смятение в умах католического интеллигентного общества не прекратится; и подобные процессы останутся лишь слабыми паллиативами.

Надо правительству наблюдать за учебными заведениями и не забывать костёлов, конфессионалов и клебаней – таков конечный урок процесса Белякевича.

В. Скворцов

Из миссионерских летописей, дневников и записок

Ивановский Н. Ив. Мои письма к бегунской наставнице (игуменьи) в Казани. (Продолжение) // Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 638–648

Письмо 2-ое.²¹¹

День Святой Пасхи 18 апреля 1899 года.

Раба Божия!

Пишет тебе опять тот же академический старик. Так как письмо моё ты выслушала от Лизы (которая, прямо скажу, моя крестница) и не отвергла его, а унесла с собой, то я надумал и ещё написать тебе. Поводом к настоящему писанию служит светлый праздник Христова Воскресения, которое исповедует и проповедует весь род христианский.

И при этом всеобщем исповедании, при этой всемирной проповеди сегодня мы слышим в церквах и в домах, при посещении их духовными лицами со святыней, да и везде и повсюду слышим слова: «друг друга обьемем» и «простим вся воскресением» всем, кто только носит имя христианина, приличествует во имя Воскресшего исполнить сие.

Таким образом, в нашу личную нравственную жизнь Воскресение Господа вносит взаимную любовь и всепрощение.

Но не об этом я хочу повести речь, а о том, что приносит оно по отношению к нашей вере и нашему упованию. Святое Писание глаголет: аще Христос не воста, суетна вера наша, тщетно наше проповедание и мы ещё во гресех наших (I Коринф, зач. 169, гл. 15 ст. 14 и 17). Ныне же Христос воста от мертвых начаток умершим бысть... Якоже о Адаме. вси умирают, такожде и о Христе вси оживут (Коринф, зач. 160, гл. 15, 7, 20 и 22). Посему мы веруем и исповедуем, яко воскресший из мертвых Христос Своєю смертью поправил, сиречь истребил, смерть, даровав жизнь во гробах находящимся, и, снишед во ад, разрушил темницы адовы. «Где ти смерте жало? Где ти аде победа? Огорчися, ибо упразднися, огорчися ибо поруган бысть» (из слова св. Златоуста на Пасху, см. в Цветной Триоди).

Правда, мы и теперь умираем, но умираем уже не для смерти, но для жизни. Посему: «нести убо, Господи, рабом Твоим смерть исходящим нам от тела и к Тебе, Богу нашему, приходящим, но преставление от печальнейших на

полезнейшая и сладостнейшая и на упокоение и радость (из молитв на день Пятидесятницы, см. в Цветной Триоди). Ясно это христианину потому, что ещё при жизни нашей на земле мы носим в себе честное тело Господа и животворящую кровь Его, по реченному: *ядый Мою плоть и пияй Мою кров иматъ живот вечный* (Ин.6:54). Правда, и теперь рассеянные приставники ада смущают ум, колеблют веру, развращают сердце и направляют волю немощного человека ко злу. Но теперь в немощах человеческих совершается уже сила Божия; бывают, конечно, и теперь падения, но есть за то и восстания через эту Божию силу, есть грех, но есть и очищение от греха, есть смущение совести, но есть и средство примирения с Богом через властное от имени Божия грехов разрешение (Ин.20:22–23) и кровию Агнца непорочна и пречиста Христа (1Пет.1:19). Теперь, вместо разрушенных адовых темниц – дом, Христом созданный и благодати исполненный, – сиречь Церковь Его святая, дом, в коем и можем мы все сие получить. В этом доме мы не одни, а вместе с воскресшим Христом. Вот что приносит нам Воскресение Христово! Вот что значит для нас и праздник Воскресения! Вот почему мы и «веселимся божественне, яко воскресе Христос» (из Пасхального канона).

И воскресший Христос «всесилен», победа Его есть победа вечная; слава Христова в Церкви – слава неувядаемая, торжество Его над смертью и адом – нескончаемое; потому что «с нами неложно обещался Он быти до скончания века» (из Пасхального канона). И крест Христов, на главах церковных сияющий и каждым из вас на персях носимый, есть видимое вечное знамение этой победы; воссияет это знамение и в день последнего суда Господня. И всё сие также велегласно исповедует и проповедует мир христианский: – «Светися, светися новый Иерусалиме (сиречь Церковь Божия), слава бо Господня на тебе воссия. Ликуй ныне и веселися Сионе» (Пасхальный канон). – Без этой проповеди и христианства нет, и тщетно было бы исповедание наше.

Но откуда-то, чей-то слышится голос отчаяния и неверия в вечной Христовой победе, и обещание Господа «с нами быти» является не «неложным». Откуда же, вопрошаем, туча грозная

заволакивает горизонт, дабы пресечь свет сияющего солнца – Христа? Не в странах иноземных, а у себя дома слышу проповедь, яко бы враг Христа (антихрист) снова восстановил темницы адовы, светлые же обители Христова дома опустошил, лишив живущих в нём и приставников, от святых апостолов по преемству идущих, и печати дара Духа Святого, и грехов властного разрешения, и пищи и питья бессмертия. Слышу проповедь, яко возлюбленная невеста Христова Церковь ограблена разбойниками: отнят у ней и перстень обручения, и драгоценный дар грехов отпущения, и бесценное сокровище со Христом соединения. Читали мы сегодня в слове св. Златоуста: «Трапеза исполнена. Насладитесь вси. Телец упитанный. Никтоже изыдеши алкай, вси насладитесь пира веры». Но где этот телец? Не вижу Его. Выкрали Его из дома Господня. Уж лучше бы и не читать тогда: «насладитесь вси», когда наслаждаться нечем, вкушать нечего. Слышу, правда, при этом и невольно вырвавшееся стенание, при перенесении на преждеосвящённой литургии Св. Даров: – «какой благодати мы лишились!» Да не будет же это стенание – стенанием ада: «увы мне!.. уне мне бяше, аще бы от Марии Рождшегося не приял» (Стих. на Велик. Субботу). Но да будет сие человеческое стенание болезненным воплем не потерявшей ещё веры души!

Но возвращаюсь к тому, что слышу без стога, с тупым самомнением проповедуемое. На основании всей этой проповеди чудится мне, – именно точно привидение какое-то страшное чудится, якобы Домовладыка – Христос не сохранил в устроенном виде Своего дома, что не уберёт Жених Своей невесты, ради которой и Себе на смерть предаде. Точно кошмар тяжёлый давит меня при мысли, якобы кончилась Его победная слава; крестом приобретённая и воскресением всему миру явленная. Что же мы после этого и празднуем, и чему ликует Церковь Божия? Что радостного приносит нам праздник Воскресения? «Где ты, аде, победа», вопрошаем мы словами вселенского учителя. Но приставник ада ответит: «вот она», эта ваша победа, – смотри. Тельца упитанного нет, хотя ты и призываешь вкусить Его и насладиться Им. Зачем, точно в посмеяние себя, и звать на несуществующую вечерю? И другие

дары благодати также отняты и истреблены, а приставники церкви все изменниками оказались. Это всё наше адское, антихристово дело, и выходит не твоя здесь, а наша победа, и мы ликовствовать можем, а не вы. Чудится в этом, таким образом, злорадство денницы... Размышляя о сём с грустью примечаю и то, что Христова кровь напрасно пролита и нас уже не пользует, что враг взял силу над Христом и снова, как и после падения, удалил человека от лица Божия, разрушив завет, сиречь союз его с Христом, и Христа с ним. И вот я, – грешный, слабый человек, опять один, самому себе предоставленный. И темно в уме, и тяжело на сердце от всей этой проповеди; светлое упование сменяется мрачным отчаянием.

Но откуда этот голос, который я слышу, откуда видения, меня удручающие, – от Бога ли, или от того же хвастливого врага? Оставляя светлое упование и песнопения Церкви, беру в руки прямо Божественное Писание, дабы проверить и пасхальное ликование церковных песнопений. Беру и читаю:

созижду церковь Мою и врата ада не одолеют ей. И дам ти (апостолу Петру) ключи царства небесного. Елика аще свяжеш на земли, будет связана на небеси, и елика аще разрешиши на земли, будет разрешена на небеси (Матфея зач. 67). И в другой раз, по воскресении Своем, Господь всем апостолам, рёк: *приимите Дух Свят, имже отпустите грехи, отпустятся им, им же держите держатся.* (Ин.20:22–23). Посему св. Златоуст, размышляя о сём божественном праве, вязания и разрешения, называет служение преемников апостольского служения – лиц священных, выше ангельского и архангельского, так как ни ангелам, ни архангелам Господь не дал такого права, и поясняет: «яже иерей долу на земле творит, горе (на небе) рабский совет Владыка подтверждает... (Беседы о священстве). И опять читаю из посланий св. апостола Павла: *Аз приях от Господа, еже и предал вам, яко Господь Иисус в ночь, в нюже предан бываше, прием хлеб и благодарив преломи и рече: приимите ядите сие есть тело Мое, еже за вы ломимое: сие творите в Мое воспоминание. Такожде и чашу по вечера глаголя: сия чаша Новый Завет есть в Моей*

крови: сие творите, елижды аще пиете, в Мое воспоминание. Елижды аще ясте хлеб сей и чашу сию пиете, смерть Господню возвещаете, дбндеже приидет (I Коринфянам зач. 149). «Яко до скончания ту пребывает», поясняет св. Златоуст (Беседы на 14 посланий ап. Павла. Киев 1623 год). Итак, во 1-х, Завет Новый в крови Христовой заключается, якоже и Церковь воспевае: «Завет Новый завещая и кроплением: да обновятся людие Божия крове» (Канон на неделю Ваий). И, во 2-х, завет сей есть завет вечный; иного ещё более нового завета не будет. Посему и св. Евангелие вечно (толков. апокалипсис) и никогда не изменится (Благов. Луки зач. 107) И во время последней жесточайшей брани с антихристом Церковь не лишится сего и не отступит от сего, а побежит в пустыню, имея два крыла орла Великого, сиречь ветхий и новый завет (Апок. толков.). И там в пустыне с св. Евангелием в руках и в сердце она будет исполнять закон евангельский. Итак, победа Христова над адом есть, действительно, победа вечная, и *Тому слава в церкви во все роды века.*

Под водительством Божественного Писания опять светло у меня на душе, и радостен праздник Воскресения, как воспоминание победы нескончаемой силы Христовой, неодолимой не в Его только Лице, но и в устроении Его Церкви. Посему есть с чем, значит, по-христиански поздравить и тебя – с этой победой Христа над адом и возгласить: «Христос воскрес!»

Надеюсь, что и ты, как «истинная христианка», по крайней мере, если не во имя упования, то во имя любви христианской, ответишь мне каким-нибудь путём, – хотя бы через Лизу, – «воистину воскрес!»

Старик, желающий тебе спасения.

Примечание. Ты называешь меня язычником. Но скажи по совести, что ты нашла языческого, когда была в библиотеке? Да и настоящее письмо разве язычником написано?!

Молись, старица, воскресшему Богу Христианскому, да избавит Он тебя от всех напастей вражиих и спасет, яко милосерд!

Письмо 3-е.

25 апреля.

Раба Божия!

Вчера, при чтении мной написанного тебе письма, на возглашение «Христос воскресе», ты ответила мне: «у нас воистину воскресе». Тогда я не обратил внимания на это «у нас», сказанное очень тихо, дабы я и не расслышал, но сегодня поразмыслив об этой прибавке к общепринятому пасхальному приветствию, недоумеваю, что значит это слово. Посему мне и хочется остановиться на нём, дабы разъяснить его смысл. Конечно, лучше всего было бы у самой тебя спросить об этом; но первое, не знаю, придётся ли нам скоро увидеться²¹², а второе, сомневаюсь, чтобы ты мне и разъяснила это. Делать нечего, буду останавливаться сам предположительно на возможных объяснениях означенной прибавки с разных сторон, – быть может, попаду и на то объяснение, какое ты и сама дала бы, если бы захотела, – а вместе с тем, постараюсь показать, насколько это слово «у нас» годится тебе при пасхальном ответном приветствии, насколько оно согласуется с верой в воскресение Христова, с убеждением в вечной Его победе над адом.

1) Беру сначала самое простое, буквальное понимание слова «у нас», т. е. «в нашем обществе, среди нас». Но известно, что Христос Спаситель воскрес и не у нас, и не у вас, а в Иерусалиме, среди врагов, на смерть Его осудивших. По воскресении же Своём Он являлся ученикам Своим и жёнам мироносицам. И было всё это тогда, когда не только нас с тобой, но и самого старообрядства нашего и в помине не было. Тогда и в основанной Господом, по воскресении, церкви – и песнопения, и обрядовые действия были иные, чем теперь у нас и у вас, а очень многое, что употребляем мы и употребляете вы и о чём вы готовы спорить до слёз, явилось уже впоследствии, по истечении нескольких веков, и часто видоизменялось. Если же что было и тогда, и неизменным что оставалось и во все последующие века, так это – то, что на ряду, с крещением

низводился на крестившихся и Дух Святой или возложением рук апостольских, или святым помазанием, – что ежедневно приносилась тогда и Жертва Христова в воспоминание смерти Его, что и к больному призывались старейшины, сиречь пресвитеры церковные, для исповедания грехов и для помазания елеем, – что через рукоположение св. апостолов и их ближайших учеников и преемников сообщался некоторым избранным и особый дар священства на служение церкви и пасение стала верующих. – И если бы служители и самовидцы Слова, ученики Спасовы, с жёнами мироточими снова явились на земле для проповеди, то они и только они – могли бы сказать: «у нас, или при нас воистину воскрес Христос». Но и сие ответное приветствие рекли бы они не на умаление церкви Божией и заключающихся в ней благодатных даров, не на посрамление Главы её, а во уверение истины воскресения и вечной победы Его над адом, а равно – и во утверждение слов Господа о неодоленности церкви, как тела Христова, с преизобильными в ней дарами благодати Св. Духа, через внешние посредства, сиречь таинства, сообщаемой (Больш. Катех.), ею же мы и спасаемся. Иной их проповеди не могло бы и быть.

Но, может быть, ты усомнишься в последнем, или у вас усумнятся, а при этом и легкомысленные найдутся и скажут: «да, если бы на самом деле апостолы Христовы снова явились на земле и сказали бы это – т. е. что церковь Христова всегда пребудет в полноте устройства, с таинствами и со священноначалием, то мы поверили бы; а теперь кому верить, – кого слушать: один говорит одно, другой другое. Не впервые и не теперь только слышится это легкомысленное слово. Ещё Христос Спаситель, применительно к понятиям иудеев, рёк притчу о богатом и Лазаре. В этой притче мы читаем, что богатый, мучась во аде, молил Авраама, чтобы он послал Лазаря в дом отца его, сказать братьям о его мучениях, чтобы и они не пришли в то же место мучений. Глагола же ему Авраам: *имут Моисея и пророков, да послушают их*. Аше же Моисея и пророков не послушают, *то, если кто и из мертвых воскреснет, не поверят* (Лук. зач. 83). Посему и

легкомысленным требователям чуда можно сказать, «имут св. Евангелие и прочия божественные писания, да послушают их». И напрасно, значит, было бы появление на земле св. апостолов для подтверждения того, что ими же возвещено уже было. Вот почему ещё в первом своём письме я писал тебе, чтобы не смотреть на глаголющего, т. е. кто говорит – тот или другой: Ивановский, или Василий Александров²¹³, а на глаголемая в писании, и пленять сердце в послушание ему.

Итак, слова твои «у нас воистину воскресе» представляют по раскрытому смыслу что-то очень детское, какое-то лепетание без ясной мысли.

2) Но вероятно, не так я понял тебя, не тот смысл дал твоим словам, т. е. твоей прибавке. Слово «у нас», может быть, то означает в твоих устах, что вы, т. е. ваше общество, и только оно одно, исповедует воскресение Христово, а все другие якобы не исповедуют, что посему вы только и празднуете день Воскресения, только к тебе и твоему обществу относятся и все ликования церкви. Но тщетные мечты и вместе с тем горделивые! Христос и умер за всех, и воскрес, да всех умерших приведёт с Ним к Богу. Посему, все мы имамы избавление кровию Его и оставление прегрешений по богатству благодати Его (Ефес. зач. 217). Всё моё второе письмо и было посвящено разъяснению того, что вера в воскресение Господа – всеобща у всех христиан, и еретики, во многом заблуждающиеся, не отвергали и не отвергают его. Поэтому и праздник Воскресения есть общехристианский праздник; истинно же его празднуют те, кои имут и Тельца упитанна, у коих воспоминается и смерть Христова не словами только, но и видимым таинственным воспоминанием. Если же от тех, коих вы еретиками и язычниками именуете, на вас обратить взор, то у вас-то и нет этого; да мало того: у вас-то и слышится проповедь, яко победа Христа над адом окончилась, так-как дом Божий уже полуразрушен, – что я и раскрывал тебе в своём втором письме. Поразмысли об этом, ведь это – богохуление. Не хочу сказать, что ты желаешь похулять Бога, но так это выходит из вашей беспоповщинской веры, которую ты и выразила в твоей оговорке «у нас». Где же, спрошу, у вас? Где

нет ничего, или слишком всё умалено. Сказать беспоповцу: «у нас воистину воскресе» – ведь это насмешка над собой, и не я виноват, что так выходит из всего вашего упования.

Но слышу уже огорчение и объяснение ваше, якобы вас оправдывающее. Всё сие видимое умаление благодатных даров Бог-де попустил за грехи людей и за отступление. Но ведь за грешных Господь и кровь проливал, дабы кровию Своею очистить их от всякого греха (1Ин.1:7). Ужели Он же и лишил их этого средства очищения?! Или же враг и противник Христа сие учинил? Но единожды Единородный Сын Божий уничижил Себя, *зрак раба приим... и послушлив быв даже до смерти крестные* (Флп.2:6–8). Единожды Он, со Отцем неразлучный, томимый в безмерных муках, – вопиял ко Отцу: *Боже Мой, Боже Мой, вскую Мя еси оставил* (Мф.27:46). Ужели мало один раз такого уничижения и посрамления Бога, во образе человека, а понадобилось и ещё новое уничижение Его в теле церкви Его, понадобилось и явилось это уничижение тогда, когда Он, вознесшись с плотию на небо, и естество наше на Отчем посадил престоле (Канон воскр. 2-го гл. в песн. 9-й)?! Ей, грешно и страшно так думать. Христос единою о гресех наших пострада (1Пет.3:18). Всё это и суть речи хвастливого врага, мнимой победой своей кичащегося. А что до отступников, то каким же образом за отступление одних наказуются другие, за отступление еретиков от истины наказуется якобы Христова церковь лишением многих благодатных даров и уничижением, через уничтожение алтарей Господних и крови Нового Завета (Лк.22:20. 1Кор.11:25). Где же тут не только милость и любовь Главы церкви, душу Свою за неё положившего, и Бога Отца, во искупление мира принявшего жертву Его, но и строгая, холодная справедливость, и людям свойственная? Всё это ни с чем не сообразно и, видится, тем же врагом измышлено. Наконец, если и есть некоторая доля правды в этом вражьем хвастовстве, то скорее не там ли искать её, где не приносится тело и кровь Господа, не у тех ли кои и завет новый, в крови Христовой заключающийся, признают уже потерявшим силу и закон евангельский невозможным к исполнению, кои в книге Кирилловой и еретиками именуются, у коих, по словам

толкового апостола, и «мерзость запустения на месте святе», сиречь «опустошение Христовой жертвы, каковое ложнии пророки, посланницы антихристовы начинают» (л. 549 об.). И близко оно около нас, и видится нами, и стенание неких слышится: «какой благодати мы лишились». От уст их и сужду их, и им ли, поэтому, с каким-то презрением на пасхальное приветствие отвечать хвастливым словом «у нас»?

3) Но опять, может быть, не так я понял твою мысль. Быть может, слово «у нас» то означает, что вы и мы не одного Христа признаём и не одному Богу поклоняемся. Поэтому, прежние московские федосеевцы на приветствие православных обыкновенно отвечали: «наш Христос воскрес». И ты, может быть, нечто подобное хотела сказать; – т. е. «у нас, наш *Исус* воскрес», давая сим разуместь, что у нас, – которых ты считаешь еретиками и язычниками, – «ин Бог, *Иисус*», Много лет идут разглагольствия о начертании имени Спасителя, много лет слышится, что два начертания, *Исус* и *Иисус*, означают и два лица, и что последнее начертание древней Церковью якобы не было принято. Но разве не видела ты своими глазами в академической библиотеке древние рукописи и печатные книги, в коих начертано *Иисус*? Разве тебе не показывали и не читали, что Павел апостол проповедовал *Иисуса* (Бес. св. Злат. на Деян. стр. 368. Киев. 1624 г.), что и Тайновидец, св. Иоанн, зрел души растёсанных за слово Божие и за свидетельство *Иисусово* (Толков. апок. стр. 81 и 97. Киев. 1625), и многое тому подобное в других книгах? Только человек ничего не знающий и не видящий, или, – что хуже, – и не желающий ни знать, ни видеть, а желающий остаться с своими предрассудками, может повторять стародавнюю, придуманную хулу на имя *Иисус*, яко имя сие означает иного Бога. Не у древней Церкви, употреблявшей то и другое начертание, научился он сему, а у старых вождей церковного раздора... Да если и попросту рассуждать, то что, если бы я, обратившись к известному лицу, положим, женского пола, назвал его «Екатерина Николаевна», или «Елизавета Иоанновна», а другой кто-нибудь, тут же находящийся, назвал бы так: «Катерина Николаевна», или «Лизавета Ивановна», – что эти женщины признали бы то и

другое название за принадлежащее им имя, или так бы стали рассуждать, что Екатерина одно лицо, а Катерина – другое, точно так же и «Елизавета Иоанновна» и «Лизавета Ивановна»? Ответ на этот вопрос само собой и не требуется. Посему и имя Спасителя, во 1-х, на разных наречиях писалось и пишется различно, и во 2-х, и на одном языке славянском также не одинаково писалось и печаталось. Здесь вопрос может быть о том только, как *правильнее* писать, переводя с языка греческого, т. е. вопрос не веры, а просто грамматики, а, чтобы под разными несколькими начертаниями имени Христа Спасителя разуметь и разных лиц, – об этом и вопроса, и речи не может быть.

Итак, твоё выражение «у нас» и с этой стороны также непонятно и изумительно. Больше не знаю, что и придумать. Вот что значит, старица, бросать заученные слова, которым и сама ты едва ли дашь ясный смысл, – кроме бессознательного, необдуманного чувства религиозного отчуждения и невольного, ложного страха перед чем-то, якобы ужасным, на самом же деле – святым и христианским. И на самом деле, разве засвидетельствование о воскресении Христа и приветствие посему может быть чем-либо страшным и самому последнему из христиан? Во всяком случае, кем бы оно ни было произнесено, оно только радостно, страшно же оно врагу Христову. Чего же ты-то боишься и оговариваешься, кто тебя научил этого бояться?..

Письмо вышло длинно потому, что требовало разъяснений. Не сердись за него и оставь свои подозрительные оговорки перед всяким, кто исповедует Христа; он также верит сему, как и ты веришь, и ты должна только радоваться этой всеобщей вере. Если же хочешь размышлять, не о том размышляй, у нас или у вас воскрес Христос, – это бессмысленно, – а о том, мы-то со Христом ли, мы-то не ушли ли от Него, мы-то не пренебрегаем ли словом Его, которое составляет основу нашего упования и жизни вечной. «Аще кто верует во Христа, как Бога, а словам Христа, как Бога, не верует, тот и эллинов (язычников) горше есть» (св. Златоуст, Вес. на посл. к Колос. прав. 2-е, стр. 2054. Киев. 1623 г.).

Н. Ивановский
Старик.

С-ко Михаил. Исповедь раскаявшегося толстовца-интеллигента // Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 649–656

«Обретохом веру истинную!»

В предыдущей статье я писал, что целителем моих духовных язв маловерия и сектантства был иеромонах о. Викентий. Решаюсь в настоящей статье, во славу имени Божия, рассказать известную мне дивную историю жизни о. Викентия. Бог от чрева благочестивой его матери предызбрал его к жизни монашеской. Ещё 3–4 летним мальчиком он не ел мяса и имел охоту и способность к грамоте, которая и началась с чтения Божественной *псалтыри*, а продолжалась и укоренялась в юношеском возрасте на чтении *святоотеческих* творений. Ещё отроком он, по совету с братом, дал мысленно Богу обет идти в монахи. В храме Божиим перед св. Евангелием, он молился так: «Господи Иисусе! Я хочу идти в монахи, но Ты устрой так, чтобы мне стать монахом в те годы, когда ты пошёл на вольную страсть, на 33½ году, и так, чтобы отец помер (отец бы не отпустил его в монахи), а мать была жива». Так и сбылось, как просил у Бога будущий иеромонах, настоятель и благочинный нескольких северных монастырей Олонецкой епархии: пострижен о. Викентий в монашество на 33 году, а в монастырь ушёл после смерти отца, по благословению матери, о которой *доныне* не знает даже, жива ли она или умерла: так строго соблюдал сей препростый муж заповедь Господню о возненавидении родителей, или точное – *вспоминаний, пристрастия* к родителям, с коими всё равно разлучает нас смерть. Будущий монах ещё в юношестве и отрочестве строго хранил целомудрие духа и тела.

Когда родители решили женить его, он убежал из родительского дома²¹⁴ и сделался в С.-Пб-ге каретником, весьма известным среди вельмож и богачей за искусство, степенность и честность. Когда умер отец, совесть напомнила об обете монашества, но явилось страшное искушение, которое разрешилось дивным образом. Искусный и степенный каретник

за трезвую и благочестивую жизнь прослыл завидным женихом, и к нему приступили сваты от лица миллионера-откупщика, предложившего ему в замужество дочь, прижитую незаконно, с приданым в 100 тысяч рублей деньгами и домом в СПб, пеной в 500 тысяч (на Васильевском Острове). Искушение было сильное, наводнившее душу скорбью и сомнениями. И вот о. Викентий решил просить у Бога разрешения недоумения.

– «Закрыв я магазин в один прекрасный день, заперся в своей холостяцкой квартире и принялся неотступно и усердно молиться Богу. Молился усердно до пота лица, до полночи об одном: «Господи! укажи путь, жениться мне или идти в монахи? И брак ты благословил для честного и нескверного ложа и монашество указал для могущих вместить. Разреши недоумение, имиже веси путями и покажи путь!» – Утомлённый лёг я на жёсткий свой диван и забылся *тонким* сном, как это бывает в предварение Божественного видения. И вижу, что в дверь комнаты моей вводят женщину два ангела, как юноши, красоты неисповедимой и с крыльями – вот как на св. иконах изображаем. Ясно различаю, что ангелы духи бесплотные, ибо *сквозь* них вижу предметы в комнате, а посреди человек перстный, ибо *сквозь* него предметов не вижу. И вот св. ангел говорит: «твою молитву Господь услышал, вот твоя невеста – спрашивай её!» – Я начал говорить: – «вот я человек книжный, начитанный в Божественном Писании, желаю, чтобы и невеста моя была такая же; и вот я достиг 30 лет, а прожил степенно, и не познал, что такое жена²¹⁵, хочу, чтобы и невеста моя была такая». Невеста-то на мои слова и говорит: – «а я не такая – у меня ребёнок был». Я так и замахал руками и *повелительно*²¹⁶ ангелам сказал: «ведите, ведите от меня её». Ангелы увели, а я ещё крылушко как сейчас помню, в дверях мелькнувшее²¹⁷.

Очнувшись от видения и поняв, что оно от Бога, а не мечта и обольщение дьявольское, – ибо состоялось после усерднейшей молитвы, в решительную минуту жизни и пролило в душу сладость и мир, – я помолился со слезами Господу и лёг спать умиротворённый. На другой же день наотрез отказался я от невесты, рассказав свату сон. С того дня я ликвидировал дела свои и скоро оказался послушником К. монастыря».

Когда читатели мои, – особенно мои прежние единомышленники-интеллигенты, прочитают вышеизложенную правдивую повесть, то помышления сомнительные, как грязные облака, войдут в их души: «да может ли такое в наше время случиться! какие, мол, такие ангелы? ангелы и демоны в *воображении* только могут существовать, а *отнюдь* не реально!»

– О, я знаю, брат-маловер, сию кичливую уверенность неверия! Не буду *заставлять* тебя верить: хочешь – верь, хочешь – не верь, хотя бы даже не верь тому, что ты смертен и суду Божьему строгому подлежишь и никуда от сего судилища Христова не сбежишь. Оттого-то и сказано Господом: «кто поверит – *спасён будет* от геенны, а кто не поверит – осуждён будет в геенну». Ты, читатель, слишком много веришь *видимостям и кажимостям*, оттого и мало способен стал верить *действительностям, реальностям*. «Как!» – возопить читатель невер неистово (непременно неистово, ибо атеисты не могут говорить истово и спокойно беседовать, а всегда кричат, сквернословят, пеной, слюной брызжут). «Как? Так ангелы – это действительность, а видимый мир – кажимость?»

– И видимый мир – тоже *действительность*, но только маловременная, ибо определён Господом конец и сломка всему видимому: это случится в день второго и славного пришествия Владыки Христа; а для каждого из нас при смерти сей видимый мир исчезает на веки, а ежедневно пропадает, когда смежаем очи для сна. Ну как же не *кажимость* сей видимый мир? Ангелы же Божии, как бесплотные, *вечны*, что присуще и нашим *душам*, то есть тем существам, обнаружение *духовной деятельности* коих в нас мы называем *умом*, чувством, вождением (при смерти эти все способности: мыслить, чувствовать, желать *при нас* останутся, облупится лишь кожа – тело).

Итак, всё, мною рассказанной, *истинная правда*, и сам о. Викентий, по милости Божией, жив доныне. Я долго помучился сомнением, рассказывать ли, ибо сказано «не бо врагом Твоим тайну повем», и ещё: «не мечите бисера» и прочее. Но с другой стороны знаю, что дела Божия открывать позволительно и спасительно, – только тайны земного царя надо крепко хранить.

Если бы все так робко вели себя, мы не имели бы «патериков» и тех чудных повестей, которыми Святая Церковь утешает наши маловерные души доныне. Никого *не заставляю* верить мне: «имеющий уши», т. е. способный верить, «да услышит». Знаю лишь, что о. Викентий не способен солгать, ибо он иеромонах, т. е. священник, муж смиреннейший, которому едва ли будет даже приятно прочесть в печати своё имя. Но я действую по слову: «прославляющих Мя прославлю». Не слава, милый мой, о. Викентий, страшна, но худая слава, как ты и сам учил меня в келейных беседах. Не слава опасна, но *услаждение, надмение славою*. Также и не поругание и побои – страшны, но то, когда человек не хочет перенести их с кротостью и радостью, как заповедано, но сердится, злится, мстить старается. Вот о. Иоанн Кронштадтский – слава его *вселенская*, беспримерная: портрет его в каждой избе 100 миллионного народа русского; однако о. Иоанн не надмевается сею славой оттого, что держится *любомудрия* церковного, отеческого. А в чём состоит сие *любомудрие*? А в том, чтобы разуметь и помнить «последняя твоя» и моя, то есть, что все «сыны человечести» сойдут «под вечны своды», и «чей-нибудь уж *близок час*», как сказал А. Пушкин, имевший на меня влияние своей поэзией во дни моего обращения. Если бы даже о. Викентий и воспретил мне рассказывать о рассказанном им мне во спасение моё и утешение, то едва ли я бы послушал его, хотя и признаю, что послушание важнее и нужнее, чем даже *молитва и пост*, без коих спастись невозможно. Богу повиноваться надо более, чем человеку, и Богу угодно, чтобы светильник истины не горел под спудом, но был поставлен искусной рукой на свещник гласности. Что сказал мне о. Викентий «на ухо» в келейной беседе, во дни, когда решался роковой вопрос: «верить или не веровать», то есть «быть или не быть», ибо неверующий не живёт, прозябает животной жизнью (есть, пить и спать не значит *жить*, а лишь *тлеть и истлевать*, отчего и произошло выражение «прожигать жизнь»), – услышанное мной «на ухо», возвещаю «с кровли» Миссионерского Обозрения. Я даже боюсь *внутренне* стыдиться, робеть сказать слово правды, чтобы не постыдился меня Господь Иисус перед ангелами

Божиими. Мало верить сердцем в правду, надо исповедывать во спасение себе и другим в слух многих. Блаженным почитаю себя, что избрал меня недостойного Господь, чтобы исповедать дивные дела Божии. Слава и благодарение Господу человеколюбцу, а человеконенавистнику и «отцу лжи» сатане – срам, уничижение и мучения вечные, коих и я достоин, но и стараюсь избежать их, переплыв житейское море в ковчеге Святой Церкви.

Итак, вот какому мужу, дивному по кротости и просвещению благодатному – суждено было от Бога обратить мою душу к вере Божией, научить монашескому деланию (углубляться во внутрь себя, где потаённый сердца человек) и стать моим незабвенным духовным отцом, за которого я до смерти обязан молить Бога.

О. Викентий, когда наставала его седмица священнослужения, обыкновенно, не ужинал, приготовляясь к Божественной литургии с вечера. Чаёк он пил, но утром, едва ли не всегда, с просфоркой и конечно только во дни, когда не совершал литургии. О. Викентий любитель келейного домоседства, которое он умеет совмещать с приветливостью и долготерпением, в отношении к приходящим в его келью. За четыре года жизни моей в Муромской обители едва ли однажды он вышел за ограду обители. Иисусова молитва внутри его (в сердце) действует так, что даже и во сне сердце его бдит, то есть вопиет жалобно и сознательно: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». Он признавался мне, что, когда ляжет и закроет глаза внешние, то *очами ума* видит рои и легионы парящих в небесном пространстве демонов, принимающих разнообразные воинственные образы, несущихся на колесницах. Такова чистота ума, достигаемая непрестанною молитвой при нерассеянном образе жизни (келейном), при воздержании чрева, языка и частом благоговейном приобщении Святых Таин. Но светлее всего в лице о. Викентия светилось смирение и кротость. Лицом он очень походит на митрополита Киевского Высокопреосвященнейшего *Иоанникия*: строгое монашеское лицо со светлым высоким челом, прекрасной

бородой, при взгляде не которую припоминались глаголы Святого Духа: «яко миро сходящее на браду, – браду Аарону».

* * *

Забуду ли, как милый мой о. Викентий отечески и любовно предостерегал против блуда, рассказав случай страшного искушения, которое было во дни его послушничества, – искушения, от которого его спасла благодать Божия страхом вечной муки и опасением утратить чистоту тела и вместе с ней здоровья. Забуду ли, как сей великий в своём смирении и тайном подвиге муж учил меня *молиться*, становясь при мне в келии на колени и воздевая к небу преподобные свои руки и возводя «в горы» бесстрастные свои очи. От него я впервые услышал, что христианину необходимо утром и на ночь со *всем* вниманием прочитать по крайней мере «*Трисвятое*». То, что знает крестьянский школьник, не знал я 27-летний «интеллигент», окончивший курс классической гимназии, получивший аттестат зрелости, бывший студентом университета! Бедные мы, люди! Имени Бога не знаем, не знаем наверное (не верим), что Имя Богу «Христос», и Святая Единосущная Троица – Отец, Сын и Святой Дух, – *Единый* Бог. Бедные мы, жалкие люди, гордые своим невежеством! Как простодушно удивлялся милый о. Викентий, что я не умею обходиться с волосами головы моей бедной. Шевелюра моя была ещё студенческая, и я, стоя у клироса по долгу пономаря, часто ворошил свои волосы чисто по-нигилистически, совершенно неприлично для послушника. Этот жест лучше всего обнаруживал внутри, меня «нечистое» действие мыслей мятежных. Милый о. Викентий говорил с недоумением: «как это *родители* тебя не выучили причёсываться. У меня так бывало мать у пояска гребешок всем детям привязывала: как взъерошимся, так чтобы причесаться. Разве хорошо людей *смешить*, в грех вводить. А ты монахом хочешь быть, а этак ведёшь себя в храме Божьем, в присутствии братии и сил небесных, с нами невидимо служащих». – При этом о. Викентий показывал мне над собой, как ерошу волосы, и мне ясно было, что я смешу своим поведением людей. Сколько раз выручал меня отец мой духовный из рассеянности, при которой я

забывал, как мне поступать в пономарском моём деле: порядка литургии и значения священнодействий божественнейшего сего и страшного служения я совершенно не знал. А ведь окончил курс гимназии и по закону Божию имел в аттестате зрелости едва ли не 5! В гимназии уроки Закона Божия были для меня самыми ненавистными, мучительными, отвратительными. Не потому ли это, что я был блудником с IV класса гимназии, а малакей занемог едва ли не с 12–13 лет! А св. Димитрий Ростовский говорит ясно и определительно, что *всякий* блудник имеет в себе беса, демона, и быть может даже не одного, а многих. Вот эти-то бесы во мне и производили ощущения *омерзения* к тому, что невыносимо для них: к глаголам вечной истины. Когда эти строки будут напечатаны, я прошу о. Иоанна Кронштадтского, сего победоносного воина Христова, довольно опытного и в рассуждении духов и в одолении духов злобы, *печатно* разъяснить, справедлива ли моя догадка (мысль). Это будет назидательно и обличительно для всего молодого поколения учащихся интеллигентов.

Забуду ли я, как о. Викентий шутя упрекал меня за то, что по ротозейству я забыл однажды в бане нательный крест, таинственной силы и значения которого я ещё не уразумел тогда. Кстати сказать: лишь в монастыре явился на теле моём крест животворящий, ибо с отрочества в течение, надо полагать, лет 12 я не носил креста. Только когда шёл в *первую* ссылку, то принял от матери не без недоумения икону св. Пантелеймона, которая спасла меня дивно от ужасного греха: мне *не удалось* украсть невинность у девушки, которую этим я на деле бы сделал несчастной, быть может, пустил бы по дороге блуда. По тогдашним моим подлым понятиям, я бы не женился на обольщённой: я или бы жил с ней, как с любовницей, или по интеллигентному уклонился от неё на другой же день после обольщения. Блудник делается способным на всякую подлость и низость. Это объясняется тем, что блудник «имеет беса», по удостоверению богоносного мужа. Верую, что святой Пантелеймон спас меня, возбудив во мне *жалость* к жертве моего сладострастия; имело влияние тут и то, что жил я в доме священника, который примером доброй жизни пробуждал

совесть мою и, конечно, молился за меня, зная меня за погибающего в революционной лжи, которую я изрыгал при разговорах с батюшкой о. Николаем. Так-то материнским благословением иконой св. Пантелеймона спасён был я от ужаснейшего преступления. А эти преступления творятся²¹⁸ чуть ли не ежедневно развращённой нашей интеллигенцией, мнящей о себе, будто она призвана освободить народ от «тирании самодержавия» и от «мракобесия» полов. Сами-то мы интеллигенты одержимы бесами, как совершенно ясно из романа Достоевского («Бесы»), а *возбраняем* «мракобесие» там, где Христос тайно действует. Повторяется клевета, которую некогда произносили фарисеи, предполагая «беса» и силу «вельзевула» в Царе духов и Творце ангелов – Христе, Сыне Божиим²¹⁹.

Михаил С-ко

**Открытое письмо Вл. Г. Черткову, П.И. Бирюкову,
И.М. Трегубову – издателям «Свободного Слова»,
лондонского повременного издания//
Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 656–658**

21 ноября. День Введения во храм Пресв. Богородительницы. Лк.1:39,49,56. «Елисавета исполнилась Святого Духа» (41); «пришла Матерь Господа Моего ко мне» (43); «совершится сказанное от Господа» (45), «сотворил мне величие Сильный» (49); Евр.1:1–7: «грехи неведения народа» (7); Лк.10:38–42 «одно только нужно»; Лк.11:27–28: «Блаженны слышащие слово, Божие и соблюдающие его» (28).

Прежние мои единомышленники, братья и ближние!

С январской книжки «Миссионерского Обозрения», коего я имею высоко мною ценимую честь состоять сотрудником, будут печататься мои критические заметки о всём том, что Вами уже издано в Лондоне и будет впредь издаваться под именем «Свободного Слова» и его листков. Прошу Господа Иисуса, чтобы Он дал мне от Духа Святого дар проницательности, беспристрастия и кроткой настроенности. «Всяк дар по молитве свыше: Дух Святой распределяет духовные дарования, кому сколько хочет, ибо Дух Утешитель «идеже хочет дышет» и нельзя принудить Его дать, но надо умолить Его, чтобы «пришёл, и вселился, и очистил». Прошу вас, Владимир Григорьевич и Павел Иванович, как прежний ваш единомышленник и со-работник в деле сеяния плевел лжеучения, почтить внимательным прочтением и, если благоугодно будет, то и ответом, и возражениями на мои по поводу Ваших писаний статьи, ибо я пишу не в духе гнева и ярости, но с желанием пользы своей душе и вашим. Бог по долготерпению даёт мне время на покаяние и для дел, достойных покаяния. Смерть и к вам, братья, приближается, или иначе сказать, вы к ней: стоите ли, сидите ли, спите ли – время *течёт*, и расстояние между нынешним днём и днём исхода уменьшается. Верую крепко и несомненно, братья, тогда-то мы все на опыте узнаем всё то, о чём открывает нам Святое

Евангелие: о геенне огненной и неугасимом огне, о вечной радости праведников, о суде страшном, о воскресении из мёртвых, о демонах и ангелах. По совершенному недоразумению (помню ваши и мои старые мудрования), вы полагаете, что всё это будто бы «православие» *измыслило, навообразило, налгало*. Но вы ошибаетесь: о всём этом возвещает в ясных выражениях Евангелие. Знайте же, милые мои, и вы воскреснете в день Всеобщего Воскресения, и все мы будем судимы за *каждое слово* и особенно строго истязуемы за *слово печатное*, и мы окажемся или в геенне огненной, – от чего Господь Иисус да помилует нас, – или в блаженстве, коего да сподобимся все мы благодатью Господа Иисуса! Но спасение наше не без *многих усилий* с нашей стороны состоится и будет приобретено нами ценой *многих скорбей*, коих я преизобильно сподобился в окаянном моём прошлом.

Вы можете мне возразить словами св. Апостола: ты кто еси судяй братьев твоих? Отвечаю: я многогрешный, по воле Господней, посвятил себя к *служению примирения*, и благословением о. Иоанна Кронштадтского призываюсь к трудам и скорбям миссионерским. Благодарю Господа за сию великую милость и приемлю честь сего служения, ни что же вопреки глаголя. Редактор «Мисс. Обзор.» со своими сотрудниками гостеприимно открыл мне, неведомому им – страннику и пришельцу из далёких св. Соловок, не только свою квартиру, но – что гораздо более важно – страницы своего почтенного издания.

Будьте и вы, братья, беспристрастны ко мне. Ведь православные люди не объявляют себя «непогрешимыми», как это делает еретик – папа римский, мы Духа Святого признаём непогрешимым и святых отцов, поскольку их устами глаголал Дух Божий. Желаю вам спастись от геены, при упоминании о которой вы напрасно улыбаетесь.

Бывший ваш *Михаил С-ко*

Скопческий дом в г. Томске. // Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 658–660

21 февраля с. г., будучи в Томске по своим делам, между прочим, я обратился к знакомому мне священнику Градо-Томской Николаевской церкви о. Симеону Сосунову с просьбой посодействовать в исполнении моего давнего желания – побывать в доме скопцов, поговорить с ними и, что важнее всего, рассмотреть их домашнюю обстановку. Священник Сосунов, в приходе коего проживают скопцы, долго отклонял мою просьбу, говоря, что они, во-первых, очень скрытны, пожалуй не станут и рассуждать со мной, во-вторых, их домашняя, обстановка не представляет ничего интересного или заслуживающего внимания, так как «я не раз бывал в их домах со Св. Крестом и иконами и не мог приметить чего-либо особенного». На деле однако-ж оказалось совсем иное. После неотступной моей просьбы дать хотя проводника, о. Симеон изъявил согласие сам сводить меня к сектантам, причём заметил: «пойдём к скопчихам, потому что скопцов в моём приходе нет». Мы пошли. У ворот старого одноэтажного дома, находящегося вблизи Деревянной Никольской церкви, о. Симеон остановил меня и, подойдя к калитке, позвонил. В это время отворилась половина двойного окна с железной решёткой внутри, и оттуда выглянула желтолицая 70-ти летняя старуха-скопчиха; она поздоровалась с своим священником и тотчас заявила, что хозяйки нет дома. О. Симеон спросил, нельзя ли зайти в дом на малое время. Старуха сначала отказывала, но, перешепнувшись с находящимися в комнате старухами, стала приглашать: «заходите, пожалуйста». Окно затворилось, а запоры зазвенели, и в отворённую калитку мы вошли во двор и направились к дверям. Откуда-то выбежали две собаки и чуть было не разорвали наши шубы, старухи едва отогнали их палками.

Войдя в дом и раздевшись в передней, о. Симеон отрекомендовал меня, как своего хорошо знакомого священника из села, затем мы прошли в большой, чисто убранный, зал в

котором, помолившись перед образами и обратившись назад, увидели перед собой трёх старух, стоящих рядом; остальных же двух скопчих – хозяйки и сестрицы, к сожалению, не было дома. О. Симеон занялся с ними разговором о том, что приближается великий пост, и все православные должны постовать, а я начал рассматривать обстановку и сразу заметил, что в красном углу, под иконой с теплящейся лампадкой, на большом треугольном столике, покрытом белой скатертью, стоят искусственные цветы в нескольких больших и малых вазах, в самом углу виднелась мраморная чашка, наполненная искусственными, в натуральную величину, (фруктами с разных деревьев: там были груши, сливы, лимоны, апельсины и проч. Против этой чашки с плодами, на середине столика, лежало одно очень красивое яблоко с маленьким, но заметным повреждением на середине, и таким образом, что румяная сторона его была обращена на комнату, а жёлтая – к углу и чашке. По моему мнению, это было не что иное, как наглядное изображение скопцами того прекрасного сада или рая, в котором некогда прародители наши (Адам и Ева) блаженствовали и, по заповеди Божией, имели право вкушать плоды от всякого дерева в саду, кроме дерева познания добра и зла (Быт.2:16,17). Яркие цветы, по всей вероятности, напоминали о запрещённом дереве, которое показалось Еве хорошим на вкус, приятным для глаз и вожделенным для созерцания (Быт.3:6). А искусственное, лежащее особняком, яблоко ясно указывало на плод этого дерева, через вкушение которого отнялось блаженство, и вместо него появился стыд, или сознание греховности нашей.

Затем я увидел на правой стене от красного угла большой портрет какого-то человека в рост до колен, с бледным лицом, без усов и бороды, с седыми волосами на голове, в вицмундире и при голубой ленте на груди. Обратившись к старухам, я спросил – «чей этот портрет?» они молчали. Тогда отец Симеон снял его и положил на стол, и мы начали рассматривать подробнее. Это был очень старинный и оригинальный портрет, писанный масляными красками, изображавший человека в стоячем положении, возле стола, с царской короной; на тёмно-зелёном сукне с передней стороны стола была такая надпись:

Император Пётр III-й. Родился... Опочил... Прочитав надпись, мы, молча, поставили его на прежнее место. В это время одна из скопчих промолвила так: «если бы не вы, о. Симеон, мы никого ни за что не впустили-бы», причём все три сестрицы пристально посмотрели на меня. Полагаю, что в таком виде портрет Императора Петра III-го показывает, что он, по их мнению, был скопец и, конечно, покровительствовал еретикам, или, быть-может, это был портрет совсем другого замаскированного лица, жившего при Петре III-м и оказавшего какие-нибудь важные услуги скопчеству. Замечательно, что других портретов Царской фамилии в комнате не было. Внизу, под портретом Петра III, висит большая фотографическая группа, скопцов – человек 30, сидящих на скамейках, как в школе, кто в шапке, а кто и без шапки; некоторые из них держат в руках какие-то книжечки; перед ними небольшой покрытый столик, на котором лежит какая-то книга, по всей вероятности, это Св. Евангелие. Несколько в стороне от фотографии находится и фотографический портрет известного всем в Томске старца Феодора Кузьмича. Интересно, что скопчихи не просили нас сесть и сами не садились, а только поговаривали: «хозяйки нет дома, приходите завтра пить чай». Очевидно было, что старухам не особенно нравились такие гости-соглядатаи, смело рассматривающие комнатную обстановку, из которой кое-что они не успели, а, быть-может, и не догадались поубрать в соседнюю комнату, по своей неопытности и за отсутствием главной хозяйки дома. Кроме изображения рая и портретов, в зале находится очень много всякой мебели, есть даже мягкие кресла, диван с круглым столиком впереди, очень приличная постель и проч.; пол устлан широкими паласами; везде бросается в глаза чистота, – особенно чисто содержатся образа. Пробыв около 20 минут, мы начали собираться домой, простились со старушками, оделись и вышли во двор, но собак не было видно, их где-то заперли. Когда мы вышли на улицу, то сопровождавшие старухи-скопчихи опять крепко заперли калитку и выпустили собак.

Из миссионерской полемики с сектантами и раскольниками

Попов К. Моя беседа на ярмарке с раскольниками. // Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 660–670

Ярмарки, базары – удобное время для бесед с раскольниками, и я пользуюсь ими. На третьем миссионерском съезде в Казани некоторые миссионеры признавали бесполезными и неблаговременными миссионерские беседы в этих случаях; указывали, между прочим, на то, что приезжающие на базар или ярмарку обычно едут за делом на короткое время, а в конце концов, или погостить у знакомых, или же свидеться с таковыми, причём неизбежно-де является, как у православных, так и у раскольников, выпивка, а иногда и пьянство. – «Какая уж беседа с пьяными!» доказывали мне. Действительно, с пьяными людьми плохая беседа. Но не все же едут на базар или ярмарку пьянствовать, а большинство несомненно едет за делом, или просто побыть на торжище, от нечего делать. Кроме того, не все любят водку и огульно сказать, как о православных, так и о раскольниках, что они собираются на торжища ради водки, большая несправедливость со стороны моих оппонентов. Поэтому-то возражение подобное нельзя считать основательным. Кто не знает нижегородских ярмарочных бесед, которые ведутся вот уже много лет с несомненной пользой и успехом? Я также дорожу ярмарочными случаями для моих бесед с раскольниками.

Спросят: как же я действую в этих случаях?

Извольте, рад для общей пользы своими посильными опытами. Прежде всего я обзираю поле деятельности. Другими словами, я осматриваю ярмарку или базар, смотрю людей, продающиеся предметы и пр. Останавливаюсь у продавцов книг, икон и картин, – спросишь одно, говоришь о другом, и как-то слово за слово завязывается разговор, подходящие мужички, бабы окружают меня, слушают, собирается толпа в 60–100 человек, и вот вам беседа. По навыку или уж потому, что с малолетства привык я видеть всяких раскольников – не знаю, как сказать точно, только привык я как-то узнавать раскольников в общей толпе народа и

вот, остановишь его и прямо-таки спросишь: «какого упования держишься, раб Божий?» И прямо-таки, без ошибки, попадаешь на раскольника.

И опять беседа, да ещё какая? С базарной площади перейдёшь в дом к кому-нибудь, соберётся народ, и толкуй, сколько тебе угодно. Иногда, после базарных частных бесед, приходится открывать публичную беседу в храме, или в другом каком-нибудь месте, и беседы бывают такие, каких и не ожидаешь встретить. Представлю для примера недавний факт: он яснее докажет некоторым скептикам или новоначинающим миссионерам, уместны ли и полезны базарные беседы.

Большое торговое село. Ярмарка в разгаре; народа съехалось громадное количество. Раскольников по ярмарке шныряет всякого сорта: тут и «стриженная» маковка со «скобкой» на лбу – беспоповец; тут и окормляемый бегствующим священством – беглопоповец; тут и «белокриницкий» христианин по австрийской иерархии; далее, крадучись в толпе людской и пугливо озираясь, неуверенно шагает видящий во всём антихриста, – бегун или спасовец и т. д. Купля и продажа на каждом шагу. Материальный интерес всех обнял и льётся по ярмарке широкой волной. Шум, крик, стон... Смесь наречий, племён, званий и состояний. Двигаюсь и я по волне житейской. Встречаю православного, останавливаемся и говорим кое о чём. Подходит раскольник и, совершенно неожиданно, сам говорит по моему адресу: «вам дано есть разумети царствие Божие, прочим же только в притчах. Рцы, отец, како разумевши Святое Писание?»²²⁰

– Аз от себе ничесоже глаголю, но яко же святии апостолы самовидцы и слуги бывшего словеса, равно и святии богоноснии отцы наши, известиша и объясниша нам, – ответил я на текст текстом, на славянизм – славянизмом.

– Коего упования? – добавил я.

– По старопоповщине, отец. Прочти-ка мне на память 2 главу пророка Даниила.

– Что же тебе нужно знать в этой главе?

– А ты, что? Нечего зубы-то заговаривать, – нахально приставал ко мне раскольник.

– На память прочесть всю главу Пророка я не могу, да и нет надобности затверживать от слова до слова все книги Священного Писания на память. Достаточно знать, где и что писано.

– Слышите, братцы! (около нас была уже кучка людей) А ещё учитель! На память не знает Слова Божия! Вот они каковы пастыри-то Российской церкви!

– Ничего зазорного в этом нет – нисколько не смутившись (от привычки уже) ответил я раскольнику. У одного память, у другого может быть другая, слабее, чем у первого. Природные способности даются от Бога. Ты, очевидно, обладаешь огромной памятью – это Господь дал тебе такой дар! Прочти-ка мне 6 главу св. Иоанна в Евангелии на память?

– Я этого не читал, – самодовольно отвечал раскольник. Народ всё увеличивался, и проходящие образовали огромную «толпу».

– Тогда прочти мне 14 главу пророка Иеремии.

– Ты не прочитал мне 2 главу пророка Даниила, и я не стану.

– Я не прочитал потому, что не знаю её на память, а у тебя память большая, вот я и прошу тебя прочесть мне её от слова до слова.

– Не хочу.

– Я прошу тебя об этом, а ты из любви к брату, да и по слову св. апостола Петра (1Пет.3:15), обязан сделать мне это.

– Мы – не пастыри овец.

– Если ты взялся экзаменовывать меня, священника, то ты становишь себя выше пастыря. Посему убедительно прошу тебя прочесть мне 14 гл. прор. Иеремии

– Прочти уж ему, Иван Афанасьевич, – говорили и раскольники, и православные.

– Опасаюсь, братия, Боюсь перемешать. Книгу бы...

– Да по книге-то и я прочту тебе 2 гл. прор. Даниила – сказал я. – А ты прочти мне на память, так-как ты памяти придаёшь большое значение.

– Нечего об этом говорить попусту, давайте о другом речь вести, метнулся раскольник.

– Сначала прочти, что я требую, а тогда мы и о другом будем говорить. Ты обвинил меня в невежестве за то, что я не выучил на память всего Священного Писания, а теперь ты и сам оказываешься таким же невеждой.

– Не ври! Я читал Иеремию и всю Библию.

– И я читал «Библию», да и постоянно читаю её, и всё же на память не могу читать по целым главам. В этом я откровенно признался, а вы лукавите, говорите против совести. Если знаешь – прочти сейчас во всеуслышание. Замолк! Значить, ты говорил ложь, а всякая ложь от диавола.

Раскольник сконфузился и притих. Я продолжал к нему.

– Ты сказал, брат, что 6 гл. Евангелия Иоанна не читал – скажи: ты христианин?

– Конечно.

– Как же ты Евангелия не читал?

– Что же из этого? Евангелие – не учительная книга, чтобы её можно было каждому читать, когда захотел. Она разбита на главы, и читать её положено понемножку, что следует только, и притом не всякому человеку, а кому полагается это, по сану. Всякий тоже не хватайся за неё...

– Какая же, по твоему мнению, книга Евангелие – учительная или законоположительная?

– Священная книга! Ей определено лежать на престоле и читать из неё понемножку, кому следует и что положено в какой день.

– Конечно! – поддакнули другие. – Нешто её можно равнять, с другими книгами! Эти взял, да и понёс с собой куда, угодно и читай к ряду от доски до доски, а ту – шалишь! Нельзя этак-то обращаться с ней. Поэтому на ней и оболочка-то завсегда другая: эти просто в коже, а та завсегда в бархате состоит, а по краям приделаны серебряные иконы евангелистов и пр. Как же её равнять-то?!

– Я не равняю св. Евангелие с другими книгами, а спрашиваю только вас – какое понятие вы имеете об этой книге?

– Вот какой непонятный... – проговорил первый мой спорщик, Иван Афанасьевич. – Коли тебе объяснили, что на

Евангелии завсегда иконы законополагаются, и лежит оно на св. престоле, значит книга святая. Что же тебе ещё нужно?

– А если на Евангелии не будет никаких икон, будет оно – святой книгой?

– Вот чудной-то! Ему одно, а он – своё. Сказано тебе, что без этого нельзя. Какая же это будет книга, когда она устроена не по правилам св. отец? Без икон на ней нельзя – не положено. И какое же это будет Евангелие?

– У меня, например, оно переплетено в простой коже, без всяких украшений.

– Выходит, ты ругатель святой книги и богохульник. Вот так-то у вас всё и переменялось в церкви: то так, другое иначе – ничего старинного закона и не осталось. Все пошло по-новому! Ну, кто тебе уставил так содержать св. книгу? Да и по какому закону ты смеешь возить её с собой, как будто вещь какую? Ей указ дан лежать на св. престоле, а не таскать её везде и всюду как придётся. Эту книгу нельзя читать как вздумается, и что захотел. Такого распоряженья св. отец не было.

– Желание ваше украшать св. Евангелие лучшим переплётом похвальное – это свидетельствует, что вы с уважением и благоговением относитесь к этой божественной книге. То же самое вы видите и у нас. На св. престоле, в св. церкви, вы видите и у нас Евангелие, украшенное золотом, серебром и драгоценными камнями. Но вы неправильно толкуете то, будто бы Евангелие нельзя держать в доме, в простом переплёте и читать его каждому человеку, как в высшей степени полезную и назидательную книгу. Ведь Евангелие – это слова Бога. Как же нам, грешным людям, не читать его! – «Исследуйте писания, ибо вы думаете через них иметь жизнь вечную» (Ин.5:39), говорит Христос. А вы говорите, что не нужно читать его. Нужно только опасаться толковать Священное Писание на свой лад, по своему разуму, кому как вздумается, а читать его может всякий христианин. Да и должен он читать его и чем чаще, тем полезнее для него. Спаситель учил: «Кто любит меня, тот соблюдет слово Моё» (Ин.14:23), потому что слово, которое Он говорил, оно будет судить человека в последний день (Ин.13:47). Так как же, братцы, нам не знать эти слова

Божии? Вы называли меня «ругателем» и «богохульником» за то, что я соержу у себя Слово Божие в простом переплётe, без дорогих украшений, но что лучше: украшать ли его только дорогим переплётom и совсем не читать его, или же постоянно читать и упражняться в «Законе Господни», имея этот Закон Господа в доступном для меня переплётe? Последнее важнее. У вас же, старообрядцев, делается наоборот: вы Евангелия совсем не читаете и не знаете его учения. Я давеча спросил тебя, Иван Афанасьевич, прочесть мне 6 главу у Иоанна в Евангелии, и ты прямо сказал, что не читал её. Какой же ты христианин, когда ты не знаешь повеления Божия? Ведь Евангелие – это Закон Божий! Как же не знать Закон Божий? Поэтому-то вот вы и путаетесь в расколе, не имея – ни законного священства, ни св. таинств, и живёте ни по Ветхому, ни по Новому Завету, а по своему старообрядческому, выдуманному людьми. Предание же людей не спасительно, и Христос укорял евреев, что они предания старцев поставляют выше Закона Божия.

– У нас Закон состоит в отеческих книгах! – сказал Иван Афанасьевич.

– В каких это?

– Мало ли их написано! «Кириллову» – возьми, – «Соборник» – Ипполита, Ефрема Сирина, Аввы Дорофея, – да разве переберёшь их!

– И это по-твоему Закон Божий?

– А как же?! – оживился раскольник. – Слышите, братия, он не признаёт эти книги за святыe. Вот тебе учитель! Ниспровергает Божье Писанье. Святых отец за ни что полагает. Ай-ай-ай! – качая головой, ораторствовал мой собеседник.

– Напрасно навязываешь ты мне то, что я не говорил ещё. Указанные тобой книги я не отвергал и не отвергаю; я только спрашиваю тебя – составляют ли они основание нашей веры православной? На них ли зиждется наша св. Церковь, священство и таинство?

– А то как же? Они-то и есть голова всему делу.

– А св. Евангелие?

– Евангелие не для всех, а только священнику поручено читать по нём. Оно для службы установлено, а книги св. отец предоставлены каждому христианину, чтобы он читал их и по ним жил и соблюдал свою веру.

– Неправильно толкуете вы, что Слово Божие установлено только для одной службы, и велено читать его одному священнику, а для мирян как бы не обязательно читать его. Апостол Павел, посылая своё послание к Колоссянам (Кол.4:16), приказывает, чтобы оно прочитано было всем христианам и, как у них, так и в Лаодикийской церкви, чтобы все его знали. То же самое говорит он и к Фессалоникийцам (1Фес.5:27), чтобы вся братия этой Церкви прочитала его. А вы говорите, что вам не должно читать этой божественной книги, а пользоваться только книгами, написанными разными отцами. Откуда вы взяли такое учение? Такого учения св. отцы не предавали нам. Напротив, все они учили, чтобы верующие читали Слово Божие и постоянно упражнялись в «чтении и пении песней духовных, восхвалявшие и благодарите Господа». Потому-то они и названы «святыми отцами», что сами учили о Христе и жили во Христе, потому и писание их принято Церковью и почитается, но, конечно, не как Слово Божие, а как писание людей, хотя и праведных, святых по своей жизни.

– Христовы уста – Павловы уста; уста Христа – уста Златоуста. По-нашему, кто бы ни говорил, это всё равно, потому что всё написано одним св. Духом. Как у Христа, так в у Златоуста, – одни были уста и одно Писание Божие, которое одинаково мы и приемлем.

– Неправильно толкуете! Слово Божие есть закон Бога, устав, правило, законоположение; оно выше всяких книг и изменить, перетолковать слова Божии по-своему это значит идти против Христа и учить по-своему, по-человечески. Писание отцов Церкви только подтверждает Божественное Писание, объясняет его в тех местах, которые не всякому понятны. Вот тебе пример: Христос установил таинство св. причащения и повелел его исполнять во спасение верующих. Апостол Павел то же самое говорит об этом, но говорит уже, не как установитель этого божественного таинства, а как исполнитель

его. – «Я от Самого Господа принял то, что и вам передал, говорит он: что Господь Иисус в ту ночь, в которую предан был, взял хлеб и возблагодарив преломил и сказал: примите, ядите, сие есть тело Мое, за вас ломимое сие творите в Мое воспоминание. Также и чашу»... (1Кор.12:23). Также учил и св. Златоуст о св. причащении, говоря: если кто и чисто живёт, и кается во грехах своих, а св. тайн не принимает, спастись не может (Златоустник нед. 5 поста). Видим, какое согласие в учении о св. причащении! Христос установил, а св. ап. Павел и Златоуст подтверждают его учение. В этом смысле они и названы: уста Христа – уста Павла и Златоуста. Но иное дело Христос, а иное дело Павел и Златоуст и др. Христос – Бог и установитель закона, а Павел и Златоуст – люди и исполнители его закона. Это надо различать, а вы этого не делаете и всё смешиваете вместе. У вас на ряду с Христом, Златоустом и другое учение какого-нибудь старца почитается за Божественное Писание, и даже выше. Вот это-то и не годится, братцы! Тут-то и «заблуждаетесь вы не ведуще писаний, ни силы Божией» (Мф.22:29). Вы должны знать, что православная вера наша утверждена на Христе, Сыне Божиим, воскресшем из мёртвых. – «Аще Христос не восста, всеу вера наша» (1Кор.15:14), учит св. Павел. Выходит, что законом веры нашей служить Слово Божие – Евангелие, а не старопечатные книги, как вы утверждаете. Посему-то Евангелие и украшается такими ценными украшениями, как вы видите, что оно есть слова Бога; потому-то и лежит оно на св. престоле и хранится на «месте святе», в отличие от других книг; потому-то и читается оно на всех службах, что оно есть основание нашей веры и жизни во Христе Иисусе, Господе нашем.

– Значит отеческие книги вали в печку? Не годятся они, братия? Вот-так проповедь!..

– Погодите делать свои заключения и при этом ложные! Какие отеческие книги?

– Которые патриарх Иосиф узаконил.

– Я уже сказал, что закон дан Христом – это Слово Божие, Евангелие. Какой же другой закон мог дать патриарх Иосиф? Что это за книги?

– Евангелие что? Ты почитай книги Иосифа патриарха и там увидишь всё законоположение, как должно содержать себя христианину: какой крест соблюдать, начал положить, когда какую пищу вести – да весь обиход христианский прописан! А в Евангелии ничего этого нет и помину. Какой же это закон?

– Вот-как! Значить, закон Христов плохой и недостаточен по-вашему. Какой же вы христианин, когда вы не верите Христу и не следуете его учению? В Слове Божием ясно сказано о том, что довлеет христианину «яже к Животу и благочестью». Без чего нельзя спастись, Христос так и сказал это ясно и определённо. Возьмите его учение о крещении, причащении, священстве – что можно сказать против этого? Можно ли отвергать то, без чего нельзя спастись? Можно ли отвергать то, что Бог установил? Златоуст говорит: «кто исповедует Христа быть Бога, а словам Его, яко словам Бога, долженствующим исполниться, не верует, тот и еллинов горше есть» (Беседы на 14 посл. св. Павла 1 Корф. 598 стр.). Слышите, как учит св. Златоуст о тех лицах, которые неверуют словам Христа.

Если же Христос ничего не сказал о перстосложении, о семипоклонном начале и др. подобных вещах, так ведь это – обряды, которые уже установлены после Христа, и которые по местным Церквам были различные. При тех и других обрядах православные христиане спасались, поэтому спорить о них совершенно бесполезно. Нужно ратовать за Церковь, за веру православную, нужно иметь священство, освящаться благодатными таинствами...

– Это мы знаем... Вы только и держите речь о причастии, тоже надо подумать сначала, да рассудить, где оно настоящее-то? В писании сказано: станет мерзость запустения на месте свете. Вот тебе и причастье! Найди-ка теперь его. Святое то место теперь в скверне пребывает. А ты о причастии...

– Это, любезнейший, сказано о ветхозаветном храме, куда внесён был идол язычников и поставлен «во святая святых». К новозаветному храму этого прилагать нельзя.

– Это о ветхозаветном храме?!

– Да.

– Дурак ты, а ещё поп.

– Ругаться можно, Иван Афанасьевич, но это не доказательство, не истина. Докажи писанием, что я соврал это, и тогда я буду «подлинно дурак», что доселе не читал этого места и не мог понять его как следует.

– Нечего и доказывать тебе – это ясно.

– Может быть для тебя ясно, но для меня нет. Давай рассмотрим – кто из нас прав? Я ли останусь в дураках, или тебе придётся взять своё слово назад.

– Скажи: антихрист есть?

– самого антихриста, который должен прийти напоследок мира, ещё нет в мире, но предтечи его есть.

– А мы разумеем, что антихрист царствует, и Церковь давно уже, по Апокалипсису, яко жена, убежала в пустыню, где и сохраняется от Господа в малом стаде верующих.

– Как же это, Иван Афанасьевич? Церковь убежала в пустыню, а ты отшибся от малого стада истинно-верующих христиан и живёшь себе в селе, при жене и детях. Почему же ты не с Церковью? Выходит, что ты в Евангелие не веришь, от церкви убежал, или она сама ушла от тебя, св. таинствами не пользуешься, какой же ты христианин? Ты ни еврей, ни христианин, живёшь по какому-то своему завету, веруешь не Богу, а в мерзость антихриста. Как же ты спасёшься?

Старообрядцу стало неловко. Между тем, я послал на квартиру принести «благовестное» Евангелие, – «Маргарит», – «Библию» и др.

– Слышите братия! – сказал я. Старообрядец, обозвал меня «дураком» за то, что я отвергнул его толкование, будто бы ныне в св. храме, на престоле, у христиан не совершается св. таинства, а стоит «мерзость запустения». Рассмотрим: правду ли говорит Иван Афанасьевич, и справедливо ли я обозван «дураком».

– Читай! читай! – говорили в толпе.

Сказанное «дурак» заинтересовало проходящих и вокруг меня были сотни людей, толковавшие за и против меня. Одни сочувствовали мне и говорили в народе: «резко больно. Слово жестокое»; другие, особенно раскольники, одобряли своего

начетника, хвалили его, говоря: он дерзновенно поступил, как мученик. Святые не боялись царей, не точию попов...

Я открыл книгу, положил её на задок телеги и ознаменовав себя большим крестом, стал говорить. Слушайте, братцы, Божественное Писание! Св. прор. Даниил сказал: «и в святилища мерзость запустения будет» (Дан.9:27). Указывая на сии слова прор. Даниила, Христос сказал: «когда увидите мерзость запустения, реченную через прор. Даниила, стоящую на св. месте, – читающий, да понимает» (Мф.24:15). Что же это за «святилище», где станет мерзость запустения? Обратимся к св. отцам за этим разъяснением. Св. Златоуст говорит: «Святилище, в немже мерзость запустения станет, есть храм, ветхого завета, стоящий в Иерусалиме, а мерзость запустения – кумир, или образ, низложившего град» его же постави иже град низложивый внутрь храма: понеже от Иудей всякое воображение человеческое – мерзость именуется» (Маргар. 116, 117). Вот какое объяснение даёт св. Златоуст! Перейдём теперь к другому толкователю божественных слов Спасителя, блаженному Феофилакту, архиепископу Болгарскому. Указанное место у св. Матфея он толкует так же, как и св. Златоуст. – «Мерзость запустения: труп тела глаголет приемшего Иерусалим, той бо труп свой постави в невходимых храма. Запустение же глаголет, понеже разорися град. Мерзость же, понеже трупы и образы человеческие мерзости нарицаху Иудеи, яко идоложертство ненавидяще» (Мф. 99 зач.). Такое же объяснение сделал Феофилакт – у Марка в зач. 60. Поняли теперь, братия, что названо «святилищем» и что – «мерзостью». Первое – храм иерусалимский, а второе – идол, которого поставил римский царь во св. храме. У евреев в храме было особое место «святая святых», иначе святилище, куда входил один первосвященник и больше никто, а римляне, когда завоевали Иерусалим и пленили евреев, взяли да в этом «святая святых» и поставили идола, т. е. статую, портрет своего царя-язычника и этим осквернили их храм. Евреи гнушались идолами, потому что законом Бога им воспрещено было делать идолов во образе какой-нибудь твари, кланяться им и почитать их за Бога. Такие изображения были только у «язычников», а

евреи называли их «мерзостью», гнушались ими и считали их осквернением для себя. Теперь поняли братья? Видите, что не алтарь в христианской церкви назван «мерзостно запустения», а идол, болван, который был внесён в Иерусалимский храм. Посему напрасно старообрядцы чуждаются св. причащения и бегут от нашей православной греко-российской Церкви, считая её еретической, осквернённой.

– Чти дальше! дальше иди по строке! – кричали старообрядцы²²¹. Там написало ещё: «неции иже мерзость запустения антихриста быти глаголют, яко на запустение мира и на разорение церквей грядуща». Ты это не пропускай. Надо сполна выводить толкование. Сокращать св. отец правила нельзя.

– Я и не сокращаю ничего. Я прочёл вам сначала слова Священного Писания, а потом толкование оо. Церкви, согласное слову Божию. Указанное же вами место в Благовестном Евангелии (Матф. 99 зач.) принадлежит уже не оо. церкви, а каким-то другим, неизвестным лицам, которые толковали это место по-своему. Св. Златоуст и Феофилакт относили слова прор. Даниила и Спасителя к Иерусалимскому храму, а какие-то «неции» люди относили их к антихристу. Кому же теперь верить – Златоусту или «нециим»? Уста Златоуста – уста Христа, вы сами говорили. А уста неких людей, которые толковали против Златоуста и др., кому подобны? Ясно, что равнять этих неизвестных людей со св. Златоустом нельзя. Кроме того, укоряя меня в непочтении указанного вами места, я должен сказать вам то же самое. Вот что сказано ниже прочитанного мною места: «несть о антихристе се, но о разорении Иерусалима». Я нарочно приберёг это слово, чтобы сказать его при ожидаемом от вас возражении.

Итак, я сказал вам от писания, что есть «святилище» и что «мерзость». Старообрядец голословно сказал, что «мерзость» есть ересь, которая якобы находится в православной Церкви и осквернила собой алтари и жертвенники. Я не согласился с его мнением, и за это он обозвал меня «дураком». Слышали ведь?

– Как же! Как – не слышать!

– Теперь я прошу почтенного старообрядца взять своё слово «дурак» назад. Я, оказалось, правильно понимаю прочитанное место и согласно Священному Писанию, а он нет. Так ли, Иван Афанасьевич? Засвидетельствуй! В слове Божиим сказано: «кто скажет брату своему «рака» (пустой человек), подлежит синедриону; а кто скажет «безумный», подлежит геенне огненной» (Мф. 6:22). Ты назвал меня «дураком», дурак – тоже «безумный», значит ты подлежишь за это геенне огненной.

Тронули ли мои слова раскольника, или уж ему так совестно было перед слушателями огромной толпы, вдруг Иван Афанасьевич упал мне в ноги и сказал: «прости, Христа ради, отец, за жёсткое слово. Дюже сердце-то разошлось».

«Бог простит! – отвечал я. Покаяние и сознание в ошибках облегчает душу и даёт прекрасный урок людям говорить только истину. – «Рабу Господню не подобает свариться», говорит св. Апостол. Надо беседовать тихо, кротко, с терпением выслушивать доводы своего противника, иначе выйдет только пустое препирательство и словобросание».

Сознание раскольника и его поклон произвели большое впечатление на толпу народа. Обруганный, – с Божией помощью я вышел победителем. Беседа имела большое влияние на слушателей. Вся ярмарка заговорила об этом факте. – «Дурак» и земной поклон раскольника пошёл по ярмарке из лавки в лавку и понёсся в окрестные селения. Собеседник мой вскоре пропал, а я вынужденным нашёлся открыть публичную беседу в храме, на которую собралось множество народа. После этого, меня пригласили ещё на частную беседу в дом раскольника.

Таким образом, ярмарки, базары, по моему мнению, удобно могут служить для бесед с сектантами и раскольниками. Возможны беседы и частные, и публичные. Всякое слово полезно и не вотще будет. Является случай – говори устно, а устное слово поведёт к книжному доказательству. Не составит публичная беседа, говори частно, но говори только, проповедай благовременно и безвременно, и не опускай ни одного случая к просвещению и спасению сидящих во тьме и сени смертной.

Пензенск. епарх. миссион. священник *Конст. Попов*

Двинская Агния. Беседа двух пашковцев о том, могут ли иметь грехи избранные дети Божии – духовные христиане. // Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 670–678

Вышедши с одного из прежде описанных нами²²² проповеднических собраний столичных сектантов-пашковцев, два посетителя отделились от большой группы последователей секты и направились налево, в глубь Васильевского Острова, по направлению к Чёрной речке. Ночь стояла светлая: луна и звёзды всё вокруг освещали своим мягким ласкающим светом, поверхность полноводной Невы украшала чудная серебристая полоса лунного света, которую то и дело перерезывали быстроходные кораблики Финляндского Общества. Время было позднее. Ночь приближалась уже к своему преполовению. Один из наших путников имел вид торжествующий, рассеянный: он быстрые свои взоры вскидывал то на луну и звёздное небо, то озирался по сторонам. На челе его отражалась беспечная самоуверенность и легкомысленное довольство. Не такого настроения был другой путник. Он весь был погружен внутрь себя. Он имел вид подавленный, шагал за своим товарищем, как автомат, понутив голову, погрузившись в какую-то глубокую думу... Лучи мягкого лунного света освещали на лице этого второго путника какую-то особенную страдальческую сосредоточенность. Нельзя было не заметить, что в душе этого человека совершается тяжёлая борьба, болезненная мука. Долго шли оба путника, не проронив ни слова. Наконец, первый из посетителей пашковского сонмища «Избранных детей Божиих» окликнул второго словами: о чём задумался, брат Иван? – Не сразу слышался ответ, – Холодят мою душу, сжимают сердце, как большая глыба льда, вброшенная в сосуд с малым количеством тёплой воды, слова сестры блондинки, сказанные по адресу братии в начале собрания, – ты их заметил? – Ответил Иван, глубоко вздохнув при этом. – Какие слова? что-то я не помню, – сказал второй путник. – Ну, если так, так и нечего мне тебе объяснять, как бы обидясь, заметил

Иван. – Тогда зайдём ко мне и побеседуем о том, что тебя тяготит. Хотя время позднее, но можно и самоварчик согреть, чтобы оттаять твою леденеющую душу, – сказал, улыбаясь, первый путник, которого мы назовём Василием. Тяжёлый вздох вырвался из груди Ивана, – молчаливым киванием головы он согласился на предложение спутника.

Чтобы ближе познакомить читателей с этими нашими посетителями пашковского собрания, мы должны объяснить, что Василий считался в общине «достигшим». Это был давний и испытанный последователь секты, которому поручалось увещание неопитов на домах, а Иван – только ещё «достигающий», т.е. не твёрдый, и общество в нём не уверено, да и он не всему доверял, а переживал период критического отношения к новому, манившему его, учению секты. Вот почему слова блондинки напечатлелись в сердце последнего посетителя пашковского собрания и пропущены были мимо ушей первого. Василий был ослеплён, – он не видел окутывавшей его тьмы пагубного лжеучения пашковского сектантства, он был весь во власти «отца лжи» и его аггелов-учителей еретичества; от Ивана же ещё не отступил ангел хранитель.

Скоро наши путники водворились в квартиру, помещавшуюся где-то на третьем дворе большого дома, в мрачном полуподвальном этаже. Засветив лампу, собеседники сели за стол, вынув каждый из кармана своего пиджака евангелийце. Первый начал беседу Иван тоном, полным нетерпения и некоторой досады.

– Дорогой брат, неужели тебя не удивили слова сестры блондинки, заявившей сегодня в начале собрания, что она не даст богослужебных книг всем собравшимся, а только тем, кого она хорошо знает, так-как, будто бы, книги часто пропадают?» Объясни, пожалуйста, неужели избранные «дети Божии», как постоянно величают нас наши старшие, утаить чужое не считают грехом?

– Да, возлюбленный брат, это верно, – избранные и оправданные не могут считать за грех ничего подобного, так-как мы, принявшие Господа, не имеем грехов, ответил Ивану

Василий спокойным, уверенным, недопуская возражения тоном и продолжал так. Разве ты не помнишь многократного разъяснения наших проповедников, что Христос искупил раз навсегда всех верующих, а, следовательно, и нас, взял на Себя все ваши грехи и пригвоздил их ко кресту, так что мы уже свободны.

С тех пор, как Христос восшёл на крест, существует *один* только грех: это грех-неверия; если не верить в то, что мы свободны от грехов, что мы спасены, что мы судимы не будем, что мы непременно будем в доме Его Отца, то вот это грех. Нет, брат, мы должны в это верить и верить глубоко, а кто не имеет этой веры, тот сам добровольно удаляется от Христа, не веря в Его искупление, и кто считает себя не достойным Его и не надеется быть с Ним, тот жестоко ошибается, не понимает силы Писания.

Иван слушал своего собеседника с большим вниманием, широко раскрыв глаза. Василий говорил как бы по заученному, с напускным пафосом: размахивая руками, показывая перстом горе. «Вот православные любят говорить: я грешник, я не достоин Господа, не достоин быть в Его царствии. Так и в молитвах их читается, помнишь, напр., перед причастием. Но кто так думает и говорит, тот действительно согрешает, потому что выражает неверие, а это и есть грех, – это внушает человеку сам сатана, чтобы отдалить человека от Господа Спасителя и Искупителя».

«Поверь, брат, сатана внушает человеку: ты грешен, ты же достоин Господа, иди, прежде искупи грехи, – молись, постись, приноси жертвы, тогда может быть, Господь и примет тебя. Сатана хорошо знает, что человеку это трудно, почему и внушает человеку эти неудобноносимые подвиги, и человек служит сатане, исполняя то, что он предписывает ему, тогда как спасение так легко и скоро: *надо только поверить Господу*, что Он искупил нас, спас, освободил, и *довольно*, – и Господь сейчас приблизится к тебе и будет обитать в тебе, будет руководить тобой по Своей воле, по Своему желанию».

«Итак, дорогой брат, знай и слушайся: мы – дети Божии, чтобы ни предпринимали, как бы ни действовали, чтобы ни

совершали, – всё это не по нашей воле, но по воле живущего в нас Господа; итак, что бы мы ни делали, уже не мы делаем, но живущий в нас Дух Христов, и все грехи омыты кровью Иисуса Христа и Он верен и праведен давно и раз навсегда простил вам грехи. Дети Божии, принявшие Господа, отдаются в Его руки, они должны быть покорны Его воле, как бывают покорны дети своим родителям; дети Божии не должны иметь своей воли, своих действий – всё это должно быть поручено Господу, живущему в них, и живущий в них Христос руководит ими во всём по Своей воле: вот почему, дорогой брат, дети Божии не могут своих действий считать грехом. «Скажу больше, что, – по догмату нашей веры в искупление верующих от всех грехов Единым Безгрешным Господом Иисусом, не только мы, но все живущие в настоящее время и те, которые будут жить после нас, уже искуплены Христом на Голгофе, что все наши грехи, которые мы можем сделать, Христос принял на Себя и пригвоздил ко кресту ещё до нашего рождения, нам надо только верить этой истине; итак должно признавать, что все наши действия происходят по воле живущего в нас Христа, и мы с принятием Господа должны всё возлагать на Него. Нет, наши проповедники, брат, верно учат» – закончил Василий.

Иван сначала слушал, не сводя глаз с проповедника, а затем стал посматривать в евангелийце и подыскивать там тексты, что не мог упустить из виду пашковский проповедник, который и поспешил окончить своё лжеучение.

– Вот что, дорогой брат: ты утверждаешь, что ваши проповедники не заблуждаются, понимают Писание, силу его. Если так, тогда объясни мне ещё, разве не извратил сегодня наш проповедник Коротконосов не только смысл, но и само слово св. Евангелия от Иоанна, глава 5, стих 25: «Когда мёртвые услышат глас Сына Божия и услышавши оживут»? наш проповедник прочитал: «когда мёртвые услышат слово Божие и услышавши оживут». Говорил ты, бр., много и складно, но прости меня, ты мне не только не доказал настоящей беседой главного догмата нашей новой веры, а наоборот, убедил в том, что наши проповедники оскорбляют Христа, ругаются над Ним, делая Его главой человеческих пороков, руководителем

человеческих преступлений. Неужели ты не видишь, какое противоречие, какая насмешка над братством нашим: блондинка заявляет, что братия на руку не чиста – книжки богослужебные прикарманивает, а Коротконосов уверяет, что мы избранные дети Божии – не имеем грехов, и, опираясь на 12 ст. 5 гл. первого послания Иоанна: «рождённые от Бога не грешат, но хранят себя от греха», толковал, а ты теперь ему вторишь, что будто бы уверовавший в искупление нас Христом становится *свободен в своих действиях*, и ему не вменяется уже в грех, что бы он ни совершил,, что «принявший Господа» (но как это принявший – вы оба молчите, не уясняете!) должен только верить, что все его грехи, пригвождены ко кресту... Но поймите, что ведь апостол Иоанн говорит: «рождённый от Бога не грешит, но *хранит* себя от греха», и дальше добавляет: «Кто хочет быть достойным Господа – *не должен* грешить»; – вы это не дочитываете. Апостол ведь не говорит, что тот должен – *только верить* в Его искупление. Не ясно ли, когда Апостол говорит, что не должен грешить, то, значит, нужно верующему иметь подвиг воздержания от грехов; следовательно, по словам Апостола с верой в искупление нас Господом Иисусом Христом должны быть и дела веры, и подвиги добродетели, коими *содевается спасение. Вера без дел мертва...*

– Подумай, брат, теперь, разве это не грубое извращение со стороны наших проповедников Св. Писания, если они слова Божественного Учителя «будьте святы» истолковывают так: «*верьте в Меня, в Моё искупление вас*» и будете святы. Но ведь здесь Христос говорит – «будьте святы» не по вере только, а и по поступкам – по нравственному поведению. «Научитесь от Меня, в другом месте учил Спаситель наш, ибо Я кроток и смирен духом»; не сказал Он, что научитесь верить в Моё искупление вас, но *научитесь кротости, смирению*, т. е. научитесь добродетелям, подвигам, достойным христиан...

Пашковский лжеучитель Василий порывался возражать, но Иван сказал, что он его слушал молча, а потому и Василий не должен его перебивать, и попросил приискать слова Господа Иисуса Христа, которые сказаны Им исцелённому: «вот ты теперь здоров, смотри же *не греш* больше, чтобы не случилось

с тобой хуже». Когда Василий нашёл этот стих, Иван спросил, почему Христос не сказал исцелённому так: «вот ты здоров теперь, только *верь* в то, что я исцелил тебя, и будешь ограждён от всего худого»? Нет. Спаситель говорит: «смотри *не греши* больше, чтобы не случилось с тобой ещё худшего». Ведь исцелённый несомненно верил, что Христос его Исцелитель и Спаситель, и веру эту Сердцеведец Господь, конечно, знал, однако находил её недостаточной для спасения и внушает исцелённому: «смотри *не греши*» чтобы не случилось худшего. Подумай, не указывает ли, брат, этими словами Христос опять на дела, а, следовательно, не ясно ли, что *одна вера*, которую ведь и бесы имеют, не может спасти человека, но вера спасающая должна быть споспешествуема делами любви и подвигами добродетелей христианских»?

Далее Иван попросил Василия приискать и прочесть 1Ин.1:8: «если говорим, что *не имеем греха*, обманываем самих себя и истины нет в нас».

– Кому, скажи, пишет это Апостол? – спросил Иван. Василий отвечал, что к незнающим Господа. – Ошибаешься, бр.: Апостол пишет эти слова уже *принявшим* Господа, это ясно из всех последующих стихов, прочитай-ка их и подумай, брат, хорошенько: если наши проповедники говорят, что мы дети Божии, что не имеем греха, вопреки слову св. Апостола, то в таком случае, не обманывают ли они не только самих себя, но и всех нас, слушающих их? Затем, вникнем, бр., в ст. 9: «Если исповедуем *грехи* наши, то и Он, *будучи верен* и праведен, простит нам *грехи наши* и очистит нас от всякой неправды». Не подтверждает ли и здесь слово Божие ту истину, что и верующие не чужды грехов. И, действительно, припомним слова богоизбранного сосуда благодати Божией, – первоверховного апостола Павла, который в борьбе с удобопреклонностью ко злу своего благодатствованного духа и сердца взывает: «Не то доброе творю, которое хочу, но то злое содеваю, которого ненавижу (Рим.7:14), потому что не я то делаю, а живущий во мне грех» (17 ст.). Св. Павел имел грех, а мы – пашковцы не имеем греха. Значит мы выше уже апостолов? Завидное наше положение, неправда ли, но только жалкое ослепление! Обрати

внимание на слово ап. Иоанна: «будучи верен», не указывает ли здесь он на слова Иисуса Христа, сказавшего (См. Евангелие от Марка, Мк.11:25), «когда стоите на молитве, прощайте, если что имеете на кого, дабы и Отец ваш небесный простил вам согрешения ваши. Если же не прощаете, то и Отец ваш небесный не простит вам согрешений ваших» (26 ст.). Здесь мы находим свидетельство Самого Христа, что верующие в Него не могут быть чужды от греха. На то и покаяние установлено в Церкви Христовой, которого, впрочем, наши проповедники не признают. Нет, бр. Василий, ко кресту Христос пригвоздил не все наши грехи, а один лишь грех Адамов, через который мы были лишены жизни, и никогда не могли зреть лица Господа даже и те, которые были праведны: души всех должны были находиться в аду до тех пор, покуда Христос не пригвоздил этот грех вечной смерти ко кресту и, сошедши духом во ад, не вывел души праведников оттуда в день Своего славного воскресения. Следовательно, вера в то, что мы искуплены будто бы от *всех грехов*, о которой криво толкуют наши проповедники, неосновательна, и здравомыслящий человек никогда не может согласиться с таким грубым заблуждением. Пойми и ты это, мы искуплены навсегда только от одного греха, – от греха проклятия и смерти, царствующей над вами за непослушание Адама, а не от тех грехов, которые мы совершаем каждодневно, так и сам Апостол о сём свидетельствует. Прочитай 10 стих, где ясно говорится: «если говорим, что мы *не согрешаем*, то представляем Его лживым, и слова Его нет в нас». Да, возлюбленный, я убедился, что в наших проповедниках не Его слова, а слова Его врага, который сказал Еве: «Бог за то запретил вам вкушать плоды с этого дерева, что, как только вы вкусите его, будете сами как боги и будете знать добро и зло». Припомни, как слова змея понравились праматери нашей Еве: она сейчас же послушалась лстивого совета змея и сорвала плод с запрещённого дерева, вкусила его и подала Адаму. Не подобны ли сему искустителю и наши проповедники, указывающие нам на плод *одной только личной веры*, через которую так легко достигнуть пребывания со Христом и мнимого спасения, так что многие прельщаются лёгким, чисто

фантастическим, путём спасения, – уверяя себя, что они привяли Господа, а в сущности они только отступили от православия и вступили в секту пашковцев. Не та же ли и здесь повторяется с нами, по действию дьявола, необдуманность, как и в Эдеме с праматерью Евой!

Брат Василий потерял всякое терпение, слушая доводы Ивана, опровергавшего мудрования пашковских учителей, которым первый верил безотчётно и безусловно. Василий недоумевал, откуда дадётся такая премудрость Ивану, всегда на собраниях и на частных беседах молчавшему и вздыхавшему. Не имея что возразить, Василий просто начал сердиться и браниться, назвав Ивана «валаамовой ослицей». Отвечая на оскорбления, Иван напомнил собеседнику слова Апостола: «гневаясь не согрешайте». – Гневаться, брат, можешь, как и сказал Апостол, но оскорблять другого грешно; «солнце да не зайдёт во гнев твой», сказал Апостол, а оно уже начинает восходить, посмотри на небо и поспеши успокоиться, я же тебя прощаю за оскорбления твои. Напоминаю тебе, брат, по любви наставления апостола Павла к Колоссянам гл. 2, ст. 8: «смотрите, братия, чтобы кто не прельстил вас философией и пустыми обольщениями, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу», а также и Петра во втором послании его гл. 2, ст. 15: «оставивши прямой путь, *они заблудились*, идя по следам Валаама, сына Восорова, который возлюбил мзду неправедную». Всегда боялся я – как-только ты меня увлёк на сонмища пашковцев, – чтобы учение наших проповедников не было «пустым обольщением», – теперь я убедился, что они и мы с ними оставили *прямой путь православия* и заблудились. Большую роль, думаю, играет у проповедников и «мзда неправедная». Скажи, откуда эти суммы на вечные экскурсии нашего Коротконосова для присутствования на судах (что он за адвокат!)... Ведь это денег стоит, а какое значение этого для спасения. Сам учит: «не судите», а по судам шляется. Учат, что мы «безгрешны», а тут сами называют публично «книгокрадами»... Где-ж тут и в чём правда?... Ты меня назвал «валаамовой ослицей». Благодарю за это слово, – Богу всё возможно. Валаам был обличён в

своём беззаконии бессловесной ослицей, которая проговорила человеческим голосом и остановила безумие пророка. О если бы оказал такую же милость Господь и к нашим пашковцам, послав хотя бы бессловесную ослицу к нашим пророкам, чтобы обличить их заблуждение, и возвратил их на истинный, хотя и более трудный, путь ко Христу, но зато верный, – на путь православной веры. Возлюбленный брат Василий! не всякому духу верь, но испытывай духов, от Бога ли они, потому что много лжепророков появилось в мир. Послушаем же совета св. апостола Иоанна и будем осторожны к слышанным нами речам пашковоких проповедников, будем проверять наставления наших непризванных учителей: согласны ли их толкования с учением Христа и апостолов Его.

Прошу тебя в тайне оставить нашу полунощную беседу и никому не говорить о моих двоящихся мыслях. Я ещё хочу побыть среди этой пучины лжеучений пашковского сонмища и молю лишь об одном Господа, да не опалён буду за это моё тяжёлое прегрешение огнём адской геенны, о которой не ложна возвещает нам евангельское благовестие Христа Спасителя.

Собеседники мирно попрощались. Василий остался дома в угнетённом настроении духа, а Иван шёл в свою квартиру торжествующим, с облегчённой душой.

Сестра Агния Двинская

Из миссионерских запросов

**Булгаков Н. Есть ли в Священном Писании
буквальное повеление совершать обряд умовения
ног. // Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 678–
679**

Сектанты моего прихода, молокане-воскресники упрекают православных в том, что в Иерусалиме при совершении обряда умовения ног происходит нечто похожее на театр. Есть ли буквальное повеление в Св. Писании совершать это? Священник Воронеж. губернии, Митрофан Б-Н.

Молокане-воскресники злословят то, чего не знают (Посл. Иуд.1:10). В Божественном Откровении есть прямое²²³ повеление совершать обряд умовения ног. Когда Спаситель умыл ноги своим ученикам, – то надел одежду свою и, возлегши опять, сказал им: *знаете ли, что я сделал вам? Вы называете Меня Учителем и Господом и правильно говорите, ибо Я точно то. Итак, если Я, Господь и Учитель, умыл ноги вам, то и вы должны умывать ноги друг-другу. Ибо Я дал вам пример, чтобы и вы делали то же, что и Я сделал вам* (Ин. 13:12–15). Что может быть яснее и убедительнее этих слов Самого Господа Иисуса Христа? На основании их в Греко-Российской Церкви и совершается *священный и божественный* обряд умовения ног, глубоко знаменательный по своему внутреннему смыслу. Сектанты, будучи помрачены в разуме и отчуждены от жизни Божией по причине своего невежества и ожесточения сердца (Еф.4:18), не понимают внутреннего смысла этого обряда, освящённого личным примером Христа Спасителя, и потому называют его театральным, уподобляясь немым псам, не могущим лаять, бредящим лёжа (Ис.56:10). Смысл же этого обряда тот, что истинный последователь Христа должен питать самоотверженную любовь к своим ближним (1Ин.3:16; Ин.15:12–13); проникаясь самым глубоким смирением (Лк.17:10; Флп. 2:5–8), эта любовь в истинном христианине должна исключительно направляться к тому, чтобы нравственно очищать, усовершенствовать и возвышать ближнего, дабы он сделался

достойным членом царства Христова (Мф.5:48; 1Пет.4:8; Гал.6:2; 1Фес.5:11,14) и блаженным участником Его воскресения (Откр.20:6; Флп.3:20–21; Рим.6:5). Между прочим, ап. Пётр, не разумеая того смысла, какой имело умовение Спасителем на тайной вечери ног своих учеников, воспротивился Господу и решительно заявил Начальнику жизни нашей, что он не даст Ему своих ног для умовения (Ин.13:6–8). Тогда Господь изрёк ап. Петру следующую угрозу: *если не умою тебя, не имеешь части со Мною* (ст. 8), т. е. перестанешь быть Моим другом (Ин.15:14) и потеряешь вечное спасение (Евр.5:8–9; Ин.8:51). Эти грозные слова Спасителя всей своей тяжестью и падают теперь на сектантов, восстающих против обряда умовения ног и других благолепных священнодействий Православной Церкви, в которых, как в книге, ясно и наглядно изображается история нашего искупления.

Н. Булгаков

Мессарош П.И. Следует ли ходить с крестным ходом на Иораднь в приморских городах. // Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 679–681

(Письмо в редакцию журнала «Миссионерское Обозрение».)

Мне неоднократно приходилось слышать крайне разноречивые объяснения наших священников об обязательности крестных ходов в приморских городах в дни, когда Православной Церковью установлено освящение вод.

Некоторые православные священники, «не мудрствуя лукаво», совершают крестные ходы на море и освящают море, как «водную стихию». Другие же, толкуя, что освящению подлежит лишь вода, годная «для питья», находят совершение крестных ходов на море излишним и освящают, без всякого крестного хода, в церкви пресную воду, налитую в кадку. Наконец, третьи соединяют оба толкования и, совершая крестный ход на море и освящая «водную стихию» моря, одновременно освящают и воду «годную для питья», налитую в кадку.

6-го января 1870 г. я был в г. Бердянске; крестный ход из собора направился к Азовскому морю, на льду, которого был вырублен крест, и у этого креста стояла кадка с пресной водой, и совершено было освящение «водной стихии» моря, и «воды годной для питья».

6-го января 1896 г. я был в г. Гельсингфорсе, и там в Успенском Православном Соборе во время литургии была освящена пресная вода в кадке, стоявшей в церкви. Крестного хода совершено не было, и водная стихия Финского залива освящена не была. Указывая вышеприведённые факты, покорнейше прошу редакцию журнала «Миссионерское Обозрение» печатно ответить на следующий вопрос:

Следует ли в приморских городах и сёлах, вблизи которых не имеется ни рек, ни пресноводных озёр, совершать крестные ходы на море и освящать «водную стихию» моря в дни: Богоявления, Преполовления и Происхождения древ Креста Господня?

По некоторым соображениям я бы покорнейше просил редакцию ответ на мой вопрос напечатать в текущем году.

П.И. Мессарош

Мы знаем из слова Божия, что Господь Бог Вседержитель есть Творец не только неба и земли, но и моря со всем, что в нём, со всеми его обитателями: от колоссальных китов, громадных акул, маловедомых чудовищ до микробов и инфузорий, видимых лишь в микроскоп. Все эти живые существа, населяющие глубины моря, которому Бог положил пределом песок, – все они жизнь свою получили от Животворящего Духа Божия, «о Нем бо все живет и движется». Не без воли Божией распределяются по рукам людей морские богатства: чудесная ловитва св. апостола Петра показывает, что и на море – власть богатить и убожить принадлежит Господу Иисусу. Хребет вод морских освящён хождением святейших стоп Господа Иисуса Спасителя нашего; его повелению повинуются до ныне волны морские, и без Божьего попущения не могут взволноваться воды морские. Всё это показывает, что море повинуетя Единому Истинному Богу. Можно ли после этого сомневаться в благотворности и плодотворности крестных ходов на море в приморских городах и сёлах в дни Богоявления и 1 августа? Если некогда, как записано во св. Евангелии, море улеглось и прекратилось волнение, по слову Христа Господа, то почему это же не может совершиться и ныне, и впредь? Были примеры, что святые призыванием великого Имени Божия претворяли солёную воду моря в пресную, приятную для питья. Но если и не по этой последней нужде совершать мы будем освящение водной стихии моря, то по сознанию бурности и опасностей этой стихии для «плавающих в море далече», о коих матерински промышляет в своих умиленных молитвах мать св. Церковь. Без всякого сомнения, необходимо и крайне полезно совершать крестные ходы на море и освящать водную стихию моря во дни Богоявления, Преполовления и происхождения древ Креста Господня. Пресная вода освящается для питья, морская – дабы отогнать от неё злые козни человекоубийц демонов, старающихся погубить грешников «наглыми» смертями, без покаяния. Нам известен монах-

миссионер, который приучил себя призывать в себе имя Святой Троицы Бога при каждом дыхании груди и тайно этим именем и крестом ограждать каждого встречного человека-брата. Это сообщило сему мужу от Духа Святого чудные дарования, коими совершаются удивительные дела милостей Божиих, о коих теперь не место говорить подробно. Итак, надо даже при каждом дыхании нашем призывать Имя св. Троицы Бога («всякое дыхание да хвалит Господа»), чем исполним заповедь «непрестанно молиться». Кольми паче необходимо не опускать случаев призывать имя Всемогущего Человеколюбца Бога над грозной и удобоволнуемой стихией. Если же особенно настаивать на непригодности морской воды для питья, то нужно помнить, что вкушаем мы священную воду не для услаждения вкуса, а для освящения тела, для избавления его от немощей и болезней. А это может произвести и солёная вода, освящённая по церковному чину. Во 2-х – издревле был и теперь существует обычай на Руси – запасаться на случаи нужды и потребностей водой, освящённой накануне Богоявления. Следовательно, морская вода остаётся к употреблению только в день её освящения. Поэтому-то, быть может, устав патр. Филарета (напеч. 7141 – 1633 г.) повелевал освящать воду только однажды – накануне Богоявления, на том основании, что Типики «обители студийские и иерусалимские от вечера точию повелевают, вяще же ничто»... Итак, и морская стихия не меньше, чем и всякая другая, для благоденствия людского требует освящения её наитием Духа Святого, и ссылка на её солёный вкус сильна лишь для маловерующего и для несовершающих освящения воды накануне Богоявления. Последнего же нигде не бывает. Поэтому, кажется, можно и даже должно, не мудрствуя лукаво, освящать и морскую воду без всякого поставления с особой пресной водой кадок на берегу моря, без двукратного освящения её в море и кадке. Для верующего вся возможна. Кроме того, крестные ходы сами по себе имеют не заменимое ничем часто миссионерское значение и для православного, и для иноверного населения, – что особенно надлежит памятовать и блюсти в протестантской Финляндии.

**С-ко М. Миссионерские вопрошения интеллигента о.
Иоанну Кронштадскому. // Миссионерское
обозрение. 1899. № 2. С. 682–683**

Ваше Высокопреподобие! Досточтимый и милый о. Иоанн!

Многих интеллигентов, с коими мне приходится беседовать по вопросам веры и Церкви Божией, необходимо сделать *безответными* перед Богом. Долг не только пастырей, но и верных сынов св. православной Церкви – мирян уверять, умолять, обличать, молиться о заблудших, – поверить же непреложным истинам православия это *дело свободы* самих неверующих. Кто уверует по православному – спасётся, кто не уверует – осужден будет на суде Господнем, страшном. Но, чтобы при двоих свидетелях стад всяк глагол, дерзаю обращаться к Вашему Высокопреподобию с *вопрошениями* в печати по поводу тех или других, порождаемых и в моей смятенной душе, и в душах маловерующих и суемудрствующих со-вопросников моих, – и сыновне молю, как благосердного отца: – нашего ради спасения милосердуйте об нас, заблудших интеллигентах, алчущих и жаждущих истинного боговедения. Уделите от щедрот вашего духовного опыта и мудрости о Господе нечто и для нашей духовной пользы. Я избираю для моих сыновних вопрошений и ваших отеческих ответов Миссионерский журнал, ибо, по глаголу вашему, отныне посвящаю себя миссионерскому служению²²⁴.

1) *Действительно* ли существует огненная геена, – дебрь огненная, преисподняя земли, кромешная тьма, ад со скрежетом зубовным и плачем? А если существует, то как примириться в душе с гибелью миллионов душ? Как не отчаяться и не вдаться в содомские дела мира, живя среди мира?

2) Можно ли *надеяться* молитвами и милостынями избавить от вечного огненного оно́го мучения *самоубийц и казнённых преступников*? Этот вопрос тревожит душу одного «интеллигента», который не хочет допускать мысли, будто Бог менее человеколюбив, чем он, человек-грешник, которому *жаль*

самоубийц. Если ему – человеку жаль сущих во аде, неужели Богу не жаль?

3) О каждом российском иерее беспокойством беспокоиться надлежит, ибо, по слову св. Иоанна Златоуста, «немногие из иереев спасутся». Как страшно слово сие! Не ведёт ли оно к отчаянию? В странствовании своём Св. по Руси встречал многих пастырей, которые горят благим желанием зреть вашу личность, избыточествующую верой правой, любовью не притворной, упованием несокрушимым, и тем объединиться в илииной ревности по Бозе. В России 46 т. храмов, если бы священники собрались по 50 чел. около своих благочинных, то вы года в 3 или 5 могли бы, с благословения Синода, объехать Св. Русь, вдохновляя и одобряя собратий-пастырей. В странствованиях моих видел пастырей, уснувших в смерть, нерадящих об овцах. Можно ли быть равнодушным к этим явлениям? Как быть с солью обуявшей?

4) Олонецким Преосвященным Назарием печатно выражено упование, что вино будет когда-нибудь продаваться *из аптек*, как лекарство, по рецепту врача и с благословения священника. Должно ли сочувствовать этому и употреблять христианские усилия к осуществлению сего?

Михаил Со-ко

Миссионерство, секты и раскол

(Хроника).

**Э. Я. Несколько слов по поводу Киевского
юбилейного торжества. // Миссионерское обозрение.
1899. № 2. С. 683–690**

(Впечатления очевидца). Съезд Иерархов и депутации. Торжественные архиерейские служения. Поздравления и поднесения юбиляру-Иерарху. Приветствие от миссии и нашей Редакции. Речь В. К. Саблера. Совещания ерархов. Паломничество архипастырев к Черниговскому Чудотворцу.

Из сообщений «Церк. Вед.» и светской печати наши читатели имеют достаточные сведения о внешней стороне Киевских юбилейных празднеств, в честь первоиерарха Русской Церкви, высокопреосвященнейшего Иоанникия, митрополита Киевского. А потому повторять одни и те же сведения мы не будем, а лишь поделимся теми незабвенными впечатлениями и чувствами, какие вынесены участниками и очевидцами этого редкого церковно-исторического торжества. Отметим также и несколько подробностей, достойных внимания, но или затерявшихся среди других сообщений, или недостаточно подчёркнутых бытописателями.

Общее впечатление от юбилейных Киевских празднеств таково: празднество пленяло взор наблюдателя и трогало сердце каждого из присутствовавших верного сына церкви величавостью своей картины, силой того духовного обаяния, каким пользуется первоиерарх Российской Церкви у всех и всюду, начиная от иерарших кафедр и царского трона; отличалось также торжество и той искренностью и сердечной теплотой благожеланий, приветствий, – какими почтили церковь и государство своего первосвятителя в знаменательный его юбилейный праздник.

В летописях подобных торжеств юбилей высокопреосвященного Иоанникия является беспримерным уже по одному составу прибывших в Киев депутатий, в числе коих находилось 24 иерарха²²⁵, – по единодушному отклику всей русской печати и по количеству полученных почтой и по телеграфу многочисленных поздравлений от иерархов.

Высочайших особ, протоиереев и мирян, знатных и простых. Поздравления эти дышат непритворно-искренней преданностью и благоговейным почитанием доблестного служителя алтаря Господня. С этой стороны Киевское юбилейное торжество имело характер *всероссийского* чествования. Для матери градов русских – древнего Киева, украсившегося 7 ноября национальными флагами – это был чисто церковно – царский праздник.

Характерной чертой юбилейного Киевского празднества служило также отсутствие той витиеватой шумливости, которая на подобных торжествах всегда переходит границы умеренности и вдаётся в пафос, часто напускной и трескучий. Молчаливая, благоговейно молитвенная сосредоточенность и величавость проникала всё торжество в честь первоиерарха – юбиляра, который и сам никому никогда *не ульсти* своим малоглаголивым, языком и в других не терпит и боится хвалебных славословий.

Съезд иерархов и deputаций начался со второго ноября, – к 4 ноября, – ко дню тезоименитства его высокопреосвященства, уже большинство гостей съехалось. Юбилейной комиссией, во главе с энергичным её председателем, преосвященным Сергием, епископом Уманским, все прибывшие удобно были распределены по квартирам – в лавре и в других обителях Киева. Принесение приветствий началось 6 ноября, в день посвящения юбиляра в первую степень священства – во диакона. В этот день сам юбиляр служил литургию на ближних пещерах в том храме, где совершён был над ним иноческий постриг. В 11 часов в лаврские покои владыки прибыли викарные епископы, старейшие представители белого городского и сельского духовенства, представители лавры и монастырей, начальники и наставники духовно-учебных заведений, депутация от городского управления и ктитория Киевских городских церквей.

Маститый юбиляр предстал перед сонмом собравшихся духовных и светских почитателей-киевлян с обычным своим сосредоточенным апостольским видом и, к общей радости, бодрым и значительно оправившимся в благодатном Крыму от

своего недуга. Первым приветствовал юбиляра преосвященный Сергей чтением адреса от Киевской епархии. На обширный адрес владыка-юбиляр кратко ответил: «вы мне больше приписали, чем я сделал действительно для Киевской епархии – много добрых моих желаний и начинаний на пользу Киевской церкви ещё я не успел осуществить. Помолитесь, чтобы Господь продлил моего века на год–другой, чтобы начатое свершить и неисполненное выполнить». На прочитанный вслед затем адрес от Киевской академии, архипастырь юбиляр с сыновним чувством ответил приблизительно так:

«Где я ни был, а Киевскую академию всегда считал своей, всегда душевно радовался её успеху и посильно содействовал её благосостоянию. Благодарно покорно за тёплые чувства к прошу молитв» Далее, наместник лавры прочитал адрес, и старшая братия поднесла икону от лавры, еп. Сергей от монастырей, городской голова – от города Киева. Отвечая кратко на все приветствия, архипастырь представителям города сказал: «Киев – вторая родина моя, на родине я прожил детских 9½ лет, в Киеве всего лет 27. Здесь я получил образование, начал службу и здесь же Бог судил мне заканчивать своё служебное поприще и земную жизнь». Все учреждения подносили св. иконы, а старосты поднесли юбиляру удивительно художественной работы дорогое серебрено-оксидированное блюдо и кувшин для омовения рук во время служения. Причём на блюде выгравирован вид всего Киева, а также лавры, обителей и знаменитейших храмов, а на кувшине – виды соборных храмов всех тех епархий, где святительствовал юбиляр. Работу эту ювелир Маршак имеет выставить на Парижской выставке?

Благодаря за подношение, владыка сказал, что ценный дар этот многоценен как памятник добрых отношений пасомых к своему пастырю.

Шестого ноября всенощные, а седьмого – литургии совершены были в семи храмах архиерейским собором и отличались большой торжественностью. В Софийском соборе священнодействовали иерархи и священнослужители из тех епархий. (Москвы, Грузии, Нижнего, Саратова), где

высокопреосвященный Иоанникий архипастырствовал, во главе с Митрополитом Московским.

В 11 ч. архипастырь принял поздравления от дам высшего общества. Во втором часу дня лаврские покои были до тесноты переполнены собравшимися для поднесения приветствий депутациями и высокими представителями всевозможных светских учреждений Киева. Здесь был начальник края с многочисленной и блестящей депутацией из генералов Киевского военного округа, представители судебного округа, поднёсшие, адрес архипастырю, учебный округ с представителями от университета (в пользу столовой для бедных студентов которого владыка пожертвовав несколько тысяч), политехникума, военного корпуса и всех средних учебных заведений, от разных обществ, – всего до 50 депутатий.

Архипастырь-юбиляр вышел из внутренних покоев ровно в час, преподал общее всем благословение и занял место на приготовленном для него кресле. Товарищ г. обер-прокурора Св. Синода, сенатор Саблер, торжественно прочитал Высочайший рескрипт, данный на имя юбиляра, и поднёс пожалованные Государем алмазные драгоценные, знаки ордена Св. Андрея Первозванного. Юбиляр был глубоко тронут царской милостью. С волнением, не раз прерывавшимся голосом в ответ он произнёс: «С чувством беспредельной преданности и благодарности за милостивое, выше моих заслуг, внимание Его Величества к моему служению молю и не престану молить Всевышнего о том, чтобы Он увенчал возжеланным успехом все благие начинания нашего возлюбленного Монарха, направленные к счастью и благоденствию Его верноподанных».

И тут же юбиляр, при помощи епископа Сергия, возложил на себя знаки, сиянием своим эмблематически напоминавшие яркий свет личных и служебных добродетелей и подвигов, совершённых архипастырем в истекшее пятидесятилетие. Затем высокопреосвященный Владимир, митрополит Московский, прочитал приветственную грамоту Св. Синода и принёс поздравление от Московской епархии и Троицкой Лавры,

тут же представив многочисленные московские депутации, в том числе и от общества хоругвеносцев, учреждённого митрополитом Иоанникием. Отвечая на приветствие Синода и Митрополита, юбиляр сказал: «Сердечно благодарю сотрудников своих в деле управления отечественной церковью. Не могу не выразить при этом своей радости о существующем между вами единодушии. Верховный Пастыреначальник Господь Иисус Христос да сохранит и утвердит такое единодушие и на будущее время. В нём наша сила, в нём и твёрдое основание для нашей благоплодной деятельности. Брат от брата помогаем, яко тверд град» После сего, прочитан был проф. академии А. А. Олесницким адрес Палестинского Общества за подписью его Августейшего Председателя. А затем уже началось поднесение адресов и св. икон и личное, в кратких словах, принесение поздравлений депутациями; сначала приветствовал депутат столичной митрополии епископ Борис – от епархии, от академии, лавры и от С.-Петербургского Митрополита Антония, за ним депутат от экзарха епископ Кирион. затем шли депутации от родной юбиляру Тульской епархии, во главе с еп. Питиримом, далее от Нижегородской во главе с еп. Владимиром, от Саратовской – с еп. Иоанном. После сего приветствовали архиепископы со своими депутациями. А за ними уже начальник края с депутацией военного округа; затем продолжали поздравления все прочие епископы, после которых начальники губерний и все светские депутации. Закончились поздравления и поднесения опять духовными депутациями, во главе с протоиереями от епархий. Здесь же удостоилась представления и поднесения «Юбилейного Сборника» от редакции нашего журнала депутация, которую составляли: редактор – издатель Миссионерского Обозрения, постоянный наш сотрудник, заведующий отделом «из мира инославных исповеданий и заграничного сектантства», екатеринославский миссионер А. Я. Дородницын, и священник единоверческой г. Киева церкви о. М. Терехов. В. М. Скворцов, приветствуя юбиляра от лица миссии и редакции, между прочим, сказал: «Архипастырскому сердцу вашего высокопреосвященства всегда были близки заботы о

спасении не только верных чад церкви, но и *заблудших* её сынов. Вами указаны новые средства и способы борьбы с религиозными лжеучениями и проложены новые в миссионерстве пути к ожесточённым сердцам коснеющих в расколе и сектантстве. Благопопечительности вашей об успехах миссии обязан своим возникновением и наш миссионерский орган. По долгу признательной любви редакция имеет счастье почтить ваш ныне юбилейный праздник первым изданием ваших превосходных проповеднических и других произведений». А. Я. Дородницын поднёс издание, в роскошном переплёте с подобающей надписью. Владыка благодарил редакцию и призвал благословение Божие на успех нашего дела и делателей миссии.

Принесение приветствий продолжалось около 2 часов времени. В 3 часа состоялся в лаврской трапезе обед почти на 400 кувертов, – данный юбиляром в честь гостей на личные свои средства. Обед юбилейный также носил на себе необычный характер: на нём *не было ни тостов, ни речей*, но по обычаю лавры протодиакон возглашал многолетия Государю Императору и Царствующему Дому, Св. Синоду, а затем отдельно юбиляру. Здесь г. товарищ обер-прокурора обратился к юбиляру с кратким, одушевлённым и, как всегда, художественным словом и нарисовал живую, меткую характеристику личности и деятельности иерарха – юбиляра. Вот эта речь.

«Приветствую ваше высокопреосвященство с исполнившимся пятидесятилетием вашего достославного служения Святой Церкви. День нынешний – день знаменательный. Вас, первосвященителя Российской Церкви, приветствует вся православная Россия. Державный Отец Отечества, с высоты Престола Царского, прислал вам Свой Монарший привет. Сонм иерархов со всех концов русской земли собрался в древнем Киеве и молитвенно призвал на вас благословение Всевышнего. С особым усердием возносилось имя ваше в епархиях, в которых Господь судил вам проходить ваше святительское служение. И древний Сионский собор, и Московские соборы, и лавра преподобного Сергия, и все храмы

и обители этих епархий огласились молитвами о вас, владыко святой, из ближних и дальних мест несутся к вам молитвенные пожелания. Вы дороги отечественной Церкви, как святитель, призванный стоять у кормила церковного правления, как иерарх, всегда, во всё продолжение своей многолетней жизни, неизменно являвший пример самоотверженного служения Господу Богу и Его Святой Церкви. От юных лет вы отреклись от скоропреходящих благ и непрочных радостей мира сего: правду возлюбили, и праведно истине потрудились. Сердце своё уберегли от языка льстива. Никогда не прилеплялись к суетным желаниям. Серебра и сокровищ не собирали, славы и почестей не искали, о себе не говорили и, полагаю, не думали. Мысль ваша, окрыляемая молитвой и милосердием, уносила вас далеко от праздной суеты. Любя благолепие храмов Божиих, вы и на своей родине, и в Петербурге, и здесь, и во всех местах своего служения – воздвигали во славу Божию дивные по красоте храмы. Зная по личному опыту скорбную долю детей бедного духовенства, вы, с отеческой заботливостью, повсеместно устроили общежития при семинариях и училищах, открывали епархиальные женские училища и ныне здесь сооружаете величественное здание новой семинарии. Всюду вы старались утверждать в воспитанниках духовно-учебных заведений любовь к Святой Церкви и готовность служить ей. Недостаёт мне времени перечислить ваши добрые дела и благие начинания. Велики ваши заслуги перед отечественной Церковью. Имя ваше будет памятно в роды родов в учреждениях, вами созданных, вам же да дарует Милосердый Господь ещё много лет потрудиться во славу Его Имени. Да продлит Он дни ваши в бодрости духа и крепости сил на пользу Святой Церкви, на утешение и радость всех любящих и почитающих вас».

Юбилейное торжество продолжалось и 8 ноября, на храмовом празднике Михайловской обители, а также и в духовной академии, куда в 7 часов вечера в квартиру преосвященного ректора собралась вся академическая корпорация, все питомцы академии из прибывших на юбилей гостей и все архипастыри.

Высокопреосвященнейший маститый архипастырь юбиляр – ныне первенец Киевской академии и по числу лет своего служения, и по своему высокому иерархическому положению.

Вечер имел непринуждённый характер родственного собрания старых и молодых, любящих свою *almamater*, детей и прошёл за чаем и фруктами в оживлённом обмене мыслей иерархов между собой и с представителями и деятелями Киевской церкви и богословской науки. Когда было подано шампанское, всеми высокочтимый ректор академии, один из последних могикан и светило блестящего учёного созвездия академии конца первой и начала второй половины истекающего века, – преосвященный Димитрий Ковальчицкий, сказал три *классических* по содержанию и форме заздравных речи: – за юбиляра, за питомцев академии, во главе с митрополитом Владимиром, собравшихся на юбилейный праздник иерархов и за В. К. Саблера. Последний ответил одушевлённым и, как всегда, блестящим тостом за старейшую Киевскую академию и за процветание богословской науки. Юбилейное собрание в академии оставило у всех самое отрадное впечатление своей теплотой, простотой и, так сказать, духовной содержательностью.

Академическим собранием началось бесценное деловое общение мысли и чувства среди собравшихся на юбилей иерархов, представителей власти, мужей науки, пастырей церкви.

День 9 ноября, – по мудрой инициативе первоиерарха – юбиляра, – пожелавшего, чтобы любовью к нему созданное приятное празднество не оставалось и без пользы для церкви, – был посвящён собранию одних иерархов, при участии г. товарища обер-прокурора Св. Синода, для братского совещания по различным вопросам церковного управления, вызываемым неотложными нуждами и живыми запросами нашего времени. Иерархи собирались в лаврских покоях митрополита утром (тогда же и снята была фотография Киевского юбилейного собора) и вечером. Обсуждению подвергнуты были до 10 вопросов, в том числе можем назвать – вопрос о мерах против прозелитивных ухищрений австрийского раскола и русского

штундо-баптизма и других форм новейшего рационалистического сектантства, а также против хлыстовства, широко разливающего свой яд тайных лжеучений и обольщений тёмной массы приманкой «свободной», так называемой, духовной любви между полами. Вопросы о церковных школах, о Церковной и внецерковной проповеди, о постановке воспитания и учения в духовно-учебных заведениях и об устройстве общежитий, о наилучшем ходе операций свечных заводов, об учреждении в епархиях эмиритуры пожарного капитала и др. Председательствующий на собраниях первоиерарх, выслушав мнения других иерархов, по всем вопросам подробно излагал свой взгляд, умудрённый глубоким опытом полувековой административной жизнедеятельности, что, конечно, весьма важно и дорого для правящих епархиями архипастырей.

Такого многочисленного собора архиереев ещё в истории Российской Церкви ни разу не было, а потому понятна вся важность этого совещания. Собрание это, само собой состоявшееся, нужно считать особой милостью Божьей к Церкви нашей и к её первосвятителю-юбиляру.

Кроме того, были посвящены общению мысли и чувств собрания частные, при участии нескольких архипастырей, как напр., у почтенного профессора академии В. Ф. Певницкого, во главе с преосвященным Иринеем, у настоятеля Владимирского собора протоиерея проф. о. Королькова.

10 ноября начался разъезд deputаций и иерархов, причём, многие, не имевшие случая быть на поклонении у Святителя Феодосия, отправились из Киева в Чернигов.

Нет надобности подводить итоги того, что принесло Киевское юбилейное торжество славе и пользе Св. нашей Церкви и подъёму добрых чувств в российском пастырстве и пастве. Всё это неисчислимо, но слишком ощутимо совестью каждого православного – верного сына Церкви и почтительного к её иерархии. Итоги эти подведены будут в особом юбилейном издании, куда войдут описание торжеств, все адреса и приветствия.

**Э. Я. Каргопольские бегуны и Гжатский еретик,
проповедник нового лжеучения. // Миссионерское
обозрение. 1899. № 2. С. 690–694**

На страницах «Мис. Обзор.» сообщалось об обнаружении в Каргопольском уезде на гумне крестьян братьев Крехалевых бегунского кладбища. Теперь нам сообщают, что раскольники-безпоповцы страннического толку появились в пределах Олонецкой губернии в начале 50-х годов настоящего столетия. Сначала они утвердились в Каргопольском уезде, а потом перешли в Пудожский, Петрозаводский и Повенецкий уезды и приобрели здесь значительное число последователей.

Учение местных странников столь вредное для Церкви и государства, как и у всех вообще бегунов. Так, выходя из мысли об антихристе, странники утверждают, что антихрист царствует в лице российских государей, начиная с императора Петра I; видимыми же знаками власти его служат распоряжения гражданской власти. Поэтому, они отвергают подчинение *всякой* власти, требуют от своих членов уклонения от *всяких* государственных и общественных повинностей, считают грехом записываться в ревизию, брать паспорта, отбывать воинскую повинность и т. д. Духовная власть, по их понятию, – лживые пророки, пастыри – волки, предотечи антихристовы, служащие антихристу за жалованье и чести ради. Православные христиане – падшие, погибшие, если только не перекрестятся и не перейдут в их веру. Церкви нет; она под видом апокалипсической жены с двумя крылами (Апок.12:14) убежала от антихриста в пустыню.

Таинств, кроме крещения и покаяния, нет. Церкви Божии, т. е. св. храмы, по показанию сектантов, – овощные хранилища, мерзость запустения, а потому, по выражению одного из странников Троицкого прихода, Каргопольского уезда, лучше в хлеве Богу молиться, чем в церкви.

На тело христианина, которое, по слову Апостола, есть храм Св. Духа, странники имеют презренный взгляд. Поэтому они хоронят тела умерших в скотских дворах, гумнах, болотах и

т. п. местах, без гробов, завернув лишь в рогожу, и выражаются обычно так: «мёртвым телом хоть тын подпирай».

Отвергая истинную Христову Церковь с её спасительными таинствами и законным священством, не признавая Государя Императора и поставленных от него властей истинными и законными правителями, считая православных христиан падшими и погибшими, странники сами усвоили и стараются православным внушить нечестивое и развращённое учение, что, якобы настоящее состояние Церкви и общества есть особый греховодный сатанинский мир. Жить в таком мире и получить спасение нельзя. Поэтому, истинный христианин должен «таиться и бегать», или с антрихристом в брань вступить. Не имея здесь пребывающего града, он должен быть в буквальном смысле странником, неведомым миру, должен разорвать всякую связь с обществом. И действительно, одни из странников бросают свои семьи, дома, хозяйство и скрываются в пещерах, тайниках, устраиваемых пристанодержателями, и в местных избушках, а летом и прямо в лесу; другие же – «жиловые», странноприимцы, пристанодержатели укрывают и их от антихристовой власти, хранят их имущество, доставляют всё необходимое и, в случае смерти, хоронят их, – вообще сплачивают действительных странников в одно целое, организованное общество. Укрывшись в потаённых местах, вдали от взоров людей и начальства, странники проводят жизнь безнравственную, соединённую с гнусными противозаконными деяниями, каковы: распутство, детоубийство, убийство, печатание (от руки) раскольнических цветников, подделывание кредитных билетов и т. п. На всё это у них есть люди, потому – что они принимают в свою секту воров, беглых солдат, беглецов из Сибири, даже политических преступников, и тщательно укрывают их. При этом всё-таки они стараются показать людям своё наружное благочестие: часто молятся, справляют общие богослужения, устраивают беседы (религиозные), приглашая на них более состоятельных лиц, постятся, не едят мяса, считая себя якобы иноками; носят скромное платье и т. п., чем и прельщают неопытных и не сведущих в религиозно-нравственной жизни христиан, особенно простецов стариков и

старушек. Чтобы прокормиться, странники бродят по деревням за сборами: масла, зерна, муки, и тут же тайно пропагандируют своё нечестивое учение среди местных поселян.

Таким образом, странническая секта растёт тайно, незаметно, и бороться с ней православным миссионерам и приходскому духовенству трудно, тем более что скрытники (странники) на беседу никогда не являются, а пристанодержатели уклоняются от бесед. По поводу оправдания судебной властью одного бродяги в силу его заявления, что он бродяжничает по принципу, как последователь секты бегунов, казанским архиепископом Павлом было возбуждено перед г. обер-прокурором ещё в 1886 г ходатайство о признании этой секты особо вредной и подведении странников-бегунов под закон о бродягах. Ходатайство это поддержано было и 2 московским миссионерским съездом 1891 г. В настоящее время накопилось не мало новых данных о крайней вредности этой секты, притом в шуйском судебном процессе прошлого года установлен факт «красной смерти». В каргопольском процессе Крехалевых также найдётся, надеемся, не мало данных об изуверстве этих сектантов. Всё это, казалось бы, должно бы убедить правительственную власть в необходимости изъятия этой секты из-под покровительства закона 1883 г. 3 мая.

Покровительствуемое нашей беспочвенной интеллигенцией «брожение духа в народе» всё чаще и чаще выражается в проявлении в новых местах *новых видов сектантства*, иногда крайне уродливых со стороны догмы и непременно с оттенком *социальных воззрений*. Это знамение времени, на которое не следует закрывать глаз. Об одном из таких новейших явлений в области миссии вот что сообщает наш почтённый Смоленский миссионер о. Николай Клитин.

12 минувшего октября, по поручению духовной консистории, пишет о. миссионер, я должен был исследовать новое, неслыханное в пределах Гжатского уезда нашей епархии, учение о бессмертии и вечной жизни на земле. Распространитель этого учения – крестьянин С. волости, д. Ре-в Егор В-в. В продолжительной моей с ним беседе (с 1 – 5 ч.

пополудни) учение Егора исследовано и при его личном участии, иногда под диктовку, изложено в следующем виде.

Под понятием о бессмертной вечной жизни лжеучитель понимает жизнь бессмертную в теле, здесь на земле; ибо, как он говорит, Иисус Христос не умирал плотью, а только иметь подобие мёртвого человека, – в доказательство сего В-в приводил слова церковной песни: «плотию уснув, яко мертв», значит, и по смыслу церковной песни Христос похож только был на мёртвого, мудрствует новый здесь лжеучитель, а эту мнимую мертвенность доказывает он ирмосом церковным: «на кресте Твое божественное истощание», т. е. от изнурённости, при страданиях на кресте, Христос яко бы впал в мертвенность, но не был мёртв. Иисус Христос есть простой Иисус, но не Богочеловек, богохульствует В-в; а стал Он Сыном Божиим, как и все верующие в Него, по благодати, и с тех пор, когда однажды Он пришёл, по обыкновению Своему, в день субботний в синагогу и Ему подали книгу пророка Исаии, в которой он нашёл следующее место: Дух Господень на Мне; ибо Он помазал Меня благовествовать нищим и проч. (Лк.4:16–19). Он соединился с Богом, т. е. вошёл в силу Божию. Иисус Христос, богохульствует далее лжеучитель, рождён по естеству человеческому: матерью Его была Дева Мария, отца он Егор знает, да не хочет сказать; страдал Христос на кресте, будто бы, как человек за грехи людей; Он вечно жив и живёт на земле плотью, но где живёт – неизвестно. На небо он не возносился, а что у евангелиста Луки о вознесении Его написано, то это, по мнению Гжатского еретика, ложь, да и вообще, Лука, неизвестный человек, много неправды написал в своём Евангелии, сказал Егор. Апостолы – безумствует В-в – точно так же до сих пор живы и живут где-нибудь на земле. Святых Божиих он не признаёт тех, которых почитает святая Церковь, – потому что они умерли, а за святых людей он признаёт тех, которые отвергают телесную смерть, т. е. себя и своих последователей. Ни икон, ни Животворящего Креста Господня, ни праздничных и воскресных дней он и его последователи не почитают, и сам креста на груди не носит. Недавно родившегося у него ребёнка Косьму крестили по православному обряду не по

его желанию, а по настоянию семейства, сам же он крещение и проч. таинства и священство отвергает; крещение же он признаёт духовное – через учение Христово. С его учением, по словам еретика, вполне согласна его жена Татиана, брат его Василий и два–три последователя из двух ближайших деревень. Плату податей и других государственных повинностей, по учению Егора, не следует вносить и исполнять, но по существующему на Руси обычаю и праву он не отказывается уплачивать. Воинскую повинность отрицает. Царя он признаёт не Помазанником Божиим, а за признанного народом Правителя. Присяги также не признаёт.

В-в требует безусловного доверия к своему безумному суемудрию, доводы и все опровержения его учения ставит ни во что. Ежедневную смерть людей он объясняет тем, что умершие состояли не в его вере и верили в смерть Господа Иисуса Христа, Богочеловека. Лжеучитель на доказательство моё, что Христос на кресте умер действительною смертью, о чём ясно свидетельствует излитие из Его прободенного копьем ребра – крови и воды. – с апломбом заявил: «я не медик. Разные физиологические процессы, совершающиеся в теле человека, определять дело медицины, а не наше». Затем, открыв Евангелие от Иоанна 11 гл. ст. 25 и 26. он прочитал: верующий в Меня, если и умрёт, оживёт, и всяк живущий и «верующий в Меня не умрет во век». Вот, говорил Егор, Сам Христос уверяет, что верующий в Него жить будет во век. А в другом месте – на вопрос одного из учеников: Господи! позволь мне прежде пойти и похоронить отца моего, – Иисус Христос ответил: иди за Мной, и предоставь мёртвым погребать своих мертвецов (Мф.8:21,22). Значит, сказал Егор, кто не следует за Христом и не поверит Его учению о бессмертии, тот умрёт, и его участь погребать мёртвых. При беседе о том, что Иисус Христос был истинный Бог и истинный человек, Егор ответил, что Бог Один – Дух: Он не имеет вида человеческого, а потому Христос не мог быть Богом. Почтенный миссионер справедливо полагает, что в учении В-ва собраны крайне грубые и кощунственные воззрения толстовцев на лицо Господа Иисуса Христа, Его учение и св. Церковь, смешанные с воззрениями субботников (Иеговистов),

призывающих всех смертных к бессмертию. По нашему мнению, вернее штундистов, малеванцев или адвентистов, которые также проповедуют бессмертие на земле для своих последователей, а если кто из них умирает, то это объясняют маловерием в проповедуемую сектантами истину. Для определения характера новой секты весьма важно бы иметь наблюдение над формами молитвы сектанта и вообще над культовой стороной. К сожалению наш корреспондент этого не сообщает. Интересно, что Своё богохульное учение это В-в усвоил в Москве, в Охотничьем клубе, куда сходятся представители интеллигенции, богачи разных вер и наций. Ему, как наёмному слуге, можно думать, пришлось слышать от посетителей клуба разного рода разговоры о вере и политическом строе государства, а может быть и получать от господ «умные книжки». Для простого тёмного народа учение В-ва заманчиво, во-первых, проповедью о бессмертии тела, а во-вторых и чисто материальными выгодами. Среди мужичков найдутся, конечно, такие философы, которые скажут – раз по новой вере нет нужды ни в священниках, ни в иконах и ни в какой обрядности, – значит потребные деньги на удовлетворение за труд клира останутся в сбережении, – выходит, вера полезная. Впрочем, можно надеяться, говорить о. Клитин что это странное учение в нашем уезде едва ли найдёт себе почву распространения. Слишком оно грубо и ужасно. Миссионерские беседы приходского священника о. Иосифа Вознесенского с В-ым, равно и моя, по-видимому, достаточно показали народу сумасбродство и богохульность учения нового здесь еретика.

Мы с этим оптимистическим взглядом о. миссионера не совсем согласны: чем более религиозно-сектантское учение мистическое, абсурдное, странное, тем оно нередко бывает очень притягательно для тёмной массы. Киевская малеванщина имеет доселе распространение и устойчивость, хотя ещё более сумасбродное учение, чем В-ва. Необходима бдительность со стороны миссии и меры пресечения в отношении сборищ, и пропаганды.

Э. Я.

М. Ч. Памяти Т.И. Филиппова. // Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 694–696

В 1 ч. 26 м. ночи на 30 ноября скончался государственный контролёр, д. т. с. *Тертий Иванович Филиппов*. Не своей государственной службой, не своим высоким служебным положением известен он большинству наших читателей, в особенности же из старообрядцев-единоверцев и раскольников, среди которых почивший сановник стяжал себе благоговейную память.

Не государственные или другие заслуги почившего воспомянет ныне у свежей могилы наш миссионерский журнал. Наш долг помянуть в Бозе скончавшегося добрым словом за его усердные занятия в области расколоведения, имеющие свою историю в этой науке.

Происходя из светского звания и закончив своё образование в Московском университете, Тертий Иванович, как молодой учитель словесности в одной из московских гимназий, скоро вошёл в близкие сношения с главнейшими представителями нашего славянофильства – А. С. Хомяковым, братьями Киреевскими, Ю. Д. Самариным и др. Убеждённо разделяя их славянофильские воззрения, он, естественно, должен был обратить внимание и на современные ему церковные вопросы. А время то было живое и горячее. С одной стороны, сильно были возбуждены вопросы о греко-болгарской распре, принимавшей тогда острое направление; с другой – происходили горячие раздорнические споры среди наших отечественных старообрядцев из-за окружного послания, – раздоры, приведшие многих лучших из них в лоно православной Церкви. Эти явления захватили собой внимание чуткого, талантливого молодого учёного славянофила, и он посвятил им свой внеслужебный досуг. Тертий Иванович пишет горячие статьи о греко-болгарской распре. Перешедши на службу в Петербург, где, между прочим, почивший занимал должность чиновника особых поручений при обер-прокуроре Св. Синода – гр. Толстом, он ездит в Москву и там знакомится и

беседует с только что обратившимися из раскола в православие и стоящими на пути к тому. Воодушевлённые, продолжительные беседы остановили внимание убеждённого славянофила на том, что очень сильно смущало старообрядцев в деле соединения их с Церковью – на клятвах собора 1667 года. Плодом этих бесед являются его чтения о нуждах единоверия в С.-Петербургском отделе общества любителей духовного просвещения, начавшиеся в 1872 г., продолжавшиеся в 1873 г. и закончившиеся в 1874 г. Взгляда, проводимого Т. Ив. в этих чтениях, мы касались на страницах «Мис. Обозр.» по поводу недавно вышедшей новой брошюры Т. И. «Три замечательных старообрядца». Он старался в ней доказать, что клятвы собора 1667 г. положены *на содержащих* старые до-никоновские обряды, независимо от их отношения к православной Церкви. Как положенные большим собором русских епископов, с участием двух святителей Востока, клятвы эти и сняты могут быть только таким же собором иерархов и непременно с согласия восточных иерархов. А поэтому, для законного в вполне полезного существования единоверия, он указывал на необходимость снятия с них клятв и восточными святителями. Говорил Т. И. в своих чтениях и о других нуждах единоверия, которые в настоящее время уже удовлетворены почти все. – Чтения эти вызвали на заседаниях самого же общества, а потом и в литературе, сильные протесты против верности проводимого в них автором взгляда со стороны таких учёных историков, как о. прот. И. Васильев и проф. Нильский, Чельцов и Чистович. Оппонентами и лектором из пыли архивов вызваны были на свет Божий многие исторические справки, найдены были истовые исторические документы. Вопрос о клятвах собора получил широкую литературу и был разработан подробно и основательно. К единству взгляда спорящие не пришли, хотя ими было высказано все, что только можно было в то время сказать. Поэтому и доселе всякий, желающий себе составить правильное и основательное мнение по вопросу о клятвах собора 1667 г. необходимо должен познакомиться с этой учёной полемикой, напечатанной в Протоколах Общества (2 части). Впоследствии, Т. Ив напечатал свои чтения в книге

своей «Современные церковные вопросы», вышедшей нынешним годом вторым изданием. Некоторые из возражений ему И. Ф. Нильского печатались тогда же в книжках журнала «Христианское Чтение».

Чтения Т. И. тогда же стали известны раскольническому миру и приобрели среди них авторитет суждений о них учёного мужа из среды никониан, а Т. Ив. создали имя «защитника старообрядцев». Такое имя и громадное за него уважение к Т. Ив. остаётся у старообрядцев и доселе. Да и сам Т. Ив. до последних дней своей жизни остался верен своему прежнему взгляду на клятвы собора 1667 г., как это он засвидетельствовал в изданной им месяца три тому назад упомянутой брошюре «Три замечательные старообрядца». В полемике с православными миссионерами раскольничьи начетчики обыкновенно защищались авторитетом Тертия Ивановича. Во всю свою жизнь Т. Ив. продолжал интересоваться старообрядцами. С некоторыми из выдающихся из них, как напр., с Ил. Егор. Ксеносом, он состоял в дружеской переписке. По делам своей государственной службы посещая провинции – центры раскола, он всегда пользовался случаем знакомиться с местными умственными представителями раскола и беседовать с ними. Такие беседы он вёл в конце 80-х годов, напр., в Калуге с калужскими начетчиками. На них он произвёл наилучшее впечатление, а в умах их поселил какие-то несбыточные мечты.

Почивший сановник был весьма популярен среди православных иерархов восточных церквей за свои литературные труды в пользу фанариотов и имел почётный титул эпитропа Гроба Господня. Будучи чисто русским человеком, он искренно любил всё русское. Он много заботился о собирании русских народных песен, о чистоте русского языка... Соответствующим обществам он всегда оказывал деятельную и мощную поддержку.

Конечно, в такой разнообразной деятельности почившему государственному человеку легко было и ошибаться, и заблуждаться, не всему уделять должное внимание и время; но за то, что он ко всему относился искренно и с любовью, с

желанием пользы делу и людям, – и Вышний Судия да простит ему вольные и невольные его прегрешения и да упокоит его в светлых Своих обителях!

М. Ч.

В-в А. Московский раскол. // Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 696–699

(Раскольничий «Синод». – Его заседания. – Кандидаты в архиерея и попы. – Столкновения с полицией. – Судьба Апухтинского подворья. Корыстолюбия раскольничьих попов. – Фабрикация чудотворных икон и мощей. Раскольничий дьякон – гонитель кур – Ссоры раскольничьего духовенства – Отъезд Картушина. Возмутительные беседы раскольничьего миссионера).

Погоня раскольничьих попов за увеличением своих доходов очень велика – и ради неё они не останавливаются ни перед чем: особенно выгодной статьёй дохода – считается эксплуатация, якобы «чудотворных», раскольничьих икон. На «Андроновке», в моленной, в которой настоятельствует раскольничий поп Иоанникий, находится, якобы чудотворный, образ Спасителя, который по желанию московских раскольников открыт уже не первый год и возится этим лже-попом даже по домам для служения молебнов. И не скупятся «ревнители древляго благочестия» как на пожертвования в Андрониевскую моленную, так и на вознаграждение её настоятеля. В последнее время ранее «прославленных» икон московским раскольничьим попам показалось недостаточно и поп «Латрыгинской моленной» на Пустой улице решил прославить и ещё одну, с этой целью послал некоего старца по домам «ревнителей» древляго благочестия с приглашением пожаловать в «Латрыгинскую моленную» – помолиться новоявленной якобы чудотворной иконе Богоматери. В назначенный день и час со всех концов Белокаменной стеклись сюда «ревнители и ревнительницы» и присутствовали на лицедействе местного попа, который «правил» всенощное бдение перед «новоявленной» иконой.

От попов не отстают и дьякона. Известно, что старообрядцы не признают икон новейшего итальянского письма, и чем стариннее икона, тем дороже она ими ценится. Это соображение дало мысль одному из раскольничьих

дьяконов Рогожского кладбища. Ивану Кошке (прозванному так за свой высокий рост при необычайной худобе) – открыть целую мастерскую для выделки «старинных икон», а под час и для фабрикации готовых «чудотворных икон», «мироточивых» и проч.

Уроженец Иванова-Вознесенска, дьякон Иван Кошка, бывший в годы юности «поводырём» слепых, конечно не имел ни времени, ни возможности изучить иконописное искусство, а потому сами он является только хозяином «фабрики древних и чудотворных икон», а для их фабрикации держит несколько опытных иконописцев.

Подделка письма икон под старинное – дело для мастера конечно не трудное; гораздо труднее сделать «мироточивые» иконы во множестве фабрикуемые дьяконом Кошкой, как наиболее выгодные для продажи. Как делаются эти мироточивые иконы – составляет секрет изобретателя дьякона-Кошки, но в общих чертах их фабрикация сводится к следующему. В том месте доски, приготовленной для иконы, где должен придти лик или рука изображаемого угодника, выдалбливается отверстие в виде ямочки, заполняется особого рода мастикой, в состав которой входит росной ладан, розовое масло и другие вещества; затем отверстие заклеивается полотном, по которому уже и пишется изображение. Когда нужно «проявить мироточивость» иконы, перед ней ставится зажжённая восковая свеча, как раз перед тем местом где заклеена мастика; от действия огня мастика тает и просачивается через полотно в виде капель благовонного мира. Эффект для незнакомых «с секретом» икон действительно получается поразительный.

Как ни возмутителен этот факт кощунственной фабрикации «чудотворных» икон, но он совсем меркнет и кажется ничтожным в сравнении с ужасным богохульством, которое позволил, как слышно, проявить один из подобных «фабрикантов» раскольничьих святынь в Москве. Мы говорим о случае, когда предметом фальсификации раскольничьего духовного лица была даже не икона, а уже мощи, за которые это лицо дерзнуло выдавать кусок человеческого мяса,

приготовленные особым способом. Дело было так. Шестилетний мальчик, сын некоего служащего из раскольников, балуясь на дворе топором, нечаянно отрубил себе палец на руке. Каким-то образом палец этот попал к раскольниковому фабриканту «святынь», который и решил им воспользоваться для выделки «мощей». С этой целью палец кладётся в спирт, где вымачивается известное время, затем пропитывается «благовониями», приобретёнными в аптекарском магазине, сушится на «вольном духу» в печи, снова бальзамируется, красится шафраном для придания тёмного цвета, словом – над ним, проделывается целый ряд операций, подробности которых никому неизвестны, кроме «фабриканта», о котором идёт речь, – и наконец готовые «мощи» полагаются в ковчежец.

Описанный случай мог бы показаться невероятным, если бы раскольники уже не дали нам возможности, ещё несколько лет тому назад, убедиться в том, что для них ничего не стоит трупы каких-то черкесов выдавать за мощи святых угодников; а что это было так, это известно всем и каждому, и даже до сих пор у раскольников совершаются службы на антиминых, в которых защиты части от этих трупов. Да наконец, при прогрессивном увеличении раскольниковых моленных и «походных» алтарей, где же им, в самом деле, брать мощи для антиминов; волей-неволей приходится их «фабриковать».

Заговорив о фабрикации «чудотворных икон» и «мощей» у раскольников, нам пришлось несколько уклониться от рассказа о последних событиях в жизни московских раскольников, к которому теперь и возвращаемся. Выше мы сказали, что на собрании в доме Мусорина был поднят вопрос о неурядицах и ссорах раскольникового духовенства между собой. Вражда представителей московского раскольникового духовенства между собой по истине изумительна. Нет почти ни одного раскольникового прихода в Москве, где бы члены раскольникового причта не перессорились между собой. Ссоры эти нередко влекут за собой курьёзные, чисто ребяческие, выходки. Так, дьякон бывшей Лапшинской (Саратовского лже-архиерея Паисия) моленной на Тверской-Ямской, Филипп Руфович, поссорившись с своим настоятелем, попом Иваном

переведённым из Петербурга, и желая досадить своему врагу, проделывает из своего сарая отверстие в поповский курятник, просовывает в него метлу и по ночам пугает ни в чём неповинных поповских кур, которые поднимают со страху такое кудяхтанье и гвалт, что пробуждённый их криками раскольничий поп выбегает, не понимая в чём дело, на двор в одном белье к великому злорадству дьякона!.. Спит и видит Филипп Руфович, как бы совсем выжить из этого прихода своего настоятеля, да ничего у него дальше бесцельного пуганья кур не выходит. Уж такой этот несчастный раскольничий приход, что всегда в нём дьякона вооружаются против попов. Ранее теперешнего попа Ивана здесь был поп Савва, тоже воевавший постоянно с дьяконом, но прежний дьякон, вместо того, чтобы пугать на зло попу метлой кур, нашёл дорогу к лже-архиерейскому секретарю Перетрухину и выжил-таки попа из прихода. Впрочем, всё устроилось к общему благополучию. За некоторую мзду политичный Савватьевский секретарь попа Савву устроил на Рогожское кладбище, где он и поднесь благодушествует, а на его место, опять-таки «за благодарность», устроил перевод из Петербурга теперешнего настоятеля Тверской моленной.

Не лучше ладят между собой поп с дьяконом и в Лебедевской моленной. Здесь, наоборот, поп досаждал дьякону мальчишескими выходками: то варенье дьяконское припрятает, то разного мусору ему в конверте с рассылным пришлёт. Прихожане, которым всё это известно, положительно возмущаются поведением своего «пастыря» и собираются жаловаться на него Картушину, но жалобу эту приходится им несколько отложить, так-как в настоящее время Картушин выехал из Москвы по своим делам (говорят, ставить куда-то нового раскольничьего архиерея поехал), и когда вернётся – не слышно.

Нет ничего удивительного, что при таком умственном уровне московских попов Картушин не нашёл никого из них достойным быть миссионером раскола и выписал для этой цели изгнанника Мирона Щеголииа, о котором мы уж имели случай говорить. Теперь этот хулиТЕЛЬ Церкви православной уже начал свои «беседы». По праздничным дням собирает он около себя

толпу слушателей из простого народа, то у Дворцового моста, близ кадетских корпусов, то на Коровьем валу, – словом, в местностях, изобилующих фабричными, перед которыми он и доказывает мнимую правоту раскола и хулит Церковь православную! Обиднее и опаснее всего то, что раскольничьего краснобая останавливаются слушать не одни старообрядцы, но и православные мужички-простаки. Просто глазам и ушам не верится, что среди белого дня на улицах древне-престольной Матушки-Москвы происходит открытая пропаганда раскола, и безнаказанно изрыгаются худы на Церковь православную.

Неужели и после этого московские раскольники осмелятся жаловаться на притеснения, что так часто приходится от них слышать?

Похоже ли это на стеснение их свободы?

А. В-в

Из мира инославных исповеданий и заграничного сектантства

Дородницын А. Протестантизм на Французской выставке 1900 г. Новая колонизаторская попытка толстовцев. Новая секта в Англии. Распространение христианства, среди евреев// Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 700–704

Протестантизм на Французской выставке 1900 г. (Evargebot 10 авг.) Новая колонизаторская попытка толстовцев (Independant de Paris 28 авг.). Новая секта в Англии (Gasette de Tribunaux 7 авг.). Распространение христианства, среди евреев (Examiner 14 сент.).

В среде французских протестантов в последнее время наблюдается необыкновенное оживление, замечательное по своим мотивам. Они предполагают воспользоваться будущей французской выставкой, чтобы не только показать всему миру всё своё духовное богатство, но и доказать целым рядом проповедей и ораторских речей правоту своего вероучения. Затея эта – не новость: ещё на выставке 1878 г. протестантская миссия имела общий с Библейским Обществом маленький киоск у одного из главных входов на выставку, около которого произносились протестантскими миссионерами воодушевлённые проповеди, которые собирали около проповедников толпы слушателей. На выставке 1889 г. та же миссия имела не большой павильон, в котором происходили непрерывные религиозные митинги. В последнем предприятии, рассчитывающем на выставку 1900 г., соединились главные силы протестантизма: комитет «Evangelical Alliance», протестантское миссионерское общество «Ms. All. Mission» и представители реформатства. Посетители будущей французской выставки, несомненно, заметят около одного из главных входов павильон, где будет устроена, так-сказать, *выставка протестантизма*, и где, конечно, будут раздаваться непрерывные проповеди протестантских ораторов. Главные мотивы этого предприятия указаны Эм. Гутером (Emile Houter), одним из главных деятелей протестантизма, в «Le Christianisme au XIX Siecle» (Август). Сущность этих мотивов сводится к

следующему в течение последних 10–15 лет французский протестантизм сделался предметом упорных нападений со стороны ультрамонтанской партии; его обвиняют в том, что он представляет собой иностранное движение, субсидируемое английскими и германскими протестантами, что протестанты действуют за одно с франк-массонами. В результате всех этих обвинений получалось то, что протестантское движение организовано-де с целью ниспровержения правительства и предания Франции её политическим врагам. *Qui dit catholique dit français, qui dit protestant dit anglais*» (всякий католик-француз, всякий протестант-англичанин), – сделалось ходячей поговоркой в среде ультрамонтанских проповедников. В виду этого, французский протестантизм желает воспользоваться выставкой 1900 г., чтобы придать себе характер национальной религии. В этих соображениях предположено собрать на выставку представителей всех протестантских фракций, чтобы доказать «всему миру», а главным образом правительству Франции, что ни в одном из своих подразделений протестантизм не заслуживает-де тех обвинений, которые возводят на него ультрамонтаны. При этом, конечно, будут приглашены на выставку лучшие проповедники, на богослужении будут раздаваться чудные звуки лучших в мире органов... Успех протестантов на будущей французской выставке, по-видимому, вполне обеспечен. Но главным мотивом этого предприятия, по мнению главных деятелей протестантизма, служит *религиозно-нравственное* состояние Франции. Со времени последней (1889 г.) французской выставки во Франции, по словам того же Эм. Гутера, развивается замечательное умственное и нравственное движение, которое можно назвать *увлечением религиозными вопросами*. Увлечение охватило все слои общества; духовенство, профессора, учителя, писатели, университетская молодёжь, мужчины и женщины, крестьяне и графы, – все потянулись к очагу религии в надежде согреть у него охлаждённое разумом сердце. – «Наша страна, говорит Эм. Гутер, горит желанием захватить все вероисповедания, которые, надеется она, спасут её от разрушения через удовлетворение совести и душ её жителей». Протестантизм

желает воспользоваться этим движением и средством для этого он избрал будущую выставку 1900 г., где он постарается сосредоточить всё, чтобы доказать Франции, что единственное для неё спасение от нравственной тучи и душевной тревоги, которую она переживает, в протестантизме. Какое грандиозное предприятие! Но при этом невольно припоминаются уроки истории, которая с свойственным ей беспристрастием ясно доказывает, что никогда протестантизму не удавалась роль объединителя и примирителя противоположных движений религиозного духа; напротив, до настоящего времени его историческое шествие всегда сопровождалось ломкой, разрушениями, кровью... Ближайшее будущее покажет, насколько удачна будет последняя попытка протестантизма выступить в качестве универсального примирителя религиозных разногласий. «Врачу, исцелися сам»! (Лк.4:23).

Несмотря на то, что в России колонизаторские попытки толстовцев, благодаря постигавшим их роковым неудачам, в значительной степени потеряли кредит, за границей они всё ещё пользовались доверием, и время от времени в заграничной печати появляются заметки о колонизаторских предприятиях последователей Толстого. Об одной из таких попыток заграничных учеников Толстого «Humanitarian» передаёт следующее: недавно в Котсвольде – в Англии (Cotswolds) поселилась небольшая колония заграничных учеников Толстого. В числе их находится один доктор философии Лейпцигского университета, один член Королевского Общества химии и один профессор Королевской Коллегии Наук в Эдинбурге. То обстоятельство, что в числе колонистов есть лица с таким высоким положением, которые имели настолько мужества, что променяли положение и карьеру на соединённую со многими лишениями жизнь колонистов, возбуждает к колонии общее внимание: её посещают из любопытства английские лорды, высокопоставленные дамы, писатели и другие. Один фермер так увлёкся порядками Колонии, что оставил свою ферму и имущество (локомобиль, сельскохозяйственные машины и проч.) принёс в общую сокровищницу колонии. В отношении приёма в колонии господствует полная свобода: принимают

честных и бесчестных, нравственных и безнравственных, больных и здоровых. Население колонии живёт только настоящим, нисколько не думая о будущем, которому оно предоставляет заботиться самому о себе. Свобода мнений и убеждений полная: часто под одной кровлей живут лица, совершенно противоположных убеждений, напр., свободный мыслитель и нео-буддист. Участок земли приобретён на деньги доктора философии, но крепостные акты, по получении их из суда, сейчас же были уничтожены, так что, если рано или поздно коммуна распадётся и колония исчезнет, то возникнет вопрос, кому должен принадлежать участок земли. Но об этом колонисты меньше всего заботятся... Одежда у них доведена до возможной простоты: мужчины носят обыкновенные ситцевые сорочки, панталоны и башмаки, – перчатки совершенно изгнаны; равно также и женщины не носят ни перчаток, ни чулок; платье из дешёвой материи – обыкновенная одежда их; простая соломенная шляпа дополняет их костюм. В торжественных случаях, напр. по праздникам, они надевают лучшие свои платья, носят браслеты, часы и проч.; но как только кто-либо из членов общины заметит, что, благодаря своей одежде, он выделяется из среды остальных, он тотчас оставляет её и одевается поскромнее. – Лучше, говорят они, лишиться дорогого браслета, чем дружбы хотя бы одного члена общины. Колонисты не признают никаких законов, ни правил: каждый сам для себя закон; они уверены, что их принцип о *непротивлении* злу удержит их на пути мира и добра. – Однако, замечает «The Humanitarian», они забыли одну сторону любви – *строгость*, вследствие чего учение их оказалось построенным на ложном понятии любви, потому что они отвергли в ней *правду и истину*. Они отвергают брак, на основании своей доктрины. Они говорят, что любовь есть единственная связь, которая должна соединять мужчину и женщину. В колонии есть две четы, которые сошлись на указанных началах. В случае охлаждения любви или измены, каждый вправе оставить другого. Как далеко простирается у колонистов – толстовцев отрицание всякого внешнего авторитета видно из того, что они смотрят как на зло, делать детям наставления и приказания, и тех родителей, которые

наказывают своих детей за неповиновение, они считают недостойными своими членами и, если совершенно не удаляют их из колонии, то только из боязни нарушить принцип непротивления злу. Они не лишают жизни ни одного из живых существ, даже мухи не убивают, и поэтому – они самые строгие вегетарианцы, хотя, много – значительно замечает «The Humanitarian», *водочку любят*. Какая судьба ожидает новую колонизаторскую попытку последователей Толстого, угадать не трудно: она окончится также, как оканчивались прежние попытки толстовцев в этом роде – распадением коммуны.

В Англии недавно возникла новая секта, известная под именем «The Peculiar People» («избранный народ»). Она находится в близком родстве с ранее существовавшей сектой «Christian Scientist's», отличительную особенность которой составляет то, что последователи её молятся только одной молитвой – *об избавлении их от бед...* Последователи новой секты смотрят на себя как на людей, *находящихся под особым покровительством Бога*, а потому, когда кто из них заболевает, то они не приглашают врача, считая это делом бесполезным. На этой почве у последователей новой секты часто возникают судебные процессы. Так, недавно привлекались в суд супруги Норман (Norman) за то, что оставили без всякой медицинской помощи свою больную пятилетнюю дочь и вообще не проявили забот к её излечению. Глава секты, М. Андерсон (M. Anderson), защищая вероучение своей секты, заявил перед судом, что, хотя учение их запрещает приглашать к больным врача, но это не значит, что они должны пренебрегать участием больных детей.

– Что сделали бы вы, – спрашивает Андерсона присяжный заседатель, если бы один из ваших последователей вывихнул себе ногу?

– Я пригласил бы хирурга, – отвечал Андерсон.

– Итак, вы допускаете, заметил судья, что Бог не может вправлять вывихнутых ног?

– Я верю, – ответил Андерсон, что Бог предохраняет своих верных от вывихов и переломов. Я не знаю на одного подобного случая у «Избранного Народа».

– Но представьте себе, снова возразил судья, что ребёнок попал ногой под колесо. Думаете ли вы, что, если бы он принадлежал к «Избранному Народу», то его нога не была бы раздроблена?

– Она, конечно, была бы раздроблена, – спокойно ответил Андерсон, если бы Бог не оградил ребёнка.

После довольно продолжительного совещания присяжные признали супругов Норман виновными. Судья присудил мужа к заключению в тюрьме на шесть недель, и жену – на месяц. Богословский диспут продолжался и после произнесения приговора: судья напрасно усиливался убедить последователей новой секты, что христианство не требует оставлять на произвол судьбы больных детей.

Распространение христианства среди евреев («Exsiminer». 14 сентября 1899 г). В настоящее время преобладает мнение, что распространение христианства среди евреев скорее ослабевает, чем развивается; действительно, сами евреи убеждены, что те из их племени, которые становятся последователями Иисуса Христа, делают это из низких побуждений. Но в недавно помещённой в одном берлинском миссионерском журнале статье пастор Де-ле-Руа (De-le-Roi), обращённый в христианство еврей, доказывает, что христианство несомненно прогрессирует среди его народа, и приводит в доказательство тому статистические данные. Положение евреев по отношению к цивилизации существенно изменилось, говорит он, в настоящем столетии, в особенности благодаря влиянию философа Моисея Мендельсона (M. Mendelshon), который убеждал своих единоверцев бросить свою прежнюю обособленность и всецело войти в состав народов, среди которых забросила их судьба; это глубоко повлияло на их религию, так-как современная цивилизация представляет собой, в обширном смысле этого слова, продукт христианства, и евреи принуждены были, более или менее, признать принципы христианства. Благодаря этому, в массе евреев была приготовлена почва влиянию на них Евангелия; статистические данные, которыми пользуется пастор Де-ле-Руа, были собраны немецкими статистиками из отчётностей о крещениях и, по-

видимому, верны. Согласно им прирост в христианстве совершался в продолжении настоящего столетия следующим образом: в протестантских церквах – 72.740; в римско-католических церквах – 57.300; в православных церквах – 74.500; а всего 204.540, обращения в разных мелких христианских сектах увеличивают эту цифру до 225.000. Из них на долю России приходится 84.500, Австро-Венгрии – 44.760, Великобритании – 33.500 и Германии – 22.500. В настоящее время, таким образом, среднее числа такого прироста в год составляет: в протестантских церквах – 1.460; в римско-католических церквах – 1.250; в православных церквах – 1.100, а благодаря смешанным бракам – 1.459; а всего – 5.250. Эти цифры с каждым годом всё возрастают; самый большой прирост падает на протестантские церкви. Эти факты в высшей степени интересны, они с очевидной ясностью убеждают нас, что дело просвещения евреев светом Евангелия, хотя медленно и с большим трудом, всё же развивается и подаёт надежду на лучшее будущее.

А. Я, Дородницын

Библиография

Потехин С. [Рец. на:] Об истинной церкви Христовой. (В обличение мнимо-духовных христиан). Издание третье, исправленное и дополненное. Священника миссионера Н. Кутепова. Новочеркасск. 1899 г. Цена 15 коп. 62 стр. // Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 704–707

Содержание брошюры о. Кутепова распадается на две части, над которыми господствует одна общая мысль, – именно, что православная (греко-российская) Церковь есть единая непогрешимая и вечная хранительница и истолковательница догматов Христова учения.

В первой части трактуется о всеобщности распространения Церкви Христовой, о праве учительства, священнодействия и управления в ней, о возможности спасения под исключительным условием пребывания в Церкви Христовой, о соборности и апостольском преемстве иерархии Церкви, о неодоленности её, о неизменности её догматов и обетовании вечного существования Церкви. Все эти признаки присущи только православной греко-российской Церкви, и притязания остальных христианских обществ считаться истинной Церковью Христовой – неосновательны. Во второй части подвергаются разбору пункты отрицательного отношения сектантов к православной Церкви Христовой и их стремления связать свои общества со временем земной жизни Иисуса Христа через различные толкования о тайных обществах.

Переиздание брошюры о. Кутепова в третий раз само по себе говорит в пользу её достоинств. Наша противо-сектантская литература не так уже бедна, чтобы переиздавать сочинение в третий раз в надежде на его распространение. Брошюра о Кутепова, как и следует ожидать от такого столь известного учёного миссионера-автора, полна высоких достоинств в отношении основательности доводов и ясности изложения. Полнота исследования вопросов также оставляет желать разве очень немногого. В исследовании вопроса о святости отдельных

членов Церкви заметен, напр., пропуск указания на остаток греховности в природе человека и после крещения, как причину того, что христиане продолжают грешить и после крещения, хотя очищаются в крещении от греха первородного; в вопросе о соборности Церкви пропущено указание на преемство догматического учения всей вселенской Церковью или вселенскими соборами, как признак истинной Церкви Христовой. Таких недочётов, повторяем, очень немного.

Гораздо большим недостатком, по нашему мнению, является в брошюре о. Н. Кутепова отсутствие систематичности в исследовании вопроса о единой истинной Церкви Христовой и в разборе сектантских возражений против той главной мысли брошюры, что такой истинной Церковью является единственно православная греко-российская Церковь. Автор собрал достаточный материал для обрисования главного положения своей брошюры и ясно изложил его, но изложил не так, чтобы всё исследование вопроса представляло нечто стройное в изложении как положительного учения о Церкви Св. Писания, так и возражений сектантских. Автор, так сказать, нанизывает как пункты учения Св. Писания о Церкви, так и сектантские возражения – одно на другое. А между тем представить в системе и разобрать возражения мнимо-духовных христиан против православного учения о Церкви Христовой очень не трудно. Все возражения этих сектантов исходят из той главной мысли, что Церковь есть общество не спасаемых (в земных её членах), как учит православная Церковь, а спасённых уже людей, причём признаком этой спасённости признают живую веру и добрые дела. Стоит взять и раскрыть, на основании Св. Писания, понятие о Церкви, хотя бы в тех определениях, которые даны в Символе Веры: Церковь Христова едина, свята, соборна, апостольская (по происхождению и преемству иерархии), как уже видно будет, почему сектантские общины не могут быть Церковью Христовой. Правда, в уме сектанта рационалиста при раскрытии каждого из этих понятий возбуждаются недоумения и возражения против той мысли, что таковой Церковью является православная Церковь, напр., указание против единства Церкви на множество существующих

христианских церквей, из которых каждая претендует на то, чтобы быть единой, истинной Церковью, против святости Церкви – на распространённость в среде православных людей пороков, против соборности – отчасти то, что православная Церковь, менее даже чем католическая, распространена по вселенной, отчасти то, что соборы вселенские будто бы никогда не были вселенскими и, поэтому, определённые на них догматы не были вселенским учением, против апостоличности Церкви – или принципиальное отрицание важности преемства от Апостолов или те исторические натяжки в пользу своей давности, которые делают сектанты и которые приведены в брошюре о. Н. Кутепова. К этим главным возражениям присоединяются и многие другие, но не самостоятельные, а вытекающие из указанных положений и соображений, и все они могут быть подведены и рассмотрены в их генетической связи и последовательности. Конечно, бывают возражения сектантов против истинности православной Церкви совершенно абсурдные, которые не вытекают ни из какой общей мысли, а приводятся по простой ассоциации представлений, возражения, которые говорят лишь или о невежестве сектантов, или об их злостности, в роде следующих напр.: зачем православные священники носят камилавки и длинные волосы, когда по Апостолу, покрывать мужу главу и растить власы – бесчестие (1Кор.11:4,14) или: зачем архиерей сидят в храме, уподобляясь антихристу (2Фес.2:4)... Этих возражений может быть столько, сколько мудрствующих голов сектантских, и их не уложить ни в какую систему. Их в исследовании об истинной Церкви Христовой можно не касаться. Хорошо было бы изложить в системе только существенно важные возражения сектантов.

Желая автору быстрого распространения его настоящей брошюры, мы вместе с тем не можем не пожелать, чтобы автор, создавший себе славу учёного миссионера-полемиста своими противо-сектантскими брошюрами, обратил внимание на их положение. Брошюры автора читаются, по большей части, не сектантами-простецами, ни даже лицами православными, ищущими назидания и просвещения, которых можно удовлетворить всяким ясным и достаточно основательным

изложением предмета, а теми работниками на ниве Христовой, которые в противо-сектантской литературе ищут научения, как вразумлять и обличать сектантскую лже-мудрость. Пастыри и миссионеры – читатели брошюр о. Николая Кутепова – ищут в них более искусно составленное руководство по предмету обличения сектантства.

С. Потехин

Четвериков Сергей, свящ. [Рец. на:] «К лучшему будущему: Заря царства любви». Н.Н. Неплюева (Январ. книжка журнала «Неделя» за 1899 г.). // Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 707–711

В книжках журнала «Неделя» с января месяца настоящего года печатаются статьи И.Н. Неплюева под названием «К лучшему будущему». Статьи эти являются призывом человечества к новой жизни, к «стройной организации общественных отношений на основе взаимной любви и братолюбия» и изображают опыт такой организации в Трудовом Братстве, учреждённом Н.Н. Неплюевым в своём имении в Черниговской губернии. Названные статьи и опыт трудового братства Н.Н. Неплюева достойны внимания вообще, особенно же для интересов миссии, так-как они имеют характер также миссионерствующий и ставят себе цель, по-видимому, общую с задачей Христовой Церкви, в которой, по слову ап. Павла, «Господь поставил одних апостолами, других пророками, иных евангелистами, иных пастырями и учителями, к совершению святых, на дело служения, для созидания Тела Христова, доколе все придём в единство веры и познания Сына Божия, в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова, дабы мы не были более младенцами, колеблющимися и увлекающимися всяким ветром учения, по лукавству человеков, по хитрому искусству обольщения, но истинной любовью все возвращали в Того, Который есть Глава Христос, из Которого всё тело, составляемое и совокупляемое посредством всяких взаимно скрепляющих связей при действии в свою меру каждого члена, получает приращение для созидания самого себя в любви» (Еф.4:11–16).

Вследствие этого, весьма нелишне ознакомиться со статьями и с опытом Трудового Братства Н. Н. Неплюева и рассмотреть, отражалась ли в них и в какой мере вечная истина Евангелия, возвещаемая и осуществляемая на земле Христовой Церковью, ибо, несомненно, есть только одна истинно-христианская жизнь любви и святости, осуществлённая

в Христовой Церкви, носительнице благодати и истины Божией, и всякая иная жизнь лишь постольку и причастна любви и святости, поскольку и в ней вмещается и отражается дух Церкви Христовой.

Первая глава статьи «к лучшему будущему», напечатанная в янв. книжке «Недели», носит заглавие «Заря царства любви». Автор обращается «не к какой-либо партии, не к какому-либо народу, не к какой-либо церкви, вообще – не к какой-либо фракции человечества, *а ко всем братьям по земному бытию*, ко всему мыслящему и страждущему человечеству» и прежде всего излагает свою точку зрения на смысл и ход всемирной истории. Не радостна эта точка зрения. Позади себя, в минувшей жизни человечества, автор видит лишь хаос ожесточённой борьбы за наслаждение жизнью.

Заря любви только-только начинает заниматься! Он делит историю человечества на три периода – первый был царством ощущений, когда люди искали лишь «сладких пирожков» и вели ожесточённую борьбу за обладание ими. Разум человеческий в этот период был рабом, а любовь – игрушкой ощущений.

Затем, наступило царство разума. Люди поняли, что нельзя продолжать прежнюю хаотическую борьбу за «сладкие пирожки» и что надо подчинить жизнь свою разуму. Разум вошёл в свои права, но увы! характер жизни от этого не изменился. Люди «из разбойников» только превратились «в судей». Вместо «палок страха» людьми стали управлять «приманки корысти», в деле веры – вместо суеверия периода ощущений, когда люди доходили «до позора вымаливания у высшей силы сладких пирожков», когда «правовереие сводилось к точному знанию спасительного догмата и правоверных формул заклинаний», водворилось неверие, «грубый деспотизм сменился конституционизмом правового государства. Всё в жизни приобрело характер сделок, и сама жизнь стало настоящей биржей».

Таковы были результаты царства разума (хорош же разум)!.. И вот «разум сознал всю безысходность скорби, сухой, холодной деловитости и нескончаемой борьбы за истину и право, сознал права любви, сознал, что в ней единая истинная

радость жизни, что лишь настолько и осмысленна жизнь, насколько мы любим».

И вот перед нами теперь «брезжит заря грядущей эры царства любви».

Но любовь невозможна без веры, «без веры в разумный, непреходящей вечный смысл любви», такой веры, которая могла бы удовлетворить и разум, и сердце, находясь в то же время в согласии с природой.

Современное человечество жаждет такой веры, оно колеблется между суевериями царства ощущений и неверием Царства разума, не желая впасть ни в ту, ни в другую крайность. И автор призывает людей, в особенности же «братство по любви, понявших значение любви, жаждущих царства любви, алчущих веры в вечное значение, силу и славу любви, без различия стран, церквей, партий, лагерей» – объединиться и готовить для людей «светлое будущее веры, утоляющей умы и сердца, приводящей к полной гармонии любви, разума и природы, способной организовать жизнь, всё «возвышая, очищая, освящая»...

Таково содержание первой главы ст. Н.Н. Неплюева «к лучшему будущему». Рассмотрим его при свете учения Церкви.

Н.Н. Неплюев смотрит на историю человечества с современной, так называемой, «эволюционной» точки зрения. Он верит в постепенное усовершенствование человечества, для него – *золотой век любви впереди*, он, может быть, ожидает и земного тысячелетнего царства Христова. Позади же себя он видит лишь один густой мрак хаотической борьбы за блага мира.

Его деление истории человечества на три периода напоминает деление французского учёного Огюста Конта, который в истории человечества также видел три периода – теологический, метафизический и положительный.

Учение Церкви и Священное Писание свидетельствуют, наоборот, о первоначальном блаженстве первых людей, изображают великих ветхозаветных праведников, подобных которым ныне, «на заре» будто бы «царства любви», мы, конечно, не встретим. Если мы обратимся ко временам

христианства, то здесь ещё очевиднее станет нам, что истинное царство любви не впереди нас, а скорее позади. Достаточно вспомнить жизнь первых христиан, изображённую в книге Деяний св. апостолов, дивные образы мужей апостольских, св. мучеников и мучениц, великих святителей, каковы были особенно Афанасий Александрийский, Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст. Где ныне подобные им? Св. Евангелие даёт нам очень мало надежды на то, что впереди нас царство любви. Напротив, оно говорит нам об умножении зла на земле, об оскудении любви, о пришествии антихриста. «Знай же», пишет апостол Павел ученику своему Тимофею, «что в последние дни наступят времена тяжкие. Ибо люди будут самолюбивы, сребролюбивы, горды, надменны, злоречивы, родителям непокорны, неблагодарны, нечестивы, недружелюбны, непримирительны, клеветники, невоздержны, жестоки, не любящие добра, предатели, наглы, напыщены, более сластолюбивы, нежели боголюбивы, имеющие вид благочестия, силы же его отрекшиеся» (2Тим.3:1–5).

И разве эти слова св. Апостола не исполняются в наше время?

Таким образом, с точки зрения Церкви неосновательно допускать в будущем наступление всеобщего царства любви на земле, а позади себя видеть совершенно беспросветный хаос зла и мрака.

Слово Божие и учение Церкви всегда делали и делают иное деление людей, именно – на «Сынов Божиих» и «сынов человеческих», на людей «не от мира сего» и на людей «от мира сего» или иначе «духовных» и «плотских». И те и другие люди были во все времена и будут до скончания века, пока Господь не пошлёт Своих ангелов отделить пшеницу от плевел и первую собрать в житницу небесную, а последние сжечь огнём неугасимым.

* * *

Далее, если до сих пор на земле было только зло и мрак, если заря истинной жизни только-только занимается, то что же делала до сего времени Христова Церковь?

Какой смысл имеет её существование? Каковы плоды её деятельности? Ведь существует же она в мире, а если существует, то, следовательно, не всё же на земле зло и мрак?

Или же деятельность Церкви, а может быть и само её существование, неизвестны Н.Н. Неплюеву?

Не такое отношение к Церкви находим мы у её отцов и учителей, которые с совершенной ясностью указывают её вселенское значение. Знаменитый учитель Церкви Ориген пишет: «Следуя словам св. апостола Иоанна *не любите мира ниже в мире* и апостола Павла *не сообразуйтесь веку сему, но преобразуйтесь обновлением ума вашего, во еже искушати вам что есть воля Божия, благая и угодная и совершенная*, – Церковь возвращает в своих членах не то, что нужно для мира, что питает самолюбие и плотские похоти человека, но то, что служит совершенству духа человеческого, что соединяет его с Богом, возвращает истину, премудрость, правду и всякое добро, и сама таким образом становится как бы воплощённым добром».

Св. Григорий Нисский говорит о Церкви: «как молоком матери питается ребёнок, так и душа человеческая питается, укрепляется и приходит в возраст узаконениями и обычаями Церкви».

Св. Киприан Карфагенский называет Церковь «вашею матерью, от которой мы рождаемся, молоком которой питаемся и духом которой одушевляемся». Мы не приводим других многочисленных святоотеческих свидетельств о спасительной деятельности Церкви в мире. Каким же образом Н. Н. Неплюев находит возможным совершенно игнорировать эту деятельность, говорить о минувших судьбах человечества так, как будто бы в нём совсем нет Церкви Христовой, «столпа и утверждения истины»?

Неужели всю многообразную и многоплодную, многовековую деятельность Церкви, направленную к утверждению на земле царствия Божия, к умножению добра, любви и святости в людях, – можно не заметить и в каком-то странном ослеплении думать, будто «заря царства любви» только-только занимается? Чем объяснить это? Не тем ли, что,

обращаясь в своей статье ко многим «церквам», Н. Н. Неплюев не различает стасреди них «Единой Церкви Христовой»?

О следующих главах «лучшего будущего» побеседуем в новом наступающем году.

Священник Сергий Четвериков

Известия и заметки

**С-ко Михиал. Открытое письмо (болящему) Графу
Льву Николаевичу Толстому от бывшего его
поклонника. // Миссионерское обозрение. 1899. № 2.
С. 712–718**

5 ноября 99 г. День св. Саввы Звенигородского. Дн. паремии. Прем.3:1–9, 4:7–15, 6:15–24, 6:1–3.

«Души праведные в руке Божией и мучение не коснётся их» (1), «хотя они в глазах людей и наказываются, но надежда их полна бессмертия» (4), «надеющиеся на Него познают Истину» (9), «Праведник, если и рановременно умрёт, в покое будет» (IV, 7), «Беспорочная жизнь – возраст старости» (9), «Праведники живут во веки» (V. 15), «Непобедимый щит – святость» (19), «Злодеяние ниспровергнет престолы сильных» (24), «Господь испытает намерения» (VI. 3).

Вот уже более 5 лет, как я и некоторые другие из бывших ваших обожателей и последователей *круто* разошлись дорогами: вы остались на *своём* пути до последних дней (это читается в ваших самых последних статьях лондонского «Свободного Слова» и в «Воскресении» лондонского издания – «дышащем прещениями и злохулениями» на Христа и Его Св. Церковь), – а мы, силой Божьего промысления и действием Всесвятого Духа Утешителя, очистились от скверны вашего лжеучения. обновились и соделались верными чадами матери – Церкви и Христа Бога нашего, «не желающего, чтобы кто погиб, но чтобы все в покаяние и в разум истины пришли».

Вы давно, как кумир нашего сердца, – разбит, как властитель наших дум и юных мечтаний – низвержен, – путём тяжёлой душевной борьбы, путём многих скорбей и великих злостраданий. Но забыть вас мы не можем; скажу более, вы, Лев Николаевич, нам прозревшим, седмирицей искушённным, и ближе и понятнее с своим душевным миром, чем всем другом слепым, неискушённным поклонникам, каким и были некогда и мы. Впрочем, не буду говорить за других из *бывших ваших*, но лишь за себя. За это время тяжёлого вашего недуга я, Лев Николаевич, молил Премилосердного Бога дать вам *отсрочку* в

смерти для покаяния и спасения. Никогда может быть, как в эту неделю, с такой силой не ощущало сердце моё ужас геенны огненной, мрака ада, тьмы кромешной, уготованной, по непреложному слову Евангелия, умершим в нераскаянном ожесточении против Христа Бога и Церкви Его: «всяк грех простится, кроме хулы на Духа Святого»! Впрочем, более чем кто-либо геенны достоин я сам: «от уст моих судит меня Бог.»

Опасаясь за участь вашей бессмертной души в предстоящей ей вечности, – решил я послать вам в первые же дни вашей болезни братское письмо с призывом: вспомнить смерть, геенну огненную, блаженство вечное, проверить свои помышления и последовать евангельскому зову Христа Спасителя на путь покаяния. Получили ли вы это письмо, дали ли вам его прочитать? Я просил вас отозваться хоть парой слов и теперь прошу. По милости Творца веков и времён, в руке Коего концы жизни и смерти нашей, – Вы поправляетесь. Дай Бог, чтобы Вы и ещё прожили много лет. Но ваши старческие годы и болезнь печени – вещь не шуточная – невольно мысль обращают к той грани, которой ни один смертный не может не перешагнуть. Вот почему я обращаюсь к вам с этим письмом, диктуемым самыми добрыми чувствами и нелицемерными намерениями, внушаемыми долгом христианина, тесно связанного с вами столь скорбным моим прошлым. Вы не согрешите, подобно А.Н. Чертковой, приславшей мне вчера из Лондона «открытку» не христианского духа, и не назовёте меня «Иудой Искаротским», «волком в овечьей одежде», – не сочтёте слов сострадательной моей любви к вам «фразами фарисея?»

Вспомните, Лев Николаевич, моё к вам письмо из с.-петербургской пересыльной тюрьмы, – в котором я тогда говорил вам, что вы, как Поликрат, и что на вас излилось всевозможное земное счастье: богатство, семейное редкое благополучие, долголетняя, до глубокой старости, – спокойная, безмятежная жизнь, всемирная головокружительная слава. Вас это письмо тронуло до слёз, писал мне тогда В. Г. Чертков. Оттого ли это, что писал я от преизбытка сердца, ибо в незабвенное то время весь я был охвачен любовью тёплой к

людям, – «страсти мои были придавлены», как писали мне с Афона. Но думаю оттого вас тронуло то моё нежное письмо, что Дух Божий Утешитель таинственно (как ему свойственно) коснулся вашего измученного сердца, и оно сознало на мгновение, что Бог, действительно, щедро одарил вас от богатых своих даров. Не понимал я, как спасает Бог. Теперь же мне ясно, что вас Он хотел и хочет привлечь к Себе Своей благостью, кротостью, долготерпением, любовью, которая для нашего спасения предала в руки грешников на пропятие Возлюбленного Отчего Сына. Зачем вы не внимлете тихому гласу Божией любви?

И вот Бог начинает вас взыскивать Своею строгой десницей, посылая вам тяжкую болезнь и глубокую скорбь в разлуке не только с любимой дочерью, но и в разочаровании, – смею думать, ею, нарушившей заповеди Крейцеровой Сонаты и последовавшею под венец христианского брака в православной, обруганной вами Церкви. Так я понимаю причину вашей болезни, и я ей порадовался ради вашей души. С тех пор, как я писал вам то тронувшее вас сердечное письмо, с выражениями сыновней любви, утекло много воды. Многими скорбями и лютыми спасал мою сластолюбивую душу Господь: благодарю Бога и молю не лишить меня и впредь очистительных скорбей и обид. Знаю, что не попасть иными путями в царство небесное, как только «многими скорбями», коими спаслись все святые: мученики, пустынники, апостолы, пророки, учителя, а также и тот разбойник, который первый вошёл в рай Божий после мук крестных. С тех пор, как прошёл я сквозь целый ряд тюрем, этапов и арестных домов, испытал я уже иные скорби, о коих сказано в Евангелии: «радуйтесь и веселитесь, егда рекут вам всяк зол глагол, на вы лжуще ради»: сладостнее этих скорбей нет в мире, ибо по мере, как они умножаются – умножается и утешение от Утешителя Духа, Который нежнее матери умеет облегчить скорбящую по-христиански душу. Да, если чем могу ныне похвалиться. – похваюсь скорбями, коими облагодетельствовал меня Господь и дал познать неисповедимую сладость смирения и глубокие чувства любви к людям-братьям, всепрощения и жалости к ним.

Знаете ли, Л. Н., что я слышал от «православных», которых всех сплошь я некогда, следуя вам, почитал непотребными. Один монах мне говорил, что в христианине должно мудрствоваться то, еже мудрствовалось (мыслилось и чувствовалось) во Христе Иисусе, то есть в сердце Богочеловека. Что же такое? А то, чтобы иметь в тайне сердца своего желание дать ближнему есть *свою* плоть. Дивно, но понятно это, по крайней мере *à contro verso*: в злых или одержимых злой похотью является чувство, выражаемое: «так бы и разорвал в клочки, так бы и съел».

Вы написали прегрешную подпольную книгу в доказательство веры вашей, что «царство Божие внутри нас», а я приобрёл, во внутренней борьбе с вашими лжеучениями, веру, что *и царство сатанино внутри нас*, и открывается в отношениях к ближнему. Представьте, вообразите своим художественным высоким умом, как висел между небом и преисподней на кресте Кротчайший, Смиреннейший, Безгрешный, и как молился о распинателях Тот, при последнем вздохе Которого великим трусом потряслась земля, померкло солнце и уверовало сердце язычника – сотника, сказавшего: «во истину это был Сын Божий»! Неужели ваше сердце, сердце поэта и гуманиста менее чутко, чем суровое солдатское сердце сотника римского? Уверовал разбойник, то есть убийца и варвар, и смиренно сказал эти сладкие слова: «помяни мя, Господи, во царствии Своём» – неужели не уверуете вы, который умели описать подвиг Наташи Ростовской, смерть князя Волконского и многое другое трогательное, над чем я плакал в юношеские мои годы и что воздвигало ум мой от грубой скотской чувственности к высшим наслаждениям поэзией и поэтическим созерцанием («над вымыслом слезами обольюсь» – писал А. С. Пушкин)? Ныне я познаю другую поэзию – поэзию покаянной молитвы, самоокаявания, сокрушённого перед Богом сердца, молитвенного болезнования о ближних, в том числе и о вас. Мучительно и ужасно жить в сени смертной гордыни, самообожания, упорства, жестокосердия. «Когда услышите глас Его, не ожесточите сердца». О! я помню, как одержимый этими злыми демонами я мучил мою бедную, страдалицу мать. И в

тайне души я всегда любил мою мать: в отрочестве я заливался слезами, когда представлял её себе во гробе, умершей. И мама моя чуяла сердцем, что, мучая её злыми речами, революционными, бестолковыми фанфаронадами, сам я более её мучаюсь. Помню: так бы кажется упал перед матерью на колени, в слезах, целуя её трудовые руки, но слёз не было в сердце, сердце не раскрывалось, – оно сделалось гнездилищем падших и нечистых духов. Вот, милый Л. Н., не туже ли самое испытывается в вас по отношению к Матери-Церкви, простирающей к вам руки и зовущей к таинствам очистительным: «ядите сие есть тело мое, еже за вы ломимое во оставление грехов» всего мира, а не только *ваших*, сколько бы велики они ни были. «Пейте от нея (чаши) *вси*» – в том числе и *вы* – «сия есть *кровь* Нового Завета, яже за вы и за многие изливаемая во оставление грехов». Но вы страшитесь, вам тяжело, совестно отдаться в объятия Матери-Церкви, ринуться, – вспоминая, сколько ругательств и хулений высказано вами на Церковь Христову в писаниях ваших, (а наипаче в критике Догматического православного Богословия). Но это ложный стыд. Последуйте доброму примеру блудного евангельского сына. Тот сам пришёл, а вас зовёт и зовёт Церковь-мать, не теряя надежды до последнего дня, всячески ожидая вашего обращения. Поверьте, Л. Н., что все православные, верующие люди больше, чем вы сами и все ваши безбожные поклонники, болеют в эти дни болезни вашей опасением за погибель вечную вашей души. Не «Миссионерское ли Обозрение» приняло на свои страницы это моё к вам письмо? Да и как не бояться и не скорбеть об участи тех людей, кои по канонам должны быть даже лишены христианского погребения по церковному чину и молитв Церкви заупокойных, кои могут умереть в ожесточении, не сознав своих заблуждений и грехов, в упорном отрицании Божества – Иисуса Христа, как будто отрицание это сделает Его менее Божественным? В том-то и Божественность Иисуса Христа, что Он, обладая живыми и мёртвыми, Он, Которого одно имя призываемое с верой, отгоняет демонов, Он, Который имеет власть, рассекши нас с вами «полма», ввергнуть в дебрь огненную, Он-то и долготерпит, и милосердствует о нас, «не

желая смерти грешника», а потому даёт в наших тяжких неисцельных, казалось, болезнях отсрочку.

Опытно дознано, что болезни, посылаемые Богом, и скорби житейские исцеляют наши души от самообольщения, самообожания, гордости, лже-учительства, напоминают о личном ничтожестве, о смерти, о мучениях адских *там*, – в мире ином, «где каждому воздастся по делам его».

Всем известна, Л. Н., искренность вашего по природе доброго, честного сердца, чуткость богато одарённого Богом, но омрачённого гордостью ума, и я не отчаиваюсь в надежде, что вы не уйдёте в другой мир, не сказав со всей искренностью правды о себе самом, что вы не отвергнете с грубым и тупым упорством любвеобильных попечений Церкви Христовой, которая вас и детей ваших крестила и миропомазала, благословила на брак, многократно питала Кровью и Телом Богочеловека и молится до ныне о вас, Лев Николаевич! Скоро пробьёт и *двунадесятый* час вашей жизни... Не забудьте евангельских слов Милостивого Человеколюбца, что и в этот час пришедший к Нему «ту же честь обрящет». Припомните, Л. Н., спасшегося на кресте при последнем издыхании, «благоразумного разбойника». Не поздно и для вас покаяние, а болезнующая о заразных струпьях и смрадных язвах вашего горделивого лже-учительства Мать-Церковь примет вас, очистит и омоет благодатью своих Таинств, вразумит успокоит смятенную вашу совесть. «Любяй неправду ненавидит свою душу»!.. Теперь, – с Божьей помощью («без Мене же ничего не можете творить», – учит слово Божие, – «без Бога ни до порога» – говорит православный голос народной мудрости), – вы поправляетесь от недуга. Подведите же, стоя на рубеже двух миров, спокойно и беспристрастно итоги вашей борьбы с Иисусом Галилеянином, Которого вы, в сознании и воображении своём, низводили с высоты Божественного достоинства на ступень едва ли не ниже себя, – и скажите устами Юлиана Богоотступника, который ведь не ниже вас по данным от Бога талантам: – *Ты победил меня*, – «трудно рожну противу прати»! Посмотрите, затем. Л. Н. и на ближайшие плоды своего противохристианского еретического мудрования. Церковь

Христова стоит вот уже 2 тысячи, лет, как непоколебимый «столп и утверждение истины», и будет стоять до скончания века, «ибо и врата ада не одолеют её». А ваше яснополянское царство, или вернее братство, не устояло и в течение какого-нибудь десятка лет. Почему? А потому, что оно построено вами на песке, на болоте горделивых страстей. Где ваши апостолы, – первенцы и пионеры толстовской секты (все из университетской, просвещённой молодёжи!), на которых почивала ваша любовь и лучшие надежды? Одни, испив до дна чашу разочарования, – оживотворённые и обновлённые благодатью Св. Духа в Церкви Православной, при посредстве слова Божия, учения святых отцов и таинств, сделались верными и преданными сынами Церкви и государства: из них Аркадий В-ч Ал-н, исходив всю Русь, исследовав все лжеучения, побывав в св. земле, вернулся в лоно Церкви и теперь служит помощником городского головы г. К-ка, Михаил А-ч Н-в, издатель вашего смердящего злобой на военное звание и помазанника Божия, лучшего из царей нашей истории, – рассказа «Николай Палкин» – состоит смотрителем одного училища и миссионерствует среди увлекающейся вашим лжеучением интеллигенции, во славу православия.

Я, многогрешный, – исходив после освобождения от ссылки *per pedes apostolorum* – весь дикий север, до Соловков включительно, как видите, отдался духовной журналистике и тоже против вас миссионерствую, ради спасения своей грешной души.

Молодой, талантливый Г-е, наплодив полдюжины детей с одной крестьянкой, на правах толстовского гражданского брака, после 10 летних мук жизни по толстовскому режиму, проклял день своего впадения в капкан вашего учения и умчался за границу; Абаза – единственная надежда у матери, не справившись с душевной борьбой, с двоящимися своими мыслями по поводу вашего лжеучения, – застрелился; совращённого в вашу секту священника Аполлова (как ужасно это, что и иерей не устоял!) *ваши* же удержали на смертном одре от раскаяния, послав к нему П. И. Бир-ва увещевать умирать *мужественно* (Какое насилие)! Дрожжина, в

бесплодной борьбе с воинской дисциплиной, заела скоротечная чахотка в госпитале исправительного батальона. Шкарвана увлечение вашим учением лишило докторского диплома, гражданских прав и здоровья. Ваше же учение десятки духобор – толстовистов (постников) свело в могилу, сотни довело до ссылки, а тысячи разорило и выкинуло за борт отечества, – в Канаду, где теперь они клянут свою судьбу (прочтите письмо духобора Гончарова в ноябрьской кн. «Мис. Обзор.»). В. Г. Черткова, кн. Д. А. Хилкова (оба – единственная надежда своих матерей!), П. И. Бирюкова, И. М. Трегубова, Е. И. Попова, М. А. Бадянского постигла административная ссылка, и они эмигрировали за границу, где из *непротивленцев* сделались озлобленными сеятелями всякого противления, неправды и хулы на Россию и Церковь православную (в своих листках, «Свободного Слова», в которых и вы мараєте свои руки, украшая каждый мизерный их листок передовыми статьями). А где ныне толстовские колонии опростившихся интеллигентов? – все рассыпались, разбрелись. Посмотрите, наконец, на свою собственную семью: Магомет и тот прежде всего пленил вслед себя жену, а вы ни супруге Софье Андреевне, ни детям вашим не могли внушить и привить своих заповедей, правил и начал жизни, ибо в самой основе их лежит фальшь и противоречие. Если уже дети ваши, следовавшие за вами, скоро изменяли (уж не Татьяна ли Львовна была, казалось, верной последовательницей вашей!), то где-ж прочность и незыблемость ваших начал и основ? Из краткого сего повествования вам ясны должны быть *горькие плоды* вашего учения.

Неужели вы, великий художник слова и поэт, – этому своему окаяннейшему антихристианскому учению принесёте в жертву свою бессмертную душу, свою судьбу в вечности? Да сохранит и вразумит вас Всемиловитейший Спас, имиже весть судьбами! Смотрите сами: вы свободны, насильно Бог никого не спасает. «Обратитесь ко Мне, и Аз обращуся к вам», говорит Господь. Вы самовластны, – не вы первый в Церкви и не вы последний из еретиков, и никто вас не *заставляет*, но *молят*, яко Богу

молящу нами, дабы сделать вас безответными перед Богом на страшном Христовом Судище.

«Пусть знает, что обративший грешника от ложного пути его спасёт душу от смерти и покроет множество грехов.» (Иак.5:20).

Хорошо известный вам, бывший ваш *Михаил С-ко*.

Из годовых итогов нашего издания в истекающем 1899 году. // Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 718–720

Выпуском настоящей последней в сём году книжки заканчивается, с Божей помощью, *четвёртый* год издания «Миссионерского Обозрения». В нынешнем году Редакция дала своим дорогим читателям в 12 книжках 1492 страниц, 94 печатных листов.

В 4 книгах *Приложения* к журналу (*трёхмесячники*) – страниц 779, или около 50 печатных листов, а всего 144 печ. л.

«Приложение» печаталось в виде *трёх отделов* особым счётом страниц в каждом.

Главной руководящей идеей для Редакции при составлении содержания *Приложений* было – дать читателям-пастырям церкви такой материал, который бы служил к *утверждению* верных чад Церкви в основных истинах веры к *ограждению* от увлечения суемудрием сект и раскола. Таким образом, Приложение посвящено, главным образом, *охранительным* задачам миссии и духовным интересам православных людей. Особенное внимание обращено было в кн. Приложения на материал, полезный для *внецерковной и церковной проповеди*. В Приложении 1899 г. помещено более 20 *внебогослужебных* собеседований и чтений и 70 *церковных поучений*, слов, бесед и речей, 23 *миссионерских поучения* в ограждение от лжеучений раскола и сект *рационалистических* (штунды, молокан и др.) и *мистических* (хлыстовства).

В отделе для *народного чтения в семье и школе* помещено 18 произведений из жизни и мира раскола и сект (стихотворения, очерки и рассказы). *Миссионерских листков* издано – 26.

Книжки журнала Редакцией составлялись всякий раз с таким разнообразным подбором статей, чтобы в них читатель всегда находил интересующие его сведения о той или другой группе нашего расколо-сектантства. Наибольшее внимание было обращено на боевые, *прозелитивные* наши секты –

штунду, толстовство, а также и хлыстовство. Во втором полугодии, в виду прекращения издания противораскольничьего журнала «Братское Слово», – Редакция увеличила количество статей по вопросу о расколе. Более значительные статьи по расколу в 1899 году помещены следующие:

О мощах святых угодников Божиих, по поводу кощунств и клевет раскольнической газеты: «Слова правды». Чельцова.

Раскольнический беспоповщинский съезд. Свящ. К. Попова. По расколо-старообрядческому вопросу, о. Д. Александрова.

Нынешнее старообрядчество и сектантство в Преображенском в Москве. К. Сенатова.

О перстосложении по Стоглаву. Свящ. мисс. о. Николая Виноградова. Общий взгляд на состояние раскола в истекшем году. М. Чельцова. К истории «славяно-беловодской иерархии». Самарск. м. Д. Александрова. Старообрядческая раскольничья литература, В. Сенатова.

Встреча с раскольничьим архиереем о. К. Попова.

Беседа с раскольницей о том, насколько должно слушаться и повиноваться родителям в делах веры и спасения. Свящ. о. А. Казанского.

Беспоповщинские «отче» и их проделки. Чельцова.

Беседа с беспоповским наставником о музыкальных инструментах. о. И. Шалкинського.

Московский раскол. Статьи А. В-ва.

О значении частных бесед с раскольниками. Свящ. о. К. Попова.

Раскольничьи соглядатаи после черниговских торжеств открытия мощей св. Феодосия Углицкого и их наветники, о. Терентия Уколова.

Об отношении учения беспоповцев об иерархия и таинствах к учению о том же рационалистов сектантов. Ф. Арер-ва.

Съезд беспоповцев в городе Самаре о. П. Шалкинського.

Старообрядческие софизмы Н.

Можно-ля признать старообрядческую австрийскую иерархию законной, о. Е. Зубарева.

Паразиты раскола О. К. Попова.

Миссионерская беседа с раскольниковым апологетом А. Перетрухиным о существенных признаках Церкви Христовой, о. Сергии Шалкинского.

Крещение у бегунов. проф. Н. И. Ивановского.

Бесчинство раскольниковых архиереев и попов в Сычевском у. о. Н. Соколова.

Как совершается богослужение у старообрядцев австрийской секты. Свящ К. Попова.

Мои письма к бегунской наставнице. Проф. Н. Ив. Ивановского.

Какое ныне время? Беседа с раскольниковым–беспоповцем. Архиепископа Пермского Аркадия, сообщ. Романовский, и др.

В «Миссионер. Обозрении» истекающего года помещены были *труды 70 авторов*, в том числе статья г. обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева, *Митрополитов* – Киевского и Московского, в Бозе почившего *архиепископа* Одесского Никанора, *епископов* – Рязанского Мелетия, Самарского Гурия, Томского Макария, Таврического Николая, *профессоров* и наставников академии – Н. И. Ивановского, В. Ф. Певницкого, Д. И. Богдашевского, свящ. Ф. И. Титова, А. И. Булгакова, В. П. Рыбинского, – *19 епархиальных миссионеров*: из них 12 священного сана и 7 мирян академистов.

Кроме ответственного редактора журнала и главного руководителя В. М. Скворцова, в составе редакции состоять в качестве его помощников и заведующих отделами: *противораскольниковым* – магистр Казанской академии М. П. Чельцов (с.-петербургский миссионер), магистр Московской академии А. Я. Дородницын (екатеринославский епарх. миссионер) – заведует *отделом* иностранной миссионерской хроники, кандидат Киевской академии. А. А. Виноградов (секретарь редакции) и заведующий *проповедническим отделом* в Приложении.

Из *иллюстраций* в журнале помещены: 6 фототипических портретов Киевского митрополита высокопреосвященного Иоанникия, (разных возрастов), портреты С.-Петербургского митрополита Антония, Московского Владимира, группы – сектантов-духобор-постников и хлыстовских живых богов, портрет – раскаявшегося раскольника Феодора Ковалева.

**Доброе пособие для благочестивых размышлений и
эпиграфов (в письмах и других рукописях). //**
Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 720–722

Испытав на себе и узнав из духовного опыта других неисчислимую и неисповедимую пользу от внимательного и благоговейного чтения слова Божия, особенно в ежедневном употреблении Божественных глаголов, как насущного хлеба духовного, мы предприняли труд *составления выдержек из дневных чтений* Вселенской Христовой Церкви на каждый день. Выдержки эти особенно благоплодно употреблять для эпиграфов к письмам и сочинениям, ибо сим способом освящается и пишущий письмо и получающий его: – автор сочинения и редактор, наборщик и читатель, прочитывающие сочинение. Многократно слово Божие разгоняло, как дым, дурные чувства, расположения, помыслы, с какими садился писать письмо! Как часто благодать, в своих делах домостроительства душ, пользовалась письмом, возглавленным словом Божиим: эпиграф обличал, утешал, вразумлял, как это свойственно слову Божию. Вообще пользование словом Божиим упражняет дивно терпение и внимание умов. Всем учителям и законоучителям, писателям и редакторам следовало бы и в частной переписке пользоваться библейскими эпиграфами, которые мы надеемся к концу года собрать в отдельную брошюру. Как было бы хорошо ввести в обычай редакциям духовных журналов в своей переписке с подписчиками возглавлять всякую рукопись текстом слова Божия из дневного чтения и о том же просить и тех своих корреспондентов, наипаче же иереев, которые могут исполнить сей долг религиозный с тем большим удобством, что они не столь обременены перепиской, как редакции. Как благоплодно было бы, если бы и авторы благоволили заканчивать свои рукописи соответственной выпиской из эпиграфов, сообразно дню, в какой закончат рукопись.

Печатание эпиграфов начинается в первой книге Приложения 1900 г. особым счётом страниц, на ряду с

«Ответами из Слова Божия». Образцы этого труда представляют наши эпиграфы к помещённым в настоящей книжке письмам к гр. Л. Толстому и толстовцам.

Из библейских выдержек «Мис. Обзор.» на каждый день года и может всякий делать свои выписки: один или несколько глаголов и речений. Но мы знаем и таких усердных, которые и большие библейские выдержки выписывают во главе своих писем, через что они учатся и достигают постепенно и нечувствительно превосходного знания Священного Писания (Библии). Всем известно, как велико и благотворно таинственное действие словес Божиих на умы и сердца, особенно же молодые. Поэтому, как было бы отрадно, если бы преподавателям чистописания в духовных учебных заведениях и церковно-приходских школах вменялось в обязанность для *прописей* употреблять библейские глаголы Святого Духа по разуму святой православной Церкви. Наши эпиграфы, из коих к концу 1900 года составит, с Божией помощью, брошюра, могут сослужить добрую службу. Если пастыри и учителя деятельно возьмутся за *молодое* поколение, начиная с самого раннего возраста и кончая студентами университетов и академий, то это будет самая производительная, самая богоугодная, самая отрадная миссия. В выписках наших особое внимание будет обращено на те тексты Священного Писания, которые перетолковываются сектантами, а равно и на те, которые служат в миссионерской полемике к обличению сектантских лже-мудрований; те и другие тексты будут при печатании отмечены особыми знаками. Мы бы очень просили *откликнуться* сочувствующих изложенной идее и согласных на подвиг возглавления писем и рукописей эпиграфами из Слова Божие. Писать просим по адресу редакции «Мис. Обзор.» – Михаилу А. С-о.

Миссионерские вакансии. // Миссионерское обозрение. 1899. № 2. С. 722

Миссионерские вакансии. В Астраханской епархии в настоящее время состоят незамещёнными две вакансии епархиальных миссионеров I и II округа. Епархиальным начальством приглашаются к занятию этих должностей предпочтительно лица с академическим образованием, причём выражается желание, чтобы кандидаты имели священный сан. Жалование епархиальным миссионерам назначено по 1500 р., причём один противораскольничий имеет местожительство в Астрахани, другой – противосектантский в г. Чёрном-Яре.

* * *

Важное разъяснение. – Св. Синод, по словам «Сев. Кур.», разъяснил, что дети раскольников и сектантов, обучающиеся в учебных заведениях Министерства Народного Просвещения, *должны изучать Закон Божий у православного законоучителя* и подвергаться испытанию в этом предмете наравне с православными учениками. Вместе с тем, при таком обязательном изучении Закона Божия, дети сектантов должны аттестоваться соответственными баллами, как в течение года, так и на экзаменах, причём балл по Закону Божию должен выставляться также и в их аттестатах и увольнительных свидетельствах.

* * *

К секте Кронштадтских Ивановцев. В ноябрьской книжке «Мис. Обозр.» сообщалось о новой секте «ивановцев», обоготворяющих о. Иоанна Кронштадтского. О. Иоанн, узнав о безумстве Максима, пожелал лично его видеть и когда тот явился, досточтимый пастырь спросил его: «как ты меня называешь?» Максим сказал: «за самого Господа Иисуса Христа!» На это о. Иоанн строго сказал Максиму: «*ты безумствуешь*: я такой же в беззакониях зачатый, во грехах рождённый и окаянный пред Богом человек, как и все.» Максим с пафосом фанатика на это возопил: «во истину ты – Сын Божий.» Побеседовав ещё и убедившись, что Максим – тупой

неразвитой фанатик, на которого не действуют слова убеждения, о. Иоанн принял меры к тому, чтобы сектант выпровожен был из Кронштадта административным порядком, дабы фанатик не соблазнял своим безумным лжеучением других простецов.

Примечания

¹ - В таких городах, где практикуется только-что мной описанное, следовало бы или давать святыне иконы для служения молебнов «только в церкви», или же давать на такой срок времени, когда и в домах можно было бы совершить молебные пения без поспешности, полно и выразительно прочитать акафисты, которые, как известно, так привлекают и так нравятся православным.

² - Потом Католическая церковь вместе с Лютером потеряла около 90 миллионов верующих, принявших лютеранство.

³ - Правосл. Собес. 1899 г. Январь, – стр. 30, 31.

⁴ - Мат. для ист. раск. т. V, стр. 287.

⁵ - См. Ивановский. Сборн. Бес. и др. соч. стр. 16.

⁶ - Матер. т. VI стр. 266. Пр. Ивановский – Критич. разб. уч. бесп. стр. 52.

⁷ - Пред. к «Пом. Отв.» – М. Григория – Истинно др. и ист. пр. цер. стр. 328.

⁸ - Проф. Ивановский. Крит. разб. уч. бесп. о цер. и таин. стр. 79.

⁹ - Проф. Ивановский. Крит. разб. уч. бесп. стр. 79.

¹⁰ - Эти слова автора справедливы относительно рассуждений раскольни-

¹¹ - Прав. Собеседн. 1867 г. т. II стр. 57.

¹² - Проф. Ивановский. Крит. разб. уч. бесп. о цер. и таинст. стр. 88.

¹³ - См. в Бесед. арх. Павла т. I стр. 181, 286; также Прав. соб. 1877 г.

¹⁴ - Щапов. Русск. раск. старообр. стр. 175.

¹⁵ - «Православный Собеседник», 1859 г., т. III.

¹⁶ - «Правосл. Собеседн.» 1858 г., т. III, стр. 53.

¹⁷ - Проф. Ивановский. «Руков. к ист. и обл. раск.» т. II, с. 176, 180.

- 18 - Троицкий. Облич. заблужд. штунд. стр. 37–38.
- 19 - Пр. Ивановский. Руков. к ист. и обл. раск. ч. II, стр. 197.
- 20 - Православный Собеседник 1858 г., т. III, стр. 52.
- 21 - Троицкий. Обличение заблуждений штундистов, стр. 129.
- 22 - Современ. Извест. 1868 г. Ср. Орлов. Молок. пред суд. слова Божия – в. I, стр. 52 Прим.
- 23 - Прав. Собес. 1859 г., т. I, стр. 381.
- 24 - Прав. Соб. 1858 г., т. III, с. 53.
- 25 - Ушинский. Вера мал. штунд. 209–210, 212.
- 26 - Проф. Ивановский. Рук. к ист. и обл. раск. т. II, стр. 176–177.
- 27 - Ивановский – Рук. к ист. и обл. раск. т. II стр. 184. Также: Прав. Соб. 1858, т. III стр. 53.
- 28 - Прав. Соб. 1858, III стр. 53–54.
- 29 - Там же. Примеч.
- 30 - Ушинский. Вероуч. мал. штунд. стр. 210–211.
- 31 - Проф. Ивановский. Крит. разб. уч. бесп. о цер. и таинст. с. 90.
- 32 - Русск. диссид. Стар. и дух. христ. стр. 71–72.
- 33 - См. «Миссионер. Обзор.» 1899 г., февраль, стр. 209–213.
- 34 - Безпоповцы привели это свидетельство сами на себя; они-то к пола» гают быть спасению во внешнем образе, – в форме одежд и в стрижении волос – как увидит читатель ниже из их же постановлений. – Автор.
- 35 - Слова эти не могут быть применимы в беспоповским собраниям. Святой священномученик Киприан, епископ Карфагенский, называет обольстителями и ложными толкователями тех простецов, которые оправдывают этими словами Спасителя свои незаконные собрания; слова Спасителя: «Идеже два или трие собрани во имя мое», – по толкованию святого священ.-муч. Киприана, применяются к людям, находящимся под властью епископов, а не к беспоповцам (см. слово о единстве церкви). – Автор.

³⁶ - Это свидетельство обличает беспоповцев прямо в лицо: они заповеди Спасовы все попрали, – св. таинства Христовы обругали, человеческие же предания стараются соблюсти и спорят из-за них уже 200 лет. – Автор.

³⁷ - Не христианскую обязанность исполнили беспоповцы, но антихристианскую; обязанность простецов, как ног церковных, не соборы составлять в законы излагать им надлежит, а уши свои отверзать на послушание епископов и исполнять то, что они узаконяют (пр. 64, 6 всел. соб.). – Автор.

³⁸ - Ни в одном из вышепоказанных завещаний нет того, чтобы простецы составляли соборы и излагали законы для руководства церкви. – Автор.

³⁹ - Жалко, что старообрядцы не указали источника, из которого они взяли свидетельство, что на «онное» пение существует яко бы со времён князя Ярослава? Указать необходимо было нужно. Нужно сказать, что в прежние времена из-за на «онного» и «наречного» пения старообрядцы вели жаркие споры и друг друга предавали дьяволу в руки. В 1837 году Павел Любопытный писал некоему Андреяну, поющему на речь, следующий гимн: : «Ах милой друг! как ты сюда явился? Иль в наглости своей, все ты кружился? : Теперь садись, садись и слушай нас! Ругай все старо пенье, вот приказ: : И пой с нами все теперь наречно, Мы любим все тебя за то сердечно. : И что ты стал весь Никонов формат, еретикам, глупцам и нам стал брат. : Уж теперь оракул, вестник пляски, Возьми, возьми все наши злобны маски. : Пиши ругай всю древность, Мы очень любим эту ревность. : Она для нас небесный есть венец, Того всегда, всегда желает наш Отец. : Кричи на ер, ломай свой глас, Ты скоро будешь и у нас. : Тогда зажарим мы тебя в печи, Ты там вертись, пляши, на ер кричи. : Ну пой теперь дружок везде наречно, Мы любим то, и славим все сердечно. : Да шибче погоняй своих ослов, Они сбесились все с твоих слов. : Шумят толкуют всем, чтоб петь наречно, Да бы им быть за то во аде вечно. : Тебе ж зловер чугуной там венец, Что ты начальник буйности певец. : Ты много лет в сем бешенстве трудился, У нас весь ад от радости вскружился. : Ты тысячи уликов развратил, Глупцов и баб безчестно прельстил. : Вот друг тебе за труд сей

дерзости, И за разлитие сей мерзости : Будь ты поджогаю всех бусурманов, Армян, кальвин жидов и всех болванов».

Аминь. Вот как беспоповцы, «хомонисты», честили своих собратьев, употребляющих наречное пение. В ответ на этот гимн написано было следующее: : «Уста твои – чертей бесов, Ты исполнитель адских слов. : Творишь, что дьяволы внушают, Ругать святыню научают. : Писал ты гимн – служил чертям, Ты вождь ко адовым вратам. : Велишь с чертями содружиться, Плясать с бесами, да кружиться. : Петь речью истинной оставил, В певцы ты демонов поставил. : Ты сам тут в демонах певец, Стихи поёшь что в речь – конец» и проч. Из этой перебранки видно, насколько беспоповцы были ожесточены против друг друга из-за пения. Но теперь Самарский собор постановил иметь терпение и «не крамолиться» из-за него. Согласны ли будут с этим постановлением поющие наречь? Это ещё вопрос и вопрос трудный. – Автор.

⁴⁰ - У беспоповцев, не сообщаться в молении, ядении и питии считается самым сальным наказанием. – Автор.

⁴¹ - 9-е правило Карф. собора говорит о священниках и диаконах, отлученных своими епископами, а не о простецах, отлученных простецами же.

⁴² - Матфей Андреев руководился примером св. мученицы Дросиды, в житии которой говорится: «Иземши еже ношаше мирот от своих сокровищ, и помаза вся уды своя, и верже себе во един поток водный, и крестися, рекши: крещается раба Божия Дросида, во имя Отца, и Сына, и Святого Духа» (пролог Марта 22). Вот, главным образом, Андреев и основался на этом свидетельстве, крестил сам себя, а потом крестил и своих последователей. беспоповцы основательно не принимают этот исключительный пример в руководство и самокрестов отвергают. – Автор.

⁴³ - Не одоленная вратами адовыми церковь должна и обязательно будет иметь все семь св. церковных таинств (Бол. кат. л. 360 об.). У беспоповцев же ни одной тайны законно не совершается, а многих даже вовсе не имеется, а потому общество их признать церковью неодоленной было бы весьма странно и погрешно. – Автор.

⁴⁴ - Простолюдинское крещение никогда церковь благодатным не признавала (Деян. св. апостол гл. 8, ст. 16 и 17, зач 18). Оно делается благодатным только при смерти: «прежде нежели постигнути священнику, Божественная благодать совершает и» (Номок. л. 67). Но и при смерти совершает только того, который верует в бытие священства, но не может улучшить его и умрёт. Беспоповцы же не веруют в бытие священства, а проповедуют ему конец; они с самого рождения знают, что умрут без священства, а потому и не ожидают его; поэтому и при смерти их, крещение их остаётся безблагодатным. – Автор.

⁴⁵ - То есть: в ряд св. м. Дросиды и друг.

⁴⁶ - Бракоборы, действительно, чужды св. Христовой церкви; но не лучше их и соборяне сии. Св. Игнатий Богоносец говорит: «А иже вне есть, и без епископа и пресвитеров и без диаконов что либо творит: таковой оскверняется совестью, и неверного горший есть... Иже убо сих не слушает, безбожен всячески есть и злочестив, и отметаётся Христа и Его установление умаляет». (Посл. 1 к Трал.). – Автор.

⁴⁷ - Тысячное правило состоит в том, чтобы полагать каждый сутки, в течение 40 дней, 1000 поклонов, 700 поясных и 300 земных. Эта епитимья у беспоповцев налагается на переходящих к ним из православия и из всех вообще раскольников и сектантов. В некоторых беспоповских обществах, налагается она и на своих беспоповцев – смешавшихся в ядении и питии с православными. Одним словом—эта епитимья играет у них важную роль. – Автор.

⁴⁸ - Вопрос о многожёнстве поднят беспоповцами потому, что многоженство у них развито в высшей степени; я знаю в моём миссионерском районе до 50 лиц беспоповцев, оставивших первых своих жён и живущих с другими, а духовные отцы не следят за этим, но делают даже поблажку в этом. – Автор.

⁴⁹ - Церковь постановила быть соборам епископов, а не простых мужиков (9 прав. 6 всел. собора). Простых же мужиков, назвав ногами подвергла «повиновению преданному от Бога чину» (того же соб. пр. 64). – Автор.

⁵⁰ - Простецам простецов не только благословлять в духовные отцы, но и избирать строго воспрещено (см. пр. 3, 7-го всел. соб.). – Автор.

⁵¹ - Соборяне и все беспоповцы не признают и не исповедуют в настоящее время седми св. церковных таинств, а признают только два: крещение и покаяние, а некоторые и брак, и то совершавшие простецами, а не священными лицами. Но без них: «Яко безызвестных посредств оного крайняго блаженства сподобитися не могут» (Кат. бол. гл. 80). А признавать, но не употреблять св. таинства могут не только беспоповцы, но и сами диаволы. – Автор.

⁵² - Несмотря на это запрещение, беспоповцы производят всеми этими продуктами, – табаком, вином и пивом, – весьма огромную торговлю не только по городам, но и по сёлам и деревням, а потому запрещение это является среди беспоповцев ни больше, ни меньше, как пустым звуком. – Автор.

⁵³ - Беспоповцы должны-бы указать: где именно запрещено в Священном Писании из указанных творений Божиих? Многие из них гнушаются – картофеля, чая и кофе – но запрещения в Писании не указуют; так поступили и соборяне. – Автор.

⁵⁴ - Указанные правила говорят не о простцах, которые не имеют права называться духовными отцами, но о епископах и священниках, изверженных и лишённых сана, но по отвержении прикасающихся божественной службе, т. е. начнут служить литургии, таковые отсекаются от церкви прочь. А простцов ни лишать, ни извергать нельзя, потому что они никакого сана не имеют. – «Глава да не мнится нога сый» (64 пр. 6 всел. соб.) – Автор.

⁵⁵ - Для совершения брака простцам церковного порядка нигде святыми отцами не написано и в старопечатных книгах такового нет. Этот порядок у простцов не церковный, а измышлённый самими беспоповцами, а потому и признать его церковным нельзя. – Автор.

⁵⁶ - Старообрядцы внешними называют православных и старообрядцев же их секты. Иконописания они не принимают от

внешних не потому, чтобы видели в этом запрещение от святых отцов, а потому, чтобы свои произведения сплавить за неимоверно дорогую цену. – Автор.

⁵⁷ - Курение табаку, конечно, дело не похвальное и бесполезное; но, чтобы курящих причислять к язычникам и мытарям – это мнение самоизмышлённое, никем из св. отцов не указанное, одними старообрядцами усвоенное. Прежде Никона патриарха табак курили, что и старообрядцы не отрицают, но отцы церкви смотрели на это как на вещь маловажную, а потому в чине исповеди и вопроса о сем не положили. – Автор.

⁵⁸ - Беспоповцы здесь под церковью разумеют простой народ без пастырей, исключая даже и своих наставников; к этому простому народу беспоповские наставники и должны обращаться за советом и разрешением в важных вопросах. Вот до какой степени поработочены беспоповские наставники своими пасомыми. – Автор.

⁵⁹ - Описание почтенного автора-миссионера страдает нелишней преувеличенностью: волков бояться – в лес не ходить... Так рассуждать, значит – допустить, что приём учеников в учительские второклассные школы производится без надлежащего разбора со стороны нравственной благонадёжности и душевной настроенности поступающих в эти школы и что последние мало способны и бессильны в деле перевоспитания души, сердца и вообще убеждений своих юных питомцев. – Ред.

⁶⁰ - Представим себе церковную школу с учителями, не признающими Церкви. В школе, где учитель-раскольник, идут занятия; только-что окончен урок Закона Божия; на уроке объяснялся вопрос об употреблении крестного знамения, священнического благословения и проч. – Г. учитель? спрашивают любопытные ученики, батюшка говорил нам, что можно креститься и троеперстно, и двуперстно, отчего же вы не креститесь по православному – троеперстно? – Отчего вы, г. учитель, не берёте благословения у Нашего батюшки, а берете его у дяди Пахома, не исповедуетесь и не причащаетесь в нашей церкви, а в моленной, отчего это? В школе с учителем беспоповцем, ученики – беспоповцы же спрашивают его: г.

учитель, верно ли отец говорит, что никаких попов не нужно, что истинного священства на земле нет; отчего же нашего батюшку считают православные священником истинным, законным, может быть это неверно и отец правду говорят, что антихрист истребил истинное священство, что и таинство тела и крови Христовой уже более не иметь явиться? Или в школе с учителем-штундистом ученики задают уже более прямой вопрос: «отчего вы, г. учитель, никогда не креститесь, не молитесь перед иконами, постов не держите, не говеете, не причащаетесь, отчего это? Может всего этого и не нужно? Интересно знать, как бы сам г. Чельцов вывел своих учителей-раскольников и сектантов из затруднительного их положения? Чтобы он за них ответил на эти по существу своему совершенно детские вопросы *). Здесь возможны только два ответа: искренний в своих убеждениях учитель-раскольник скажет, что троеперстие – щепоть, что брать у никонианского священника благословение – грех, ибо этот священник не законный и под проклятием, что исповедоваться и причащаться в православной Церкви он не может, ибо она лишена благодати: в ней царствует антихрист и т. д.; такой же учитель-сектант ответит, что перстосложение – печать антихриста, иконы – идолы, храм – мельница и св. крест – виселица, что исповедоваться должно только перед одним Богом, а причащаться можно везде у того, кого изберёт для этого народ и проч., т. е. этого рода учителя, как люди верующие и честные, по необходимости должны сделаться пропагаторами своего заблуждения среди детей-школьников. Учителя – раскольник или сектант не верующие, в видах сохранения своего служебного положения ответят: «можно веровать и по-вашему, и по-нашему», но школьники словам их не поверят: живой пример учителя, да ещё если последний успеет приобрести привязанность и любовь к себе учеников, сильнее будет всяких слов законоучителя. *) Если только учитель порядочный человек и благоразумный педагог – от велит замолчать юноше-совопроснику о сём, как не относящемся к преподаваемому на данном уроке предмету, и предложит побеседовать об этом с законоучителем на его уроках. Почему же дети в гимназиях, напр., не обращаются с

подобными, скорее демонстративными, чем серьёзно вынужденными, вопросами к учителям, инспекторам, директорам и начальникам – из католиков и протестантов; и, ставя во главе православного учебного заведения иноверцев, начальство, очевидно, же думает о соблазне? – Ред.

⁶¹ - Но что мешает тогда такого упорного и подозрительного учителя уволить от должности. – Ред.

⁶² - Минист. народ. просвещ. даёт раскольникам и сектантам права домашнего учителя и последние открывают домашние школы, т. е. самые опасные по бесконтрольности направления своего рассадники народного просвещения. – Ред.

⁶³ - Не знаю, так ли дело обстоит в мужских гимназиях, а в женских для учениц-раскольников посещение уроков закона Божия и слушание священника не обязательно. Не так давно в одной губернской гимназии был такой характерный случай. Поступала в 1 или 2 класс девочка, дочь местного богатого купца-раскольника. Этот переговорил, с кем следует, чтобы его дочь не экзаменовали из Закона Божия. Священнику-законоучителю почему-то не передали результатов переговоров, и он проэкзаменовал её. Ответила она очень хорошо и молитвы читала по-нашему. Что же? Когда узнал о том отец-раскольник, то такую поднял бурю, что законоучитель не мало пережил неприятных минут. И теперь эта девочка на уроках у него не слушает и сидит без Евангелия, которое лежит даже перед ученицей-еврейкой.

⁶⁴ - Нельзя не обратить внимания на одно из таких пояснений, Св. Василий говорит, что некоторые догматы и проповедания мы получили от Апостольского предания „по преемству в тайне“. Начетчик вставляет: „в тайне, потому что всё это проповедание относится к тайнам веры, каковы именно догматы.“ Такое толкование слов св. Василия несправедливо и опровергается пояснением самого же св. Отца. Продолжая далее свою речь о предании „в тайне“, св. Василий Великий называет это предание „умолчанным, необнародываемым, в молчании охраняемым и скрываемым от неверных.“ Очевидно, что у него идёт речь не о тайне непостижимой (каковы догматы

веры), а о тайне, тщательно скрываемой, дабы неверные не поглумились над христианскими священными обрядами.

⁶⁵ - См. Мис. Обзор. март 1899 г. стр. 342–347.

⁶⁶ - Точных сведений о количестве штундистов не имеется; миссионеры – местные священники утверждают, что их в настоящее время от 300 до 350 человек, из них до половины в дер. Луховицах.

⁶⁷ - Своё влияние местные штундисты оказывают на весь ближайший к Луховицам округ; последователи их есть и в г. Зарайске. В центре города существует постоянный двор, содержимый луховицким крестьянином Л-ным. Штундовые собрания происходили также в доме некоего купеческого племянника А. Л. Этот А. Л. человек редкой начитанности и библиофил: у него богатейшая сектантская библиотека, заключающая в себе свыше 400 №№ книг и брошюр; имеются журналы: «Русский рабочий», «Братская помощь», «Беседа», сочинения Спурджона, Д. Ж. Буньяна, Бесье и проч. По словам Л., книги и брошюры частью приобретал сам в Москве, частью получал даром во время французской выставки в Москве, или брал за долг у луховицкого крестьянина В-на. «Беседу» (из Стокгольма) он получал будто бы для Я. Б. (упомянутых выше), чтобы предоставить для В. удобства по пересылке. Известный Ст. З-в часто бывает в Зарайске у Л. Таким образом, деревенские штундисты являются просветителями городских.

⁶⁸ - Из доклада таврическому миссионерскому съезду.

⁶⁹ - Вопрос об «овчарных участках» находящихся в руках никогда не занимавшихся овцеводством немцев или же сектантов-молокан заслуживает серьёзного внимания государственной власти. Малоземельные русские крестьяне тысячами идут в батраки к немцам для обработки этой же земли. И съезд миссионерский отметил это явление в своих протоколах к сведению своего духовного начальства. Экономический гнёт и кабала православных иноверцев и сектантов является самым могучим рычагом к распространению религиозных лжеучений среди экономически-порабощённого православного населения. Вопрос об отобрании у немцев

казённых «овчарных участков», раз последние не служат своему назначению, и владельцы не исполнили надежд правительства на счёт заведения этого промысла, – поднимался одним из почтенных членов одного из местных административных учреждений, но не был поддержан, потому что дело давнее, не при нас оно началось, не нами его и кончать... Так всегда у нас, раз дело сложное и серьёзное, да ещё задевает интересы могучих на Руси немцев-колонистов. Дело это безотлагательно требует освещения и разрешения, сообразного с государственною пользою; пора перестать все блага предоставлять в пользу пасынков России и приёмшей, в ущерб родных кровных интересов коренного населения. Читая разоблачения г. Папкова в «Русс. Вест.» о том, чего стоит России колонизация немцев, не знаешь, чему удивляться: политической ли близорукости государственных людей того времени или бессердечному в отношении своего отечества космополитизму. Но уроки прошлого, к сожалению, не для всех и ныне ещё вразумительны. Вот что читаем мы в исследовании г. Папкова о немецкой колонизации. Между колонистами в царствование Императоров Павла и Александра I делились не только благословенные земельные угодья призывавшейся тогда к жизни Новороссии и Крыма, но и коренная русская земля, даже Волга. Особенные льготы получили, «евангелические братья», устроившие Сарептскую колонию близ Царицына. Для колонистов Саратовской губернии нарезано было, по 20 десятин на душу, 63,954 десятины. Одно водворение менонитов из Пруссии обошлось русской казне в 380,975 р., – сумма по тогдашнему времени огромная. Большие суммы истрачены были и на водворение последовавших партий менонитов, устремившихся в Россию, как в обетованную страну. Одна иозефстальская колония в Новомосковском уезде получила 3,970 десятин. Немецким колонистам в С.-Петербургской губернии нарезано 6,447 десятин и на их устройство истрачено 204,818 рублей. Колонии шотландцев «Карась» близъ Пятигорска отведено 6,500 десятин и в числе множества льгот дано «покупать невольников из черкесов, закубанцев, и других нехристианских горских народов», какового права, колонисты

потребовали ещё до своего водворения. В 1809 г. на водворение всего-навсего 91 семейства из бывшего герцогства Варшавского истрачено, отчасти благодаря перемене в выборе места для колонии, – 574,303 рубля 371 червонец. На поселение в 1819 г. 24 семейств Бергских переселенцев около Царского Села отпущено по три тысячи на каждое семейство, кроме постройки им казной домов. 18,000 десятин в Грузии, 10,000 десятин в Крыму для католического общества „Frères de la Rédemption“, 669,521 десятина для мариупольских греческих колонистов (по 67 десятин на душу, тогда как коренным русским жителям предоставлено было всего по 15 десятин); сложение казённого долга с грузин и греков в 412 т. рублей. По официальным данным только на одних новороссийских колонистов русская казна израсходовала 5,076,746 рублей и 10,400 червонцев. Розданы же были во всей России сотни тысяч десятин. В 1810 г. комитет, учреждённый „для сокращения издержек“, справедливо заметил, что первоначальное обзаведение одной колонистской семьёй стоило около пяти тысяч рублей, каковой суммы, по мнению комитета, могло бы быть достаточно «на переселение семей 50 российских крестьян к существенной пользе самих их и государства». В 1819 г. комитет министров постановил «пресечь дальнейшее переселение в Россию иностранных выходцев».

⁷⁰ - Циферблат был виден и во время моего посещения.

⁷¹ - Многие иконы находятся на вышке этой церкви, а в церкви нет решительно ни одного пустого места.

⁷² - Да и приезжает-то Пармен к нашим раскольникам не ранее, как получит из Петербурга от покровителя и заступника их, известного извозопромышленника Д., (бывший бурмистр графа Д-нова) приглашение со вложением 50–100 руб. Евангельское немздоприимство!?

⁷³ - Желая быть беспристрастными, мы не можем не отметить, к сожалению, фактов и нежелательных в деле ведения публичных бесед. В Вятских Еп. Вед. в отделе «Ответы редакции» даётся между прочим такое разъяснение одному священнику-миссионеру, желавшему свою беседу с раскольниками напечатать: «Жестокословные порицания на

раскольников настойчивая попытка уловить их в богострастной ереси, общие фразы и т. п. едва ли можно признать полемическими приёмами, достойными подражания. Поэтому неудивительно, что ваша «речь была прервана» шумом, а «в скором времени после этой беседы» вы получили известие, что жена одного из тех раскольников, с которым вы беседовали, «разбивает благие намерения православных жителей своими лже-учениями» (№ 8 за 1899 г.) Судя по этому ответу, священник-миссионер или совсем новичок в деле, почему ему нужно было бы побольше послушать бесед, или неспособен их вести, что налагает обязанность на руководителей миссией быть осторожнее в поручении священникам вести публичные беседы. – В другом месте, в хронике епархиальной миссии, где приводится собеседование миссионера с раскольниками, мы прочли таковой вопрос первого к последним: «Есть ли в вашем (т. е. старообрядческом) обществе церковь с трёхчинной иерархией и таинствами»? Это уже вопрос епархиального миссионера и, кажется, не новичка в деле. Извращая самим вопросом понятие о церкви, он затемняет им свою мысль и запутывает, своего и без того, вероятно, не особенно толкового собеседника. Одно из первых правил миссии повелевает ставить вопросы как можно яснее толковее и понятнее.

⁷⁴ - Так в Москве раскольники называют почитателей своего лже-архиерея и вообще женщин, радеющих на пользу «древнего благочестия».

⁷⁵ - Вот эта новая, смелая, если не сказать более, выходка одного из современных главарей раскола. – «Письмо в редакцию. В редактируемой вами газете, в № 698 за текущий год, мне довелось прочесть под рубрикой «Хроника» заметку о моих и г. Усова беседах (?) с екатеринбургскими старообрядцами (вопросы и курсив везде наши). Эта заметка содержит, кроме некоторых неточностей, тяжкую клевету на меня. Она, со слов «Миссионерского Обозрения», утверждает, что я «на публичных беседах в городе Измаиле 31 января и 2 февраля 1894 г. с синодальным миссионером Крючковым договорился не только до кощунства и богохульства, но и до поношения власти и оскорбления Царского Величества». В

опровержение этой несправедливости я сошлюсь на описание поименованных бесед, составленное и изданное отдельной брошюрой принимавшим участие в измайльских беседах г. Маргаритовым, преподавателем Кишинёвской семинарии. На 3-й странице этой брошюры говорится, что беседы с Крючковым вёл не я, а мой брат, Василий Мельников; на последних же страницах сообщается, что мы, братья Мельниковы, были преданы суду не за богохульство и не за поношение Царствующих Особ, а лишь за то, что на беседах 2 февраля осмелились сделать нападки (?) на православие. То же подтверждают полицейские и судебные протоколы; это-же доказывает и судебный приговор Кишинёвского окружного суда, состоявшийся 6 апреля 1894 г. Кто знаком со старообрядчеством, с его чувствами, его неограниченной (?) преданностью престолу и отечеству, тот никогда не поверит, что бы старообрядцы решились на публичных беседах оскорблять Царское Величество. На миссионерских беседах решаются вопросы религиозные, а не политические и на них не бывает никакого повода говорить и рассуждать о Царствующем доме, перед которым старообрядцы благоговейно, как и все русские люди, что отмечено и самим правительством и что сознают желающие блага и мира нашему отечеству. Лишь враги его дерзают клеветать, из каких-то расчётов, на своих однокровных и единоплеменных братьев. Заметка в хронике «Урала» ссылается на «Миссионерское Обозрение». По поводу этой ссылки замечу, что против редактора означенного журнала мной предъявлено обвинение в клевете. Настоящее возражение моё почтительнейше прошу вас, м. г., поместить на столбцах вашей газеты. Фёдор Мельников»). Это «Письмо в Редакцию» раскольничьего апологета в своём роде знамение нашею времени. Г. Мельников печатно сознаётся, что он (постоянный житель Черниговской губернии), ведёт беседы с екатеринбургскими раскольниками, а местный епархиальный миссионер сообщает нам, что г. Мельников открыто пропагандирует среди жителей этой епархии лжеучение своей секты, разъезжая по сёлам, в качестве раскольничьего миссионера. Но ст. 44 основных законов Российской империи

ведь гласит, что распространение вероучения (миссия) допускается в России только одной господствующей, т. е. православной Церкви. Иначе сказать, Мельников сам, ничтоже сумняся, – заявляет о преступных действиях своих по распространению раскола, предусматриваемых Улож. о наказ. Сам же затем сознаётся, что на измайльских беседах «делал нападки на православие», а нас обвиняет в клевете за то, что в «Миссионерском Обозрении» сообщено об этих кощунственных нападках. За сим г. Мельников распинается в письме в преданности Царю и Отечеству и – это тот Мельников, который воровски бежал за границу, спасаясь от законного преследования за уклонение от воинской службы – а в письмах из-за-границы ругает Россию «разбойничьей», «варварской». Что ж, готовы занять и мы, по примеру редактора «Брат. Слово», скамью подсудимых, по обвинению вождей раскола. Только не забыл ли г. Мельников навести ещё справку и в том учреждении, которое ведаёт делами о так называемых «глупых» оскорблениях Верховной власти? А также не пожелает ли наш обвинитель пока до суда, на столбцах хотя бы того же «Урала», объяснить, кого это он на измайльских беседах называл «тухлой головой» православной Церкви? Пока довольно. – Редактор.

⁷⁶ - В списке, представленном молоканином Сорокиным в миссионерский съезд, в числе проповедовавших штунду в с. Астраханке значатся следующие лица; сирийцы: Яков Реляков, Сергей Богдасаров, армянин Амеркиянец; немцы: Виллер, Каргфль, Фризен, Фаст, Мюллер еврей Брун. Дворянин Пашков, два раза проживавший здесь по несколько месяцев с проповедью лжеучения своего. Интеллигенты: Гуренович, братья Алехины; крестьяне и мещане: Павлов, Воронин, Богданов, Иванов, Домакин, Рябошапка, главарь херсонской штунды, Кушнаренок, екатер. штунды, Четвертин, саратов. штунды, Ратушный, Балабан, Чечеткин, Брусков и др.

⁷⁷ - См. реферат А.Л. Высотского, «Миссионерск. Обозр.» 1897 г. Октябрь, Деяния Казанского Миссионерского Съезда.

⁷⁸ - Под руководством В.М. Скворцова, в составе преподавателя Семинарии по кафедре раскола А.Л. Высотского, Таврического Епархиального миссионера свящ. п. Тихвинского и

Екатеринославского Епархиального миссионера магистра богословия, А.Я. Дородницына, вызванного В.М. скворцовым в качестве своего сотрудника

⁷⁹ - вероизложение это в своё время будет опубликовано на стр. «Мисс, Обзор.».

⁸⁰ - Например, под видом командировок на 2–3 месяца того или другого из наиболее опытных полемистов разных епархий. Ред.

⁸¹ - «Миссионерское Обозрение» охотно с своей стороны предоставляет свои страницы для печатного обсуждения настоящего вопроса pro и contra. – Ред.

⁸² - Аф. Недобой – первый плясун на радениях, у него и теперь имеется знак пребывания его в хлыстовщине. Увлечшись на одном радении «работой» и лишившись сознания, он потерял равновесие и так хватил лбом о гвоздь, вбитый возле окна, что загнал его ещё дальше в стену. С той поры он и носит на лбу шишку.

⁸³ - Как потом оказалось, – узелки с рубахами для радений и гостинцами для взаимных угощений в виде разных сладостей.

⁸⁴ - О. Игнатий Зубов, бывший окружной миссионер, ныне настоятель собора в г. Николаеве.

⁸⁵ - В Херсонской губ. хлыстов до последнего времени ошибочно именовали молоканами на том основании, что они не едят мяса, а употребляют в большом количестве молоко и всё молочное.

⁸⁶ - В виду важности вопроса, всякое выяснение его полезно. Поэтому-то печатается и настоящая статья, хотя только отчасти, но оригинально и основательно разрешающая его со взятой автором стороны. Ред.

⁸⁷ - Это неправда. Как только до п. Анфима дошли сведения о бегстве и. Амвросия в Буковину, то он, в грамоте на имя православного Карловицкого м. Иосифа, писал, что м. Амвросий за своё бегство подлежит суду и не может канонически совершать архиерейские священнодействия. (См. историю Белокрыницкого священства. В. Субботина. В 2-ой стр. 119–122). Ред.

⁸⁸ - Не ясно, об ответе какого патриарха речь идёт. В 1892 году, напр., патриарх и Синод вместе произнесли суд над м. Амвросием. Ред.

⁸⁹ - Письмо это о. Н.К-ва передано самим покойным о. архимандритом Павлом проживающему в монастыре Е. А. Антонову, с поручением сделать ответ... Автор.

⁹⁰ - Подобно этому говорить известный новый раскольнический писатель В. Механиков по поводу «Окружного Послания», защищая имя Спасителя – Иисус: «Если, говорит он, признавать, на что нет никакого основания, что, произнося имя «Иисус», господствующая церковь верует и проповедует другого «Иисуса» – другого Бога; то что же будет её священство? Не должны ли и мы будем бросить такое священство и бросить против обетования Христова навсегда (потому что на самих раскольниках не исполняется это обетование Христова) и идти в беспоповцы, где нет и не должно быть никакого спасения» («Воззвание к бывшим братьям нашим по вере» – беглопоповцам, л. 46. «Генваря 1891 года»)?

⁹¹ - См. «Мис. Обзор.» 1899 г., июль–август, стр. 32–39.

⁹² - Т. е. корове.

⁹³ - Т. е. будь овцой.

⁹⁴ - У раскольников в обычае в компаниях и под выпивкой петь церковные стихиры и догматики. Народных песен они не знают и не поют. Авт.

⁹⁵ - Всё последующее рассказывается со слов Легашева. Авт.

⁹⁶ - См. «Мис. Обзор.» май 1899 г. стр. 576–580.

⁹⁷ - Пусть решит читатель-брат, где именно испытываются им: чувства гнева, досады, печали, зависти, любви, похоти, негодования, – наружу ли это происходит, где-нибудь во внешнем мире, или внутри – в душе – сердце. Только через внимание можно нащупать сердце, место сердечное, в пространстве которого должна раздаваться членораздельно и жалобно молитва Иисусова, рассеивающая все скорби, печали и недоумения. Советуем и умоляем испытать это опытно каждого, пока ещё мы на сём свете.

⁹⁸ - Всё касающееся души – неисповедимо и, если понятно для других может быть выражено, то только потому, что у каждого человека есть душа, в неисследимых таинственных недрах которой каждый испытывал и скорби от демонов, страстей и злых людей, и помощь от Бога Христа.

⁹⁹ - Спас трёх отроков в «седмерицею» разожжённой печи Вавилонской; восхитил на небо с телом пророка Илию; воодушевлял Моисея, провещал Синайское десятословие среди громов и молний.

¹⁰⁰ - См. «Миссионер Обзор.» 1899 г., июль–август, стр. 70–95.

¹⁰¹ - Доклад этот напечатан в июль–августовской кн. «Мис. Обзор.». Прочие будут также помещены на стр. «Мис. Обзор.».

¹⁰² - Так, житие Святителя в первой части, хотя и изложено по св. Димитрию Ростовскому, но зато оно критически проверено и пополнено сведениями из других церковных писателей, – причём в настоящем житии опущены чудеса, отличающиеся прямым легендарным характером.

¹⁰³ - См. Мис. Обзор. 1899 г. Май стр. 515–623.

¹⁰⁴ - Ев. Ин.1:4, 6:63, 14:6; 1Кор.2:4; 2Кор.3:15. Ср. Евсевия „Praep. Evang. 1, 3. 1 c. p. 29. sr– g. in Patr. Curs. Compl. Migne. Tom. 21.

¹⁰⁵ - „Christliche Apologetik auf anthropol. Grundlage“ Erst Bd. 1872 г. s, 35. См. Чтение в Общ. Люб. Дух. пр. цит. соч. 1876 г. ч. стр. 249.

¹⁰⁶ - Творения Тертуллиана в рус. пер. Карнеева, ч. I, стр. 194. СПб. 1847 г.

¹⁰⁷ - Ibid, стр. 194–195.

¹⁰⁸ - Ibid., стр. 195–197.

¹⁰⁹ - Ibid, стр. 197–204. Ср. Вл. Августина «Об учителе» в рус. пер. т. II, стр. 469–473. Киев. 1880 г.

¹¹⁰ - «Слово о воплощении Бога Слова»... рус. пер. т. I, стр. 154–155; 123–124; 149. Москва 1851 г.

¹¹¹ - «Слово в память священно-муч. Вавилы» рус. пер. т. I, стр. 147 и след. см. Приб. к Твор. Св. Отцев. 1872 г. XXV стр.

696.

¹¹² - Т. III, стр. 5, рус. пер. Москва 1844 г.

¹¹³ - См. «Философия Отцов и Учителей Церкви»
Скворцова, Введение стр. X. Киев 1868 г.

¹¹⁴ - Orig. Contr. Cels. III. 59 и 75. См. Реверсова, „Очерк
Запад. апологетич. литерат. II-го и III-го вв“. Правос. Собес.
1892 г., ч. I., стр. 181.

¹¹⁵ - Творения Св. Афанасия, т. II, стр. 163–166, 464–466; т.
I, стр. 318, рус. пер. Москва 1851–52 гг.

¹¹⁶ - *ibid*, т. II, стр. 292–291; Т. I, стр. 319–321.

¹¹⁷ - *Ibid*, т. II. стр. 284–290; 295–297; т. I, стр. 321–325.

¹¹⁸ - *Ibid*, т. II. стр. 287–288; 298–304; 327–330.

¹¹⁹ - В его известном, например, апологетическом труде:
«Слово о воплощении Бога-Слова и о пришествии Его к нам во
плотп» чисто философски (из понятия о Боге и человеке)
доказывается, что воплощение Сына Божия было необходимо,
возможно и вполне достойно Бога и пр. (Рус. пер. 79 и след.).
Ср. сочинение его же: „Слово на язычников“ (*ibid*, стр. 1–79)

¹²⁰ - См. Н. П. Рождественского, „Очерк истории христ.
апологетики и современной постановки её в западной богосл.
литературе“ Христ. Чтение 1873 г., ч. III, стр. 220 и след.

¹²¹ - „Строматы“ (в рус. пер. Корсунского. Ярославль 1892
г.), кн. VI, гл. 14, стр. 730; кн. I, гл. 5' стр. 30–31; Ср. кн. I, гл. 16,
стр. 89.

¹²² - „Наставление юношам, как пользоваться языческими
писателями“. В Христ. Чтении 1829 г., ч. XXXIII, стр. 33 и 29 Ср.
Гр. Богослова, т. V, стр. 274, рус. пер. Москва 1847 г. Бл.
Августина „Христ. Наука“, кн. 2, гл. LX, стр. 153–154; рус. пер.
Киев 1835 г. и мн. др.

¹²³ - Правда, есть мнение в святоотеческой литературе
насчёт язычества и такое, что оно произошло по действию
демонов и что служение богам есть служение демоном (у
Евсевия: „Praep. Evang. I, 9; IV-4; у бл. Августина „De civit Dei“ II,
20, 29 и др). Но это мнение имеет в виду не всё язычество, а
только худший его элемент, враждебный христианству, тогда как
раннее нами приведённые святоотеческие свидетельства

говорят о том, что есть в язычестве лучшего, истинного, приготавливающего к принятию возвышенной христианской истины (См. цит. статья „Чтения в Общ. Люб. Дух. Просв.“ 1876 г., ч. 1, стр. 245–249).

¹²⁴ - См. Чтен. в Общ. Люб. Дух. Просв. 1876 г., ч. I, стр. 243.

¹²⁵ - См. «Миссионер. Обзор.» Сентябрь. кн., стр. 193–204.

¹²⁶ - В Херсонское губ. хлыстов до последнего времени ошибочно именовали молоканами на том основании, что они не едят мяса, а употребляют в большом количестве молоко и всё молочное.

¹²⁷ - Об обращении её было сообщено в «Церков. Вед.».

¹²⁸ - Сами уставы будут сообщены нами.

¹²⁹ - Примеч. сообщителя. Затем, что Бог создал нас не для смерти, а для жизни.

¹³⁰ - Лучше оправдаться не мраком неведения, а ясностью сознания в истине, при сознательных же подвигах в годах зрелости.

¹³¹ - Это нервное состояние от слишком развитого воображения, при келейной жизни.

¹³² - Не тебе одной, а всем.

¹³³ - Автограф рукописи находится у нас. Мы несколько исправили правописание и сделали незначительные редакционные поправки.

¹³⁴ - «Попытки штундистов к упорядочению своего богослужения». 563–566 стр. Ср. Дородницын. «Чем вреден штундизм». Чтение в общ. люб. дух. просв. 1893 г. Май.

¹³⁵ - Ср. Agende für die Evangelisch-Lutherischen Gemeinden im Russischen Reiche. 1854 j. Vdl. Gesangbuch für Evangelische Gemeinde im Russland nebet einem Anhang. St-Petersburg 1865 j. 1–9 s.

¹³⁶ - № 1 Риккера соответствует № 1 Gesangbuch'a; 2 = 200; 3 = 201; 4=205; 5=207 и т. д.

¹³⁷ - Например: № 3 «Открой сердца Ты чад твоих». «Herr öffne mir die Herzenstür». Weise: Herr Iesu Christ dich zu uns

wend. если гимн имеет свой напев, в оглавлении стоять: eigene weise.

¹³⁸ - Протестантское богослужение на русском языке иногда совершалось в Петербурге пастором Мазингом для обрусевших протестантов разных национальностей, что могло быть формальным основанием для издания.

¹³⁹ - Напевы штундисты изучили у немцев, которые весьма часто, особенно на первых порах, руководили пением на молитвенных собраниях русских сектантов.

¹⁴⁰ - Собственно, северная часть ныне – Тавр. губерния.

¹⁴¹ - См. «Мис. Обзор.» Сентябрь 1899 г. стр. 232–237.

¹⁴² - Совесть дарована и язычникам, и самым тёмным людям, так что все будем судимы и наказаны без одного исключения. Ведь хотя мы и крещены, и просвещены верой в воскресение, суд и воздаяние, и осведомлены о необходимости для спасения соблюдать заповеди и св. Евангелие, однако ежели совесть свою будем попираť, то лютейшим образом и неизбежно погибнем. Стало быть, и язычники должны быть все до одного судимы по закону совести, данной им Богом вместо «писанного закона». Оттого-то во всяком языке угоден Богу, творящий правду. Как бы это могло быть, если бы все люди не были одарены совестью? Чем-бы они различали правду от неправды и могли избрать правду. Если и язычников, поправших совесть блудом, пьянством, жестокостью Бог не пощадит от геенны, сообразим, что мы христиане потерпим за неправду?

¹⁴³ - «Лучше умру, чем согрешу». – вот единственная степень нехотения непреодолимая для плоти, демонов и прелестей мира.

¹⁴⁴ - А не просто ради Христа, Коего почитают сектанты за человека простого, т. е. грешника, нам подобного. Сектанты думают, что, когда их за безобразия и непокорность сажают в тюрьмы и ссылают, то они и «мученики». Нет! «незаконно» мучимые они «венчаны» не будут Богом.

¹⁴⁵ - См. «Мис. Обзор.» Июль–Август 1899 г., стр. 100–105.

¹⁴⁶ - См. «Мис. Обзор.» Сентябрь 1899 г. стр. 238–250.

¹⁴⁷ - Святая игуменья Афанасия, перед отшествием своим от сей жизни заповедала сёстрам своего монастыря поставлять в память её трапезу нищим до сорока дней. Случилось же, что сёстры только до десяти дней соблюдали завещание своей начальницы. Сие нерадение вызвало святую из другого мира. Явившись в видении, сопровождаемая двумя ангелами, некоторым из сестёр обители, она говорила им: «для чего вы преступили заповедь мою? да будет всем известно, что творимые до сорока дней, за душу усопшего, милостыни и питание алчущих умилоустивляют Бога. Если грешны души усопших, то через сие приемлют они от Господа отпущение грехов; если праведны, благотворительность за них служит ко спасению благотворителям» (Чет. Мни. 12 апр.) – У блаженного Кир-Луки был родной брат, который, и по вступлении в монашеский чин, мало заботился о душе своей. В состоянии такой беспечности постигла его смерть. Блаженный Лука, скорбя особенно о том, что брат его не приготовился, как должно, к смерти, молил Бога открыть его участь. Однажды видит старец душу брата во власти злых духов и тотчас после сего видения дослал осмотреть келью его. Посланные нашли там деньги и вещи, из чего старец уразумел, что душа его брата страдает, между прочим, за нарушение обета нестяжания. Всё найденное старец отдал нищим. После сего, во время молитвы, старцу открылось судилище, на котором Ангелы света спорят с духами злобы о душе усопшего брата. Старец слышит вопль злых духов: «душа наша, она творила дела наши!» Но Ангелы говорят им, что она избавляется от власти их милостыней, розданной за неё; на сие духи злобы возразили: разве усопший роздал милостыню? не этот ли старец? и указывали на Луку. Блаженный подвижник отвечал: да, я сотворил милостыню, но не за себя, а за сию душу. Поруганные духи, услышав ответ старца, рассеялись, а старец, успокоенный видением, перестал сомневаться и скорбеть об участи брата (Пролог 12 августа). Другой пример. «Однажды, рассказывает мученица 3-го века – святая Перпетуя, в темнице, во время общей молитвы, я нечаянно произнесла имя умершего моего брата Динократа. Вразумлённая этой нечаянностью, начала я молиться и

воздыхать о нём перед Богом. В следующую ночь были мне видения. Вижу я, будто из тёмного места выходит Динократ в сильном жару и мучимый жаждой, нечистый видом и бледный; на лице его рана, с которой он умер. Между им и мной была глубокая пропасть и мы не могли приблизиться друг к другу. А подле того места, где Динократ стоял, был полный водоём, которого край был гораздо выше, чем рост моего брата, и Динократ вытягивался, стараясь достать воды. Я жалела, что высота края препятствует моему брату напиться. Тотчас после сего я проснулась и познала, что брат мой в муках. Но, веруя, что молитва может ему помочь в страданиях, я все дни и ночи в темнице молилась с воплем и рыданиями, чтобы он был мне дарован. В тот день, в который мы оставались связанными в оковах, было мне новое явление: место, которое я прежде видела тёмным, соделалось светлым, и Динократ, чистый лицом и в прекрасной одежде, наслаждался прохладой. Где у него была рана, там вижу только след её, а край водоёма теперь был вышиной не более, как по пояс отроку, и он мог без труда доставать оттуда воду. На краю золотая чаша, полная воды. Динократ, подошедши, стал из неё пить, вода в ней не уменьшалась. Насытившись, он отошёл и начал веселиться. Сим видение и кончилось. Тогда я уразумела, что он освобождён от наказания» (Деян, мучен. глав. VII и VIII, издан. 1802 г. стр. 210 и 211). – А вот и примеры, которые тебе покажут, что именно тут действует власть Церкви земной и ради неё Господь приклоняется к умершему Своим милосердием. Святой Григорий Двоеслов, уважаемый всем миром христианским, рассказывает в своих беседах, как известному в его время благочестивому пресвитеру явился один преставившийся христианин и просил совершить за упокой его души бескровную жертву. К этой просьбе явившийся присовокупил, что если священная жертва облегчит его участь, то он уже, в знамение сего, не явится ему более. Священник Христов исполнил его требование и нового явления не последовало (Бесед. Григор. Двоесл. кн. 11, гл. 23). Ещё. «Во время жизни преподобного Венедикта», рассказывает сей же святитель, «были две постницы, которые, славясь святостью жизни, имели несчастную

страсть говорить много, и много ложного, и вредного. Святой старец умолял их удерживать свой язык и за непослушание угрожал им отлучением. Но они не оставили укоренившейся привычки и через несколько времени умерли, отлучённые, согласно угрозы праведника. Как постницы, они погребены были в церкви, но, как отлучённые, не могли оставаться в ней. Когда диакон во время литургии возглашал: «оглашенные изыдите», — они, как открыто было некоторым из христиан, выходили вон из церкви. Узнав о сём, св. Венедикт дослал в церковь, где они были погребены, просфору, приказавши вынуть из неё часть за упокой душ их и поминать имена их при совершении животворящих и страшных тайн. Так как после сего никто не видел, чтобы они выходили из церкви, то верные уразумели, что заупокойной жертвой, принесённой за них, по желанию раба Божия, они получили от Бога прощение». Чтобы лучше уразуметь силу бескровной жертвы за души отшедших, я приведу тебе ещё один духовный опыт из жизни св. Григория Двоеслова, им самим рассказанный. «В монастыре моём» говорит св. Григорий Двоеслов, „был брат Иуст, занимавшийся врачебным искусством. Он впал в тяжкую болезнь, и когда уже не осталось ни малейшей надежды к выздоровлению, то другие братья, разбирая его вещи, в одном лекарстве нашли скрытые им златницы. Это было донесено мне. Я, чтобы временным наказанием очистить брата от греха корыстолюбия, и чтобы привести в страх других, приказал отлучить брата, доколе он ещё жив, от общения с прочей братией монастыря, а по смерти похоронить вместе с тремя златницами вдали от братских могил и лишить его церковных молитв в продолжение тридцати дней. Как я приказал, так и было сделано. По прошествии тридцати дней отлучения, во мне пробудилось чувство сострадания и любви к несчастному брату, и, желая его избавить от мучений за гробом, я дал другое приказание, чтобы в течение других тридцати дней совершаема была молитва за упокой души его. В ночь последней заупокойной литургии, умерший является своему брату и говорит ему: «доселе худо мне было, но теперь я благополучен, потому что сегодня получил приобщение. Таким образом, через совершение спасительной бескровной жертвы,

усопший брат избег наказания», заключает свой рассказ св. отец (Беседа его книг. IV, глав. 55).

¹⁴⁸ - Святой Иоанн Милостивый, архиерей Божий, патриарх Александрийский, рассказывает следующее. «Один христианский пленник посажен был персами в темницу. Некоторые из сотоварищей его, убежав из Персии и пришедши в Кипр, уверяли родителей пленного, что сын их уже умер, и они сами (сотоварищи) погребли его. Вследствие сего начали совершать поминовение по усопшем – три раза в году. Но через четыре года является сам мнимоумерший и, узнавши, что столько-то времени молились о нём, как об усопшем, спрашивает, в какие дни года совершалось о нём поминовение? Родители отвечали: на праздник Богоявления, на Пасху и на день Пятидесятницы. Тогда возвратившийся пленник сказал родителям: точно в эти дни приходил ко мне какой-то светоносный муж, разрешал от оков, выводил из темницы, и я мог целый день прохаживаться; на другой же день я опять обретался в темнице и в оковах» («Воскреси. Чт.», ч. V, из жизнеописаний его у Леонтия, епископа Кипрского). Если Господь живого освобождал из темницы видимой по молитве ближних, то, по их же молитве, тем скорее может освободить от большего несчастья ближних наших по нашим молитвам, – от уз и адского плена.

¹⁴⁹ - См. «Мис. Обзор.» Сентябрь 1899 г., стр. 250–257.

¹⁵⁰ - Циркуляр этот был напечатан в Миссионер. Обзрении 1898 г.

¹⁵¹ - Окончание. См. «Миссионер. Обзор.» Март, стр. 301.

¹⁵² - Как часто мы, пастыри, в этом отношении бываем невнимательны и не вдумчивы. Вот, например, «Слово в Великий Пяток». Кто из нас не считает своим неперменным долгом произнести слово перед Плащаницей? А между тем чьё слово по своему содержанию и глубине чувства выражает в это время одушевляющее всех настроение? У Плащаницы, по нашему разумению, если говорить, то надо говорить так, чтобы вся церковь плакала, а иначе лучше не говорить.

¹⁵³ - Что такое вдумчивое отношение к своему слову может показать следующий пример: один очень чтимый пастырь и проповедник, приехавши в тюрьму, где его ожидали заключенные с радостью, нетерпением, сказал за богослужением проповедь очень суровую и обличительную. Впечатление получилось чрезвычайно удручающее и тягостное. Почему? В другое время, это слово было бы полезно и кстати, теперь же, когда сердца раскрыты были для радости и утешения, жесткое слово проповедника внесло в них болезненное огорчение и заставило закрыться.

¹⁵⁴ - Моск. Церк. Ведом. 1896 г., № 48.

¹⁵⁵ - Насколько серьёзное явление в церковно-общественной нашей современности представляет собой подобная игра в народные чтения и картинки, — к сведению духовенства сообщим следующий несомненный факт. В одной из центральных губерний нашёлся меценат народного просвещения — дворянин, помещик из либеральных прогрессистов. Он взял под своё покровительство что-то около 7 школ Министерства Народного Просвещения, сам платил и учителям и законоучителям, причём последних просил не очень утомлять себя фактическим преподаванием, в уповании, что учителя де будут иметь попечение о Законе Божиим. В видах вящего развития самосознания в молодом и взрослом поколении, при опекаемых школах сей меценат организовал чтения с картинами по естествознанию, физике, космогонии и сам периодически обзирал школы, читая лекции. Инспирированные и подобранные в его духе учителя были усердными проповедниками идей мецената и в школе, и в народе. Отцы законоучители одни по незнанию, другие по забитости — не дерзали поднять голос в обличение опасных затей мецената. Дело развращения может, быть и ещё долго бы таилось, если бы дерзновение просветителей, не дошло до такой наглости, что в одной школе меценатом назначена была ёлка под 6 января — «на свечи», а в другой школе, стоявшей на погосте, в один из поминальных церковных дней, и когда священник и прихожане служили панихиду по умершим отцам и

праотцам, из растворённых окон школы демонстративно раздавалось залихватское пение: «во лузьях». Ред.

¹⁵⁶ - Заботясь главным образом и по преимуществу о духовное стороне жизни спасаемых, православная миссия в тоже время всегда была и должна быть и патриотичной, а потому вопрос о возможно более тесном и искреннем общении и единении инородцев и окраинских народов, составляющих великую Русь, – с общерусской жизнью и культурой – не может быть посторонним и безразличным. Само уже православие – есть зиждущая сила в государственное жизни и инородческая народная среда, чуждая недомыслия и узкости интеллигентных сепаратистов, приобщившись по вере единой православной русской семье, считает за честь и счастье владеть языком общего отечества и жить по обычаям и началам русского православного человека. Сами благоразумные инородцы и окраинцы ставят в упрёк, что истекшие века и полувека жизни под русской православной державой не приобщили их благам истинно русской православной жизни. Ред.

¹⁵⁷ - Положение «начала» перед службой само собой разумеется, так как у старообрядцев он имеет великое значение и всегда, полагается в начале каждой службы и конце её. Авт.

¹⁵⁸ - Во многих обществах старообрядцев той же секты, когда всенощное совершается с вечера, полунощница не читается. Вот и разница в обрядах между самими же старообрядцами. Целую службу не выполняют, не только букву. И раскольники не делятся из-за этого. Авт.

¹⁵⁹ - В некоторых местах Калужской губ. после земного поклона священник говорит ещё: «Христос посреде нас», на что старообрядец отвечает: «Есть и будет». Ред.

¹⁶⁰ - В Калужской губ., напр., этого переодевания не бывает Ред.

¹⁶¹ - И этого нет. Ред.

¹⁶² - Раскольники гнушаются этой молитвой, считают её сочинением патриарха Никона, а она находится в их же книгах. См. Кириллову книгу, служебн. патр. Иосиф, в 1-й лист 552 об.

новой печати, и во 2-й л. 69 об, «Устав божественные службы Иоанна Златоустого». Авт.

¹⁶³ - Молитвы эти читаются перед царскими дверьми. Ред.

¹⁶⁴ - У старообрядцев не принято раздеваться в самой моленной, а снимают всё платье в кельях. В моленную идут в одном кафтане, готовые к молитве. И священник, придя к литургии, не входит в алтарь до положенного времени. Авт.

¹⁶⁵ - При мне даже был такой случай: полез сторож на такой лестнице к образу, стал прилеплять свечку, вдруг «невыразимые-то» и спустились. Пуговка оторвалась, а он был в одном нижнем белье, без халата, только что пришёл из деревни. Служба прекратилась; произошёл гомерический хохот на всю моленную; женщины закрылись платками, старухи крестились и плевали. Сторож стоял со свечкой, не зная, что делать. Нагнулся, чтобы натянуть невыразимые, вышло хуже. — «Слезай! Слезай, оглашенный!» крикнул ему попечитель.

¹⁶⁶ - Кружка настолько мала размером, что в неё нельзя класть медную монету; да никто и не даёт её. Самое меньшее опускают в неё 10–15 коп., большее 1–3 р. Ключ от кружки у священника, а собранное составляет его личный доход. Авт. (В других местах просфоры продаются по 5 коп. Ред.)

¹⁶⁷ - См. «Мисс. Обзор.» Октябр. кн. 1899 г., стр. 327–386.

¹⁶⁸ - Пусть знают хлысты, что я их не обманывал, а при свидетеле испытывал, чтобы показать прежде всего им самим их хлыстовское заблуждение. В этом испытании хлыстовские пророки совсем осрамили себя наглядно показав, что они — лжепророки, ибо 1) не узнали, кто я такой и ошибочно привяли меня за «брата»; 2) не узнали, откуда и зачем я к ним явился; 3) не узнали, что в продолжении всего времени их радений я наблюдал за ними; 4) не узнали, что Недобой, танцуя с ними, всё время смеялся над их верчением и плясками; 5) не узнали, каким образом я вышел из их падения; 6) не узнали меня и на публичной беседе, где нагло стали лгать, что они не сектанты, и что у них не бывает никаких радений, лгали в этом, крестясь и клянясь перед св. иконой, пока не были всенародно уличены во лжи. Хороши пророки, нечего сказать!

¹⁶⁹ - Об обращении её смотри «Церк. Вед.» 1898 г. № 4, а также в «собрании» наших сочинений. Казань 1898 г.

¹⁷⁰ - Об этом в непродолжительном времени имеет быть прочитаю вами публичная лекция.

¹⁷¹ - См. нашу Истор. раск.

¹⁷² - По понятиям бегунов, если бегуна спросить, как его зовут, и он назовёт своё имя, то через это уже отступником делается и должен нести правило (пост и поклоны) и быть в отлучении от общества.

¹⁷³ - Известные нам «жиловые» бегуны, отступники.

¹⁷⁴ - См. начало в мае за 99 год стр. 576: «страничка из исповеди».

¹⁷⁵ - С той поры уже третий год ежедневно поминаю в молитвах моих иеромонахов Аркадия, Феодосия, Иллариона (ныне покойного), иеродьяконов Иоасафа и Алексея, клиросного о. Николая.

¹⁷⁶ - Сего предела надо достигать тоже постепенно, а не резким скачком от беспросыпного спания к неспанию всенощному.

¹⁷⁷ - Слово «уставопищие» – отеческое, столь-же поэтически и красноречию составленное из двух корней («устав» и «пища»), как и иные словеса медвяные отеческие: «Верхотворен» (небесного круга верхотворче), чиноначалие и прочее.

¹⁷⁸ - Господь повелел давать, «ничесоже чающе». Но это о давании сказано, ибо давать «блаженнее, нежели принимать». Я же ощущал в окаянной душе, что весьма приятно принимать и очень не хочется отдавать. Это греховное состояние, которое и может выразиться обманом: «заемлет и не возвратит».

¹⁷⁹ - Разумею истинных монахов, а не образом ходящих. Лучше бы не родится на свет тем монахам, которые, одев монашеское ангельское одеяние, живут в своё полное удовольствие, служа брюху и мамоне. Но да не дерзнём осуждать их, ибо и таковым отверста дверь покаяния, и они могут войти в царство, оставив худое и взявшись за добро.

¹⁸⁰ - Писал я в журнале «Русское Богатство», руководимом Н. К. Михайловским, С. Кривенко и В. Т. Короленко, в «Неделе» Гайдебуровской, участвовал в издании вологодского сборника «Помочь» вместе с И. В. Засодонским.

¹⁸¹ - ...Так сказал Господь Саваоф: народ сей говорит: не пришло ещё время, не время – строить дом Господень... А вам самим время – жить в домах украшенных, тогда как дом сей в запустении...

¹⁸² - Хотя беседа эта и нисана высокопреосв. Аркадием ранее 1841 года, но вполне сохранила свой интерес и теперь. А по простоте, ясности и живости ведения её, она и теперь может служить образцом беседы. Редакция.

¹⁸³ - Относительно этого Преосвященный Назарий заметил; «Я только об этом и думаю».

¹⁸⁴ - Совершению согласно с этим последним сделали постановления и петербургские собрания. Э. О.

¹⁸⁵ - Автор желал бы сохранить за сектантами название «немоляи», как они называются в Сарапульском викариатстве. Но, одно дело простонародное название и другое – научное, литературное. Последнее не должно разнообразиться, чтоб не перепутать одних сектантов с другими и не мыслить под различными названиями одну секту. Для «немоляев» же в литературе утвердилось название «Немоляков»; его и должно дфржатьсян (см. Деяния 3 Миссион. съезда в Казани. Стр. 182 новое изд.). Редак.

¹⁸⁶ - См. «Миссион. Обзор.» 1899 г. Октябрь, стр. 314–326.

¹⁸⁷ - Т. I. кн. 2 стр. 605–606 рус. пер. СПб. 1895 г.

¹⁸⁸ - Т. III стр. 62. рус. пер. Москва 1846.

¹⁸⁹ - Кн. 7 гл. XXIII стр. 144–145 рус. пер. Карнеева ч. II. СПб. 1848. Ср. Бл. Августина: «О граде Божиим» кн. 22, гл. XXV–XXVIII стр. 414–420. рус. пер. т. VI Киев 1887 г.

¹⁹⁰ - Конечно, в известной мере экзегетический элемент может быть нужен и пригоден в каждом методе апологетического исследования, но более всего он необходим, прежде всего он нужен, вне всякого сомнения, в историко-сравнительном методе.

- ¹⁹¹ - Т. II стр. 212. рус. пер. Москва. 1852 г.
- ¹⁹² - Ibid. т. 2. стр. 380–384; 305 и след.
- ¹⁹³ - Ibid. Т. II стр. 386–387; 188–192; Ср. т. III стр. 66–57.
- ¹⁹⁴ - Особенно полно и обстоятельно это мнение развил Евсевий Панфил (См. его: «Praep. Evang». IX–XIV in Patr. Curs. Compl. Migne. t. 21 p. 680, 399).
- ¹⁹⁵ - См. Чтен. в Общ. Люб. Дух. Просв. 1876 г. ч. 1 стр. 240–241.
- ¹⁹⁶ - Бл. Августина: «Христ. Наука» кн. IV гл. 32. Смотрите начало нашей статьи.
- ¹⁹⁷ - Лактанций. «Божеств. Наст.» кн. I, гл. II стр. 8. рус. пер. Карнеева ч. I.
- ¹⁹⁸ - Творения св. Афанасия т. I стр. 79–99; 102–101; 138–116; рус. пер. Москва. 1851 г.
- ¹⁹⁹ - Ibid. стр. 124–138.
- ²⁰⁰ - Ibid. стр. 123–124; 154–155.
- ²⁰¹ - См. Мис. Обзор. ноябр. кн. стр. 433–451.
- ²⁰² - Казалось бы более целесообразным дать такое устройство женскому при Симбирской чувашской учительской школе училищу: во 1-х, его нужно совершенно отделить от мужской школы в учебно-педагогическом отношении и в хозяйственном содержании, оставивши его, если то возможно, в прежнем помещении в доме г. инспектора, за условную плату по договору. Во 2-х, высшее местное управление училищем представить местному Епископу и епархиальному Комитету Миссионерского Общества, как собрания совещательного, и именовать его впредь, напр., чувашское двухклассное женское духовное или миссионерское училище. В 3-х, ближайшее заведывание училищем, заботы о религиозно-нравственном воспитании учениц, надзор за их поведением и учебными занятиями поручить жене г. инспектора В. А. Яковлевой, как долгие годы стоявшей близко к училищу в качестве старшей учительницы, – с наименованием её начальницей училища. В 4-х, инспектора школы И Я. Яковлева, как учредителя училища, сделать почётным блюстителем училища. В 5-х, изменить наличный состав служащих в училище, с заменой

малоспособных лиц новыми, по усмотрению Преосвященного. В 6-х, оставить в училище курс учения четырёхгодичный, расширить во всех классах преподавание Закона Божия соответственно назначению училища, а по остальным учебным предметам составить определённые программы, по возможности, приблизительно к объёму программ женских епархиальных училищ. В 7-х, внутреннюю жизнь училища – поведение воспитанниц, их религиозно-нравственные обязанности определить правилами, принятыми в епархиальных женских училищах, а по окончании курса учения предоставить Епархиальному Училищному Совету назначать их, на правах учительниц народных школ, в школы церковно-приходские, грамоты и миссионерские.

²⁰³ - См. «Мис. Обзор.» Ноябрь – 1899 г. стр. 481.

²⁰⁴ - Во время Великого входа непременно все молящиеся надают ниц на землю и не торопятся вставать. Ред.

²⁰⁵ - При этом непременно соблюдается такой порядок: скачала причащают младенцев, потом отроков (мужского и женского пола – безразлично), мужчин, девиц п, наконец, женщин. И последняя из них (в некоторых местах) должна все оставшееся в сосуде допить. Ред.

²⁰⁶ - Необходимо заметить, что этот обычай не везде бывает.

²⁰⁷ - Мы опустили из виду сказать ранее о чтении правил раскольничьими иереями накануне праздника или заказной службы. Раскольничий иерей является в моленную в 3 часа дня и начинает чтение «правильных канонов». Это то самое, что у православных читается лицам, готовящимся ко св. причащению, и называется «Правилами». Сам священник делает только 7-ми поклонный начал и возглас, остальное всё читают уставщики моленной, или же кто-нибудь из усердствующих женщин. При моленной такие богомолки всегда есть. Во всё время правила священник сидит или беседует с кем-нибудь. Важным считается то, лишь бы прочитано было. Когда прочтутся «предначальные молитвы» к канонам, священник и др. слушающие «правило» – мужчины и женщины –

каждый расстёгивается, обнажает свою грудь, вынимает нательный крест и делает им осенение себя крестообразно. Затем, целует крест и прячет на своё место. Это целование креста, да ещё как делают его старообрядцы, не совсем удобно и вызывает улыбку... После этого читаются: канон Иисусу сладчайшему и вместе с ним Божией Матери – с акафистом. Далее читаются: Ангелу Хранителю и опять Божией Матери малый канон. Всё это кончается отпуском раскольничьего иерея. Это правило лже-священник обязательно выполняет, когда приступает к совершению литургии.

²⁰⁸ - См. «Миссион. Обзор.» Ноябрь. 1899 г., стр. 461–471.

²⁰⁹ - Потом оказалось, что прошение это писано было под диктовку каких-то двух барынь одним трактирным адвокатом, получившим от них и вознаграждение.

²¹⁰ - От ведомства Св. Синода был командирован чиновник особых поручений при г. синодальном обер-прокуроре В. М. Скворцов

²¹¹ - См. «Миссион. Обзор.» Ноябрь 1899 г. стр. 493–498

²¹² - Действительно, больше мы уже не видались со старушкой.

²¹³ - Неизвестный нам бегунский начетчик, имя которого старушка не раз упоминала.

²¹⁴ - Вот противоположность поведения мирян и рабов Божиих избранных. Миротлюбцы льнут, боготворят женщину, делая себе из неё кумира, идола, – рабы Божии бегут от женщин, когда дают обет девства, и боятся блуда больше смерти в то время, как грешники платят «бешеные» (какое характерное слово!) деньги за тело красивой кокетки.

²¹⁵ - Читатель-брат может отсюда судить, насколько был достоин Божеств. видения ангелов и насколько способен к тому – сей целомудренный муж, который перед строгими очами ангелов мог исповедать свою непорочность.

²¹⁶ - Опять читатель может заметить то дерзновение, на какое способен был тот муж, которого Многомилостивый Господь послал мне в наставники правой веры и благочестия: повелительно говорить ангелам Господа мог только тот, в душе

когого обитал за чистоту тела и ума Святой Дух, Создатель самих ангелов.

²¹⁷ - Замечательно, что ангелы Божии не обличили женщину в блуде, но предоставили ей самой исповедать о грехе. Это наука для нас грешных болтливых, спешащих бросать камни в других падших, – дабы мы не осмеивались разглашать по невозддержанию языка о чужих грехах и слабостях.

²¹⁸ - В Петровской Земледельческой Академии, известной мятежническим и революционным духом студентов (разумею её прошлое до 90 года, а настоящего не знаем) был ужаснейший случай: студент А. жил с двумя сёстрами родными, из коих одна узнав это, окончила самоубийством. К чести студентов надо сказать, что это событие всех возмутило, и был студенческий суд, осудивший А-ва.

²¹⁹ - Продолжение этих статей нашего ныне постоянного сотрудника, раскаявшегося «интеллигента-Толстовца» будет печататься в книжках «Мис. Обзор.» нового года, в форме записок. Автор, возвратив себе живую веру в Живого Бога Промыслителя и приобретя духовный опыт ценой величайших душевных страданий и посвятил всецело себя миссионерскому сеянию мужественного, искреннего слова правды, ничего не ища в жизни сей, кроме спасения своей души и духовной пользы ближним. А потому, надеемся, статьи его будут по сердцу нашим читателям. Ред.

²²⁰ - Долгом считаю оговориться, что раскольники редко сами заговаривают с миссионером, – приходится самому втягивать их в беседу. Я потому и привожу этот факт, как редкий. Интересен он и тем ещё, что раскольник выступает самоуверенно, хочет показать своё знание, умение говорить словами Священного Писания и на славянском языке.

²²¹ - В оригинале идет сбой нумерации страниц, текст разместили по смыслу. – Редакция Азбуки веры.

²²² - См. Мис. Обзор. февр. кн., 243 стр.

²²³ - Не говорим уже о косвенных местах слова Божия, на которых утверждается законность существования обряда умовения ног, напр., Мф.11:29; Ин.2:6; Рим.15:1–3 и друг.

²²⁴ - Редакция «Миссионер. Обзор.», по долгу своего служения делу вразумления и спасения заблуждающихся, охотно даёт место всегда и всем вопрошениям алчущих слова истины, – тем наипаче ответам духовно-умудрённого всероссийского пастыря и писателя обещавшего нам своё преосвященное участие. Ред.

²²⁵ - Юбилейный собор иерархов состоял из двух митрополитов (Киевского юбиляра и Московского), трёх архиепископов – Волынского Модеста, Херсонского Иустина, Тверского Димитрия – и епископов, из которых восемь – епархиальные преосвященные: – Воронежский – Анастасий, Подольский – Иринеи, Могилёвский – Мисаил, – Самарский – Гурий, Кишинёвский – Иаков, Архангельский – Иоанникий, Смоленский – Пётр, – прочие викарные.